

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Российское общество социологов
Межрегиональная общественная организация «Академия Гуманитарных Наук»

Международная научно-практическая конференция

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

19–20 ноября 2020 г.

Том 2

Нижний Новгород
2020 г.

УДК 316
ББК 60.5
С 69

Р е ц е н з е н т ы :

- Ростовская Тамара Керимовна* Доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия
- Толвайшиц Леонас Людвикович* Кандидат политических наук (PhD), профессор факультета дипломатии и безопасности Университета «Унион – Никола Тесла», г. Белград, Сербия

С 69 **Социальные процессы современной России** / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 2. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. – 678 с.

ISBN 978-5-93116-223-2 (Т. 2)
ISBN 978-5-93116-221-8

В сборнике представлены материалы научных исследований, обсуждавшихся на международной научно-практической конференции «Социальные процессы современной России» (19–20 ноября 2020 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-93116-223-3 (Т. 2)
ISBN 978-5-93116-221-8

В международной научно-практической конференции «Социальные процессы современной России» (19–20 ноября 2020 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского) участвовали исследователи, специалисты и практики из **19 стран** (Российская Федерация, Алжирская Народная Демократическая Республика, Великобритания, Федеративная Республика Германия, Италия, Иран, Испания, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Латвийская Республика, Литовская Республика, Республика Беларусь, Республика Ирак, Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Республика Сербия, Республика Таджикистан, Финляндия, Швеция), социологи, социальные работники, психологи, юристы, медицинские работники **31 города Российской Федерации** (Белгород, Волгоград, Городец, Дзержинск, Екатеринбург, Иваново, Иннополис, Иркутск, Казань, Киров, Княгинино, Курск, Москва, Н. Новгород, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Симферополь, Ставрополь, Уфа, Чебоксары, Челябинск, Якутск, Ярославль, п. Батагай-Алыта, с. Чурапча), **72 вузов, 37 организаций** (исследовательских центров, медицинских и социальных учреждений, НКО).

ЦЕЛИ КОНФЕРЕНЦИИ: обсуждение результатов исследований в области социологии, социальной работы, психологии, педагогики, юриспруденции, медицины, истории следующих проблем: трансформация социальных процессов постсоветской России; методы исследования социальных процессов: традиции и инновации; институты гражданского общества в социальных процессах; межинституциональное взаимодействие в социальных процессах; социальная безопасность личности, общества и государства; демографические вызовы 21 века; корпоративная социальная политика в системе трудовых отношений; цифровое неравенство: возрастной и гендерный аспекты; социальные проблемы в зеркале общественного мнения; социокультурные процессы современной России; высшая школа как субъект и объект социальных трансформаций; трансформации современной семьи: динамика и проблемы; от инфантильности до парентизации: междисциплинарные исследования современного детства; реабилитационная и социальная работа: понятийные дискурсы и векторы развития; социальная динамика здоровья; социальные сети мигрантских сообществ; современные тенденции функционирования физической культуры и спорта; социально-психологическая адаптация людей пенсионного и предпенсионного возраста к новым вызовам на рынке труда; практики конкуренции и кооперации в социально-экономическом взаимодействии; человеческий капитал в условиях изменения технологического уклада. Проблемы рассмотрены в международном, национальном и региональном аспектах.

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

- Саралиева**
Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Голубин**
Роман Викторович – декан факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Романовская**
Вера Борисовна – зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Судьин**
Сергей Александрович – зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Расположение материалов в сборнике продиктовано регламентом работы конференции: сначала тексты секционных докладов, затем выступлений на секциях.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ 2

СЕКЦИЯ 4

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

ДОКЛАДЫ

<i>Бочаров В.Ю., Вандышева Л.В., Митрофанова С.Ю.</i> Междисциплинарные исследования новых практик современного детства в эпоху цифровизации	14
<i>Бурганова Л.А., Юрьева О.В., Кукушкина О.Ю.</i> Отношение преподавателей и студентов к цифровизации образования	20
<i>Волохова Н.В., Обозная М.В.</i> Взаимосвязь новой цифровой экономики и традиционной культуры: социально-философский анализ	24
<i>Доброхлеб В.Г., Махрова О.Н.</i> Гендерный аспект цифрового неравенства	27
<i>Певная М.В., Федорова М.С.</i> Базовые характеристики метода виртуального моделирования в изучении культурно-исторического наследия городов и социального участия.....	30
<i>Подгорный Б.Б., Огурцова А.Ю.</i> Цифровая грамотность населения: возрастной и гендерный аспекты	35
<i>Ромашова И.Б.</i> Трансформация человеческого капитала в период перехода к цифровой экономике	40
<i>Хаджаев Х.С.</i> Роль человеческого капитала в условиях цифровизации.....	44
<i>Ходырева Е.А.</i> Оценка качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся в условиях цифровой трансформации высшей школы.....	48

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Былинская А.А.</i> Цифровой портрет российских регионов: методологические основания исследования.....	53
<i>Гапонова О.С., Гапонова Н.С.</i> Возрастные аспекты развития человеческого капитала в условиях изменения технологического уклада	57
<i>Исакова И.А.</i> Цифровой капитал: особенности концептуализации.....	61
<i>Исакова И.А., Кондратьева Е.В.</i> Цифровая компетентность пожилых клиентов социальной службы в сельской местности	67
<i>Местникова А.Е., Алексеева Г.Г., Явловская П.Е.</i> Цифровая трансформация-2020: организация дистанционного образования в ЧГИФКИС	71
<i>Тихоненкова С.Ю.</i> Социальное самочувствие пожилых людей в условиях цифровизации	75
<i>Шамал Сидик Мохаммед.</i> Роль цифровых коммуникаций в создании новых форм социальных отношений	78

СЕКЦИЯ 5
**НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СИСТЕМЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
И РЫНКА ТРУДА**

ДОКЛАДЫ

<i>Багирова А.П., Шубат О.М.</i> Прародительский труд в России: возможности применения статистических методов исследования	81
<i>Васильева Е.А.</i> Трансформация компетенций государственных служащих: социологический подход	85
<i>Воронин Г.Л., Крамер А.Д.</i> Динамика неформальной занятости в России: по данным RLMS-HSE 2002-2018 гг.	89
<i>Голенкова З.Т., Голусова Ю.В.</i> Самозанятые в структуре занятого населения России	93
<i>Захарова Л.Н., Савичева А.В., Чжу Лиучуан, Гадбеджи З.</i> Отношение к труду в национальных и организационных культурах России, Китая и Ирана (на примере студентов промышленных колледжей)	97
<i>Киселев И.Ю., Овчинникова Н.В., Смирнова А.Г.</i> Повышение пенсионного возраста и трудовые стратегии предпенсионеров	102
<i>Леонова И.С.</i> Идеи Урсулы Штаудингер в российских исследованиях	106
<i>Москалевич Г.Н.</i> Человеческий капитал предприятия как средство повышения его конкурентоспособности	111
<i>Прохорова М.В., Савичева А.В., Калинина М.А., Лисина В.С., Сорокина К.А.</i> Трудовой потенциал работников старше 50 лет	115
<i>Резанова Е.В.</i> Демографические и технологические вызовы в сфере труда	119
<i>Рушева А.В.</i> Направления развития корпоративной социальной политики в условиях качественных изменений природы трудовых отношений	123
<i>Удалов О.Ф., Маслова Т.Е.</i> Оценка краудфандинга как нового явления в финансировании предпринимательской деятельности	129
<i>Холмуминов А.Х.</i> Инвестиционный потенциал как фактор повышения конкурентоспособности ведущих отраслей экономики	134
<i>Шермухамедов Б.У.</i> Теоретические основы и зарубежный опыт укрепления депозитной базы коммерческих банков	136

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Артамонова В.В.</i> Геймификация как инструмент повышения трудовой мотивации в условиях цифровой трансформации общества	141
<i>Власкин В.Ю.</i> Особенности профориентационных установок солдат срочной службы на начальном этапе её прохождения	145
<i>Гинсбург М.В., Зиннатуллина И.И.</i> Профессиональное обучение как направление содействия занятости граждан предпенсионного возраста	150
<i>Дятлова Е.Н.</i> Трансформация идей о требованиях к личности менеджера государственного и муниципального управления	154

<i>Ермилова А.В.</i> Проблема социальной незащищенности пожилых людей, интегрированных в трудовые отношения.....	159
<i>Каримова Л.Ф.</i> Социальная поддержка трудовой занятости малообеспеченной молодежи Пензенской области.....	163
<i>Касаткина Н.П., Шумкова Н.В.</i> Путь в предпринимательство: возможности и барьеры для самозанятой молодежи	167
<i>Кузнецова Т.А., Медведева А.О.</i> Переход на удаленный режим работы как последствие пандемии	171
<i>Михайлова А.В.</i> Цифровые инструменты управления человеческими ресурсами в условиях Smart-экономики (региональный кейс)	175
<i>Мотькин Р.В.</i> Динамика социально-правовой роли арбитражного управляющего в современной России	178
<i>Неустроева А.Б., Хозеева В.С.</i> Проблемы организации трудовой занятости подростков в летний период (на примере п. Мохсоголлох Республики Саха (Якутия))	184
<i>Нуртдинов И.И., Зиннатуллина И.И.</i> Пути улучшения законодательства о непрерывном профессиональном образовании граждан предпенсионного возраста	188
<i>Орлов А.В., Орлова О.М., Башук Е.Н.</i> Социальный и культурный капитал как основа профориентации.....	192
<i>Осипова М.Е.</i> Социальная ответственность в деятельности водителей грузового транспорта Якутии	197
<i>Попель А.А.</i> О дивный новый мир: к вопросу трудоустройства молодежи в эпоху пандемии	200
<i>Сайгина Е.В.</i> Лидеры трудовых коллективов – основа человеческого капитала современных предприятий оборонного профиля.....	207
<i>Седлецкий А.В.</i> Изменение характера и содержания труда креативного класса в постиндустриальном обществе.....	211
<i>Черешова С.В.</i> Дифференциация субъектов родительского труда: практика и ожидания	215
<i>Шутова Н.В.</i> Корпоративная демографическая политика как способ повышения социальной эффективности стимулирования родительского труда работников предприятия	219

СЕКЦИЯ 6 СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ЗДОРОВЬЯ

ДОКЛАДЫ

<i>Ананьин С.А., Потапов А.А., Потапова (Чеснокова) Д.А.</i> Медико-демографический анализ самоубийств как причины смерти в России	223
<i>Буйлова Т.В., Северова Е.А., Иосько Н.В., Голубцова О.А.</i> Современные подходы к реабилитации больных в РФ	227

<i>Воронков К.И., Хаддат Эльхади.</i> Реабилитационная и ресоциализационная деятельность в Республике Алжир: теоретический аспект	231
<i>Кислицына О.А.</i> Практика деятельности общественных организаций в условиях пандемии COVID-19 и участие уполномоченного по правам человека в Нижегородской области в реализации гражданских инициатив.....	237
<i>Лаххайн Барбара</i> Почему работодатели заботятся о здоровье и благополучии сотрудников на рабочем месте?.....	243
<i>Ловцова Н.И.</i> Здоровые города и культура заботы о здоровье	247
<i>Матвеева Н.А., Максименко Е.О., Богомолова Е.С.</i> Морфофункциональный статус и функциональные резервы студентов г. Нижнего Новгорода.....	251
<i>Новоселова Е.Н.</i> Доступность здорового образа жизни в России: возможности и ограничения	255
<i>Фадеева И.М., Ушкин С.Г.</i> Динамика информированности населения Республики Мордовия о коронавирусной инфекции и ее восприятие в различных социально-демографических группах	259

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Баранова А.А.</i> Трансформация профессиональной миссии фармацевта.....	264
<i>Димитричева О.И.</i> Роль гелототерапии в борьбе с пандемией	267
<i>Дуванская М.К., Стратулат А.А.</i> Проблема осведомленности и отношения к ВИЧ-инфекции у жителей города Перми	271
<i>Заляев А.Р., Шаммазова Е.Ю.</i> COVID-19 VS трансформация системы здравоохранения.....	277
<i>Зверев Ю.П.</i> Применение современных антигравитационных технологий в восстановлении мобильности пациентов	281
<i>Зернов Д.В.</i> Социальные факторы и стратегии здоровьесберегающего поведения	285
<i>Елисеева С.Ю.</i> Нормы реципрокности и здоровье: анализ связи.....	288
<i>Ефанова О.А., Писклакова-Паркер М.П.</i> Социальные последствия COVID-19: гендерный аспект	292
<i>Кобзан О.В.</i> Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в процессе реабилитации и ресоциализации лиц, имеющих диагноз «Наркомания». Опыт Нижегородской области	296
<i>Кутявина Е.Е., Матвеева А.Е.</i> Практики «праздничного поведения» в контексте сохранения здоровья	300
<i>Левашов В.К., Шушпанова И.С., Новоженина О.П.</i> Тревоги и социально-политическая культура российского гражданского общества в условиях COVID-кризиса.....	303
<i>Макарова Т.А., Стручкова Х.И.</i> Организация кружка «Хапсагай» как основа формирования здорового образа жизни детей дошкольного возраста	308

<i>Оринчук А.В., Оринчук А.Н.</i> Анализ реализации принципов Олимпийского движения в современном спорте	312
<i>Телепаева Д.Ф.</i> Взаимодействие спортивных волонтеров с представителями власти: опыт России и Хорватии	317
<i>Тихомиров С.М.</i> Контркультура наркотизма как фактор, препятствующий ресоциализации лиц с наркотической зависимостью	321
<i>Цветкова Е.А., Прохорова М.В., Коровина Е.В., Скобелева Е.И.</i> Прогноз динамики представлений студентов о ЗОЖ под влиянием эпидемии коронавируса	325
<i>Чернова А.П., Ефанова О.А.</i> Здоровье современной российской молодежи в гендерном разрезе	329

СЕКЦИЯ 7 ТРАНСФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

ДОКЛАДЫ

Боссонг Хорст. Профессионализация социальной работы в Германии: рефлексия истории развития профессионального пространства	334
<i>Варызгина А.А., Гранберг Лео, Сэтре Анна-Мария</i> Адаптационные стратегии социально ориентированных НКО	361
<i>Григорьева И.А.</i> Активное старение перед вызовом пандемии COVID-19	364
<i>Дахин А.В.</i> Социальная политика: от «транзита» к «развитию»	368
<i>Климова С.В.</i> Социальные работники в социальном обслуживании: проблемные зоны	373
<i>Максимова М.Н., Гатауллина И.И.</i> Обеспечение эффективного функционирования системы комплексной реабилитации (абилитации) инвалидов	377
<i>Парфенова О.А.</i> Развитие волонтерской активности пожилых: от помощи на мероприятиях к помощи людям	382
<i>Петрова И.Э.</i> (Не)человеческая социальность: сетевые агенты и роботизированные системы	386
<i>Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Касымов О.К.</i> Денежные переводы таджикских трудовых мигрантов: вклад в социально-экономическое развитие	391

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Афзали Мехди.</i> Вклад эмиграции в социально-экономического развитие Ирана	395
<i>Бистяйкина Д.А., Панькова Е.Г., Соловьева Т.В.</i> Трансформация социального статуса ветеранов Великой Отечественной войны в современных социокультурных условиях	402

<i>Бодрова О.А.</i> Институционализированное взаимодействие в социальной сфере: изменения партнёрских практик	407
<i>Веселова П.В.</i> Низкий уровень информированности потребителей социальных услуг: культурные факторы.....	411
<i>Герасина А.А.</i> Проблема толерантного отношения к мигрантам.....	414
<i>Максимова М.Н., Афлетонова А.М.</i> Анализ технологий предоставления социальных услуг, направленных на социальную адаптацию, восстановление семейных связей и трудоустройство лиц БОМЖ	417
<i>Мигунова А.В., Сафронова Д.А.</i> Пожилые как объект, субъект и ресурс помощи.....	421
<i>Рябова Е.Н.</i> Применение методики контекстного обучения как одной из мер социальной поддержки потенциала пожилых людей	425
<i>Соловьева С.В.</i> Коллективный договор как социально-партнерский акт корпоративной социальной политики работодателя.....	429
<i>Фруль С.Г.</i> Социально-геронтологическое учреждение как условие активизации людей пожилого возраста	433
<i>Хазан М.Ю.</i> Социальная ответственность государственных и муниципальных служащих и новые формы ее реализации.....	436
<i>Шангин Н.В.</i> Участие в благотворительности представителей различных поколений в современной России	440
<i>Щерова Н.С.</i> Освещение социальной проблематики в юридических периодических изданиях в конце XIX века.....	444

СЕКЦИЯ 8

МОЛОДЕЖЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

ДОКЛАДЫ

<i>Бегинина И.А.</i> Социальные факторы репродуктивных практик: субъективное мнение молодежи.....	447
<i>Вишневецкий Ю.Р., Певная М.В., Телпаева Д.Ф., Южакова А.И.</i> COVID-19 и темпоральные установки российского студенчества: постановка проблемы.....	452
<i>Дулина Н.В.</i> Культурная память современной российской молодежи (на примере г. Волгограда).....	457
<i>Иванов О.И.</i> Человеческий потенциал и человеческий капитал NEET молодежи (молодежи, находящейся вне занятости и образования)	461
<i>Ивченков С.Г.</i> Возрастные различия в репродуктивных установках и практиках саратовской молодежи	464
<i>Иудин А.А., Привалов И.В.</i> Гендерные и возрастные особенности политических установок молодежи	468
<i>Немова О.А.</i> Значение музыки в повседневной жизни молодежи	472
<i>Новожилова О.А.</i> Проблемы молодых инвалидов как социально-возрастной группы	476

<i>Прохода В.А.</i> Установки по отношению к мигрантам молодежи России и других европейских стран	481
<i>Устинкин С.В.</i> Трансформация ценностных ориентаций молодежи Нижегородской области	485
<i>Щанина Е.В., Гладкова И.А.</i> Стратегии профессионального становления студенческой молодежи	490

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Батеева А.А.</i> Влияние социальной сети Facebook на психологическое благополучие детей и молодежи	494
<i>Безруков А.В.</i> Социальное самоопределение российской молодежи в пространстве аксиологических противоречий.....	498
<i>Канаева Л.П.</i> Реализация жизненной позиции воспитанника детского дома ..	502
<i>Карпов В.А.</i> Кидалтизм как социальный феномен.....	506
<i>Карулина А.А.</i> Влияние молодежных политических организаций на уровень политической грамотности молодежи	510
<i>Корж Н.В.</i> Патриотическое сознание как фактор консолидации российского общества.....	514
<i>Процев Д.А.</i> Депопуляция и старение населения малых городов России вследствие внутренней миграции молодежи	518
<i>Соболева А.В.</i> Особенности исследования молодёжных интернет сообществ.....	522
<i>Филипова А.Г.</i> Российские СМИ о волонтерстве и участии молодежи в решении социально значимых вопросов	526
<i>Шалютин Н.В.</i> Институционализация виртуальных сообществ как фактор формирования доверия в сетевом пространстве.....	530
<i>Шинкаренко Е.А.</i> Сценарии поиска работы молодежью в контексте трансформации рынка труда.....	534
<i>Шумкова Н.В., Медведева А.О.</i> Исследования исторической памяти: опыт применения метода фотоинтервью.....	540

СЕКЦИЯ 9 СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

ДОКЛАДЫ

<i>Владимиров В.В., Нериновская М.Р., Софронова Ю.Л.</i> Регулирование потребительских настроений на социально значимых рынках в условиях кризиса COVID-19 через управление коммуникациями (опыт пресс-службы Петербургского УФАС России)	544
<i>Голубин Р.В., Фролова А.А.</i> К вопросу о социально-психологической безопасности детей в семье	548

<i>Зеленев И.А.</i> Особенности уровня психологической безопасности современной российской молодежи	554
<i>Романовская В.Б., Аксенова Ю.Ю.</i> Обеспечение социальной безопасности личности, общества и государства как основная задача деятельности правоохранительных органов	559
<i>Стегний В.Н.</i> Осознание студенческой молодежью проблем безопасности страны: на примере отношения к 70 и 75-летию Победы	563
<i>Уваров И.А.</i> Социальная безопасность осужденных – специальное направление в организации пенитенциарной профилактики.....	566
<i>Шпилев Д.А.</i> Коррупция в современной России в восприятии различных социальных групп	570

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Когаловская А.С.</i> Проблемы социальной безопасности личности в современных условиях и пути ее укрепления.....	575
<i>Кострова Ю.А.</i> Ресурсы социальной работы в обеспечении социальной безопасности детей школьного возраста	579
<i>Моисеева Е.М.</i> Природно-техногенные катастрофы как новый вызов социально-экономической безопасности России	582
<i>Рогачев Д.Ю.</i> Неэтичное поведение как угроза социальной безопасности личности.....	587
<i>Романовская Л.Р., Коротеев В.Д.</i> Социальные нормы как основа социальной безопасности личности, общества и государства.....	592
<i>Романовская Л.Р., Сайфуллина К.П.</i> Проблемы обеспечения социальной безопасности и поддержки населения в условиях пандемии COVID-19	596
<i>Тарханова Е.С.</i> Социально-психологические аспекты кадровой безопасности организации	602
<i>Толкунов В.А.</i> Диагностика демографических угроз экономической безопасности Брянской области	607

АСПИРАНТСКАЯ ШКОЛА «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

<i>Данилов Д.А., Малинин М.В.</i> Портрет молодого парламентария: опыт биографического исследования	612
<i>Данилова Л.С.</i> Социальная ответственность бизнеса: взгляд российских исследователей	615
<i>Жукова О.Г.</i> Тенденции изменения поведения супружеских пар при расторжении брака в контексте семейно-правовых практик	620
<i>Кузнецова Н.М.</i> Социальная безопасность личности в условиях неопределенности.....	625

<i>Лакомова А.А.</i> Особенности образовательной (учебной) миграции в России.....	629
<i>Лакомова А.А.</i> Роль здоровья молодых трудовых мигрантов в их социальной адаптации (региональный аспект).....	633
<i>Павлова Е.Е.</i> Институт замещающей семьи в современной России: особенности и проблемы.....	637
<i>Ситникова И.В.</i> Дистанционное обучение в оценках стейкхолдеров.....	641
<i>Ставоровская Ю.Г.</i> Креативный стартап для пожилых людей как одна из форм досуга на пенсии.....	648
<i>Тюлюнова В.В.</i> Современные тенденции брачности и разводимости (на примере Нижегородской области).....	650
<i>Янак А.Л., Ивашечкина Д.Е., Рябинская Е.С.</i> Нижегородское студенчество о семье и родительстве.....	654
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	662

ДОКЛАДЫ

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЫХ ПРАКТИК
СОВРЕМЕННОГО ДЕТСТВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ**
**INTERDISCIPLINARY RESEARCHES OF NEW PRACTICES OF MODERN
CHILDHOOD IN THE ERA OF DIGITALIZATION**

В.Ю. Бочаров

*Самарский национальный исследовательский
университет им. С.П. Королева, г. Самара*

*Социологический институт Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
г. Санкт-Петербург*

Л.В. Вандышева,

*Самарский национальный исследовательский
университет им. С.П. Королева, г. Самара*

С.Ю. Митрофанова

*Самарский национальный исследовательский
университет им. С.П. Королева,*

*Самарский государственный технический университет,
г. Самара*

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University, Samara

The Sociological Institute of

the Federal Research Sociological Center of the RAS,

Saint Petersburg

L.V. Vandysheva

Samara National Research University, Samara

S.Yu. Mitrofanova

Samara National Research University,

Samara state technical University, Samara

Систематизированы новые социальные практики, возникающие преимущественно с начала XXI века в пространстве современного детства в эпоху цифровизации. Поднимается вопрос методологии, способной «уловить» меняющуюся цифровую реальность современного детства. Обсуждаются возможности классических социологических теорий и выросшей на их основе количественной методологии социологического исследования, а также возможности междисциплинарного подхода в анализе новых практик детства в цифровую эпоху.

In the article were systematized a set of new social practices that have emerged since the beginning of the XXI century in the space of modern childhood in the era of digitalization. The question of a methodology that can "catch up" the changing digital reality of modern childhood was raised. The possibilities of classical sociological theories and the quantitative methodology of sociological research that has grown up on their basis, as well as the possibilities of an interdisciplinary approach in the analysis of new practices of childhood in the digital age, were discussed.

Ключевые слова: цифровое общество, новые социальные практики, современное детство, изменение современного детства, методология исследований детства

Keywords: digital society, a new social practices, modern childhood, changing modern childhood, the methodology of childhood research

Современный социум характеризуют как цифровой, когда новые технологии проникают в повседневность каждого человека и тем самым переконструируют не только уровень индивидуальностей, но и существующий общественный порядок на уровне тотальности. Современная реальность приобретает такие эпитеты, как виртуальная, оцифрованная, дигитальная, электронная и подобные.

Цифровой формат общества изменяет и пространство детства, где возникают новые социальные практики [1]. Считаем, что изменения, происходящие в нем последние два-три десятилетия, являются следствием возникновения, развития и проникновения в детство новых технологий, новых средств коммуникации. Однако, эти процессы недостаточно отрефлексированы научным сообществом, нет четкого понимания того, как их исследовать.

Важно обратить внимание на сложность оценки происходящих изменений в силу того, что дети не являются гомогенной социальной группой и их практики обусловлены спецификой территории, уровнем дохода родителей, составом семьи, расовой и этнической принадлежностью. Все это свидетельствует о необходимости использования междисциплинарного подхода, базирующегося на теории интерсекциональности [2] для исследования практик современного детства.

На наш взгляд, можно выделить, следующие группы практик.

1) *Практики, связанные с конструированием детского тела.* Это как «биологическая», так и «социальная» трансформации детского тела, к которым непосредственное отношение зачастую имеют новые технологии цифровой эпохи. К биологическим трансформациям, ставшим возможными только благодаря современным цифровым технологиям, можно отнести практики, направленные на генетическое редактирование генома человека на стадии эмбриона, развитие системы ЭКО, практики медиализации детства.

Обсуждение вопросов сбора биологического материала, рождение генномодифицированных детей (Китай), чипизация детей (форсайт-проект 2030) – цифровая повседневность уже не завтрашнего, а отчасти сегодняшнего дня.

К «социальным» трансформациям, набирающим популярность, отнесем такие практики модификации детского тела, как поддержание здорового образа жизни, здоровое питание, детский фитнес и т.д. Цифровые технологии во всех этих практиках играют не последнюю роль, когда с помощью них, например, может рассчитываться оптимальный способ поддержания в форме детского тела, диета для детей, количество калорий, которые необходимы с учетом индивидуальной ситуации развития ребенка. К этому же типу практик можно отнести и развитие детского модельного бизнеса как определенного способа репрезентации и эксплуатации детского тела. Опять же цифровые технологии могут способствовать тому, чтобы приукрасить реальность, сделать ее более привлекательной для всех участников этого бизнеса.

2) *Группа практик, связанная с информатизацией детства, со взрослением детей в новой медиасреде.* Речь идет о том, что пространство детства насыщается новыми информационными технологиями и гаджетами. Однако важным становится не просто наличие у ребенка персонального компьютера или планшета, телефона со всеми новыми приложениями, шлема виртуальной реальности и других гаджетов, но то, что современное общество предъявляет требование к современным детям относительно соответствующего уровня цифровой грамотности. Процессы информатизации детства меняют формат межличностной коммуникации детей от исключительно непосредственного живого общения лицом к лицу к другим форматам через Интернет, социальные сети, детский видеоблогинг, sms и пр. Все это позволяет говорить о трансформации процессов социализации в пространстве современного детства [3], об усилении роли виртуальных и визуальных образов в этих процессах [4], о цифровой социализации современных детей, об изменениях их взаимоотношений с родителями, сверстниками и реализации практик мобильности в публичном пространстве в условиях контроля со стороны личных гаджетов (смартфонов) [5].

3) *Практики, связанные с усилением роли потребления детей.* Специфика потребления детей в современном обществе в том, что оно задает определенную «планку» жизни для них. Цифровая среда открывает новые возможности для потребления, благодаря этой среде стандарты потребления получают широкое распространение. Они активно распространяются современными медиа, и идентичность современного ребенка во многом строится вокруг того, чем он владеет или что имеет. В связи с этим детство

становится пространством демонстрации статуса, изобилия, излишеств. И цифровая среда способствует такой жизни напоказ, актуализирует демонстрационное поведение детей.

4) *Группа практик, связанная с гаджетизацией пространства детства.* Возникновение многих из них напрямую связано с появлением новых технологий. Например, это такие гаджеты, как соплеотсасыватель для совсем маленьких детей, браслет безопасности, «умный» матрас, «умная» одежда с датчиками, игровые тарелки, робот-ребенок, интерактивные книги, планшет, телефон со всеми новыми приложениями (step by step, родительский контроль), радионяня, наушники (например, с шумоизоляцией для маленьких детей), шлем виртуальной реальности и другие. На основе использования этих гаджетов возникают новые явления мира детства: «гламуризация» детства, детский кейтеринг, информатизация детства.

5) *Группа практик, связанная с защитой прав ребенка.* В полной мере права детей отражены в ратифицированной в России Конвенции ООН о правах ребенка. В документе заявлено, что каждый ребенок от 0 до 18 лет имеет свои собственные, отличные от взрослых, права, а государство должно гарантировать обеспечение и защиту этих прав. Наряду с этим документом международного права действует Семейный кодекс РФ, в котором закреплено право ребенка на воспитание в семье, его защиту от злоупотреблений со стороны родителей и лиц, их замещающих. При возникновении ситуаций, когда нарушаются права детей, полномочия по их восстановлению принимают социальные службы. Их деятельность, благодаря процессам цифровизации, приобретает определенную прозрачность. С другой стороны, их деятельность может быть подвержена коррекции в случаях отсутствия объективного подхода при принятии решений о соблюдении прав ребенка. В таких случаях ситуации выносятся на обсуждение, подвергаются огласке внутрисемейные отношения. Инициаторами обсуждения в том числе могут выступать дети, не согласные с ситуацией. Процессы цифровизации в этом контексте наделяют детей определенной властью и контролем, развивая их субъектную позицию и создавая условия для соблюдения прав ребенка, обеспечивая им возможность взросления в безопасности.

6) *Группа практик, связанная с развитием детских общественных движений.* Сегодня только в России насчитывается почти 400 тыс. молодежных и детских общественных организаций разного территориального уровня [6]. И, несмотря на некоторые тенденции государственной централизации и сворачивания деятельности независимых акторов, унификации и контроля над социальным пространством, что затрагивает и сферу деятельности детских объединений, для современных российских детей и подростков все еще

возможен широкий репертуар применения для своей организованной активности, в том числе и в виртуальной цифровой среде (участие в он-лайн-конкурсах, викторинах, интеллектуальных соревнованиях, виртуальных командных играх, совместных он-лайн-обсуждениях).

Указанные группы практик имеют свою специфику на уровне индивидуального детства. Они по-разному проявляются в зависимости от конкретных обстоятельств жизни ребенка: пола, возраста, воспитательной и образовательной среды, территории проживания, социально-экономического класса родителей, этничности, религиозности, наличия или отсутствия родителей.

Данными практиками не исчерпывается современное детство, однако, на наш взгляд, они наиболее убедительно демонстрируют сложность, многонаправленность, вариативность современного детства в цифровом обществе.

Возникает принципиальный вопрос, касающийся того, с каких позиций изучать новые практики и явления мира детства в цифровую эпоху. С точки зрения методологии возникает вопрос, касающийся того, можно ли основываться на классических моделях социальности в их анализе. Так, слепая приверженность позициям, представленным в этих концепциях, способна привести к тому, чтобы отвернуться от накопленного опыта, он может оказаться даже вредным в силу того, что не соответствует реальным «цифровым» условиям современной жизни общества. Этим можно объяснить тот факт, что за рубежом совершен постмодернистский поворот в исследованиях детства и наибольший интерес у ученых, исследующих детство, вызывает методология социального конструирования реальности и вытекающие отсюда качественный подход и методики этнографии и участвующей социологии детства [7]. В российской социологии детства ситуация несколько иная, здесь есть интерес как к классическим парадигмам социального знания, например, идеям структурного функционализма и методу анкетирования [8], так и качественным исследованиям детей и детства [9; 10].

Наиболее привлекательным подходом в теоретическом анализе новых социальных практик детей в цифровой среде, на наш взгляд, является междисциплинарный, учитывающий тесную взаимную связь и взаимообусловленность этих практик, а также позволяющий синтезировать достижения различных областей знания в исследовании современного детства в цифровую эпоху.

Таким образом, мы делаем вывод о значимости междисциплинарных исследований детства в эпоху цифровизации и утверждаем, что непродуктивно сегодня отказываться от классических моделей социальности в исследованиях

детства. В целом, выбор теоретико-методологической рамки исследования зависит, безусловно, от целей и задач, которые ставит перед собой автор, но вместе с тем во многом определяется и новыми практиками, возникающими в пространстве современного детства, исследование которых требует разработки новых подходов и методологий.

Список литературы

1. Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: коллективная монография / науч. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. 203 с.
2. Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // *The Journal of Social Policy Studies*. 16(3). 2018. С. 537–545.
3. Колосова Е.А., Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю. Новая социология детства / Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус. Тематический словарь-справочник / Отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: Изд-во РОС, 2018. С. 18–23.
4. Сабирова А.Х., Митрофанова С.Ю. Детское техническое творчество / Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус. Тематический словарь-справочник / Отв. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М.: Изд-во РОС, 2018. С. 267–270.
5. Сергеева О.В., Лактюхина Е.Г. Социальные аспекты цифровизации детской городской мобильности // *The Journal of Social Policy Studies*. 17(4). 2019. С. 507–524.
6. Бочаров В.Ю. Противоположные векторы развития детских объединений в Украине и России // *The Journal of Social Policy Studies*. 14(4). 2016. С. 614–617.
7. Alanen L. Are we all constructionists now? // *Childhood*. 2015. Vol. 22(2). pp. 149–153.
8. Филипова А.Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2016. № 1(41). С. 80–87.
9. Митрофанова С.Ю., Штифанова Е.А. Роль информационных технологий и гаджетов в социализации детей // *Экономика и социология*. 2015. № 1. С. 18–24.
10. Щеглова С.Н. Мягкие методики изучения детей и подростков // *Школьные технологии*. 2000. №3. С. 117–132.

**ОТНОШЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ
К ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ**
**THE ATTITUDE OF TEACHERS AND STUDENTS TOWARDS
DIGITALIZATION OF EDUCATION**

Л.А. Бурганова
*Казанский национальный исследовательский
технологический университет, г. Казань*
О.В. Юрьева, О.Ю. Кукушкина
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
L.A. Burganova
Kazan National Research Technological University, Kazan
O.V. Yureva, O.Y. Kukushkina
Kazan Federal University, Kazan

Представлены результаты исследования отношения преподавателей и студентов к цифровизации образования, которые свидетельствуют о том, что пока рано говорить об использовании в вузах всех преимуществ цифровых технологий. Преподаватели используют их в первую очередь для планирования и контроля учебного процесса, для обеспечения лучшей наглядности преподаваемых курсов. Для студентов характерно использование пассивных цифровых инструментов. Преподаватели и студенты практически не используют коммуникативные технологии обучения, направленные на обеспечение механизма обратной связи, на развитие самостоятельной деятельности и творческих способностей.

The article presents the results of a study of the attitude of teachers and students towards digitalization of education, which indicate that it is too early to talk about using all the advantages of digital technologies in universities. Teachers use them primarily for planning and monitoring the educational process, to ensure better visibility of the courses taught. Students are also characterized by the use of passive digital instruments. Teachers and students practically do not use communicative teaching technologies aimed at providing a feedback mechanism, at developing independent activities and creative abilities.

Ключевые слова: цифровизация высшего образования, цифровые технологии, восприятие цифровых образовательных технологий студентами и преподавателями, коммуникативные инструменты обучения, проблемы и риски цифровизации образования

Keywords: digitalization of higher education, digital technologies, the perception of digital educational technologies by students and teachers, communicative teaching tools, problems and risks of digitalization of education

Эмпирической основой статьи являются результаты социологического исследования в форме интернет анкетирования на тему «Отношение студентов

и преподавателей к цифровизации образования», проведенного в феврале 2020 г. в г. Казани.

Цель исследования: выявить особенности восприятия цифровых образовательных технологий студентами и преподавателями. Задачи: 1. Определить масштаб использования и варианты используемых цифровых инструментов и технологий студентами и преподавателями в образовательной среде. 2. Выявить проблемы и риски цифровизации.

С учетом поставленных целей был сформирован круг вопросов анкеты для каждой из избранных групп. В качестве респондентов выступили студенты и преподаватели Казанского (Приволжского) федерального университета, которым было предложено заполнить разработанные авторами анкеты с использованием Google Форм.

Для проведения исследования была осуществлена выборка из студентов гуманитарных направлений Казанского (Приволжского) федерального университета с 1 по 4 курс бакалавриата и с 1 по 2 курс магистратуры по разным направлениям подготовки. Объем выборки – 360, из них: бакалавры – 305, магистры – 55. Возраст респондентов – от 18 до 25 лет, большую часть опрошенных (85.5%) составили представители женского пола, 15.5% – мужского.

Результаты исследования отношения студентов к цифровизации образования демонстрируют более позитивное ее восприятие (88.1%) по сравнению с преподавателями (64.7%). Это естественно, учитывая их большую вовлеченность в использование мобильных технологий – 55% студентов ежедневно тратят от 4 до 5 часов на приложения смартфона – эти показатели в 2-3 раза больше, чем у преподавателей. Вместе с тем только треть студентов посвящают половину этого времени на интернет-коммуникации по поводу образования. К тому же их позиция характеризуется установкой на пассивные формы использования инновационных ИКТ – это преимущественно вебинары (53.6%) и он-лайн – курсы (51.2%). Что касается коммуникативных инструментов обучения, например, таких как VR- и Web-приложения, электронные ресурсы, созданные на площадках вуза, они используются крайне редко (VR-приложение – 2,4%; WEB-приложения – 17,9%). Такая ситуация типична для студентов всех вузов, и она объясняется, на наш взгляд, неразвитостью обучающей цифровой среды в наших университетах.

Цифровизация обучения для студентов означает в первую очередь облегчение процесса обучения – такова позиция 69.9% опрошенных. Гораздо меньшее значение придается при этом развитию самоорганизации в процессе обучения (44.6%), более полному наполнению содержания обучения (45.8%), развитию коммуникаций между преподавателями и студентами (38.6%). Негативные аспекты цифровизации студенты связывают с расслаблением

студентов (пассивное считывание информации) – 37.3%, а также с отсутствием обратной связи (26.5%).

Преподаватели, принявшие участие в опросе, являются штатными сотрудниками Казанского (Приволжского) федерального университета. Объем выборки – 72 человека, среди них 58.8% женщин и 42.2% мужчин; возраст респондентов распределен следующим образом: от 25 до 30 лет -17%, от 31 до 35 лет – 22%, от 36 до 40 лет 17%, от 41 до 45 лет – 17%, от 46 до 50 лет – 17% и от 51 до 55 лет – 10 %.

В ходе исследования преподавателям было предложено определить преимущества перехода к цифровизации образования [1]. Среди главных таких преимуществ [2] преподаватели выделили следующие: «возможность вести учебный процесс более гибко» (58.8%), «удобство и доступность информации» (58.8%), «решение проблем с географической доступностью» (35.5%). Такие варианты преимуществ цифровизации образования, как «возможность более глубокого изучения предмета» (11.8%) и «развитие коммуникаций со студентами» (17.6%), среди преподавателей не оказались значимыми, тогда как у студентов эти показатели в два раза выше.

И начинающие, и более опытные преподаватели отметили в качестве проблем применения цифровых технологий, прежде всего, трудности, связанные с материально-техническим оснащением аудиторий (50%) и своей загруженностью, дефицитом времени на их освоение и применение (44.4%). Практически все преподаватели признали, что они не до конца используют все возможности применения цифровых технологий в обучении студентов. Они отметили, кроме выше указанных, и такие проблемы, как сложность адаптации ряда дисциплин к цифровому формату (5.5%), отсутствие программного обеспечения (22.2%), слабую информированность педагогов о возможностях вуза по материально-техническому обеспечению читаемых курсов (11.1%).

Результаты исследования показывают, что преподаватели пока не овладели всеми преимуществами, предоставляемыми цифровыми технологиями, и многие из них с трудом перенимают новые стратегии обучения [3]. Было обнаружено, что, несмотря на то, что большинство преподавателей (64.7%) положительно относятся к переходу на цифровое образование, они пока не готовы применять ИКТ на регулярной основе (только 35.3% часто используют цифровые инструменты). Используемые технологии обучения в основном ограничиваются презентациями (82.4%) и видеоуроками (29.4%).

По данным опроса преподавателей, рисками перехода на цифровое образование для «цифрового поколения» является утрата навыков письма, способности воспринимать большие объемы информации, экранная зависимость, функциональная неграмотность и др. [4]. Может быть поэтому,

что следует из нашего исследования, студенты уже сегодня готовы заменить преподавателя роботом (60%!).

Таким образом, по результатам нашего исследования, преподаватели используют инструменты управления цифровым обучением в основном в качестве организационного механизма, а не для продвижения передовых технологий обучения, ориентированных на учащихся. Между тем развитие способности учащихся использовать цифровые технологии в процессе обучения в меньшей степени зависит от политики университетской администрации, и в большей степени от преподавателей, их способности внедрять цифровые технологии в образовательный процесс. Поэтому цифровая компетентность преподавательского состава имеет решающее значение для повышения качества образования. Руководство университета должно рассматривать это как стратегическую задачу, требующую собственного механизма реализации. Эффективная система внутреннего контроля посредством ключевых индикаторов таких рисков должна стать основой системы управления образованием в университете и основой для обеспечения безопасности и устойчивости процесса его цифровизации.

Список литературы

1. Колесникова Ю.С., Ягудин Р.Х., Шафигуллин И.И. Развитие информационной среды: институциональный аспект // Казанский экономический вестник. 2019. №2. С. 67–73.

2. Нуржанова Т.Т., Кусмулданова О.Б., Турсынова А.Т. Преимущества цифровизации образования в эпоху информационных технологий // Аллея науки. 2018. Т.5. №11 (27). С. 790–796.

3. Платонова Е.Д. Цифровизация как инструмент инновационного развития сферы образования в XXI веке // В сборнике: Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования. Материалы международной конференции. Под общей редакцией М.М. Мусарского, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. 2018. С. 299–307.

4. Гончаров В.Н. Образование в условиях цифрового общества: новые технологии и новые риски // Философское образование. 2018. №1 (37). С. 135–139.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ НОВОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ***
**THE RELATIONSHIP BETWEEN THE NEW DIGITAL ECONOMY
AND TRADITIONAL CULTURE:
SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

Н.В. Волохова, М.В. Обозная
*Юго-Западный государственный университет,
г. Курск*

N.V. Volohova, M.V. Oboznaya
The Southwest State University, Kursk

Затрагивается тема взаимосвязи цифровой экономики и традиционной культуры, рассматриваются вопросы видоизменения условий социокультурной составляющей жизни общества в силу активного повсеместного внедрения информационно-коммуникационных технологий.

The article deals with the topic of the relationship between the digital economy and traditional culture, how the cultural life of society is currently changing under the influence of rapid development of information and communication technologies.

Ключевые слова: цифровая экономика, культура, традиционная культура, цифровое общество

Keywords: digital economy, culture, traditional culture, digital society

Развитие цифрового общества предполагает переосмысление экономического развития России, построенного на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности. Еще в первом десятилетии нашего века было трудно представить такую тесную интеграцию экономики и культурной сферы, основанной на цифровых технологиях. В различные исторические эпохи культура и экономика не имели собственных четких границ, а находились в состоянии единства. В период перестройки ценностно-нормативный уровень развития культуры в постсоветской экономике воспринимался как основной барьер для развития предпринимательства. Сегодня же возникает необходимость для создания населению цифровых условий доступа к товарам и услугам сферы культуры.

В условиях цифровизации общества естественные науки, искусство, социогуманитарные науки, экономика, сохраняя свои различия, имеют возможность взаимно дополнять друг друга посредством использования цифровых технологий и сети интернет [1]. Действительно, структура и ритм

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00228.

повседневной жизни на повседневном уровне вынуждает каждого из нас практически не расставаться с электронными средствами. Цифровизация, затрагивая сферу культуры, качественно видоизменяет структуру производства и потребления культурных практик, тем самым меняя ее непосредственно у нас на глазах.

Развитие цифровой инфраструктуры касается различных предметных областей общественной жизни, показывает и доказывает свою эффективность. Ситуация сегодняшнего дня, возникшая резко и неожиданно, речь идет о мировой проблеме с COVID-19, помимо безусловно негативного влияния, высветила и положительные моменты. Режим самоизоляции стимулировал массового потребителя более продуктивно использовать ресурсы интернет-пространства сферы культуры. Изменились стандарты, стёрлись границы между виртуальным пространством и личным посещением музеев, театров, выставок, библиотек, концертных залов, расширяя массовую аудиторию и изменяя общественные культурно-потребительские практики. Сейчас ведь достаточно нажать пару кнопок, и вы можете лицезреть всё культурное наследие мира, «окунуться» в мир прекрасного – настоящий технологический прорыв.

Разнообразные формы культуры в «цифре» представляют собой различные варианты в сферах художественной практики (постинтернет искусство), в научной сфере (цифровые гуманитарные науки – оцифрованные материалы позволяют обеспечить сохранность культурного наследия при помощи цифровых технологий), в сфере современного образования (возможность дистанционного обучения, геймификация) [2].

Научное сообщество сегодня сталкивается с эффектом временного дисхроноза, имеющим латентный характер, заключающимся в том, что в одном социуме сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах [3]. Современное экономическое развитие учитывает национально-культурные особенности гражданского общества. Речь идет о сосуществовании традиционной культуры, сформированной многими поколениями, и сегментированной молодежной «цифровой» культуры, которая порой выходит за пределы разумного. Современная молодежь стремится наглядно показать свою повседневную жизнь окружающим через визуальное представление посредством социальных сетей. Дети же и подростки все больше отдают предпочтение электронным гаджетам, нежели традиционным игрушкам и развлекательным играм, совершенно не умеют общаться и коллективно играть с другими, способны на самые примитивные взаимодействия. Таким образом формируются современные социокультурные практики, носящие информационно-коммуникационный характер, где совершенно иначе интерпре-

тируется свобода, самоидентификация индивида, и посредством которых вносятся качественные изменения в стабильно экономически развивающемся социуме в «цифре».

Социально-философская рефлексия данной проблемной области ставит вопрос о возможностях сохранения и развития традиционной культуры в симбиозе с новой цифровой экономикой. Исследователями неоднократно поднимается проблема соотношения национальных, исторических, духовно-социальных ценностей с современными установками общественной цифровизации. Цифровая культуриндустрия уже набирает позиции, постепенно замещая традиционную, определяя особенности мышления и поведения нового поколения, задавая определенные семантические взгляды на изменение восприятия и осознания информации, приспособление массового и субъективного сознания к реальности больших данных, стандартизацию социально-культурных, образовательных, научных и профессиональных компетенций в развитии личности. Более подробный анализ об изменении этических ценностей в профессиональной среде представлен в статье одного из авторов данного исследования [4].

Новая цифровая экономика и ее взаимосвязь с традиционной культурой, их влияние на социум представляют достаточно сложно разрешимую социально-философскую дилемму, заключающуюся, с одной стороны, новыми социально-экономическими, технологическими возможностями, а с другой - постепенным созидательным разрушением старой экономической структуры изнутри, трансформации традиционных ценностно-культурных, моральных, мировоззренческих установок личности.

Список литературы

1. Губченко А.С. Проблемы цифровизации сферы культуры Российской Федерации / А.С. Губченко, О.А. Чеснова, Л.А. Еникеева // Петербургский экономический журнал. 2019. №4. С. 52–60.
2. Елькина Е.Е. Цифровая культура в сетевом обществе: социально-философский анализ // Культура и технологии. 2018. Том 3. Вып. 3. С. 47–57.
3. Кравченко С.А. Формирование сетевого человеческого капитала: методологические контуры концепции // Вестник МГИМО Университета. – 2010. №6 (15). С. 15–24.
4. Volokhova N. The offset of the value accents in business, medicine and pharmacy in modern socio-economic conditions / I. Aseeva // Економічний часопис – XXI. №157 (3-4(1)). 2016. С. 75–78.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА GENDER DIMENSION OF THE DIGITAL DIVIDE

В.Г. Доброхлеб, О.Н. Махрова

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

V.G. Dobrokhleb, O.N. Makhrova

*Institute of Socio-Economic Problems of Population,
Branch of the Federal Research Sociological Center of the RAS,
Moscow*

ИКТ становятся движущей силой развития мировой экономики. Они способны помочь многим предпринимателям, фирмам, сообществам во всех частях мира решать экономические и социальные вопросы с большей эффективностью и изобретательностью. Наряду с тем, что ИКТ и Интернет предоставляют новые, широкие и прежде недоступные возможности для развития человека и оказания ему помощи в самых разных областях, начиная с образования и охраны окружающей среды и кончая здравоохранением и бизнесом, они также являются одним из ключевых факторов, определяющих социальное и экономическое неравенство между различными социальными и экономическими группами.

ICTs are becoming the driving force behind the development of the global economy. They are able to help many entrepreneurs, firms, communities in all parts of the world solve economic and social issues with greater efficiency and ingenuity. Along with the fact that ICT and the Internet provide new, broad and previously inaccessible opportunities for human development and assistance in various fields, from education and environmental protection to healthcare and business, they are also one of the key factors determining social and economic inequality between different social and economic groups.

Ключевые слова: ИКТ, цифровое неравенство, гендер, женщина

Keywords: ICT, digital divide, gender, woman

Гендерное неравенство является одним из самых показательных неравенств, которое еще больше усугубляется цифровой революцией, затрагивающей все социальные группы, независимо от уровня дохода. Во всем мире женщины сталкиваются с серьезными проблемами не только экономического, но и социального, и культурного характера, которые ограничивают или полностью лишают их доступа к ИКТ, возможности пользоваться этими технологиями и извлекать из этого выгоду. Растет понимание этих проблем, но что еще важнее, растет понимание тех возможностей, которые могут предоставить женщинам ИКТ, и это само по себе является важным шагом на

пути преодоления гендерного цифрового неравенства и превращения его в цифровые возможности. Участие женщин в информационном обществе наравне с мужчинами окажет непосредственное влияние на повышение доходов людей, сделает их более устойчивыми, способствуя тем самым социальным и экономическим успехам общества. Женщины являются главной экономической силой в большинстве развивающихся стран. Поскольку экономика все больше и больше зависит от информации, проблемы доступа женщин к ИКТ и их использования становятся все более важными как для развитых, так и для развивающихся стран. Удобство использования информационно-коммуникационных технологий для передачи и распространения информации, способствующей развитию, общепризнано. Однако трудно ожидать, что ИКТ станут доступными для женщин в ходе «естественного» развития, если и далее будут использоваться подходы и технологии, не учитывающие гендерных аспектов. Из-за непомерной гендерной предвзятости при использовании ИКТ в сферах занятости, образования, профессиональной подготовки и в других самых разных областях жизни женщины нуждаются в поощрении и поддержке, чтобы занять свое законное место в обществе, переживающем информационную революцию.

Представительство женщин в структурах, ответственных за принятие решений в области ИКТ, явно недостаточно, и это сказывается отрицательным образом при принятии инвестиционных решений, внедрении инновационных моделей, при выработке направлений политики и стандартов в отрасли ИКТ, так как все это требует учета гендерных аспектов. Вопросы справедливого доступа к ИКТ и независимости в получении и производстве информации, нужной женщинам, являются центральными вопросами в повышении роли женщин и построении информационного общества для всех.

Согласно новому докладу ОЭСР «Bridging the Digital Gender Divide: Include, Upskill, Innovate», препятствия в получении образования и навыков, а также укоренившиеся социокультурные предубеждения приводят к увеличению гендерного разрыва в цифровой сфере, который сдерживает участие женщин в цифровой экономике.

Женщины в настоящее время не могут использовать возможности, предлагаемые цифровой трансформацией, считают эксперты ОЭСР. Страны Большой двадцатки предприняли важные меры по сокращению гендерных разрывов в целом, однако, необходимо сделать еще больше для расширения участия женщин и девочек в цифровой экономике, чтобы они тоже могли внести свой вклад и извлечь пользу из осуществляемой цифровой трансформации.

«Женщины не выигрывают от цифровых преобразований настолько, насколько это возможно», – сказала глава штаба ОЭСР и шерпа G20 Габриэла Рамос, представляя доклад в Чатем-Хаусе в Лондоне. «Значительный гендерный разрыв в доступе, использовании, владении и разработке цифровых технологий сдерживает женщин во всем мире. Меры по сокращению разрыва требуют предоставления правильных навыков, поощрения женщин к предпринимательству и инновациям, STEM и разработке программного обеспечения, а также обеспечения надлежащих условий, позволяющих женщинам в полной мере участвовать на рынке труда». Доклад нацелен на поддержку реализации «дорожной карты» G20 по цифровой трансформации 2017 года. В нем отмечаются следующие тенденции:

Глобальный гендерный разрыв в использовании Интернета вырос с 11% в 2013 г. до 11,6% в 2017 г. Разрыв достигает более 25% в Африке и 33% в менее развитых странах [1].

Женщины в среднем на 26% реже, чем мужчины, имеют смартфон. Во всем мире разница между мужчинами и женщинами, которые имеют смартфон с доступом к мобильному Интернету, составляет 327 миллионов человек [1].

Только 10% инновационных начинаний, требующих венчурных инвестиций, были созданы женщинами. Стартапы, созданные женщинами, получают на 23% меньше средств и на 30% реже могут быть скуплены или выпустить первичное публичное предложение (IPO), чем компании, принадлежащие мужчинам [1].

В возрасте 15 лет только 0,5% девочек в странах ОЭСР хотят стать специалистами в области ИКТ, по сравнению с 5% мальчиков. В два раза больше мальчиков, чем девочек, планируют стать инженерами, учеными или архитекторами [1].

Несмотря на то, что больше женщин, чем мужчин, получили высшее образование в 2015 г., только 24% инженеров-выпускников и 25% выпускников по специальностям в сфере ИКТ были женщинами.

Участие женщин в изобретательской деятельности растет, но в странах G20 только 10% патентов получены женщинами. Судя по нынешним данным женщины смогут догнать мужчин только в 2080 году [1].

Список литературы

1. Bridging the Digital Gender Divide. Include, Upskill, Innovate. URL: <http://www.oecd.org/going-digital/bridging-the-digital-gender-divide.pdf>.

**БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТОДА ВИРТУАЛЬНОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ ГОРОДОВ И СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ***
**BASIC CHARACTERISTICS OF THE VIRTUAL MODELLING METHOD
IN THE STUDY OF CITIES AND SOCIAL PARTICIPATION**

М.В. Певная, М.С. Федорова
*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*
M.V. Pevnaya, M.S. Fedorova
*Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg*

Представлен анализ метода виртуального моделирования, проведенный на основе вторичного анализа социальных исследований. Выявлены две базовые характеристики метода, а именно создание возможностей для включения материальных объектов в пространственно-временной континуум, учитывающий социокультурные изменения, и значительный потенциал метода в повышении эффективности управления городской средой.

The article presents an analysis of the virtual modeling method based on the secondary analysis of social research. Two basic characteristics of the method were identified: the creation of opportunities for including material objects in the space - time continuum that takes into account sociocultural changes, as well as the significant potential of the method in improving the efficiency of urban environment management.

Ключевые слова: социальное участие, молодежное участие, виртуальное моделирование, изучение городов, междисциплинарные исследования.

Keywords: social participation, youth participation, virtual modeling, urban studies, interdisciplinary research.

Современные научные исследования отличают широкий набор междисциплинарных методов, которые позволяют наглядно представить результаты исследования и по-новому взглянуть на выводы. Использование в социальных исследованиях метода виртуального моделирования становится все более частым, «мы можем моделировать взаимодействие между пользователями и системой, взаимодействие объектов внутри системы и даже взаимодействие между различными системами» [1; 2], создавать различные

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-9005.

временные срезы, условия для включенности горожан и анализировать эту включенность.

Целью данного материала является определение базовых характеристик виртуального моделирования в изучении городских пространств и социального участия горожан. Для реализации этой цели был проведен вторичный анализ социальных исследований, опубликованных в русскоязычных и англоязычных реферируемых журналах (Elibrary, Google Scholar, Scopus), в которых использовался метод виртуального моделирования.

Проведенный метаанализ позволил выявить две ключевые характеристики метода, раскрывающие возможности и ограничения в реализации конкретных проектов, а также потенциал при изучении социального участия горожан.

Первая базовая характеристика виртуального моделирования способствует *включению общественных пространств и культурно-исторических объектов в пространственно-временной континуум (от прошлого к настоящему и будущему)*. Виртуальное моделирование используется не только при проектировании новых объектов и их будущего строительства, но и для исторической реконструкции утерянной застройки, визуализации прошедших изменений, а также для восстановления объектов культурно-исторического значения. Среди проектов, посвященных этому вопросу, можно выделить создание 3D-модели базарной площади в г. Тамбове [3]. Исследователями на открытой платформе многопользовательских 3-х мерных миров OpenSimulator была создана совокупность моделей объектов культурно-исторического наследия, как существующих, так и утраченных, либо частично разрушенных. Модель стала основой для последующего виртуального тура, отражающего совокупность пространственно-временных изменений, затронувших рассматриваемый объект.

Данный подход позволил воссоздать историческую картину и проанализировать взаимосвязи между характеристиками социальной жизни разных исторических периодов и соответствующей им архитектурой. Посетители виртуального музея, могут свободно изучать созданную реальность, выбирая собственный маршрут.

Похожее исследование проводилось и в НГАСУ (Сибстрин), где были созданы информационные модели памятников архитектуры. Исследователи детально проработали «Дом композиторов» и гостиницу «Метрополитен» как типичные «примеры кирпичной архитектуры сибирского региона начала XX века, так как их фасады насыщены деталями и отличались многообразием архитектурного оформления» [4]. Работая с виртуальными моделями памятников, безусловно, можно решать разнообразные технические вопросы: добиваться максимальной точности фасадных решений по сохранившимся фотографиям и

чертежам, оценивать риски и возможности сохранения уникальных и особенно ценных частей, анализировать способы бережного подключения к инженерным сетям ветхих зданий, сохраняя их первоначальный облик.

Переход от виртуальной модели материального архитектурного объекта к более наполненной модели, учитывающей социально-культурные изменения и их влияние на среду, позволяет уже в исследовательское поле включать более широкий городской контекст, географические параметры, экономические, социальные, культурные и другие трансформации, происходящие в городе, которые формируют его социальное пространство [5]. И.Л. Бородкин, опираясь на рекомендации ЮНЕСКО, представил исторический городской ландшафт как результат наслоения культурных и природных ценностей и атрибутов, к которым он отнес: различные аспекты социальной и культурной практики, ценности, экономические процессы, нематериальные компоненты наследия [6]. При оценке изменений ландшафта исторической местности «Белый город» исследователь анализировал результаты воздействия антропогенных факторов и природной среды, соотносил трансформацию городской среды с изменениями системы управления. Виртуальная модель создавалась с помощью программы QGIS, которая позволяет визуализировать перепады высот, отражая изменения исторического ландшафта, и воссоздать доминантные объекты.

Виртуальное моделирование в описанных выше исторических исследованиях позволило не только ювелирно построить, восстановить утраченные объекты на современном уровне проектирования, но и предоставило широкие возможности для экспертной оценки и публичного обсуждения, исторического анализа среды и поведения людей, к которому она располагает для «преодоления неизбежного несовпадения, а то и противоположности взглядов на предназначение, конкретные функции и цели социальной политики» [7]. Ограничением метода в данном случае может являться нехватка архивных данных и материалов для составления полной картины изменений в социальном, технологическом и архитектурном измерениях. В таком исследовательском дизайне применение анализируемого метода довольно трудозатратно даже в масштабах оценки только одного объекта.

В логике изучения социального участия горожан виртуальная модель позволяет оценить, как может включаться тот или иной культурно-исторический объект в развивающуюся городскую застройку с учетом сложившейся структуры социальной активности разных групп горожан, прямо или косвенно привязанной к нему в поле повседневной социальной жизни. Метод способствует поиску новых возможностей для экологичного в социальном плане изменения квартала/района/города из-за включения в

городскую среду нового архитектурного объекта. При углубленном анализе и составлении нескольких моделей одного объекта в разных временных интервалах можно визуальным образом отразить определенные этапы эволюции городской среды, опираясь на данные конкретных периодов через оценку планов застройки, фото и видеоматериалов, текстовых документов, археологических источников, воспоминания людей. Такой комплексный подход к изучению городских пространств, учитывающий множество переменных, позволяет наиболее точно ответить на вопрос, как происходили те или иные изменения, и что в действительности стало их причиной?

Вторая базовая характеристика метода виртуального моделирования связана с его потенциалом в повышении эффективности управления городами, городскими проектами через возможности интеграции различных исследовательских данных в разные управленческие циклы и на разные уровни управления, а также через повышение доступности информации о городских программах, проектах и изменениях для разных групп специалистов и обычных горожан. Самым ярким примером имплементации данной характеристики анализируемого метода являются зарубежные проекты, в которых повышается эффективность умного города через создание его виртуальной модели и ее тестирование в социальных экспериментах. Виртуальное моделирование является неотъемлемой частью проектов «Умные города» (CityGML) [8]. CityGML, цифровая модель данных города, созданная по аналогии с моделями ГИС, BIM и CIM (Construction/Civil Information Model, Инженерная информационная модель), включает множество данных различных типов, оперативные данные, данные об окружающей среде, получаемые в течение всего жизненного цикла и т.д. Анализ данных, сопоставление информационных массивов разных масштабов и уровней позволяет в целом глубже понять правила функционирования городской среды для улучшения ее безопасности и эффективности. Проект, представленный М. Вест [9], хорошо демонстрирует, каким образом геймификация в высококачественной среде виртуальной реальности может быть использована для увеличения вовлеченности граждан в проекты «Умных городов». Участие жителей имеет принципиальное значение, так как эффективность проектов данного типа зависит от их развития не только по принципу инициативы «сверху-вниз», но и от инициатив самих жителей, то есть «снизу-вверх». Виртуальная модель в этом случае за счет ресурсов визуализации становится интуитивно понятной для всех горожан коммуникационной площадкой, способной создавать условия для развития городской среды силами всех участников процесса. Ограничения применимости данного метода в российских условиях сегодня во многом связаны с цифровым неравенством в различных российских регионах,

дефицитом финансовых ресурсов в городском управлении, с недостаточностью цифровых компетенций у чиновников, недооценкой возможностей современных исследователей, а также трудностями межведомственного взаимодействия в российской традиции публичного управления и хаотичностью происходящих в нем процессов оптимизации и реформирования.

Выводы

Метаанализ научных публикаций по данной проблематике способствовал выявлению двух базовых характеристик виртуального моделирования. Первая связана с существенно расширяющимися для исследователей возможностями включения общественных пространств и культурно-исторических объектов в пространственно-временной континуум от прошлого к настоящему и будущему. Вторая базовая характеристика метода сопряжена с его возможностями для повышения эффективности городского управления в разных его циклах и на разных уровнях управления.

Участие населения важно, так как важно принимать управленческие решения с учетом мнения горожан и с их помощью там, где это возможно. Однако, в вопросах городской среды, в том числе определения судьбы культурно-исторического и архитектурного наследия, не все так однозначно. Важно понимать, насколько это участие может быть компетентно. С одной стороны, нужно знать, каким образом в управлении можно стимулировать активность горожан и специалистов. С другой стороны, необходимо осмыслить, как наращивать компетентность горожан, в том числе молодежи в этом направлении. Соучастие заинтересованных горожан при включении проектов виртуального моделирования в контекст социального управления оказывается возможным как в процессе реконструкции общественного пространства с различными архитектурными объектами для понимания связи прошлого и настоящего (по воспоминаниям, чертежам, рисункам), так и на этапе публичных обсуждений планируемых изменений общественного пространства в измерении социального самочувствия горожан в будущем или оценки, с этой позиции, уже реализованного проекта в настоящем.

Список литературы

1. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/ пер. с польск. Н. В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.
2. Свечкарев В.П. Модели визуальной аналитики в социологии // материалы I Всероссийской научной конференции». – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2017. С. 32–38.

3. Немтинов В.А., Борисенко А.Б., Трюфилькин С.В., Немтинова Ю.В., Горелов А.А. Виртуальная реконструкция территории «базарная площадь» города Тамбова // материалы V Международной научно-практической конференции : в 3 т. / под общ. ред. М. Н. Краснянского; ФГБОУ ВО «ТГТУ». Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2018. Вып. 5. С. 104–111.
4. Козлова Т.И., Талапов В.В. Опыт информационного моделирования памятников архитектуры // АМІТ: электрон. журн. 2009. Т.3. №.8.
5. Ахмадинуров Р.М., Испулова С.Н. Социальное пространство монопрофильного города: специфика, проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. Вып. 1 (53). С. 60–64.
6. Бородкин Л.И. Цифровые технологии в задачах виртуальной реконструкции исторического городского ландшафта // Вестник Пермского университета. Серия История. 2019. №3. С. 109–117.
7. Саралиева З.Х. Инновационные социальные макро-, мезо- и микротехнологии // Вестник ННГУ. 2013. №3. С. 229–234.
8. Shahrour I, Alileche L. and Alfurjani A. Smart cities: System and tools used for the digital modelling of physical urban systems// Sensors Networks Smart and Emerging Technologies (SENSET). Beirut, 2017. pp. 1–4.
9. West M., Yildirim O., Harte A.E., Ramram A., Fleury N.W., Carabias-Hütter V. Enhancing citizen participation through serious games in virtual reality. // Urban Planning, Regional Development and Information Society, 24th International Conference on Urban Planning, Regional Development and Information Society (REAL CORP 2019): Proceedings of 24th International Conference. Karlsruhe, Germany, 2-4 April 2019. pp. 881–888.

**ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ:
ВОЗРАСТНОЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ***
**DIGITAL LITERACY OF THE POPULATION:
AGE AND GENDER ASPECTS**

Б.Б. Подгорный, А.Ю. Огурцова
Юго-Западный государственный университет, г. Курск
В.В. Podgorny, A.Y. Ogurtsova
The Southwest State University, Kursk

Показано влияние возрастных и гендерных характеристик российского населения на уровень цифровой грамотности, определены основные факторы, влияющие на отношение российского населения к цифровой экономике.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00228.

This article shows the influence of age and gender characteristics of the Russian population on the level of digital literacy, identifies the main factors affecting the attitude of the Russian population to the digital economy.

Ключевые слова: цифровая экономика, уровень цифровой грамотности, население, отношение к цифровой экономике

Keywords: digital economy, digital literacy rate, population, attitude to the digital economy

Актуальность темы состоит в том, что формирование цифровой среды порождает необходимость понимания ее влияния на различные аспекты жизни и деятельности российского общества. Наряду со многими положительными явлениями, внедрение которых стало возможным благодаря цифровизации, возникает и множество проблем.

Сегодня существует ряд исследований, касающихся методологии и уровня цифровой грамотности российского населения. Этому вопросу уделяет внимание НАФИ [1], ВЦИОМ [2], РОЦИТ [3], другие исследовательские организации. Среди исследователей необходимо отметить С.Г. Давыдова [4], предложившего 4-компонентную модель цифровой грамотности, основанную на бинарных оппозициях «технико-технологическое/социогуманитарное» и возможности/угрозы»; Г.У. Солдатову [5], под руководством которой группа российских психологов разработала модель цифровой компетентности подростков и родителей; А.В. Шарикова [6], разработавшего модель цифровой грамотности, основанной на четырех основных содержательных полях, включенных в данное понятие.

Коллективом исследователей с участием авторов в марте-апреле 2020 г. проведено социологическое исследование «Отношение населения к цифровой экономике». Генеральная совокупность – жители Курской области в возрасте от 18 лет и старше – 920 тысяч человек; выборочная совокупность – 384 респондента. Выборка построена на основе полного списка совершеннолетних, проживающих на территории Курской области. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Метод выборки – квотный по возрастным и гендерным показателям. Возраст респондентов распределился на 5 групп: 18-24, 25-34, 35-44, 45-59, старше 60. Выборочная совокупность респондентов при доверительной вероятности – 95% и доверительном интервале – 5% составила $\approx 0,001\%$ от общего числа жителей Курской области. Анализ проводился с помощью SPSS Statistics. Даная выборка была апробирована ранее при проведении социологических исследований в регионе [7].

Для проведения указанного исследования была разработана и апробирована методика определения уровня цифровой грамотности как четырех пропорциональных составляющих: информационная и медиакомпетентность, коммуникативная компетентность, техническая компетентность, потребительская компетентность. Максимальная сумма ответов на вопросы, относящиеся к указанным компетенциям, составляет 100 баллов. Всего предусмотрено 5 уровней цифровой грамотности: очень низкий уровень цифровой грамотности (0-20), низкий уровень цифровой грамотности (21-40), удовлетворительный уровень цифровой грамотности (41-60), высокий уровень цифровой грамотности (61-80), очень высокий уровень цифровой грамотности (81-100). Важно отметить, что при расчете данного уровня мы не учитывали показатели, связанные с доступностью сетей 4G и 5G, а также другими техническими характеристиками сети интернет. Считаем, что эти показатели не могут выступать в качестве характеристик уровня цифровой грамотности.

В рамках заявленной тематики респондентам задавались вопросы, касающиеся их отношения к распространению средств цифровой экономики (цифровизации в целом, внедрении цифрового подхода в экономике, управлении, торговле, социальных институтах). Респондентам было предложено ответить и на вопросы, позволившие определить уровень их цифровой грамотности.

Основные результаты исследования:

Общий уровень цифровой грамотности по 100 балльной шкале составил около 27 баллов, более детальные сведения представлены на рисунке 1.

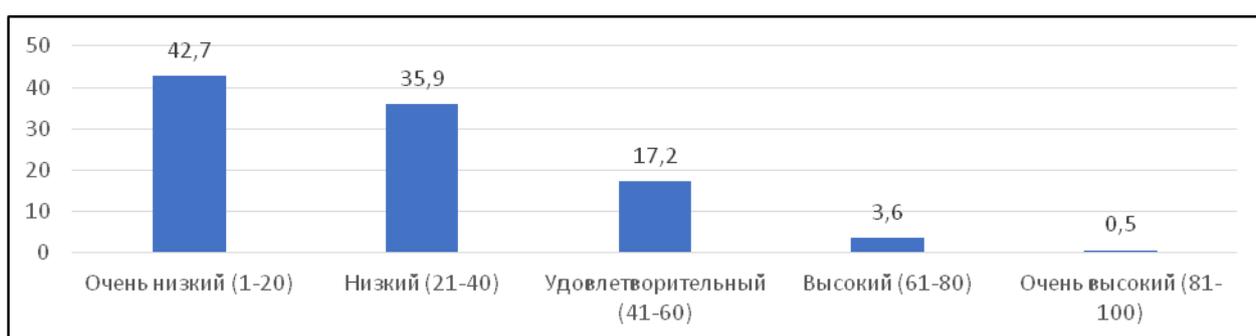

Рис. 1. Уровень цифровой грамотности населения Курской области (2020 год), в %

Мы установили, что уровень цифровой грамотности в значительной степени зависит от ряда показателей, в том числе возраста респондентов.

В таблице 1 приведены данные о влиянии возраста на уровень цифровой грамотности.

Т а б л и ц а 1

Влияние возраста респондентов на уровень цифровой грамотности

Уровень цифровой грамотности	Возраст				
	18-24	25-34	35-44	45-60	более 60
Очень низкий (1-20)	2,86	0,52	5,73	8,85	24,74
Низкий (21-40)	5,21	10,42	7,81	9,90	2,60
Удовлетворительный (41-60)	5,47	5,73	3,13	2,34	0,52
Высокий (61-80)	1,56	0,78	1,30	0,00	0,00
Очень высокий (81-100)	0,26	0,26	0,00	0,00	0,00

Критерий Хи-квадрат Пирсона для переменных «возраст» и «уровень цифровой грамотности» составил 180,55 при асимптотической значимости, стремящейся к нулю, что подтверждает зависимость указанных переменных. Определена зависимость уровня цифровой грамотности от пола респондентов.

Т а б л и ц а 2

Влияние пола респондентов на уровень цифровой грамотности

Уровень цифровой грамотности	Мужской пол	Женский пол
Очень низкий (1-20)	22	20
Низкий (21-40)	15	21
Удовлетворительный (41-60)	8	9
Высокий (61-80)	3	1
Очень высокий (81-100)	0	0

При этом, как показывает анализ, переменные «пол» и «уровень цифровой грамотности» являются независимыми. Так, значение хи-квадрат Пирсона, составляет лишь 9,6; при этом асимптотическая значимость – 0,048, что подтверждает независимость указанных переменных.

Нами определено отношение населения к внедрению технологий цифровой экономики. Результаты представлены в таблице 3.

Т а б л и ц а 3

Отношение респондентов к внедрению технологий цифровой экономики

Отношение респондентов к цифровой экономике как фактору развития общества	Процент ответов
Я считаю, что ЦЭ способствует развитию общества	45
Я считаю, что ЦЭ способствует деградации общества	12
Я не могу однозначно определить свое отношение к ЦЭ как к фактору развития общества	43

Как видно из таблицы 3, значительное количество респондентов не могут однозначно определить свое отношение к цифровизации. Мы установили, что данный фактор зависит от возраста (хи-квадрат равен 41,56, асимптотическая значимость стремится к нулю); вида занятости (хи-квадрат равен 48,9,

асимптотическая значимость стремится к нулю); уровня цифровой грамотности (хи-квадрат равен 38,7, асимптотическая значимость стремится к нулю). Другие исследуемые факторы – пол, образование, место жительства – не оказывают влияния на исследуемый показатель.

Вывод. Уровень цифровой грамотности населения Курского региона, основанный на компетентности населения, показывает, что у населения региона есть значительные пробелы, в первую очередь, в технической компетентности. Наиболее высокий показатель в коммуникативной компетентности.

Более 40% населения Курского региона пока не определились с отношением к повсеместному внедрению цифровых технологий. Это должно обязательно учитываться при разработке очередных этапов программ, связанных с цифровой экономикой, как в регионе, так и в целом по России.

Список литературы

1. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020/Аналитический центр НАФИ. [Электронный ресурс] URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (Дата обращения 28.04.2020).

2. Индекс цифровой грамотности /Региональный общественный центр интернет технологий. [Электронный ресурс] URL: <https://rocit.ru/uploads/-769c4df4bc6f0bd6ab0fbe57a056e769b8be6bcf.pdf?t=1517847097> (Дата обращения 02.05.2020).

3. Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии // Центр по изучению общественного мнения: офиц. сайт. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280> (Дата обращения 02.05.2020).

4. Давыдов С.Г., Логунова О.С. Проект «индекс цифровой грамотности»: методические эксперименты // Социология: 4М. 2015. № 41. С. 120–141.

5. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. 2014. №2(14). С. 27–35.

6. Шариков А.В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности / Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 1. С. 87–98.

7. Подгорный Б.Б. Российский фондовый рынок как социальное поле / Б.Б. Подгорный – Курск: ЗАО Университетская книга, 2018. 316 с.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ
TRANSFORMATION OF HUMAN CAPITAL DURING
THE TRANSITION TO THE DIGITAL ECONOMY**

И.Б. Ромашова

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.B. Romashova

Lobachevsky University

Рассматриваются тенденции изменения человеческого капитала в условиях цифровизации экономики, влияние его интеллектуального потенциала на экономический рост, социальное благополучие и развитие общества.

The article considers the trends of human capital changes in the conditions of digitalization of the economy, the impact of its intellectual potential on economic growth, social well-being and development of society.

Ключевые слова: человеческий капитал, интеллект, трансформация, цифровая экономика, управление, развитие

Keyword: human capital, intelligence, transformation, digital economy, management, development

Цифровая экономика характеризуется процессами стремительного расширения информационно-коммуникационных технологий, переходом к новому технологическому укладу, который базируется на знаниях и интеллектуальном потенциале человечества. Цифровизация носит взрывной характер и проявляется, прежде всего, в новых технологиях высокоскоростной обработки и передаче больших массивов данных. Данный процесс приводит к широкому распространению и удешевлению компьютерной и электронной техники, торжеству Интернета и существенному влиянию его на все стороны жизни людей [1].

По сути, происходит информационная революция, которая приводит к существенной трансформации человеческого капитала, к появлению и развитию новых компетенций участников этого процесса. «Цифровая экономика задает направления изменения традиционных секторов экономики, возникновения новых рынков и ниш. Новые бизнес-модели являются клиентоориентированными (customer centric), что полностью определяет их структуру: от ценностного предложения, направленного на решение предсказанной потребности клиента, своевременной доставки (just-in-time) и до потоков доходов, основанных на времени использования продукта клиентом. Ключевым источником создания стоимости становится высокоскоростная

обработка больших данных, поскольку транзакции происходят в режиме реального времени и зачастую одновременно. Технологии анализа больших данных помогают найти новые источники создания ценности на основе изучения цифровых портретов потребителей и паттернов их экономического поведения» [2].

Для тех предпринимателей и предприятий, которые отстают от происходящих инфоизменений, возникают проблемы обеспечения их конкурентоспособности и уменьшения шансов на их стратегическое выживание и развитие в самом недалеком будущем. Так, специалисты говорят, что если какая-либо бизнес-структура не представлена на просторах Интернета через свой сайт или хотя бы страницы в социальных сетях (т.е. в виртуальном пространстве), то ее как будто бы не существует и в реальном пространстве. В этой связи углубление знаний и представлений о направлениях необходимой трансформации человеческого капитала позволяет повысить конкурентоспособность тех или иных хозяйствующих субъектов в этих новых, быстро меняющихся условиях экономики.

Как известно, концепция человеческого капитала возникла и получила широкое распространение в середине XX века в развитых странах. К основным элементам человеческого капитала в настоящее время относят: капитал образования (знания – общие и специальные); капитал подготовки к производству (квалификация, навыки, опыт); капитал здоровья; обладание экономически значимой информацией; капитал миграции (обеспечивает мобильность работников); мотивацию к экономической деятельности [3] (Рис. 1).

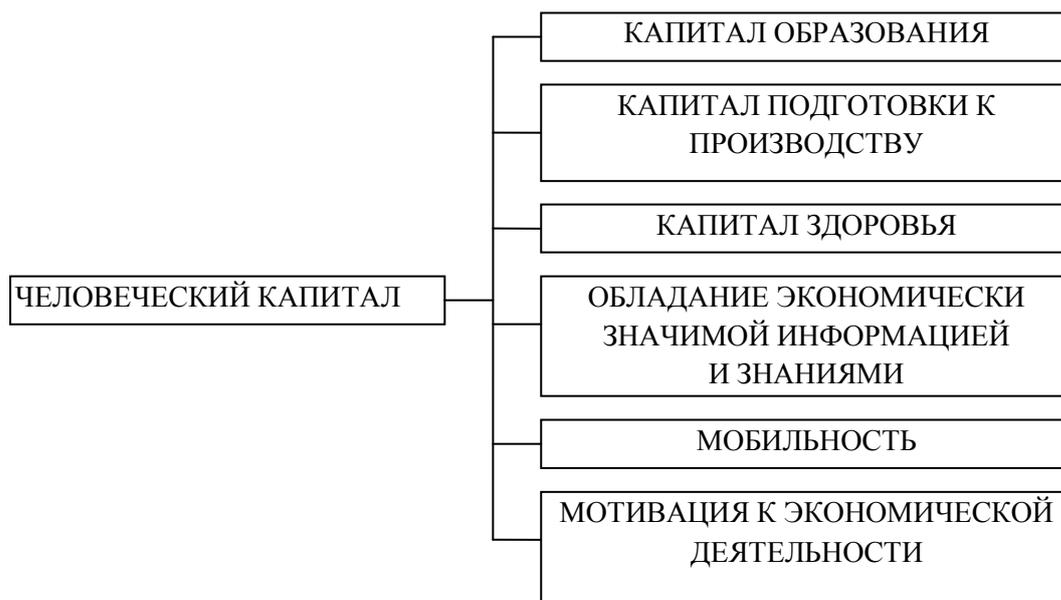

Рис. 1. Элементы человеческого капитала

В рамках теории человеческого капитала человек выступает как производитель всей совокупности материальных и духовных благ, создатель «второй природы» и сознательный субъект глобальных экономических процессов, носитель индивидуальных и коллективных целей и средств научно-технического, духовного и социального развития, регулятор его направлений и приоритетов. Человек становится воплощением экономических интересов, стимулов и критериев развития социума [4].

В условиях стремительного развития нового технологического уклада, цифровой экономики человеческий капитал в целом претерпевает значительную трансформацию. На наш взгляд, она выражается, прежде всего, в следующих направлениях:

- расширение и обогащение общих навыков, таких, как: способность к поиску информации, а также к ее использованию и обработке больших баз данных в ходе решения проблем; коммуникационная активность и искусство принятия оптимальных решений; стрессоустойчивость и готовность работать в условиях неопределенности и повышенных рисков;

- углубление и дифференциация специальных и технических знаний, умений и навыков; развитие и понимание систем искусственного интеллекта;

- новые требования к развитию рациональных интеллектуальных способностей, склонности к абстрактному и логическому мышлению, умению моделировать различные бизнес-процессы и процессы социальной жизни, прогнозировать последствия тех или иных сценариев развития;

- новые требования к эмоциональному интеллекту, адекватным поведенческим реакциям в условиях информационных перегрузок, гармоничности ценностных установок, умению брать на себя ответственность, уровню развития духовных качеств;

- изменение структуры действенных мотиваторов высокоэффективного труда. В этой связи необходимо искать новые методы и модели управления талантливыми людьми с целью повышения результативности их деятельности. При этом требуется не только материальная, но и нематериальная мотивация интеллектуального и креативного труда специалистов будущего, способных инициировать новые идеи и продвигать их на рынке, монетизировать свои открытия и изобретения [5];

- возрастает инновационность человеческого капитала, изменения становятся все более стремительными и принципиальными и касаются всех сфер жизни общества: производимой продукции, транспортных средств, образа жизни, обновления гаджетов, форматов общения и искусства. Становится крайне актуальным механизм диагностики инновационного потенциала человеческого капитала, моделирование сценариев его развития [6].

В целом, для конкретных организаций встает задача адекватного накопления человеческого капитала, способного удержать организацию «на плаву», обеспечить ее конкурентную способность в интеллектуальной экономике. Прирастает человеческий капитал двумя способами: когда организация использует максимальный объем знаний своих сотрудников и когда максимальное число людей владеет необходимыми в новых условиях знаниями. Кроме наращивания потенциала знаний необходимо и развитие навыков применения этих знаний, осознание человеком своей значимости и своего места в трансформационных процессах, умение приспосабливаться к изменяющимся условиям.

Целевая трансформация человеческого капитала может потребовать определенных инвестиций. Инвестиции в человеческий капитал оправданы, если с точки зрения бизнеса они обладают достаточно высоким уровнем окупаемости и рентабельности. Поэтому актуализируется вопрос оценки экономической эффективности инвестирования в человеческий капитал, который в научных исследованиях изучен недостаточно полно.

Таким образом, глобальный переход к принципам цифровой экономики оказывает существенное влияние на формирование новых требований к человеческому капиталу, что приводит к его коренной трансформации, возрастанию инновационного и интеллектуального потенциала. Данный процесс сопровождается возрастанием сложности управления человеческим капиталом, необходимостью поиска новых инструментов влияния и вовлечения, новых моделей стимулирования и мотивации эффективного труда, оценки эффективности вложений в развитие человеческого капитала.

Список литературы

1. Ромашова И.Б., Сергеева Ю.В., Удалова И.Б. Трансформация ценообразования в условиях цифровизации // Экономика и предпринимательство. №1, 2020. С. 198–202.
2. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение Ч-80 [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.
3. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. Supplement. October. 1962. p. 72–75.
4. Основы экономической теории человеческого капитала. Методологические и институциональные аспекты / Под ред. Ф.Г. Хамидуллина. Казань: АН «ФЭН», 2006. 331 с.

5. Ромашова И.Б., Саутенков В.В. Развитие креативных способностей персонала предприятий // Промышленное развитие России: проблемы, перспективы: Сб. статей по мат-м 11 МНПК в 2 т. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2013. С. 227–231

6. Ромашова И.Б., Горячев Р.А. Инновационные процессы и инновационный потенциал современного предприятия// Актуальные вопросы управления инновационной деятельностью экономических систем: Сб. трудов, Нижний Новгород. 2012. С. 134–148.

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN DIGITALIZATION

Х.С. Хаджаев
*Ташкентский финансовый институт,
г. Ташкент, Республика Узбекистан*
Kh.S. Khadzhaev
*Tashkent Financial Institute,
Tashkent, Republic of Uzbekistan*

Посвящено проблемам роли человеческого капитала в условиях цифровой экономики в России. Рассмотрено место человеческого капитала в программе цифровой экономики и даны особенности состояния рынка труда в России за 2019 год.

This article is devoted to the problems of the role of human capital in the digital economy in Russia. It considers the place of human capital in the digital economy program and describes the specifics of the state of the labor market in Russia for 2019.

Ключевые слова: человеческий капитал, занятость, цифровизация, экономика, цифровые технологии

Keywords: human capital, employment, digitalization, economics, digital technologies

В современных условиях развития мировой экономики и отдельных стран мира важное место занимает человеческий капитал. В докладе Международной Организации Труда (МОТ), посвященном перспективам занятости и социальной защиты в мире, были отмечены тренды роста нестабильной занятости с высокой дифференциацией по странам и регионам мировой экономики. В этом процессе значительную роль играют как человеческий капитал, так и цифровые технологии. Внедрение цифровых технологий не снимает, а в некоторых случаях даже усугубляет проблематику нового

неравенства в сфере использования человеческого капитала в различных сферах национальной экономики в целом.

Это определяет актуальность использования человеческого капитала как основного стимулятора развития в условиях цифровой эпохи, который обуславливает необходимость изучения классификации рабочих мест и разработки критериев выделения их новых типов, систематизации профессиональных навыков и предпосылок формирования новых компетенций, определения влияния роботизации и автоматизации на формирование востребованных компетенций.

Как показывают результаты исследований за рубежом, в условиях цифровой экономики необходимо уделять внимания следующим аспектам использования человеческого капитала:

1) цифровые платформы позволяют обеспечить стандартизацию и достоверность информации, возможность ее проверки;

2) возможность алгоритмического решения многих задач, связанных с форматом трудовых контрактов, требуемых компетенций, систем стимулирования работников;

3) обеспечение большей прозрачности и возможности получения большей информации о рабочих местах и их соискателях;

4) низкая стоимость приложений;

5) возможность быстрого обеспечения соответствия спроса и предложения человеческого капитала во временном и пространственном континууме [1].

Эти характеристики позволяют снизить транзакционные издержки на рынке использования человеческого капитала, однако они не гарантируют роста устойчивости занятости.

Переход к цифровой экономике существенным образом меняет рынок использования человеческого капитала: наряду с распространением информационных технологий во всех сферах жизни цифровые навыки становятся критически важными с точки зрения работодателей. Ожидается масштабная трансформация требований к специалистам, поскольку многие операции, которые не были затронуты предыдущими волнами внедрения цифровых технологий, в ближайшем будущем могут быть автоматизированы. В цифровой экономике устойчивость занятости и экономический рост во многом зависят от сформированных цифровых компетенций работников. Поэтому развитие человеческого капитала и формирование цифровых навыков через обеспечение на самом раннем этапе образовательной системы контакта учащихся с цифровыми технологиями, создание благоприятной среды и культуры

получения образования на протяжении всей жизни (lifelong education), переход на цифровые учебные материалы в образовании.

Ключевым фактором успеха процессов цифровизации является наличие высококвалифицированных кадров в достаточном объеме и соответствующих рабочих мест, а также системы подготовки специалистов, обладающих определенными компетенциями для разработки и внедрения цифровых технологий. Ключевой компетенцией, определяющей конкурентные преимущества компаний будущего, становится аналитика больших данных. Умение работать с большими массивами структурированной и неструктурированной информации позволяет компаниям повысить качество прогнозирования спроса, оптимизировать процессы.

Внедрение цифровых технологий обуславливает значительные изменения потребностей в персонале и требований к специалистам:

- снижение спроса на профессии, связанные с выполнением формализованных повторяющихся операций;
- сокращение жизненного цикла профессий в связи с быстрой сменой технологий;
- трансформация компетентностных профилей некоторых категорий персонала (риск-аналитики, HR-менеджеры, маркетологи-аналитики, операторы контакт-центров и др.) в связи с изменением инструментария работы;
- возникновение новых ролей и профессий;
- повышение требований к гибкости и адаптивности персонала;
- повышение требований к «soft skills» — обладанию социальным и эмоциональным интеллектом, то есть в конечном счете теми способностями, которые отличают человека от машины;
- рост спроса на специалистов, обладающих «цифровой ловкостью» (digital dexterity) — способностью и желанием использовать новые технологии в целях улучшения бизнес-результатов [2].

Все страны стремятся быть конкурентоспособными, в связи с чем разрабатывают концепции инклюзивного роста. Концепция инклюзивного устойчивого роста предполагает долговременное поддержание экономического роста, создание высококачественных рабочих мест и конкурентоспособных в мировой системе разделения труда отраслей. Инвестиционная активность должна быть сопряжена с активизацией инновационной деятельности и обеспечение государством благоприятной конкурентной среды. Эти меры способствуют созданию высокотехнологичных рабочих мест, повышению качества человеческого капитала. Инвестиции в создание новых производств и в обновление некоторых старых отраслей на основе новых технологий позволяют

повысить производительность труда и улучшить качество жизни людей, снизив экологические риски.

Как правило, в частном секторе создание новых рабочих мест происходит в 1,5–2 раза интенсивнее, чем в государственном, при этом частный сектор более склонен к сокращению рабочих мест. По мнению В. Гимпельсона и ряда других исследователей, именно реаллокация рабочих мест внутри частного сектора является важнейшим фактором повышения производительности российской экономики. С появлением систем «робот – робот», искусственного интеллекта увеличивается вероятность потенциальной безработицы. 50% занятых в добывающих отраслях стран ОЭСР к 2020 г. могли потерять работу из-за роботов, дронов, роботов-автомобилей. В России роботизация может привести к росту безработицы до 20–25%. 50% рабочих мест во всем мире могут быть автоматизированы, так как являются рутинными. В российской экономике до 22 млн трудящихся могут быть уволены из-за роботизации [3].

Если обратим внимание на влияние цифровых технологий на рынок труда с учетом фактических данных, не менее 30% функций в рамках профессий могут быть автоматизированы на текущем уровне развития технологий, на 9 трлн долл. к 2030 г. может вырасти мировой ВВП благодаря автоматизации рабочих мест с помощью технологий ИИ, 49,3% рабочих мест могли бы быть ликвидированы в России в случае одномоментной автоматизации, 375 млн работников (около 14% мировой рабочей силы) вынуждены будут сменить профессию к 2030 году, 98% – вероятность автоматизации таких профессий, как банковский операционист, аудитор, кредитный специалист, и на 29% может снизиться количество рабочих часов в профессиях, которые к 2027 г. не исчезнут благодаря внедрению ИИ в банковском секторе Китая [4].

Что осуществляется в России в вопросах взаимосвязи программы «Цифровой экономики» и использования человеческого капитала. Программой были предусмотрены расходы на «Кадры для цифровой экономики», в 2019 г. было выделено 10,5 млрд. руб., а что касается 2020-2021 гг., то на эти цели предусмотрено выделения соответственно 13,3 млрд руб. и 22,4 млрд руб.

Направление «Кадры для цифровой экономики» включает в себя проведение тематических смен в сезонных лагерях для школьников по передовым направлениям дискретной математики, информатики, цифровых технологий, на что в ближайшие три года планируется выделять более 470 млн руб. ежегодно.

В рамках этого же направления на развитие и распространение лучшего опыта в сфере формирования цифровых навыков в 2019 г. и 2020 г. предусмотрено около 1,8 млрд руб., а в 2021 г. – 2,7 млрд руб. На предоставление грантов физическим лицам на реализацию проектов в области

цифровой экономики зарезервировано 250 млн руб. ежегодно. На тиражирование лучших практик по развитию цифровой грамотности школьников на базе русских школ за рубежом планируется потратить 309 млн руб. в 2019 г. и 340 млн руб. – в 2021 г. Сумма за 2020 г. в приложении к закону о бюджете отсутствует. [5].

В заключение необходимо отметить, что процессы цифровизации важны при решении проблем, связанных с использованием человеческого капитала как в России, так и в Узбекистане.

Список литературы

1. Agrawal A., Horton J., Lacetera N., Lyons E. Digitization and the Contract Labor Market: A Research Agenda // *Economic Analysis of the Digital Economy* / eds A. Goldfarb, Sh.M. Greenstein, and C.E. Tucker. 2015. URL: <http://www.nber.org/chapters/c12988> (Дата обращения: 24.09.2019).

2. Gartner. Steps to Develop Digital Dexterity in Your Workplace. [/https://www.gartner.com/binaries/content/assets/events/keywords/digital-workplace/psce13/4_steps-infographics-3.pdf](https://www.gartner.com/binaries/content/assets/events/keywords/digital-workplace/psce13/4_steps-infographics-3.pdf) (Дата обращения: 24.09.2019).

3. Гимпельсон В., Жихарева О., Капелюшников Р. Движение рабочих мест: что говорит российская статистика // *Вопросы экономики*. 2014. № 7. С. 93–126.

4. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.

5. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» <http://static.government.ru/media/files/3b1AsVA1v3VziZip5VzAY8RTcLEbdCct.pdf> (Дата обращения: 26.02.2020).

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF EDUCATIONAL ACTIVITIES AND TRAINING OF STUDENTS IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION

Е.А. Ходырева
Университет Иннополис, г. Иннополис
Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров
Е.А. Khodyreva
Innopolis University, Innopolis

Обосновывается специфика оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся в условиях цифровой трансформации высшей школы, которая связана с использованием цифровых образовательных ресурсов

и соответствующих информационно-коммуникационных технологий в содержании и процедурах оценки. Определены принципы и технология оценки качества, специфика оценочных средств, используемых субъектами профессионального образования для текущего контроля, промежуточной и итоговой аттестации.

The article is devoted to substantiating the specifics of assessing the quality of educational activity and training of students in the digital transformation of higher education, which is associated with the use of digital educational resources and the corresponding information and communication technologies in the content and assessment procedures. The principles and technology of quality assessment, the specificity of the assessment tools used by subjects of professional education for current control, intermediate and final certification are determined.

Ключевые слова: качество профессионального образования, оценка качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся, цифровая трансформация высшей школы

Keywords: quality of professional education, assessment of the quality of educational activities and training of students, digital transformation of higher education

В настоящее время высшая школа как один из основных социальных институтов находится в условиях цифровой трансформации, обеспечивающей ее адаптацию к требованиям и запросам цифровой экономики. Исследователи [1; 2; 3] обращают внимание, что цифровая трансформация охватывает все ее основные сегменты высшей школы – образовательный, научно-инновационный, субъектный. В образовательном сегменте трансформация обуславливает цифровизацию содержания и технологий профессионального образования. В научно-инновационном сегменте – формирование инновационного капитала как движущей силы цифровой экономики. В субъектном сегменте трансформация связана с изменением ролей субъектов профессионального образования в условиях информатизации высшей школы и ее перехода к использованию информационно-коммуникационных образовательных технологий, в том числе, электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Следует заметить, что современные цифровые технологии оказывают существенное влияние не только на содержание высшего образования, его организацию, но и на оценку качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся [4].

Качество образовательной деятельности и подготовки обучающихся мы определяем как комплексную характеристику, выражающую степень соответствия процесса профессионального образования и его результатов нормативным требованиям, потребностям субъектов образовательного процесса, а также устанавливающую степень достижения планируемых

результатов образовательной программы [5]. Оценка качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся мы рассматриваем как определение с помощью диагностических и оценочных процедур степени соответствия образовательной деятельности и результатов подготовки обучающихся нормативным требованиям, а также социальным и личностным ожиданиям.

Специфика ее реализации в условиях цифровой трансформации высшей школы связана с использованием цифровых образовательных ресурсов и соответствующих информационно-коммуникационных технологий в диагностических и оценочных процедурах, реализуемых в ходе текущего контроля, промежуточной и итоговой аттестации.

Основными принципами оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся в условиях цифровой трансформации являются следующие:

- принцип объективности оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся, позволяющий установить соответствие уровня сформированности компетенций конкретного обучающегося необходимому для осуществления того или иного вида профессиональной деятельности уровню квалификации. Реализация этого принципа требует не только наличия четко сформулированных критериев и показателей оценки, но и стандартизации ее условий и процедур в электронной информационной образовательной среде вуза;

- принцип комплексности оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся, требующий не только осуществления процедур оценки знаний и умений обучающегося, его готовности применять их в условиях профессиональной деятельности, но и возможности их структуризации и хранения для оперативного использования полученных данных субъектами образовательного процесса при решении управленческих и иных задач;

- принцип технологичности процедур оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся, позволяющий получить информацию об уровне их сформированности на каждом из этапов профессионального образования в вузе;

- принцип открытости оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся, предполагающей использование внешних образовательных ресурсов, которые содержат диагностические материалы, позволяющие оценить качество образовательной деятельности и подготовки обучающихся; а также обуславливающей возможность привлечения к процедуре оценивания работодателей и иных заинтересованных субъектов регионального рынка труда.

Характеризуя содержание оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся в условиях цифровой трансформации, следует выделить пять взаимодействующих направлений данной деятельности, связанных с установлением перечня компетенций как образовательных результатов освоения образовательной программы, отражающих требования к профессиональной деятельности выпускника; разработку оценочных средств на основе комплексного анализа трудовых функций будущих специалистов; установление индикаторов достижения рекомендуемых и формируемых образовательными организациями компетенций; формирование возможностей и ресурсов электронной информационной образовательной среды для проведения оценочных мероприятий; обоснование процедур оценки и систем текущего контроля, промежуточной и итоговой аттестации с использованием ресурсов электронной информационной образовательной среды.

Оценочные средства, которые используются субъектами профессионального образования оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся в условиях цифровой трансформации для текущего контроля, промежуточной и итоговой аттестации, ориентированы на использование возможностей электронной информационной образовательной среды как пространства коммуникаций, содержащего цифровые ресурсы и возможности информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих проведение дискуссионных форумов; решение ситуационных задач; решение кейсов; публикацию обучающимися результатов совместной проектной деятельности и публичную защиту проектов; обсуждение презентаций и видеопрезентаций, в том числе, размещенных в облачном сервисе; проведение междисциплинарных собеседований, в том числе с использованием сервиса MS TEAMS, ZOOM; осуществление расширенного компьютерного тестирования (закрытые и открытые вопросы, ситуационные задачи).

Характеризуя технологию оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся в условиях цифровой трансформации, можно определить три её: подготовительный, основной и заключительный. На подготовительном этапе обосновывается концепция и содержание оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся в условиях цифровой трансформации, устанавливаются индикаторы эффективности данного процесса, определяются требования к техническому и программному обеспечению. На основном этапе определяются технические платформы для проведения системы оценочных мероприятий. При этом могут использоваться как собственные образовательные платформы университетов, входящие в состав электронной информационно-образовательной среды, так и иные

образовательные платформы, которые могут применяться субъектами образовательного процесса (Google-Forms, Kahoot, Mentimeter, LMS Moodle). Для обеспечения объективности оценивания необходимо предусмотреть использование механизмов прокторинга, в том числе применение методов биометрической идентификации; проведение видеозаписи хода и процедур оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся. Важным направлением деятельности на данном этапе является обеспечение структуризации и хранения данных, полученных в результате оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся, позволяющее их использование для повышения качества профессионального образования. Заключительный этап оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся в условиях цифровой трансформации требует оценки эффективности данного процесса.

Оценка качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся в условиях цифровой трансформации высшей школы предполагает существенную модернизацию диагностических и оценочных процедур, реализуемых в ходе текущего контроля, промежуточной и итоговой аттестации, и связана с использованием субъектами профессионального образования комплекса цифровых образовательных ресурсов и соответствующих информационно-коммуникационных технологий.

Список литературы

1. Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе. // *Философские науки*. 2017. №6. С. 121–136.
2. Шутенко А.И., Шутенко Е.Н. Постмодернистская трансформация социокультурной идентичности высшей школы. // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 12. С. 276–285.
3. Шастун Т.А. Парадигма системной трансформации российской высшей школы. // *Крымский научный вестник*, №1 (7), 2016. С. 186–195.
4. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии [Авт. коллектив: А.В. Клягин и др.]. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с. (Современная аналитика образования. № 6 (36)).
5. Матвеева Н.С. Качество высшего образования: к постановке проблемы // *Непрерывное профессиональное образование: теория и практика*. Сборник материалов V Международной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей / под общ. редакцией д-ра пед. наук, проф. Э.Г. Скибицкого. Новосибирск, 2014. С. 138–141.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ЦИФРОВОЙ ПОРТРЕТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ **DIGITAL PORTRAIT OF RUSSIAN REGIONS: METHODOLOGICAL BASIS OF THE RESEARCH**

А.А. Былинская
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
А.А. Bylinskaya
Lobachevsky University

Рассматриваются подходы к исследованию вопросов формирования цифрового портрета российских регионов с применением методик, предложенных в работах российских и зарубежных авторов.

The article discusses Russian and foreign methodological approaches to use for the construction of a digital picture of Russian regions.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровой портрет, цифровой разрыв, регионы Российской Федерации

Keywords: digitalization, digital transformation, digital picture, digital divide, regions of Russian Federation

Одним из наиболее значимых и сложных, с точки зрения исследования социальных процессов, происходящих в современной России, является процесс цифровизации, затрагивающий практически все сферы экономической и социальной жизни российского общества.

По результатам исследования Московской школой управления СКОЛКОВО «Цифровая жизнь российских мегаполисов» [1], было выявлено, что качество цифровой среды в регионе в значительной мере коррелирует с воспринимаемым качеством жизни. «Цифра» становится одним из ключевых факторов общего жизненного комфорта. Существенное отставание в развитии цифровой жизни региона может спровоцировать потерю наиболее инновационных, динамичных и мобильных жителей, тех самых, которые способны эффективно развивать цифровую среду. Последние исследования бизнес-школы СКОЛКОВО показали, что «подобные процессы обладают свойством замкнутого круга: чем больше потери человеческого капитала, тем слабее возможности его привлекать, развивать и удерживать» [2].

В этом контексте чрезвычайно важными становятся вопросы сопоставления уровня цифровизации российских регионов. Анализ цифрового неравенства в России требует оценки региональных различий, являются весьма

существенными. Одним из возможных вариантов исследования является формирование цифрового портрета российских регионов. Методологической основой исследования может стать оценка спроса и предложения на цифровые сервисы.

Анализ спроса проводится на основе данных, свидетельствующих о степени активности и заинтересованности интернет-пользователей в имеющейся цифровой инфраструктуре. Оценивается число поисковых запросов в системах Google и Яндекс, связанных с интересующими жителей города цифровыми сервисами, активность жителей регионов в социальных сетях.

Анализ предложения осуществляется с помощью показателей, характеризующих наличие и степень развития цифровых услуг в регионах. Проводится оценка онлайн-функционала интернет-ресурсов (сайтов больниц и официальных порталов местных администраций), удобства использования порталов и полнота предоставляемых услуг, рассматривается количество услуг на региональных порталах государственных и муниципальных услуг и количество образовательных массовых открытых онлайн-курсов (МООС), предоставляемых региональными вузами.

В 2014 г. Московской школой управления СКОЛКОВО была разработана методика, позволяющая описать цифровой разрыв второго уровня между городами и исследовать факторы, определяющие этот разрыв. Данная методика позволяет ответить на ключевой методический вызов, нахождение способа адекватного описания «вторичной цифровизации», т.е. использования цифровых систем в повседневной жизни. Использован Индекс цифровой жизни. Для его расчета используется ряд показателей, характеризующих спрос и предложение в таких сферах, как транспорт, финансы, здравоохранение, образование, СМИ и административная сфера.

Так, например, показателями, используемыми для оценки развития сферы здравоохранения, на стороне спроса являются: возможность записи к врачу-педиатру на gosuslugi.ru и возможность записи к врачу-терапевту на gosuslugi.ru. На стороне предложения первичными показателями являются количество поисковых запросов «запись / записаться к врачу /в поликлинику» на 1000 населения и «купить лекарства, активированный уголь, панкреатин, ксилометазолин, хлоргексидин, флуконазол, ибупрофен, омепразол, перекись водорода, бисопролол, аспирин, лейкопластырь, кватател, парацетамол, немозол» на 1000 населения.

В качестве первичных показателей развития транспортной сферы со стороны предложения рассматриваются: наличие Яндекс.Транспорт или аналога и электронных расписаний на остановках. Первичными показателями со стороны спроса транспортной сферы является количество поисковых

запросов «расписание транспорт, расписание автобус, маршрут автобус/ троллейбус/ трамвай/ маршрутное такси/ маршрутка, Яндекс транспорт, Умный транспорт».

Средства массовой информации оцениваются на основе количества сетевых СМИ по базе агрегатора Яндекс.Новости на 1000 000 населения, характеризующего предложение, и показателей активности в социальных сетях «Facebook» и «ВКонтакте» на 1000 населения.

Ключевым фактором, определяющим цифровой разрыв первого уровня для регионов, является ВРП на душу населения. Модели, объясняющие цифровой разрыв первого уровня, начали появляться с 2001 г. [3]. Названное исследование представляет собой попытку ответа на вопрос, в какой мере цифровой разрыв определяется уровнем богатства – в виде ВВП на душу населения. В случае, если бы этот фактор оказался ключевым, единственной стратегией преодоления цифрового разрыва было бы общее догоняющее экономическое развитие, относительно медленный процесс. Сегодня в отношении регионов России данный вопрос актуален не менее, чем в международном контексте, поскольку различия в ВРП на душу населения между регионами составляет более 10 раз.

В исследовании [2] отмечается, «Анализ распределения уровня цифровизации по регионам России в зависимости от их уровня дохода демонстрирует отсутствие линейной зависимости. Общее значение индекса максимально в городах со средними доходами. В «богатых» городах со средним уровнем ежемесячного дохода больше 50 тыс. рублей на человека значение индекса оказывается на том же уровне, что и в городах с доходами 20-29 тыс. рублей, причем развитие цифрового предложения в них вообще оказывается самым слабым среди всех групп» [2, с. 31].

Что, если не уровень экономических ресурсов, определяет развитие вторичной цифровизации в регионе? Для ответа на этот вопрос исследователями Московской школой управления СКОЛКОВО был проведен регрессионный анализ на основе модели, предложенной в 2001 г. Дасгуптой и состоящей из трех групп факторов: доход, человеческий капитал и стимулирующая политика. Анализ показал, что «в целом цифровой разрыв между российскими регионами определяется теми же факторами, что и многократно исследованный цифровой разрыв между странами: ключевую роль играют человеческий капитал и стимулирующие политики» [2, с. 32]. При этом роль человеческого капитала в России существенно более значима, особенно в отношении спроса.

По данным последних исследований выявлено, что цифровой разрыв второго уровня между российскими регионами остается весьма существенным.

Индекс цифровой жизни городов-лидеров (Краснодар и Екатеринбург) почти в 5 раз выше, чем у аутсайдера (Магас-Назрань). При этом распределение предложения существенно более равномерно, разница между лидирующим и замыкающим городом составляет не более трех раз. Проведенные исследования [2] показывают, что общий цифровой разрыв в большей мере определяется различиями в уровне цифрового спроса, который определяется цифровыми навыками и компетенциями населения.

Соотношение между размером региона и «насыщенностью» его цифровой жизни не носит линейный характер: малые города с численностью населения, не превышающей 100 тыс. человек, демонстрируют более высокий уровень индекса цифровизации, чем города с населением 100-200 тыс., по показателю спроса малые города превосходят даже города в стране 500 тыс. – 1 миллион жителей, уступая только миллионникам [2, с. 7].

На уровне федеральных округов лидерами являются Уральский и Центральный. Южный округ, несмотря на лидерство Краснодара среди городов, оказывается в середине рейтинга, замыкает его с большим отрывом Северо-Кавказский округ.

Основное достоинство методики исследования школы управления СКОЛКОВО в том, что проведенный с ее помощью статистический анализ факторов цифрового разрыва между российскими регионами показал картину, схожую с многократно исследованным цифровым разрывом между странами: ключевую роль играют человеческий капитал и стимулирующие политики, фактор обеспеченности ресурсами оказывается несущественным.

Дополнив исследование Московской школой управления СКОЛКОВО гендерной и возрастной проекцией цифрового неравенства, можно сформировать цифровой портрет российских регионов.

Список литературы

1. Цифровая жизнь российских мегаполисов. Московская школа управления СКОЛКОВО. 2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Vladimir_Korovkin/publication/331936570_Cifrovaazizn_rossijskih_megapolisov/links/5c93b45045851506d7221e56/Cifrovaazizn-rossijskih-megapolisov.pdf?origin=publication_detail. (Дата обращения: 04.10.2020).

2. Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв. Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО (IEMS) 2020. 62 с.

3. Norris P. (2000). The Worldwide Digital Divide: Information Poverty, the Internet and Development. Paper for the Annual Meeting of the Political Studies Association of the UK, London School of Economics and Political Science. London,

UK: Harvard University John F. Kennedy School of Government; Cullen R. (2001). Addressing the Digital Divide. *Online Information Review*, 25(5), 311-320; Dasgupta S., Lall S. & Wheeler D. (2001). Policy Reform, Economic Growth and the Digital Divide. The World Bank Development Research Group.

**ВОЗРАСТНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА
AGE-RELATED ASPECTS OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT
UNDER CHANGING TECHNOLOGICAL PATTERNS**

О.С. Гапонова, Н.С. Гапонова
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород*
O.S. Gaponova, N.S. Gaponova
*The Higher School of Economics,
Nizhny Novgorod*

Анализируются возможности получения ДПО с помощью электронных образовательных ресурсов. Подчеркивается важность освоения компьютерной грамотности и IT-технологий старшим поколением в условиях изменения технологического уклада. Описываются основные он-лайн-ресурсы для лиц старшего возраста и пенсионеров.

The paper analyzes the possibilities of obtaining vocational education with the use of electronic educational resources. It stresses the importance of learning computer literacy and IT-technologies of the older generation in a changing technological order. There are described basic online resources for older people and retirees.

Ключевые слова: человеческий капитал, образование и обучение взрослых, дополнительное профессиональное образование, электронные образовательные ресурсы

Keywords: human capital, adult education, adult educational programs and vocational education and trainings (AE&VET), electronic educational resources

Современное развитие человеческого капитала тесно связано с развитием IT-технологий, которые позволяют существенно повышать его качество. Важным источником пополнения и воспроизводства человеческих ресурсов является дополнительная профессиональная подготовка и переподготовка взрослых [1]. Она обеспечивает предложение необходимых профессиональных навыков и, по мнению исследователей, является прямым фактором роста производительности труда [2]. В этом отношении электронное обучение не имеет себе равных, поскольку информация генерируется системно,

целенаправленно, а обучение реализуется в удобном для обучающегося временном формате.

Под электронным обучением «понимается организация образовательного процесса с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие участников образовательного процесса». Таким образом, основным компонентом электронного образования являются электронные образовательные ресурсы (ЭОР) [3]. ЭОР является одним из образовательных ресурсов электронно-цифровой формы, который включает в себя определенную структуру, материалы и метаданные [4].

Многие крупные компании, такие как «Лукойл», «Росгосстрах», «Сбербанк», «Газпромбанк», используют для обучения персонала IT-технологии, в том числе он-лайн и VR. Такой переход от традиционных форм обучения характеризуется малыми затратами при передаче корпоративной культуры и производственных стандартов в удаленные подразделения.

Вследствие распространения COVID-19 и, как результат, массового перехода граждан РФ на «удаленную работу», потребность в информационно-технологических ресурсах существенно выросла, в том числе появилась необходимость в обучении грамотному использованию этих ресурсов. Сервис «Мегаплан» провел опрос сотрудников российских компаний с целью выявления степени готовности перехода бизнеса на «удаленную работу» [5]. По результатам опроса 3820 респондентов выяснилось, что данное изменение практически не повлияло на компании IT-сектора, сферы маркетинга и консалтинга, поскольку именно они оказались наиболее гибкими и приспособленными за счет компьютерной грамотности, материально-технической обеспеченности и удаленного доступа к данным. Однако более половины опрошенных утверждают, что переход на подобный формат невозможен в силу отсутствия как необходимых навыков, так и ресурсов.

Проведенный нами анализ статистических данных [6] показывает, что он-лайн-курсы и самообразование через Интернет – ключевое направление, через которое люди пытаются самостоятельно восполнить недостающие компетенции. Однако данный вид наиболее распространен в категории населения в возрасте от 15 до 29 лет (Рис.1.). Что же касается людей старшего возраста (до 50 лет), они тоже используют он-лайн-ресурсы, но наравне с печатными изданиями, радио и телепередачами.

Рис. 1. Методы обучения через самообразование

Стоит отметить, что жизненный период с 25 до 40 лет характеризуется наибольшей степенью вовлеченности в профессиональную и трудовую деятельность, и, как следствие, люди такого возраста используют для самообразования только эффективные методы. Важно отметить, что для развития системы такого формата обучения среди пожилого населения необходимо продвижение учебных программ с использованием онлайн-технологий и специализированных он-лайн-ресурсов для лиц старшего возраста и пенсионеров.

Самый известный западный пример такого ресурса, функционирующего в основном офф-лайн и лишь частично он-лайн, является программа – Elder hostel [7]. Программа предлагает пожилым людям возможность заниматься обучением по различным предметным областям, используя пространство и возможности, доступные в колледжах и университетах в течение летних месяцев. Elderhostel предлагает почти 8 тыс. программ ежегодно более чем в 90 странах почти для 170 тыс. пожилых людей каждый год.

Сегодня в России тоже существуют специализированные сайты для пожилых людей, позволяющие не только поддерживать коммуникацию друг с другом, но и проходить курсы по компьютерной грамотности, включая упрощенные для понимания курсы по разработке сайтов. Один из таких сайтов – «Компьютерная академия для пенсионеров» [8]. Среди возможных рубрик для изучения пожилые люди могут выбрать: общее освоение работы с ПК, создание хостинга и сайтов, грамотное использование стандартных и профессиональных инструментов Microsoft Office, Adobe Photoshop и иных лицензионных сервисов. В Санкт-Петербурге на базе ИТМО [9] функционирует «Университет третьего возраста» формата он-лайн [10]. На

площадке размещены авторские курсы в области финансовой грамотности, культуры, психологии. Курсы направлены как на теоретическое, так и на практическое освоение той или иной дисциплины, все они имеют не только текстовое, но и разнообразное мультимедийное сопровождение. Дополнительно на сайте размещены инструкции и рекомендации от сотрудников ИТМО для добровольцев и специалистов, размещающих материалы. Межрегиональный ресурсный центр «Серебряный возраст» [11] реализует программу «Сети все возрасты покорны», направленную на развитие адаптационных он-лайн-ресурсов для людей пенсионного и предпенсионного возраста. Программа также занимается поддержкой и обучением специалистов, работающих с людьми пенсионного и пожилого возраста. Центр осуществляет подготовку и выпуск информационных, научно-методических и научно-практических пособий, электронные рассылки, проведение исследований и научно-методических разработок в сфере проблем людей пенсионного возраста, а также занимается разработкой и внедрением образовательных программ для пожилых пользователей.

Подводя итоги, можно сказать, что образование взрослых с использованием IT-технологий становится трендом, захватывающим широкий спектр потребителей разных стран. Современные ресурсы, размещенные в сети Интернет, поддерживают процессы обучения, осуществляют прокторинг и оценку знаний и компетенций, а также предлагают средства для самостоятельного проведения исследований, для сотрудничества, конструирования и формируют индивидуальные образовательные планы благодаря общему мониторингу и самоидентификации.

Список литературы

1. Российский рынок труда: Тенденции, институты, структурные изменения // Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ. под. ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. 2017. 145 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf
2. Bassanini A., Booth A., Brunello G., De Paola M., Leuven E. (2007) Workplace Training in Europe. In: Brunello, G., Garibaldi, P., Wasmer, E. (Eds.), Education and Training in Europe. Oxford University Press, Oxford. pp. 143–178.
3. Башмачников А.И., Башмачников И.А. Разработка компьютерных учебников и обучающих систем. М.: Филинь, 2003. 616 с.
4. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gost.ruscable.ru/Index/0/30.htm>.
5. Мегэплан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://megaplan.ru>.

6. Росстат. Федеральное статистическое наблюдение участия населения в непрерывном образовании (по результатам выборочного обследования населения в 2015 г., форма №1-НО). 2016. т.1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gks.ru/>.

7. Roadscholar. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.roadscholar.org/community>.

8. Виртуальная компьютерная академия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pc-pensioner.ru.

9. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://itmo.ru/ru/>.

10. Университет третьего возраста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://u3a.ifmo.ru/>.

11. Межрегиональный ресурсный центр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://silveryears.ru/>.

ЦИФРОВОЙ КАПИТАЛ: ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ* **DIGITAL CAPITAL: FEATURES OF CONCEPTUALIZATION**

И.А. Исакова

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.A. Isakova

Lobachevsky University

Развитие информационных технологий и распространение сети Интернет – значимый социальный феномен современного общества. Научно обоснованный анализ социального бытования Интернета, его воздействия на социум предполагает системное изучение различных характеристик этого феномена в поле социологического научного дискурса, однако, для планирования конкретных социологических исследований необходима разработка концепции, опираясь на которую социология может продуктивно исследовать социальную феноменологию Интернета.

The development of information technologies and the spread of the Internet is a significant social phenomenon of modern society. A scientifically grounded analysis of the social existence of the Internet and its impact on society suggests a systematic study of various characteristics of this phenomenon in the field of sociological scientific discourse. However, to plan specific sociological studies, it is necessary to develop a concept on the basis of which sociology can effectively investigate the social phenomenology of the Internet.

* Выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31608 «Интернет-технологии управления процессами в молодежной среде».

Ключевые слова: социальный капитал, человеческий капитал, цифровой человеческий капитал, социальные сети

Keywords: social capital, human capital, digital human capital, social networks

Развитие информационных технологий затрагивает все сферы жизнедеятельности людей, вынуждая приспосабливаться к правилам цифрового мира, что актуализирует изучение социальных процессов, которые их сопровождают. Показательным является ситуация, возникшая в период карантина в связи с распространением COVID 2019, когда основной массе населения Российской Федерации пришлось перейти на удаленную работу и покупки, дистанционное обучение и даже обратиться к дистанционной медицине (общение с врачами приходилось осуществлять посредством мобильной связи и онлайн-встреч). Такое распространение практик дистанционного, опосредованного компьютеризированной техникой общения не могло не стать предметом исследования социологов.

Дискуссия по поводу влияния цифровизации на общество ведется как на западных, так и на российских научных площадках. Примером может служить Международная научно-практическая конференция «Технологии и практики эффективного управления человеческим капиталом», прошедшая в Санкт-Петербурге 27-28 февраля 2020 г., где на секции «Цифровой капитал как драйвер развития сферы труда» обсуждалось, как цифровизация создает новую среду для занятости. П.П. Дерюгин, д.с.н., (Санкт-Петербургский государственный университет) отмечает: «актуальность разработки стратегии социологической диагностики на основе обращения к ценностям с использованием сетевого подхода обусловлена необходимостью изучения условий максимального использования человеческого капитала» [1]. Л.С. Титаренко, д.с.н., Белорусский государственный университет, (Минск) использует термин «цифровой капитал»: «Цифровизация сферы труда требует развития новых знаний и компетенций, формирования цифрового капитала и цифровой культуры. Основы цифрового капитала специалистов закладываются в вузе и включают IT-знания и широкие компетенции, востребованные в любой сфере труда» [1]. Таким образом, в ходе конференции социологи использовали понятия «цифровой капитал», «человеческий капитал» в сходных дискурсах, что еще раз показывает неопределённость терминологического поля в данной области.

Появление двух указанных дискурсов связаны с особенностями определения капитала в теориях П. Бурдье [2] и Дж. Коулмана [3].

Классиком теории капитала Пьером Бурдье (статья «Формы капитала», 1986) капитал назывался по сфере его действия: «В зависимости от области, в которой он (капитал) функционирует, и за счет более или менее дорогостоящих

преобразований, которые являются предпосылкой его эффективности в данной области, капитал может проявить себя в трех фундаментальных обличьях: как экономический... культурный... социальный капитал, состоящий из социальных обязательств («связей»), который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме титула» [2]. С этой точки зрения, социальные обязательства, создаваемые в сети Интернет, можно считать цифровым капиталом, т.к. формируется он в виртуальной реальности, реализуемой через компьютерную технику. Традиция использования категории «цифровой капитал» прослеживается в работах зарубежных исследователей, как, например, I. Cortoni и J. Perovic в статье «Социологический анализ цифрового капитала черногорских учителей» [4], E. Eveno «Городской цифровой капитал» [5], M. Ragnedda и M.L. Ruiu «Цифровой капитал. Бурдюкский взгляд на цифровой разрыв» [6], L.I. Rodriguez и C.E.G. Reyes «Инкорпорация цифрового капитала в школе» [7], B. Philipsen «Модель процесса профессионального развития для онлайн и смешанного обучения: развитие цифрового капитала» [8].

Ограничение в принятии концепта «цифровой капитал» связаны с тем, что через Интернет среду может реализовываться как экономический, так и иные виды капитала. По данным Росстата, россияне в Интернете более всего предпочитают общение в социальных сетях, на четвертом месте – поиск и заказ товаров. По официальной статистике, в 2018 г. насчитывался почти 31 млн клиентов интернет-магазинов [9]. Таким образом, значимая часть действий, связанных с социальной и экономической деятельностью, опосредуется глобальной сетью, что дает право говорить о реализации экономического или социального капитала в цифровой среде, а не появлении отдельного его вида. Однако, есть особенности использования сети Интернет, которые не реализуются в повседневной реальности: например, человек может получать поддержку в решении своих проблем от виртуального сообщества, от людей, с которыми не знаком. Например, житель Соликамска обеспокоился безопасностью жителей, и на официальной странице в социальной сети опубликовал сообщение с фотографией о том, что в городе длительное время остается открытым люк посреди дороги. И администрация приняла меры – нашла собственника люка и потребовала устранить проблему, через несколько дней колодец закрыли [10]. Таких историй множество: через социальные сети решаются проблемы получения медицинской помощи, буллинга в школе, организации городской среды, предотвращение мошенничества, получение справок и социальных пособий и многое другое. Таким образом, Интернет-сообщество дает информационную поддержку, которая может конвертироваться в реальную помощь, однако при этом личных знакомств так и не

происходит, поэтому отнести это к социальному капиталу недостаточно, это, с нашей точки зрения, цифровой капитал.

Капитал социальных сетей может трансформироваться и в экономические формы. Примером могут служить многочисленные флеш-мобы по сбору средств в благотворительные фонды. Например, в 2019 г. для помощи Австралии в борьбе с пожарами и защите природы, в особенности, животных пользователи социальных сетей под хештегом #nakedforaustralia предлагают прислать любому свои интимные фото в обмен на несколько долларов пожертвования благотворительным фондам. Было собрано более 100.000 долларов [11]. И таких примеров множество.

Подведя итог, отметим, что специфика взаимодействия посредством глобальной сети отличается от реального общения и привычного круга друзей, позволяет привлекать все виртуальное сообщество для решения социальных, экономических, политических и культурных задач, поэтому, с нашей точки зрения, заслуживает выделения в отдельный вид – цифровой капитал.

Другой классик теории капиталов Дж. Коулман описывает социальный, физический и человеческий капитал: «человеческий капитал создается путем внутренней трансформации самих индивидов, вызываемой их навыками и способностями. Это в свою очередь дает возможность им действовать иначе» [3]. В таком контексте «цифровой человеческий капитал» подразумевает «развитие у индивидов ценностей и навыков по работе с цифровыми данными: поиск, обработка, анализ и использование». В российских научных исследованиях авторы предпочитают использовать именно категорию «человеческий капитал в цифровую эпоху», например, Ю.Ш. Капкаев, А.С. Исаева, В.В. Лешинина в статье «Анализ качества человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики» [12], Л.С. Сагдеева, С.М. Коробко «Человеческий капитал как фактор устойчивого развития в условиях цифровой экономики» [13], С.Б. Шитов «Человеческий капитал в условиях цифровой экономики (социально-философский взгляд)» [14], О.В. Евграфова «Человеческий капитал цифровой экономики: качественный анализ» [15], С.А. Дятлов «Сетевой человеческий капитал миллениалов как драйвер развития цифровой экономики» [16], Т.А. Петкова «Эффективность управления человеческим капиталом на территории региона в условиях цифровой экономики» [17], Е.В. Гордеева, Н.П. Леванидова «Особенности управления человеческим капиталом в условиях цифровой экономики» [18], Д.Ю. Иванов, Е.Ю. Суслов, К.В. Евдокимов, В.И. Саморуков «Развитие человеческого капитала в условиях цифровой экономики» [19]. В целом, восприятие человеческого капитала только в дискурсе цифровой экономики кажется нам

достаточно ограниченным и не отвечающим современным информационным реалиям.

Итак, в России традиционно цифровой капитал изучается в контексте цифровой экономики, при этом социальная сторона остается малоизученной, что отражается не только в эмпирических исследованиях, но и в теоретическом осмыслении феномена. Преодоление этой научно-методологической проблемы возможно при должном уровне концептуализации категории «цифровой капитал».

Список литературы

1. См.: Программа Международной научно-практической конференции «Технологии и практики эффективного управления человеческим капиталом», проводившаяся в рамках IV Санкт-Петербургского Международного Форума Труда. – Санкт-Петербург, 27-28 февраля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2020/%D0%9D%D0%A1%D0%9C2020/program.pdf> (Дата обращения: 23.10.2020).

2. Бурдые П. Формы капитала / Пер. М.С. Добряковой; науч. ред. В.В. Радаев // Экономическая социология. Том 6. №3. Май 2005. С. 60–74. [Электронный ресурс]. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60. (Дата обращения: 23.10.2020).

3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Перевод Л. Стрельникова, А. Стасенко // Общественный науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.

4. Cortoni I., Perovic J. Sociological analysis of Montenegrin teachers' digital capital // Comunicacao e Sociedade. 2020. № 37. Pp. 169–184 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/> (Дата обращения: 23.10.2020).

5. Eveno E. The urban digital capital // Bitacora Urbano Territorial. 2020. № 30 (3). Pp. 15–26. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/> (Дата обращения: 23.10.2020).

6. Ragnedda M., Ruiu M.L. Digital capital. A bourdieusian perspective on the digital divide. UK: Northumbria University, Emerald Publishing, 2020. Pp. 1–23. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/42794084/Digital_Capital_A_Bourdieusian_Perspective_on_the_Digital_Divide (Дата обращения: 23.10.2020).

7. Rodriguez L.I., Reyes C.E.G. Incorporacion de capital digital en la escuela // Relegacion. 2020. Vol. 5, No. 25. Pp. 133–144. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/> (Дата обращения: 23.10.2020).

8. Philipsen B. A professional development process model for online and blended learning: Introducing digital capital // Technology and Teacher Education. 2019. № 19 (4). Pp. 850–867. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/42878105/A_Professional_Development_Process_Model_for_Online_and_Blended_Learning_Introducing_Digital_Capital (Дата обращения: 23.10.2020).

9. Треть пожилых людей в России являются активными пользователями интернета // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/63640> (Дата обращения: 23.10.2020)
10. Сургова О. Прямой контакт. Как социальные сети помогают решить проблемы без бумажной волокиты // Аргументы и факты: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://perm.aif.ru/society/details/pryamou_kontakt_kak_socseti_pomogayut_reshit_problemy_bez_bumazhnoy_volokity (Дата обращения: 23.10.2020).
11. Берк М. Модели спасают Австралию от пожаров с помощью секс-фото // Комсомольская правда. Нижний Новгород: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/27077/4149068/> (Дата обращения: 23.10.2020).
12. Капкаев Ю.Ш., Исаева А.С., Лешинина В.В. Анализ качества человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 158–167.
13. Сагдеева Л.С., Коробко С.М. Человеческий капитал как фактор устойчивого развития в условиях цифровой экономики // Вестник Академии знаний. 2019. № 2 (31). С. 211–214.
14. Шитов С.Б. Человеческий капитал в условиях цифровой экономики (социально-философский взгляд) // Вестник научных конференций. 2019. № 5-1 (45). С. 120–122.
15. Евграфова О.В. Человеческий капитал цифровой экономики: качественный анализ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 8 (111). С. 35–38.
16. Дятлов С.А. Сетевой человеческий капитал миллениалов как драйвер развития цифровой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4 (118). С. 26–31.
17. Петкова Т.А. Эффективность управления человеческим капиталом на территории региона в условиях цифровой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 95–101.
18. Гордеева Е.В., Леванидова Н.П. Особенности управления человеческим капиталом в условиях цифровой экономики // E-Scio. 2019. № 11 (38). С. 145–150.
19. Иванов Д.Ю., Суслов Е.Ю., Евдокимов К.В., Саморуков В.И. Развитие человеческого капитала в условиях цифровой экономики // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2020. № 1 (80). С. 85–93.

**ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПОЖИЛЫХ КЛИЕНТОВ
СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ***
**DIGITAL COMPETENCE OF ELDERLY SOCIAL SERVICE
CLIENTS IN RURAL AREAS**

И.А. Исакова, Е.В. Кондратьева
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
I.A. Isakova, E.V. Kondratieva
Lobachevsky University

Обсуждаются привычки использования и потребления новых технологий пожилыми клиентами социальной службы в сельской местности, выявленные в ходе анкетного опроса, проведенного на базе ГБУ «Пильнинский социально-реабилитационный центр для пожилых и инвалидов» в Нижегородской области в 2019 г. (n=21).

The article is devoted to discussing the habits of use and consumption of new technologies by elderly clients of the social service in rural areas, identified in the questionnaire survey conducted at the Pilnin Social Rehabilitation Center for the elderly and disabled in Nizhny Novgorod region in 2019. (n=21).

Ключевые слова: пожилой гражданин, сельская местность, компьютер, обучение, цифровая компетентность, информационные технологии, потребитель социальных услуг, социальная служба

Keywords: Senior citizen, rural area, computer, training, digital competence, information technology, consumer of social services, social service

Развитие информационных технологий затрагивает все сферы жизнедеятельности, вынуждая приспособляться к правилам цифрового мира людей любых возрастов, навыков и благополучия. Кроме информатизации, современное общество характеризуется глобальным процессом старения. При этом пожилые люди наименее адаптированы к цифровым реалиям.

Цифровой разрыв стал очевиден в связи со всемирной вспышкой пневмонии COVID-19. В условиях глобальной пандемии государства, в том числе Россия, предприняли различные меры для борьбы с COVID-19, главной из которых выступила изоляция населения дома и переход на «дистанционный образ жизни». В условиях радикального перехода на дистанционные формы взаимодействия в трудном положении оказались пожилые граждане: находясь в социальной изоляции от других людей, их положение усугублялось неумением общаться, получать услуги и информацию через Интернет. Пожилые люди

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «"Старикам везде у нас почет?" Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

продолжали использовать телевизор как главный источник информации (63%, по данным ВЦИОМ, 2019 г. [1]), но ТВ не дает возможности активного взаимодействия.

В период COVID-19 пожилые граждане не имели возможности прямой связи не только со знакомыми, ровесниками, а порой и семьей, но и с организациями, социальными или медицинскими, таким образом не имея возможности получить разнообразный спектр социальных услуг. Отметим, что клиенты, находящиеся на надомном обслуживании, продолжали получать помощь.

Недостаточное развитие компетенций в использовании компьютерной техники и возможностей сети Интернет можно назвать цифровой неграмотностью. Цифровая грамотность – это развитие знаний и навыков получения, хранения и использования информации с применением информационно-коммуникационных технологий. Цифровая грамотность, с нашей точки зрения, подразумевает не только наличие навыков использования компьютерной техники и средств связи для решения бытовых, социальных, профессиональных и иных задач, но и умения критически относиться к получаемой в сети информации и возможностям.

Оценить уровень цифровой грамотности пожилых граждан пытаются как в России, так и за рубежом. Например, в 2015 г. во Франции большинство опрошенных пожилых людей имели устройство с доступом в Интернет: чаще всего это планшет 52%, затем следовал компьютер – 17% [2]. В Бразилии в 2019 г. отмечался недостаточно высокий уровень компьютерной грамотности пожилых, и возникающая в связи с этим проблема их социальной уязвимости [3]. В 2020 г. в Испании было проведено исследование, которое показало, что даже во вполне развитой стране люди в возрасте от 65 до 74 лет, которые пользуются Интернетом, составляют 46.5%, а молодые (от 16 до 24 лет) – 98%, то есть в два раза больше [4]. Общим во всех исследованиях является, выявленная потребность пожилых в дополнительных курсах цифровой грамотности. Сходные исследования нужны и в России, особенно в такие кризисные периоды, как пандемия COVID-2019, поскольку от цифровой грамотности пожилых может зависеть их доступ к социальным и медицинским услугам.

При оценке знаний и ресурсов (проведено до эпидемии), необходимых для удаленного получения услуг, был выявлен достаточно низкий уровень приспособленности пожилых граждан. В 2019 г. был проведен опрос пожилых клиентов ГБУ «Пильнинский социально-реабилитационный центр для пожилых и инвалидов» Нижегородской области в 2019 г. (n=21). На вопрос, «Пользуетесь ли Вы компьютером, планшетом, телефоном?», 3 человека

ответили, что используют компьютер, планшет и телефон; 4 человека используют только телефон и компьютер; 13 – телефон; 1 – только компьютер; вариант ответа «ничего не использую» не выбрал ни один человек. Самый большой показатель использования телефона, так как это самая востребованная и полезная вещь, легче всего освоить этот гаджет, особенно если он оснащён минимумом функций. Однако только у трети опрошенных телефон был подключен к сети Интернет.

Электронными терминалами в банках пользуются только 12 опрошенных из 21, остальные вынуждены искать другие способы оплаты. Однако даже те, кто оплачивают услуги через терминал, пользуются помощью специальных консультантов. Терминалы не являются доступным техническим оборудованием, поэтому пожилым приходится предоставлять свои персональные данные другому человеку для осуществления необходимых операций.

6 опрошенных из 21 негативно относятся к тому, что многие услуги (например, запись к врачу, оплата ЖКХ) теперь оказываются дистанционно, через Интернет и терминалы. Именно они, как показала ситуация с COVID-2019, испытывали дополнительные проблемы с адаптацией к «карантинному» образу жизни. С другой стороны, большинство положительных ответов показывают, что у дистанционных услуг есть будущее: пожилые граждане подтверждают, что они экономят время, например, на записи, решают проблемы с перемещением по городу и недостаточно доступной городской средой.

13 человек из опрошенных ни разу не пользовались сайтами социальных служб (УСЗН, Пенсионный Фонд), потому что не умеют их искать, открывать, использовать, особенно если некому им помочь в этом или обучить. Опрошенные, заботясь о своем здоровье, считают, что чрезмерное использование гаджетов вредит здоровью, поэтому не стремятся развивать навыки использования Интернет, а, следовательно, и интереса к нему нет. В целом, пожилые граждане признают необходимость развивать дистанционные технологии, однако, в основном не для себя. Половина опрошенных не планируют пользоваться Интернет-услугами, поэтому и доступность социальных услуг, в целом, для них не возросла.

Проведя опрос лиц пожилого возраста, можно сказать, что большинство из них имеет дома компьютер и/или мобильный телефон с доступом в сеть Интернет, но пользоваться предоставляемыми ими возможностями либо нет желания, либо навыков. Некоторым пожилым гражданам освоить новые технологии мешает отсутствие средств либо на ее приобретение, либо на обновление, либо на обслуживание (абонентская плата); неподходящие

условия, то есть отсутствие связи в населенном пункте или проблемы с организацией оплаты; недоверие к возможностям новых технологий. Однако необходимость доступа к дистанционному получению услуг осознают все, это понимание еще более усилилось во время пандемии. Пожилые граждане признают необходимость повышения собственного уровня цифровой грамотности, однако самостоятельно справиться с этим не могут и нуждаются в содействии либо своих близких, либо советующих специалистов.

Список литературы

1. Опрос «Что для Вас является главным источником новостей о событиях в стране» от 03.11.2019 г. // Всероссийский центр изучения общественного мнения: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://bd.wciom.ru/baza_rezultatov_sputnik/?&search=1&prevSql=KGB0cl96aF9xX3ZgLmBuYW11YCBMSUtFICcl0YLQtdC70LXQstC40LTQtdC90LjQtSUnKQ%3D%3D&text=%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA&logic=AND&in_q=on&day_f1=&month_f1=&year_f1=&day_t3=&month_t3=&year_t3=&ds=2&day_f2=15&month_f2=1&year_f2=2017&day_t2=29&month_t2=9&year_t2=2020&&page=2 (Дата обращения: 23.10.2020 г.)

2. Gonz lez-Ocate C., Fanjul-Peyry C., Cabezuelo-Lorenzo F. Use, consumption and knowledge of new technologies by elderly people in France, United Kingdom and Spain // Comunicar. 2015. V.23. №45. Pp. 19–27 // Scopus [Электронный ресурс] – URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84936120076&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&st1=digital+literacy+elderly&nlo=&nlr=&nls=&sid=9dedb648e7977bcb49ed73a4b9f1902&sot=b&sdt=cl&cluster=scoopenaccess%2c%22%2ct%2bscosubjabbr%2c%22SOCI%22%2ct&sl=58&s=TITLE-ABS-KEY%28digital+literacy+elderly%29+AND+ACCESSTYPE%28OA%29&relpos=11&citeCnt=20&searchTerm=> (Дата обращения: 23.10.2020 г.)

3. Vitorino E.V., Righetto G.G., Packer C.R.P.P. Information literacy of elderly: A prototype headed to their information needs // Revista Digital de Biblioteconomia e Ciencia da Informacao. 2019. №17. Pp. 1–11 // Scopus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/> (Дата обращения: 23.10.2020 г.)

4. Agudo A.A., Garc a E.G., Mart nez-Heredia N. Challenges for inclusive citizenship: Digital literacy between elderly and young // Comunicacao Midia e Consumo. 2020. №17(48). Pp. 11–33 // Scopus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/> (Дата обращения: 23.10.2020 г.).

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ-2020:
ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЧГИФКИС
DIGITAL TRANSFORMATION-2020:
ORGANIZATION OF DISTANCE EDUCATION AT CHSIFE&S**

А.Е. Местникова, Г.Г. Алексеева, П.Е. Явловская
*Чурапчинский государственный
институт физической культуры и спорта,
с. Чурапча (Республика Саха, Якутия)*
A.E. Mestnikova, G.G. Alekseeva, P.E. Yavlovskaya
*Churapchinsky State Institute of Physical Education and Sports,
Churapcha, (Republic of Sakha, Yakutia)*

Представлены результаты социологического исследования, проведенного в мае 2020 г. методом формализованного онлайн-опроса с целью выявления отношения студентов Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта к организации дистанционного образования в вузе.

This article presents the results of a sociological study conducted in May 2020 for identify the attitude of students of the Churapchinsky State Institute of Physical Culture and Sports to the organization of distance education in a high school sports.

Ключевые слова: дистанционное образование, студенты, спортивный вуз, обучение, тренировки, опрос

Keywords: distance education, students, high school sports, training, survey

Сложившаяся в этом году эпидемиологическая ситуация раскрыла все потенциальные возможности, со всеми достоинствами и недостатками, дистанционного образования. Несмотря на то, что данная форма образования уже широко внедрилась в образовательный процесс, в такой масштабной и обязательной форме она использовалась впервые. По данным ЮНЕСКО на 15 апреля 2020 г., в вузах всего мира был изменен образовательный процесс и 99% студентов перешли на дистанционное обучение [1]. Со времени объявления пандемии вузы были вынуждены экстренно пересмотреть практики управления и организации работы.

По мнению экспертов, изменения, связанные с пандемией, способны «полностью трансформировать сферу высшего образования, и, как следствие, требуют большого внимания и реагирования» [2; 3]. В условиях вынужденной цифровой трансформации в организации дистанционного образования особенные риски обнаруживаются в сельской местности. ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта» – единственный вуз в сельской местности в Якутии, реализующий программы подготовки бакалавриата и магистратуры по шести направлениям.

Переход на дистанционное обучение с сохранением качества и доступности образовательного и научного процесса в вузах предполагает учет мнения и студентов, и преподавателей, поэтому в начале мая 2020 г. в целях изучения отношения студентов ЧГИФКиС к организации дистанционного образования был проведен стандартизированный анкетный опрос в онлайн-формате. В анкетировании приняли участие 60% студентов очной и заочной форм обучения.

Студентам было предложено оценить степень собственной готовности к переходу на дистанционное обучение по 5-балльной шкале: на 3 балла (30.5%), 5 баллов (28.3%), 4 балла (24.4%), 1 балл (10.8%) и 2 балла (6%). Большинство студентов считают, что оказались готовы к вынужденному переходу на дистанционное образование, первый и второй вариант отметили существенно меньшее количество студентов.

На вопрос о возможности полноценной подготовки к сессии и защите ВКР мнения респондентов разделилось. 45.4% опрошенных считают, что не могут полностью подготовиться, частично – 25.1%, могут подготовиться – 14.9%, затруднились ответить – 14.6%. Результаты ответов показывают, что для полного освоения учебных дисциплин необходима контактная работа с преподавателями в очном формате.

Необходимо отметить, что данное анкетирование было проведено в первой половине мая, в период интенсивной работы над выпускными квалификационными работами выпускников. По результатам государственной итоговой аттестации и защит ВКР можно констатировать, что, несмотря на сложности самоизоляции в период пандемии и повышенную нагрузку профессорско-преподавательского состава в связи с выполнением государственного задания по реализации федерального проекта «Спорт – норма жизни» Министерства спорта Российской Федерации, институт успешно провел итоговую аттестацию выпускников по всем направлениям подготовки.

Специфика вуза требует обязательного занятия избранными видами спорта студентов физкультурного и спортивного направления института. Так, помимо учебных занятий, студенты посещают по 1 тренировочному занятию в день в течение недели. Дистанционная форма обучения внесла свои коррективы в проведении практических занятий, в связи с этим изменения коснулись и тренировок студентов. На вопрос, «Согласны ли Вы с тем, что будет необходимым увеличение объема тренировок студентов физкультурного, спортивного направления после окончания карантина?», примерно половина опрошенных студентов (43%) считают, что после окончания карантина будет необходимо увеличить объем тренировок, 18.8% студентов не согласны с данным утверждением, 38.2% затруднились ответить.

Далее был задан открытый вопрос о формах проведения во время пандемии коронавируса практических занятий по элективным курсам физической культуры и по спортивным дисциплинам. Ответы респондентов можно разделить на три группы: 1) Самостоятельное выполнение заданий студентами; 2) В режиме реального времени посредством интернета; 3) Не проводят такого рода занятия.

Из ответивших студентов во время карантина иногда тренируются – 38.6%, один раз в день тренируются – 36.7%, не тренируются – 15.8%, вариант «один раз в день, так как условия не позволяют» отметили всего 8.2%. Данные ответы подтверждают, что при дистанционном обучении уменьшается количество тренировочных нагрузок, что отрицательно для студентов физкультурного направления. Студенты преимущественно занимаются общей физической подготовкой (75.6%), специальную физическую подготовку выполняют 18.3%. Студенты показывают, что ведут поддерживающую тонус организма тренировки, которые возможны в домашних условиях и не требуют специальных спортивных снаряжений.

Более всего респондентам в дистанционном обучении понравилось, что есть возможность проходить обучение из любого места (82.6%) и в любое время (67,8%). Отсутствие внеучебных мероприятий, занятий нравится 21.5% студентов, почти в равной степени нравится возможность работать на разных образовательных платформах – 16.7% и индивидуальная работа с преподавателями – 17.7%. Но также есть 7 респондентов, ответивших, что им ничего не нравится в дистанционном обучении.

Дистанционное обучение обладает и рядом недостатков. В качестве отрицательных сторон онлайн обучения студенты, в первую очередь, отмечают нехватку «живого» общения с преподавателем (55.5%), увеличение количества самостоятельных заданий (47.4%), им не хватает институтских мероприятий (42%). Около половины респондентов отметили сложность работать все время за компьютером или смартфоном (40%), а также отсутствие тренировочных занятий (39%). Недостаточность свободного времени на отдых указали 19.7% студентов, такое же количество признают недостаточным уровень собственной компьютерной грамотности (19.7%). Еще одним отрицательным моментом дистанционного обучения респонденты отметили необходимость сильной мотивации к обучению (12.3%). Студенты отметили и технические сложности в организации дистанционного образования – отсутствие стабильной интернет связи, необходимость оплаты WiFi-связи из собственных средств, а также трудности с выполнением заданий.

В целом, в сложившихся условиях, связанных с пандемией и экстренным переходом на дистанционную форму обучения, большинство опрошенных

студентов выразили удовлетворенность организацией дистанционного обучения в вузе – 31% респондентов «полностью», 56.9% – «частично» удовлетворены. Не удовлетворены организацией 12.1% студентов.

В качестве предложений по улучшению качества дистанционного обучения, студенты предложили такие варианты: усиление интернет-связи, предоставление большего времени для выполнения заданий, наличие постоянной whatsapp-связи с преподавателями, увеличение количества онлайн-занятий, использование технически более простых приложений для обучения, своевременная проверка работ преподавателями.

Таким образом, переход образовательного процесса полностью на дистанционный формат в физкультурном вузе активизировал ресурсы института, форсировал использование информационных технологий в обучении, при этом выявил определенные трудности. Подобные исследования необходимо проводить регулярно, чтобы получать обратную связь от студентов, отслеживать динамику их мнений и настроений и с опорой на данные этих обследований принимать организационные меры по развитию дистанционного образования с сохранением качества и доступности образовательного и научного процесса в вузе.

Список литературы

1. The COVID-19 Crisis Response: Supporting tertiary education for continuity, adaptation and innovation [Электронный ресурс]. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/621991586463915490/WB-Tertiary-Ed-and-Covid-19-Crisis-for-public-use-April-9.pdf> (Дата обращения: 25.07.2020)

2. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии. М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 112 с. (Современная аналитика образования. № 6 (36)).

3. Кейсы быстрых реакций вузов в период пандемии [Электронный ресурс]. URL: https://ioe.hse.ru/sao_universitycases (Дата обращения: 25.07.2020).

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**
**SOCIAL WELL-BEING OF ELDERLY PEOPLE
DIGITAL CONDITIONS**

С.Ю. Тихоненкова

*Волгоградский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Волгоград*

S.Yu. Tikhonenkova

*Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА,
Volgograd*

Исследуется социальное самочувствие пожилых людей в условиях цифровизации. Проанализированы особенности положения пожилых людей в условиях цифровизации. Показано, как влияют возрастные и индивидуальные особенности на возможность использования цифровых технологий пожилыми людьми.

The article is devoted to the study of the social well-being of older people in the context of digitalization. The features of the situation of older people in the context of digitalization are analyzed. It is shown how age and individual characteristics affect the possibility of using digital technologies by older people.

Ключевые слова: пожилые люди, цифровизация, цифровые технологии, социальное самочувствие

Keywords: elderly people, digitalization, digital technologies, social well-being

Интерес к социальному самочувствию пожилых людей в условиях цифровизации является актуальным вопросом нашего времени. В мире сейчас происходит динамичное внедрение цифровых технологий в жизнедеятельность человека, привычные всем технологии постепенно вытесняются. Сложно уже представить современное общество без персонального компьютера и интернета. [1] Молодежь и взрослые зачастую не испытывают проблем, возникающих у пожилых людей, которые совсем не могут овладеть всеми технологиям в необходимой мере в силу своего возраста.

Пожилые люди в условиях цифровизации легко оказываются на обочине прогресса. Такая модель приводит к размыванию интеллектуального и нравственного уровня общества. Уходят накопленные знания, так как умирает его носитель.

Цель работы – исследовать социальное самочувствие в условиях цифровизации.

С помощью общенаучных методов анализа и синтеза, а также методе глубинного интервью опросив пожилых людей в возрасте от 60 лет и старше, мы получили следующие данные.

Современные технологии сейчас находятся в постоянном развитии и становятся сложнее в использовании, так как появляются новые функции, программы, которые не так-то и легко сразу изучить. Пожилые люди до 70 лет, пытаются понять и изучить нужные цифровые технологии, чтобы сделать свою жизнь удобней.

«Практически каждый день мы с этим сталкиваемся в меньшей или большей степени. Иногда оплачиваю коммунальные платежи через компании, но это бывает редко, если приходится какие-то проблемы решить, а в основном всё идет через терминалы» (женщина, 67 лет).

Люди более старшего возраста не видят смысла в изучении, уверены, что им это не нужно и это несет только вред и разрушение общества.

«Телефоны у нас у всех не такие новомодные, а нам такие в самый раз. А за квартплату, ну так и будем платить на почте. Банкоматами я тоже не пользуюсь. Если только прихожу в Сбербанк, а там же по этим талонам, ну мне девушка даст его и сижусь, жду свою очередь» (мужчина, 76 лет).

Негативное отношение пожилых людей часто связано с опасением нарушить повседневный порядок, а также отсутствием интереса или желания учиться новому. Использование цифровых технологий в повседневной жизни не имеет смысла у пожилых людей в возрасте от 70 и выше. Пожилые люди до 70 стараются освоить банкоматы, информационно-платежные терминалы. Прекрасно пользуются телефоном и готовы в дальнейшем изучить еще какие-либо технологии.

«Да, мне хотелось бы научиться тому, чего я еще не знаю, человек всегда должен учиться, сколько бы лет ему ни было. Хотелось бы научиться правильно пользоваться электронной почтой, у нас сейчас много гаджетов, что они имеют много функций, но мы не особо понимаем в этих функциях» (женщина, 61 года).

Отношение к цифровым технологиям тесно связано с образом жизни пожилых людей, предыдущими личными обстоятельствами (например, страхом перед техникой), образованием, экономическим и социальным статусом.

Принятие и усвоение пожилыми людьми всего нового во многом обуславливается тем, насколько оно принято другими членами социальной системы, совместимо с их ценностями и потребностями.

Доверие к цифровым технологиям неоднозначное, пожилые люди не могут быть уверены, что банкоматы, терминалы и телефоны, которыми они чаще пользуются, не подведут их. Хотелось бы сделать выводы, что пожилые люди хорошо чувствуют себя в условиях цифровизации, но это на самом деле оказалось не так. Пожилые люди всё же чувствуют себя ущемленными, и от этого становится горько и стыдно.

«Да, я чувствую себя ущемленной. Сейчас всё так быстро развивается, что мы не то что не успеваем, а нас уже выкинули за борт этой современной жизни. Хорошо, что есть дети, которые еще пытаются нас как-то приспособить к этой жизни. А когда старики одинокие, то им очень трудно прожить в это время» (женщина, 71 года).

Почему же поколение, которое вложило много труда, сейчас чувствует себя ущемленными? Цифровые технологии развиваются, но пожилым людям, во-первых, тяжело освоить их в силу своего возраста и чаще всего здоровья, во-вторых, не организовано обучения пожилых людей различным технологиям, им самостоятельно приходится осваивать банкоматы, терминалы для собственной необходимости.

Полученные данные позволяют сделать вывод о стремлении пожилых людей к освоению и использованию цифровых технологий. Но необходимо обучать пожилых людей цифровым технологиям с учетом психолого-педагогического фактора, включать в обучение психологическое сопровождение, способствующее вовлечению пожилых людей в цифровой мир с учетом их возрастных и индивидуальных особенностей.

Список литературы

1. Иванов В. Контуры цифровой реальности. Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. М.: Ленанд, 2018. 344 с.

**РОЛЬ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОЗДАНИИ НОВЫХ ФОРМ
СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**
**THE ROLE OF DIGITAL COMMUNICATIONS IN CREATING
NEW FORMS OF SOCIAL RELATIONS**

Шамал Сидик Мохаммед
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Ирак
Shamal Sidik Mohammed
Lobachevsky University,
Iraq

На основе данных Фонда «Общественное мнение» анализируется процесс распространения сети-интернет в мире. Интернет рассматривается как средство глобальной коммуникации.

Based on the data of the «Public Opinion» Fund, the process of distribution of the Internet network in the world is analyzed. The Internet is seen as a means of global communication.

Ключевые слова: интернет, социальная активность, интернет активность, вовлечение, интернет общение, социальные связи, социальные сети

Keywords: Internet, social activity, Internet activity, involvement, Internet communication, social connections, social networks

В конце XX – начале XXI в. активно происходящий процесс информатизации проник практически во все сферы жизнедеятельности людей. Одновременно с этим вполне уверенно можно говорить и о начавшемся в начале XXI в. процессе компьютеризации. В настоящее время в мире идет активное распространение сети-интернет (мобильный интернет в первую очередь) и интернет-технологий, в связи с этим наблюдается постоянный высокий рост пользователей интернета. Сейчас практически каждый человек на планете имеет доступ в сеть-интернет. Интернет в нашем современном обществе стал чем-то повседневным и крайне необходимым, без чего мы уже не представляем нашу жизнь. По данным исследований Фонда «Общественное мнение», доля активных пользователей интернета (то есть тех, кто использует интернет ежедневно) по состоянию на 2018 год составляет 63,8% всех россиян. (Табл. 1) [1].

Т а б л и ц а 1

Динамика роста Интернет-аудитории в России (в млн. чел.)

	Суточная посещаемость	Недельная посещаемость	Месячная посещаемость
Зима 2016–2017	71,5	80	82,7
Весна 2017	71,6	79,7	82,4
Лето 2017	70,4	78,5	81,8
Осень 2017	72,4	79,6	82,1
Зима 2017–2018	74,7	81,7	83,8

Таким образом, можно наблюдать, как с каждым годом возрастает число активных пользователей интернета.

В связи с устойчивым увеличением масштабов применения информационных технологий вполне обоснованно можно говорить о процессе виртуализации человеческой деятельности, который влечет за собой отчуждение человека от реальной жизни и может привести к полной замене реальных вещей их образами.

Интернет стал основным источником нашего общения с миром и источником получения из него любой информации. Мы используем его для всего, начиная от общения с родственниками и друзьями, заканчивая международной торговлей. Интернет нашел себе применение в каждом уголке мира.

Одним из последствий развития Интернета стало возникновение виртуального общения, члены которого обладают чувством коллективной идентичности, основанной на использовании особого жаргона, коммуникативных норм, разделении общих ценностей и идеалов; имеют собственные интересы, связанные с использованием Интернета; готовы отстаивать эти интересы. Что же представляет собой виртуальное общение? Это общение в виртуальной среде с помощью своеобразного дискурса, сформировавшегося в компьютерных сетях (в Интернете существует свой этикет (нетикет), свои нормы, запреты и своя собственная эмоциональная атмосфера); общение преимущественно текстовое, состоящее из пересылаемых сообщений; не однонаправленная передача сообщения, то есть круг адресатов и посылающих сообщения известен [2].

Интернет становится средством не просто массовой, а глобальной коммуникации, перешагивающей через национальные границы и объединяющей мировые информационные ресурсы в единую систему. В последние годы виртуальное общение, виртуальная коммуникация все чаще заменяет коммуникацию реальную, формирует новую сферу информационного взаимодействия, приводит к возникновению новых видов отношений.

Интернет-коммуникации – это такие методы общения, при которых передача информации происходит по каналам Интернета с использованием стандартных протоколов обмена и представления информации [3]. Выделяются следующие основные виды общения в Сети:

1) общение в режиме реального времени (так называемый «чат»): с одним собеседником (выбирается определенный канал для такой коммуникации); с большим количеством людей одновременно;

2) общение, при котором сообщения к адресату приходят с отсрочкой: с одним собеседником (электронная почта); со многими людьми – участниками телеконференции (newsgroup) [2].

С появлением и развитием глобальных социальных сетей, таких как Facebook, Vkontakte, Twitter, Viber, Telegram и т.д., изменилось наше общение и взаимодействие с сетью-интернет [4]. Мы стали намного больше проводить времени в сети и меньше общаться с людьми в реальной жизни [5]. Причем это повлияло и на общение с нашими родственниками. Курдские семьи не стали исключением. В дальнейшем исследовании мы сосредоточимся на исследовании роли социальной сети Facebook в создании новых форм социальных отношений в обществе курдских семей.

Список литературы

1. База данных еженедельных опросов «ФОМнибус» «Интернет в России: динамика проникновения» граждан РФ 18 лет и старше; опросы проходили с декабря 2017 г. по февраль 2018 г. (n=24000) [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Фонда общественного мнения. Опубликовано 04.04.2018 г. – URL: <https://fom.ru/posts/13999> (Дата обращения: 04.12.2019).

2. Шарков Ф.И. Коммуникология. Основы теории коммуникации. М.: Дашков и Ко, 2009. 592 с.

3. Бирюкова Е.А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Язык. Словесность. Культура. 2014. №. 6. С. 75–98.

4. Докука С.В. Практики использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. 2014. Т. 1. №. 1. С. 137–145.

5. Желтухина М.Р., Павлов П.В. Социальная сеть «Facebook» как социальная структура и инструмент организации современных коммуникаций и политических конфликтов // Политическая лингвистика. 2016. №. 5. С. 117–123.

**НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СИСТЕМЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
И РЫНКА ТРУДА**

ДОКЛАДЫ

**ПРАРОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ
ПРИМЕНЕНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ***
**GRANDPARENTAL LABOR IN RUSSIA: POSSIBILITIES OF USING
STATISTICAL RESEARCH METHODS**

А.П. Багирова, О.М. Шубат
*Уральский федеральный
университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*
A.P. Bagirova, O.M. Shubat
Ural Federal University, Ekaterinburg

Рассматриваются возможности изучения прародительского труда в России на основе данных, собираемых Росстатом в ходе комплексного наблюдения условий жизни населения. Авторы предлагают две группы индикаторов – вовлеченности населения в сферу прародительского труда и характеристик потенциала его субъектов. Показано, что подход к изучению созвучен исследованиям, осуществляемым в зарубежной демографии прародительства.

The authors consider the possibility of studying grandparental labor in Russia on the data collected by Rosstat in its comprehensive observation of the living conditions of the population. The authors suggest two groups of indicators – the involvement of the population in the grandparental labor and the characteristics of the potential of its actors. It is shown that the approach to the study is consonant with the research carried out in the foreign demography of grandparenthood.

Ключевые слова: прародительство, прародительский труд, статистическое наблюдение, статистические методы, вовлеченность населения в прародительский труд, потенциал субъектов прародительского труда

Keywords: grandparenthood, grandparental labor, statistical observation, statistical methods, involvement of the population in the grandparental labor, the potential of actors of grandparental labor

В целом ряде исследований современных российских и зарубежных ученых отмечается особая роль населения старшего возраста в сфере

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280.

профессионального [1] и домашнего [2] труда. На наш взгляд, в сегодняшней России справедливо говорить о том, что бабушки и дедушки реализуют функции особого прародительского труда в отношении своих внуков – те функции, которые им делегируют их дети.

Анализ данного явления возможен на основе подходов различных наук – демографии, социологии, психологии и т.д. В зарубежной демографии в последние годы выделилась даже отдельная область – демография прародительства. Используемые ею показатели можно поделить на несколько групп [3; 4; 5; 6]:

1. Возрастные показатели прародительства:

- 1) возраст бабушек и дедушек;
- 2) возрастная структура прародительства;
- 3) возраст перехода в прародительство (возраст, когда у человека появляется первый внук / внучка);

2. Показатели продолжительности и интенсивности прародительства:

- 4) продолжительность прародительства;
 - 5) среднее число внуков, приходящееся на 1 прародителя;
 - 6) ожидаемая продолжительность прародительской стадии жизни;
- 3. Показатели распространенности прародительства в обществе:*
- 7) доля прародителей среди населения;
 - 8) доля населения в возрастных когортах, имеющего внуков на протяжении своей жизни;
 - 9) число лиц, имеющих прародителей, в обществе.

4. Показатели совмещения прародительского и других статусов:

- 10) продолжительность пересечения прародительского и других семейных статусов у одного лица (родительского, сыновнего или дочернего);
- 11) пересечение во времени прародительских и профессиональных ролей.

Рассмотрение прародительства как трудовой деятельности добавляет к этим фокусам исследований целый ряд новых, связанных, например, с изучением удовлетворенности трудовым процессом, его мотивации.

В качестве пилотного исследования прародительского труда в России может выступать обследование, проводимое с периодичностью раз в два года Федеральной службой государственной статистики – Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ) [7]. Оно дает характеристику условий жизнедеятельности российских семей и их потребности в обеспечении безопасной и благоприятной среды обитания, здорового образа жизни, воспитании и развитии детей, в повышении трудовой, профессиональной и

социальной мобильности, установлении и развитии социокультурных связей. Результаты этого обследования рассматриваются как репрезентативные по стране, по отдельным социально-демографическим группам населения. В таблице 1 приведены вопросы опросного листа, которые в первом приближении могут рассматриваться в качестве индикаторов прародительского труда. Заметим, что данные российской официальной статистики не позволяют однозначно идентифицировать социально-демографическую группу прародителей как лиц, имеющих внуков. Ориентируясь на данные демографической статистики о среднем возрасте матерей при рождении детей (который в 2018 г. составлял 28,7 года [8], а в 1989 г. (предыдущее поколение матерей) – 25,5 года [9]), можно считать, что российская женщина становится бабушкой в среднем в возрасте 55 лет.

Возможными статистическими методами анализа перечисленных индикаторов могут выступать:

- 1) расчет индексов вовлеченности населения в прародительский труд в отдельных регионах РФ, динамика этих индексов;
- 2) расчет индексов потенциала субъектов прародительского труда в отдельных регионах РФ, оценка их динамики;
- 3) расчет индексов активности населения региона в сфере прародительского труда (на основании индексов вовлеченности и потенциала субъектов прародительского труда) – в отдельных регионах РФ, оценка их динамики;

Т а б л и ц а 1

**Индикаторы прародительского труда,
выделяемые на основе исследования КОУЖ**

	Вопросы опросного листа	Индикаторы прародительского труда	
1	Входит ли в круг Ваших ежедневных занятий уход за детьми, своими собственными или чужими (без оплаты)?	Широта включенности в сферу прародительского труда	Индикаторы включенности населения в сферу прародительского труда
2	Примерно, сколько часов в неделю Вы проводите, ухаживая за детьми?		
3	Как Вы сами оцениваете состояние своего здоровья? Оно у Вас ... 1 – очень хорошее 2 – хорошее 3 – удовлетворительное 4 – плохое 5 – очень плохое	Потенциал здоровья субъектов прародительского труда	Индикаторы, характеризующие потенциал субъектов прародительского труда

	Вопросы опросного листа	Индикаторы прародительского труда
4	Сколько лет суммарно Вы затратили на обучение, чтобы достичь нынешнего уровня образования?	Потенциал образования субъектов прародительского труда
5	Были ли Вы и как часто в течение последних 12 месяцев ... – в кино – в театре – на концерте – на художественной выставке, в музее – в ресторане, кафе, баре – в религиозном учреждении или на встрече верующих – на каком-либо спортивном мероприятии в качестве зрителя	Потенциал социальной активности субъектов прародительского труда

4) кластерный анализ по исходным данным с применением методов четкой и нечеткой кластеризации;

5) кластерный анализ по индексам вовлеченности населения в прародительский труд и индексам потенциала его субъектов.

Таким образом, пока редкие, но довольно востребованные исследования прародительства в современной России могут быть существенно расширены за счет вторичного анализа данных статистических обследований и применения широкого спектра статистических методов анализа данных.

Список литературы

1. Захарова Л.Н., Саралиева З.Х.М., Леонова И.С. Социально-психологическое старение работника как социальное действие: организационный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 4. С. 88-119.

2. Курамшев А.В., Кутявина Е.Е., Судьин С.А. Бабушка в системе внутрисемейных отношений: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 70-79.

3. Leopold T., Skopek J. (2015). The Demography of Grandparenthood: An International Profile. *Social Forces*, 94 (2), 801–832. doi: 10.1093/sf/sov066.

4. Margolis R., Verdery A.M. (2019). A Cohort Perspective on the Demography of Grandparenthood: Past, Present, and Future Changes in Race and Sex Disparities in the United States. *Demography*, 56 (4), 1495-1518. doi: 10.1007/s13524-019-00795-1.

5. Arpino B., Guma J., Julia A. (2018). Family histories and the demography of grandparenthood. *Demographic Research*, 39 (1), 1105-1150. doi: 10.4054/DemRes.2018.39.42.

6. Margolis R., Arpino B. (2019). The demography of grandparenthood in 16 European countries and two North American countries In V. Timonen (ed.), Grandparenting practices around the world (pp. 23-41). Bristol: Policy Press.

7. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (Дата обращения: 11.06.2020).

8. Средний возраст матери при рождении детей (лет) // Демографический ежегодник России – 2019. М.: Росстат, 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (Дата обращения: 11.06.2020).

9. Средний возраст матери при рождении детей (лет) // Демографический ежегодник России – 2002. М.: Росстат, 2003. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B02_16/IssWWW.exe/Stg/d010/i010330r.htm (Дата обращения: 11.06.2020).

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
СЛУЖАЩИХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**
**TRANSFORMATION OF THE COMPETENCIES OF PUBLIC SERVANTS:
A SOCIOLOGICAL APPROACH**

Е.А. Васильева

*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург*

Е.А. Vasilieva

*North-West Institute of Management – brunch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg*

Рассматривается трансформация представлений о профессионализме государственных служащих. Установлено, что сейчас он определяется как компетентность, то есть способность эффективно выполнять свои должностные обязанности, опираясь на свои компетенции и в условиях активного взаимодействия внутри системы и с гражданами. При этом ключевыми становятся не административные знания, а управленческие и коммуникационные навыки.

The article discusses the transformation of ideas about the professionalism of public servants. It has established that now it is defined as competence, that is, the ability to efficiently fulfill the main functions, relying on special knowledge and skills in conditions of active interaction within the system of public administration and with citizens. The crucial competencies became not administrative knowledge, but management and communication skills.

Ключевые слова: компетентностный подход, государственная служба, административная реформа, управленческая компетенция, риски, мотивация

Keywords: competency-based approach, public service, administrative reform, managerial competence, risks, motivation

В настоящее время в условиях возрастания информационной открытости значимой функцией чиновников как основного управляющего субъекта является организация взаимодействия между гражданами и государством. Именно служащие уполномочены выступать от имени государства, транслировать гражданам принятые решения и в то же время консолидировать общественное мнение и транслировать его политическим акторам, поэтому профессионализм чиновников является ключевым фактором, обеспечивающим социальное согласие и доверие в обществе.

Для оценки профессионализма в последние годы в системе государственной службы применяется компетентностный подход, суть которого заключается в оценке ключевых показателей, определяющих содержание деятельности в рамках определенной профессии. Понятие компетенции традиционно рассматривается в правовом и образовательном контекстах. В праве под компетенцией понимается установленная в соответствии с законом совокупность полномочий, а также правовых форм и методов деятельности государственного органа [1]. В образовательном контексте под компетенцией понимается совокупность трех составляющих: «это наличие определенных знаний, профессиональных и общекультурных; навыки, рассматриваемые сквозь призму опыта применения знаний на практике; способы общения, предполагающие умение профессионально вести себя, выполняя определенную трудовую функцию» [2].

В системе государственной службы компетенции опираются на правовое определение этого понятия и связываются, в первую очередь, с тем кругом полномочий, которые определены для органов исполнительной власти. Их перечень определяется объемом властных полномочий и местом конкретного государственного органа в иерархии. При этом зарубежные авторы, опираясь на рекомендации, разработанные Советом Европы, предложили модель компетенции, которая включает аналитические, управленческие и политические навыки [3].

Двухуровневая система подготовки кадров для органов государственной власти на основе компетентностного подхода подразумевает, что квалификационные требования должны в полной мере отражаться в образовательных стандартах по уровню бакалавриата, а в образовательных стандартах по уровню магистратуры должны определяться управленческие и коммуникационные компетенции. Теоретической основой для такого разделения стала концепция разделения компетенций на две группы: *Hard skills*, то

есть профессиональные навыки, опирающиеся на теоретические знания и практические умения, и Soft skills, в состав которых включаются коммуникационные навыки, умение работать в команде, тайм-менеджмент, ораторское мастерство, предрасположенность к сферам продаж, ярко выраженные лидерские черты, стремление к личностному развитию и росту [4]. При этом следует учитывать, что если Hard skills можно сформировать как с помощью образовательной системы, так и при использовании внутриорганизационных кадровых технологий, например, наставничества или ротации, то для успешного формирования Soft skills необходимы специальные условия, доступные только в специализированных организациях и под управлением профессиональных наставников.

В России новая редакция Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению «Государственное и муниципальное управление» предусматривает формирование трех групп компетенций: общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных. Первая группа обеспечивает формирование у обучающихся когнитивных навыков, а также понимание национальной и общечеловеческой культуры, ценностных установок и культурологических основ традиций. Эти компетенции обеспечивают воспроизводство социального капитала и ценностно-нормативной структуры общества. Вторая отражает набор основополагающих профессиональных знаний и умений и формирует начальный профессиональный уровень, необходимый для первичного трудоустройства. Третья группа содержит собственно модель компетенций, определяющих специфику конкретной профессии, и нуждается в постоянной актуализации, так как эти компетенции наиболее динамичны и, зачастую, успевают измениться в течение периода обучения. Именно необходимость актуализации профессиональных компетенций обеспечивает потребность в непрерывном образовании в течение всей активной трудовой деятельности.

В «Справочнике квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих» компетенции, определяющие функциональную квалификацию служащих, подразделяются на пять видов: нормативно-правовое регулирование и выработка государственной политики; осуществление контрольно-надзорной деятельности; предоставление государственных услуг; осуществление исполнительно-распорядительных и обеспечивающих функций; проектная деятельность. Для каждого вида компетенций определены знания и умения, выступающие индикаторами профессионализма по данной

компетенции. К сожалению, профессиональные требования для государственных служащих сформированы в рамках функционального понятия компетенции.

Последствия, связанные с неполным применением компетентностного подхода в системе государственной службы, связаны с рядом рисков, значимых не только для организации работы внутри системы, но и для всего общества.

Первая группа угроз связана с реализацией ролевой модели чиновника. Новая ролевая модель государственного служащего, сформированная в рамках Нового государственного менеджмента, включающая такие компетенции, как транспарентность, клиентоориентированность, административную функциональность и результативность, не была признана государственными служащими. В рамках концепции Good Governance были сформулированы новые требования по включению управленческих компетенций в квалификационные требования чиновников, однако такое изменение содержания ролевой модели привело к возрастанию социального напряжения: граждане, принявшие сервильный характер бюрократии, при взаимодействии с органами государственной власти ожидают от служащих определенного стиля поведения, в то время как служащие стремятся повысить свой социальный статус, аргументируя это возросшими полномочиями и ответственностью. Ожидания граждан не оправдываются, и доверие к органам государственной власти снижается.

Вторая группа рисков тоже связана с ожиданиями, но ожиданиями самих государственных служащих. В ходе обучения и профессиональной подготовки у студентов формируются представления о том, что работа в органах государственной власти заключается в аналитической деятельности, реализации лидерских амбиций и принятии общественно важных решений. После трудоустройства, заключив служебный контракт, они сталкиваются с реальной работой, содержание которой оказывается очень далеко от сформированных ожиданий. Управленческие компетенции, формированию которых соискатели уделили столько времени, оказываются невостребованными. От чиновников низшего звена требуются навыки делового письма, систематизации информации, анализа документов, ведения отчетности, учетной и регистрационной деятельности, а также организационно-коммуникационные навыки. Разочарование в возможности реализовать свои компетенции является одной из причин высокой текучести кадров в органах государственной власти.

Ограниченное применение компетентностного подхода в государственной службе вызывает ряд негативных последствий, что приводит к нарастанию в обществе недоверия к деятельности органов государственной

власти, а также напряженности внутри самой системы государственной службы.

Список литературы

1. Административное право России. Под ред. Н.М. Кониной и Ю.Н. Старилова. 2-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 784 с.
2. Одегов Ю.Г., Халиулина В.В. Организационные аспекты оценки и аттестации персонала // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. №1 (57). С. 119–125.
3. Kekez A., Howlett M. & Ramesh M. Varieties of collaboration in public service delivery // Policy Design and Practice. 2018. №4. DOI: 10.1080/25741292.2018.1532026.
4. Семенюк Е.А. Роль soft-skills и hard-skills в современных тенденциях HR-менеджмента // Державинский форум. 2018. Т.2. №7. С. 23–29.
5. Civil Service Competency Framework 2012 – 2017 [Электронный источник]. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/436073/cscf_fulla4potrait_2013-2017_v2d.pdf.

**ДИНАМИКА НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ:
ПО ДАННЫМ RLMS-HSE 2002-2018 ГГ.***
**THE DYNAMICS OF INFORMAL EMPLOYMENT IN RUSSIA:
ACCORDING TO RLMS-HSE DATA FOR 2002-2018**

Г.Л. Воронин
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН;
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
А.Д. Крамер
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
G.L. Voronin
Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology of RAS;
Lobachevsky University.
A.D. Kramer
Lobachevsky University

На основе данных RLMS-HSE проанализирована динамика неформальной занятости в России в период с 2002 по 2018 гг., выявлены социально-демографические характеристики работников, занятых неофициально в формальном секторе экономики.

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «"Старикам везде у нас почет?" Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

This article demonstrates, based on the RLMS-HSE data, the dynamics of informal employment in Russia from 2002 to 2018, and the socio-demographic characteristics of workers employed informally in the formal sector of the economy.

Ключевые слова: неформальная занятость, рынок труда, формальный сектор, уровень доходов, уровень образования

Keywords: informal employment, labor market, formal sector, income level, education level

По словам социологов, трудовые отношения в последние десятилетия претерпели серьезные изменения. Данные изменения были вызваны: распространением информационных/интернет технологий; повышением автоматизации производств; дерегулированием рынков труда; снижением роли трудовых движений и профсоюзов; изменением общественных ценностей. Следствием данных процессов стало распространение нестандартных форм занятости – неполной, вторичной, неформальной и др. [1-3] Особое внимание стоит уделить неформальной занятости, так как положение работников, занятых таким трудом, часто характеризуется отсутствием социальных и профессиональных гарантий. Исходя из этого, целью данной работы является определение того, насколько широко распространена неформальная занятость в России и каковы характеристики таких работников.

Для начала нам необходимо определиться, кого мы понимаем под неформальными работниками. В науке сложилось два подхода к определению неформальности на рынке труда. Первый – производственный, второй – легалистский [4].

С позиции первого подхода, неформальность связывают с понятием неформального сектора. Данный подход при определении неформально занятых работников исходит из способа организации самих предприятий, на которых они работают. Согласно производственному подходу, в состав неформального сектора входят производственные единицы, которые ведут деятельность без официальной регистрации или их размер ниже установленного порога (как правило это 5-10 человек). Все работники, занятые на данных предприятиях, считаются неформальными.

Второй подход к неформальности на рынке труда связан с понятием неформальная занятость. Здесь при определении неформальности мы уже исходим из особенностей конкретных рабочих мест, которые занимают работники, то есть характера трудовых отношений. Неформально занятыми называют тех, чья деятельность протекает с нарушением действующих норм трудового законодательства [4].

В рамках данной работы под неформальными работниками мы будем понимать работников, занятых в формальном секторе без официального трудового договора, то есть будем опираться на легалистский подход определения неформальности.

Чтобы рассчитать процент неформальных работников в России, обратимся к данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE) в период с 2002 по 2018 года*. Согласно данным мониторинга, в России доля неформально занятых в рассматриваемый период варьировалась от 4% до 7.6%. В 2018 г. доля неформальных работников составляла 7.2% от всего работающего населения (рис.1).

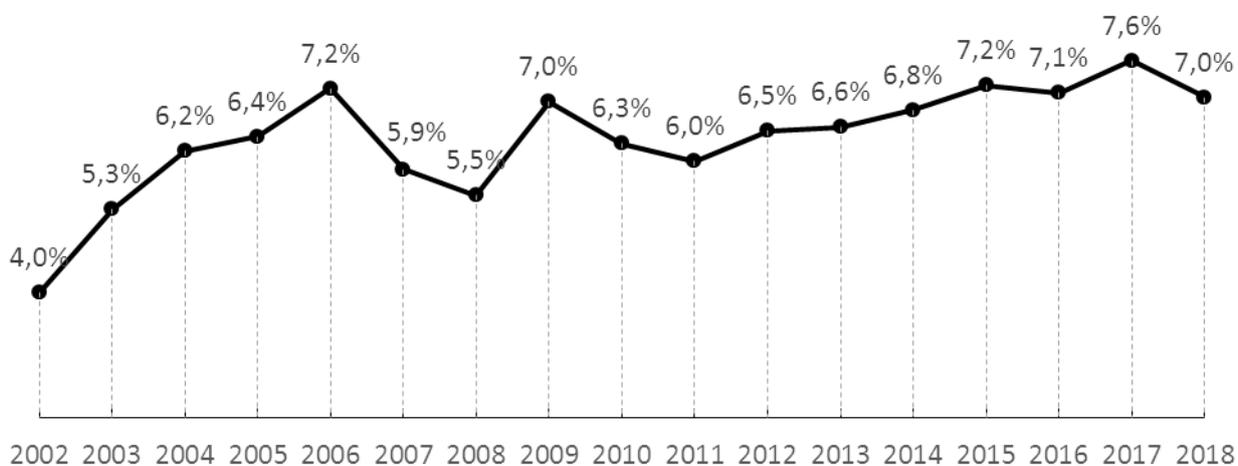

Рис. 1. Динамика изменения доли россиян, включенных в неформальную трудовую занятость, в период с 2002 по 2018 год, в %

Данные мониторинга дают понять, от кого исходит инициатива не устраиваться официально – от работника или работодателя. Согласно опросу, в 2018 г. в 52.9% случаев работодатель не хотел оформлять работника официально на работу, в 23.6% инициатором выступал работник, и еще в 23.4% решение принималось совместно работником и работодателем.

Данные RLMS-HSE позволяют определить половозрастные характеристики неформальных работников. В 2018 г. доля мужчин составила 54.4%, а женщин – 45.6%. В среднем же за весь период обследования мужчины составляли 56% всех неформально устроенных работников в России. При

* Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

рассмотрении возраста неформальных работников данные мониторинга указывают, что в настоящее время среди них преобладают люди «среднего возраста», а вот доля молодежи за последние 15 лет значительно сократилась. Если в 2002 г. 56% неформальных работников были в возрасте 15-30 лет, то в 2018 г. их доля составила лишь 25%. Доля работников в возрасте 31-45 лет за тот же период увеличилась с 28,7% до 39,4%, а в возрасте 46-60 лет – с 11,8% до 27,4%. Средний возраст неформального работника увеличился с 32,5 лет в 2002 г. до 40,6 лет в 2018 г.

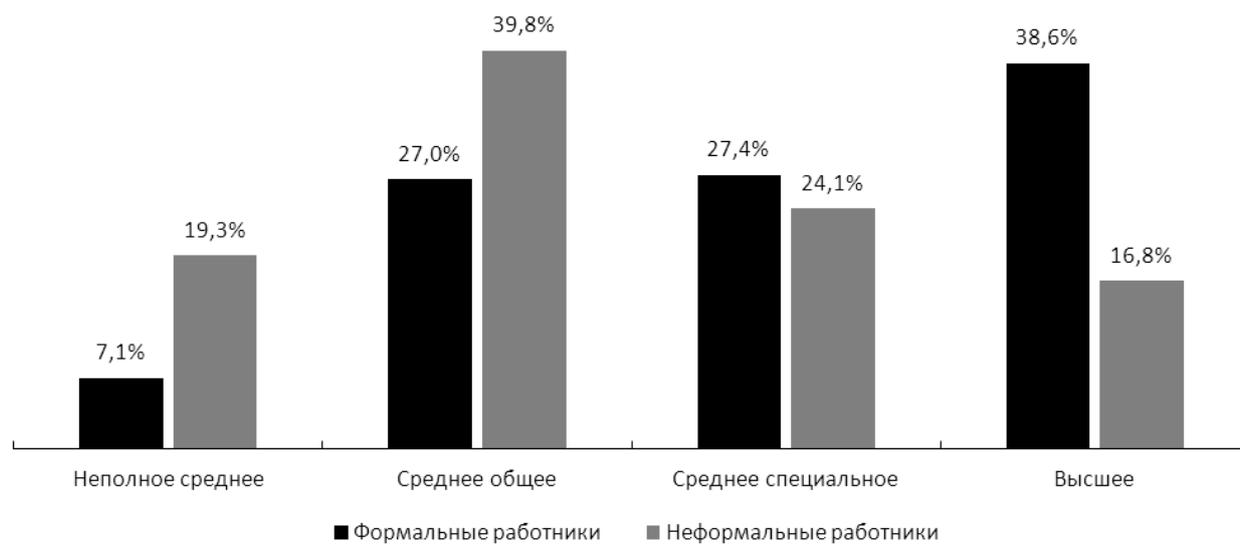

Рис. 2. Уровень образования формальных и неформальных работников в 2018 году, в %

По уровню образования неформальные работники значительно уступают формальным. Если мы посмотрим на данные за 2018 год, то увидим, что почти 40% всех неформальных работников имели только общее среднее образование (в 2002 г. таких было 54%), в то время как у формальных работников этот показатель был равен 27%. Среди неформальных работников почти в 3 раза больше людей без какого-либо образования, чем среди формально устроенных работников (в 2002 г. у работников, устроенных неофициально данный показатель был равен 14,4%). Высшее образование имеют лишь 16,8% неформальных работников (Рис. 2).

Уровень образования несомненно влияет на уровень доходов и заработной платы. В среднем за весь период обследования уровень доходов (включая все денежные поступления: зарплату, пенсию, материальную помощь) неформальных работников был на 12,6% ниже, чем у формальных работников. В 2018 г. средний доход формальных работников был равен 31918 руб., а неформальных – 26301 руб. (почти на 18% меньше). По уровню

зарплаты неформальные работники тоже уступают тем, кто устроен официально. В среднем за период с 2002 по 2018 гг. разрыв составил 10.2%, при этом разрыв в 2010-х значительно увеличился – с 1.2% до 18.8%.

Приведенные данные дают нам представление о том, насколько широко распространена неформальная занятость в современной России. Согласно данным мониторинга, среди неформально занятых работников преобладают представители мужского пола и люди среднего возраста. Уровень образования неформальных работников ниже, чем у тех, кто работает официально. Отсутствие профессиональных гарантий оказывает негативное влияние на социально-экономические характеристики работников и может приводить к снижению уровня их жизни.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.
2. Бауман З. Текущая современность. Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Kalleberg A.L. (2009). Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*, 74(1), 1–22. <https://doi.org/10.1177/000312240907400101> (дата обращения: 30.06.2020).
4. Гимпельсон В.Е. Нормально ли быть неформальным? / Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. 56 с.

САМОЗАНЯТЫЕ В СТРУКТУРЕ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ SELF-EMPLOYED IN THE STRUCTURE OF THE EMPLOYED POPULATION OF RUSSIA

З.Т. Голенкова, Ю.В. Голиусова

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Москва*

Z.T. Golenkova, Yu.V. Goliusova

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

Проанализированы масштабы распространения неформальной занятости на основе данных статистики и социологических исследований. Основное внимание сосредоточено на итогах проведенного социологического исследования (N=190, Москва, 2019 г.) Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством З.Т. Голенковой. Объектом исследования стали действующие самозанятые.

This paper analyzes the extent of informal employment based on statistical data and sociological research. The article focuses on the results of a sociological study (N=190, Moscow, 2019) conducted by the Center for the study of social structure and social stratification of the IS RAS under the leadership of Z.T. Golenkova. The object of the study was the current self-employed.

Ключевые слова: неформальная занятость, самозанятость, precarious занятость, налог, доверие, предпринимательство

Keywords: informal employment, self-employment, precarious employment, tax, trust, entrepreneurship

Историю легализации самозанятого населения сложно отследить, так как все замыслы зарождались в высших государственных ведомствах.

Окончательно решение о легализации было принято в 2018 г. Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "налог на профессиональный доход"» Этот закон трактует, что «физические лица при применении специального налогового режима вправе вести виды деятельности, доходы от которых облагаются налогом на профессиональный доход, без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, за исключением видов деятельности, ведение которых требует обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с федеральными законами, регулирующими ведение соответствующих видов деятельности. Профессиональный доход – доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества». Законом регулируются и некоторые аспекты налогообложения участников эксперимента, установлен лимит по использованию спецрежима.

Данные из различных источников свидетельствуют о разбросе показателей из разных источников. Аналогичную ситуацию Р.И. Капелюшников описывает в работе «Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения?». «Оценки, как показывает даже беглый просмотр существующих публикаций, «гуляют» в весьма широком диапазоне – от чуть более 5% до почти 30%». Автором приводятся примеры различных показателей неформальной занятости на основе анализа данных РМЭЗ (2000 год). По оценкам Ф. Слонимчика, доля неформально занятых на российском рынке труда колебалась в 2000-е годы в пределах 20-24%, О. Синявской – 6,5-7,5% (без учета вторичной неформальной занятости), Т. Карабчук и М. Никитина – 11-18%. Р.И. Капелюшников в данной работе (которая отличается тщательным анализом терминологии и подробным

обоснованием алгоритмов конструирования операциональных определений) приводит оценочные показатели уровня неформальной занятости по 4 вариантам подхода анализа данных РМЭЗ 2009 года: комбинированный подход – 24,1% (из них 19,9% составляют работники неформального сектора и 4,2% неформальные работники, чьи рабочие места находятся в формальном секторе), количественный подход – 10,8%, контрактный подход – 13,7%, социальный подход – 12,4% [1].

Средства массовой информации, которые зачастую путают понятия «самозанятый» и «лица, применяющие налог», периодически публикуют данные о статистике «самозанятых», не раскрывая суть этого определения.

По итогам обследования Росстата, в июле 2019 г. в неформальном секторе были заняты 15,2 млн. человек. Участники эксперимента по установлению специального налогового режима составили не более 1% от численности занятых в экономике не более 4% от занятых в неформальном секторе (для расчета были взяты максимальные показатели, упоминаемые в СМИ). Для сравнения приведем уровень самозанятности населения по странам – членам ЕС за 2014 г.: от 3,4% в Дании до 14,3% в Великобритании *от общей численности населения* [2].

Целью исследования, проведенного в Центре социального расслоения и социальной структуры ФНИСЦ РАН, являлось выявление содержательных мотивов деятельности самозанятых. Объектом исследования были определены действующие самозанятые Москвы, отобранные по факту рекламирования собственных услуг в интернете. Для осуществления данного проекта была сформирована база контактов категории «услуги» из сайтов: Авито, Яндекс, Фриланс.ру и Юла. Всего база насчитывала 1025 контактов, определяющим признаком включения в базу было опубликование объявления не ранее, чем за месяц до проведения опроса (декабрь 2019 г.). Методом сбора информации являлось телефонное интервью, проводившееся по полуформализованному опроснику. В итоге, было опрошено 190 чел. Причем, главной причиной недостижимости был не отказ, а невозможность дозвониться до респондента (телефон был отключен или не отвечал). После проведения опроса интервьюеры говорили, что одним из основных побудительных факторов принятия участия в опросе была именно научная цель исследования. Продолжительность интервью колебалась от 15 до 35 минут.

Из всей группы опрошенных официально зарегистрированными самозанятыми были – 17,1%, зарегистрированными ИП – 23,7%, неформальными самозанятыми – 53,7% и 5,5% отказалось отвечать на вопрос о статусе.

Респонденты предпочитают поиск заказов на сайтах частных объявлений, посредством личных связей и в соцсетях. В категорию «другое» попали ответы: «рекомендации клиентов», «LinkedIn», «ярмарка мастеров», «визитки и флаеры рассылаю по фирмам, которые мне интересны. Бывая на таких фирмах, оставляю визитки», «давно наработанная собственная база клиентов», «горячие звонки потенциальным клиентам, «Профи.ру».

Виды деятельности респондентов довольно разнообразны, но большинство составляют преподаватели, мастера по ремонтным работам, IT специалисты, портнихи и кулинары.

После знакомства и получения общих сведений о респонденте задавались 2 основных открытых вопроса: *Какие преимущества Вы видите в деятельности самозанятого человека, который не работает в организации, а сам работает на себя?* и *Какие недостатки Вы видите в деятельности самозанятого человека, который не работает в организации, а сам работает на себя?*

Интервьюерам было поручено подробно записывать ответы опрашиваемых. При проведении интервью многие респонденты начинали обсуждать новый закон о налоге на профессиональный доход, высказывать свое мнение о нем. Все ответы были записаны, а затем закодированы. Пул ответивших о новом законе был выделен в отдельную подвыборку, которая составила 42% от всех опрошенных, распределения были получены от этого числа. Данные наглядно демонстрируют самое главное преимущество в деятельности самозанятого – свобода. Это «возможность самостоятельно принимать решения в действиях и во времени».

Позитивные стороны нового закона обсуждали в основном зарегистрированные индивидуальные предприниматели и самозанятые, в микровыборке «комментаторов» отвечавших их было подавляющее большинство (80%). Кратко преимущества нового закона можно сформулировать «недорого, просто и спокойно».

Практически половина опрошенных высказали сомнения, что государство приняло закон для упрощения и защиты деятельности самозанятых.

Если рассматривать ответы респондентов, с точки зрения их официального юридического статуса, можно сделать вывод, что три доминанты (отсутствие социальных гарантий, несовершенное налогообложение и недоверие государству) присутствуют у всех категорий опрошенных. А проблема непредсказуемого законодательства незарегистрированных предпринимателей беспокоит меньше, чем отсутствие стабильной прибыли и необходимость постоянного поиска клиентов.

Обобщение полученных результатов позволило сделать несколько предположений. С одной стороны, многие респонденты положительно отзывались о новом законе, отмечая простоту оформления, получаемое спокойствие для деятельности, взаимоотношений с ФНС и другие предпочтения, но, с другой стороны, их смущает понятие «эксперимент» и обозначенный его конечный срок, не четко определены процедуры расчета социальных гарантий участников (пенсионных начислений, страховых взносов, отпускных, больничных, стажа). Участников опроса беспокоит, что бизнес структуры и государственные организации могут отказаться работать с самозанятыми, не понятен учет затрат на аренду, расходные материалы. Они допускают, что правила и нормы могут измениться при увеличении количества зарегистрированных.

И все же главным сдерживающим фактором легализации можно назвать недоверие к власти и государственным институтам.

Список литературы

1. Капелюшников Р.И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2012/07/05/1254171141/WP3_2012_04_ff.pdf (Дата обращения 22.03.2020).

2. Грабова О.Н. Суглов А.Е. Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.fa.ru/art2017/bv2300.pdf/download/bv2300.pdf> (Дата обращения 25.03.2020).

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ В НАЦИОНАЛЬНЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ РОССИИ, КИТАЯ И ИРАНА (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ КОЛЛЕДЖЕЙ) ATTITUDES TO WORK IN THE NATIONAL AND ORGANISATIONAL CULTURES OF RUSSIA, CHINA AND IRAN (ON THE EXAMPLE OF INDUSTRIAL COLLEGE STUDENTS)

Л.Н. Захарова, А.В. Савичева, Чжу Лиучуан, З. Гадбеджи
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
L.N. Zakharova, A.V. Savicheva, Chzhu Liuchuan, Z. Gadbegi
Lobachevsky University

Показана специфика организационной культуры и ее ценностные основания в колледжах России, Китая и Ирана. Раскрыты особенности отношения к труду и уровень трудоголизма в мужских и женских выборках.

Показана зависимость отношения к учебе и труду от специфики организационной культуры, которая определяет уровень трудовой вовлеченности, ее естественность или вынужденность, характеристики эмоционального подкрепления.

The specifics and value foundations of organizational culture of industrial colleges in Russia, China, and Iran are shown. The results reveal the features of the attitude to labor and the level of workaholism in male and female samples. The dependence of the attitude to study and labor upon organizational culture of different types is revealed and its influence on the level of labor involvement, naturalness or compulsion of workaholism and the characteristics of emotional reinforcement are described.

Ключевые слова: индустрия 4.0, организационная культура, ценности, труд, студенты, колледжи, вовлеченность, активность, удовольствие, трудоголизм

Keywords: industry 4.0, organizational culture, values, labor, students, colleges, involvement, activity, enjoyment, workaholism

Ключевым психологическим качеством работников в условиях наступления нового технологического уклада индустрии 4.0 становится готовность к принятию инноваций: и технологических, и управленческих. Для новой экономики требуется персонал, лично вовлеченный в трудовой процесс, проявляющий ответственность, активность и инициативу, развивающийся вместе с трудовым процессом [1].

Страны мира значительно различаются по уровню инновационности, что не снимает, а только обостряет значение подготовки в национальных системах образования будущих сотрудников компаний, обладающих необходимыми личностными качествами, способных своим трудом способствовать решению задач экономического развития своих стран. Эти задачи решает упреждающая организационная социализация студентов, осуществляемая в образовательных учреждениях и имеющая закономерные специфические особенности, зависящие от моделей их организационной культуры (ОК).

Проведено эмпирическое исследование, цель которого – выявить специфические особенности отношения к учебе и труду студентов индустриальных колледжей России, Китая и Ирана. Эти страны различаются уровнем инновационности, динамикой инновационного развития, особенностями национальных культур. Так, Китай находится на 14-ом месте, Россия на 46-ом, и Иран – на 61-ом месте в глобальном рейтинге инновационности [2]. Исследования показали, что ОК индустриальных колледжей в целом соответствуют экономическому положению стран. Для Китая типичен гармоничный тип ОК и настроенность студентов колледжей на работу в

условиях инновационных компаний. Для российских колледжей типична кланово-иерархическая модель и уверенность в том, что работать придется в компаниях, не преодолевших инновационный рубеж. В иранских колледжах господствует иерархическая модель и ориентация на сохранение традиционного экономического уклада при том, что студенты понимают необходимость инновационных преобразований экономики, но не видят реального выхода из сложившейся экономической ситуации [3].

Респонденты: студенты колледжей России и Китая (Нижний Новгород и Гуанси – типичные для своих стран города индустриального кластера), иранские студенты (Тегеран) программы «кардани», что соответствует возрастной группе, целям и содержанию обучения в российских и китайских колледжах. В исследовании участвовали юноши (N=300) и девушки (N=180) примерно в равных пропорциях по странам.

В качестве метода исследования использован WorkBAT Дж. Спенса и А. Роббинса[4], позволяющий выявить характеристики отношения к труду/учебе, наиболее востребованные индустрией 4.0. Проведена определенная адаптация метода: выделены сопряженные шкалы невовлеченности, пассивности и отвращения к труду. Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Т а б л и ц а 1

Отношение к труду студентов китайских, российских и иранских индустриальных колледжей

Страна	Гендер	Отношение к труду/учебе					
		Позитивные показатели			Негативные показатели		
		Вовлеченность	Активность	Удовольствие	Невовлеченность	Пассивность	Отвращение
Россия	Ю	2.79	2.44	2.74	2.66	3.06	2.83
	Д	3.03	2.76	2.84	2.25	3.13	2.83
U		*	–	–	*	–	–
Китай	Ю	2.79	2.82	2.83	2.70	3.15	2.84
	Д	2.62	2.46	2.64	2.39	2.81	2.65
U		–	–	–	–	*	–
Иран	Ю	2,79	2,87	1,99	3,21	3,39	3,30
	Д	2,76	2,61	1,94	3,24	3,55	3,38
U		–	*	–	–	*	–
U	Ю К - Р	–	Т	–	–	–	–
	Д К - Р	*	*	Т	–	–	–
	Ю К - И	–	–	*	*	–	*
	Д К - И	–	–	*	*	**	**
	Ю Р - И	–	*	**	*	–	*
	Д Р - И	*	–	*	*	*	*

Ю – юноши, Д – девушки; Р - Россия, К - Китай, И - Иран; U – статистическая значимость различий по критерию Манна-Уитни, * - $p \leq 0.05$; ** - $p \leq 0.01$, Т – тенденция, – – статистически значимые различия отсутствуют

**Представленность трудоголизма и лени у студентов
колледжей России, Китая и Ирана**

Страна	Гендер	Вовлеченность		Драйв		Удовольствие	
		Трудоголизм	Леность	Трудоголизм	Леность	Трудоголизм	Леность
Россия	Ю	12.5%	37.5%	31.3%	43.8%	25%	31.3%
	Д	20%	15%	25%	15%	40%	30%
Китай	Ю	25%	34.4%	21.9%	28.1%	18.8%	25%
	Д	20.5%	31.8%	13.6%	38.6%	13.6%	38.6%
Иран	Ю	24,4%	54,2%	6,8%	44,4%	7,2%	43,%
	Д	19,1%	51,9%	17,7%	30,4%	17,7%	36,6%

Анализ результатов. Данные таблицы 1 показывают, что существуют определенные различия в отношении к труду у студентов российских, китайских и иранских колледжей. Особенно отчетливо эти различия видны при анализе негативных показателей. Так, по позитивным показателям существенные различия выявлены в отношении российских девушек в сравнении со всеми остальными национальными и гендерными группами: россиянки более вовлечены в учебную и трудовую деятельность, они активны и склонны получать удовольствие от того, что они делают. Китайские юноши имеют близкие показатели с российскими студентами и отличаются по позитивным показателям отношения к труду/учебе от девушек-китаянок (юноши более вовлечены в трудовую и учебную деятельность) и от иранских юношей и девушек по показателю удовольствия от труда/учебы. Иранские студенты отличаются по показателю удовольствия от учебы/труда от всех остальных респондентов по показателю удовольствия ($p \leq 0.01$). Можно заключить, что они буквально страдают, занимаясь учебой и трудом, проявляя требующуюся от них активность. Подтверждение этого можно видеть при анализе негативных показателей отношения к труду. Можно видеть, что у иранских студентов преобладает невовлеченность, пассивность и отвращение к тому, чем они вынуждены заниматься. Если вспомнить, что организационная культура (ОК) иранских колледжей жестко иерархична, то объяснение негативных феноменов достаточно очевидно. Понятными становятся и позитивные показатели россиянок: клановый компонент ОК российских колледжей наиболее приятен девушкам, однако эмоциональная поддержка этого компонента ведет к не благоприятным результатам, к преобладанию пассивного отношения к учебе и труду не только у девушек, но и у юношей (соотношение активности–пассивности у юношей 2.44 против 3.06, у девушек: 3.76-3.13, $p \leq 0.05$).

Более полную картину отношения к учебе/труду можно получить, проанализировав представленность трудоголизма и лени как его крайних

проявлений (таблица 2). Можно видеть, что кланово-иерархическая модель ОК российских колледжей в большей мере стимулирует девушек. Вовлеченных трудоголиков юношей только 12.5%, в то время, как у девушек этот показатель составляет 20%. Но девушки-трудоголики, похоже, считают себя таковыми, получая удовольствие больше от вовлеченности в клановые отношения, чем собственно от трудовой активности. Юношам в таких условиях откровенно хочется лениться, хотя они позиционируют себя как трудоголики. В Китае юношей, считающих себя трудоголиками, в два раза больше, чем в России, и они меньше связывают вовлеченность в трудовую и учебную деятельность с удовольствием. У китайянок преобладает лень, за исключением показателя вовлеченности, что показывает, что девушки больше, чем юноши тяготеют к вовлеченности. Трудоголизм иранцев носит вынужденный характер. Он сопряжен с нежеланием вовлеченности и у юношей, и у девушек. Это показывает силу негативного влияния иерархической ОК, разрушающей стремление к вовлеченности даже у девушек, считающих себя трудоголиками. Юноши больше, чем девушки испытывают негативные чувства, напрягая силы в учебе и труде.

Вывод. Отношение к труду и учебе существенно зависит от ОК трудового и учебного контекстов. Российская кланово-иерархическая ОК большее мотивирующее влияние оказывает на девушек, чем на юношей, в целом стимулируя пассивное отношение к работе и учебе у тех и других. В жесткой иерархической ОК иранских колледжей трудовая и учебная активность имеет вынужденный характер и не поддерживается позитивными эмоциями. У китайских студентов в гармоничной ОК их колледжей девушки занимают более традиционную позицию меньшей вовлеченности в учебную и трудовую деятельность, а юноши проявляют высокий уровень вовлеченности при сдержанной активности и умеренных позитивных эмоциях.

Список литературы

1. Квачев В.Г., Юдина М.А. Индустрия 4.0: поражение работы или победа творческого труда // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Октябрь: С. 140–158. URL: https://www.researchgate.net/publication/320923272_Industria_40_porazenie_raboty_ili_pobeda_tvorceskogo_truda_Industry_40_A_Loss_for_Labor_or_a_Victory_for_Creative_Work (Дата обращения: 16.09.2020).
2. Global Innovation Index 2019.12th Edition / Eds S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Cornell SC Johnson College of Business. 2019. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report> (Дата обращения: 16.09.2020).

3. Захарова Л.Н., Гадбеджи З., Чжу Лиучуан. Ценностная готовность к работе в организационных условиях современного предприятия студентов колледжей России, Китая и Ирана: сравнительный анализ // Среднее профессиональное образование. 2020. Т. 295. №3. С. 45–51.

4. Spence J., Robbins A. Workaholism: Definition, measurement. and preliminary results //Journal of Personality Assessment. 1992. Т.58. №1. С. 160–178.

ПОВЫШЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА И ТРУДОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРЕДПЕНСИОНЕРОВ* **RETIREMENT AGE INCREASE AND PREPENSIONERS' LABOR STRATEGIES**

И.Ю. Киселев, Н.В. Овчинникова, А.Г. Смирнова
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль

I.Y. Kiselev, N.V. Ovchinnikova, A.G. Smirnova
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,
Yaroslavl

Описываются выбираемые предпенсионерами трудовые стратегий, позволяющие сохранить рабочее место или найти новое в условиях повышения пенсионного возраста, в том числе, посредством участия в мероприятиях национального проекта «Демография». Особое внимание уделено причинам низкой мотивации предпенсионеров по поиску работы и другим препятствиям реализации трудового потенциала старшего поколения.

In the article the prepensioners' labor strategies, which help them to preserve their working places in the situation of retirement age increase, including their participation in the national project "Demography", are described. A particular attention is attributed to the reasons of low motivation of prepensioners in their search of employment.

Ключевые слова: предпенсионеры, повышение пенсионного возраста, теория перспективы, трудовые стратегии, референтная точка.

Keywords: prepensioners, retirement age increase, behavior economics, reference point, prospect theory, social support, labor strategies

* Подготовлено в ходе проведения исследования, получающего грантовую поддержку в рамках реализации Мероприятия 2.3.4. «Грантовая поддержка перспективных (прорывных) исследований, выполняемых в том числе на базовых кафедрах и в подразделениях инновационной инфраструктуры» Направления 2 «Модернизация научно-исследовательской и инновационной деятельности, включая развитие инновационной экосистемы университета» Программы развития ЯрГУ на период 2017-2021 гг..Задание № ОП-2Г-14-2019 «Трудовые стратегии предпенсионеров в условиях повышения пенсионного возраста».

Проблема социально-экономических и политических последствий повышения пенсионного возраста актуальна для целого ряда государств [1]. С 1 января 2019 г. изменились сроки выхода на пенсию и в нашей стране. Пенсионный возраст в России будет наступать позже как у мужчин, так и у женщин. Как следствие, россияне предпенсионного возраста вынуждены адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям, связанным с более поздним выходом на пенсию, выбирая определенную стратегию поведения.

Для смягчения процесса перехода к новой пенсионной системе разработан федеральный проект «Старшее поколение» в рамках национального проекта «Демография», направленного на реализацию программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения, в том числе посредством содействия занятости [2]. В числе предпринимаемых мер – предоставление возможности пройти переобучение, приобрести трудовые компетенции, которые позволили бы сохранить работу или найти новую. В связи с этим важное направление анализа выбираемых предпенсионерами трудовых стратегий связано с участием граждан старше 50 лет в целевых мероприятиях в рамках проекта «Демография», позволяющих сохранить занятость в условиях продолжительной трудовой деятельности по причине более позднего выхода на пенсию.

В качестве теоретической основы исследования выступили положения поведенческой экономики, прежде всего, теории перспективы Д. Канемана и А. Тверски [3]. В частности, анализ выбора предпенсионерами трудовых стратегий осуществляется с учетом положения теории о более высокой психологической значимости для субъекта ожидаемых потерь по сравнению с выигрышами, определяемых относительно референтной точки, в качестве которой чаще всего выступает текущее положение дел (статус-кво). Важность статус-кво, а также высокая психологическая значимость потерь объясняется в рамках теории перспективы действием «эффекта собственника». Его суть состоит в том, что субъект выше ценит вещи, которыми уже владеет. В результате потеря блага, которым уже располагает субъект, будет воспринята им как более значимая, нежели неудача в приобретении того же блага.

В исследовании обосновывается утверждение, что предпенсионеры определяют выигрыши и потери, связанные с повышением пенсионного возраста, относительно оценочной точки, представленной традиционным пенсионным возрастом (для мужчин – 60 лет; для женщин – 55 лет). В связи с этим выдвигается гипотеза 1 исследования, согласно которой повышение пенсионного возраста рассматривается нынешним поколением предпенсионеров как неприемлемое изменение статус-кво в направлении ожидаемых

потерь. Механизм восприятия повышения пенсионного возраста как сопряженного с потерями, связан с действием «эффекта собственника». На протяжении нескольких поколений наступление пенсионного возраста и возможность получать пенсионные выплаты и льготы были связаны с одним и тем же возрастом. Нынешние предпенсионеры, которым предстоит пройти переходный период к новому пенсионному возрасту, оказались в ситуации, когда получение желаемого социального статуса и связанных с ним преимуществ отодвигается, по сравнению с привычным, на довольно продолжительный срок. В результате новый пенсионный возраст воспринимается как связанный с потерями. Как следствие, предпенсионеры разделяют установку на изменение сложившегося положения дел, в том числе, посредством выбираемых трудовых стратегий. Можно предположить, что они предпочтут модели поведения, связанные с отказом от поиска нового рабочего места, получения дополнительного образования или переобучения, то есть тех мер, которые разработаны с целью адаптации к повышению пенсионного возраста (Гипотеза 2).

С целью проверки гипотез в период с 1 ноября по 1 декабря 2019 г. на территории Ярославской области проведено социологическое исследование методом анкетирования. Объем выборки составил 689 человек. В исследовании применяется квотная выборка с учётом двух параметров – пола и возраста респондентов. Определение квот по полу и возрасту объясняется тем, что границы предпенсионного возраста для респондентов устанавливаются особо в зависимости от года рождения, а также пола. Всего опрошены 354 женщины в возрасте 50-55 лет и 335 мужчины – в возрасте 55-60 лет.

В ходе исследования подтверждена гипотеза 1. Установлено, что предпенсионеры воспринимают повышение пенсионного возраста преимущественно с точки зрения потерь. Большинство респондентов относятся к повышению пенсионного возраста отрицательно (68.2%) и скорее отрицательно (22.8%). Отрицательное отношение они связывают с необходимостью продолжать работать в условиях ухудшения здоровья (36.9%) и трудностей с поиском работы (33.5%), а также с существованием опасений, что им не удастся дожить до получения пенсии (33.5%). Кроме того, 25.7% опрошенных отметили, что повышение пенсионного возраста отодвинет получение пенсии как источника дохода. При этом 47.8% респондентов отметили, что уже сейчас сталкиваются с указанными отрицательными последствиями повышения пенсионного возраста. Среди преимуществ пенсионной реформы респонденты отмечают возможность продолжить работать (10.3%), быть востребованным и полезным в обществе (6.8%), воспользоваться льготами для предпенсионеров

(8.8%), в том числе, возможностью бесплатно пройти профессиональное переобучение (4.3%).

Меры социальной поддержки, направленные на смягчение перехода к новому пенсионному возрасту, по мнению опрошенных респондентов, не компенсируют в полной мере ожидаемых негативных последствий. Так, возможность пройти переобучение за счет государства не находит широкой поддержки среди предпенсионеров: 48,6% опрошенных не хотели бы принимать участия в подобных программах.

Подтверждена гипотеза 2 исследования. Установлено, что в условиях повышения пенсионного возраста предпенсионеры выбирают осмотрительные трудовые стратегии, которые не предполагают существенных изменений сферы трудовой деятельности, освоения новой специальности, новых ролей.

Большинство опрошенных (64.4%) не следят затем, какие профессии являются наиболее востребованными на рынке труда; 34% – отмечают, что давно не искали работу. Более того, 63.4% респондентов указали, что ничего не предпринимают для сохранения нынешнего места работы. Среди респондентов лишь 9.5% отметили, что принимали участие в мероприятиях по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию для лиц предпенсионного возраста в рамках программы «Старшее поколение». Однако для респондентов эффект освоения подобных программ для сохранения работы не очевиден. Так 39.4% из тех, кто прошел обучение, полагают, что прохождение программ по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию помогло сохранить работу или найти новую. Вместе с тем, 24.2% опрошенных убеждены в обратном; 36.4% – затруднились ответить на вопрос.

Таким образом, большинство предпенсионеров предпочитают работать, «как раньше», не склонны адаптировать трудовую стратегию к изменившимся социально-экономическим условиям.

Вместе с тем, сказанное не означает, что подобные изменения не будут происходить в будущем. Пенсионная реформа реализуется только год, и в будущем возможны проявления «отсроченных эффектов». Повышение пенсионного возраста в меньшей степени повлияло на выбор трудовых стратегий нынешним поколением предпенсионеров, проходящим адаптацию к изменениям в краткосрочной перспективе и в условиях действия мер социальной поддержки. Будущие поколения пенсионеров будут вынуждены учитывать изменение условий выхода на пенсию, что не может не повлиять на трансформацию их экономического поведения, в том числе, и на рынке труда. В связи с этим изучение изменения экономического поведения разных

поколений россиян в условиях повышения пенсионного возраста сохранит актуальность в качестве направления исследований.

Список литературы

1. Hess M. Rising Preferred Retirement Age in Europe - Are Europe's Future Pensioners Adapting to Pension System Reforms? // Journal of Aging & Social Policy. 2017. Vol. 29. Issue 3. Pp. 245–261.

2. Федеральный проект «Старшее поколение». Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/3> (Дата обращения: 10.06.2020).

3. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk // Econometrica, 1979. Vol. 47. №2. Pp. 263–292.

ИДЕИ УРСУЛЫ ШТАУДИНГЕР В РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ IDEAS OF URSULA STAUDINGER IN RUSSIAN STUDIES

И.С. Леонова

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.S. Leonova

Lobachevsky University

Дается обзор многоликости возраста как многофакторного понятия с целым комплексом эндогенных и экзогенных характеристик на основании исследований. Обозначены особенности российского сценария вхождения в период нового технологического уклада с учетом проблемы старения населения, отношения к пенсионной реформе и действия возрастных стереотипов, влияющих на уровень жизнеспособности российской экономики, российских организаций и персонала, в частности.

The article is devoted to an overview of diversity as a multifactorial concept with a whole range of endogenous and exogenous characteristics based on research. The features of the period of the Russian environment of entering the technological order are outlined, taking into account the problems of new aging of the population, attitudes towards the level of viability of the Russian economy, the Russian organization and personnel, in particular.

Ключевые слова: технологический уклад, возраст, возрастные и гендерные стереотипы, жизнеспособность организации, пенсионная реформа

Keywords: technological structure, age, age and gender stereotypes, organizational resilience, pension reform

В современной России существуют вызовы жизнеспособности организаций, общие с общемировыми и специфические, которые необходимо учитывать при решении задач повышения инновационного развития экономики и повышения качества человеческого капитала.

Происходящее изменение технологического уклада – это общий вызов, затрагивающий мировую экономику в целом. Четвертая промышленная революция несет принципиальные изменения в характере труда и занятости населения. Она меняет сущность сложившихся трудовых отношений, вытесняет многие привычные профессии, обуславливает необходимость изменения роли работника. Ключевые технологии Индустрии 4.0 формируют новые требования к персоналу. На смену потребности в чисто профессиональных навыках приходит запрос на широкий круг способностей, гарантирующих быстроту реакции работника на инновации, приспособляемость. Работнику потребуются умения работать с запросами потребителя, управлять проектами и процессами; работа в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий задач; управление сложными автоматизированными комплексами; умение работать с коллективами, группами и отдельными людьми в высокотехнологичных системах коммуникации. Но этот процесс в России идет на фоне некоторых специфических социально-экономических особенностей, которые обостряют опасности для жизнеспособности многих компаний. Такими особенностями являются затянувшаяся смена парадигмы социально-экономического развития, возрастные и гендерные стереотипы, проводимая пенсионная реформа.

Ведущие социологические службы страны зафиксировали, что повышение пенсионного возраста отрицательно сказалось на рейтингах доверия россиян ко всем институтам власти. Дальнейшее изменение рейтингов будет зависеть от умения правительства убедить россиян, что пенсионная реформа целесообразна и выгодна психологически и (или) материально большей части заинтересованных лиц. Однако до настоящего времени существенных изменений отношения россиян к пенсионной реформе не произошло. Ожидания преобладающей части лиц предпенсионного возраста носят отрицательный характер, связанный с появлением у людей неуверенности в будущем, незащищенности в старшем возрасте. Среди причин, по которым людям пенсионного возраста пришлось оставить работу, по итогам опроса, люди чаще всего указывали состояние здоровья, физическую и психологическую усталость (58% опрошенных), то есть одна часть работников хотела бы прекратить трудовую деятельность, чувствуя ухудшение здоровья и усталость. Но им придется работать еще несколько лет. Другая часть хотела бы получать пенсию, но продолжать работать. Не является секретом, что значительная часть граждан рассматривает даже небольшую пенсию в условиях

массового низкого уровня оплаты труда в качестве основы повышения качества жизни для себя и своих взрослых детей.

Но даже у тех, кто хотел бы продолжать трудиться, возникает немало проблем. Статистика свидетельствует, что, если 80% россиян в возрасте от 50 до 54 лет все же имеют работу, то в 55-59 лет – работа есть только у каждого второго (58%), а у тех, кто старше 60 лет, работу имеют только 18%. Причиной этого являются возрастные и гендерные стереотипы, которые чрезвычайно распространены в нашем современном обществе. Объяснения дискриминации по возрасту и полу базируются на устойчивых социальных негативных стереотипах старости и набирающей силу в общественном сознании ценности молодости. Исследования стереотипов старости показывают, что, хотя есть несколько положительных характеристик поздних возрастов, таких, как готовность к согласию, надежность и лояльность, а также опыт, все же отрицательные ассоциации преобладают. Если обобщить негативные характеристики старения применительно к предубеждениям работодателей в отношении сотрудников старших возрастов, то к ним, прежде всего, относятся невосприимчивость нового вследствие отсутствия гибкости, неготовность к организационным изменениям, потеря способности к обучению как результат снижения уровня интеллекта, приверженность стереотипам в мышлении и поведении, потеря автономности и, следовательно, нежелание брать на себя персональную ответственность, подверженность стрессу, болезни.

В связи с вышеизложенным заслуживают особого внимания исследования известного современного социального психолога Урсулы Штаудингер по теме развития человека и старения. Работы проф. Штаудингер направлены на идентификацию условий, при которых люди и общества могут оптимизировать старение. Ее научные исследования, в частности, включают аспекты психологии продолжительности жизни, такие как потенциал пожизненного развития (упругость и пластичность); развитие жизненного понимания, поведение жизни и мудрости через продолжительность жизни, а также относящиеся к разным поколениям отношения.

Возвращаясь к теме стереотипов, по мнению проф. Штаудингер, опасность возрастных стереотипов состоит не только в том, что они способствуют предвзятому отношению к людям старших возрастов, но и в том, что они имеют тенденцию проецироваться на самого человека старшего возраста, порождая в нем неуверенность в себе, своих компетенциях, в способности к обучению, что вынуждает его занять более консервативную позицию, чем он мог бы занять, тем более, что, как правило, он не видит у себя каких-то изменений в психических функциях, и научные исследования не подтверждают тотального снижения психических функций [1].

Исследования, проведенные в экономически развитых странах, показывают, насколько значимой для поддержания здоровья и позитивного психологического самочувствия является для пожилого человека участие в трудовой деятельности [2]. Возраст многолик, может трактоваться по-разному и рассматриваться как хронологический, биологический, психологический, социально-психологический и социальный. Многофакторные и многолетние исследования раскрывают связи между участием пожилых людей в трудовой деятельности, размерами внутреннего валового продукта страны и продолжительностью жизни после 65 лет. Так данные, собранные и проанализированные Дж. Джонсон, Н. Саркисян и Дж. Вильямсоном за период 1980-2010 гг., показали, что страны с более высокой долей людей старших возрастов в рабочей силе имеют более высокую продолжительность жизни населения.

По мнению проф. Штаудингер, история успеха исторически беспрецедентного увеличения средней (функционально здоровой) продолжительности жизни подчеркивает исключительную особенность, которую эволюция даровала человеческому виду, а именно его способность намеренно или непреднамеренно изменять или (совместно) создавать физическую и социальную среду, которая впоследствии требует адаптации и, таким образом, влияют на человеческое развитие и старение. Антропологи назвали эту характеристику человеческого вида биологической приспособляемостью. Различают три типа адаптивности: во-первых, адаптивный отбор, описанный Дарвином; во-вторых, обратимая акклиматизация к условиям окружающей среды; в-третьих, стойкая модификация индивидуального развития, получившая название «пластичность» [3].

Траектории развития являются результатом постоянных взаимодействий между организмом, контекстом и человеком, создающим в пределах, установленных биологически и контекстуально, возможность вариаций. Дополняя классические формулировки психологии продолжительности жизни, которые ставят взаимодействие между биологией и контекстом в центр внимания, здесь мы явно добавляем человека как агента собственного развития в качестве третьего фактора влияния [4]. Три уровня (контекст, организм, человек) имеют одинаковый вес. Обозначенные переменные, безусловно, имеют целый ряд особенностей, определяющихся социокультурными различиями между странами, условиями окружающей среды, конкретными контекстами. Множество культурных, экономических, психологических факторов, уровень образования, усвоенные социальные роли определяют то,

что может проявляться как психологический возраст конкретного человека [1; 2].

В России есть своя специфика вхождения в психологический мир старения. Это – очень легкий вход, что обусловлено ранним выходом на пенсию в России. Как следствие возникает социально принятый период жизни: предпенсионный возраст: еще не старость, но уже и не просто средняя зрелость, как этот период обозначается в классической психологии развития.

Легкости входа способствуют:

1. Сравнительно ранние сроки выхода на пенсию по сравнению с остальными европейскими странами. Наступлению этого возраста предшествует нарастающая психологическая готовность его принять: получить пенсионное свидетельство, в котором рукой государства сделана запись: «Пенсия назначена по старости».

2. Осознаваемая мотивация.

3. Социальная, несколько лукавая поддержка семьи и друзей/подруг: вот выйдешь на пенсию, и начнется прекрасная жизнь. Одним нужна бабушка-няня, другие желают, чтобы не одни они узнали, что такое жизнь на пенсии.

4. Психологическая идентификация с новой социальной ролью пенсионера и сопряженными с ней социальными ролями, выступающими на первый план: садовода, рыбака, бабушки-прабабушки и пр.

В России такая специфика, в других странах ситуация может быть диаметрально противоположна. Соответственно возникает необходимость накапливать научные знания о совокупности социокультурных и физических контекстных характеристик, поведенческих моделях людей и биологических способностях, которые помогают оптимизировать старение как можно большего числа людей в условиях изменения микро- и макроконтэкстов.

Список литературы

1. Staudinger U.M. 2015. Images of aging: Outside and inside perspectives. *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*. 35(1): 187–210.

2. Staudinger U.M., Finkelstein R., Calvo E., Sivaramakrishnan K.A. 2016. Global View on the Effects of Work on Health in Later Life. *The Gerontologist*. 56(2): 281–292.

3. Lasker G.W. 1969. Human biological adaptability. The ecological approach in physical anthropology. *Science*, 166, 1480–1486. <http://dx.doi.org/10.1126/science.166.3912.1480>.

4. Baltes P.B., Reese H.W. & Lipsitt L.P. 1980. Life-span developmental psychology. *Annual Review of Psychology*, 31, 65–110. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev.ps.31.020180.000433>.

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК СРЕДСТВО
ПОВЫШЕНИЯ ЕГО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ**
**HUMAN CAPITAL OF AN ENTERPRISE AS A MEANS OF INCREASING
ITS COMPETITIVENESS**

Г.Н. Москалевич

Минский инновационный университет,

г. Минск, Республика Беларусь

G.N. Moskalevich

Minsk Innovation University,

Minsk, Republic of Belarus

Рассматривается роль человеческого капитала в социально-экономическом развитии общества. Проанализированы различные подходы к интерпретации понятия «человеческий капитал». Дается авторское определение данного понятия. Раскрывается его значение в формировании инновационной экономики, значимость инвестирования в человеческий капитал предприятия как средства повышения его эффективности.

The article deals with the role of human capital in the socio-economic development of society. Various approaches to the interpretation of the concept of "human capital" are analyzed. The author's definition of this concept is given. It reveals its significance in the formation of an innovative economy, the importance of investing in the human capital of an enterprise as a means of increasing its efficiency. The main conclusions on the problem are formulated.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, конкурентоспособность, предприятие, национальная экономика, инновационная экономика, инвестирование в персонал

Keywords: human capital, human potential, competitiveness, enterprise, national economy, innovative economy, investment in personnel

Актуальность темы обусловлена следующим. Человеческий капитал на современном этапе развития общества выступает одним из факторов экономического развития предприятия, региона и всей страны в целом. В период перехода к инновационной экономике (экономике знаний) существенно повышается роль человеческого капитала как ведущего фактора производства, как главного конкурентного преимущества экономики. Благодаря качественному человеческому капиталу появляется возможность реализовать инновации, адаптироваться к условиям глобализации мировой экономики, иметь высокую конкурентоспособность. Следовательно, без качественного человеческого капитала невозможно социально-экономическое развитие страны, достижение достойного уровня конкурентоспособности.

Понятие «человеческий капитал» не является новым. Его значение для роста национальной экономики было замечено еще в 17 веке. Впервые о необходимости учета человеческого фактора в создании национального богатства упоминается в 1676 году в работе английского экономиста Уильяма Петти «Политическая арифметика» [1, с. 311-312].

В отечественной и зарубежной литературе мы можем найти самые различные определения понятия «человеческий капитал» и подходы к его оценке. Большинство западных экономистов трактуют человеческий капитал как приобретенные знания, навыки, мотивация и энергия, которыми владеют члены общества и «которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг» [2]. В качестве составной части человека как формы капитала рассматривает человеческий капитал А. Блайндер [3].

По мнению некоторых отечественных авторов (С.П. Станишевская, Е.А. Имайкин, И.Н. Якупова), человеческий капитал – это вся «совокупность характеристик отдельного человека, его индивидуальных особенностей: физические способности, коммуникативная составляющая, профессиональная подготовка, уровень образования, опыт, творческие способности и др.» [4].

Движущей силой и объектом воздействия называет человеческий капитал В.В. Токарева [5]. По мнению Е.В. Чучулиной, «человеческий капитал – это новая форма, способ реализации человеческого потенциала, накопленного индивидом в процессе социальной и общественной жизни в регионе, при помощи инвестирования в развитие профессиональных качеств индивида» [6, с. 53]. М.М. Критский под человеческим капиталом понимает «креативные способности человека, его знания, умения и навыки, применяемые в производственной, коммерческой, финансовой системах компании» [7, с. 6]. На взаимосвязи между качеством человеческого капитала и производительностью труда акцентирует внимание в своем исследовании Н.В. Громова [8, с. 21].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на множество опубликованных работ по проблемам человеческого капитала, все еще отсутствует единый подход к теоретической интерпретации понятия «человеческий капитал» и его роли в социально-экономическом развитии страны.

Мы рассматриваем человеческий капитал как потенциальный запас личностных качеств, интеллектуальных, духовных и физических сил, знаний, умений и навыков, креативных способностей человека, его производительных качеств, свойств, способностей, сил, применение которых дает экономический и неэкономический доход в любой сфере жизнедеятельности человека.

Под «качеством человеческого капитала» предприятия мы понимаем такое состояние человеческого капитала, которое способно удовлетворить

требованиям инновационного развития экономики и соответствовать требованиям технологической модернизации.

Человеческий ресурс (капитал, фактор) является главной креативной силой, поскольку именно в процессе инновационной деятельности человека в его голове рождаются новые идеи, проекты, что приобретает особое значение в условиях формирования инновационной экономики, постоянно модернизирующейся и обновляющейся.

Человеческий капитал определяется как совокупность знаний, навыков, мотивации, запас здоровья, инновационная активность, потенциальные возможности отдельных работников организации, которые целесообразно используются, содействуют увеличению производительности труда, влияют на рост доходов конкретного работника.

Именно посредством знаний, умений и навыков работников предприятия, их профессиональных качеств создается инновационная продукция, формирующая нематериальные активы организации. Эта составляющая инновационного потенциала (кадрового капитала) определяется, в первую очередь, корпоративной культурой, общей культурой взаимоотношений в коллективе и способствует накоплению знаний, приобретению новых навыков, обогащению опыта и совершенствованию профессиональных качеств специалистов.

Исходя из этого, необходимо осуществлять прямые инвестиции в человеческий капитал, в том числе расходы на получение образования, профессиональную подготовку и переподготовку на производстве, на поддержку карьерного роста, реализацию НИОКР и выполнение творческих задач, привлечение аутсорсинговых и консультационных услуг; расходы на медицинское обслуживание, создание информационных технологий и т.д. Без специалистов, профессионалов невозможны формирование и развитие инновационной экономики, модернизация производства.

Человеческий капитал не является постоянной величиной, он динамичен в пространстве и во времени, изменяется под влиянием внешних и внутренних факторов.

С развитием человеческого капитала связаны задачи модернизации российского общества, проблемы повышения конкурентоспособности национальной экономики, базирующейся на принципиально новых информационных технологиях.

На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам:

1. Человеческий капитал как любой капитал представляет собой фактор развития экономики. Увеличение объема и качества человеческого капитала

имеет существенное значение для повышения производительности труда на предприятии и роста экономики в стране,

2. С целью повышения эффективности реализации человеческого капитала необходимо разработать методы и механизмы управления данным фактором в жизнедеятельности общества.

3. Человеческий капитал нужно формировать за счет инвестиций, являющихся фактором экономического развития предприятия.

4. Влияние человеческого капитала на инновационное развитие экономики сопровождается обратным её влиянием на формирование человеческого капитала, являясь мотивирующим фактором, что вызывает необходимость дополнительных исследований в этом направлении.

Список литературы

1. Антология экономической классики: У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо. М.: Эконом-Ключ, 1993. 478 с.

2. Берндт Э. Практика эконометрики: классика и современность: учебник / пер. с англ.; под. ред. С.А. Айвазяна. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 863 с.

3. Блайндер А. Экономическая теория чистки зубов // THESIS. – 1994. Вып.6. С. 271–276.

4. Управление интеллектуальным капиталом в регионе: монография / С.П. Станишевская, Е.А. Имайкин, И.Н. Якупова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2013. 156 с.

5. Токарева В.В. Развитие человеческого капитала на субрегиональном уровне (в малых городах России): науч. издание. Мичуринск - наукоград РФ: Изд-во Мичуринского гос. аграр. ун-та, 2007. 186 с.

6. Чучулина Е.В. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития региона // Вестник Пермского университета. – 2014. – Вып. 1 (20). С. 52–57.

7. Критский М.М. Теория человеческого капитала как приоритетный фактор реформирования экономики // Экономич. теор. и хоз-ная реформа: сб. науч. трудов. СПб.: СПбГИЭА, 2005. – С. 5–28.

8. Громова Н.В. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития России // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. №1. Том 2. С. 14–22.

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ РАБОТНИКОВ СТАРШЕ 50 ЛЕТ WORK POTENCIAL OF EMPLOYEES OVER 50 YEARS

**М.В. Прохорова, А.В. Савичева,
М.А. Калинина, В.С. Лисина, К.А. Сорокина**
Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**M.V. Prokhorova, A.V. Savicheva,
M.A. Kalinina, V.S. Lisina, K.A. Sorokina**
Lobachevsky University

Работники старше 50 лет представляют огромный потенциал российского рынка труда. Однако, это не исключает проблемы их профессиональной самореализации и трудоустройства. Работники этой возрастной категории могут быть востребованными на рынке труда и обеспечить продуктивность трудовой деятельности, ресурс для этого кроется во внутренней мотивации и результирующей ориентации.

Employees over 50 years old stand an enormous potential for Russian labor market. Although it doesn't exclude problems of their professional self-realization and job placement. Employees of this age category can be in demand on the labor market and ensure the productivity of labor activity, the resource for this lies in internal motivation and the resulting orientation.

Ключевые слова: зрелый возраст, пожилой возраст, суперпрофессионализм, послепрофессионализм, мотивация труда старшей возрастной группы

Keywords: middle age, old age, superprofessionalism, afterprofesionalism, work motivation in the old age

Актуальность исследования. Согласно данным Росстата РФ на первый квартал 2020 г., среди трудящихся России 27.5% лиц старше 50 лет, или 19 млн. 612 тыс. человек. Кроме того, 3 млн. 464 тыс. человек зарегистрированы как безработные [1]. Приведённые данные свидетельствуют об огромном потенциале рынка труда работников старше 50 лет. Участники этой возрастной группы проявляют активность в поиске вакансий, используя интернет-ресурсы, однако выбор возможных направлений деятельности узок. Среди резюме, опубликованных за последний месяц на сайте «Headhunter.ru», доля кандидатов в возрасте старше 50 лет в Нижегородской области составляет 7.7% [2]. Наиболее востребованными для данной возрастной категории являются вакансии в сфере производства и сельского хозяйства. Несмотря на большой для рынка труда потенциал лиц старше 50 лет и готовность работодателей нанимать таких сотрудников, существуют проблемы их профессиональной

реализации и трудоустройства, что наглядно отражено в словах руководителя службы исследований “Headhunter.ru” Марии Игнатовой: «Если у человека за плечами успешный опыт работы без долгих перерывов, он владеет актуальными для профессии навыками, готов адаптироваться к новым условиям и работать наравне с остальными коллегами, то работодатели готовы рассматривать возрастного кандидата наравне с другими претендентами на вакансию. Главное, чтобы сам соискатель был психологически готов сменить работу и быстро впитывать новую информацию. К сожалению, именно с последним у возрастных кандидатов часто бывают трудности» [3].

Социально-психологические особенности людей зрелого и пожилого возрастов. Всё чаще современной наукой поднимается вопрос о существовании в России такого феномена, как активное старение [4]. Могут ли социально-психологические особенности стать препятствием для продолжения трудовой деятельности и реализации своего потенциала после 50 лет? В наибольшей степени на результат профессиональной деятельности влияют особенности познавательной сферы. Большинство исследователей отмечают, что в зрелом возрасте не происходит серьёзных изменений в функционировании когнитивной сферы, благодаря чему трудовая и творческая активность сохраняется в полном объёме [5]. Оптимистичные прогнозы даёт канадский психолог Ж. Годфруа, который установил, что до 60-летнего возраста умственные способности не снижаются, а, наоборот, имеют тенденцию к увеличению вплоть до преклонного возраста (в особенности это относится к представителям гуманитарных профессий) [6]. Период пожилого возраста (61-74 года) характеризуется спадом некоторых когнитивных функций: возрастает время реакции, замедляется обработка перцептивной информации, происходит ослабление кратковременной памяти.

В период зрелости одним из самых травмирующих событий может стать потеря работы [7]. К сожалению, в России многие работодатели подвержены влиянию возрастных стереотипов, в которых образ зрелых и пожилых работников связан со многими рисками. Однако, исследования, проводимые современными учеными, доказывают, что сотрудники старших возрастов могут справляться с условиями постоянно идущих изменений либо иметь выраженные ценностные приоритеты инновационного развития [8].

Этапы профессиональной карьеры в зрелом и пожилом возрастах. Перешагнувшие недавно границы пятидесятилетнего возраста работники могут находиться на уровне суперпрофессионализма, когда они, свободно владея

своей профессией, могут инициировать инновации, достигать наивысших вершин в своей трудовой деятельности (акме), выступать носителями ценностей профессии [9]. За счёт индивидуального стиля [10-11] деятельности компенсируется некоторое снижение психических функций. В период поздней зрелости (55-65 лет) человек постепенно завершает свою активную трудовую деятельность, что, как правило, не относится к представителям творческих профессий. А.К. Маркова называет этот временной интервал «уровнем послепрофессионализма» [9, с. 57]. У опытного работника могут появиться новые профессиональные роли: консультанта, наставника, эксперта. Уровень профессиональных притязаний такого работника может снижаться, а цели трудовой деятельности смещаться на передачу своих знаний более молодому поколению. Значимость выполняемых трудовых функций по-прежнему высока. В пожилом возрасте (66-75 лет) продолжается уход из профессиональной деятельности, но именно в это время человек может заняться обобщением, переосмыслением, описанием своей трудовой деятельности в так называемых «профессиональных мемуарах» [9, с. 137]. В старости (75-90 лет) продолжается воспроизведение профессиональных воспоминаний.

Мотивация труда работников старшей возрастной группы. Успешное продолжение профессиональной деятельности у представителей описываемых возрастных групп во много зависит от структуры мотивации. Установлено, что с возрастом в профессиональной деятельности усиливается проявление внешней положительной и внешней отрицательной мотивации, вытесняющие внутреннюю мотивацию [12]. Среди смыслообразующих мотивов в возрасте 51 год и старше увеличивается выраженность коммуникации и процессуальной ориентации [13]. Если субъекту труда удаётся сохранить на высоком уровне как внутреннюю мотивацию, так и результирующую ориентацию, что не имеет непосредственного отношения к его физическому самочувствию, то это становится залогом профессионального долголетия и продуктивности трудовой деятельности.

Заключение. Работники старше 50 лет представляют огромный потенциал российского рынка труда. Однако это не исключает проблемы их профессиональной самореализации и трудоустройства. Социально-психологические особенности лиц зрелого и пожилого возраста не являются серьёзным препятствием для продолжения трудовой деятельности и реализации своего потенциала после 50 лет. Работники этой возрастной категории могут

сохранить потенциал и продуктивность трудовой деятельности, ресурс для которых кроется во внутренней мотивации и результирующей ориентации.

Список литературы

1. Итоги выборочного обследования рабочей силы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/11110/document/13265> (Дата обращения: 17.06.2020)
2. Работа в Нижнем Новгороде, поиск персонала и публикация вакансий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nn.hh.ru/> (Дата обращения: 16.06.2020)
3. Возраст не помеха: где искать работу возрастным кандидатам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nn.hh.ru/article/301407> (Дата обращения: 16.06.2020)
4. Судьин С.А., Исакова И.А. Новая парадигма старения по-русски // Социальная политика и социология. 2018. Т.17. №3 (128). С. 83–90.
5. Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 656 с.
6. Годфруа Ж. Что такое психология: В 2-х т. Т.2. М.: Мир, 1992. 376 с.
7. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
8. Захарова Л.Н., Саралиева З.Х., Леонова И.С. Социально-психологическое старение работника как социальное действие: организационный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т.22. №4. С. 88–119.
9. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 312 с.
10. Толочек В.А. Стили деятельности // Разработка понятий современной психологии / Под ред. А.Л. Журавлёва, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2018. С. 508–529.
11. Толочек В.А. Стилль деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 366 с.
12. Прохорова В.М., Прохоров В.М. Возрастная динамика внешней и внутренней мотивации трудовой деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. №3. Т.8. С. 57–64.
13. Прохорова М.В., Прохоров В.М. Возрастная динамика смыслообразующих мотивов трудовой деятельности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. №6. Т.50. С. 256–269.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
В СФЕРЕ ТРУДА**
**DEMOGRAPHIC AND TECHNOLOGICAL CHALLENGES
IN THE WORLD OF WORK**

Е.В. Резанова
*Белорусский институт стратегических исследований,
г. Минск, Республика Беларусь*
E.V. Rezanova
*The Belarusian Institute for Strategic Studies,
Minsk, Republic of Belarus*

Посвящено проблемам адаптации механизмов социальной политики Беларуси к демографическим и технологическим вызовам в сфере труда. Указанные проблемы рассматриваются в аспекте ключевых целей внутренней политики по сохранению человеческого потенциала страны. Анализируются социальные технологии в условиях отсутствия воспроизводства трудовых ресурсов, роста автоматизации и роботизации производства.

The article is devoted to the problems of adapting of social policy mechanisms to demographic and technological challenges in the labor sphere of Belarus. These problems are considered in the aspect of the key goal of domestic policy: retention of the human potential. Social technologies are analyzed in the following conditions: labor resources are not reproduced, automation and robotization of production.

Ключевые слова: социальная политика, социальные технологии, депопуляция, неполная занятость

Keywords: social policy, social technology, depopulation, underemployment

Главной целью социальной политики Республики Беларусь является обеспечение устойчивого роста уровня и качества жизни населения и создание условий для развития человеческого потенциала. При этом обеспечение социальной устойчивости направлено, с одной стороны, на сохранение социальной структуры и недопущение ее разрушения, а с другой – на активизацию необходимых качественных изменений, соответствующих новым социально-экономическим условиям развития.

Одна из важнейших и сложнейших социально-экономических проблем, стоящих перед Республикой Беларусь сегодня, связана с объективной необходимостью перехода страны к инновационной экономике, без которой невозможно достичь сколько-нибудь значимого социально-экономического роста, а значит – и улучшения благосостояния населения. Вхождение Беларуси в шестой технологический уклад – не самоцель, а вопрос выживания, развития экономики, обеспечения безопасности и международного статуса, достижения высокого уровня благополучия людей. В настоящее время в Беларуси 50-60%

экономики — это четвертый уклад (углеводородная и отчасти ядерная энергетика), 30-40% — пятый (атомная энергетика), шестой занимает около 5% (био- и нанотехнологии). Сложностью стоящей перед наукой и экономикой задачей является в течение ближайших десятилетий войти в число государств с шестым технологическим укладом [1]. Качественные институциональные преобразования в данном направлении сопряжены с множеством трудностей и препятствий, связанных с поиском новых социальных технологий в трудовой сфере.

Демографический вызов связан, в первую очередь, с депопуляцией и старением населения. Проблема депопуляции является актуальной для Беларуси еще с 1993 г., и с тех пор ежегодно смертность превышает рождаемость. За последние двадцать лет численность населения снизилась на полмиллиона человек. Для стимулирования рождаемости в Беларуси реализуется более 10 видов различных государственных программ. Женщинам предоставляется оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до трех лет. Многодетным семьям предоставляется льготное кредитование и оказывается поддержка в строительстве жилья. В ближайшие два года планируется существенно сократить количество многодетных семей, которые нуждаются в улучшении жилищных условий. С 2015 г. в Беларуси реализуется программа семейного капитала, которая предполагает зачисление денежных средств на депозитный счет многодетным родителям при рождении (усыновлении) третьего и последующих детей. Вместе с тем, принятые на государственном уровне меры по улучшению демографической ситуации пока не дают устойчивого результата. Молодежь все чаще предпочитает карьерный рост раннему рождению детей. Дополнительные социальные гарантии для женщин, позволяющие совмещать воспитание детей и трудовую деятельность, способны оказать положительное влияние на изменение репродуктивных установок молодежи.

Следующим демографическим вызовом является увеличение в общей численности населения доли лиц старше трудоспособного возраста, то есть происходит процесс старения населения. Если в 2000 г. доля этой когорты составляла 21,5%, то в 2019 г. она достигла 25%, несмотря на поэтапное увеличение пенсионного возраста [2]. В результате этого, с учетом особенностей функционирования распределительной пенсионной системы в Беларуси происходит значительный рост демографической нагрузки на трудоспособное население.

В настоящее время социальной технологией по адаптации к старению населения выступает повышение пенсионного возраста, которое начало осуществляться с 2016 г. К 2022 г. мужчины будут выходить на пенсию в

63 года, а женщины – в 58 лет. Вместе с тем, повышение пенсионного возраста не имеет долгосрочного эффекта. С учетом демографической ямы 90-х годов рождаемость в ближайшее время будет только снижаться, а количество пенсионеров стремительно увеличиваться с учетом тенденции на повышение продолжительности жизни. Для снижения демографической нагрузки на трудоспособное население следует проводить реформирование всей пенсионной системы, переходить от распределительной пенсионной системы (где все получают примерно одинаковую пенсию), к комбинированной, сочетающей в себе элементы солидарной, накопительной и добровольной пенсионных систем (в которой величина пенсии будет полностью зависеть от продолжительности и размера пенсионных взносов в течение жизни).

Технологический вызов связан с автоматизацией и роботизацией производства, что, с одной стороны, приводит к избыточной занятости на предприятиях в связи исчезновением многих прежних профессий, а с другой – к появлению новых профессий. Данные процессы являются общемировой тенденцией ввиду развития мировой экономики в направлении шестого технологического уклада.

Для решения проблемы избыточной занятости в стране применяют традиционную социальную технологию, связанную с распространением неполной занятости на предприятиях, так называемой скрытой безработицы, которая имеет как негативные, так и позитивные последствия. К негативным последствиям можно отнести ухудшение материального положения и покупательной способности населения, а также снижение квалификации и ослабление трудовой мотивации работников. Помимо этого, неполная занятость приводит к недопроизводству валового внутреннего продукта по сравнению с его потенциально возможным уровнем, поскольку она представляет собой неэффективное и неполное использование занятых трудовых ресурсов. Вместе с тем, неполная занятость позволяет предотвратить массовую безработицу, поддержать минимальный уровень благосостояния населения и тем самым обеспечить хотя бы минимальный уровень потребления, а также сохранить кадровый потенциал экономики. Следует отметить, что такая форма занятости в некоторой мере способствует повышению мотивации работников к изменению своего положения посредством повышения квалификации, переквалификации, а также стимулирует предпринимательскую активность [3].

Особенно актуальна проблема неполной занятости для моногородов, имеющих одно-два градообразующих предприятия. Реальное экономическое состояние многих градообразующих предприятий таково, что нынешний объем промышленного производства могут выполнять всего треть наличного состава

их трудовых ресурсов. Однако, большинство государственных организаций ограничены в возможности высвобождения избыточной численности занятых, ввиду социально ориентированной белорусской экономики, а также ввиду неспособности обанкротившихся предприятий выполнить требования, предусмотренные законодательством в области социальных гарантий при сокращении штатов.

Социальная технология сохранения избыточной занятости с целью недопущения массовой безработицы является промежуточным звеном, позволяющим лишь отсрочить негативные последствия, связанные с вымиранием профессий. В свою очередь трансформация системы кадровых технологий на предприятиях позволит обеспечить необходимый уровень квалификации сотрудников без необходимости их сокращать или переводить на режим неполного рабочего дня.

Представляется эффективным включение высвобожденных работников государственного сектора в предпринимательскую деятельность. В целях регулирования развития малого и среднего бизнеса в Беларуси сделано немало: в 7 раз сокращено количество административных процедур, осуществлено совместно с предпринимателями почти 40 реформ. Однако предприниматели отмечают, что остаются ещё значительные барьеры для развития предпринимательской инициативы: высокие ставки налогов; обременительные административные процедуры (лицензии, сертификация, проверки); неравные условия деятельности по сравнению государственными предприятиями; нестабильное законодательство и высокие процентные ставки [4]. Кроме того, в рейтинге Doing Business за 2019 год позиция Беларуси снизилась сразу на 12 пунктов (с 37 на 49 место) по сравнению с 2018 годом. Следует совершенствовать институциональные условия ведения бизнеса, а также повышать эффективность деятельности бизнес-ассоциаций, основной задачей которых является налаживание взаимодействия между предпринимателями и органами государственного управления в целях принятия совместных решений.

Список литературы

1. К 2030 году Беларусь перейдет на шестой, самый высокий, технологический уклад. URL: <https://www.sb.by/articles/v-xxi-veke-veke-biotekhnologii-vazhno-ne-otstat-ot-liderov.html> (Дата обращения: 01.09.2019).
2. Антипова Е.А. Состояние и перспективы демографического развития Республики Беларусь. Минск: ВИЗА групп, 2017. 172 с.
3. Сыроед Т.Н. Громько Н.А. Рынок труда и управление персоналом. URL: <http://lib.i-bteu.by/bitstream/handle.pdf> (Дата обращения: 08.09.2019).

4. Белорусский бизнес 2016: состояние, тенденции, перспективы.
URL: <http://www.research.by/analytics/businessbook/16/> (Дата обращения: 25.10.2019).

**НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
ПРИРОДЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ***
**DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF CORPORATE SOCIAL
POLICY IN THE CONTEXT OF QUALITATIVE CHANGES IN THE
NATURE OF LABOR RELATIONS**

А.В. Рушева
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Rusheva
Lobachevsky University

Происходящие изменения в трудовой сфере сопровождаются повышением значимости нематериальных факторов в экономическом развитии, обусловлены потребностью формирования корпоративной устойчивости. Особую актуальность при этом приобретают формы и методы деятельности компании, направленной на создание системы мер социальной защиты и всесторонней поддержки, социальное развитие персонала. Анализируются некоторые изменения в характере социально-трудовых отношений и составляющие социальной политики предприятия.

The ongoing changes in the labor sphere are accompanied by an increase in the importance of intangible factors in economic development, due to the need for the formation of corporate stability. At the same time, the forms and methods of the company's activities aimed at creating a system of social protection measures and comprehensive support, social development of personnel are gaining particular relevance. Some changes in the nature of social and labor relations and the components of the social policy of the enterprise are analyzed.

Ключевые слова: корпоративная социальная политика, персонал, социальная ответственность бизнеса, конкурентоспособность компании, социальное развитие, социальные инвестиции

Keywords: corporate social policy, personnel, social responsibility of business, competitiveness of the company, social development, social investment

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «"Старикам везде у нас почет?" Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

Преобразования, происходящие в современном обществе, предполагают качественные перемены и в сфере труда. Для большей части экономически активного населения выполнение трудовых функций является обязательным, воспринимается как необходимое условие жизнедеятельности, становится одной из важнейших ценностей. В настоящее время перед человеком открывается свобода выбора рода деятельности, направления и вида профессионального обучения, возможности карьерного роста. Все это способствует формированию мотивации заниматься тем, что нравится. Более того, задумываясь над будущей профессией, человек создает представление об образе жизни, социальном окружении, уровне материального достатка, что также указывает на учет социально-психологических особенностей его личности. В итоге, определенные последствия совокупного влияния факторов макро- и микросреды воспринимаются участниками трудовой деятельности по-разному: с одной стороны, как прогрессивные и необходимые для развития экономики и повышения уровня качества жизни, с другой – достаточно негативно, поскольку сопряжены с массой угроз, сложностями, влекут дополнительные затраты и увеличивают и так большую нагрузку на человека.

В современной практике менеджмента и сфере трудовых отношений имеются достаточно эффективные механизмы обеспечения стабильности и конкурентоспособности компании, одним из которых является корпоративная социальная политика. В целом, данное направление реализуется через социальное развитие персонала организации и социальные инвестиции с планируемыми «дивидендами».

Раскрывая суть и значение корпоративной социальной политики, целесообразно представлять ее как составляющую национальной социальной политики, поскольку через реализацию принципов социальной ответственности бизнеса и гуманистических ценностей, в том числе здоровья населения, возможно эффективное взаимодействие предприятия, общества и государства и достижение высокого уровня социального благополучия.

Нужно признать, что несмотря на, казалось бы, очевидную выгоду ведения предприятием социально направленной деятельности, существуют некоторые сложности, снижающие мотивацию субъектов управления ею заниматься и тормозящие широкое и полное её внедрение в отечественной практике корпоративного управления. Ярким примером такой проблемы является отсутствие четких и ощутимых в краткосрочном периоде критериев оценки полезности планирования и решения социально значимых организационных задач. Это препятствие, в свою очередь, затрудняет анализ текущих и прогнозирование будущих социальных потребностей, усложняет

контроль мероприятий и средств, направленных на реализацию социальной политики.

Повышение значимости человеческого фактора в условиях рыночных отношений находит отражение в подходах к управлению людьми и трансформирующихся механизмах кадровой политики. Так, широкое распространение в настоящее время получают концепции, в центре внимания которых всесторонняя забота о человеке труда. Период развития промышленного производства был достаточно показательным и убедительным в плане необходимости изменения восприятия менеджментом работников организации. Результаты Хотторнских экспериментов, концепция социальной ответственности бизнеса, бихевиоризм, теория человеческого капитала и иные подходы гуманистической направленности свидетельствуют о происходящем пересмотре принципов управления и смещении акцентов в сторону повышения уровня качества трудовой жизни. Кроме того, предполагаемые данными концепциями вложения в персонал являются не только расходами на воспроизводство рабочей силы, но и долгосрочными инвестициями (в личностное и профессиональное развитие, укрепление здоровья, формирование лояльности), что, в итоге, способствует росту производительности труда и увеличению доходов работников [1], повышению конкурентоспособности и привлекательности компании. Очевидный экономический эффект в условиях рынка от инвестиций в человеческие ресурсы подтверждаются многими современными теориями (Т. Шульца, Г. Беккера, Т. Стюарта, Р. Макконнелла, Стэнли Л. Брю).

Начавшееся в 90-х гг. XX века преобразование управлений персоналом в управления человеческими ресурсами на практике сопровождается целевой и структурно-функциональной перестройкой некоторых служб и институтов (отдела кадров, профсоюзной организации и пр.), а также меняющимися критериями оценки трудовой деятельности – приоритетными становятся качественные показатели труда: личностные, профессиональные и деловые характеристики сотрудника, минимизация/отсутствие ошибок в работе, проявление лояльности, соблюдение служебной этики.

Если еще в XIX-XX вв. взаимоотношения бизнеса и общества во многих странах мира носили больше неформальный характер, были основаны в большей степени на воле предпринимателей соблюдать нормы морали и этики, в настоящее время, в дополнение к соблюдению ключевых социальных ценностей, они регулируются законодательно, контролируются надзорными органами и часто определяются поведением самого социума.

В 2010 г. Международной организацией по стандартизации после нескольких лет разработки и обсуждения экспертами был опубликован главный

международный стандарт ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» [2]. Согласно его положениям, предприятиям рекомендуется внедрять принципы социальной ответственности, устанавливаются обязательные для социально ответственного бизнеса элементы – правила корпоративного поведения и социальной отчетности. В 2013 г. данное Руководство было введено и в России, что подчеркивает актуальность изложенных в нем принципов и для отечественных предпринимателей.

Множественные изменения, происходящие в сфере социально-трудовых отношений и управления организациями, отражены в новых положениях Трудового Кодекса РФ [3]. Приведем некоторые из них: с 01.01.2020 г. произошло очередное повышение МРОТ (12130 руб. [4]), который теперь приравнивается к прожиточному минимуму трудоспособного населения; закреплена индексация пособий работающим; вводятся электронные трудовые книжки и СНИЛС; у работодателя и у работника появилась возможность определить соответствие квалификации работника/соискателя на должность положениям профессионального стандарта или установленным квалификационным требованиям с помощью независимой оценки квалификации [5]; введены оплачиваемые дни для прохождения диспансеризации; вступили в силу новые санитарные требования к рабочим местам [6], определены новые штрафы для компаний за работников-уклонистов от воинской службы, за переработку водителей и др. В связи с распространением в России новой коронавирусной инфекции Минтруд рекомендовал всем работодателям по возможности переводить сотрудников на дистанционный режим работы или неполное рабочее время [7].

Как видно, список нововведений в основном законе о труде довольно внушительный, содержит множество положений, обеспечивающих защиту прав и интересов работников.

Тем не менее, на практике, мы часто сталкиваемся совершенно с иной картиной. Анализ научных публикаций, посвященных состоянию современной социально-трудовой среды, позволил выделить в ней несколько наиболее распространенных проблем и негативных тенденций:

- = снижение качества трудового потенциала;
- = непрозрачность трудовых отношений;
- = нарушение социально-трудовых прав работников;
- = кадровая деградация, «люмпенизация» рабочего класса;
- = рост профзаболеваний и производственного травматизма.

Данный перечень, к сожалению, далеко не исчерпывающий и, в условиях неизбежности происходящих и будущих перемен, порождающих, в свою очередь, качественные изменения природы трудовых отношений, вопрос

отношения к человеческому ресурсу как к ценнейшему и незаменимому (несмотря на все достижения научно-технического прогресса) является наиболее животрепещущим.

Таким образом, возвращаясь к инструменту обеспечения конкурентоспособности любого современного предприятия – корпоративной социальной политике, выделим несколько её важных структурных элементов:

= основные акторы – *субъекты управления* предприятия – проявляют инициативу, разрабатывают принципы социальной политики и контролируют мероприятия по её реализации, принимают управленческие решения и несут ответственность за их последствия; *заинтересованные стороны* — лица и группы лиц, которые, обладая необходимыми ресурсами, могут оказывать влияние на выработку социальной политики и ее осуществление (сотрудники, профессиональные объединения, союзы, органы власти, местное сообщество);

= корпоративная культура, включающая нормы и принципы отношений между сотрудниками предприятия и его руководством, между предприятием, государством и обществом, модели поведения, сформированные посредством социального взаимодействия, эффективные и разделяемые большинством членов организации;

= наличие специальных подразделений в организационной структуре предприятия, выполняющих функции разработки и реализации корпоративной социальной политики;

= наиболее распространенные функции: повышение эффективности деятельности организации, в т.ч. за счет высокого качества рабочей силы, снижение уровня текучести кадров, рост числа высококвалифицированных специалистов, создание положительной репутации организации, усиление мотивации и лояльности работников;

= критерии эффективности корпоративной социальной политики:

- защищенность персонала (через систему льгот и гарантий государства и предприятия);
- воспроизводство рабочей силы (через достойный уровень оплаты труда и ее регулирование, дополнительные выплаты и льготы);
- удовлетворение интересов работника, работодателя, государства (через развитую корпоративную культуру);
- повышение уровня качества трудовой жизни и развитие персонала.

Как видно, вышеизложенные компоненты отчасти затрагивают основополагающие цели и направления развития корпоративной социальной политики. Несмотря на разницу в условиях и возможностях предприятий решать ее множественные задачи работу по обеспечению гарантий качества, экологической безопасности, прозрачности своей деятельности необходимо продолжать. От государства, в свою очередь, ожидается больше внимания к

вопросу формированию законодательной базы в сфере социальной ответственности бизнеса, целостное понимание социально ответственного поведения компании, а также введение поощрений и ощутимой поддержки предприятий, чья социальная политика реализуется эффективно и разносторонне, которые уже вносят существенный вклад в обеспечение социальной и экономической стабильности в обществе.

Список литературы

1. Рушева А.В. Социальная ответственность бизнес-решений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. №1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_37318215_854028.pdf (Дата обращения: 22.09.2020).

2. ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/71171864/> (Дата обращения: 27.09.2020).

3. Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (Дата обращения: 26.09.2020).

4. Приказ Минтруда от 09.08.2019 № 561н "Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за II квартал 2019 года". [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332079/ (Дата обращения: 26.09.2020).

5. Федеральный закон от 03.07.2016 № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200485/ (Дата обращения 26.09.2020).

6. СанПиН 2.2.4.3359–16 1 января 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420362948> (Дата обращения: 26.09.2020).

7. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 23 апреля 2020 г. № 14-2/10/П-3710. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73861439/> (Дата обращения: 26.09.2020).

**ОЦЕНКА КРАУДФАНДИНГА КАК НОВОГО ЯВЛЕНИЯ В
ФИНАНСИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ASSESSMENT OF CROWDFUNDING AS A NEW PHENOMENON
IN BUSINESS FINANCING**

О.Ф. Удалов, Т.Е. Маслова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
O.F. Udalov, T.E. Maslova
Lobachevsky University

Развитие альтернативных моделей финансирования предпринимательской деятельности в условиях непрерывной модернизации экономики России становится важной проблемой. Проявивший себя за рубежом метод краудфандинга как устойчивый метод финансирования новых предприятий малого бизнеса представляет наибольший интерес, однако требует должного анализа его сильных и слабых сторон, а также предоставляемых возможностей и реальных угроз.

The development of alternative models of business financing in the context of continuous modernization of the Russian economy is becoming an important problem. The crowdfunding method that has proved itself abroad as a sustainable method of financing new small businesses is of the greatest interest, but it requires a proper analysis of its strengths and weaknesses, as well as the opportunities and real threats provided.

Ключевые слова: финансирование, краудфандинг, анализ, венчурный капитал, бизнес-ангелы, бизнес-модель, бизнес-план

Keywords: financing, crowdfunding, analysis, venture capital, business angels, business model, business plan

Краудфандинг изначально воспринимался как инструмент, позволяющий собирать деньги с небольших инвесторов (обычных людей) в обмен на материальные либо нематериальные блага. Некоторые ученые также включают посредников в определение, так как сам процесс обычно происходит через них (интернет-платформы, такие как Kickstarter, Indiegogo, Volstr и другие). Таким образом, можно дать следующее его определение: метод установления связей между предпринимателями, которые стремятся привлечь капитал, и новыми инвесторами, которые формируют источник капитала и готовы инвестировать небольшие суммы денег через посредников в Интернете [1].

Краудфандинг начал свое активное развитие с появлением интернета, и этот аспект отличает его от традиционного фандрайзинга, у которого нет цели вывести сбор денег на достижение целей проекта на мировую платформу [2]. Основной целью создателей проектов является исследование рынка,

финансового сектора и развитие маркетинга, а некоторые собирают средства на свои потребности.

Так как краудфандинг – это новое явление, и правила, касающиеся его, еще устанавливаются, SWOT-анализ позволяет понять данный способ финансирования и позиционировать его относительно других. Применение SWOT-анализа базируется на выделении сильных и слабых сторон краудфандинга, а также возможностей и угроз внешней среды. Для уточнения этих аспектов необходимо разъяснить следующие понятия:

1. Сильные стороны – это отличительные особенности краудфандинга и преимущества его использования перед другими способами привлечения капитала и инвестирования. Они имеют внутреннее происхождение, то есть возникают из сущности краудфандинга: то, как он разрабатывается и применяется.

2. Слабые стороны – это отрицательные черты и особенности, которых лишен краудфандинг по сравнению с другими способами привлечения капитала и инвестирования. Так же имеют внутреннее происхождение.

3. Возможности представляют собой атрибуты окружающей среды, которые могут быть использованы для улучшения краудфандинга и более частого его использования.

4. Угрозы – выявление негативных элементов внешнего происхождения, которые могут снизить производительность краудфандинга.

Сильные стороны краудфандинга

Прежде всего, в случае венчурного капитала и бизнес-ангелов, инвесторы получают значительный контроль над решениями компании [3]. При использовании краудфандинга предприниматели не должны отдавать такие права. Даже когда капитал компании возрастает благодаря краудфандингу, предприниматели не теряют права принимать собственные решения, касающиеся компании.

Во-вторых, привлечение капитала через краудфандинговые платформы общедоступно. Обычно большинство предпринимателей не способны увеличить венчурный капитал по двум причинам: 1) отсутствие потенциала для большого публичного размещения и неспособность достаточно быстро расти; 2) слишком мало венчурных капиталистов по отношению к предпринимателям, которым нужны деньги. Малые предприятия имеют очень ограниченные возможности финансирования. Банки часто отказывают им в кредите из-за отсутствия поручительства, проверенной репутации. Краудфандинг воспринимается как способ решения этих проблем, помогая малым предприятиям, которым недоступны традиционные источники финансирования.

Более того, предприниматели, стремящиеся привлечь капитал через краудфандинговые платформы, получают шанс проверить соответствие продукта требованиям рынка. Весь процесс краудфандинга базируется на привлечении большого количества лиц, которые считают идею интересной и стоящей, с точки зрения вложения инвестиций. Если много людей поддерживают идею и верят в нее, значит, этот бизнес имеет шансы на успех.

Наконец, краудфандинг приносит пользу обществу через местные и глобальные средства. Краудфандинг – это инструмент, позволяющий людям инвестировать в собственные сообщества, что способствует созданию устойчивого экономического благополучия [4]. В настоящее время современные технологии помогают преодолеть географические барьеры. Исследования показывают, что большинство предпринимателей сосредотачиваются на проекте в пределах их географического сообщества, но стараются привлечь средства в мировом масштабе [5].

Слабые стороны краудфандинга

Во-первых, предприниматели должны учитывать административные и бухгалтерские трудности, с которыми им предстоит столкнуться. Когда большое количество инвесторов становятся акционерами, требуется тщательный и трудоемкий бухгалтерский учет всех инвестиций и долей в бизнесе, чтобы определить, на какую часть прибыли каждый инвестор имеет право.

Предприниматели сталкиваются с риском кражи идей. Многим из них не хватает знаний, чтобы защитить идеи и бизнес-планы, более того, если идея уже украдена, будет проблематично найти средства для суда. Этот риск рассматривается как слабая сторона, так как особенностью краудфандинга является представление идеи и бизнес-модели широкой публике.

Следующей слабой стороной является возможность мошенничества. Некоторые предприятия могут попытаться скрыть свое истинное финансовое положение. Кроме того, компании могут быть созданы специально, чтобы получить финансирование, выплатить все средства как заработную плату и затем закрыться.

Наконец, при краудфандинге возникает проблема выбора надежной краудфандинговой платформы, которая касается и инвесторов, и предпринимателей. Несмотря на то, что в настоящее время можно легко найти информацию, инвесторам трудно определить, какому именно посреднику и какому бизнесу можно доверять.

Возможности

Во-первых, технологии становятся более развитыми, стал активно использоваться Интернет, и это вызвало популярность различных социальных

сетей и проектов, которые может использовать краудфандинг для продвижения. Члены семьи и друзья могут рекомендовать бизнес своим друзьям. Имея такие рекомендации, посторонние лица с большей вероятностью внесут свой вклад.

Во-вторых, краудфандинг положительно влияет на экономику, создавая новые рабочие места, содействуя экономическому развитию и инновациям. Кроме этого, краудфандинг предоставляет возможность микрофинансирования, привлечения массового количества непрофессиональных инвесторов, а также имеет особенности и гибкость в формах вознаграждения.

Угрозы

Рискованный характер малого бизнеса можно рассматривать как угрозу. Традиционно стартапы считаются более рискованными и имеют более высокий процент неудач по сравнению с другими видами бизнеса. Возникает неуверенность в развитии непроверенных продуктов и услуг.

Стоит также отметить, что существуют неопределенность перспектив и проблемы с законодательством в части регулирования инвестиционной деятельности.

Выявленные сильные, слабые стороны, возможности и угрозы обобщены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

SWOT-анализ

Сильные стороны	Слабые стороны
Предприниматели оставляют за собой право принимать самостоятельные решения относительно бизнеса	Административные и бухгалтерские трудности
Доступность капитала	Идеи и бизнес-модели, представленные общественности, могут быть украдены
Шанс проверить соответствие продукта требованиям рынка	Возможность мошенничества
Польза для сообществ через местные и глобальные средства	Проблема выбора надежной краудфандинговой платформы
Возможности	Угрозы
Существование информационного общества (использование социальных сетей для продвижения)	Рискованный характер малого бизнеса
Положительное влияние на экономику	

Краудфандинг – это альтернативный способ привлечения финансирования от широких масс с целью реализации бизнес-идеи. Кроме основной цели – привлечения финансирования перед краудфандингом стоят следующие цели: 1) маркетинговая цель (создание заинтересованности в новых проектах на ранних стадиях развития); 2) реклама компании, проводящей краудфандинговую кампанию; 3) проверка работоспособности идеи, изучение рынка; 4) привлечение традиционных инвесторов.

За последнее время краудфандинг превратился в стабильную и полноценную альтернативу имеющимся формам финансирования всех типов проектов, как социальных и музыкальных, так финансовых и технологических. Это подтверждается частотой привлечения средств для реализации проектов, а также общими объемами и ростом мирового рынка краудфандинга.

Данный способ финансирования имеет целый ряд преимуществ, среди которых наиболее значимыми являются: облегчение поиска инвестора, увеличение скорости развития компании за счет упрощения привлечения капитала, создание базы потенциальных покупателей во время сбора средств, а также увеличение информированности населения в целом и целевого рынка, в частности, о скором выходе продукта компании. Более того, краудфандинг позволяет проверить жизнеспособность продукта или идеи на самой ранней стадии без угрозы больших финансовых потерь. К тому же, крупные инвесторы и бизнес-ангелы получают возможность увидеть перспективный проект, имеющий амбициозных создателей, уже получивший некую сумму денег и интерес потенциальных клиентов.

С другой стороны, многие финансовые аналитики сходятся во мнении, что краудинвестинг очень рискованный финансовый инструмент. И если привлечь инвестиции в стартапы можно, то получить реальную прибыль в разумное время можно очень редко. Однако самым большим недостатком краудфандинга является простота создания на его основе мошеннических схем.

Список литературы

1. The people's business / State of Social Enterprise Survey 2013. By Frank Villeneuve-Smith and Charlotte Chung. Social Enterprise UK. 2013. URL: https://web.archive.org/web/20150814094124/http://www.socialenterprise.org.uk/uploads/files/2013/07/the_peoples_business.pdf.

2. Бикалова Н.А., Рассохин И.В., Растяпин А.А. Фандрайзинг: Проблемы развития и возможные перспективы // Экономика и современный менеджмент: теория и практика // Сб. ст. по матер. LVI междунар. науч.-практ. конф. № 12(54). Новосибирск: СибАК, 2015. С. 32–37.

3. Серебрянский А.Г. Краудфандинг как механизм финансирования инновационных проектов в России // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития // Сборник научных статей 4-й Международной научно-практической конференции (25-27 декабря 2014 года), редкол.: Горохов А.А. (отв. ред.); в 2-х томах, Том 2, Юго-Зап. гос. ун-т., Курск, 2014. 314 с.

4. Dingman S. Canadian's smartwatch startup matches record \$15-million in VC funding. The Globe and Mail. 2013. URL: <https://www.theglobeandmail.com/technology/business-technology/canadians-smartwatch-startup-matches-record-15-million-in-vc-funding/article11965214/>.

5. Гончарова М.А., Поповичева Н.Е. Краудфандинг как инновационный финансовый инструмент реализации стратегии устойчивого социально-экономического развития региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. №47 (284). С. 21–28.

**ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР
ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЕДУЩИХ
ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ**
**INVESTMENT POTENTIAL AS A FACTOR IN INCREASING
THE COMPETITIVENESS OF THE LEADING ECONOMIC SECTORS**

А.Х. Холмуминов

Ташкентский финансовый институт, г. Ташкент, Узбекистан

A.H. Kholmuminov

Tashkent Finance Institute, Tashkent, Uzbekistan

Для динамично развивающейся экономики, стремящейся к преодолению технико-технологической отсталости и развитию производства, привлечение дополнительных финансовых ресурсов и рациональное их использование имеет большое значение, поэтому вопрос привлечения инвестиций в экономику страны сегодня является весьма актуальным.

For a dynamically developing economy seeking to overcome technological backwardness and develop production, attracting additional financial resources and using them rationally is of great importance, which is why the issue of attracting investment into the country's economy is very topical today.

Ключевые слова: инвестиционный потенциал, конкурентоспособность отраслей экономики

Keywords: investment potential, competitiveness of economic sectors

Экономика любой страны не сможет динамично развиваться, а инвестиции не будут вкладываться, если государство не обеспечит для этих процессов соответствующие условия. Для повышения эффективного использования инвестиционного потенциала в Узбекистане был применен зарубежный опыт. В 2008 г. созданы первые специальные экономические зоны, характеризующиеся либеральным налоговым режимом и существенным облегчением административных барьеров для открытия нового бизнеса, что существенно увеличило приток инвесторов в страну.

В повышении инвестиционной привлекательности особое значение имеют кластеры, которые активно используются на протяжении многих лет в развитых странах. По общепринятому определению, кластер – это сообщество экономически тесно связанных и близко расположенных производственных

подразделений (компании) смежного профиля, взаимно способствующих общему развитию и росту конкурентоспособности друг друга. Преимущественно это неформальные объединения крупных лидирующих фирм со множеством средних и малых предприятий, создателей технологий, связующих рыночных институтов и потребителей, взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки создания стоимости, сосредоточенных на ограниченной территории и осуществляющих совместную деятельность в процессе производства и поставки определенного типа продуктов и услуг. Роль крупного бизнеса в процессе образования кластеров заключается в привлечении малых и средних предприятий для налаживания производства на основе тесной кооперации и субконтрактных связей при активном деловом и информационном взаимодействии. Это способствует развитию всех участников кластера и обеспечивает им конкурентные преимущества по сравнению с другими, обособленными предприятиями, не имеющими столь крепких взаимосвязей. Главное, на что нацелены кластеры, это возможность для бизнеса и для региона развиваться не по инерции. Для бизнеса кластер – это реальная возможность обеспечить себе конкурентоспособность в будущем, то есть создавать долгосрочную стратегию развития предприятий на 5–10 лет и более. Кластеры состоят из предприятий, специализированных в определенном секторе экономики и локализованных географически. В экономической системе кластерное объединение выполняет следующую задачу: сильные предприятия подтягивают за собой мелкие. Ключ к успеху кластера – цивилизованная конкуренция, равнение на лидеров, получение поддержки от лидеров, от административного ресурса региона. Идея повышения конкурентоспособности национальной экономики на основе реализации кластерных стратегий поможет повысить экономику страны перейти на более развитый новый этап. Для производства конкурентоспособного товара нужно создать так называемые «сети для экспорта», которые направлены на развитие приоритетных секторов экономики (в частности, легкая промышленность, тяжелая промышленность, химическая промышленность и электроника), которым нужно выделять субсидии для модернизации заводов и приобретения сырья. Целью программы является улучшение качества и повышение количества узбекских конкурентоспособных экспортных товаров. Компаниям, которые находятся в «сетях», нужно предоставить особые льготы и доступ к кредитам Центрального банка Узбекистана. Не мешало бы создать систему информирования иностранных инвесторов об инвестиционных возможностях в стране и контактах с потенциальными партнёрами.

В современных условиях перед предприятиями республики остро стоит вопрос повышения экономического потенциала до конкурентоспособного

уровня международным крупным холдингам и корпорациям. В этой связи необходимо создать условия для динамично развивающегося рынка инвестиций не только в реальный, но и финансовый сектор экономики.

Дальнейшее углубление экономических реформ подразумевает выработку и осуществление новой стратегии привлечения иностранных инвестиций, основанной на комплексном, программно-целевом подходе, заключающемся в создании и реализации целевых и комплексных инвестиционных программ, охватывающих всю совокупность предприятий различных областей, расположенных на одной территории. Это могут быть территориально-производительные комплексы, специальные экономические, экспортные или другие зоны. При этом данные программы должны быть долгосрочными, рассчитанными на решение стратегически значимых задач либерализации экономики.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УКРЕПЛЕНИЯ
ДЕПОЗИТНОЙ БАЗЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ**
**THEORETICAL FOUNDATIONS AND FOREIGN EXPERIENCE IN
STRENGTHENING THE DEPOSIT BASE OF COMMERCIAL BANKS**

Б.У. Шермухамедов
Ташкентский финансовый институт, г. Ташкент, Узбекистан
B.U. Shermukhamedov
Tashkent Finance Institute, Tashkent, Uzbekistan

Исследованы эволюционные теории о депозитных операциях коммерческих банков и их устойчивости, особенности обеспечения устойчивости депозитной базы коммерческих банков в практике передовых зарубежных стран.

Evolutionary theories about commercial banks' deposit operations and their stability, as well as the specifics of ensuring the stability of commercial banks' deposit base in the practice of the best foreign countries have been studied.

Ключевые слова: коммерческие банки, депозитная база, зарубежный опыт, конкурентоспособность банков

Keywords: commercial banks, deposit base, foreign experience, bank competitiveness

Деятельность коммерческих банков невозможно представить без задействованных ресурсов, то есть достаточно стабильного ресурсного обеспечения. Депозиты коммерческих банков играют важную роль в повышении эффективности активных операций банков и расширении спектра новых финансовых услуг. В настоящее время устойчивость банковских

депозитов является одним из ключевых вопросов, когда уровень конкурентоспособности банков превышает национальные границы и является глобальным. Анализ теоретических аспектов обеспечения надежности депозитной базы коммерческих банков всегда будет одной из актуальных задач.

Ученые-экономисты расходятся во мнениях относительно уровня устойчивости банковских депозитов.

По мнению целого ряда ученых-экономистов (Н.Д. Белостоцкой, Т.В. Никитиной и В.И. Колесникова), «депозиты до востребования являются депозитами с самым низким уровнем устойчивости банковских депозитов, потому что вкладчик может снять депозит в любое время, и, наоборот, срок возврата срочных вкладов в банках устанавливается законодательством, поэтому невозможно снять средства раньше установленного срока» [1]. Однако не все ученые согласны с этим. Например, в своей «теории остатков» И.Т. Балабанов [2] отметил, что «стабильная часть депозитов до востребования может быть использована для долгосрочных активных операций». Другой известный ученый О.И. Лаврушин [3] поддерживает его, потому что основным критерием определения качества банковских вкладов является их обоснованность. Другими словами, чем выше надежность депозитов, тем выше ликвидность и платежеспособность банка. В то же время высокий уровень надежности депозитов требует постоянных стабильных остатков по депозитам до востребования.

Отечественный экономист А. Омонов [4] в своих научных исследованиях отметил целесообразность того, что в структуре банковских депозитов транзакционные депозиты составляют 30% от общего объема депозитов. Конечно, невозможно полностью обеспечить их платежеспособность посредством этого стандарта, установленного на корреспондентских счетах коммерческих банков, но указывается, что в отсутствие серьезных колебаний в экономике и экономических кризисов это требование дает положительные результаты. По нашему мнению, автор признал в структуре депозитов основной источник укрепления депозитной базы и поддержания финансовой устойчивости банка по установленным нормам.

По мнению отечественного ученого-экономиста У.Д. Ортикова, важным является соблюдение показателей, характеризующих стабильность депозитной базы коммерческих банков при разработке и реализации депозитной стратегии для коммерческих банков. Это связано с тем, что способность коммерческих банков определять тактику, используемую в депозитной политике,

соответствует депозитной стратегии, основанной на анализе показателей, характеризующих стабильность депозитной базы коммерческого банка [5].

В настоящее время банковская система страны не имеет системы показателей, характеризующих надежность банковских депозитов. Банковская система нашей страны использует ту же методику, которая указана в американской системе CAMELS. Кроме того, отечественные коммерческие банки не включают в свою депозитную политику никаких указаний, характеризующих силу депозитной базы, Центральный банк страны не имеет общего критерия для разработки депозитной политики коммерческих банков.

Изучая теоретические взгляды экономистов, мы полагаем, что депозитная база банка рассматривается как способность банка размещать привлеченные депозиты на выгодных для себя условиях, сумма депозитных средств, способствующих ликвидности и устойчивому росту доходов банка.

В современном банковском деле коммерческие банки имеют долгосрочную и устойчивую ресурсную базу, которая обеспечивает финансовую устойчивость банка, повышая доходность и рентабельность банков.

Во многих странах с развивающейся экономикой несоответствие между депозитами и ресурсами, размещаемыми коммерческими банками, оказывает негативное влияние на финансовую стабильность банков.

Высокая доля депозитов до востребования в структуре привлеченных средств коммерческих банков не позволяет банкам в полной мере использовать эти средства и проводить долгосрочные инвестиционные операции. Однако, низкая стоимость этих ресурсов положительно сказывается на уровне рентабельности банков.

Стабильность депозитной базы банка определяется тем, что доля срочных и сберегательных вкладов в банках высока в общей сумме вкладов. Это, в свою очередь, позволит эффективно управлять ликвидностью коммерческих банков.

Хотя в настоящее время существуют различные подходы, которые характеризуют устойчивость и достаточность депозитной базы банков, наиболее распространенными являются следующие подходы (Табл. 1).

Таблица 1

**Международные показатели и нормы,
характеризующие устойчивость и достаточность
депозитной базы коммерческих банков***

<i>№</i>	<i>Показатели</i>	<i>Метод определения</i>	<i>Нормативный показатель</i>
1	Методика Международного банка реконструкции и развития	ТД/ ТД+ЖД+МД*100	верхний предел этого показателя должен составлять 30%
2	Методика оценки на основе рейтинговой системы «CAMELS»	Основные депозиты/все депозиты*100	фактический уровень этого показателя должен быть не менее 75%

* Разработано автором

В настоящее время в международной банковской практике широко используются два метода определения достаточности депозитной базы коммерческих банков.

Первый метод был разработан экспертами МБРР, и в соответствии с их рекомендациями, максимальный предел должен составлять 30%. Если его текущий уровень превышает 30%, депозитная база коммерческого банка считается недостаточной.

Второй метод – методика оценки, основанная на рейтинговой системе «CAMELS», согласно которой доля крупных депозитов в совокупных депозитах коммерческих банков должна составлять не менее 75%.

В настоящее время США являются одной из самых стабильных стран в банковской системе. Одним из важных показателей, характеризующих стабильность депозитной базы банковской системы США, является доля сберегательных депозитов банков в депозитной базе банков (Табл. 2).

Таблица 2

**Структура и динамика депозитов
коммерческих банков США
(на конец года, в %)***

<i>Виды депозитов</i>	<i>Годы</i>				
	<i>2014 г</i>	<i>2015 г</i>	<i>2016 г</i>	<i>2017 г</i>	<i>2018 г</i>
Срочные депозиты	15,6	14,5	13,4	13,6	14,1
Сберегательные депозиты	69,4	70,6	71,8	71,4	71,3
Депозиты до востребования	15,0	14,8	14,8	15,1	14,6
Всего депозитов	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Разработано автором на основе статистических данных официального сайта Федеральной корпорации страхования депозитов США (FDIC) [6]

Сегодня при изучении статистических данных банков-членов Федеральной корпорации по страхованию депозитов США (FDIC) в целях изучения структуры и динамики депозитов коммерческих банков США

становится ясно, что структуру внутренних банковских депозитов США составляют сберегательные депозиты.

Таблица 2 показывает, что основная часть депозитов отечественных банков США – в среднем 70% от общего объема, приходится на сберегательные вклады, и эта тенденция растет год за годом. Сберегательные депозиты по характеру отличаются от срочных депозитов дешевизной ресурсов и гибкостью сделок по ним. Не случайно, что коммерческие банки США чаще используют эти депозиты в своих активных операциях.

Список литературы

1. Белостоцкая Н.Д. [и др.]. Банковское дело: Учебник. М.: «Финансы и статистика», 2002. 489 с.
2. Боровкова В.А., Балабанов А.И., Боровкова В.А. Банки и банковское дело: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007. 448 с.
3. Лаврушин О.И. Банковский менеджмент: Учебник / Под ред. О.И. Лаврушина. М.: КНОРУС, 2009. 560 с.
4. Омонов А.А. Тижорат банкларининг ресурсларини самарали бошқариш масалалари» мавзусидаги иқт.фан. доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация. Тошкент, 2008. 264 б.
5. Ортиков У.Д. Банк ресурслари ва уларни бошқариш. И.ф.н. илм. дар. ол. уч. ёз. дисс. Т., 2008. 128 б.
6. Официальный сайт Федеральной корпорации страхования депозитов США (FDIC). URL: <https://www.fdic.gov>.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА **GAMIFICATION AS A TOOL TO INCREASE LABOR MOTIVATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY**

В.В. Артамонова
*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск*
V.V. Artamonova
*Baikal State University,
Irkutsk*

Системы управления эффективностью персонала призваны побуждать сотрудников к достижению результатов, соответствующих целям организации. Ключевыми элементами управления трудовым процессом являются трудовой контроль и мотивация труда. В условиях изменения технологического уклада данные элементы все чаще становятся связанными с концепцией геймификации, которая позиционируется прежде всего как инструмент повышения трудовой мотивации.

Personnel performance management systems are designed to encourage employees to achieve results that are consistent with the goals of the organization. The key elements of labor management are labor control and labor motivation. In the context of changing technological structure, these elements are increasingly becoming associated with the concept of gamification, which is positioned primarily as a tool to increase labor motivation.

Ключевые слова: геймификация; трудовая мотивация; достоинства и недостатки геймификации

Keywords: gamification; labor motivation; advantages and disadvantages of gamification

На самом фундаментальном уровне системы управления эффективностью персонала стремятся повысить производительность работы сотрудников двумя путями: 1) обеспечение доступа сотрудников к информации об их производительности (например, определение требований к производительности, установление достижимых и измеримых показателей, обеспечение обратной связи); 2) активизация работы (например, создание стимулов для достижения целей). Несмотря на то, что важность систем управления производительностью уже давно известна, постиндустриальное общество расширило возможности управления производительностью.

Геймификация в трудовом процессе ориентирована на применение игровых элементов с целью повышения эффективности работы сотрудников. В некоторой степени геймификация включает в себя традиционные подходы в отношении управления производительностью персонала. Например, предоставление информации сотрудникам об их производительности с целью корректирования рабочего процесса. Однако наряду с этим, благодаря геймифицированным системам, сотрудник получает непрерывный доступ к информации о производительности в режиме реального времени. Таким образом, геймификацию в системе мотивации персонала можно представить следующим образом (рис. 1):

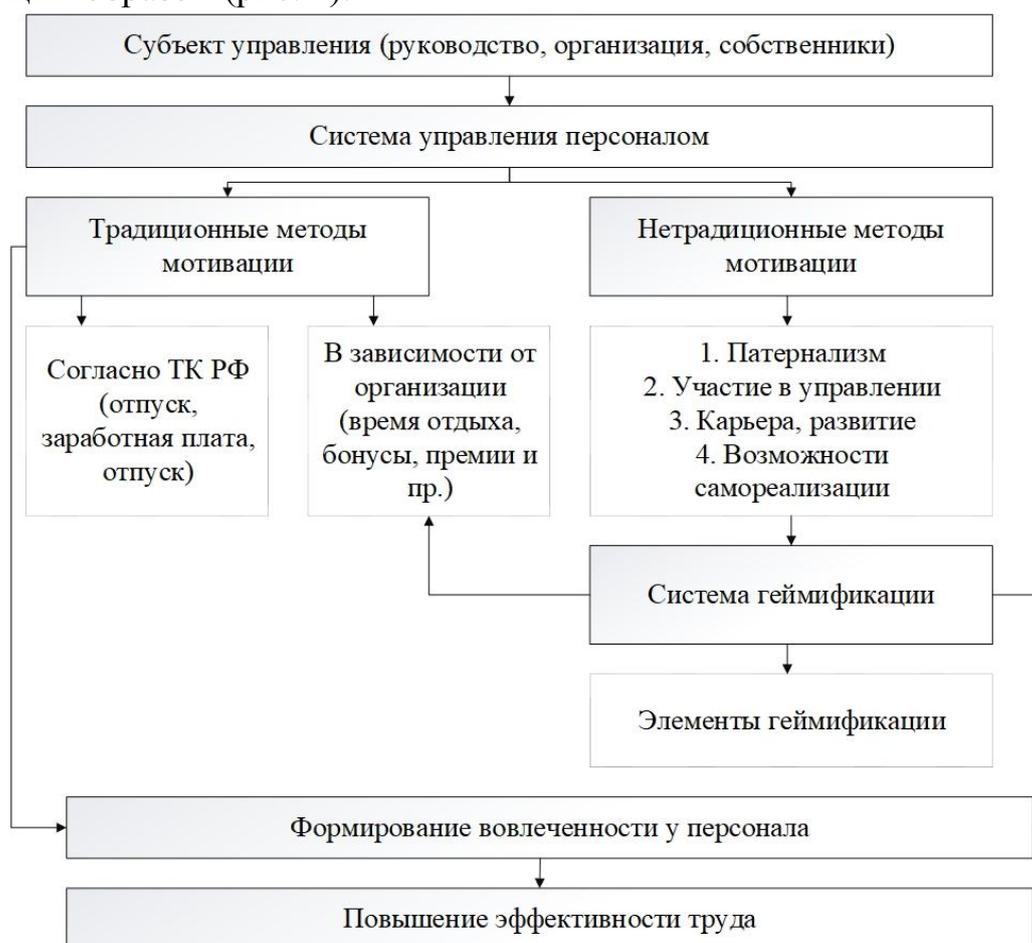

Рис. 1. Геймификация в системе мотивации персонала

Геймификация не только обеспечивает непрерывный доступ к информации о производительности, а также направлена на то, чтобы повысить мотивацию персонала к выполнению трудовых функций и сделать сотрудников более вовлеченными в трудовой процесс.

Стоит отметить, что детерминация поведения не всегда означает его мотивацию. Мотивация – это внутренняя детерминация поведения и деятельности, которая, конечно же, может быть обусловлена как внешними раздражителями, так и окружающей сотрудника средой. Внешняя среда

воздействует на индивида физически, в то время как мотивация — процесс психический, преобразовывающий внешние воздействия во внутреннее побуждение [1, с. 63].

Широко известна типология румынского социолога К. Замфир [2], которая описывает три типа мотивации:

– внутренняя мотивация (связана с содержанием труда, интересом к работе, ощущением общественной значимости труда);

– внешняя положительная мотивация (формируется системой материального вознаграждения и другими «внешними» по отношению к процессу труда стимулами);

– внешняя отрицательная мотивация (формируется системой наказаний, отрицательных стимулов).

Концепция геймификации объединяет в себе все три типа мотивации. «С одной стороны, используя внешние награды, такие, как уровни, очки, статусы и пр., возможно не только удовлетворить материальные потребности индивида, статусные потребности, потребность во власти (внешняя положительная и отрицательная мотивации), но и способствовать профессиональной самореализации сотрудника через чувство сопричастности, принадлежности и общения (внутренняя мотивация)» [3, с. 11].

Среди преимуществ геймификации для сотрудников можно выделить следующие [4–7]:

– замена рутинной работы игровым процессом;

– вовлечение всех сотрудников в бизнес-проект для решения задач;

– развитие творческого и неординарного мышления у сотрудников;

– возможность самореализации сотрудников;

– заинтересованность сотрудников в выполнении задач компании;

– повышение сплоченности коллектива при совместном решении задач;

– визуализация достижений и прогресса сотрудников.

Организация может через геймифицированные системы способствовать:

1) увеличению мотивации сотрудников к рутинной деятельности и повышению ее эффективности; 2) повышению уровня мотивации сотрудников к профессиональному развитию; 3) повышению уровня мотивации сотрудника к инновационной деятельности; 4) лучшему пониманию ценностей компании; 5) соблюдению дисциплины; 6) развитию межличностных связей, налаживанию коммуникаций между сотрудниками; 7) уменьшению текучести кадров. И как следствие, подобные изменения могут привести к увеличению прибыли компании, росту и развитию бизнеса.

Среди недостатков ряд авторов выделяют [7–8]:

– поверхностность;

- принудительное участие;
- краткосрочный эффект;
- развитие конкуренции между сотрудниками, что может привести не к достижению целей компании, а низкому корпоративному духу.

На наш взгляд, если подходить к разработке геймифицированной системы с научной точки зрения, учитывая специфику элементов геймификации, портрет сотрудников, работающих в организации, с опорой на теории трудовой мотивации, можно избежать или минимизировать данные недостатки.

Использование геймификации как инструмента повышения трудовой мотивации может способствовать высокому результату, при этом позволит не только повысить общий уровень производительности труда, но и выявить лидеров, улучшить качество коммуникации внутри трудового коллектива, снизить число конфликтов, оптимизировать трудовой процесс. С другой стороны, геймификация становится инструментом контроля над трудовым процессом – современной модификацией тейлористско-фордистской системы, в основе которой лежат автоматизация и алгоритмизация деятельности персонала [9–10]. В то же время именно геймификация становится основой для согласования желаний сотрудников и целей организации.

Таким образом, тенденция геймификации труда положительно влияет на мотивацию персонала и может служить повышению эффективности и продуктивности современных кадров.

Список литературы

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
2. Замфир К. Удовлетворенность трудом. Мнение социолога. М.: Политиздат, 1983. 143 с.
3. Артамонова В.В. Концепция геймификации и ее отражение в теории самодетерминации // Социодинамика. 2019. №2. С. 10–16.
4. Дынкина Е.Д. Геймификация, как инструмент повышения эффективности обучения персонала / Е. Д. Дынкина // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. №2(7). С. 51–57.
5. Захаркина Н.В. Геймификация в управлении персоналом организации: понятие, преимущества и направления использования / Н.В. Захаркина, Н.Н. Соколова // Вестник ОрелГИЭТ. 2017. №1. С. 36–40.
6. Николина М.А. Геймификация как один из эффективных методов нематериального стимулирования персонала / М.А. Николина, О.О. Федоренкова, Ю.А. Мельничук // Новое поколение. 2016. №10. С. 413–419.

7. Стяжкин М.С. Геймификация – как один из методов повышения эффективности работы персонала / М.С. Стяжкин, Е.В.Меньшикова // Межрегиональный сборник научных трудов. Томск, 2016. С. 86–90.

8. Устратова А.В. Противоречивость геймификации в обучении персонала: играть – нельзя работать / А.В. Устратова, А.П. Ахромова, В.Ю. Кочерова, Ю.А. Мельничук // Новое поколение. 2016. №9. С. 173–179.

9. Хусяинов Т.М. Тенденции геймификации и креативизации в трудовых отношениях эпохи Постмодерна // Философия хозяйства. 2017. №2(110). С. 93–107.

10. Richter G. Studying gamification: the effect of rewards and incentives on motivation / G. Richter, D.R. Raban, S. Rafaeli // Gamification in Education and Business. Cham: Springer, 2015. P. 21–46.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫХ УСТАНОВОК СОЛДАТ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЕЁ ПРОХОЖДЕНИЯ PECULIARITIES OF CONSCRIPT VOCATIONAL-ORIENTED SETS AT MILITARY SERVICE INITIAL STAGE

В.Ю. Власкин

*Войсковая часть Министерства обороны,
г. Нижний Новгород*

V.Yu. Vlaskin

*Military unit of the Ministry of Defense,
Nizhny Novgorod*

На примере разработанной авторской анкеты, используемой в качестве социологического инструментария по раннему выявлению профессиональных предпочтений солдат срочной службы, показаны профориентационные возможности армейского института социализации. Практическая реализация такого подхода даёт возможность оптимизировать войсковую социализирующую деятельность по профессиональному самоопределению данной категории военнослужащих и направлена на повышение качества управленческой работы по созданию кадрового армейского резерва.

The vocational-oriented opportunities of the socialization army institute are shown through the example of questionnaire developed by author, which is used as a sociological toolkit for early identification of conscript professional preferences. The practical implementation of such approach makes it possible to optimize military socializing activities for professional self-determination of this category of military personnel and is aimed at improving the quality of management activities to create a personnel army reserve.

Ключевые слова: военная служба по призыву, трудоустройство, заключение контракта, военное учебное заведение

Keywords: conscription, employment, conclusion of contract, military educational institution

Профессионализацию, или становление субъектов профессиональной деятельности молодых людей, по праву относят к одной из наиболее значимых составляющих их социализационных траекторий. [1, с. 113; 2, с. 41–42]. Одним из промежуточных маркеров, свидетельствующим о непрерывном и поступательном развитии личности в этом направлении, является осуществление первичного выбора профессии к моменту окончания школы или иного учебного заведения на основе осознания своих интересов, возможностей, их соответствия требованиям известных профессиональных деятельностей. Необходимо отметить, что при этом сделать процесс профессионального самоопределения планомерным не всегда представляется возможным. К одному из социализирующих барьеров можно отнести призыв в ряды Вооруженных сил. Ещё в мае 1999 года, — в ходе проведения Институтом проблем занятости РАН и Военным комиссариатом г. Москвы совместного исследования было установлено, что практически все опрошенные призывники уже имели первичный опыт профессионализации – преимущественно в сфере рабочих специальностей. В качестве позитивного для себя фактора прохождения службы 43% респондентов признали возможность получения в армии специальности; но при этом 35.5% показали отсутствие профессиональных перспектив в связи с узким характером армейской подготовки, слабо коррелированной, на их взгляд, с современным рынком труда [3, с. 75]. Необходимо отметить, что по прошествии после данного исследования значительного отрезка времени тематика эффективности профессионализации в условиях службы по призыву не потеряла своей актуальности и продолжает быть объектом изучения [4].

Так, в 2014–2016 гг. автором было проведено эмпирическое исследование, цель которого – изучение особенности процесса профессионального самоопределения военнослужащих в условиях прохождения ими службы по призыву. Основная его задача – дать анализ итогов этапа первичного профессионального самоопределения призывников, когда они, закончив средние образовательные заведения и получив первичные навыки трудовой деятельности, прибывают для прохождения службы в воинскую часть. В качестве диагностического инструментария исследования была использована авторская анкета с рабочим названием «Профориентационные установки военнослужащих срочной службы». Необходимо отметить, что результаты подобного анкетирования могут быть использованы для выявления

социализирующих возможностей армейских организаций по профессиональному самоопределению военнослужащих всех периодов службы.

В данном случае респонденты – солдаты из состава молодого пополнения – время нахождения в войсковой части в момент замера составило не более одного месяца. Заполнение бланка анкеты, в заключительной части которой одним из пунктов был помещён вопрос об уровне базового образования респондента, предусматривало ответы по следующим позициям:

— планируемая после увольнения сфера деятельности;

— вопросы профориентационно-социализирующей направленности, ответы на которые позволяют определить социализационные возможности армейской службы.

Групповое анкетирование проведено посредством самозаполнения раздаточных анкет. Для анализа было отобрано 96 бланков. Результаты ответов по наиболее значимым позициям представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

**Итоговые данные анкетирования солдат-призывников
на первом месяце службы, %**

№ п.п	Позиции анкеты	Варианты ответов				
		6 мес.	12 мес.	12–18 мес.	24 мес.	ЗсО
1	Время, необходимое для овладения воинской специальностью	6 мес.	12 мес.	12–18 мес.	24 мес.	ЗсО
		33	40	8	6	13
2	Вероятное трудоустройство после службы	Прежнее место	Иное гражд. пред-ие	ВУЗ	Силовое ведомство	ЗсО
		22	10	29	19	23
3	Помощь в трудоустройстве в силовых структурах, но вне армии	Нет	Скорее нет	ЗсО	Скорее да	Да
		5	7	17	44	27
4	Помощь в трудоустройстве на гражданских предприятиях	Нет	Скорее нет	ЗсО	Скорее да	Да
		7	14	20	42	17
5	Вероятность овладения воинской специальностью	Нет	Скорее нет	ЗсО	Скорее да	Да
		10	19	26	30	15
6	Возможность поступления в ВВУЗ	Нет	Скорее нет	ЗсО	Скорее да	Да
		25	35	27	10	3

В табл. 1: аббревиатура «ЗсО» означает затруднения респондентов с ответом или его отсутствие.

При анализе данных были обнаружены следующие особенности. Во-первых, распределение процентных показателей будущих профессиональных выборов респондентов в рамках условного континуума «гражданская – военизированная деятельность». В пользу гражданской деятельности или учёбы в ВУЗе (строка п. 2 табл. 1) высказались 61% опрошенных, военизированную деятельность выбрали 19% и 23% респондентов признали, что ещё не

определились с выбором. В данной строке таблицы суммарный процентный показатель превышает 100% по той причине, что некоторые выборы предусматривают дуальность сферы перспективной профессиональной деятельности. К ним, в частности, можно отнести одномоментные выборы по типу «учёба в ВУЗе и трудовая деятельность», «служба в армии или работа по полученной специальности», «служба в МВД или работа в МЧС».

Анализируя полученные результаты, автор счёл целесообразным сопоставить их с аналогичными данными своего диссертационного исследования [4, с. 94]. Несмотря на то, что во время написания работы (2016 г.) в качестве респондентов были привлечены почти отслужившие солдаты, процентные соотношения их выборов во многом идентичны полученным сейчас, – о чём свидетельствуют данные таблицы 2.

Т а б л и ц а 2

Данные анкетного опроса по выявлению перспективных профессиональных выборов солдат срочной службы, %

Позиции анкеты	Военизированные выборы	Гражданские выборы
1. Перспективные варианты деятельности:		
- служба в силовых организациях или работа в них	81	15
- учеба в военных ВУЗ	10	–
- учеба в гражданских ВУЗ (СУЗ)	15	31
- трудовая деятельность	34	62
- частное предпринимательство	–	8
- не дали ответа	3	11

Сравнительный анализ всех вышеперечисленных данных показал ряд закономерностей, которые позволят говорить о некоторых выявленных общих тенденциях. Речь здесь идёт о росте числа профессиональных выборов военизированной направленности к моменту окончания службы, а также изначальной и конечной готовности части военнослужащих к поступлению в военные ВУЗы: 13% у молодёжи в 2020 г. (строка п. 6 табл. 1) к 10% старослужащих в 2016 г. (табл. 2). Данные закономерности, с учётом их важности в деле совершенствования процесса армейской профориентационной социализации, указывают на необходимость расширения предметного поля деятельности армейских профконсультантов и интенсификации их действий в пользу создания кадрового резерва для Вооружённых сил.

Наиболее проблемным фактором является достаточно значительный процентный показатель неопределившихся с выборами респондентов: 23% молодых солдат в нашем исследовании при 20% старослужащих в 2014 г. [2, с. 45] и 14% – в 2016 г. (табл. 2). Не могут внушать оптимизма и мнения респондентов по вопросам, отражающим степень наличия или отсутствия

запроса на использование возможностей прохождения службы в социализирующих целях. Так, несмотря на то, что 73% участников исследования допускают возможность овладения какой-либо воинской специальностью за «нормативное» (1 год) время службы (строка п. 1 табл. 1), 55% (с учётом 26% затруднившихся с ответом в строке п. 5 табл. 1) не показали желание этим воспользоваться.

Особо необходимо отметить данные о намерениях солдат срочной службы продолжить рост имеющегося образовательного уровня в учебных заведениях гражданского профиля. Вновь обратившись к материалам диссертационной работы, можно предположить, что к концу службы нынешний показатель в 29% способен вырасти до 46% (табл. 2). Очевидно, что такое положение дел связано с имеющимся уровнем образования: 28% имеют общее и неполное среднее образование, 59% – уровень среднеспециального и среднепрофессионального и лишь 7% опрошенных – указали на наличие н/высшего или полного высшего образования. Важно отметить, что процентные соотношения образовательного уровня солдат-срочников, оставаясь достаточно стабильными при каждом призыве [4, с. 36], должны быть учтены и реализованы в работе агентов профориентационной социализации — аналогично нормативно-планируемым мероприятиям по информированию военнослужащих о положениях федерального законодательства, в которых даётся юридическое обоснование возможности получения высшего образования для военнослужащих-контрактников [5].

Всё вышеизложенное свидетельствует о необходимости внедрения новых социализирующих подходов в войсковую практику. Косвенным подтверждением данного посыла может служить, несмотря на достаточно высокие процентные проармейские социализационные показатели (строки п. 3 и п. 4 табл. 1), наличие статистических различий при оценивании гипотетической пользы армейской службы при трудоустройстве на гражданских предприятиях и в силовых структурах вне военной организации: $H_0=0,232$ (Т-критерий Вилкоксона; $p \leq 0.05$).

Анализ данных по профессиональным выборам солдат в начале военной службы свидетельствует о необходимости внедрения инноваций в деятельность должностных лиц армейской профориентационной социализации. Она должна учитывать многообразие перспективных выборов оптантов и способствовать достижению своей главной цели – минимизации «профессиональной неопределённости» солдат к моменту окончания срочной службы по призыву.

Список литературы

1. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. №1. С. 109–115.
2. Саралиева З.М., Захарова Л.Н., Власкин В.Ю. Профессиональное самоопределение и организационные ценности военнослужащих срочной службы // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. Екатеринбург, 2016. №1(149). С. 41–51.
3. Клементьев Р.П., Николаева И.А. Призыв на военную службу // Социологические исследования. 2000. №10. С. 72–76.
4. Власкин В.Ю. Управление профориентационной социализацией военнослужащих срочной службы: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Н. Новгород, 2019. 179 с.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2014 г. № 1155 [Электронный ресурс]. URL: <https://ens.mil.ru/education/document> (Дата обращения: 15.04.2020).

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ ГРАЖДАН ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА VOCATIONAL TRAINING AS A WAY TO PROMOTE EMPLOYMENT CITIZENS OF PRE-RETIREMENT AGE

М.В. Гинсбург, И.И. Зиннатуллина
*Казанский государственный медицинский университет,
г. Казань*
M.V. Ginsburg, I.I. Zinnatullina
*Kazan State Medical University,
Kazan*

Исследуются основные направления содействия занятости граждан предпенсионного возраста, а именно, профессиональное обучение в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография». Используются статистические данные, отчеты подведомственных органов и казенных учреждений. Описаны технологии реализации мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста.

The Article is devoted to the main directions of promoting employment of citizens of pre-retirement age, namely, vocational training in the framework of the Federal project «Older generation» of the national project «Demography». Statistical data, reports of subordinate bodies and state institutions were used. Technologies for implementing measures for vocational training and additional professional education for persons of pre-retirement age are described.

Ключевые слова: граждане предпенсионного возраста, дополнительное профессиональное образование, занятость граждан предпенсионного возраста, национальный проект, повышение квалификации, потеря квалификации, профессиональное обучение

Keywords: citizens of pre-retirement age, additional professional education, employment of citizens of pre-retirement age, national project, professional development, loss of qualifications, vocational training

Положение современного взрослого человека предпенсионного возраста (далее – ПВ) в обществе, и прежде всего в сфере труда, во многом зависит от уровня его компетентности, что предусматривает повышение уровня профессиональной, функциональной и информационной компетентности как условие соответствия требованиям рынка труда.

Государство предоставляет гражданам ПВ возможность повысить квалификацию или получить дополнительное профессиональное образование путем разработки и реализации национальных и региональных проектов.

Целью национального проекта «Демография» является увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет [1].

В рамках федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение» национального проекта «Демография» в Республике Татарстан (далее – РТ) утвержден региональный проект Республики Татарстан «Старшее поколение».

Согласно федеральному проекту «Старшее поколение», с 2019 г. начнется реализация мероприятия по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования (далее – ПО и ДПО) лиц ПВ с целью повышения их квалификации и повышения конкурентоспособности на рынке труда.

В данных проектах указаны планируемые показатели численности граждан ПВ, ПО или ДПО до 2024 года (*табл. 1*) [2], (*табл. 2*) [3].

Т а б л и ц а 1

Численность граждан предпенсионного возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование, тыс. человек в РФ

Период, год	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Показатель	75	150	225	300	375	450

Т а б л и ц а 2

Численность граждан предпенсионного возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование, тыс. человек в РТ

Период, год	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Показатель	1351	2702	4053	5404	6755	8106

Ключевым показателем эффективности реализации Программы будет доля сохранивших занятость работников ПВ, прошедших ПО или ДПО, в численности работников ПВ, прошедших обучение, в размере не менее 85% [4].

В РТ в 2019 г. выделенные на реализацию проекта объемы финансирования позволили обучить 4,7 тыс. граждан ПВ, что почти в 3 раза превышает установленные показатели в 1351 чел., все они сохранили свою занятость или трудоустроились [5].

До конца 2024 г. предполагается осуществить ПО и ДПО не менее чем 450 тыс. граждан ПВ как состоящих в трудовых отношениях, так и ищущих работу [2]. Для этого предполагается использовать 3 основные технологии организации обучения.

Первая технология – обучение граждан, обратившихся в органы занятости населения и получивших направление в организации, осуществляющие образовательную деятельность, имеющие лицензии на образовательную деятельность по соответствующим образовательным программам и участвующие в соответствующих региональных программах. Эта технология включает в себя следующие этапы [6]:

1. гражданин ПВ, желающий пройти обучение, обращается в органы занятости населения;

2. органы занятости населения выбирают из имеющихся в банке образовательных программ наиболее подходящую по уровню квалификации, форме и срокам обучения для гражданина вариант;

3. гражданин получает направление в образовательную организацию, участвующую в Программе [4].

Вторая технология – обучение работников ПВ по направлению работодателей. В целях развития профессиональных навыков работников ПВ работодатель обращается в органы занятости населения для заключения соглашения об организации соответствующего обучения своих работников. Такой работодатель при наличии лицензии на осуществление образовательной деятельности самостоятельно организует обучение в своем специализированном структурном образовательном подразделении либо заключает соответствующий договор с образовательной организацией, участвующей в Программе.

Третья технология – организация процесса обучения граждан ПВ по международным профессиональным стандартам с использованием инфраструктуры Союза «Ворлдскиллс Россия». Гражданин, желающий пройти обучение по одной из профессий, заявленных Союзом «Ворлдскиллс Россия», обращается на их специальный сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [7]. При заполнении заявления гражданин проходит

тестирование в целях определения уровня профессиональной компетенции, по результатам которого определяется образовательная программа.

По окончании обучения с использованием любой технологии организации обучения проводится экзамен, по итогам которого гражданам выдаются документы о квалификации: удостоверение о повышении квалификации и (или) диплом о профессиональной переподготовке, образцы которых самостоятельно устанавливаются образовательными организациями, участвующими в Программе.

Реализация национального проекта создает экономические и социальные условия, обеспечивающие недопущение дискриминации граждан ПВ в связи с увеличением пенсионного возраста, и способствует продолжению их трудовой деятельности как на прежних, так и на новых рабочих местах в соответствии с профессиональными навыками и физическими возможностями. Разработанные технологии имеют широкий спектр образовательных программ с учетом выбранного направления обучения. Каждый гражданин ПВ может воспользоваться программой, повысить квалификацию и тем самым сохранить работу.

Список литературы

1. Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mtsz.tatarstan.ru/rus/natsionalnie-proekti.htm> (Дата обращения: 16.11.2019).

2. Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/3> (Дата обращения: 16.11.2019).

3. Паспорт регионального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение» от 12 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/projects/selection/734/35506/> (Дата обращения: 16.11.2019).

4. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spravochnik.rosmintrud.ru/news/820>. (Дата обращения: 29.09.2019).

5. Доклад об итогах работы министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан в 2019 году и задачах на 2020 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mtsz.tatarstan.ru>. (Дата обращения: 16.11.2019).

6. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 4 апреля 2019 г. № 272 «О мерах по реализации мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному

образованию лиц предпенсионного возраста в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» в Республике Татарстан 2019–2021 годах». [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. (Дата обращения: 22.06.2020).

7. Официальный сайт Союза «Ворлдскиллс Россия» – Национальные проекты России. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://worldskills.ru/>. (Дата обращения: 22.06.2020).

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ О ТРЕБОВАНИЯХ К ЛИЧНОСТИ
МЕНЕДЖЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**
**TRANSFORMATION OF THE REQUIREMENT CONCEPTS
FOR THE PERSONALITY OF STATE
AND MUNICIPAL ADMINISTRATION MANAGERS**

Е.Н. Дятлова
*Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара*
E.N. Dyatlova
*Samara National Research University,
Samara*

Выявлены требования, предъявляемые к менеджерам государственного и муниципального управления. В разные исторические периоды к государственным служащим предъявлялись различные требования. Сегодня процесс проводимых административных реформ в России в сфере государственного управления обозначил практику внедрения инструментов управления бизнесом в деятельность органов власти, что потребовало формирования определенного набора компетенций у менеджеров государственного и муниципального управления.

The aim of this article is to determine the requirements issued for state and municipal administration managers. In different historic periods these requirements varied. Nowadays the administrative reforms in the sphere of state and municipal service highlighted the implementation of business methods in civil departments, which required a number of specific qualifications for state and municipal administration managers.

Ключевые слова: менеджер государственного и муниципального управления, компетентностный подход, модель компетенций

Keywords: State and municipal administration manager, competence approach, competence model

Введение. Внедрение новых принципов управления государственной службой требует особого внимания к квалификации менеджеров государственного и муниципального управления. Подготовка будущих менеджеров государственного и муниципального управления к профессиональной деятельности в современных социально-экономических условиях невозможна без уточнения требований, предъявляемых к ним. В разные исторические периоды в России к государственным и муниципальным служащим предъявлялись разные требования.

Досоветский период. До XVII в. в России для поручения Царем отрасли управления одному из своих приближенных основным требованием была степень доверия этому приближенному; должности замещали исходя из знатности рода. С появлением «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных» главным условием карьерного роста мужчины дворянского происхождения становится служба в государственном учреждении [1].

Насыщенный социальными движениями и конфликтами XIX век предъявлял свои требования к чинам управленческой сферы государства. М.М. Сперанский предложил ввести в систему чиновничества критерий образования. Служащие министерств и ведомств должны были быть «исполнителями сведущими», обладать «твердым отечественным образованием», продвигались по службе «действительными заслугами и отличными познаниями». После восстания декабристов в 1825 г. первостепенным требованием к государственным служащим стало «верность службе», лояльность действующему строю.

Базовым нормативным актом, содержащим комплекс предъявляемых к чиновникам требований, стал «Устав о службе гражданской», принятый при Николае I и действующий до 1917 г., согласно которому: «Все служащие возложенные на них должности обязаны исправлять согласно своей присяге с усердием, нелицемерно и добросовестно... не позволяя себе ни из вражды, ни из свойства, ни из дружбы, а тем более из корысти или взяток, ничего противного долгу присяги, честности и возложенного на них служения». В это время практическая направленность профессионального образования становится приоритетным и важным условием при приеме на гражданскую службу, предпочтение отдавалось выпускникам университетов [2].

Таким образом, главными требованиями, предъявляемые к государственным служащим в досоветской России были: сословное происхождение, соответствующее образование, лояльность действующему строю, прослеживается и этическая составляющая.

Советский период. В советский период в основе представлений о дальнейшем развитии государственного аппарата и чиновничества лежали

положения марксистско-ленинского учения, одно из которых указывало на самоуправление трудящихся. Приоритет при назначении на должность отдавался политически и лично преданным исполнительным представителям пролетариата, исходя из личных контактов видных функционеров компартии, а способности и образование отходили на задний план. Только член компартии, рекомендованный соответствующим партийным комитетом, мог занять руководящий пост. Ответственные работники, занятые на разных этажах государственного управления, представляли собой номенклатуру – замкнутый социальный слой руководящих работников всех уровней. Характерными чертами номенклатурной бюрократии были: секретность, закрытость, строгий отбор по принципу преданности коммунистической партии и деловым качествам, военизированный характер деятельности [3].

Со временем номенклатура становилась более образованной, чем в первые годы Советской власти. Стало престижно иметь высшее образование. При этом высшую номенклатуру представляли специалисты с техническим и военным образованием. Для подготовки руководящих кадров создаются школы, открываются курсы для усиления знаний управленцев в области экономики народного хозяйства. В это время создается Академия народного хозяйства СССР, обучение в которой доступно лишь ответственным работникам, занимающим руководящие должности в ведомствах, партийных организациях и на производствах и имеющим высшее образование.

Таким образом, в советский период одним из основных требований при наборе служащих-управленцев стали классовый подход и партийность. Со временем к этим требованиям добавилась необходимость прохождения переподготовки и повышения квалификации в области управления и экономики народного хозяйства.

Постсоветский период. В 1992 г. возникла специальность «Государственное и региональное управление», и подготовка будущих государственных и муниципальных служащих стала осуществляться не только по программам дополнительного профессионального образования, но и по программам высшего образования.

Следует отметить, что В.Д. Граждан под менеджером государственного и муниципального управления понимает руководителя или работника аппарата управления, в функции которого входит управление людьми, структурными подразделениями или учреждениями, получившего профильное образование и владеющего основами управления человеческими, финансовыми и прочими ресурсами [4]. Вслед за В.Д. Граждан Г.В. Атамчук рассматривает менеджера государственного и муниципального управления как руководителя, профессионала в определенной, достаточно узкой сфере деятельности,

обладающего высокой квалификацией и накопившего большой опыт успешной профессиональной деятельности [5]. Эти два подхода диктуют разные требования к уровню квалификации и наличию профильного образования.

Среди основных требований к личности менеджера государственного и муниципального управления выделяют: стратегическое мышление, ориентированное на планирование деятельности организации с учетом будущего развития, и тактическое мышление, заключающееся в способности приспосабливаться к изменениям с использованием инновационных методов и технологий [6]; среди профессиональных качеств государственных управленцев выделяют: профессиональные, интеллектуальные, духовно-нравственные, эмоционально-волевые и управленческие [7].

Процесс модернизации образовательных стандартов по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» привел к смене квалификационного подхода на подход компетентностный, после чего понятие «профессионализм» стали связывать с понятием «компетентность». Под компетентностью понимают набор определенных свойств личности, специальных знаний и умений как в конкретной области работы, так и в сферах прямо или косвенно связанных с ней. В рамках российской модели компетенций для госслужащих выделены две целевые группы – гражданские служащие и ведущие специалисты (руководители), общими компетенция для которых являются: стратегическое мышление, командное взаимодействие, профессиональная эффективность, гибкость и готовность к изменениям. Для руководителей выделяются дополнительные требования: умение руководить подчиненными, эффективно распределять время, организовывать работу и контролировать ее выполнение, оперативное принятие и реализация управленческих решений по поставленным задачам.

В России в сфере государственного и муниципального управления сегодня остается актуальной практика внедрения инструментов управления бизнесом в деятельность органов власти, распространяемая в рамках концепции New Public Management (NPM). Так, среди основных средств реализации государственной политики выделяют: стратегический менеджмент, бюджет, ориентированный на конкретные результаты и проектное управление, что, в свою очередь предопределяет набор компетенций, необходимых менеджеру государственного и муниципального управления. Так, в рамках проекта «Лидеры России» 2019-2020, направленного на формирование кадрового резерва государственных служащих, в конкурсных заданиях проверяются следующие компетенции, присущие лидеру: лидерство, нацеленность на результат, стратегическое мышление, умение работать в команде, коммуникация и влияние, внедрение изменений, инновационность.

Таким образом, в постсоветской России требования к менеджеру государственного и муниципального управления изменялись в процессе трансформации системы образования и в русле осуществляемых административных реформ на пути социально-экономического развития России.

Выводы. Подготовка менеджеров государственного и муниципального управления является одной из стратегических задач любого государства в разные исторические периоды. Для эффективного функционирования и развития государства важным является обеспечение органов власти и управления хорошо подготовленными менеджерами государственного и муниципального управления. Профессиональная подготовка менеджеров государственного и муниципального управления должна учитывать многообразие осуществляемых ими видов деятельности и компетенций, набор которых изменяется параллельно трансформации идей кадрового обеспечения, исходя из специфики государственного и муниципального управления в стране, и потребностей государства и общества в профессионалах, способных реализовывать государственную политику.

Список литературы

1. Глазунова Н.И. Из истории профессиональной подготовки к государственной службе // Вестник государственной службы. 1994. №1-2. С. 7–12.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. 215 с.
3. Оболонский А.В. Государственная служба: комплексный подход: учебник / отв. Ред. А.В. Оболонский. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2009. 512 с.
4. Граждан В.Д. Государственная служба как профессиональная деятельность. Воронеж: Квадрат. 2007. 128 с.
5. Атаманчук Г.В. Управление – фактор развития: Размышления об управленческой деятельности. М.: Экономика, 2002. 566 с.
6. Годин В., Филинов Н. Новые технологии обучения в подготовке специалистов по управлению: противоречия и пути развития // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 1. С. 76–82.
7. Мишина А.Н. Управленческая деятельность менеджера государственного и муниципального управления // Вестник Самарского государственного университета. 2014. №1 (112). С. 167–170.

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ НЕЗАЩИЩЕННОСТИ ПОЖИЛЫХ
ЛЮДЕЙ, ИНТЕГРИРОВАННЫХ В ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ***
**THE PROBLEM OF SOCIAL VULNERABILITY OF ELDERLY PEOPLE
INTEGRATED INTO LABOR RELATIONS**

А.В. Ермилова

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.V. Ermilova

Lobachevsky University

Исследуется проблема дискриминации пожилых людей, интегрированных в рынок труда. Выявляются проявления нарушений трудовых прав пожилых работников, среди которых доминируют урезание, задержка или невыплата заработной платы, а также увольнение/сокращение.

The problem of discrimination against elderly people integrated into the labor market is raised. It reveals violations of labor rights of elderly workers, which are dominated by cutbacks, delay or non-payment of wages, as well as dismissal/decrease.

Ключевые слова: социальная незащищенность, трудовые отношения, пенсионеры

Keywords: social insecurity, labor relations, pensioners

В связи с повышением пенсионного возраста, в рамках изменения пенсионного законодательства в сфере социально-трудовых отношений может усугубиться проблема социальной незащищенности работников. Типичным проявлением социальной незащищенности представителей сферы занятости населения является их дискриминация на рынке труда, которая касается людей различного пола [1] и возраста, распространяясь преимущественно на молодежь [2] и людей предпенсионного и пенсионного возрастов [3]. Несмотря на ее недопустимость, закрепленную в международных правовых актах, в Конституции РФ (статья 37) и трудовом законодательстве (ст. 2-4, ст. 64, ст. 132 Трудового кодекса), она чаще всего имеет гендерно-возрастную окраску.

Проявления дискриминации в отношении лиц пенсионного возраста могут касаться различных аспектов трудовой деятельности, например, размер оплаты труда, как правило, ниже по сравнению с коллегами более молодого возраста, обладающими равной квалификацией. Пенсионерам чаще всего предлагают малопrestiжные и крайне низкооплачиваемые виды трудовой

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «"Старикам везде у нас почет?" Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

деятельности. Как указывает автор социологического исследования Е.А. Коган, самыми высокими шансами трудоустроиться на такие вакансии, как лифтер, уборщица, консьержка, обладает именно категория населения, вышедшая на пенсию [4, с. 806]. Ряд исследователей, занимающихся проблемой дискриминации лиц старших возрастных групп, подчеркивают значимость данного социального явления, актуализируя проблему эйджизма на российском рынке труда [5].

Тем не менее, российское общество, в котором осуществляют жизнедеятельность 45,687 млн. пенсионеров, подошло к такому этапу, когда общественность и государственные органы власти интегрируют ресурсный потенциал пожилых людей в различные сферы общественной жизни, в том числе, и в трудовую [6, с. 12]. Однако, необходимо помнить, что с увеличением возрастных параметров человек не становится здоровее, а, соответственно, в силу накопленных хронических заболеваний он не в состоянии чаще всего работать наравных с более молодыми категориями работников. Выше указанные обстоятельства актуализируют вопрос социальной защищенности занятых на рынке труда лиц пенсионного возраста. Значительная доля россиян обеспокоены положением пожилых людей на российском рынке труда, полагая, что в свое время они тоже могут оказаться в уязвимых условиях. Согласно данным ВЦИОМ 57% россиян считают, что в нашей стране права пожилых ущемляются [7].

Под *социальной незащищенностью пожилых работников* мы понимаем процесс восприятия своей ограниченности, в том числе в общепринятом наборе потребительских благ, лишения чего-либо личностью/группой после завершения ей/ими профессиональной карьеры, результатом чего является депривированность индивида в социальном пространстве, в основе которой лежат как объективные, так и субъективные критерии (авторское определение, разработанное совместно с М.Ю. Макеевой, выпускницей специальности «Социальная работа» ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Именно анализу проблемы восприятия пенсионерами себя как социальной незащищенной категории населения в сфере социально-трудовых отношений было посвящено социологическое исследование, в ходе которого было проанкетировано 120 пожилых людей, интегрированных в рынок труда.

Данная возрастная категория представлена преимущественно женщинами (64% жен.; 36% муж.), средний возраст которых составляет 66 лет. 51% опрошенных пожилых состоят в браке – , хотя достаточно большое количество пенсионерок являются вдовами (25%).

Значительная доля пожилых людей (83%) еще до выхода на пенсию планировали продолжать работать, что говорит о негативном аспекте

жизнедеятельности пожилой категории населения после выхода на заслуженный отдых. Причины интеграции в социальные трудовые отношения после приобретения статуса «пенсионер» отражены на рисунке 1.

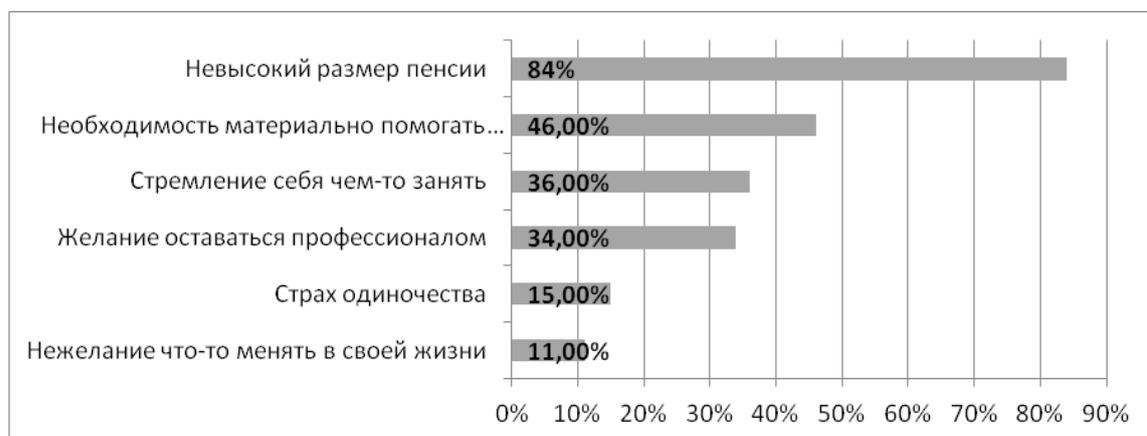

Рис.1. Причины интеграции в трудовые отношения, в % (n=120 чел.)

Как и ожидалось, доминирующей причиной, побуждающей пенсионеров продолжать работать, является невысокий размер пенсии – 84% по сей день, несмотря на реформирование пенсионной системы.

Сохранность рабочего места для пожилых работников во многом характеризует проблему занятости пенсионеров в современном обществе. Так, по результатам анкетного опроса было выявлено, что лишь 41% респондентов без проблем сохранили свое рабочее место. У 19% возникли определенные сложности, но рабочее место им сохранить все-таки удалось. Однако, 40% участникам опроса пришлось покинуть трудовой коллектив, в котором они ранее осуществляли трудовую деятельность. Наибольший процент случаев лишения работы по достижении пенсионного возраста был обнаружен в таких сферах деятельности, как сфера обслуживания – 73%, экономика – 72%, транспорт – 67%, производство – 64%. Самыми же безопасными, с точки зрения минимизации риска потери рабочего места, для пожилых стали следующие сферы деятельности: культура и искусство, сельское хозяйство, образование.

Значительная доля респондентов (52%) указали на факт нарушения их трудовых прав, в основе которого лежит проблема возрастной дискриминации. Нарушение трудовых прав находит разные проявления. Практически половина респондентов (48%) отметили такие проблемы, как урезание, задержка или невыплата заработной платы. Помимо этого, в профессиональной жизни опрошенных пожилых в предпенсионный и пенсионный периоды часто имели место следующие нарушения: отказ в приеме на работу – 44%, отказ в возмещении убытков и предоставлении компенсации – 43%, понижение в

должности – 41%, а также упомянутое ранее необоснованное увольнение или сокращение – 40%.

Подобные действия руководства организаций/учреждений являются дискриминационными и действительно нарушающими трудовые права пожилых, что делает данную категорию работников социально незащищенной. На наш взгляд, именно профсоюзы могут встать на защиту трудовых прав пожилых работников. Значительная часть участников опроса указали, что Трудовой кодекс не отражает их интересы, что подрывает авторитет системы занятости населения в РФ.

Список литературы

1. Панов А.М. Гендерный анализ рынка труда России// Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз – [электронный ресурс]. URL: <http://esc.vscs.ac.ru/article/542> [Дата обращения: 20.09.2020.]

2. Дискриминация в сфере труда, или дласть стереотипов – [электронный ресурс]. URL: ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/article/1127456/#ixzz6V7JBXRZ7> [Дата обращения: 20.09.2020.]

3. «Возрастная дискриминация у нас начинается в 45 лет» – [электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3992912> [Дата обращения: 20.09.2020.]

4. Коган Е.А. Проблемы трудоустройства лиц пенсионного возраста // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2014. С. 805-808.

5. Клепикова Е.А., Колосницын М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате// Российский журнал менеджмента Russian Management Journal Том 15, № 1, 2017. С. 69-88.

6. Саралиева З.Х., Ермилова А.В. "Старые пожилые" как объект и субъект социальных рисков в системе социально-трудовых отношений// Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 8-19.

7. ВЦИОМ ««Срок дожития» и другие перлы, или о старости в России» – [электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3604> [Дата обращения: 20.09.2020.]

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ МАЛООБЕСПЕЧЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ SOCIAL SUPPORT OF LABOR EMPLOYMENT OF DISADVANTAGED YOUTH IN PENZA REGION

Л.Ф. Каримова

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

L.F. Karimova
*Penza State University,
Penza*

Рассмотрена социальная поддержка трудовой занятости малообеспеченной молодежи Пензенской области как одно из основных направлений социальной политики. Проанализирован уровень малообеспеченности российской молодежи и населения в целом. Рассмотрены меры социальной поддержки, направленные на трудоустройство молодого поколения Пензенской области.

This article considers social support for the employment of low-income youth in the Penza region as one of the main areas of social policy. The level of low income in Russia among young people and the population as a whole was analyzed. Social support measures aimed at the employment of the young generation of the Penza region were considered.

Ключевые слова: социальная политика, социальная поддержка, малообеспеченность, молодежь, рынок труда, образование, переподготовка, самозанятость, вторичная занятость

Keywords: social policy, social support, low income, youth, labor market, education, retraining, self-employment, secondary employment

Одной из самых актуальных проблем социальной защиты населения России является проблема социальной поддержки малообеспеченной молодежи в сфере труда.

Малообеспеченность в России имеет специфический характер, показатель ее уровня каждый год изменяется. Под малообеспеченностью понимается особое состояние материальной необеспеченности людей, при котором человек не способен удовлетворить минимальный уровень своих потребностей. Уровень малообеспеченности в России в 2019 г. за второй квартал вырос до 19%, в то время как ещё год назад он составлял 18,4% [1].

По результатам исследования Росстата, уровень малообеспеченности молодежи в 2019 г. в два раза превышает когорту взрослых.

Социально-экономические трансформации, происходящие в Пензенской области, вызвали изменения в трудовых стратегиях молодежи. Наряду с

«удачными» и «хорошо устроенными» появились группы «лишенных» и «нестабильных». Многие выпускники учебных заведений пополняют ряды прекариата – нестабильно занятого, депривированного слоя в социальной структуре региона. По данным авторского исследования, проведенного в 2019 г. среди выпускников учебных заведений, доля безработных молодых специалистов составила 43%, то есть около половины опрошенных [2, с. 136].

Молодежь на рынке труда Пензенской области представляет уязвимую группу граждан (18,8%), характеризующуюся высокой мобильностью, быстрой обучаемостью, энергичностью, значительной работоспособностью. Несмотря на то, что занятые молодые люди имеют высшее и среднее профессиональное образование (30,6 и 47,8 соответственно), они часто сталкиваются со множеством проблем на рынке труда, а именно трудовой нестабильностью, низкой конкурентоспособностью, недостатком навыков [3].

В целях создания эффективных условий занятости малообеспеченной молодежи в Пензенской области создана система социальной поддержки по трудоустройству молодого поколения, которая осуществляется по следующим направлениям.

1. Образование молодежи. В современных условиях в сфере образования наблюдаются противоречия между традиционной ориентацией молодых людей на подготовку к профессии и постоянно меняющимися экономическими требованиями, а также ослабление связей между учебными заведениями и предприятиями. Для решения этих вопросов на базе образовательных учреждений Пензенской области организованы консультационные центры, направленные на профориентацию и содействие в трудоустройстве студенческой молодежи и выпускников.

Основными стратегиями образовательных учреждений региона являются: соответствие образования требованиям современной конъюнктуры рынка труда; ориентация образования на конкурентные, социально значимые специальности; поиск активных форм обучения, способствующих формированию таких личностных качеств, как профессиональная компетентность, самомотивация на успех, ориентированность на достижение цели; расширение доступности образования с последующим трудоустройством.

Соответствие образования и трудовой деятельности – одна из важнейших задач государственной политики. С целью обеспечения высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития российского общества и экономики была разработана государственная программа «Развитие образования» на 2013–2020 гг., включающая подпрограмму «Развитие профессионального образования», задачами которой являются формирование

сети организаций профессионального обучения, учитывающей особенности регионов, модернизация технологий системы образования в соответствии с требованиями современной экономики, формирование непрерывного образования, отвечающего задачам практики и запросам населения.

2. Профессиональная переподготовка. Молодые люди не всегда могут реализовать себя в профессии из-за отсутствия практических навыков в той или иной профессии. Сфера труда все время меняется, и знания, полученные при первоначальной подготовке, быстро устаревают.

В учебных центрах службы занятости и многих образовательных учреждениях Пензенской области реализуются программы по различным формам повышения квалификации и переподготовки профессионального обучения для малообеспеченной и незанятой молодежи. Программы обучения исходят из потребности региона и имеют определенную тематическую направленность. Как правило, переобучение проходит с последующим предоставлением места работы.

3. Содействие самозанятости. Важным условием в регулировании рынка труда имеет развитие самозанятости, и в частности – предпринимательства. Этот индивидуальный, инициативный вид деятельности во многом способствует появлению дополнительных возможностей в повышение уровня и качества жизни молодых людей, улучшению их образовательного и интеллектуального потенциала.

На территории города Пензы систематически проводятся мероприятия по отрасли «Молодёжная политика». В рамках данных мероприятий большое внимание уделяется созданию бизнес-инкубаторов; поддержке молодых предпринимателей; системе кредитования субъектов предпринимательства; развитию инфраструктуры поддержки предпринимательства в научно-технической сфере.

4. Привлечение к общественным работам. Под общественными работами понимается трудовая деятельность, имеющая социально полезную направленность и организуемая в качестве дополнительной социальной поддержки малообеспеченной молодежи, ищущей работу. С помощью общественных работ обеспечивается занятость молодого поколения, а также реализуются потребности региона и предприятия.

К общественным работам, как правило, привлекаются молодые люди, зарегистрированные в органах службы занятости населения Пензенской области. Преимущество получают те, кто уже длительное время находится в поиске работы. Общественные работы являются подходящими для молодых людей, не имеющих опыта работы; уволившихся или прекративших предпринимательскую деятельность; состоявших на учете в службе занятости

населения длительный период времени, а также выпускников учебных заведений, оказавшихся на рынке труда.

5. Гибкие формы занятости. Для эффективной социальной поддержки малообеспеченной молодежи Пензенской области применяются гибкие формы занятости. К ним относятся нестандартные режимы рабочего времени: сокращенное рабочее время, неполная неделя, работа через день, три дня в неделю. Гибкость графиков не всегда требует обязательного присутствия на рабочем месте, молодые люди могут по своему усмотрению устанавливать время присутствия, при этом своевременно выполнять все поручения. Функциональная гибкость таких графиков закрепляет молодежь на производстве, удовлетворяет их интересы, стабилизирует трудовую активность и дает молодым людям возможность совмещать производственный процесс с профессиональной подготовкой.

Широко распространена среди молодежи в регионе вторичная занятость. Оптимальная ее организация выгодна различным предприятиям, и молодым людям. Ее ведущими мотивами является материальное обеспечение, в частности увеличение дохода для удовлетворения первостепенных потребностей, оплата обучения, а также приобретение трудовых навыков, налаживание специальных контактов, социальных коммуникаций. Для молодежи она позволяет сочетать учебную деятельность и основную занятость [4, с. 283].

Перечисленные направления социальной поддержки малообеспеченной молодежи Пензенской области целесообразны при комплексном их применении. Социальная поддержка молодежи на рынке труда должна реализовываться путем создания механизма, стимулирующего занятость молодежи и развитие его трудового потенциала, а также путем создания социальных гарантий на рынке труда.

Список литературы

1. Уровень бедности по данным Росстат <https://rosinfostat.ru/uroven-bednosti/>.

2. Кошарная Г.Б. Проблема мобильности молодого поколения в малообеспеченных семьях / Г.Б. Кошарная, Л.И. Найденова, Л.Ф. Каримова. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Саратов. 2020. Т.20. №2. С. 133–137.

3. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/reg-gor18.pdf>.

4. Кошарная Г.Б. Объективные и субъективные факторы социального самочувствия бедного населения (региональный аспект) / Г.Б. Кошарная, Л.Ф. Каримова. // Социально-гуманитарные знания. Москва. 2016. № 9. С. 275–285.

**ПУТЬ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ
ДЛЯ САМОЗАНЯТОЙ МОЛОДЕЖИ***
**THE WAY TO ENTREPRENEURSHIP: OPPORTUNITIES AND BARRIERS
FOR SELF-EMPLOYED YOUTH**

Н.П. Касаткина
*Научный центр социально-экономического мониторинга,
г. Саранск*
Н.В. Шумкова
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск*
N.P. Kasatkina
*The Research Center of Social and Economic Monitoring,
Saransk*
N.V. Shumkova
*Ogarev Mordovia State University,
Saransk*

На материалах полуструктурированных нарративных интервью анализируются установки самозанятой молодежи по отношению к возможности их перехода в сферу малого предпринимательства.

Based on the materials of semi-structured narrative interviews, the article analyzes the attitudes of self-employed youth in relation to the possibility of their transition to the sphere of small business.

Ключевые слова: предпринимательство, самозанятость, молодежь, возможности, ограничения

Keywords: entrepreneurship, self-employment, youth, opportunities, limitations

По мнению А.Ю. Чепуренко, «понять российское предпринимательство невозможно, не изучая его неформальные практики» [1, с. 38]. К наиболее обсуждаемой, как в научном, так и в обыденном дискурсе, относится самозанятость, распространенность которой, согласно прогнозам исследователей, будет только возрастать [2]. Этот тренд во многом обусловлен изменениями современного рынка труда, где спрос на наемный труд существенно корректируется ориентацией работодателей на сокращение издержек. Занятость на полный рабочий день по бессрочному контракту, предполагающая «радикальное, во времени и пространстве, отделение трудовой

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта «Социальное пространство рынка труда Республики Мордовия: самозанятость молодежи» (№ 18-411-130016 p_a).

деятельности от семейной жизни и досуга» [3, с. 118] трансформируется в занятость «по требованию», «по запросу». Происходит выталкивание работников из сферы традиционной занятости. Кроме того, развивающаяся технологическая база общества расширяет возможности альтернативных форм занятости. В частности, увеличиваются масштабы «платформенной» занятости [4], которая, по сути, является самостоятельной.

Самозанятость, особенно молодежная, характеризуется многофакторностью, разнообразием стратегий, а также единством положительных и отрицательных последствий. Однако субъектам этой практики принадлежат вполне однозначные характеристики, в первую очередь, высокий уровень самостоятельности в организации своего труда – в получении заказов, в выборе ресурсов, способов и времени их исполнения, независимость от организационных рамок наемного труда.

Категория самозанятых, обладающая предпринимательским бэкграундом, наиболее интересна с точки зрения мотивации к переходу в малое предпринимательство. Особенно это важно в контексте развития молодежного предпринимательства, так как «динамика предпринимательских предпочтений молодежи за последние 10 лет демонстрирует нисходящий тренд» [5, с. 338]. К тому же, по выводам исследователей, «добровольные предприниматели чаще демонстрируют нацеленность на высокие результаты» [6, с. 512], их активность ведет к более высоким экономическим эффектам, чем деятельность тех, кто занимается этой деятельностью вынужденно.

Вопрос о возможностях и барьерах в траекториях «самозанятый-предприниматель» является весьма актуальным. Так, по словам А.Ю. Чепуренко, в «краткосрочной перспективе будет возрастать интерес к лонгитюдным исследованиям процесса трансформации самозанятости в предпринимательство» [7, с. 49]. В настоящем исследовании на материалах полуструктурированных интервью* был проведен анализ мнений самозанятой молодежи относительно перспектив, преимуществ и недостатков перехода в сферу малого предпринимательства.

Информанты демонстрируют выраженную установку на предпринимательство, считают его следующим шагом в своей карьере. При этом знаковым этапом перехода в статус предпринимателя для них является организация бизнеса на официальной основе, а также создание новых рабочих мест и найм работников. По мере развития и укрепления своего дела идентичность с предпринимательством становится все более устойчивой.

* В январе – марте 2020 года авторами было проведено 10 полуструктурированных интервью с самозанятой молодежью Республики Мордовии. Критерии отбора в выборку: возраст от 18 до 35 лет, наличие опыта самозанятости (индивидуальная самозанятость как основной источник дохода).

«Да, такие планы есть (авт. – открыть свое дело и вести его официально). Возможно, в ближайший год или два, я собираюсь точно это сделать, потому что заниматься всю жизнь тем, чем я занимаюсь, не очень желание есть из-за того, что это неофициально...» (юноша, 25 лет, среднее специальное образование, видеооператор); «На самом деле есть желание основать свое агентство и работать с более крупными компаниями. Соответственно, я уже буду заниматься просто контролем, так сказать, карьерный рост небольшой...» (юноша, 24 года, высшее образование, SMM-менеджер); «Я бы хотела в дальнейшем открыть свое дело, свой салон, возможно, даже школу...» (девушка, 24 года, высшее образование, мастер маникюра).

Насколько реальна перспектива перехода из статуса самозанятого в предприниматели в современных российских реалиях? Материалы интервью репрезентируют широкий спектр институциональных барьеров развития предпринимательской активности. К ним, в частности, относятся административные барьеры и бюрократические издержки, возникающие при регистрации бизнеса: *«Открыть ИП и "начать с нуля" сейчас намного сложнее. В 2015 году, когда я зарегистрировала ИП, это было значительно проще. Сейчас больше дополнительных расходов и необоснованных проволочек» (девушка, 30 лет, высшее образование, психолог); «Грубо говоря, больше волокиты, как и во всем официальном. Т.е. бумажки и т.д., и т.п.» (юноша, 25 лет, среднее специальное образование, видеооператор).*

Существенным барьером для перехода в статус официально зарегистрированного предпринимателя является размер налоговых отчислений, который, по мнению информантов, слишком высокий и недифференцированный относительно их доходов: *«Снизить налог на частное предпринимательство, особенно на малое, потому что фактически наша ставка не отличается от крупных предпринимателей, она не многим меньше. Но доходы у нас, в принципе, меньше, по сравнению с ними» (девушка, 26 лет, высшее образование, визажист).*

Недоверие к государству, непонимание выгод от легализации своего дела, а также опасения по поводу изменений «правил игры» пролонгируют стадию самозанятости: *«Получалось так, что я отчисляла деньги в соцстрах, но при этом я не могла себе позволить уйти на больничный, поскольку он не оплачивался. Отдавать деньги государству, но при этом взамен ничего не получать – это не выгодно (девушка, 30 лет, высшее образование, психолог); «Но, если бы, кроме того, как платить налоги, она (авт. – регистрация своего дела) давала бы еще какие-то плюсы, именно для моего развития, а плюсов я не*

вижу..., пока только минусы в виде волокиты и уплаты налогов (юноша, 25 лет, среднее специальное образование, видеооператор).

Таким образом, самозанятые по своим установкам на труд сродни предпринимателям, что позволяет рассматривать их в качестве потенциальной социальной базы для расширения этого слоя. Они демонстрируют наличие устойчивой мотивации к конструированию карьеры предпринимателя, причем наиболее продуктивного для экономики типа – с добровольной мотивацией.

Активизация перехода самозанятых в предпринимательство возможна лишь при условии снижения пресловутых административных барьеров, увеличения правовой, экономической грамотности, а также обеспечения налоговых льгот и субсидий для самозанятых. Ключевым же фактором успешного процесса трансформации самозанятости в предпринимательство со всеми сопутствующими официальными атрибутами является высокий уровень доверия между государством и обществом.

Список литературы

1. Чепуренко А.Ю. Предпринимательство как сфера социальных исследований: Россия и международный опыт // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 32–42.
2. Гидирим А. Поколение мобайл, или что происходит с рынком труда. Исследование YouDo.com, РАЭК, РАНХиГС, при поддержке Google, ePayments. [Электронный ресурс]. URL: https://youdo.com/files/Youdo_Report-Online_Generation.pdf/ (Дата обращения 01.09.2020).
3. Аткинсон Э.Б. Неравенство: как с ним быть? / пер. с англ. О. Левченко; под науч. ред. М. Добряковой. М.: Дело, 2018. 536 с.
4. Бобков В.Н., Черных Е.А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. №2. С. 6–15. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15.
5. Андрианова Е.В., Тарасова А.Н., Печеркина И.Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. №3. С. 324–343. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.17.
6. Верховская О.Р., Александрова Е.А. Индекс мотивации предпринимательской активности и институциональная среда // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2018. №4. С. 511–533. DOI: 10.21638/spbu05.2018.402.
7. Чепуренко А.Ю. Теория предпринимательства: новые вызовы и перспективы // Форсайт. 2015. №2. С. 44–57. DOI: 10.17323/1995-459X.2015.2.44.57.

**ПЕРЕХОД НА УДАЛЕННЫЙ РЕЖИМ РАБОТЫ
КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ПАНДЕМИИ
TRANSITION TO REMOTE OPERATING MODE
AS A CONSEQUENCE OF PANDEMIC**

Т.А. Кузнецова, А.О. Медведева
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва,
г. Саранск*

T.A. Kuznetsova, A.O. Medvedeva
*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk*

Рассмотрены особенности перехода на удаленный режим работы в условиях пандемии. Описаны результаты проведенного исследования. Анализируются преимущества и недостатки удаленного формата работы.

In this article, the authors considered the features of switching to remote operation in pandemic conditions. The results of the study are described. The advantages and disadvantages of remote operation format are analyzed.

Ключевые слова: удаленная работа, дистанционная работа, пандемия коронавируса

Keywords: remote work, distance work, coronavirus pandemic

2020 год стал некоей шоковой терапией для всего мира. Новые условия жизни, самоизоляция и дистанционная учебная и рабочая деятельность заменили привычный формат жизнедеятельности. Удаленная работа, не без труда, смогла внедриться в жизнь современного человека и стала основным форматом работы в условиях пандемии. За феноменально короткий период удаленная работа из гипотетического термина стала реальностью и единственной возможностью для значительной части занятого населения страны продолжить свою рабочую деятельность.

До реального столкновения с режимом удаленной работы люди имели лишь расплывчатые и стереотипные представления об этом формате занятости. Более того, многие никогда раньше не сталкивались с удаленной работой и даже не рассматривали возможность перехода в такой режим. Во многом это связано с большим объемом работы и физической занятостью на предприятии. За последние несколько месяцев около половины трудоспособного населения России впервые приобрела опыт работы вне офиса. В процессе адаптации к модели удаленной работы раскрывается совершенно новая реальность, более глубокая и противоречивая, чем существовавшие ранее концепции.

Таким образом, в условиях новой реальности переход на удаленный режим работы представляет научный и исследовательский интерес, в связи с чем цель нашей статьи – описать особенности перехода на удаленную работу в период пандемии.

На фоне последних событий многие отечественные авторы обратились к исследованию дистанционной работы. В своей статье М.В. Крутяева и Д.А. Шведов [1] рассмотрели дистанционный рынок. Ю.В. Малышева [2] и О.Н. Пряжникова [3] изучили феномен удаленной работы и ее последствия. Преимущества и недостатки перехода на удаленный режим, с точки зрения работника, рассматривали П.А. Белкин и Ю.А. Барсукова [4]. Исследователи С.А. Икизли, М.Ю. Смольянинов и Е.А. Забавина [5] также выявили плюсы и минусы «удаленки» как для самих работников, так и для работодателей, а также изучили основные отличия удаленной работы от традиционной работы в офисе.

Чтобы лучше понять, как пандемия и переход на «удаленку» повлияли на работников, в мае 2020 г. было проведено социологическое исследование методом неформализованного интервью, в ходе которого было опрошено 7 парней и 7 девушек в возрасте от 22 до 30 лет, работающих в разных сферах деятельности.

Если до пандемии наших информантов устраивали их условия работы, с переходом на удаленный формат стали возникать некоторые трудности. *«После перехода на удаленный режим возникли проблемы с оснащением необходимыми ресурсами»* [ж., 22 г.]. *«Условия работы сейчас не совсем нравятся... дом для меня это все-таки место отдыха»* [м., 24 г.].

Удаленная работа – относительно новая сфера. Каждый из информантов отмечает, что переход на удаленную работу – необходимая мера безопасности в сложившихся условиях. *«Эта мера была необходима, потому что каждый человек должен находиться в безопасности в такое сложное время»* [ж., 23 г.]. *«Во время пандемии эта мера была естественно необходимой»* [ж., 28 л.]. Таким образом, информанты согласны, что удаленная работа служит способом предотвращения распространения вируса и сохранения их безопасности.

Далее информантам было предложено выделить преимущества, которые они могут отметить в удаленной работе из своего опыта. В ходе чего среди основных преимуществ удаленной работы информанты выделили: безопасную и комфортную домашнюю обстановку, работу в удобное для себя время, отсутствие необходимости собираться утром и ехать на работу.

Но кроме преимуществ наши информанты выделили и недостатки удаленной работы. Оказавшись в этом режиме, опрошенные большую часть времени проводят за компьютером, из-за чего у них наблюдаются проблемы со здоровьем. Опираясь на ответы информантов, можно выделить еще один

весомый недостаток удаленной работы – отсутствие живого общения. Домашнюю обстановку кто-то оценивает положительно, кому-то она мешает работать. Дома наблюдается «выпадение» из рабочей среды, домашнее пространство не настроено на работу.

В рамках исследования было важно узнать, с какими трудностями столкнулись работники в новой трудовой реальности. Трудности возникли у всех информантов. *«Трудности возникли с самого начала...»* [м., 27 л.]. *«Самая распространенная трудность связана именно с тем, что большое количество времени, иногда до 20 часов, я проводила за компьютером»* [ж., 28 л.]. Можно сказать, что работники были не готовы к резкому переходу на удаленный формат, у них возникали трудности как с работой, так и с адаптацией к новой реальности. У кого-то существуют проблемы с технической оснащенностью и связью, кто-то испытал сильный стресс в связи со сменой режима.

В ходе интервью было выявлено, что финансовое положение не изменилось. Это свидетельствует о том, что при удаленном режиме работы заработная плата трудящихся не пострадала. Хотя многие СМИ и Интернет пестрили слухами о снижении заработной платы в связи с пандемией. Получается, что работников удаленного формата это обошло стороной.

А вот рабочих обязанностей стало в разы больше. *«К моим обязанностям добавились другие...»* [ж., 28 л.]. *«Рабочие обязанности изменились, их стало больше»* [ж., 24 г.]. И, тем не менее, один информант отметил снижение рабочих обязанностей. *«Обязанностей убавилось. С переводом на удаленный режим работы физическая часть работы была приостановлена»* [м., 24 г.]. Это может свидетельствовать о том, что многие сферы жизнедеятельности полностью погрузилась в Интернет-пространство, и, как оказалось, совершенно все задачи, а порой и дополнительные, можно выполнять удаленно.

Интересно было поразмышлять о том, «приживется» ли подобный формат удаленной работы в нашем государстве? Большинство информантов отметили, что это зависит именно от профессии и занимаемой должности. Тем не менее, абсолютно все пришли к выводу, что такой формат не сможет «прижиться» в нашей стране.

Заключительный вопрос стал итогом для каждого информанта в формировании их мнения об удаленном формате работы. Все опрошиваемые однозначно отказались от перехода на удаленную работу на постоянной основе. Это можно объяснить тем, что люди совершенно не были готовы к такому резкому переходу на данный формат работы.

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Переход на удаленную работу – необходимая мера безопасности в сложившихся условиях распространения коронавирусной инфекции. Благодаря

удаленной работе люди смогли остаться дома, в безопасности, что отмечал каждый информант. Переход на удаленный режим – вполне оправданная мера государства.

2. Существуют как преимущества, так и недостатки удаленной работы, что было отмечено каждым информантом в ходе интервью. Данный режим работы требует дальнейшей проработки для его усовершенствования.

3. Финансовое положение информантов в связи с пандемией не изменилось. А вот рабочие обязанности перетерпели изменения, их стало в разы больше. Стоит отметить, что информанты не выделили особых изменений в отношении со своим руководством и коллегами, но в то же время, находясь дома, в одиночестве, человеку сложно понять многие рабочие задачи.

4. В связи со всеми выделенными преимуществами и недостатками удаленной работы в ходе интервью информанты пришли к выводу, что удобнее и эффективнее работать непосредственно на рабочем месте, что может свидетельствовать о том, что подобный режим работы не приживется в нашем обществе.

Список литературы

1. Крутяева М.В. Тренд современного рынка труда – удаленная работа / М.В. Крутяева, Д.А. Шведов // *Via scientiarum – Дорога знаний*. 2019. № 1. С. 32–35.

2. Малышева Ю.В. Удаленная работа: актуальные проблемы // В сборнике: *Публичное право и управление: перспективы развития*. Материалы I Всероссийской студенческой конференции. 2018. С. 216–218.

3. Пряжникова О.Н. Удаленная работа и ее экономические и социальные последствия // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. 2020. № 2. С. 114–118.

4. Белкин П.А. Преимущества и недостатки удаленной работы П.А. Белкин, Ю.А. Барсукова // В сборнике: *современные проблемы экономического развития*. Материалы Всероссийской научной студенческой конференции. 2017. С. 27–30.

5. Икизли С.А. Рынок дистанционной работы: преимущества и недостатки удаленной работы / С.А. Икизли, М.Ю. Смольянинов, Е.А. Забавина // В сборнике: *Инновационные технологии управления*. Сборник статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции. Мининский университет. 2020. С. 18–20.

**ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ
РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ SMART-ЭКОНОМИКИ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ КЕЙС)
DIGITAL TOOLS FOR MANAGING HUMAN RESOURCES
IN A SMART-ECONOMY (REGIONAL CASE)**

А.В. Михайлова
*Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск*
A.V. Mikhailova
*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
Yakutsk*

В условиях Smart-экономики одним из ключевых факторов развития и роста является внедрение цифровых технологий, в том числе и в управление человеческими ресурсами. Анализируется внедрение цифровых инструментов адаптации на примере регионального кейса. Выполнено исследование, результаты и выводы которого были внедрения в малых предприятиях города Якутска (Республики Саха (Якутия)).

In the conditions of Smart economy one of key factors of development and growth is implementation of digital technologies including in management of human resources. Article is devoted to the analysis of introduction of digital instruments of adaptation on the example of a regional case. The research is executed, results and conclusions were introductions in small enterprises of the city of Yakutsk (Sakha (Yakutia) Republic).

Ключевые слова: Smart-экономика, цифровые инструменты, управление человеческими ресурсами, система адаптации, региональная практика

Keywords: Smart economy, digital tools, management of human resources, system of adaptation, regional practice

Актуальность исследования заключается в развитии Smart-экономики и внедрении элементов Индустрии 4.0. в бизнес-процессы предприятий и организаций. Данная модель предъявляет новые требования к квалификации и компетенции работников: междисциплинарные знания, высокий уровень самоорганизации, коммуникативные навыки, системное и проблемное мышление. Предприятия, работающие в условиях SMART-технологий, автоматизируют рутинные и повторяющиеся операции. Появляется необходимость в компетенции цифровой грамотности. Г.П. Коршунов, С. Кройтор (2020) обобщили, систематизировали и интерпретировали актуальный мировой опыт в области изучения «цифровой грамотности как фактора успешного функционирования «социальных субъектов в дигитализирующемся мире» [1, с. 38].

Процесс цифровизации трансформирует все сферы, в том числе и систему управления персоналом. Переход от традиционных к цифровым платформам

требует от руководства предприятий новых инструментов управления работниками. Исследователь P.S. Kaczmarek (2019) [2, с. 3232] представил информационную модель управления персоналом в Дортмунде, сочетающую технические инновации, инициированные работниками, и показатели эффективности подсистем предприятия и системы управления персоналом.

Мы провели исследование в феврале – мае 2020 г. на малых предприятиях города Якутска со стажем работы на рынке образовательных услуг от 1 года до 5 лет. Мы изучили языковые Центры г.Якутска («DESTA club», «Востоковед», «SpeakKorean») – международные образовательные центры, образованные для создания благоприятных условий жителям Республики Саха (Якутия) в изучении восточно-азиатских языков. Общая численность сотрудников около 60 человек. Цель исследования разработать цифровые инструменты адаптации персонала на примере региональных компаний малого бизнеса Республики Саха (Якутия).

Языковые центры города Якутска ведут просветительскую деятельность, инициируют проведение дней культуры стран. Преподаватели используют авторские методики преподавания, опираясь на цифровые инструменты взаимодействия с обучающимися языковых центров, занятия проводятся онлайн и оффлайн. В этих центрах работают молодые и творческие молодые люди, знающие культуру и языки, которым обучают. Учредители всех трех языковых центров общаются друг с другом, обмениваются новыми методами обучения. У всех трех центров есть аккаунты в социальных сетях, регулярно в паблике выходят посты, посвященные новинкам музыки, кино, блогам на языке изучения.

Методы исследования: экспертные интервью с руководителями компаний, анкетирование сотрудников, анкетирование клиентов языковых центров, контент-анализ паблика этих компаний в социальных сетях, экономический анализ открытых данных. Выделены следующие проблемы в адаптации персонала: отсутствие нормативной документации, регулирующей адаптацию персонала в Языковых Центрах г. Якутска; отсутствие индивидуальных заданий на период адаптации; отсутствие ознакомительных материалов об организации (брошюры, буклеты), отсутствие автоматизации процесса адаптации и использования цифровых технологий.

Мы выявили, что каждый новый сотрудник сразу начинает вести занятия. Руководители языковых центров не успевают ввести в должность и в коллектив, поскольку организации маленькие и им приходится решать все вопросы, связанные со стратегическим управлением, ведением финансовой и бухгалтерской документации, а также рекламой и ПР. При найме и отборе сотрудников руководитель обращает внимание на наличие сертификатов, уровень владения языком и клиентоориентированность. Нагрузка получается

высокой на сотрудника (преподавателя), поэтому в первый месяц некоторые не выдерживают и уходят. Мы выявили, что сотрудникам не предоставляется технология работы с клиентами, сразу не объясняется, что надо вести журналы, планы занятий, проверять и контролировать выполнение домашних заданий, готовить распечатки для слушателей. Сотрудников четко не знакомят с условиями премирования и переработки. Мы думаем, что очень важно использовать арсенал инструментов для системной работы с новичками, особенно это важно на малых предприятиях. Однако можно было бы всего этого избежать в случае продуманной системы адаптации и наставничества.

Е.Г. Толкунова провела исследование на базе Центра развития персонала «Новый век» (г. Барнаул) и выявила, что «большинство – 88,9% опрошенных считают внедрение цифровизации, автоматизации и искусственного интеллекта необходимым для их компаний» [3, с. 139]. Hibino Hironori, Nakamura Masahiro, Noritake Shigetoshi, Watanabe Ichie, (2020) [4, с. 209] разработали модель (симулятор) оценки компетенций в цифровом пространстве инженеров, одобренную Правительством, комитетами и корпорациями Японии. Все эти примеры доказывают наличие взаимосвязи между эффективностью организации и продуманной системой адаптации персонала.

Мы предложили Языковым центрам города Якутска следующие цифровые технологии и инструменты адаптации: во-первых, создание корпоративного интранет-портала (внутренний сайт) для сотрудников. HR-боты станут помощниками и наставниками для молодых преподавателей (сотрудников) языковых центров. Во-вторых, разработать и запустить виртуальный квест, игровую программу для адаптации к корпоративной культуре и ценностям. В-третьих, разработать памятку для новых сотрудников в формате инфографики. В-четвертых, запустить внутренний чай (онлайн сообщество), где сотрудники будут обмениваться лайфхаками и опытом. А главное – это регулярная обратная связь с директором и учредителем. В-пятых, внедрить специализированные программы для новых сотрудников с набором ключевых показателей эффективности сотрудника и шкалой оценки. Мы считаем, что можно разработать сбалансированную стратегическую карту сотрудника. Интересный опыт представлен у исследователей Н.Ю. Щетининой, А.В. Власова (2017), которые разработали модель сбалансированной системы персональных ориентиров (Balanced System of Personal Focus) [5]. В-шестых, автоматизировать подбор и отбор персонала. Создать цифровой профиль должности в Языковых центрах города Якутска, указав требуемые компетенции. Интересную математическую закономерность выявили Lehnert Patrick, Pfister Curdin, Backes-Gellner Uschi (2020) между уровнем высшего образования и развитием НИОКР в организациях: чем больше сотрудников с высшим образованием в организации, тем выше уровень научных

разработок [6]. Поэтому адаптация молодых специалистов должна начинаться с постановки и решения исследовательских задач в компании.

Итак, в условиях цифровой экономики на предприятиях малого бизнеса важно адаптировать молодых специалистов для устойчивого развития и эффективного управления бизнес-процессами, используя цифровые инструменты.

Список литературы

1. Коршунов Г.П., Кройтор С. Цифровая грамотность как ключевой фактор успешной адаптации человека и общества к цифровым реалиям // Общество и экономика. 2020. №1. С. 38–58.

2. Kaczmarek R. Sandra, (2019) Mastering fourth industrial revolution through innovative personnel management – A study analysis on how game-based approaches affect competence development, IFAC-PapersOnLine, Volume 52, Issue 13, 2019, p. 2332–2337.

3. Толкунова Е.Г. Управление персоналом в эпоху цифровой экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. №6А. С. 138–143.

4. Hibino Hironori, Nakamura Masahiro, Noritake Shigetoshi, Watanabe Ichie, (2020) A proposal of skill evaluation method for production systems digital design with production simulation, Procedia CIRP, Volume 88, 2020, S. 209–213.

5. Щетинина Н.Ю., Власов А.В. Исследование факторов персональной адаптации к новому технологическому укладу // Мир образования – образование в мире. 2017. № 1. С. 197–206.

6. Lehnert Patrick, Pfister Curdin, Backes-Gellner Uschi, Employment of R&D personnel after an educational supply shock: Effects of the introduction of Universities of Applied Sciences in Switzerland, Labour Economics, 2020, <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101883> (data accessed 01.07.2020).

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ РОЛИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ DYNAMICS OF THE SOCIAL AND LEGAL ROLE OF AN INSOLVENCY ADMINISTRATOR IN MODERN RUSSIA

Р.В. Мотькин

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва,
г. Саранск*

R.V. Motkin

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk*

Осуществлен анализ динамики социально-правовой роли арбитражного управляющего в современной России посредством анализа рассмотренных в

2020 г. законопроектов, а также вторичного анализа статистики работы арбитражных судов Российской Федерации в сфере несостоятельности.

The article analyzes the dynamics of the social and legal role of an insolvency practitioner in modern Russia by analyzing the draft laws considered in 2020, as well as a secondary analysis of the statistics of the work of the arbitration courts of the Russian Federation in the field of insolvency.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный управляющий, внесудебное банкротство, несостоятельность, законопроект

Keywords: bankruptcy, trustee, out-of-court bankruptcy, insolvency, bill

Социально-профессиональная группа арбитражных управляющих является стагнирующей малочисленной стратой в структуре российского социума, характеризуется высоким уровнем разобщенности, конфликтности и крайней степенью зависимости от внешних факторов (изменение законодательства, изменение естественных экономических факторов).

Ключевой задачей, стоящей перед профессиональным сообществом в текущий, кризисный период, является удовлетворение прогнозируемой потребности рынка несостоятельности в арбитражных управляющих в условиях резкого роста числа дел о банкротстве во второй половине 2020 г. В частности, в январе-марте 2020 г. арбитражными судами признаны несостоятельными 22356 граждан (включая индивидуальных предпринимателей). В сравнении с аналогичным периодом 2019 г. рост составил более 68%. За 2019 г. число банкротств по сравнению с 2018 г. также увеличилось, на 56,8% – до 68980 процедур [1].

Сложность задачи обусловлена как высокой текущей загрузкой действующих арбитражных управляющих, так и общей стагнацией числа арбитражных управляющих, наблюдающейся с 2016 г. Так, в 2016 г. в сфере числилось 10153 действующих специалиста, в 2017 г. – 9883, в 2018 г. – 10039 управляющих. В 2019 г. данный показатель составил 10129 человек [2].

При попытке анализа профессиональной группы арбитражных управляющих следует выделить, прежде всего, три теоретико-методологических подхода:

1. Стратификационный.
2. Социально-психологический.
3. Функционалистский.

Особенность положения группы арбитражных управляющих, с точки зрения стратификационного подхода, заключается в неоднородности уровня доходов представителей группы и слабой осведомленности населения о специфике деятельности и уровне жизни арбитражных управляющих.

Особенность положения группы арбитражных управляющих, с точки зрения функционалистского подхода, заключается в нахождении группы на пересечении нескольких типов профессий (менеджер, руководитель единоличного исполнительного органа организации, юрист, финансовый аналитик, медиатор). Более того, в зависимости от типа процедуры, на которую утвержден арбитражный управляющий (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство), кардинально меняются и функции управляющего, его полномочия и ответственность, социальная роль и трудовой статус.

Рассуждая о благах, формируемых деятельностью арбитражных управляющих, следует выделить освобождение рынка от неплатежеспособных элементов (должников, не способных исполнить собственные обязательства), а также функцию «нового старта», представляющую освободившимся от обязательств должникам заново приступить к осуществлению хозяйственной деятельности. Дополнительно арбитражные управляющие зачастую способствуют мирному разрешению спора между кредиторами и должником, при котором стороны заключают мировое соглашение.

Арбитражный управляющий в процессе деятельности взаимодействует с широким кругом субъектов (СРО АУ, должником, кредиторами, контрольным органом, арбитражным судом, привлеченными специалистами, уполномоченным органом), выступая в нескольких ипостасях (временный управляющий, административный управляющий, внешний управляющий, конкурсный управляющий, финансовый управляющий) в зависимости от типа процедуры. Таким образом, одной из ключевых черт профессии является универсальность арбитражного управляющего как специалиста, разнообразие навыков и квалификаций, необходимых для утверждения на процедуры, и, соответственно, комплексность, динамичность его правового статуса.

Рассматривая фактические результаты законотворческой деятельности Государственной Думы в 2020 г., касающиеся правового статуса арбитражных управляющих, следует отметить следующее:

1. Отклонен правительственный законопроект, смягчающий наказания для арбитражных управляющих за неправомерные действия в делах о банкротстве граждан [3].

2. Отклонен законопроект о снижении размера вознаграждения арбитражных управляющих при погашении долгов банкрота за счет заложенного имущества [4].

3. Принят законопроект № 792949-7 о внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного

банкротства, позволяющий гражданам с задолженностью в размере от 50 до 500 тысяч рублей бесплатно посредством обращения в МФЦ осуществить процедуру внесудебного освобождения от обязательств, минуя процедуры реструктуризации долгов и реализации имущества с сопутствующими судебными расходами и выплатами финансовому управляющему [5].

4. Внесен к рассмотрению во втором чтении законопроект № 598603-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части уточнения порядка включения требований кредиторов в реестр требований кредиторов», который наделяет арбитражного управляющего дополнительной обязанностью самостоятельно рассматривать требования всех кредиторов на предмет обоснованности и включать указанные требования в реестр требований кредиторов [6].

Таким образом, сохраняется тенденция по отсутствию индексирования доходов арбитражного управляющего при увеличении его полномочий и рисков привлечения к ответственности, а также дисквалификации на длительный период за незначительные, формальные нарушения ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Наиболее значимым законопроектом о внесении комплексных изменений в законодательство Российской Федерации о несостоятельности является проект, представленный Минэкономразвития 12 марта 2020 г.

Рассматривая указанный законопроект, с точки зрения влияния на положение арбитражных управляющих, стоит, прежде всего, отметить введение рейтинговой системы арбитражных управляющих. При этом, как отмечают специалисты, ключевые критерии для определения рейтинга – процент удовлетворения требований кредиторов и цена реализации имущества при его продаже с торгов – не всегда зависят от действий арбитражного управляющего. Профессиональное сообщество сходится во мнении, что указанная система является непрозрачной, сложной и нефункциональной, а также способной нанести существенный вред положению арбитражных управляющих.

Серьезные опасения у специалистов вызывает инициатива об изменении порядка вознаграждения арбитражного управляющего с ежемесячной оплаты на единовременную с возможностью снижения вознаграждения при наличии удовлетворенных жалоб либо иных установленных фактов нарушения законодательства о банкротстве. В настоящий момент текст указанного законопроекта сформирован и рассмотрен Правительством РФ.

Обращают на себя внимание и иные тенденции в динамике развития института арбитражного управления:

1. Ежегодное увеличение средней продолжительности процедуры банкротства и общего числа процедур, связанное с увеличением судебной

нагрузки, вызванной возрастанием правовой активности сторон в деле о банкротстве.

2. Резкое увеличение спроса на услуги финансовых управляющих, связанное с популярностью института банкротства граждан в 2018-2020 гг.

3. Низкая степень эффективности процедуры несостоятельности для подавляющего числа кредиторов, вызванная рядом факторов, ключевым из которых является недобросовестность должников в предбанкротный период, их деятельность по выводу активов должника, а также общее состояние недостаточности имущества, характерное для банкротов.

4. Ежегодный рост числа жалоб на арбитражных управляющих и общий рост уровня конфликтности процедур, причиной которого является, в том числе, недостаточная законодательная защищенность прав арбитражного управляющего, при которой постоянные жалобы являются действенным методом давления на арбитражного управляющего.

5. Рост общей рабочей загрузки арбитражных управляющих, косвенным доказательством которой является, в частности, ежегодный рост числа заявлений об оспаривании сделок должника, а также заявлений о привлечении руководителей должника к субсидиарной ответственности.

Подводя итог, следует отметить следующие рекомендации для увеличения интереса специалистов к сфере несостоятельности и развития статуса арбитражного управляющего:

- Индексация вознаграждения арбитражного управляющего;
- Смягчение ответственности (прежде всего, административной) в отношении арбитражных управляющих;
- Реформирование института саморегулирования арбитражного управления;
- Придание статуса арбитражному управляющему особой природы с установлением ряда социальных гарантий, свойственных адвокатам, судьям, нотариусам;
- Повышение уровня правовой культуры общества, введение в образовательных организациях углубленного изучения института несостоятельности.

Законопроекты о внесении изменений в положения федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», находящиеся в настоящее время на рассмотрении Государственной думы, направлены на расширение обязанностей арбитражного управляющего, увеличение нагрузки на профессиональную группу, ужесточение ответственности арбитражных управляющих и снижение размера их вознаграждения, что может привести к сокращению количества арбитражных управляющих и понижению уровня квалификации

соответствующих специалистов. Прогнозируемый резкий рост числа процедур банкротств во второй половине 2020 г. может привести к увеличению нагрузки на профессиональное сообщество, к которой оно не готово ввиду стагнации роста числа арбитражных управляющих в последние годы.

Список литературы

1. Количество личных банкротств в РФ выросло в 1,7 раза в I квартале / Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс) / [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/93915ffe-d57f-4822-91b2-2b2cd3c5d415> (Дата обращения: 20.10.2020 г.).

2. Статистический бюллетень ЕФРСБ на 30 июня 2020 года / Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс) / [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/42cab277-3328-4c2f-bbcd-ac728d3e1abc?attempt=1> (Дата обращения: 20.10.2020 г.).

3. Госдума отклонила проект о смягчении наказаний для управляющих в делах о банкротстве граждан / / Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс) / [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/eb60808d-14a6-45cd-9fd6-3d9465618c5e> (Дата обращения: 20.07.2020 г.).

4. Госдума отклонила 3 проекта о реформе банкротства и снижении гонораров управляющих / Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс) / [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/922973b0-e449-4951-9eca-a4db00ae57a4> (Дата обращения: 20.07.2020 г.).

5. Законопроект № 792949-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства / Система обеспечения законодательной деятельности / [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/792949-7> (Дата обращения: 20.07.2020 г.).

6. Закон вводит ряд новаций в процедурах банкротства с 1 сентября / Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс) / [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/922973b0-e449-4951-9eca-a4db00ae57a4> (Дата обращения: 20.07.2020 г.).

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ ПОДРОСТКОВ
В ЛЕТНИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ П. МОХСОГОЛЛОХ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))**
**THE PROBLEMS OF ORGANIZING THE EMPLOYMENT
OF ADOLESCENTS IN THE SUMMER (THE SETTLEMENT
OF MOHSOGOLLOKH OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))**

А.Б. Неустроева

*Академия наук Республики Саха (Якутия),
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск*

В.С. Хозеева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск

A.B. Neustroeva

*Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia),
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
Yakutsk*

V.S. Khozeeva

*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
Yakutsk*

Предметом исследования являются особенности и проблемы организации трудовой занятости подростков в период летних каникул в поселке Мохсоголлох Республики Саха (Якутия). Основным методом исследования является социологический опрос родителей и подростков о проблемах трудовой занятости в летний период.

The subject of the research is the features and problems of organizing the employment of adolescents during the summer holidays in the village of Moksogolokh, Republic of Sakha (Yakutia). The main research method is a sociological survey of parents and adolescents about the problems of employment in the summer.

Ключевые слова: трудовая занятость, подростки, временное трудоустройство, формы занятости, трудная жизненная ситуация, социологический опрос

Keywords: labor employment, adolescents, temporary employment, forms of employment, difficult life situation, sociological survey

Организация занятости подростков в летний период является важной частью социальной политики государства и социальной работы. Подростки входят в группу риска, так как имеют еще неустойчиво сформированную психику, нравственные ценности и легко поддаются контролю и давлению со стороны других. Именно в летний период, если подростки ничем не заняты, возрастает вероятность их вовлечения в неформальные, нелегальные, опасные

для здоровья и жизни отношения. В этой связи одной из важнейших задач школ и специалистов по психосоциальной работе с населением является организация занятости подростков в период летних каникул. Организация временной занятости, как и организованный отдых, - это один из методов помощи в раскрытии способностей в различных сферах деятельности, помощи в саморазвитии и самореализации, а также метод профилактики правонарушений и безнадзорности в подростковой среде. Приоритетным правом временного трудоустройства пользуются подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации: дети, оставшиеся без попечения родителей, из малообеспеченных и многодетных семей, семей безработных, «трудные» подростки, состоящие на учете в комиссии по делам несовершеннолетних.

Выявлены особенности и проблемы организации трудовой занятости подростков в период летних каникул в поселке Мохсоголлох Хангаласского района Республики Саха (Якутия). Основным методом исследования стал социологический опрос родителей и подростков о занятости в период летних каникул. Выборочная совокупность анкетирования составила 50 родителей и 65 подростков в возрасте от 14 до 17 лет.

Поселок Мохсоголлох расположен в Хангаласском районе Республики Саха (Якутия). Население поселка в 2019 г. составляло 6125 человек. Ежегодно численность населения поселка уменьшается, с 2011 по 2019 гг. произошло сокращение на 561, человек или на 8.4%. С 2016 г. происходила естественная убыль населения поселка, количество родившихся уменьшалось, количество умерших росло, наблюдался рост выбытия населения.

Поселок имеет достаточно развитую социальную инфраструктуру: 2 детских сада на 430 мест, одна общеобразовательная школа на 660 учащихся, детская школа искусств на 185 учащихся, Дом детского творчества, спортивный зал, ЦК «Юность», бассейн, поселковая для взрослых и юношества и детская библиотеки. Кроме этого в поселке работают такие учреждения социального обслуживания, как психоневрологический интернат, дом-интернат для престарелых и инвалидов, Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, Центр социального обслуживания с отделением временного проживания, Центр реабилитации несовершеннолетних.

Отрицательной особенностью поселка Мохсоголлох является опасное соседство с двумя исправительными колониями строгого режима. В детском доме находятся, в основном, трудные подростки, у некоторых есть психологические травмы, у большинства отклоняющееся поведение. Данные факты накладывают значительный отпечаток на жизнь и работу в поселке.

Организацией трудовой занятости детей и подростков в летний период в поселке занимается администрация, Центр занятости населения и школа. В

школе летом открывается детская площадка дневного пребывания, которую могут посещать дети до 14 лет. В школе дети работают помощниками вожатых всего один месяц – июнь. При школе работает детская общественная организация «Сокол», которая организует мероприятия, волонтерскую деятельность, конкурсы, различные социальные проекты. С началом летнего сезона волонтерский клуб продолжает свою работу, раз в 2 недели дети встречаются в парке, обсуждают возможные мероприятия и выполняют их.

Ежегодно по линии Центра занятости населения организуются трудовые волонтерские отряды. В 2019 г. по Хангаласскому улусу (району) по линии Центра занятости населения были временно трудоустроены 160 подростков в возрасте от 14 до 18 лет. Основной состав – это дети из малообеспеченных семей и дети, состоящие на различных видах учёта. Виды работ, которыми занимаются подростки – это благоустройство, уборка территории, посадка и поливка цветов в парке, уборка улиц перед различными праздниками, покраска ограждений и детских площадок. Материальная поддержка на одного несовершеннолетнего со стороны Центра занятости населения составляет 4367 рублей в месяц, остальная часть – это доплата от работодателя.

Существующий рынок труда для трудоустройства подростков в поселке Мохсоголлох достаточно мал, вакансий фактически нет. В школе это всего 8 человек и ограничение по возрасту – 16 лет, в администрации за весь период лета на работу могут устроиться только 30 человек, при этом есть ограничения: один и тот же ребенок не может работать 2 месяца или весь летний период. При устройстве в школу или администрацию играет роль статуса семьи и ребенка, дети из многодетных, малообеспеченных семей, дети-инвалиды и дети, стоящие на учете являются приоритетными при трудоустройстве. Ведь данная работа служит для них не только способом получения прибыли, но и включением в социальную жизнь общества, адаптацией к социальной среде и компенсацией возможного дефицита общения.

Каждый год число желающих работать подростков не уменьшается, а только возрастает. Часть подростков трудоустраиваются в частный сектор. Устроиться подростку в коммерческие предприятия достаточно сложно и проблематично, ведь организациям не выгодно брать на работу подростков, так как весь рабочий день они не могут работать, должны быть определенные условия труда. В основном в таких случаях подростков устраивают родители либо к себе в организации, на возможную и подходящую работу, либо по знакомству, так как поселок небольшой и все друг друга знают.

На временное трудоустройство подростков берут индивидуальные предприниматели для выполнения мелких работ в отсутствие основного

работника. В основном подростки выполняют следующую работу: вынос коробок и мусора, подметание прилегающей территории, уборка в магазине (мытьё полов и уборка пыли).

Опрос показал, что опыт работы имели 60% подростков, остальные 40% никогда не работали. Анализ места приложения труда подростков, которые уже имели трудовой опыт, показал, что 40% были трудоустроены в государственные учреждения (школы, клубы и т.д.), 30.8% трудились на дому (например, нянями, рабочими), 29.2% были трудоустроены у индивидуальных предпринимателей. Полученный трудовой опыт 58.5% подростков понравился, и они хотели бы в будущем тоже где-нибудь поработать. 26.2% подростка ответили, что им не понравилось работать, и они больше не хотят этим заниматься в летний период. При этом 72.3% уже имевших опыт работы подростков остались довольны оплатой труда, остальные 27.7% были не удовлетворены полученной заработной платой и считали ее слишком маленькой. На вопрос, «Были ли нарушены Ваши трудовые права?», 89.2% подростков ответили, что нет, работодатель не нарушал их прав, в том числе они не работали дольше положенного времени.

В вопросе летнего трудоустройства 84% родителей поддержали своего ребенка, 8% были против занятости подростков в летний период, 2% считали, что работать еще рано для подростков.

Исследование показало, что летом работает мало детей. Это связано с тем, что не хватает рабочих мест, в первую очередь берут детей из многодетных малообеспеченных семей. Вопрос трудоустройства детей в летний период активно поднимается и обсуждается в семьях. Большинство родителей поддерживают своих детей в трудоустройстве. Самыми распространенными сферами возможного приложения труда родители назвали: волонтер, вожатый и работа, связанная с природой (огороды, озеленение парков и сельскохозяйственный труд).

Основной проблемой является нехватка рабочих мест для подростков, мало организаций и учреждений, которые готовы работать с несовершеннолетними. В поселке можно и нужно развивать организованную занятость подростков для недопущения делинквентного и девиантного поведения среди подростков из-за неблагоприятной социальной обстановки. Нужно поддерживать желание и идеи подростков в организации занятости для их реализации как личности.

Список литературы

1. Кокорина В.В., Неустроева А.Б. Особенности организации отдыха и оздоровления детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в условиях круглогодичного детского центра в северном регионе // Теория и практика социальной работы: история и современность / Отв. за выпуск Ю.А. Калинина, С.Г. Чудова. Барнаул, 2019. С. 86–91.

ПУТИ УЛУЧШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕПРЕРЫВНОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ГРАЖДАН ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА WAYS TO IMPROVE THE LEGISLATION ON CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION OF CITIZENS OF PRE-RETIREMENT AGE

И.И. Нуртдинов, И.И. Зиннатуллина
*Казанский государственный медицинский университет,
г. Казань*
I.I. Nurtdinov, I.I. Zinnatullina
*Kazan State Medical University,
Kazan*

Анализируется профессиональное обучение граждан предпенсионного возраста в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография». Используются статистические данные, отчеты подведомственных органов. Даны рекомендации по улучшению положения граждан предпенсионного возраста.

The article is devoted to the analysis of professional training of citizens of preretirement age in the framework of the federal project "Senior Generation" of the national project "Demography". Statistical data and reports from subordinate bodies were used. Recommendations were made to improve the situation of citizens of preretirement age.

Ключевые слова: граждане предпенсионного возраста, дополнительное профессиональное образование, занятость граждан предпенсионного возраста, повышение квалификации, потеря квалификации, профессиональное обучение

Keywords: citizens of pre-retirement age, additional professional education, employment of citizens of pre-retirement age, professional development, loss of qualification, professional training

Современный этап научно-технического прогресса в Российской Федерации влечет серьезные вызовы для рынка труда. Цифровые технологии стремительно проникают во все отрасли народного хозяйства, на рынке труда

возникают новые профессии и угасают старые, меняются производственные операции. Предполагается вывести на новый технологический уровень не только производство, но и изменить структуру, качество трудовых ресурсов и систему их подготовки без влияния на показатели безработицы. Особое внимание уделяется населению пенсионного возраста или, с учетом современных изменений пенсионного законодательства, предпенсионного. Страна вынуждена, в силу сложной социально-демографической ситуации, использовать труд предпенсионеров по новым траекториям и требованиям [1].

27 сентября был принят Государственной думой закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий» и одобрен Советом Федерации 3 октября 2018 года. С 1 января 2019 года вступил в силу законопроект о повышении пенсионного возраста.

Данный законодательный акт стал основой для выделения новой категории нуждающихся граждан – лиц предпенсионного возраста [2].

В 2019 году к категории «Предпенсионеры» относятся:

1. Женщины: 1964, 1965, 1966, 1967, 1968 г.р.
2. Мужчины: 1959, 1960, 1961, 1962, 1963 г.р.

Повышение границ пенсионного возраста обостряет следующие социально-экономические проблемы:

1) Дестабилизация ситуации на рынке труда: при существующем количестве рабочих мест увеличивается количество работников: на рынок приходит молодежь, а старшее поколение не уходит с рынка труда.

2) Повышение рисков нарушения трудового законодательства в отношении предпенсионеров и пенсионеров. Усиление возрастной дискриминации при приеме на работу и карьерном продвижении.

3) Рост безработицы среди предпенсионеров и резкое увеличение нагрузки на бюджет: увеличивается размер пособия по безработице и количества лиц, которые будут обращаться за пособием.

В целях защиты интересов, создания экономических и социальных условий, исключая дискриминацию граждан предпенсионного возраста, правительству поручили разработать специальную программу повышения квалификации предпенсионеров.

Проект программы переобучения предпенсионеров был разработан Минтрудом. Согласно документу, до конца 2024 года профессиональное обучение пройдут не менее 450 тыс. предпенсионеров (то есть 75 тыс. ежегодно) [3].

Переобучение занимает 3 месяца с отрывом от основной работы, во время переподготовки предпенсионерам будет выплачиваться стипендия в размере

региональной минимальной зарплаты. Планируется приобретение предпенсионерами компетенций, позволяющих повысить уже имеющиеся профессиональные навыки и найти им практическое применение. Речь идет, например, об обучении ИТ-технологиям, преподаванию, а также навыкам и знаниям, связанным с осуществлением контроля, учета и отчетности. Самым приоритетным и перспективным направлением считается обучение по программам ИТ-технологии по международным профессиональным стандартам с использованием инфраструктуры Союза «Ворлдскиллс Россия».

Ключевой показатель эффективности программы – доля сохранивших занятость предпенсионеров из числа прошедших переобучение. Ее реализация будет признана успешной, если 85% лиц предпенсионного возраста сохранят или найдут работу после прохождения переподготовки.

Экспертный совет при правительстве проанализировал проект программы Министерства труда и социальной защиты РФ по переобучению лиц предпенсионного возраста. Среди ее недостатков — отсутствие ключевого показателя эффективности и прогноза доступности рабочих мест для пожилых.

Эксперты предлагают выделить три группы:

- предпенсионеры, оказавшиеся без работы и ищущие ее;
- предпенсионеры, которые могут потерять или сменить работу (в том числе самостоятельно изъявившие намерение пройти переобучение);
- предпенсионеры, о предстоящем увольнении которых работодатели уведомили службу занятости.

По оценке экспертов, количество таких граждан предпенсионного возраста может достигать 1,5 млн человек ежегодно. В группе риска при реализации программы находятся прежде всего те, кому предстоит увольнение в скором времени. Эксперты выдвинули следующие предложения:

1) предусмотреть меры по предупреждению и минимизации периода нетрудоустроенности;

2) поручить Роструду проводить мониторинг граждан, которые могут быть уволены до момента вхождения в предпенсионный возраст, но для которых можно сохранить занятость за счет повышения их квалификации;

3) создать специальные площадки, в том числе на базе социальных НКО, для оказания предпенсионерам психологических, правовых, информационных услуг;

4) определить порядок информирования граждан о возможности прохождения переобучения;

5) рассмотреть возможность внедрения специального образовательного сертификата для переобучения предпенсионеров, что упростит процедуру

получения услуг и предоставит гражданам старших возрастов возможность самостоятельного выбора образовательной организации;

б) разработать порядок предоставления средств, выделяемых на переобучение, при условии сохранения работодателями рабочих мест для сотрудников-предпенсионеров не менее чем на один год после прохождения ими переобучения.

Мы, в свою очередь, предлагаем следующие пути решения проблемы:

1. Пересмотреть программу с учетом возрастных, психологических и физических возможностей граждан предпенсионного возраста.

2. Государство должно стимулировать работодателей на создание новых рабочих мест либо само создавать такие места по тем профессиям, по которым осуществляется профессиональная переподготовка.

3. Необходимо проводить мониторинг спроса и предложения на рынке труда, прогнозировать его изменение и предоставить статистические данные.

4. Программа профессиональной переподготовки граждан предпенсионного возраста должна быть направлена не только на выявление общей предрасположенности гражданина к профессиям, но и на владение им совокупностью компетенций, необходимых для эффективной работы в конкретных сферах.

5. Изменение возраста выхода на пенсию должно психологически готовить школьников и студентов к тому, что они будут дольше работать, сами заботиться о своей пенсии и быть готовыми уже сейчас работать на одной работе с предпенсионерами и пенсионерами.

Список литературы

1. Сенюкова О.В. Использование труда предпенсионеров в условиях новой реальности / Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация 2018 г. №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-truda-predpensionerov-v-usloviyah-novoy-realnosti>. (Дата обращения: 20.08.2020).

2. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spravochnik.rosmintrud.ru/news/820>. (Дата обращения: 29.09.2019).

3. Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/3> (Дата обращения: 16.11.2019).

**СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ
КАК ОСНОВА ПРОФОРИЕНТАЦИИ
SOCIAL AND CULTURAL CAPITAL
AS A BASIS FOR PROFESSIONAL ORIENTATION**

А.В. Орлов, О.М. Орлова, Е.Н. Башук
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Orlov, O.M. Orlova, E.N. Bashuk
Lobachevsky University

Рассмотрены современные задачи профориентации. Показана важность развития человеческого, социального и культурного капитала у молодежи. Описаны особенности проявления социального и культурного капитала у студентов.

The paper considers the current problems of career guidance. The importance of developing human, social and cultural capital among young people is shown. The features of social and cultural capital manifestation in students are described.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, человеческий капитал, социальный и культурный капитал молодежи

Keywords: professional orientation, human capital, social and cultural capital of youth

Под профессиональной ориентацией понимается процесс определения индивидом того вида трудовой деятельности, в которой он хочет себя проявить, осознание своих склонностей и способностей к этому виду деятельности и осведомленность о каналах и средствах приобретения знаний, умений и навыков для овладения конкретной профессией [1]. При этом ключевой фигурой профориентации является сам человек, выбирающий пути профессионального развития, – субъект профессионализации. От его активности и направленности на самореализацию в профессиональной сфере зависит успех профориентации. Система профориентации в России в настоящее время имеет несколько ярко выраженных проблем:

1) Слабое взаимодействие государства, органов образования, образовательных учреждений, предприятий и организаций, общественных институтов по профориентационным задачам.

2) Недостаток времени, информационных и практических возможностей у обучающихся различных уровней образования для детального знакомства с профессиями, процессами на рынке труда, а также с

инструментами и возможностями развития своих профессиональных качеств, которые предоставляются образовательной или профессиональной средой.

3) Отсутствие желания родителей, других заинтересованных лиц, а также самих субъектов профессионализации заниматься профориентацией достаточно долго и детально.

4) Недостаточные технологические и научные возможности образовательных и общественных организаций для реализации общегосударственной установки на освоение наиболее актуальных профессий в соответствии с постоянно возрастающими запросами рынка труда. В результате для большинства выпускников образовательных учреждений требуется дообучение или переобучение.

5) Отсутствует на уровне государственных и общественных институтов системная организация профориентационной работы, социального и психолого-педагогического сопровождения человека на пути самоопределения и профессионализации. Это выражается в недостаточном понимании у общества и конкретных людей значимости профориентации для экономики страны, общественного развития и личного успеха.

Вместе с тем появляются отдельные государственные и общественные программы («WorldSkills», «Сириус», «Кванториум», «Билет в будущее», «ПроеКТОриЯ», «Школа реальных дел», «Всероссийская ПрофДиагностика», «Большая перемена» и др.), помогающие сделать выбор и развить необходимые навыки. Однако возможности данных и аналогичных программ для успешной профориентации целиком и полностью зависят от активности самого субъекта профессионализации.

В настоящее время общество и экономика в России претерпевают значительную трансформацию. Рынок труда меняется. Новые профессии появляются, некоторые теряют актуальность, значимость других повышается [2]. Все возрастающая неопределенность рынка труда меняет направленность профориентации. В настоящее время задачей профориентации является не столько выбор профессии, сколько формирование готовности к поиску возможностей профессиональной самореализации в постоянно меняющихся социально-экономических условиях [3]. Хотя выбор профессии для субъекта профессионализации сохраняется как приоритетная цель, жизнь может быть такой, что этот выбор придется делать многократно. В этой связи узкая направленность профессионального развития не всегда оправдана. Важнее развивать целый спектр профессиональных интересов и возможностей для достижения успеха. Ключевыми ориентирами для

субъекта профессионализации и профориентации в настоящее время являются следующие:

1) непрерывное профессиональное образование, постоянное расширение своих возможностей, готовность постоянно учиться и осваивать что-то новое [4];

2) развитие гибких навыков (soft skills), позволяющих легко адаптироваться в новых профессиональных условиях и быстро осваивать новые виды деятельности, в том числе творческих способностей, разных форм мышления и интеллекта, толерантности к неопределенности, способности к самоорганизации деятельности, коммуникативных качеств [5];

3) формирование человеческого капитала как личностного ресурса достижения успеха в профессии, в организации, в социально-экономической среде [6].

Формирование у молодежи установок на развитие человеческого капитала может иметь большое значение для повышения экономического потенциала России. В современных условиях эта форма капитала является ключевым ресурсом в процессах модернизации, инновационных преобразований экономики, её трансформации в сторону развития высокотехнологичных отраслей.

Термин «человеческий капитал» впервые появился в трудах американского экономиста Теодора Шульца [см.: 7]. Он рассматривал человеческий капитал как некий актив или богатство в виде ценных качеств человека, которые возможно усилить посредством соответствующих вложений. Увеличение человеческого капитала индивида за счет инвестиций в себя влияет на изменение структуры его доходов. Вложения возможны и со стороны хозяйствующих субъектов, что повышает трудовой потенциал [8]. В самом общем виде под человеческим капиталом понимают физические возможности, а также знания, способности, навыки, накопленные человеком в течение жизни и применяемые в производственных и экономических процессах [9].

В последние десятилетия концепция человеческого капитала развивалась и дополнялась многими авторами (Г. Беккер, Л. Туроу, Т. Гараван, П. Ромер) [см.: 7]. Обозначены взаимосвязи человеческого капитала с разными формами символического капитала, прежде всего, такими, как социальный и культурный капитал [10; 11]. Составляющие этих форм капитала – знания, ценности, направленность на экономический результат и сплоченность субъектов экономической деятельности – создают основу доверия со стороны потенциальных инвесторов и повышают их готовность к экономическому сотрудничеству.

Социальный и культурный формы символического капитала хотя и взаимосвязаны, но различны по своей природе. Под культурным капиталом мы понимаем совокупность ценностей и установок индивида или группы, определяющих их направленность как субъектов экономической деятельности на эффективное развитие в конкурентной среде. Социальный капитал мы рассматриваем как нацеленность индивида или группы на социальную интеграцию и совместную деятельность для получения экономической выгоды [12].

В структуре культурного капитала нами выделены следующие характеристики: 1) сосредоточенность на будущем, настрой на долгосрочное планирование, 2) направленность на приумножение богатства, 3) установка на жесткое соблюдение норм и правил, 4) ориентация в общем деле на формальные отношения, организованность и ответственность, 5) стремление постоянно повышать образованность, 6) понимание связи успеха с интенсивным трудом, 7) активный интерес к предпринимательской деятельности, 8) отношение к конкуренции как к благу, способу достичь успеха и высокого качества, 9) интерес к инновациям, 10) законопослушность, 11) стремление максимально интегрироваться в сообщества, стать их частью.

В структуре социального капитала нами определены следующие составляющие: 1) стремление к социальному единению, 2) стремление к близости с другими людьми, сопричастности, 3) высокие моральные обязательства перед людьми, чувство взаимозависимости, 4) направленность на стабильные отношения, стремление к снижению противоречий, 5) готовность к социальной поддержке, оказанию помощи, 6) стремление быть с людьми в критической ситуации, 7) стремление следовать традициям и правилам группы, 8) нормативность поведения, 9) доверие к людям, 10) отсутствие проблем с поиском нужной информации, 11) отсутствие проблем с коммуникацией.

В данном исследовании изучались установки студентов социальных и гуманитарных направлений подготовки, характеризующие их направленность на развитие социального и культурного капитала в контексте профориентации и первичной профессионализации. Исследование показало, что только около 10% студентов имеют выраженную ориентацию на те или иные социально-экономические ценности, лежащие в основе культурного капитала. Направленность в соответствии с установками социального капитала несколько выше – около 30%. По мнению студентов, выраженность аналогичных ценностей в образовательной среде и обществе существенно ниже того, к чему готовы сами студенты. В целом, это

показывает слабую готовность как студентов, так и социальных систем соответствовать ценностям социального и культурного капитала.

Профессиональная направленность студентов сформирована слабо. Она характеризуется высокой степенью неопределенности и слабой профориентационной активностью. Большинство студентов плохо представляют своё профессиональное будущее, не стремятся дополнительно расширить свои знания по профессии и развивать соответствующие качества, не предпринимают активных действий для расширения своего профессионального опыта. Вместе с тем многие студенты хотели бы достичь успеха в своей профессии и проявляют к ней искренний интерес.

В исследовании проведен корреляционный анализ для изучения взаимосвязи значимости ценностей социального и культурного капитала студентов с их профессиональной направленностью. Установлены положительные корреляции характеристик социального и культурного капитала с интересом к профессии, готовностью к расширению своего профессионального опыта, профориентационной активностью, социализацией в профессиональной среде. Установленные закономерности могут свидетельствовать о большом значении социального и культурного капитала для формирования эффективных стратегий профориентации и профессионализации.

Список литературы

1. Лукашова О.Г. Профессиональная ориентация // Социология. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов и др. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
2. Дигилина О.Б., Тесленко И.Ю. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. №4. С. 166–181.
3. Ситникова И.В. Профессиональные планы и стратегии трудоустройства современных студентов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 61–77.
4. Век живи – век учись: Непрерывное образование в России / Под ред. И.Д. Фрумкина, И.А. Коршунова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 310 с.
5. Бацунов С.Н., Дереча И.И., Кунгурова И.М., Слизкова Е.В. Современные детерминанты развития soft skills // Концепт. 2018. № 4. С. 198–207.
7. Лобанова Т.Н., Захарова Л.Н. Психология труда индустрии 4.0 // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 1. С. 194–207.

8. Гвоздева М.А., Казакова М.В. Исследование понятия человеческого капитала в экономической литературе // Социум и власть. 2017, № 1 (63). С. 82–87.
9. Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. P. 1–17.
10. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: Наука, 1999. 309 с.
11. Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания // Под ред. О.Н. Астафьевой, О.В. Шлыковой. М.: Издательство «Согласие», 2019. 296 с.
12. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001. 562 с.
13. Орлова О.М., Орлов А.В., Башук Е.Н. Социальный и культурный капитал в системогенезе профессиональной деятельности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции. / Под ред. Ю.П. Поваренкова. 2018. С. 271–274.

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВОДИТЕЛЕЙ ГРУЗОВОГО ТРАНСПОРТА ЯКУТИИ**
**SOCIAL RESPONSIBILITY IN YAKUTIAN
TRUCK DRIVERS' ACTIVITIES**

М.Е. Осипова
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск
M.E. Osipova
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk

Рассматривается проблема социальной ответственности в арктических регионах на примере деятельности водителей грузового транспорта Республики Саха (Якутия). На основании материалов средств массовой информации, полевых исследований 2017 – 2019 гг., проведенных автором в г. Якутск и Таттинском улусе (районе), сделаны выводы о высокой социальной ответственности дальнобойщиков Якутии.

The article examines the problem of social responsibility in the Arctic on the example of the activities of truck drivers of Republic of Sakha (Yakutia). Based on materials from the media, fieldworks in 2017-2019, conducted by the author in Yakutsk and Tattinsky ulus (district), conclusions revealed the high social responsibility of Yakutian truckers.

Ключевые слова: дальнобойщики, грузовой транспорт, социальная ответственность, Арктика, Республика Саха (Якутия)

Keywords: truck drivers, freight transport, social responsibility, Arctic, Republic of Sakha (Yakutia)

Разработка модели социально-экономического развития арктических регионов требует учета и комплексного анализа особенностей территории. Экономика циркумполярных регионов характеризуется неравномерным хозяйственным освоением, недостаточными внутренними капитальными ресурсами, удаленностью от основных промышленных центров. Одновременно здесь расположены большие запасы полезных ископаемых, биологических ресурсов, выход к Мировому океану.

Актуальной, с точки зрения изучения развития арктических регионов, является концепция эндогенного роста, предусматривающая использование внутренних ресурсов территории как ключевого фактора прогресса [1]. В условиях ограниченной возможности инфраструктуры арктических регионов данная концепция представляется востребованной.

Внутренняя жизнестойкость арктических регионов часто проявляется во взаимозаменяемости процессов, так называемой «гибкой устойчивости» [2], когда один элемент может выполнять функции другого элемента системы (например, в критических ситуациях). В сущности, стратегия взаимозаменяемости, продиктованная необходимостью выживания и самосохранения человека в экстремальных условиях, является непреложным условием жизнедеятельности в Арктике. На это в числе прочих указывают практики северной солидарности, взаимопомощи, сотрудничества [3-4; 5].

Данные принципы нашли непосредственное отражение в деятельности одного из крупных профессиональных сообществ Республики Саха (Якутия) – дальнобойщиков – водителей-предпринимателей, занятых грузоперевозками. Дальнобойщикам принадлежит основная роль в осуществлении перевозок автомобильным транспортом, на который сегодня приходится более 70% всех грузов региона.

Ассоциация дальнобойщиков Якутии с момента регистрации общественной организации в марте 2017 г. вовлечена в общественно-полезную работу. Водители большегрузов из разных улусов (районов) республики регулярно проводят социальные акции и мероприятия.

Так, к 100-летию Таттинского улуса группа водителей «*Таатта дальнобой*» (Таттинские дальнобойщики) посадила 100 деревьев в центре поселка. В следующем году объединение водителей собственными силами и средствами построило в районном центре с. Ытык-Кюель сквер «*Алгыстаах айан*» (Благословенный путь). Позднее таттинские дальнобойщики установили

в этом сквере полку буккроссинга для свободного обмена книгами [6]. В декабре 2019 г. водители большегрузов во второй раз порадовали новогодними подарками 300 детей [7]. Водители улуса оказывают посильную материальную помощь многодетным семьям, землякам, оказавшимся в трудном жизненном положении. Ежегодно дальнобойщики самостоятельно организуют региональные фестивали профессионального мастерства водителей грузового транспорта.

Анализ общественной активности водителей грузового транспорта Якутии свидетельствует об их высокой социальной ответственности. К основным направлениям общественной деятельности водителей можно отнести поддержку семьи и детства, образования, профессиональное развитие, благоустройство территории.

Для водителей грузового транспорта характерны чувства поддержки и взаимопомощи. Примечательно, что гуманитарный потенциал якутских дальнобойщиков заложен в содержании их профессиональной деятельности, связанной с перевозкой в отдаленные и труднодоступные поселения Республики жизненно необходимых товаров и услуг.

В условиях недостаточности государственных мер поддержки водители-предприниматели осознают и добровольно берут ответственность за обеспечение социальной защищенности населения, частично заменяя тем самым общественные институты. Профессиональный опыт, глубокое практическое знание проблем населения Арктики, их положения, вероятно, побуждает у водителей стремление бескорыстно помогать людям, преобразовывать окружающую среду. Ценностные ориентации водителей, основанные на высокой социальной ответственности, являются определяющими в жизни и работе якутских водителей большегрузов.

Список литературы

1. Замулин О.А., Сонин К.И. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России [Электронный ресурс] // Вопросы экономики. 2019, № 1. С. 11–36. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/231355202> (Дата обращения: 28.08.2020).

2. Замятина Н.Ю., Медведков А.А., Поляченко А.Е., Шамало И.А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020, 65 (3). URL: https://escjournal.spbu.ru/article/view/5362/6424?fbclid=IwAR3irwFQCMOUxGwvcaqYWuLuCiHSug_-8F0o1bIciZUGFasIg16dPrrP560 (Дата обращения: 28.08.2020).

3. Винокурова У.А. Якутские ценности в начале XXI века [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017, № 3. С. 84–99. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/727> (Дата обращения: 28.08.2020).

4. Головнев А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 352 с.

5. Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 3. С. 33–47.

6. Предприниматели Таттинского улуса активно участвуют в социально-экономической жизни улуса [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3172773> (Дата обращения: 28.08.2020).

7. Баснаева С. «Сүрэхпит сылааһын – оҕолорго». Үтүө санааттан үөрүү көтөллөнөн («Тепло наших сердец – детям». Добро приносит радость) [Электронный ресурс] // Молодежный интернет-портал «Эдэр Саас». URL: <http://edersaas.ru/s-rehpit-sytaa-yn-o-olorgo-t-sanaattan-r-k-t-ll-n-n/> (Дата обращения: 28.08.2020).

О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР: К ВОПРОСУ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ BRAND NEW WORLD: PANDEMIC EMPLOYMENT OF THE YOUTH

А.А. Попель
*Самарский государственный университет путей сообщения,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.A. Popel
*Samara railway university,
Lobachevsky University*

Описываются изменения на современном рынке труда, фиксируется возрастание доли фриланса как формы организации профессионально-трудовой деятельности, анализируются мотивы, побуждающие все большее количество людей работать фрилансерами. Анализируются специфические характеристики фриланса, свойственные отечественному рынку труда, а также обсуждаются формы и методы реализации творческого потенциала сотрудника в условиях трансформирующегося рынка труда. Автор также рассматривает морально-этические аспекты реализации творческого потенциала личности в условиях усиливающейся конкуренции на рынке фриланса.

The paper describes changes in the current labour market, namely, growing popularity of freelance as form of employment, it investigates the motives that encourage more people to shift to freelancing. The author also analyses specific characteristics of freelancing that are typical of the domestic labour market, as well as

the forms and methods of implementing employees' creative potential in it. The author also considers moral and ethical aspects of deploying a person's creative potential in the face of increasing competition in the freelance market.

Ключевые слова: креативность, трудоустройство, молодежь, фриланс, удаленная работа

Keywords: creativity, employment, freelance, the youth, remote job

Без преувеличения можно сказать, что мы являемся невольными свидетелями тех поистине колоссальных изменений, которые на наших глазах безвозвратно меняют как традиционное общество, так и мир в целом. Все то, к чему мы так привыкли, все, что казалось нам незыблемым и вечным, оказалось в один момент стертым с лица земли, словно песчаный замок, долгое время казавшийся нам несокрушимым в лучах жаркого летнего солнца, но не устоявшего перед властью первых морских волн.

Пандемия COVID-19, охватившая весной 2020 г. большинство стран мира, нанесла сокрушительный удар по прежнему укладу жизни, которым жило наше общество последние несколько десятилетий, окончательно похоронив под его обломками саму возможность возврата к прежнему миропорядку. Изгнание сотен миллионов людей в «добровольную» самоизоляцию, резкое усиление вмешательства государства в личную жизнь граждан, перевод огромного количества сотрудников на удаленную работу, резкое ухудшение микро- и макроэкономической обстановки являются первыми предвестниками того нового образа жизни, к которому нам всем предстоит привыкать еще очень долгое время.

В наибольшей степени, по нашему мнению, пандемия затронула рынок труда, что вызвало череду поистине тектонических сдвигов в тех базовых принципах, которые составляли его основание на протяжении многих десятков лет. Внезапная остановка компаний и предприятий всех форм собственности (кроме жизнеобеспечивающих) на фоне обвалившегося рынка цен на углеводороды вызвала невиданный прежде по масштабам экономический коллапс, последствия которого нам еще только предстоит прочувствовать и осознать.

Чудом выжившие компании были вынуждены в спешном порядке искать способы оптимизации своих расходов, и большинство, увы, предпочло первым пустить под нож расходы на персонал как наиболее затратную статью расходов любого бизнеса: были аннулированы премии и стимулирующие выплаты, часть персонала была переведена на неполный рабочий или вообще отправлена в неоплачиваемые отпуска. Неудивительно, что такие широкомасштабные сокращения во всех без исключения секторах отечественной экономики резко

обострили конкуренцию на рынке труда, особенно в госсекторе, который продемонстрировал наилучшую устойчивость к внешним экономическим вызовам, тем самым став лакомым кусочком для многих ищущих работу.

Проведенный анализ сайтов вакансий показал, что компании в настоящее время отдают предпочтение тем соискателям, кто обладает внушительным практическим опытом работы и способен работать в условиях многозадачности и ограниченного временного ресурса. В итоге, рынок труда, и без того прежде не отличавшийся особой дружелюбностью к тем, кто совсем недавно сидел за университетской партой, в буквальном смысле вышвырнул их за борт, видимо, руководствуясь бессмертным принципом «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

После долгих и, как правило, безуспешных попыток трудоустроиться через сайты вакансий единственным спасительным кругом для многих молодых людей стала возможность попробовать себя в качестве фрилансера (от англ. *freelancer* – работник с временной занятостью), как правило, выполняющего работу на/из дома.

Следует отметить, что с каждым годом все большее количество наших соотечественников выбирает фриланс в качестве альтернативной формы занятости. Согласно данным отчета, опубликованного Высшей школой экономики, в 1992 г. в отечественной экономике насчитывалось 1,8 млн. временных работников, в 2001 г. их количество достигло отметки в 4,3 млн. чел., затем в 2010 г. выросло до 5,3 млн. чел., а в 2015 г. составило уже внушительные 6,0 млн. чел [1].

На первый взгляд может показаться, что фриланс исключительно выгоден для обоих участников рынка труда: работодатель снимает с себя целый ряд социальных обязательств перед фрилансером, поэтому зачастую подобная форма трудовой деятельности подразумевает «серую» зарплату, отсутствие (либо минимальные) отчисления в пенсионный фонд, фонд обязательного медицинского страхования и пр., что дает работодателю существенную экономию затрат на персонал. Фрилансер же получает возможность выбирать наиболее удобный для себя график работы, возможность работать удаленно из дома, заниматься наиболее интересными проектами.

Однако при более глубоком анализе те достоинства, которые воспринимаются фрилансерами в качестве очевидных, перестают быть таковыми. Обратной стороной фриланса, о которой, как правило, умалчивают, является крайне низкая социальная защищенность работника, нестабильность доходов, невозможность планировать свою карьеру, крайне слабая профессиональная самоидентичность. Основным же выгодополучателем от внедрения подобной формы трудовой деятельности, на наш взгляд, является

государство, которое вместо создания новых рабочих мест на протяжении последних лет предпочло активно продвигать фриланс среди молодежи в качестве модной альтернативы классическим формам трудоустройства. В качестве доводов традиционно называются возможность самостоятельно управлять собственными временными ресурсами и самостоятельно распределять их (79% респондентов); возможность работать непосредственно из дома (65% опрошенных), возможность выбора интересных проектов (56% респондентов) [2, с. 51], что, несомненно, крайне льстит молодым людям. Работать на себя, а не на абстрактное государство или алчного до наживы собственника становится все более и более модным.

Государство же при минимуме вложений в развитие рынка труда, прежде всего молодежного, обновление основных фондов предприятий оказалось в выигрыше дважды: во-первых, мастерски переложив бремя обязательных социальных расходов (ФОМС, пенсионный фонд и пр.) с себя на фрилансеров, а во-вторых, получив новый и весьма существенный источник дохода в виде налогов от них же. Нам остается только снять шляпу перед изобретательностью злых гениев от власти и искренне пожалеть наивную молодежь, позволившую добровольно посадить себя на крючок фриланса.

Однако, на наш взгляд, гораздо большая опасность таится не столько в том, что фриланс изначально ставит работника в заранее проигрышное положение (хотя некоторые, возможно, действительно найдут в нем больше плюсов, чем минусов), а в слишком стремительном росте числа фрилансеров на мировом рынке труда, что на фоне возможности в ряде случаев осуществлять деятельность трансгранично (программирование, преподавание, блоггинг) приводит к существенному усилению конкурентного давления на всех участников рынка.

В результате, многомиллионная армада фрилансеров, существенно пополнившая в последнее время свои ряды оставшимися без работы людьми, неустанно требует увеличения количества заказов, однако стремительно сокращающаяся покупательная способность населения вкупе с крайне пессимистичными прогнозами в отношении скорости и возможности восстановления основных мировых экономик, напротив, вызвали обвал количества заказов на их услуги, что, естественно, привело к демпингу цен на них.

Оказавшись в условиях жесточайшей конкуренции, начинающему фрилансеру, как правило, слабо разбирающемуся во всех тонкостях онлайн маркетинга, зачастую не остается ничего иного кроме как прибегнуть к креативу, т.е. попыткам создать легко узнаваемый, непохожий на других образ самого себя или собственных услуг (продукции), который бы выигрышно

выделял его из бесконечного количества подобных предложений на рынке. В случае успеха это гарантировало бы фрилансеру существенное расширение своей целевой аудитории и, как следствие, рост доходов от коммерциализации своей деятельности.

Заметим, что идея поместить креативность, под которой мы понимаем способность создавать нечто новое и оригинальное, в основу развития постиндустриальной экономики отнюдь не нова.

Еще в середине прошлого века авторитетный американский теоретик менеджмента Питер Друкер заявил, что во главе постиндустриальной экономики встанет «интеллектуальный работник», что приведет к образованию нового социального порядка, в котором в выигрышном положении окажутся те, кто будет обладать знаниями и сможет творчески решать нестандартные задачи [3].

Идеи Друкера получили дальнейшее развитие в работе американского социолога Р.Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». По мнению автора, основу современной западной экономики составляют уже не столько непосредственно знания, сколько креативность, которая «стала решающим фактором конкурентного преимущества. Практически во всех отраслях – от автомобилестроения до индустрии моды, от пищевой промышленности до информационных технологий – в долгосрочной перспективе побеждает тот, кто способен творить» [4, с. 31].

Р. Флорида выделяет новый социальный класс – «креативный класс», который объединяет всех тех, кого причисляют к так называемому «креативному этосу», ценящему творчество, оригинальность.

Структурно креативный класс состоит из двух частей: ядра, представленного людьми, занятыми в «научной и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, музыке и индустрии развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий» [4, с. 31], и креативных профессионалов, занятых в финансовой, юридической и ряде иных видах деятельности.

Креативный класс, по мнению Р. Флориды, представлен довольно широко и составляет от трети до половины трудовых ресурсов в развитых странах Западной Европы, Азии, Северной Америки.

Основное же отличие между креативным и иными классами состоит в специфике выполняемой ими работы: если первые получают оплату за интеллектуальный труд или социальные навыки, то представители других классов, как правило, выполняют монотонную, хотя в некоторых случаях и высококвалифицированную работу. Другой отличительной чертой креативного

класса являются нормы поведения, для которых характерны индивидуальность, самовыражение и толерантность к представителям иных классов и культур.

Вернемся к фрилансерам. На первый взгляд, может показаться, что апеллирование к креативности в своей профессиональной деятельности открывает перед ними поистине безграничные возможности в части собственного саморазвития, реализации своих творческих замыслов и профессионального роста, однако, в действительности ситуация выглядит не столь радужно.

Если мы проанализируем рейтинги наиболее популярных фрилансеров, работающих онлайн (видеоблогеров, преподавателей, музыкантов и пр.), то мы к удивлению обнаружим, что большая часть из них обладает весьма посредственными (если вообще какими-либо) знаниями в своей предметной области. Как же им тогда удастся собирать многомиллионные армии подписчиков? Все дело в маркетинге и навыках самопрезентации.

Столь сильный интерес к ним и их «продукции» объясняется их умением выразительно визуализировать контент, «поймать хайп», что на фоне усиливающейся интеллектуальной и культурной деградации современного общества происходит в большинстве случаев через апеллирование к самым примитивным потребностям жадной до зрелищ публики. Минимум текстовой информации, сочный гипернасыщенный цветовой фон, динамичный видеоряд из бессмысленных образов, однообразное музыкальное сопровождение, ненормативная лексика – вот тот нехитрый набор инструментов, который способен превратить любой контент в шоу. Клоунада окончательно вытеснила профессионализм в медиaprостранстве. В результате «подлинное» творчество, понимаемое нами как деятельность, направленная на создание нового продукта, который, помимо всего прочего, должен обладать и определенной *общественной* полезностью, постепенно подменяется так называемой «суррогатным» творчеством, цель которого – максимальный эпатаж публики, при этом общественная полезность (как и иная другая) остается вынесенной за скобки понимания творящего. Медиaprостранство стремительно заполняется всевозможными фриками, которые готовы продемонстрировать все грани своего безумного гения ради одной единственной цели – коммерциализации своей псевдокреативности.

На наш взгляд, основная угроза подобной профессиональной деградации кроется в том, что подобные «специалисты» не просто размывают культурные и интеллектуальные нормы, превращая некогда шокирующее в повседневную обыденность, их основной удар направлен на дискредитацию молодежной интеллигенции. Каждое их слово, действие стремится доказать более молодому поколению, что если ты хочешь добиться успеха в жизни (под которым

понимается исключительно слава и деньги любой ценой), необходимо быть дерзким, наглым и эпатажным. Подобные установки не могут не влиять на молодые умы, и вот уже мы видим, как интеллигентные юноши или девушки, делающие первые робкие шаги в профессии, вынуждены в буквальном смысле приносить в жертву свои светлые мечты о пользе, которую они могли бы принести окружающим людям, свой профессионализм, серьезное и ответственное отношение к делу во имя коммерциализации своего ремесла.

Более того, подобная тенденция приобретает все более изощренные формы и, словно расплзающаяся по телу раковая опухоль, начинает угрожать даже тем отраслям деятельности, которые, как нам ранее казалось, традиционно обладают к ней довольно стойким иммунитетом, например, образованию. В одной из наших работ мы уже приводили пример преподавателя одного из лицеев ВШЭ, который прочитал лекцию по отечественной истории в виде рэп речетатива [5].

По окончании просмотра данного видео возникает вопрос: какие мотивы, помимо банальных лайков в сети и роста сомнительной популярности, заставили без сомнения интеллигентного доцента одного из престижнейших вузов страны повествовать об истории нашей Родины языком американских уличных банд? И самое главное – что из услышанного задержалось в головах тех восторженных студентов по окончании сего действия?

Молодые специалисты как при выборе будущей профессии, так и при трудоустройстве также должны учитывать те изменения, которые будут претерпевать привычные нам профессии, а также появление новых. В этом им может помочь «Атлас новых профессий», разработанный специалистами Агентства стратегических инициатив и Московской школы управления Сколково в 2014 г., согласно которому прогнозируется появление целого ряда принципиально новых профессий, например, куратор коллективного творчества или тренер творческих состояний [6].

Куратор коллективного творчества будет выступать в роли медиатора конкретного творческого процесса в рамках арт-групп, причем последняя может состоять не только из художников, но и программистов, инженеров и специалистов из других отраслей.

В задачи куратора коллективного творчества (которого авторы исследования назвали «специалистом по майнд-фитнесу») будет входить приведение «людей творческих профессий в «состояние потока» и в другие состояния, характеризующиеся повышенной креативностью. Он также занимается и развитием осознанности, поскольку одна из важных задач художника – постоянное переосмысление реальности.

Таким образом, коренная ломка прежней системы трудоустройства, связанная, прежде всего, с изменением форм занятости и появлением принципиально новых профессий, требует от молодежи мобилизации своего творческого потенциала, что поможет им найти свое место на рынке труда.

Список литературы

1. Российский рынок труда: тенденции институты, структурные изменения. Под редакцией В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова и С. Рощина // Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и лаборатории исследования рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ. Москва, 2017.
2. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. №2. С. 45–55.
3. Drucker P. The age of discontinuity guidelines to our changing society. New Jersey, 1992. 364 p.
4. Флорида Р. «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» / Р.Флорида. Классика – XXI, 2005. 430 с.
5. Попель А.А. Экологические аспекты реализации креативного потенциала сотрудника в условиях вызовов на рынке труда. Семейная экосистема человека: монография / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: Изд-ство НИСОЦ, 2018. 225 с.
6. Атлас новых профессий. URL: <http://atlas100.ru/catalog/> (Дата обращения: 12.08.2020).

**ЛИДЕРЫ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ – ОСНОВА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ОБОРОННОГО ПРОФИЛЯ
LEADERS OF LABOR COLLECTIVES – THE BASIS OF HUMAN
CAPITAL OF MODERN DEFENSE ENTERPRISES**

Е.В. Сайгина
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
E.V. Saigina
Lobachevsky University

Рассмотрены результаты исследования особенностей профессиональной мотивации и стилей межличностных отношений победителей программы выявления лидеров трудовых коллективов на примере предприятий оборонного холдинга. Разработаны рекомендации по организации работы, направленной на личностное развитие будущих управленцев.

The results of the study of the features of professional motivation and styles of interpersonal relations among the winners of the program for identifying leaders of

labor collectives are considered on the example of enterprises of a defense holding. Recommendations have been developed for organizing work aimed at the personal development of future managers.

Ключевые слова: стили межличностных отношений, профессиональная мотивация, личностное развитие, программа выявления лидеров

Keywords: interpersonal relation styles, professional motivation, personal development, leadership identification programs

Одной из важнейших стратегических задач, которой в настоящее время уделяется большое внимание в нашей стране, является развитие человеческого капитала. На уровне организаций данная задача успешно решается через поиск, развитие и дальнейшее продвижение перспективных молодых руководителей. В 2017 г. впервые был проведен масштабный конкурс «Лидеры России». Как отметил президент РФ В.В. Путин, данные проекты «не связаны с какой-то карьерной лестницей, только с созданием возможности для дальнейшего роста» [1].

Оборонные предприятия, отличающиеся высокой наукоёмкостью выпускаемой продукции, традиционно занимаются данными вопросами. Так, АО «Концерн ВКО «Алмаз – Антей» еще в 2016 г. разработал корпоративную программу выявления лидеров трудовых коллективов дочерних обществ [2]. Цель программы – создание условий для профессионального и личностного развития молодых лидеров, будущих управленцев различных уровней. В течение 2017-2018 гг. состоялись заочные и очные этапы программы. Лекционные занятия и дискуссии, проектные задания, прохождение психологического тестирования, интеллектуальные конкурсы и спортивные соревнования позволили участникам проявить лидерские качества.

Цель данной статьи – анализ особенностей профессиональной мотивации и стилей межличностных отношений молодежных лидеров – победителей программы, а также разработка на его основе рекомендаций для их дальнейшего развития как эффективных управленцев.

Описание процедуры исследования

Объект исследования: личностные особенности победителей программы выявления лидеров. Предмет исследования: особенности ведущих типов профессиональной мотивации и стилей межличностных отношений молодежных лидеров.

Выборка: 49 сотрудников дочерних обществ оборонного холдинга, из них 70% – мужчины, 30% – женщины. Средний возраст – 28 лет.

Методы исследования: методика «Диагностика межличностных отношений» (ДМО) Л.Н. Собчик [3], тест оценки мотивации

В.И. Герчикова [4], методы математической статистики (U-критерий Манна-Уитни, ранговый коэффициент корреляции Спирмена).

Анализ результатов исследования

1) Взаимосвязь стилей межличностных отношений

Наибольшее количество значимых корреляционных связей выявлено между показателями стилей межличностных отношений [5]. Властно-лидирующий стиль связан с независимо-доминирующим ($r=0,49$, $p<0,05$) и прямолинейно-агрессивным ($r=0,33$, $p<0,05$) стилями. Независимо-доминирующий стиль связан с прямолинейно-агрессивным стилем ($r=0,53$, $p<0,05$), а прямолинейно-агрессивный стиль – с недоверчиво-скептическим ($r=0,33$, $p<0,05$). Участники исследования в межличностных отношениях стремятся оказывать большее влияние на других людей, проявлять настойчивость, целеустремленность, независимость, что характерно для лидерской позиции. Властно-лидирующий стиль связан с сотрудничающе-конвенциональным ($r=0,28$, $p<0,05$) стилем. В социально значимых ситуациях лидерские качества компенсируются ориентацией на потребности коллектива.

Недоверчиво-скептический стиль связан с покорно-застенчивым ($r=0,45$, $p<0,05$) и с зависимо-послушным ($r=0,42$, $p<0,05$) стилями. Покорно-застенчивый стиль связан с зависимо-послушным ($r=0,66$, $p<0,05$), сотрудничающе-конвенциональным ($r=0,30$, $p<0,05$) и ответственно-великодушным ($r=0,52$, $p<0,05$) стилями. Сотрудничающе-конвенциональный стиль связан с ответственно-великодушным стилем ($r=0,65$, $p<0,05$). Проявление участниками исследования чувствительности и ориентированности на внешние факторы связано со стремлением создавать в коллективе благоприятную атмосферу, завоевывать авторитет коллег. Таким образом, в реальной модели отношений показатели стилей, отражающих направленность к лидерству и доминированию, преимущественно связаны друг с другом, а не с показателями стилей, характеризующих направленность на сотрудничество и ориентированность на мнение.

2) Взаимосвязь стилей межличностных отношений и типов трудовой мотивации

Профессиональный тип трудовой мотивации выражен на высоком уровне у 57% участников исследования. Для них большое значение имеет возможность развития профессиональных компетенций, свобода в оперативных действиях. Тем не менее, это не связано со стремлением к лидерству в общении с руководителями и коллегами по работе. Стремление к лидерству остается нереализованным в профессиональной сфере. Значимых корреляционных связей профессионального типа мотивации со стилями межличностных отношений выявлено не было. Возможно, в условиях сложившейся на

предприятиях оборонного холдинга организационной культуры участники исследования не находят возможностей для реализации своего лидерского потенциала либо ставят перед собой такие профессиональные цели, реализация которых может быть затруднена в силу объективных причин. Хозяйский тип профессиональной мотивации связан с покорно-застенчивым ($r=-0,31$, $p<0,05$) и зависимо-послушным стилями общения ($r=-0,38$, $p<0,05$). При этом следует обратить особое внимание, что указанные корреляции имеют отрицательное значение. Работники с хозяйским типом мотивации в общении с окружающими могут проявлять настойчивость, в некоторых ситуациях агрессивность, жесткость, скептицизм. Они негативно реагируют на контроль со стороны, стремятся действовать самостоятельно и брать на себя ответственность за принятые решения. Патриотический тип мотивации связан с сотрудничающе-конвенциональным стилем общения ($r=0,34$, $p<0,05$). У работников с преобладанием данного типа мотивации выражена потребность в общественном признании, поэтому они стремятся к сотрудничеству, проявляют чувствительность к эмоциональному настрою коллектива. Публичное поощрение результатов работы, акцентирование внимания на значимости вклада в общее дело – необходимые мотиваторы для повышения эффективности деятельности таких специалистов. Люмпенизированный тип мотивации у подавляющего большинства участников исследования (90%) выражен на низком уровне. Независимо-доминирующий и прямолинейно-агрессивный стили отношений связаны с люмпенизированным типом трудовой мотивации. В качестве основной причины здесь видится то обстоятельство, что в условиях сложившейся на предприятиях оборонного холдинга организационной культуры, а также в силу молодого возраста активность и инициативы участников исследования не всегда положительно воспринимаются руководителями и более опытными коллегами.

Выводы

1. Победители программы в межличностных отношениях стремятся акцентировать лидерские качества, оказывать большее влияние на окружающих, проявлять активность, настойчивость, целеустремленность. Подобное поведение в некоторых ситуациях может затруднять взаимоотношения с руководителями и коллегами, поэтому у участников исследования важно развивать более гибкие, ориентированные на учет ситуативных факторов способы общения.

2. Стремление к совершенствованию профессиональных компетенций, к достижению высоких результатов в работе являются наиболее яркими индивидуальными качествами победителей программы. Эффективность их

деятельности во многом зависит от возможности реализации потребности в профессиональном развитии.

3. Для реализации лидерского потенциала в профессиональной сфере требуется умение формулировать профессиональные цели и корректировать их в соответствии с условиями организационной культуры конкретного предприятия. Данное направление развития рассматривается в качестве неотъемлемой составляющей дальнейшей работы с лидерами.

Список литературы

1. Встреча с финалистами Всероссийского конкурса управленцев «Лидеры России» / Новости, Выступления и стенограммы. Дата публикации: 12 февраля 2018 года, 18:00 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56846> (Дата обращения: 10.09.2018 г.).

2. Большаков Д.Ю., Ерошин С.Е., Козлов Г.В., Москалев А.Ю., Новиков Я.В., Орлов Д.В., Федоров В.В., Яковлева С.В. Выявление лидеров трудовых коллективов: Программа Концерта ВКО «Алмаз – Антей». Москва: «Новое время», 2018. 180 с.

3. Собчик Л.Н. Диагностика межличностных отношений. Практическое руководство к традиционному и компьютерному вариантам теста. М.: ООО «Компания БОРГЕС». 2010. 52 с.

4. Герчиков В.И. Типологическая концепция трудовой мотивации. Часть 1 // Мотивация и оплата труда. №2. 2005. С. 53–62.

5. Башкатова Ю.А., Коробейникова Е.В. Личностное развитие как важная составляющая работы с лидерами трудовых коллективов АО «Концерт ВКО «Алмаз-Антей» // Вестник Концерта ВКО «Алмаз – Антей». 2018. №3. С. 4–11.

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА И СОДЕРЖАНИЯ ТРУДА КРЕАТИВНОГО КЛАССА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ CHANGING THE NATURE AND CONTENT OF CREATIVE CLASS WORK IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY

А.В. Седлецкий
*Пензенский государственный университет,
г. Пенза*
A.V. Sedletsky
*Penza State University,
Penza*

В условиях постиндустриального общества особенности изменения характера и содержания труда креативных работников выражаются: в усложнении орудий труда, повышении ответственности работников за создание

конечного продукта, частичном преодолении отчуждения работника от средств производства, росте индивидуализации труда, возрастании роли творчества в трудовом процессе.

In a post-industrial society, the peculiarities of changing the nature and content of creative workers' work are expressed in the complexity of tools, increasing the responsibility of employees for creating the final product, partially overcoming the alienation of the employee from the means of production, increasing the individualization of labor, and increasing the role of creativity in the labor process.

Ключевые слова: характер труда, содержание труда, креативный класс, постиндустриальное общество

Keywords: the nature of work, the content of work, the creative class, post-industrial society

Особенности современного постиндустриального общества во многом характеризуются существенными изменениями в процессах трудовой деятельности, в организации труда, в структуре занятости. Эти глубокие перемены ставят перед наукой проблему эволюции содержания и характера труда. Трансформация традиционной трудовой деятельности происходит в обществе, модифицированном научно-техническим прогрессом и новыми формами взаимодействия классов и социальных групп. В этих условиях нуждаются в серьезном изучении противоречия эволюции творческого содержания труда креативного класса и обусловленные этими изменениями экономические формы организации труда.

Исследование проблемы трансформации труда как репродуктивной, несвободной деятельности, обусловленной материальной мотивацией, имеющей своим продуктом воспроизводимый, в основном неуникальный продукт в направлении творческой деятельности, отвечающей потребностям саморазвития работника, нематериально мотивированной, создающей невоспроизводимые, а часто нестандартизованные и индивидуально-ориентированные продукты, является чрезвычайно важным в современных условиях [1].

Проблемы позитивных и негативных аспектов этой трансформации, ее противоречий стоят особенно остро именно в постиндустриальном обществе, характеризующиеся: 1) в сфере производства изменением структуры отраслей производства, с точки зрения уменьшения в ВВП стран удельного веса материального производства и увеличения удельного веса сферы услуг, особенно ее секторов, ориентированных на «индивидуальные услуги», например, в сфере образования и здравоохранения; увеличением «знаниеемкости» производства, его автоматизации и компьютеризации; 2) в социальной сфере – модификацией существующей классовой структуры, новых аспектах

отношений, обусловленных иными мотивами и иными типами вовлекаемых в производства и взаимодействие между людьми ресурсами [2].

Новое содержание труда выражается:

- в использовании человеком в своей деятельности более сложных орудий труда, человеческая деятельность в сфере материального и нематериального производства в развитых странах сегодня повсеместно автоматизируется, что в отдельных случаях является источником социального напряжения;

- по мнению большинства исследователей постиндустриального общества, тейлоровская система, вовлекающая работника в выполнение отдельных операций, уступает место более целостной деятельности: а) более разнообразной, многооперационной деятельности; деятельность человека «интеллектуализируется»; б) нередкой для работника необходимости быть знакомым со всеми этапами технологического процесса, осознании своей роли в нем; в) ответственности небольшого количества работников за создание конечного продукта или законченной части продукта; возрастании объема контрольных операций, которые требуют обостренной реакции, особого внимания, психологического напряжения;

- необходимости самостоятельно принимать решения, рационально использовать ресурсы;

- частичном преодолении отчуждения работника от средств производства, так как главное средство производства информационной эпохи – компьютер может сегодня принадлежать любому человеку в развитых странах Запада, Америки, Японии.

Изменения характера труда выражаются в том, что труд сегодня, по мнению значительного количества ученых, является более творческим, свободным, атомизируется. На смену коллективному характеру труда в творческих коллективах и на производстве приходит индивидуализированный труд, в основном с использованием универсального сегодня средства труда – компьютера [3].

Новое качество рабочей силы выражается:

- в трансформации традиционной отраслевой и квалификационной структуры занятых;

- смещении к занятости в экономике услуг и информации;

- увеличении образовательного уровня совокупного работника;

- формировании новой системы трудовых мотиваций, связанных с потребностями в самореализации, самосовершенствовании.

Противоречия развития творческой деятельности при переходе к постиндустриальному обществу в развитых странах имеют несколько аспектов, это:

- проблемы соотношения репродуктивной и действительно творческой составляющих деятельности в процессе «нового» (связанного с генезисом постиндустриального общества) труда;

- противоречия трансформации традиционных отношений собственности в свете изменения характера и содержания труда;

- противоречия развития новых форм управления производством;

- противоречия развития новых форм занятости [4].

Таким образом, проблема изменения характера и содержания труда креативного класса приобретает актуальность в России, где, с одной стороны, сохраняется достаточно высокий потенциал развития творческого труда в сферах науки, культуры и образования, а с другой стороны, имеются трудности на пути дальнейшего развития инновационного потенциала. Реверсивный ход целого ряда фундаментальных социально-экономических закономерностей, в том числе и перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, проявился в негативных социально-экономических последствиях. В то же время существуют процессы, способствующие развитию творческой деятельности в условиях современного российского общества. Анализ противоречий, возможностей развития творческого по содержанию труда приобретает научную и практическую актуальность, с точки зрения создания устойчивых факторов социального и экономического развития в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Креативный класс и проблемы развития инновационных систем в экономике. М., 2012. 127 с.

2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т2: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. Изд.4-е. М.: ЛЕНАНД, 2018. 888 с.; Флорида Р. Креативный класс: люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.

3. Полутин С.В., Седлецкий А.В. Интеграция высшей школы как социального института в инновационную систему России//Интеграция образования. 2011. №1 (62). С. 3–9.

4. Кошарная Г.Б., Ксенофондова Х.З. Новая управленческая интеллигенция как социально-профессиональная группа на промышленных предприятиях Пензенской области// Регионология. 2018. Т.26. №3 (104). С. 460–473.

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА:
ПРАКТИКА И ОЖИДАНИЯ***
**DIFFERENTIATION OF SUBJECTS OF PARENTAL LABOR: PRACTICE
AND EXPECTATIONS**

С.В. Черешова
*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*
S.V. Chereshova
Ural Federal University, Ekaterinburg

Рассматривается вопрос о возможном круге лиц, вовлекаемых в процесс воспроизводства человеческих ресурсов, об ожидаемом такими лицами вознаграждении за свой труд и необходимости ориентации при разработке мер государственной демографической политики на весь спектр субъектов родительского труда с учетом ожидаемых такими субъектами мер стимулирования.

In the article, the author considers the question of the possible range of persons involved in the process of reproduction of human resources, the expected remuneration for their work by such persons, and the need to focus on the entire range of subjects of parental labor in the development of state demographic policy measures, taking into account the incentive measures expected by such subjects.

Ключевые слова: родительский труд, субъект родительского труда, вознаграждение, семья, идентификационные установки

Keywords: parental labor, subject of parental labor, remuneration, family, identification settings

В результате последовательного принятия сначала Концепции государственной демографической политики Российской Федерации [1], затем Концепции государственной семейной политики Российской Федерации [2] и в их развитие Национального проекта «Демография» [3] в современном российском обществе базовым объектом поддержки в сфере воспроизводства человеческих ресурсов на государственном уровне стала семья, а единственно признаваемым субъектом родительского труда – родители с детьми. Между тем в научной литературе к возможным субъектам родительского труда относят гораздо более широкий круг лиц, в частности, это и учреждения образования, здравоохранения, культуры и спорта, бизнес-

* Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

сообщество, и государство и общество в целом [4, с. 60]. Но что думают по этому поводу сами реальные субъекты родительского труда? Готовы ли они рассматривать кого-либо еще, помимо родителей и семьи, в качестве исполнителей родительского труда и какой поддержки от государства в этой сфере ожидают? Ведь как справедливо отмечает Ж.В. Чернова, государство декларирует важность семейной политики и поддержки рождаемости, но лишь ограниченно удовлетворяет реальные бытовые запросы, с которыми сталкиваются конкретные исполнители родительского труда [5, с. 52].

В 2018 г. в г. Екатеринбурге нами было проведено социологическое исследование (всего опрошено более 600 человек, квотная выборка по полу, возрасту, характеру участия в выполнении родительского труда), в ходе которого мы просили респондентов, в числе прочих, дать ответ на два вопроса: кто, по их мнению, должен заниматься родительским трудом, и кто не должен входить в круг субъектов родительского труда. Каждому респонденту было предложено выбрать из списка возможных субъектов родительского труда три наиболее желательных исполнителя и три наиболее нежелательных субъекта для занятия родительским трудом.

Характер представлений опрошенных о том, кто должен заниматься родительским трудом, а кто является его нежелательным субъектом, позволил выделить два типа идентификационных установок: ориентированные на ограниченный круг субъектов родительского труда и ориентированные на расширенный круг субъектов родительского труда. Более половины опрошенных (63%) ориентируются на ограниченный круг субъектов и готовы рассматривать в качестве исполнителей родительского труда исключительно частных лиц: родителей, родственников и частных наемных работников (нянь, тьюторов). Чуть более трети опрошенных (37%) готовы сочетать родительские обязанности с институциональными формами и включают в круг желательных субъектов родительского труда не только дошкольные образовательные учреждения и школу, но и «государство в целом».

Учитывая, что на уровне общих суждений и оценок большинство респондентов понимают родительский труд как полноценную трудовую деятельность, предполагающую награду за свое выполнение (в первую очередь – финансовую), еще одним важным вопросом, определяющим поведение субъекта родительского труда, является характер представлений о вознаграждении.

Мнения респондентов (см. табл. 1) распределились между двумя полярными позициями: положительное отношение к вознаграждению (считают, что родительский труд должен вознаграждаться) и отрицательное отношение к вознаграждению (не считают, что родительский труд должен вознаграждаться).

Отношение к вознаграждению родительского труда (по типам идентификационных установок опрошенных), в %

Отношение к вознаграждению за родительский труд	Расширенный круг субъектов (с привлечением государственных институтов)	Ограниченный, частный круг субъектов
Родительский труд должен вознаграждаться	80,5%	51,9%
Родительский труд НЕ должен вознаграждаться	19,5%	48,1%
Итого	100%	100%

Ответы показывают, что между ориентацией на сотрудничество с государством в сфере родительского труда и потребностью в вознаграждении существует взаимосвязь. Так, среди респондентов, нацеленных на ограниченный круг субъектов (рассчитывающих только на семью и наемных работников), только 52% поддерживают идею вознаграждения родительского труда. В то же время среди респондентов, нацеленных на широкий круг субъектов, с активной ролью государственных институтов, такую точку зрения разделяют уже значительно большее число людей (81%). Коэффициент корреляции (*коэффициент Крамера 0,283*) подчеркивает относительно важную взаимосвязь: чем чаще государство включается в круг приоритетных субъектов родительского труда, тем чаще признается необходимость вознаграждения за такой труд. При этом респонденты, ориентированные на внутрисемейный круг и частных наемных работников, более ориентированы на неденежные формы вознаграждения (см. рис. 1).

Для большинства респондентов, ориентированных на ограниченный круг субъектов родительского труда, важными формами вознаграждения являются счастье детей (82%) и благодарность детей (62%). Респонденты, ориентированные на расширенный круг субъектов родительского труда, говорят об этом соответственно в 2 и в 1,5 раза реже. Интересным представляется, что для респондентов, ориентированных на расширенный круг субъектов родительского труда, в качестве приоритетных нематериальных форм вознаграждения почти в 3 раза чаще, чем у ориентированных на ограниченный круг субъектов, выступает чувство самореализации и в 4 раза чаще – льготное медицинское обслуживание.

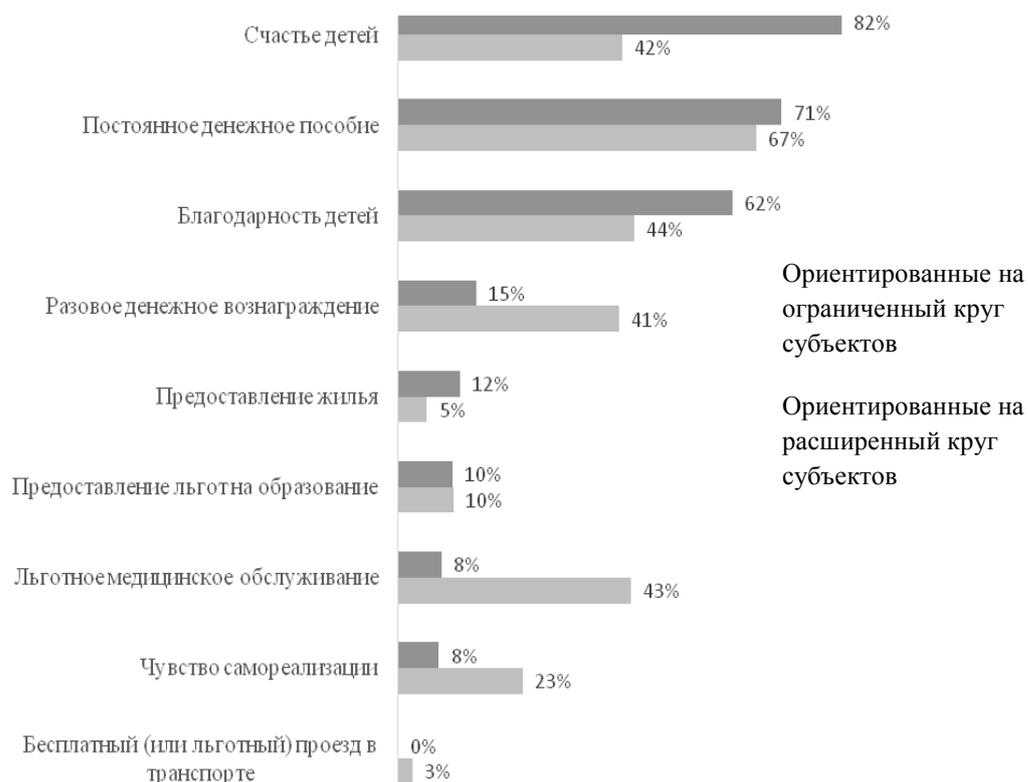

Рис.1 Мнения респондентов о приоритетных формах вознаграждения родительского труда

Что же касается материальных форм вознаграждения, то респонденты и с тем, и с другим типами идентификационных установок демонстрируют единодушие только в отношении постоянного денежного пособия, желательность которого отмечается респондентами обоих типов примерно в равной степени. Значимость разового денежного пособия отмечает лишь 15% респондентов, ориентированных на ограниченный круг субъектов родительского труда, – это в 4 раза меньше, чем среди респондентов, ориентированных на расширенный круг субъектов родительского труда.

Таким образом, реальные субъекты родительского труда готовы рассматривать в качестве исполнителей не только родителей и не сводят государственную поддержку исключительно к выплате постоянного денежного пособия. Включение тех или иных институциональных форм в круг субъектов родительского труда в сочетании с видами ожидаемых такими субъектами вознаграждений позволяет дифференцировать не только круг таких субъектов, но и меры их поддержки, более адресно удовлетворять реальные запросы субъектов родительского труда и в результате более эффективно регулировать вопросы их включенности в процесс воспроизводства человеческих ресурсов.

Список литературы

1. Концепция демографической политики в Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (Дата обращения: 23.02.2020).
2. Концепция государственной семейной в Российской Федерации на период до 2025 года // Российская газета RG.RU [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (Дата обращения: 23.02.2020).
3. Национальный проект «Демография»// Минтруд России [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (Дата обращения: 23.02.2020).
4. Внуковская Т.Н. Теория и методология рисков репродуктивного труда. М.: Мир науки. 2014. 252 с.
5. Чернова Ж.В. Родительство в современной России: политика государства и гражданские инициативы // Мониторинг общественного мнения. 2013. №.7. С. 51–61.

**КОРПОРАТИВНАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК СПОСОБ
ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
СТИМУЛИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА
РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЯ***

**CORPORATE DEMOGRAPHIC POLICY AS A WAY TO INCREASE THE
SOCIAL EFFECTIVENESS OF STIMULATING THE PARENTAL WORK
OF ENTERPRISE EMPLOYEES**

Н.В. Шутова
*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*
N.V. Shutova
*Ural Federal University,
Ekaterinburg*

Предложен механизм повышения социальной эффективности стимулирования родительского труда на предприятии. В его основе – систематизация и закрепление целей и правил стимулирующего воздействия со стороны работодателя; развитие инструментальной основы мотивационного процесса; выстраивание систем мониторинга и контроля эффективности.

* Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

Практическое воплощение механизма – разработка и утверждение корпоративной демографической политики.

The article proposes a mechanism for increasing the social effectiveness of stimulating parental labor in the enterprise. It is based on the systematization and consolidation of the goals and rules of the stimulating effect on the part of the employer; development of the instrumental basis of the motivational process; building monitoring and efficiency control systems. The practical embodiment of the mechanism is the development and approval of corporate demographic policy.

Ключевые слова: родительский труд, социальная эффективность, корпоративная демографическая политика

Keywords: parental work, social efficiency, corporate demographic policy

В современных неблагоприятных демографических условиях решение вопросов воспроизводства населения и развития человеческого капитала возможно с помощью эффективного стимулирования родительства как явления в целом и родительского труда, в частности. В связи с этим государство заинтересовано в реализации организациями, действующими в Российской Федерации, социальных программ по поддержке работников с детьми, оказывающих стимулирующее воздействие на работников и побуждающих их к реализации родительского труда.

Основным показателем, позволяющим оценить результаты стимулирования родительского труда на уровне работодателя, выступает его социальная эффективность. Проблема социальной эффективности считается дискуссионной, так как до настоящего времени не сложилось единого и общепринятого определения этой категории и не создана универсальная методика ее измерения. Различные ученые определяют социальную эффективность как отношение результата к затратам [1], как степень достижения поставленных целей – результативность [2], как формирование и удовлетворение потребностей человека [3] и как источник развития и потенциала личности [4]. Социальная эффективность – это результат действия всех элементов системы социальных взаимосвязей государства, социальных групп и индивидов в их совокупности, отражающий социальные эффекты от произведенных затрат (экономических, временных и т.д.) и характеризующийся достижением социальных целей и удовлетворением потребностей членов общества. Объединив различные подходы к определению социальной эффективности и раскрывая специфику родительского труда и особенности его стимулирования у работников предприятия, нами предложено следующее обобщающее определение: социальная эффективность стимулирования родительского труда работников – оценка соответствия реализуемой в организации программы стимулирования родительского труда социальным

целям общества и организации, а также удовлетворения разнообразных потребностей работников предприятия.

Следует отметить, что в настоящее время, вероятнее всего, в большинстве организаций России будет наблюдаться отсутствие высоких оценок уровня социальной эффективности стимулирования родительского труда работников. Это связано с традиционным пониманием стимулирования родительского труда как задачи, прежде всего, государственного уровня.

В качестве возможного и необходимого пути решения проблемы повышения социальной эффективности родительского труда работников, а также в целях совершенствования действующих практик стимулирования родительского труда в организациях предлагается, прежде всего, рассматривать стимулирование родительского труда работников предприятия как часть комплексной корпоративной демографической политики – системы мер, направленных на поддержку потребностей работников предприятия, выполняющих, помимо профессионально-трудовых, еще и функции родительского труда.

В указанном случае повышение социальной эффективности стимулирования родительского труда будет реализовываться в трех взаимосвязанных направлениях:

1) систематизация и закрепление целей, правил, принципов и норм стимулирующего воздействия со стороны работодателя;

2) развитие инструментальной основы мотивационного процесса родительского труда работников;

3) выстраивание систем мониторинга и контроля эффективности реализуемой на предприятии системы поддержки и мотивации родительского труда.

Задачей первого направления является обеспечение комплексности процесса стимулирования родительского труда работников:

а) проведение системного анализа действующей практики стимулирования родительского труда и оценки ее восприятия работающими родителями;

б) выявление проблемных зон, характеризующихся несовпадением ожиданий работников и уровнем их общей удовлетворенности им;

в) привлечение субъектов стимулирования родительского труда, то есть непосредственно самих работающих родителей, выступающих носителями интересов, в процессы совершенствования действующих программ стимулирования родительского труда в организации;

г) определение базовых целей, принципов, норм и правил стимулирования родительского труда на мезоуровне.

В рамках второго направления необходимо расширять спектр материальных стимулов к родительскому труду и диверсифицировать нематериальную основу стимулирования данного вида деятельности.

Определяющую роль в рамках третьего направления развития действующей практики стимулирования родительского труда играют: формирование системы информационно-коммуникационной поддержки стимулирования родительского труда в организации; внедрение системы регулярного мониторинга и оценки социальной эффективности стимулирования родительского труда работников; формирование отчетности, выработка принципов, сроков и форм ее построения, нормативное закрепление основ действующей системы стимулирования родительского труда, общая регламентация процессов контроля над эффективностью стимулирования родительского труда в организации и их последующая реализация.

Завершением разработки (проработки) и систематизации целей, правил, принципов и норм построения в рамках организации соответствующей системы стимулирования родительского труда, расширением инструментальной базы стимулирования родительского труда в организации, выстраиванием системы информационно-коммуникативной поддержки, мониторинга и контроля социальной эффективности стимулирования родительского труда является разработка нормативного обеспечения – единого корпоративного документа, содержащего все положения по новой системе стимулирования родительского труда работников предприятия.

Такая концептуальная основа приведет к тому, что впоследствии практические меры, реализуемые в организации и направленные на создание благоприятных условий для реализации работниками родительского труда, будут иметь комплексный и системный характер.

Список литературы

1. Хачатуров Т.С. Эффективность капитальных вложений. М.: Экономика, 1979. 335 с.
2. Белоусов Р.А. Общий и специальный менеджмент: учебник / Общ. ред. А.Л. Гапоненко; А.П. Панкрухин. М.: Изд-во РАГС, 2000. 568 с.
3. Егоршин А.П. Управление персоналом. Н. Новгород: НИМБ, 1999. 624 с.
4. Шкаратан О.И. Эффективность труда и отношение к труду // Социологические исследования. 1982. №2. С. 22–24.

СЕКЦИЯ 6

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ЗДОРОВЬЯ

ДОКЛАДЫ

**МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ САМОУБИЙСТВ
КАК ПРИЧИНЫ СМЕРТИ В РОССИИ**
**MEDICAL AND DEMOGRAPHIC ANALYSIS OF SUICIDES
AS CAUSES OF DEATH IN RUSSIA**

С.А. Ананьин, А.А. Потапов, Д.А. Потапова (Чеснокова)
*Приволжский исследовательский
медицинский университет Минздрава России,
г. Нижний Новгород*
S.A. Ananyin, A.A. Potapov, D.A. (Potapova) Chesnokova
Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod

Представлены данные статистики суицидов в России. Проведено сравнение российских и зарубежных показателей случаев самоубийств как причины смерти, в том числе по полу и возрасту. Определены основные пути их профилактики.

Data on suicide statistics in Russia are presented. A comparison of Russian and foreign indicators of suicide cases as a cause of death, including by gender and age, was made. The main ways of their prevention are defined.

Ключевые слова: демография, самоубийства, показатели суицидов, Россия
Keywords: demographics, suicides, suicide rates, Russia

Каждые 40 секунд в мире происходит очередное самоубийство. В общей сложности за год счеты с жизнью сводят почти 800 тысяч человек. Таковы данные доклада, опубликованного ВОЗ в сентябре 2019 г. [1]. Причем эти данные не учитывают попытки суицида, которые, по оценкам все той же ВОЗ, совершаются примерно в 20 раз чаще, чем «удавшиеся» самоубийства.

Россия в этой печальной статистике занимает весьма незавидное место, уступая не только своим соседям, но и почти всем остальным странам-членам ВОЗ. В соответствии с докладом Всемирной организации здравоохранения [1], Россия в 2016 г. по числу самоубийств превышала среднемировые показатели в 2,5 раза (26,5 случая на 100 тысяч человек населения – против 10,5). Она входила в первую тройку государств с самыми высокими показателями самоубийств, выше - только у Лесото и Гайаны - 28,9 и 30,2 соответственно

(рис. 1). Однако разброс по странам огромен: где-то он не превышает 5, где-то зашкаливает за 30.

Для сравнения: в Беларуси этот показатель составляет 21,4; на Украине – 18,5; в США - 13,7, в Канаде - 10,4; на Кубе - 10,1; в Израиле – 5,2.

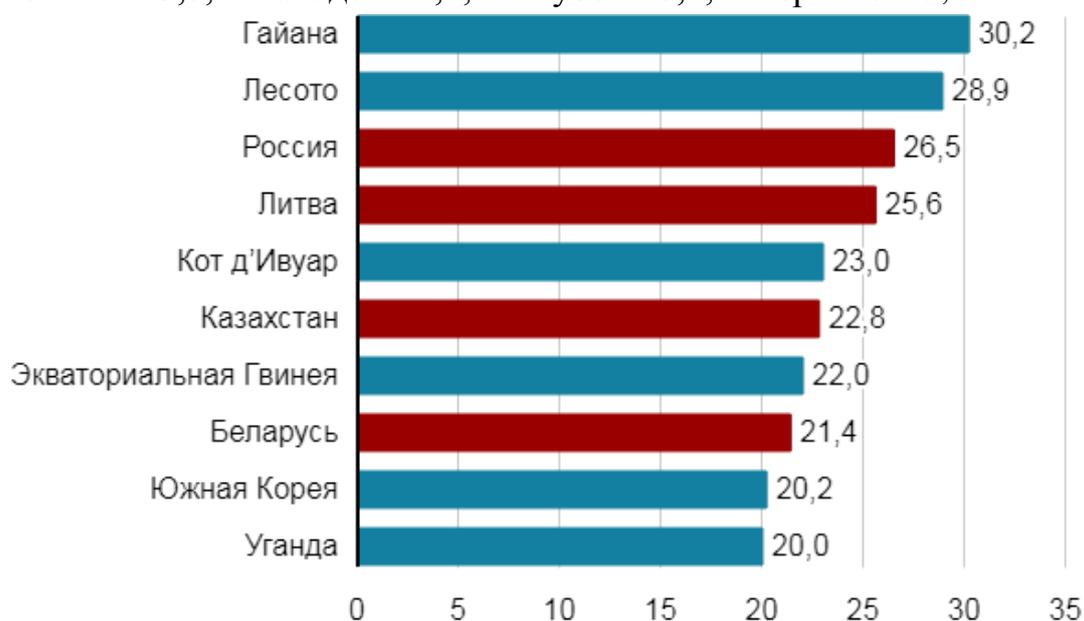

Рис. 1. Страны с самыми высокими показателями самоубийств (число суицидов в 2016 г. на 100 тыс. населения с поправкой на усредненное распределение по возрасту, источник: доклад ВОЗ, 2019 г.)

Если брать в расчет только мужские суициды, то тут РФ и вовсе является абсолютным мировым лидером. Показатель самоубийств среди россиян-мужчин составляет 48,3 на 100 тысяч населения.

Если в среднем по миру мужчин-самоубийц примерно в 1,8 раза больше женщин, то в России этот разрыв превышает среднемировой в несколько раз: россияне-мужчины убивают себя в 6,5 раз чаще, чем женщины. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, из 25 представленных на рисунке 2 стран в России самый высокий показатель среди мужчин – 48,3 случая на 100 000 населения в 2016 г. (в Лесото он в два с лишним раза ниже - 22,7; в Гайане – 46,6). У женщин самый высокий показатель – у Индии – 14,5 случая. В целом, больше мужчин, чем женщин совершают самоубийства, однако есть некоторые исключения. Практически во всем мире мужчины сводят счеты с жизнью значительно чаще, чем женщины – в среднем в 1,8 раза. При этом в странах с высоким доходом этот разрыв увеличивается почти до троекратного, в то время как в более бедных государствах цифры мужских и женских самоубийств отличаются незначительно. Женщины убивают себя чаще мужчин лишь в пяти странах мира: Бангладеш, Китай, Лесото, Марокко и Мьянма. В Китае этот показатель для женщин составляет 8,3, а для мужчин – 7,9.

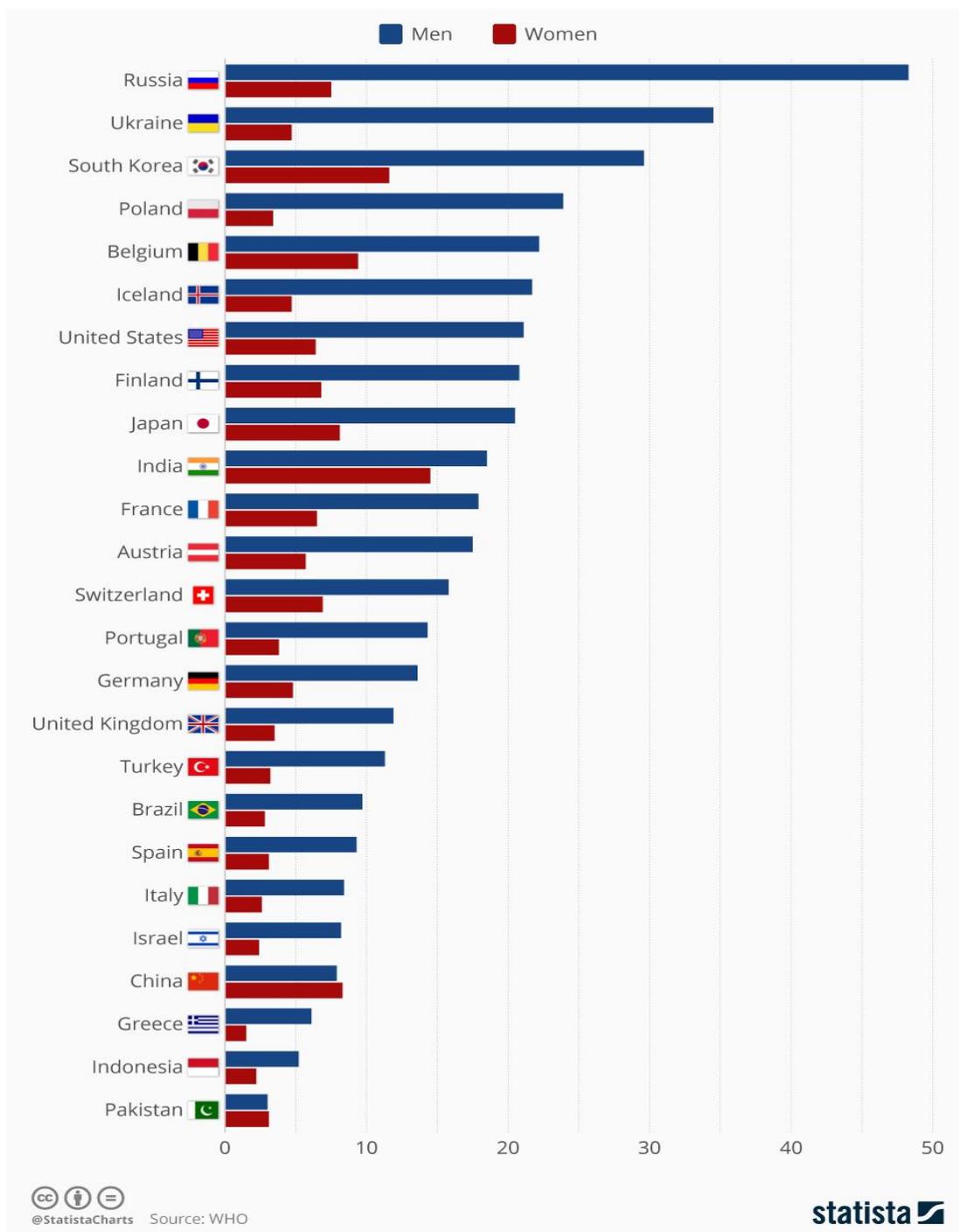

Рис. 2. Показатели смертности от самоубийств по полу по некоторым странам (число суицидов в 2016 г. на 100 тыс. населения с поправкой на усредненное распределение по возрасту, источник: доклад ВОЗ, 2019 г.)

В общей сложности в 2016 г. в Российской Федерации, по данным ВОЗ, покончили с собой 44 673 человека. В пересчете это примерно 122 самоубийства в день, или по пять – каждый час. Таким образом, один житель России сводил счеты с жизнью в среднем каждые 12 минут.

Однако по данным Росстата [2], показатель смертности от самоубийств в 2016 г. составил 15,8 на 100 тысяч человек населения (23 119 абсолютных случая). В 2018 г. он снизился до 11,5 на 100 000 (18 206 случая), что на 10%

ниже по сравнению с 2017 г. В результате уровень суицидальной смертности в стране, по данным официальной статистики, в очередной раз опустился до минимального значения за весь период, по которому имеются сопоставимые данные. Однако всего с 1956 по 2018 год на территории современной России от самоубийств умерло 2 431 281 человек [3; 4].

Несмотря на положительную динамику последних лет, по данным официальной статистики, говорить о существенном улучшении суицидальной ситуации в России в реальности, видимо, пока преждевременно. Параллельно со снижением смертности от самоубийств росла и сохраняется на высоком уровне смертность от так называемых «повреждений с неопределенными намерениями» (ПНН) (рубрики Y10-Y34 Международной классификации болезней и причин смерти, рис. 3). Уровень смертности от ПНН, по мнению экспертов, «компрометирует статистику смертности от внешних причин (прежде всего от таких социально значимых, как убийства, самоубийства, случайные отравления алкоголем)» [4].

Больше половины всех самоубийств, по данным ВОЗ, совершают люди в возрасте до 45 лет. Среди молодежи в возрасте от 15 до 30 лет это вторая самая распространенная причина смерти после дорожных аварий. Она опережает насильственную смерть, то есть себя убивает больше молодых мужчин и женщин, чем погибает в результате терактов, военных действий и любых других конфликтов вместе взятых, включая криминальные и бытовые убийства.

При этом в целом уровень суицидов во всем мире продолжает медленно, но неуклонно снижаться (за исключением Северной и Южной Америки). Быстрее всего это происходит в Европе, где с 2000 г. число самоубийств на душу населения упало более чем на четверть.

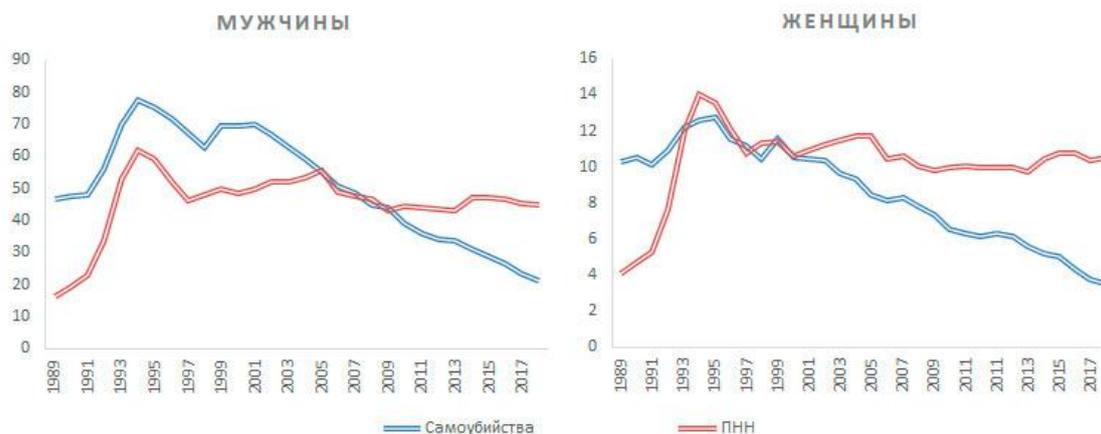

Рис. 3. Стандартизованный коэффициент смертности мужчин и женщин от самоубийств и повреждений с неопределенными намерениями в Российской Федерации, на 100 тыс. населения соответствующего пола, 1989-2018 гг. (при стандартизации использован европейский стандарт населения)

Сегодня из 183 стран, входящих в ВОЗ, принятая на государственном уровне программа по предотвращению суицидов есть только у 38 (в их числе Австралия, Израиль и США), то есть примерно у каждой пятой. ВОЗ настаивает, что ограничение доступа к средствам самоубийства является одной из самых эффективных мер по их предотвращению.

Несмотря на значительные демографические, социальные, экономические и иные потери, в России до сих пор не уделяется должного внимания профилактике самоубийств. В отсутствие общенациональной стратегии по профилактике самоубийств и сохраняющегося высокого уровня смертности от этой причины в значительном числе регионов одним из эффективных способов профилактики суицидов могла бы стать разработка региональных стратегий. Однако анализ регионального законодательства в этой сфере свидетельствует, что в настоящее время регионы не очень активно прибегают к подобному инструменту решения проблемы.

Список литературы

1. World Health Organization; 2018. Global Health Estimates 2016: Deaths by cause, age, sex, by country and by region, 2000-2016. World Health Organization, Geneva.
2. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб./Росстат. М., 2017. 686 с.
3. Васин С., Кренев А. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями // Смертность от внешних причин в России с середины XX века. Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 328–385.
4. Аминов И.Г. Самоубийства и их профилактика в России // Демоскоп Weekly. 2019. № 823-824. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0823/suicide.php> (Дата обращения: 28.08.2020).

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ В РФ MODERN APPROACHES TO RENABILITATION OF PATIENTS IN THE RH

Т.В. Буйлова, Е.А. Северова, Н.В. Иосько, О.А. Голубцова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
T.V. Builova, E.A. Severova, N.V. Iosko, O.A. Golubtsova
Lobachevsky University

Краеугольным камнем современной концепции является: использование мультидисциплинарного подхода, международной классификации функцио-

нирования (МКФ) при постановке реабилитационного диагноза и разработке реабилитационной программы, обязательное формулирование реабилитационных целей и применение шкал, тестов и опросников, позволяющих оценить реабилитационный потенциал, а также изменение состояния пациента на всех уровнях его функционирования.

The cornerstone of the modern concept is: the use of a multidisciplinary approach, the International Classification of Functioning (ICF) when making a rehabilitation diagnosis and developing a rehabilitation programme, the mandatory formulation of rehabilitation objectives and the use of scales, tests and questionnaires to assess the rehabilitation potential as well as changes in the patient's condition at all levels of functioning.

Ключевые слова: медицинская реабилитация, мультидисциплинарная реабилитационная команда, модель реабилитации

Keywords: medical rehabilitation, multidisciplinary rehabilitation team, rehabilitation model

Современная концепция медицинской реабилитации, которая внедряется в России и уже доказала свою эффективность во всех странах Европы и мира за последние 60 лет, предполагает «устранение нарушений для облегчения функционирования пациентов, увеличения их активности и участия в общественной жизни, а также улучшения качества жизни в целом», базируется на принципах раннего начала, непрерывности, преемственности, последовательности, комплексности, обоснованности, индивидуального подхода, мультидисциплинарности и длительности до сохранения положительной динамики [1].

Основные принципы и положения современной концепции реабилитации нашли отражение в Приказе МЗ РФ №788н от 31.07.2020 г «Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых» и Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которому «медицинская реабилитация представляет собой комплекс мероприятий медицинского и психологического характера, направленных на полное или частичное восстановление нарушенных и (или) компенсацию утраченных функций пораженного органа либо системы организма, поддержание функций организма в процессе завершения остро развившегося патологического процесса или обострения хронического патологического процесса в организме, а также на предупреждение, раннюю диагностику и коррекцию возможных нарушений функций поврежденных органов либо систем организма, предупреждение и снижение степени возможной инвалидности, улучшение качества жизни, сохранение работоспособности пациента и его социальную интеграцию в общество» [2].

Согласно «Порядку организации медицинской реабилитации взрослых», «медицинская реабилитация на всех этапах осуществляется мультидисциплинарной реабилитационной командой, в задачи которой входит: оценка реабилитационного статуса пациента и его динамики; установление реабилитационного диагноза, включающего характеристику состояния функционирования и ограничения жизнедеятельности (функции, структуры организма, активности и участия пациента), влияния факторов среды и личностных факторов на основе Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья и его изменения в процессе проведения мероприятий по медицинской реабилитации; оценка реабилитационного потенциала, определяющего уровень максимально возможного восстановления пациента (возвращение к прежней профессиональной или иной трудовой деятельности, сохранение возможности осуществления повседневной деятельности, возвращение способности к самообслуживанию) в намеченный отрезок времени; формирование цели и задач проведения реабилитационных мероприятий; оценка факторов риска проведения реабилитационных мероприятий и факторов, ограничивающих проведение реабилитационных мероприятий; формирование и реализация индивидуального плана медицинской реабилитации (далее – ИПМР); оценка эффективности реализованных в рамках ИПМР реабилитационных мероприятий; составление заключения (реабилитационного эпикриза), содержащего реабилитационный статус, реабилитационный диагноз, реабилитационный потенциал, итоги реализации ИПМР с описанием достигнутой динамики в состоянии пациента, оценку по шкале реабилитационной маршрутизации (далее – ШРМ), рекомендации по дальнейшей тактике ведения пациента.

Описанная выше современная модель реабилитации апробирована нами в реабилитационном центре Нижегородского филиала ФГУП «Московское ПрОП», основным контингентом которого являются больные и инвалиды с двигательными нарушениями, развившимися вследствие травм и заболеваний опорно-двигательного аппарата и нервной системы (спинальной, сочетанной и черепно-мозговой травм, инсульта, остеоартроза и остеохондроза позвоночника, детского церебрального паралича и др.). Важнейшим этапом процесса реабилитации в центре является этап формулирования реабилитационного диагноза, который ставится на основе МКФ с учетом выявленных при первичном осмотре изменений в состоянии пациента не только на уровне «структуры и функции», но и на уровне «активности и участия». Реабилитационный диагноз больных с двигательными нарушениями, как правило, включает в себя домены МКФ, отражающие состояние костной, мышечной тканей, баланса, ходьбы, возможностей передвижения, самообслуживания, активности в повседневной жизни и др. Для анализа

выраженности болевого синдрома применяется визуально-аналоговая шкала (ВАШ) боли. Для оценки мышечной силы нами используются мануальное мышечное тестирование по 6-балльной системе, тест на выносливость различных групп мышц к статической и динамической нагрузке, динамометрия и тензодинамометрия. Для оценки риска падений и функции баланса применяются усложненный тест Ромберга, тест «Встань и иди», шкала равновесия Берга, тест устойчивости стояния, шкала Тинетти (ориентированная на выполнение задания оценка мобильности), шкала эффективности падений и стабиллометрия. Для оценки возможностей передвижения применяются тесты с регистрацией времени и расстояния (10-метровый тест ходьбы, 400-метровой тест ходьбы, тест 4-минутной ходьбы), а также подометрия. Для оценки выраженности психо-эмоциональных нарушений применяется шкала депрессии Бека, шкала Спилбергера-Ханина, Госпитальная шкала тревоги-депрессии. Для анализа жизнедеятельности и факторов окружающей среды применяются Канадская Оценка Выполнения Деятельности (СОРМ) и шкала эрготерапевта для оценки окружения. Для оценки качества жизни и общего уровня здоровья у пациентов используются различные опросники: SF-36 (Short Form-36 Health Survey) и EQ-5D (European Quality of Life instrument).

Мультидисциплинарная реабилитационная команда включает: врача физической и реабилитационной медицины (ФРМ), специалиста по физической реабилитации (физического терапевта), специалиста по эргореабилитации (эрготерапевта), клинического психолога и медсестру. Члены МДРК работают в тесном контакте с другими врачами-специалистами: неврологом, терапевтом и педиатром. На основе реабилитационного диагноза члены МДРК формулируют реабилитационные цели и составляют индивидуальный план реабилитационных мероприятий, включающий различные методы: физические упражнения, механотерапию, тренажерную гимнастику, физиотерапию, бальнеотерапию, рефлексотерапию, эрготерапию, психотерапию, медикаментозное лечение и ортезирование.

Основным методом реабилитации больных в центре является физическая терапия, доля которой составляет от 70% до 90% в структуре реабилитационной программы. В процессе физической реабилитации пациентов с двигательными нарушениями особое внимание уделяется тренировке баланса и уменьшению риска падений. Разработанные нами программы физической реабилитации включают: лечебную гимнастику (в том числе с использованием методики проприоцептивного нейромышечного проторения), обучение правильной ходьбе (в том числе по лестнице), обучение правильному падению и вставанию, подбор и обучение пользованию техническими средствами реабилитации (дополнительными средствами опоры, ортезами и брейсами), стабилотренинг на виброплатформе Galileo, а также

нестабильной биомеханической платформе IMOOVE, многоканальную миостимуляцию во время ходьбы.

При завершении курса реабилитации члены МДРК оценивают динамику реабилитационного диагноза (по МКФ), а также результаты решения задач и достижения целей реабилитации. Реабилитационные мероприятия считаются эффективными, если достигнуты реабилитационные цели и есть положительная динамика по доменам МКФ реабилитационного диагноза. Пациент-ориентированный, мультидисциплинарный подход с использованием МКФ апробирован в 2016-2020 гг. в процессе реабилитации более 500 больных и инвалидов с двигательными нарушениями.

Список литературы

1. White Book on Physical and Rehabilitation Medicine in Europe. Introduction, Executive Summary and Methodology. Eur J Rehabil Med. 2018 Apr; 54(2):125-155.

2. Часть 1 статьи 40 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2011, № 48, ст. 6724).

РЕАБИЛИТАЦИОННАЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ АЛЖИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

REHABILITATION AND RESOCIALIZATION ACTIVITIES IN THE REPUBLIC OF ALGERIA: THEORETICAL ASPECT

К.И. Воронков

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Хаддат Эльхади

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

Алжир

K.I. Voronkov

Lobachevsky University

Haddat Elhadi

Lobachevsky University

Algeria

Проведен анализ алжирского законодательства и правоприменительной практики по вопросам предоставления социальной помощи, реабилитации и ресоциализации определенным категориям граждан. Автор характеризует

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90018.

современную социальную политику Алжира с выделением её особенностей. Делается вывод, что реабилитационная и ресоциализационная деятельность в республике Алжир входит в содержание социальной функции.

The article analyzes the Algerian legislation and law enforcement practice on the provision of social assistance, rehabilitation and resocialization to certain categories of citizens. The author characterizes the modern social policy of Algeria, highlighting its features. It is concluded that rehabilitation and resocialization activities in the Republic of Algeria are included in the content of the social function.

Ключевые слова: ресоциализация, реабилитация, социальное государство, социальная функция

Keywords: resocialization, rehabilitation, social state, social function

Особенность смешанных правовых систем состоит в том, что в них сочетаются элементы романо-германской правовой с элементами правовой системы общего права, а также с элементами традиционных и религиозных правовых систем. Правовая система Алжира носит смешанный характер, большинство отраслей законодательства основаны на французской правовой традиции, а вопросы личного статуса (брак, семья, наследование) и некоторые другие регулируются мусульманским правом.

В преамбуле Конституции Алжирской Народно-Демократической Республики закрепляется: «Достоинство народа, его жертвы, чувство ответственности, давняя приверженность к свободе и социальной справедливости являются наилучшими гарантиями соблюдения принципов этой Конституции» [1]. Статья 14 Конституции конкретизирует: «Государство основано на организационных принципах демократии и социальной справедливости». Статья 54 Конституции гласит: «Все граждане имеют право на защиту их здоровья».

Если учитывать экономические и военные возможности, влияние и авторитет в регионе и мире, богатые ресурсы, Алжир может претендовать на звание региональной державы, принадлежавшее доселе в Северной Африке только Египту [2, с.75].

Социальная политика в этом государстве имеет свои особенности, что отмечают алжирские ученые. «Алжир является светским государством, но большинство его граждан исповедуют ислам. Соответственно, исламские нормы поведения влияют на все стороны жизни общества. Одним из главных требований ислама является раздача пожертвований на бедных и больных. Государство как объединение людей тоже обязано осуществлять такую помощь. После освобождения от колониальной зависимости от Франции в стране началось формирование новой социальной политики, направленной на защиту и помощь людям. Стали появляться государственные учреждения и

негосударственные организации, чья деятельность направлена на помощь людям» [3, с.276].

Наряду с правовыми нормами, существенную роль в правовой системе Алжира имеют исламские нормы. Это обстоятельство позволяет отнести Алжир к государствам смешанного типа правовой системы. Типаза Хусейн отметил, что «Мусульмане заботятся о больных людях, исходя из милосердного отношения и взаимного сотрудничества, основанных на принципах исламской религии. Алжирцы предоставляют необходимые средства по уходу за больными людьми и предметы первой необходимости. Такое поведение закреплено в религиозных писаниях для достижения всеми гражданами достойной жизни в целях избавления от невежества и отсталости» [4, с.15].

Особое место в системе современной социальной политики в Алжире занимает деятельность по ресоциализации инвалидов, осужденных и лиц, страдающих различными формами зависимости.

Парламентом Алжира было принято несколько специальных законов, направленных на регулирование проблем, связанных с инвалидностью. Закон № 02-09 «О защите и поощрении инвалидов» определил политику государства в области защиты прав человека, которая предусматривает защиту особых групп. Статья 20 данного акта определяет инвалидов следующим образом: «Каждый, независимо от возраста и пола, кто имеет генетическую, врожденную или приобретенную инвалидность, которая ограничивает его или ее способность заниматься деятельностью или несколькими основными видами деятельности в его личной или социальной повседневной жизни в результате его умственных, моторных или сенсорных функций» [3, с.277].

После установления инвалидности соответствующее лицо получает карточку инвалидности, которая позволяет ему воспользоваться привилегиями, предоставленными законом. Во-первых, получение социального гранта. Как указывает Э. Хаддад: «В статье 20 Закона № 02-09 «О защите и поощрении инвалидов» предусматривается, что «каждому инвалиду, у которого нетрудоспособность составляет 100%, не достигшему возраста 18 лет, не имеющему дохода, выделяется грант в размере 4000 дирхамов в месяц» [3, с.278]. Во-вторых, инвалид имеет право на пособие по социальному страхованию. Другая форма этого «гранта солидарности» адресована инвалидам и пациентам с мышечной дистрофией с 18 летнего возраста, имеющим хроническое заболевание, инвалидность или имеющим карту инвалидности и находящимся без средств существования. Грант составляет 1000 дирхамов в месяц в соответствии со статьей 50 Исполнительного декрета № 04/45, в котором указаны условия применения положений статьи 7 Закона № 02-09 о защите и поощрении инвалидов [3, с. 278].

По мнению алжирского адвоката Хаддада Э: «Большинство инвалидов считают эти средства недостаточными для удовлетворения своих медицинских, образовательных и социальных потребностей. Они требуют, чтобы их ассоциации повышали выплаты до минимально гарантированного уровня оплаты за обслуживание, что составляет 18 000 алжирских динаров. Дети-инвалиды имеют право на получение финансовой поддержки до достижения им совершеннолетия. В соответствии с положениями Закона № 83-11 от 02.07.1983 г. о социальном страховании государство, осуществляющее социальную функцию, несет ответственность за интеграцию инвалида. Он должен получать компенсацию за лечение и медицинское обслуживание, а также за протезы, инвалидные коляски, оплату социальным работникам и медицинское обслуживание» [3, с.278].

Еще одно важное право, которые имеют в Алжире люди с инвалидностью, право на институциональную интеграцию. Институциональное спонсорство означает основную работу и постоянное наблюдение за обязательными и добровольными учебными программами и методологиями в отраслях и секциях, которые созданы для обеспечения этой категории. Важнейшим для людей с инвалидностью является право на интеграцию в социум, то есть устранение барьеров для жизни. В целях оказания помощи больным людям и улучшения качества их жизни закон ввел ряд мер, которые содействуют в доступе к техническим устройствам и технической помощи для обеспечения физической независимости. Например, действует норма, что социальное жилье на первом этаже должно быть предусмотрено преимущественно для инвалидов. Действует норма об освобождении от уплаты пошлин и налогов при приобретении туристических автомобилей со специальными счетчиками и получение водительских прав для инвалидов. Действуют правила приоритета доступа к общественным местам при наличии удостоверения об инвалидности, а также право на бесплатный проезд в общественном транспорте.

Важное место в социальной политике Алжира занимает деятельность по ресоциализации лиц, находящихся в местах лишения свободы и отбывших уголовное наказание.

Алжирский законодатель разработал и принял особую методику, используемую в системе условно-досрочного освобождения заключенных, направленную на их воспитание и исправление в целях дальнейшей социальной реабилитации и ресоциализации. В основе разработанной методики лежит положение, согласно которому заключенный в целях своего исправления для скорейшего условно-досрочного освобождения должен полностью соответствовать определенным правилам и условиям содержания,

установленным в законе [5, с.120-121]. В законодательстве некоторых арабских стран и стран Ближнего Востока название такой методики звучит по-разному. В Египетском и Иорданском законах эта методика называется «полицейским освобождением» [6, с.25]. В соответствии с законодательством Саудовской Аравии разработанная методика называется «освобождением в случае соблюдения условий содержания», а в соответствии с законодательством Израиля она просто именуется «освобождением от наказания» [7].

Необходимо отметить, что Алжирский законодатель впервые ввел правовые нормы, содержащие положения об условно-досрочном освобождении и ресоциализации лиц, только лишь в 1972 г. принятием приказа № 72/02 от 10.02.1972 года. Этот нормативный акт опирается на Закон «Об организации тюрем и социальной реинтеграции заключенных» [8]. Со временем последовали другие нормативные акты и были внесены поправки, развивающие нормы Закона «Об организации тюрем и социальной реинтеграции заключенных», и затем был издан новый Закон № 05 / 04 от 02.06.2005 г., который действует и по сей день [9, с.87].

Новая методика в системе условно-досрочного освобождения представляет собой целенаправленный процесс, при котором заключенный может получить условно-досрочное освобождение при условии хорошего поведения и демонстрации суду и исправительному учреждению гарантий дальнейшего законопослушного поведения [10, с.36].

По мнению арабских ученых, осужденные, находящиеся в условиях изоляции от общества, испытывают значительную трансформацию, у них меняется иерархия приоритетов. Ценности, связанные с деятельной и социальной сущностью человека, отходят на второй план. В связи с этим, для получения осужденными условно-досрочного освобождения им просто необходимо продемонстрировать законопослушное поведение.

Разновидностью демонстрации законопослушного поведения заключенного выступает информирование заключенным компетентных органов о готовящемся серьезном преступлении до момента его совершения, которое может поставить под угрозу общественную безопасность и правопорядок, а также предоставление заключенным информации для установления личности преступников или предоставление любой информации в целом, при помощи которой компетентным органам удастся разоблачить и арестовать нарушителей правопорядка. После этого, по словам профессора Тахура Абдельхафиза: «заключенный подает ходатайство об условно-досрочном освобождении лично или через своего представителя директору пенитенциарного учреждения. От успешного проведения новой методики зависит эффективность всего процесса ресоциализации преступника в

исправительном учреждении, а также успешность социальной адаптации после освобождения. Более успешным процесс ресоциализации осужденных видится в том случае, если государство будет создавать специализированные центры социальной реабилитации для освобождённых на всей территории страны» [9, с.89].

Немаловажное значение в социальной политике Алжира имеет решение вопросов о возвращении к нормальной жизни лиц, страдающих различными формами зависимости.

Несмотря на то, что на основании отчета Всемирной Организации Здравоохранения за 2014 год потребление алкоголя в северной Африке, в исламских регионах Восточного Средиземноморья является одним из самых низких в мире, в Алжире 0,7% населения страдают алкогольной зависимостью. Для этой категории граждан в Алжире есть реабилитационные центры, помогающие людям избавиться от наркологической и алкогольной зависимости. Например, в городе Блида одноименного вилайета (области) центр лечения от алкоголизма им. Фанона ежедневно принимает лиц, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью. В нем имеется 40 коек для мужчин и 10 для женщин, которые контролируются 7 врачами и 7 психологам. В 2013 г. центр посетили около 8 тысяч человек, из них 6860 наркоманов и 1240 лиц, страдающих алкогольной зависимостью. Всего в Алжире существует 15 центров по уходу за лицами, страдающими алкогольной и наркотической зависимостью [11, с.662].

Список литературы

1. Конституция Алжирской Народно-Демократической Республики с изменениями, принятыми на референдуме 28 ноября 1996 года//Конституции государств(стран) мира. Библиотека конституций Пашкова Романа. Интернет источник: <https://worldconstitutions.ru/?p=53> (Дата обращения: 12.02.2020).

2. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Алжир: региональный лидер или потенциальное нестабильное государство? // Контурь глобальных трансформаций. Том 11. №5. 2018. С. 74–85.

3. Хаддад Э.(Haddad E) Государственная помощь инвалидам в Алжирской Народной Демократической Республике // Инвалиды-инвалидность-инвалидизация. Материалы международной научно-практической конференции. Н. Новгород: НИСОЦ, 2018. С. 276–279.

4. Типаза Х. Благосостояние инвалидов: цели политики и социальной интеграции в Алжире с точки зрения социального обслуживания: диссертация ... кандидата социологических наук развития. – Алжир, Константина, 2006. С. 15.

5. Воронков К.И. Методика условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы в процессе ресоциализации Алжирских заключенных: теоретический аспект // Евразийский юридический журнал. 2019. №1(128). С. 120–121.

6. Халил А., Салем А. Законы и правила тюрем в Египте // Центр исследований и информации по правам человека. Египет, 1990. С. 25.

7. Досрочное освобождение сотен преступников для решения проблемы переполненности тюрем. Интернет ресурс: <https://alsudanalyoum.com/world/asia/бЕЯКЩЗЩ-ЗБУМжд-ЗБЕУСЗЖнбНЙ-ЕЭСЗМ-гИЯ> (Дата обращения: 12.02.2020).

8. Закон «Об организации тюрем и социальной реинтеграции заключенных». Алжир, 2007. Интернет ресурс: <https://www.joradp.dz/TRV/APeni.pdf> (Дата обращения 12.02.2020).

9. Абдельхафиз А.Т.А. Роль судьи в применении уголовных судебных положений// Бен Акнун, Алжир, 2001. С. 87.

10. Лахмиси Э. Глобализация криминализации и наказания // Дар Хоума для печати, публикации и распространения. Алжир, 2006. С. 36.

11. Романовская В.Б., Воронков К.И. Айзман Е.Л., Хаддад Э.М. Реабилитация и ресоциализация лиц, страдающих алкогольной зависимостью, в Российской Федерации, Алжире, США : теоретико-правовой аспект // Здоровье как ресурс: V. 2.0. Международная научно-практическая конференция. Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2019. С. 656–663.

**ПРАКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 И УЧАСТИЕ
УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ
ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ**

**THE PRACTICE OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE CONDITIONS OF
THE COVID-19 PANDEMIC AND THE PARTICIPATION OF THE
COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN NIZHNY NOVGOROD
REGION IN THE IMPLEMENTATION OF CIVIL INITIATIVES**

О.А. Кислицына

*Уполномоченный по правам человека в Нижегородской области,
г. Нижний Новгород*

О.А. Kislitsina

*Commissioner for Human Rights in Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod*

Активная фаза противоэпидемических мероприятий весной-летом 2020 г. серьезно повлияла на все аспекты жизни России, в том числе и на социальные процессы. И это влияние не только негативное. Те институты гражданского общества, что смогли актуализировать формы своей работы с учетом

требований по санитарно-гигиенической безопасности, доказали свою жизнеспособность и, самое главное, востребованность своей деятельности как гражданами, так и органами власти.

The active phase of anti-epidemic events in the spring and summer of 2020 had a serious impact on all aspects of life in Russia, including social processes. And this impact is not only negative. Those institutions of civil society that were able to update the forms of their work to meet the requirements for sanitary and hygienic safety, have proved their viability and, most importantly, the demand for their activities as citizens and authorities.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, институты гражданского общества, Уполномоченный по правам человека

Keywords: COVID-19 pandemic, civil society institutions, Commissioner for Human Rights

Среди гражданских инициатив в период пандемии наибольшую известность приобрела всероссийская акция «#МыВместе!», организованная Общероссийским народным фронтом, Всероссийским общественным движением «Волонтеры-медики», Ассоциацией волонтерских центров и поддержанная в регионах большим количеством общественных организаций. Достаточно сказать, что только в Нижегородской области волонтерами акции стали более 3 тысяч человек. По состоянию на 1 сентября текущего года ими выполнено около 89 тысяч заявок на доставку лекарств и продуктов для пожилых граждан.

Отмечая масштабность и значимость федерального проекта, стоит оценить и региональный опыт того, как общественность смогла найти форматы работы с населением в период самоизоляции и мобилизовать социально активных граждан на выполнение общественно-полезной деятельности.

В Нижегородской области сделать это вполне может региональный Уполномоченный по правам человека, поскольку одной из основных функций государственного правозащитного института является социальная медиация – организация взаимодействия между властью и обществом, посредничество в разрешении конфликтов. Для решения этих задач нижегородским Уполномоченным установлены партнерские отношения с рядом общественных организаций, работающих в сфере защиты прав различных категорий граждан – инвалидов, проблемных семей, пенсионеров, детей-сирот, заключенных и так далее.

Кроме того, сам аппарат Уполномоченного с начала пандемии обеспечивал, несмотря на введение специального режима работы и отмену очного приема граждан, выполнение своих функций в полном объеме. Весенне-летний период 2020 г. продемонстрировал высокую потребность граждан в

деятельности регионального омбудсмана. Организация деятельности государственного правозащитного института в условиях режима повышенной готовности позволила полностью сохранить его работоспособность – в первом полугодии 2020 года сотрудниками аппарата рассмотрено 1856 обращений граждан, что почти на 20% больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Анализ поступивших обращений позволил лучше понять проблемы и ожидания жителей региона, более четко определить перспективы правозащитной деятельности и ориентировать взаимодействующие в сфере защиты прав и свобод человека организации на удовлетворение запросов общества, что дало определенные результаты.

Так, Нижегородская региональная общественная организация культурной, социально-трудовой реабилитации инвалидов-опорников и колясочников «Инватур», работающая в сфере социальной реабилитации людей с инвалидностью, в условиях распространения коронавирусной инфекции с апреля 2020 г. начала практиковать новые формы деятельности. Силами активистов было организовано производство прозрачных щитков «Визор», которые бесплатно передавались в лечебные учреждения, волонтерские и социальные организации. На базе мастерской «Инватура» осуществлялся бесплатный ремонт инвалидных колясок и иных технических средств реабилитации.

В рамках реализации в Нижегородской области социального проекта «Мобилизация», поддержанного Фондом президентских грантов на развитие гражданского общества, НРОО «Инватур» приобретен автомобиль с подъемником и организована служба социального сопровождения. Реализация данного проекта во взаимодействии с Уполномоченным по правам человека в Нижегородской области позволяет особенно эффективно помогать людям.

Показателен пример нижегородки Н., которая передвигается в инвалидной коляске. В феврале 2020 г. в её семье произошло знаменательное событие — родилась дочь. В настоящее время у мамы возникли трудности с прохождением планового осмотра у врача, поскольку в условиях пандемии прием ограничен. Благодаря содействию нижегородского Уполномоченного, был организован прием у врача в женской консультации №5, куда Н. доставили силами службы социального сопровождения НРОО «Инватур».

Служба социального сопровождения проекта «Мобилизация» помогла в организации свадебного торжества семье, муж и жена в которой являются инвалидами. Специально оборудованный автомобиль доставил 18 августа молодоженов, передвигающихся на инвалидных колясках, в нижегородский Дворец бракосочетания. Среди почетных гостей праздничной церемонии были и сотрудники аппарата Уполномоченного, участвующие в реализации проекта.

Еще один давний партнер Уполномоченного – НРОО «Нижегородский женский кризисный центр» в период пандемии перешел на дистанционные формы социально-психологических и юридических консультаций посредством телефонной связи и электронных сервисов. Психологи-волонтеры центра были привлечены аппаратом Уполномоченного к проведению тематических прямых телефонных линий «Жить вместе» (9 и 10 апреля) и «Как сохранить мир в семье» (07 мая), посвященных профилактике семейно-бытовых конфликтов и сохранению ментального здоровья.

Наиболее сложно в условиях самоизоляции решалась проблема защиты прав лиц, находящихся в местах лишения свободы. Но и в этом случае аппаратом регионального Уполномоченного и Общественной наблюдательной комиссией Нижегородской области было найдено современное решение. Уполномоченный по правам человека обратился в Нижегородский областной суд с инициативой об использовании правозащитниками судебной видеоконференцсвязи. Положительное решение позволило организовать в регионе видеоприем осужденных на регулярной основе. Теперь эти мероприятия проходят еженедельно по пятницам, в них принимают участие специалисты аппарата Уполномоченного, члены ОНК и сотрудники ГУФСИН России по Нижегородской области.

Как только позволила санитарно-эпидемиологическая ситуация, возобновилась практика привлечения Уполномоченным активистов НКО к рассмотрению обращений граждан. Так, 13 августа в связи с поступающими обращениями нижегородцев на сложную транспортную ситуацию в районе строительства дорожной развязки в пос. Ольгино был организован рейд общественного контроля в целях выработки возможных вариантов минимизации неудобств для участников движения. Уполномоченный привлек к мероприятию активистов Общероссийского народного фронта, Общественной палаты Нижегородской области, представителей заказчика и застройщика, проектировщиков и социально активных граждан.

По итогам выезда его участники отметили высокую производственную активность на самой строительной площадке и технологическую невозможность создания дополнительных полос для движения транспорта. Положительно оценены усилия региональных властей по введению дополнительных электричек, снизивших нагрузку на автомобильный транспорт. Вместе с тем, представителям регионального минтранса было предложено рассмотреть вопросы организации автобусных маршрутов от железнодорожных платформ к пригородным поселкам и оборудования павильонами остановок «по требованию».

Но, конечно же, наиболее значимым было участие общественности в реализации благотворительных акций по оказанию помощи гражданам, оказавшимся в условиях самоизоляции в трудной жизненной ситуации. При этом аппарат Уполномоченного по правам человека организовал тесное взаимодействие с организаторами акций и принимал участие в ряде мероприятий. Так, в апреле-мае 2020 г. по инициативе аппарата Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области был реализован проект «Время помогать!». Проект был поддержан благотворительным фондом «Жизнь без границ», волонтерским центром «Единой России», Правительством Нижегородской области.

Проект объединил общественников, депутатов и просто неравнодушных граждан, обеспокоенных судьбой детей из семей, состоящих на межведомственном профилактическом учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав. Помощь оказывалась данным детям, а также семьям, находящимся в социально опасном положении, многодетным семьям с 5-ю и более детьми. В рамках проекта дети обеспечивались бесплатными горячими обедами и продуктовыми наборами. Помощь получили 1646 семей, в которых проживают 5364 ребенка, из всех муниципальных образований Нижегородской области.

НРОО «Совет Отцов Города» реализовывает проект «Подари компьютер семье и детям», в рамках которого дети из многодетных семей оснащаются компьютерной техникой, необходимой для дистанционного обучения. Волонтеры Совета отцов принимают технику от неравнодушных граждан и бизнеса, затем устанавливают необходимое программное обеспечение, готовят справку об исправности и после этого передают технику в многодетные семьи. К началу нового учебного года обеспечено техникой 115 семей, в том числе 5 компьютеров передал проекту аппарат Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области.

В канун празднования 75-летия Великой Победы активисты НРОО «Волонтеры Победы» и ряда иных общественных организаций провели большое количество мероприятий – акции «Свеча памяти», «Цветы Победы», «Марш Победы», «Бессмертный полк», организованных с учетом требований санитарно-гигиенической безопасности. Для ветеранов ВОВ организовано около 50 концертов. Накануне Дня Победы волонтеры поздравили больше 2 тысяч нижегородских ветеранов – доехали до каждого с цветами и подарками.

Конечно, упомянутое – это лишь часть огромной и разноплановой работы институтов гражданской общества, в которую был вовлечен аппарат Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области.

Стоит отметить, что активность некоммерческих организаций в период пандемии была не только заметна жителям региона, но и пошла на пользу самим общественникам, поскольку они получили поддержку со стороны государства.

В настоящее время в федеральный реестр социально-ориентированных некоммерческих организаций внесено 398 нижегородских НКО. Перечень составлялся министерством экономического развития России и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В список вошли НКО, которые с 2017 г. являются получателями грантов Президента Российской Федерации, субсидий и грантов в рамках региональных и муниципальных программ, реализуемых органами местного самоуправления. Таким НКО государство предоставляет широкий спектр мер поддержки от льготного кредитования до продления срока уплаты налогов и страховых сборов. Кроме того, в Нижегородской области Указом Губернатора определены региональные меры поддержки социально ориентированных НКО, в том числе предоставление финансовой помощи из областного бюджета в целях возмещения затрат на оплату труда работников и коммунальных услуг.

Дополнительным стимулом стал специальный конкурс, который Фонд президентских грантов провел среди некоммерческих неправительственных организаций на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в период борьбы с распространением коронавирусной инфекции. Победители определены 28 августа 2020 г. на заседании Координационного комитета, которое в режиме видеоконференции провел первый заместитель Руководителя Администрации Президента РФ Сергей Кириенко.

В Нижегородской области победителями стали 16 проектов, на реализацию которых выделено более 26 млн руб. При этом 2 проекта – «Служба помощи «Жизнь без границ»» одноименного благотворительного фонда и «Школа активной жизни» НРОО «Инватур» получили на этапе разработки поддержку Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области, и, следовательно, аппарат омбудсмана примет участие в их реализации.

Таким образом, в Нижегородской области институты гражданского общества принимают активное участие в социальной жизни региона и оказывают в условиях распространения новой коронавирусной инфекции реальную помощь гражданам. Деятельность эта востребована населением и получает всестороннюю поддержку, в том числе и со стороны государственного правозащитного института, каковым является региональный Уполномоченный по правам человека.

**ПОЧЕМУ РАБОТОДАТЕЛИ ЗАБОТЯТСЯ О ЗДОРОВЬЕ И
БЛАГОПОЛУЧИИ СОТРУДНИКОВ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ?
WHY DO EMPLOYERS PROMOTE HEALTH AND
WELL-BEING AT WORK?**

Барбара Лаххайн
*Университет Дуйсбург-Эссен,
Германия*
Barbara Lachhein
*University Duisburg-Essen,
Germany*

Глобализация, постоянные изменения в трудовой сфере и увеличение возраста рабочей силы требуют от компаний принять на себя корпоративную социальную ответственность. В связи с его влиянием на здоровье и экономический успех социальный капитал привлекает все больше внимания. В результате работодатели надеются добиться более высокой производительности труда, большей степени привлекательности, позитивного общественного восприятия и лучшего имиджа в Войне талантов.

Globalisation, subsequent changes in working life, an ageing workforce, have created new trends requiring to use new assessment methods for the companies to fulfil their social responsibility. Because of its effects on health and business success social capital gains more attention. As a result, employers hope for higher productivity, greater desirability, positive public visibility and a better image in the War for Talent.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, сфера труда 4.0, повышение личной ответственности, увеличение возраста рабочей силы, социальный капитал, укрепление здоровья, улучшение имиджа

Keywords: corporate social responsibility, world of work 4.0, personal responsibility, ageing workforces, social capital, health promotion, image enhancement

Die fortschreitende Globalisierung erzeugt permanenten Handlungsdruck. Moderne Unternehmen sehen sich zunehmend veranlasst, sich mit „sozialen, ökologischen und ökonomischen Beitrögen (...) zur freiwilligen Iibernahme gesellschaftlicher Verantwortung, die über die Einhaltung gesetzlicher Bestimmungen (Compliance) hinausgehen.“ einzubringen [1]. International hat sich dafür das Konzept der Corporate Social Responsibility etabliert. Es schlieЯt neben der eigentlichen Geschöftstдtigkeit, verantwortliches unternehmerisches Handeln unter Beachtung ökologischer Aspekte, die Beziehungen mit Mitarbeitern und den Austausch mit Stakeholdergruppen ein [2].

Mit Blick auf die Entwicklung des Arbeitskräftemarktes unter dem Stichwort „Arbeitswelt 4.0“ stehen wir vor Herausforderungen, die weder an Fabrikatoren, Bürotüren noch Ländergrenzen haltmachen. Beschäftigte sind flexibler und mobiler, Unternehmen reagieren wesentlich dynamischer auf Auftragslagen. Die Folgen sind häufig wechselnde Arbeitszeiten, Arbeitsorte, vielfältige Erwerbsbiografien.

Neue Berufe und Beschäftigungsverhältnisse erfordern

- Kooperation und Selbstorganisation zu meistern,
- Fach- und Sozialkompetenz zu erwerben,
- sinnstiftende Aufgaben und ein Zugehörigkeitsgefühl zu entwickeln.

Davon hängt die Qualität einer nach heutigen Erkenntnissen erforderlichen längeren Lebensarbeitszeit ab [3].

Ob und in welchem Ausmaß es dem Einzelnen gelingt, Verantwortung für seine Gesundheit selbst zu übernehmen, wird Einfluss darauf haben, wie gesund er länger arbeiten kann.

Folgt man dem deutschen Soziologen Bernhard Badura, so erfordert das Sozialkapital wegen seiner Effekte auf die Gesundheit und den Unternehmenserfolg eine stärkere Beachtung. Unter Sozialkapital verstehen Badura et al., in Weiterführung der Ansätze von Narayan 1999; Putnam 2001; Cohen/ Prusak 2001, Merkmale sozialer Systeme, die sich gleichermaßen positiv auf die Leistungsfähigkeit und das Wohlbefinden ihrer Mitglieder auswirken und sich in ihren Wirkungen dabei wechselseitig verstärken. Grundlegend im Konzept ist die menschengerechte Kooperation auf den Prinzipien eines vertrauensvollen Umgangs miteinander, der gegenseitigen Wertschätzung, der gemeinsam geteilten Überzeugungen, Werte und Regeln [4].

Investitionen in das betriebliche Sozialkapital dienen der Gesundheit der Mitarbeiter, der Wettbewerbsfähigkeit der Unternehmen und entlasten die sozialen Sicherungssysteme. In verschiedenen Studien konnte der ökonomische Nutzen betrieblicher Gesundheitsförderung und Prävention, mit den allgemein bewährten Handlungsfeldern Ernährung, Bewegung, Sucht, Stress, sowie ein menschengerechtes Führungsverständnis durch Vorgesetzte, aufgezeigt werden.

Beispielsweise liegt der Return on Invest für die Einsparung medizinischer Kosten bei 1:3,27 \$ und bei den Fehlzeiten bei 1:2,73 \$. [5]. Aus 100 Reviews im Zeitraum zwischen 2012 und 2018 wurde ein durchschnittlicher ökonomischer Nutzen durch betriebliche Gesundheitsförderung und Prävention mit einem mittleren ROI von 2,7 ermittelt, wodurch einem investierten Euro eine Einsparung von 2,70 Euro gegenüberstehen [6].

In ihrem Positionspapier 2004 heben die Bertelsmann und Hans-Böckler-Stiftungen die Rolle zwischenmenschlicher Beziehungen hervor: „Die Kommission sieht die gesundheitsrelevanten Problemstellungen in den Unternehmen,

Verwaltungen und Dienstleistungseinrichtungen nicht mehr allein an der Mensch-Maschine-Schnittstelle, sondern insbesondere an der Mensch-Mensch-Schnittstelle: in der Qualität der Menschenführung, in der Qualität der Unternehmenskultur sowie in der Qualität der zwischenmenschlichen Beziehungen“ [7].

In einer Veröffentlichung des World Economic Forums „Working Towards Wellness. Accelerating the Prevention of Chronic Disease“ wird betont, dass der Arbeitsplatz für Gesundheitsförderung und Prävention besonders geeignet sei, weil Erwachsene dort ihre meiste Zeit verbringen und die Arbeitswelt selbst ein wichtiger Mitverursacher chronischer Krankheiten ist. [8] Die Teilnehmer folgen dabei konsequent dem von der WHO vorgezeichneten Weg der Gesundheitsförderung mit den Zielvorgaben:

- Gesundheit statt Krankheit - das Prinzip der Salutogenese;
- Befähigung zu gesundheitsbewusstem Verhalten (Empowerment);
- Schaffung gesundheitsfördernder Lebenswelten (Setting-Ansatz) [9].

Besonders Großunternehmen reagieren inzwischen, indem sie Gesundheit und Wohlbefinden ihrer Beschäftigten mehr Aufmerksamkeit widmen. Sie erhoffen sich davon mehr Produktivität, höhere Attraktivität als Arbeitgeber und eine positive öffentliche Wahrnehmung.

Einer Studie der Initiative Gesundheit und Arbeit im Jahr 2009 zufolge erklärten 88% der teilnehmenden 500 Betriebe soziale Verantwortung zum Hauptgrund, weshalb sie systematische Gesundheitsarbeit im Betrieb befürworten. Mitarbeitergesundheit wird mit sozialem Nutzen verknüpft, Unternehmenskultur mit Fokus auf alternde und multikulturelle Belegschaften als eine Aufgabe der Personalentwicklung gesehen. Ein verbessertes Image soll im *War of Talents* Wettbewerbsvorteile verschaffen [10].

Dennoch: Die Zahl der Beschäftigten, die an Maßnahmen der Gesundheitsförderung teilnahmen, stieg zwar von 2010 bis 2017 um mehr als das Doppelte, von 665.000 auf 1.440.000 [11]. Beachtet man jedoch die 46,6 Millionen Erwerbsfähigen in Deutschland so wurden 3,6% der erwerbsfähigen Bevölkerung erreicht. Somit ist Gesundheitsförderung im Betrieb weiter ausbaufähig. Ein Blick auf das Nationale Projekt „Demografie“ (01.1.2019 – 31.12.2024) der Russischen Föderation sieht zur Umsetzung von Zielen unter anderem Programme zur gesunden Lebensweise am Arbeitsplatz vor. So sollen beispielsweise bis 2022 33,2 Millionen Beschäftigte von den besten Praktiken der Gesundheitsförderung profitieren, womit ca. 45% der Beschäftigten einbezogen würden [12].

Eine gemeinsame Erforschung geeigneter Strukturen und Maßnahmen zur systematischen Gesundheitsförderung im Betrieb unter Berücksichtigung der landesspezifischen Besonderheiten ist also wünschenswert.

Список литературы

1. Meffert, H., Mьnstermann, M.: Corporate Social Responsibility in Wissenschaft und Praxis: eine Bestandsaufnahme. Arbeitspapier Nr. 186, Wissenschaftliche Gesellschaft fьr Marketing und Unternehmensfьhrung e. V., Mьnster 2005, 20.
2. Dubielzig, F., Schaltegger, S. Corporate Social Responsibility. In: M. Althaus, M. Geffken, S. Rawe (Hrsg.): Handlexikon Public Affairs (PDF; 147 kB) Lit Verlag, Mьnster 2005, 240–243.
3. BMAS (2015a) Grьnbuch Arbeiten 4.0. Berlin. http://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/PDF-Publikationen-DinA4/gruenbuch-arbeiten-vier-null.pdf?__blob=publicationFile. Zugriff: 12. 12. 2015
4. Badura, B. et al.: Sozialkapital, Springer-Verlag Berlin Heidelberg 2013. DOI 10.1007/978-3-642-36913-1_2
5. Chapman, L.S.: Meta-evaluation of worksite health promotion economic return studies: 2012 update. American Journal of Health Promotion, 26(4), 1–12. <https://doi.org/10.4278/ajhp.26.4.tahp>
6. Bartelmes, I., et al.: Wirksamkeit und Nutzen arbeitsweltbezogener Gesundheitsfьrderung und Prьvention iga.Report 40, 1. Auflage November 2019 ISSN: 1612-1988
7. Bertelsmann Stiftung u. Hans-Bьckler-Stiftung: Zukunftsfьhige betriebliche Gesundheitspolitik-Vorschlьge der Expertenkommission, Verlag: Bertelsmann Stiftung, 2004. ISBN-10: 389204743X
8. World Economic Forum: Global Risks 2007 A Global Risk Network Report, Geneva, REF: 150107, 2007.
9. WHO – Weltgesundheitsorganisation: Ottawa-Charta zur Gesundheitsfьrderung, 1986. http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/129534/Ottawa_Charter_G.pdf (Zugriff am 23.08.2012)
10. Bechmann, S./Jдckle, R./Льск, P./Herdegen, R.: IGA-Report 20. Motive und Hemmnisse fьr Betriebliches Gesundheitsmanagement (BGM). Umfrage und Empfehlungen, Hrsg. AOK-Bundesverband, BKK Bundesverband, Deutsche Gesetzliche Unfallversicherung (DGUV), Verband der Ersatzkassen e. V. (vdek), Essen, Berlin, 2011.
11. Schempp, Strippel. Prьventionsbericht 2017 Leistungen der gesetzlichen Krankenversicherung: Primärprьvention und Gesundheitsfьrderung Berichtsjahr 2016 Herausgeber Medizinischer Dienst des Spitzenverbandes Bund der Krankenkassen e. V. (MDS) Essen.
12. Паспорт Национального проекта Демография 1 января 2019 г. – 31 декабря 2024 г. Москва, 2019. с. 45.

ЗДОРОВЫЕ ГОРОДА И КУЛЬТУРА ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ HEALTHY CITIES & HEALTH CARE CULTURE

Н.И. Ловцова

Московский городской педагогический университет,

г. Саранск

N.I. Lovtsova

Moscow City Pedagogical University,

Saransk

Проблематизируются и интегрируются концепции здорового города и культуры заботы о здоровье. Подчеркивается трансформация интерпретации содержания концепций в условиях обострения угроз общественному здоровью. Культура заботы о здоровье интерпретируется в терминах осознанного формирования ценностей здоровьесберегающего поведения, обсуждается роль системы образования в процессе формирования культуры заботы о здоровье.

The paper problematizes and integrates both the concepts of a healthy city and health care culture, emphasizing the interpretation of discussed concepts content transformation in the context of increasing threats to public health. The health care culture is interpreted in terms of conscious development of health-saving behavior values, and the role of the education system in the process of forming a culture of health care is discussed.

Ключевые слова: здоровье, здоровые города, культура заботы о здоровье, образование

Keywords: health, healthy cities, health care culture, education

Современные правительства, сталкиваясь с возрастающим количеством рисков, все более интенсивно проблематизируют тему создания совместной стратегии преодоления общих глобальных вызовов, большинство из которых представляют угрозу благополучию и здоровью людей, замедляют рост благосостояния граждан, препятствуя тем самым социально-экономическому развитию стран. Значимость здоровья населения в настоящее время обсуждается не только и не столько в контексте демографических потребностей, таких как снижение уровня смертности, повышение рождаемости. Здоровье выступает показателем качества человеческого капитала, экономическим, социальным и политическим ресурсом большинства стран. Забота об укреплении здоровья населения, особенно в условиях текущей пандемии становится важным пунктом политической повестки.

Мировая дискуссия по вопросам общественного здоровья становится доминирующей темой медиа, а стратегическое планирование действий в этой сфере выходит за рамки традиционного сценария, в котором главная роль предназначена сектору здравоохранения. Современная (однако, не новая)

перспектива предполагает новую комбинацию ролей и введение новых акторов для реализации «преобразующего подхода в поддержку безопасных, инклюзивных, устойчивых и жизнестойких обществ» [1] – создание и внедрение социальной модели общественного здоровья на основе объединения усилий социальных секторов, действующих на региональном и муниципальном уровнях. К такому взаимодействию призывает проект Всемирной организации здравоохранения «Здоровые города», подчеркивающий роль городов, в которых структуры управления, бизнеса, городских сообществ и граждан сотрудничают для преобразования физического, культурного, социального, символического пространств в целях создания городской среды для здоровой и безопасной жизни.

Концепция здорового города ВОЗ предполагает контроль множества условий городской среды для расширения прав и возможностей городских жителей на здоровую жизнь и здоровый образ жизни. При этом наряду с ориентированным на здоровье городским планированием физической и социальной инфраструктуры, включающей объекты здравоохранения, образования и социальных услуг, обеспечение доступного и безопасного жилья, контролем качества воздуха, воды, утилизации отходов, идея здорового города подразумевает политику, направленную на снижение моральных паник, возникающих в связи с ростом угрожающих жизни и здоровью событий, а также смягчение негативных эмоциональных и психологических последствий повседневных рисков городской жизни [2].

Одним из условий достижения целей концепции здорового города является принцип гражданского участия и индивидуальной ответственности, согласно которому горожане не только привлекаются к контролю и процедурам принятия решений в сферах, влияющих на качество жизни и здоровье людей, но и формируют установки индивидуальной ответственности за состояние собственного здоровья и здоровья ближайшего окружения.

Здоровая парадигма образа жизни проявляется в трансформации ценностей, определяющих повседневный уклад жизни людей. Увеличивающиеся риски жизни в густонаселенных городах (плохая экология, стрессы, нерегулярное питание, угрозы террористических актов, увеличение смертности от сердечно-сосудистых, онкологических и инфекционных заболеваний) вывели тему здорового образа жизни из сферы обсуждения пользы тех или иных продуктов питания, важности занятий физической культурой и спортом или практик заботы о красоте [3; 4] на уровень целенаправленного планирования здоровьесберегающего поведения. Так, по данным Л. Пресняковой, ценность заботы о здоровье становится социальной нормой в обществе:

среднее значение по 4 индикаторам практик заботы о здоровье (режим, мониторинг, медицина, спорт) составляет 65% [5].

Как любая культура, культура заботы о здоровье в том числе (ЗОЖ культура) представляет собой совокупность ценностей отдельных личностей. На уровне отдельной личности ценности проявляются как знание о предмете, отношение к предмету и действия (поведение). Текущая пандемия обострила дискуссию о стратегиях заботы о собственном и общественном здоровье, породила множество мифов, паник, заставила создавать новые механизмы взаимодействия на всех уровнях в условиях карантинных мер.

Проблемное поле дискуссии «забота о здоровье» гораздо шире медицинского видения (иммунопрофилактика и вакцинация, профилактика заболеваний). Самоизоляция значительного числа населения России привела к увеличению активности людей в социальных сетях, сделав их установки и переживания доступными для анализа. Проведенный нами анализ постов в социальных сетях (Instagram, ВКонтакте), блогах (N=48) показывает, что интерпретация здоровья на современном этапе в полной мере соответствует определению здоровья, данному ВОЗ: «Здоровье – это состояние физического, психологического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [6], и дополненному Оттавской хартией по укреплению здоровья, понимающей здоровье как «состояние, создаваемое и переживаемое людьми в их повседневной жизни, – там, где они учатся, работают и отдыхают» [1].

От качества информированности людей (знание о предмете «забота о здоровье») зависит отношение как характер оценок, суждений, приемлемости тех или иных практик, связанных с проблемой ответственного отношения к своему здоровью. Эффективность медицинских мероприятий, как показывает практика, значительно снижается из-за негативного к ним отношения. Моральные паники по поводу вакцинации являются результатом недостатка понимания сущности, значения и результатов заботы о здоровье, распространенностью «доморощенных» экспертов, подчеркивающих риски медицинских процедур.

В результате, возникает поведенческая тенденция сопротивления инициативам медицинского характера, ориентированных на формирование ответственного отношения к собственному здоровью (и здоровью членов семьи).

Сотрудничество социальных институтов власти, медицины, образования, СМИ является основанием для надежды на результативность усилий по формированию культуры заботы о здоровье.

Значительный вклад в формирование ЗОЗ-культуры могут и должны сделать образовательные институты. Институт образования является мощнейшим агентом социализации на всех этапах развития человека – 100% детей так или иначе включены в систему образования, различные формы послешкольного образования тоже привлекают большую часть населения – следовательно образовательные учреждения (высшего, профессионального, основного и дополнительного) способны транслировать экспертное знание (при поддержке медицинских экспертов), формировать и продвигать позитивное отношение к заботе о здоровье, а также создавать возможности для действий согласно усвоенным знаниям и ценностям.

Формирующаяся в процессе образования способность к критической рефлексии может способствовать снижению риска принятия на веру непроверенной информации (в данном случае, относительно необходимости и важности медицинских и профилактических проектов), которая активно транслируется в СМИ, социальных сетях, интернет, а также сокращению численности стереотипов и мифов, связанных с традиционными и инновационными медицинскими инициативами, помогая снизить вероятность фобий и моральных паник, сформировать информированное доверие к современной медицине. Образование обладает потенциалом формирования не только ответственного отношения к здоровью, но и социальной ответственности профессии, благодаря чему профессионал ориентирован не только на достижение соответствующих задач, но также и осознает социальные последствия своих профессиональных действий. Социальная ответственность СМИ, бизнеса, чиновника, других профессий, участвующих в производстве ценности здоровья, формируется под влиянием образования.

Список литературы

1. Копенгагенский консенсус мэров – более здоровые и счастливые города для всех // URL: <https://zdorovyegoroda.ru/wp-content/uploads/2019/02/consensus-rus.pdf/>. (Дата обращения: 22.10.2020).
2. Концептуальное видение «Здоровых городов» // URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/environment-and-health/urban-health/who-european-healthy-cities-network/healthy-cities-vision>. (Дата обращения: 22.10.2020).
3. Здоровье в социальных сетях обсуждают столько же, сколько деньги и счастье! //URL: <https://media.fom.ru/target/static/Diskurs-analiz-ZoZ-BIS.pdf/>. (Дата обращения: 22.11.2020).
4. Ковальжина Л.С. Концепция «Здоровые города» и здоровьесберегающее поведение городского населения: социологический анализ // Урбанистика. - 2020. - № 1. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.1.31864 URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31864. (Дата обращения: 22.11.2020).

5. Преснякова Л. Забота населения о своем здоровье: мотивы, барьеры и роль системы здравоохранения // Форум «Социология здоровья», URL:<https://socforum.nioz.ru/wp-content/themes/intentionally-blank/assets/presentations/sec4/3.%20Преснякова%20Л.А..pdf>. (Дата обращения: 20.11.2020).

6. World Health Organization. (2006). Constitution of the World Health Organization – Basic Documents, Forty-fifth edition, Supplement, October 2006 (Дата обращения: 22.11.2020).

МОРФОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЗЕРВЫ СТУДЕНТОВ Г. НИЖНЕГО НОВГОРОДА **MORFOFUNCTIONAL STATUS AND FUNCTIONAL RESERVES OF STUDENTS IN NIZHNIY NOVGOROD**

Н.А. Матвеева, Е.О. Максименко, Е.С. Богомолова
Приволжский исследовательский медицинский университет,
г. Нижний Новгород

N.A. Matveeva, E.O. Maksimenko, E.S. Bogomolova
Privolzhsky Research Medical University,
Nizhniy Novgorod

Представлена динамика физического развития студентов вузов Нижнего Новгорода (1988-2014). Впервые изучены функциональные резервы организма на основе функциональных проб, адекватно характеризующих здоровье студентов. Разработаны нормативы физического развития и функциональных резервов студентов.

Dynamics of physical development students Nizhniy Novgorod is presented (1988-2014). At first functional reserves of students are studied. Standards of physical development and functional reserves are designed.

Ключевые слова: студенты, антропометрия, динамика, морфологические показатели, функциональные пробы, донозологическая диагностика

Keywords: students, antropometry, dynamics, morphological indicators, functional tests, prenosological diagnosis

Студенчество – первый период зрелого этапа жизни, во временном интервале которого завершаются процессы роста, гормонального созревания организма, происходит их стабилизация.

Многолетние научные исследования сотрудников кафедры гигиены по изучению процессов роста и развития детей, подростков и студентов завершались созданием возрастно-половых нормативов, которые необходимы

для оценки здоровья при диспансеризации, а также для анализа эпохальных изменений морфофункционального развития на всех этапах интенсивных ростовых процессов.

Целью исследования явился сравнительный анализ морфофункциональных показателей студентов на первом году обучения в вузе и на дальнейших этапах в многолетней динамике.

Методы исследования. Репрезентативные исследования физического развития 1946 студентов разного профиля высших учебных организаций Нижнего Новгорода впервые были проведены в 1987-88 гг., которые позволили разработать центильные возрастно-половые нормативы для четырех возрастно-половых групп мужчин и женщин. Повторные антропометрические исследования студенческого контингента 2315 человек (мужчины – 687, женщины – 1628) восьми вузов Нижнего Новгорода были реализованы в 2014 г. [1].

Результаты исследования. За прошедший период существенно изменились показатели длины, массы тела и индекса массы тела в возрастной группе мужчин и женщин 17-21 лет. Средняя длина тела у мужчин увеличилась на 2 см и составила 178,8 см ($p < 0,01$), средняя масса тела не изменилась, индекс массы тела снизился на $0,6 \text{ кг/м}^2$ и составил $22,1 \pm 0,1 \text{ кг/м}^2$ ($p < 0,01$). Средние статистические параметры физического развития женщин первой возрастной группы значительно изменились. Длина тела возросла на 1,5 см и составила $165,4 \pm 0,2$ см ($p < 0,01$). Масса тела уменьшилась на 4,1 кг ($p < 0,01$) и составила $56,0 \pm 0,3$. Индекс массы тела тоже уменьшился до $20,5 \pm 0,1$ ($p < 0,01$).

Динамика морфологических показателей мужчин и женщин второй возрастной группы (22 г. и старше) тоже выявила увеличение средних показателей морфологического статуса. Длина тела мужчин возросла с $176,6 \pm 0,3$ см до $179,6 \pm 0,4$ см ($p < 0,01$), масса тела увеличилась на 6 кг и составила $78,0 \pm 0,9$ кг ($p < 0,01$), индекс массы тела увеличился с $23,3 \pm 0,1 \text{ кг/м}^2$ до $24,1 \pm 0,3 \text{ кг/м}^2$ ($p < 0,01$). Длина тела женщин второй возрастной группы при первом обследовании составила $164,1 \pm 0,4$ см, при втором – $165,9 \pm 0,2$ см ($p < 0,01$). Масса тела существенно снизилась с $62,4 \pm 0,6$ кг до $58,1 \pm 0,3$ кг ($p < 0,01$), что отразилось на индексе массы тела, который стал равным $21,1 \pm 0,1 \text{ кг/м}^2$ ($p < 0,01$).

Важная роль в характеристике здоровья принадлежит функциональным показателям. Согласно динамометрии, к старшему возрасту мужчины и женщины увеличили мышечную силу обеих кистей рук, возрастные прибавки у женщин были ниже. Выраженная вариабельность показателей отражает не только силовые возможности студентов, но и в целом развитие костно-мышечного компонента тела на данном этапе формирования соматотипа.

Увеличение жизненной емкости легких тоже отражает активные процессы роста и развития студентов. Различия показателей артериального давления у студентов младших и старших курсов незначительны на фоне снижения частоты сердечных сокращений, что свидетельствует о позитивных изменениях вегетативного статуса студенческой молодежи.

Логическим продолжением диагностики здоровья студентов стало изучение функциональных резервов организма (ФРО) по совокупности функций отдельных систем, которые приоритетно характеризуют дееспособность организма: пробы Мартине-Кушелевского, степ тест, орто- и клиноортостатические, Штанге, Генчи, Серкина, координаторные и двигательные тесты [2].

Уровень ФРО характеризуют количественными оценками: отлично, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно, отлично и хорошо – полноценная адаптация, удовлетворительно – сниженные функциональные резервы. Неудовлетворительно – это перенапряжение регуляторных систем, преморбидные состояния, могут иметь доклиническую манифестацию. С позиции клиницистов к состоянию болезни отнесен низкий уровень ФРО – срыв адаптации.

Анализ исследований ФРО студентов на основе функциональных проб объективно отражает состояние адаптивных процессов, позволяет использовать их при анализе эффективности профилактических и оздоровительных мероприятий, выявления состояний переутомления. В режиме студентов должен быть адекватно дозирован объем двигательной активности, который влияет на умственную работоспособность, уровень физического развития, экономичным функционированием сердечно-сосудистой системы, органов дыхания, центральной нервной системы, повышенной иммунной реактивностью и низкой заболеваемостью острыми респираторными болезнями [3; 4]. Длительное нахождение студентов в вынужденной статической позе во время занятий сопровождается спазмом артериол, повышенным артериальным давлением, а также сужением диапазона двигательного и зрительного анализаторов. Традиционные занятия физической культурой компенсируют лишь 11-17% необходимого суточного объема движений.

Уровень ФРО и в целом антропометрические показатели приоритетно коррелируют с двигательной активностью и характером питания человека. Эти факторы активизируют компенсаторные механизмы, расширяют функциональные возможности организма в системе первичной и вторичной профилактики [5].

Состояния, пограничные между нормой и патологией, квалифицируют как донологические (пограничные, переходные), которые могут быть

развернуты во времени в виде функциональных отклонений. Донозологические индикаторы проблем со здоровьем у подростков, студентов разнообразны: факторы риска образа жизни, образовательного процесса, нарушения процессов роста и развития, диагностируемые на основе антропометрических измерений и функциональных проб. Донозологическая диагностика формировалась на основе принципов охраны общественного здоровья в виде разных форм и методов диспансеризации населения.

Заключение. В третьем десятилетии онтогенеза – период студенчества подтверждаются проявления активной фазы акселерации глобального секулярного тренда XX столетия.

Впервые были разработаны возрастно-половые нормативы функциональных резервов организма нижегородских студентов 18-28 лет, которые позволяют комплексно характеризовать дееспособность организма в меняющихся условиях образовательного процесса и в целом жизнедеятельности в современном социуме. Показатели антропометрии и резервометрии являются донозологическими индикаторами состояния здоровья студентов.

Список литературы

1. Матвеева Н.А. Физическое развитие студентов высших учебных заведений Нижнего Новгорода / Н.А. Матвеева и др. // Медицинский Альманах. 201. № 5 (40). С. 176-178.
2. Чекалова Н.Г. Физическое развитие и функциональные резервы студентов вузов. Методы исследования и оценки / Н.Г. Чекалова и др. Н.Новгород: Издательство НижГМА, 2017. 65 с.
3. Камаев И.А. Особенности и прогнозирование здоровья, факторы риска и медицинское обеспечение российских и иностранных студентов медицинского Вуза: монография / И.А. Камаев, М.С. Гурьянов, С.В. Миронов. 2016. 161 с.
4. Миннибаев Т.Ш. Изучение влияния условий и организации обучения на показатели успеваемости и здоровья студентов // Гигиена и санитария. 2015. №94 (4). С. 57-60.
5. Сетко Н.П. Гигиеническая оценка функциональных резервов и адаптационных возможностей студентов // Гигиена и санитария. 2017. №96(2). С. 166-170.

**ДОСТУПНОСТЬ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В РОССИИ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ***
**HEALTHY LIFESTYLE AVAILABILITY IN RUSSIA: OPPORTUNITIES
AND LIMITATIONS**

Е.Н. Новоселова
*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва*
E.N. Novoselova
*Lomonosov Moscow State University,
Moscow*

Рассматривается вопрос доступности здорового образа жизни (ЗОЖ) в условиях социально-экономического неравенства в России. Основной акцент сделан на сложности приобщения населения к ЗОЖ в условиях массовой бедности. Делается вывод о необходимости повышения уровня жизни населения России. Данная мера, по мнению автора, должна стать одним из ключевых элементов программы укрепления общественного здоровья.

Article deals with the problem of access to a healthy lifestyle in the context of socio-economic inequality in Russia. Analysis emphasizes the difficulty of involving the population into a healthy lifestyle under the conditions of mass poverty. The conclusion is drawn about the need to improve the living standards of the population of Russia. This measure should be one of the key elements of the public health program.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, бедность, богатство, неравенство

Keywords: health, healthy lifestyle, poverty, wealth, inequality

Здоровье всегда было и останется ценностью высшего порядка как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Вне всякого сомнения, развитие и благополучие страны возможно только тогда, когда основная масса ее населения здорова, что, в свою очередь, зависит от сочетания целого ряда факторов: биологических и социальных, сложных и многообразных, постоянно трансформирующихся.

Немалое влияние на здоровье современного человека оказывают его повседневные поведенческие практики и линии самосохранительного поведения, то есть одну из главных ролей играет сам индивид и то, насколько здоровый образ жизни он ведет. В этой связи встает вопрос о доступности ЗОЖ

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037.

и равенстве возможностей людей в укреплении и сохранении здоровья, а точнее о том, насколько уровень благосостояния индивида определяет его жизненные шансы на здоровье и влияет на его выбор тех или иных поведенческих паттернов.

В 2019 г. кафедра социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова провела межрегиональное исследование, которое включало блок вопросов о здоровье и здоровом образе жизни (СеДОЖ-2019). Исследование в очередной раз подтвердило, что здоровье позиционируется как наивысшая ценность и данное убеждение никак не зависит от уровня дохода индивида. Средний ранг ценности «здоровье» – 2,8 для лиц с низким доходом, 2,9 с высоким. В обоих случаях здоровье занимает первое место среди множества ценностей и может сравниться в этом отношении только с семьей (3,6 и 3,5). Как же влияет уровень благосостояния человека на возможность эту ценность беречь и сохранять?

По мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), основополагающим правом каждого человека является «обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья» (1946 г.) [1], однако в реальности наиболее обездоленные группы населения очень часто лишены возможности поддерживать хорошее здоровье, в том числе и посредством ЗОЖ.

По данным Росстата на 2019 год, лишь 12% россиян ведут здоровый образ жизни. Согласно их методике, люди, ведущие здоровый образ жизни, не курят; едят не меньше 400 граммов овощей и фруктов в день; потребляют не больше пяти граммов соли; имеют не меньше 150 минут умеренной или 75 минут интенсивной физической нагрузки в неделю; пьют мало спиртного [2]. Если брать за основу данную трактовку здорового образа жизни, то вести его долго и дорого, в этом смысле ЗОЖ сегодня становится привилегией более высоких социальных слоев с оплатой труда выше среднего. Данный факт подтверждают социологические исследования, согласно которым для более высоких социальных слоев характерен более здоровый стиль жизни и профилактика проблем со здоровьем, в то время как для низкодоходных групп свойственны более вредные условия труда, они чаще курят и употребляют алкоголь и более пассивно относятся к профилактическим мерам по сохранению здоровья [3]. Исследование СеДОЖ этот тезис подтверждает – люди с высоким доходом чаще заявляют о том, что ведут здоровый образ жизни – 27.1%, среди лиц с низким доходом таких – 16.1%. Менее обеспеченные слои населения чуть больше курят – 18.5% (22.4% среди высокодоходных групп), меньше занимаются спортом (34% респондентов с доходом ниже среднего не занимаются спортом совсем, среди обеспеченных таких 16.6%).

Согласно опросу, проведенному Левада-Центром, 61% россиян испытывают чувства стыда из-за того, что великий народ и богатая страна живут в вечной бедности и неустроенности [4]. Причины для стыда есть, малообеспеченных в России огромное количество и, по всей видимости, будет еще больше, так как доходы многих упали из-за коронавируса, и немногочисленный в нашей стране средний класс рискует скатиться в бедность. Даже по «докарантинным» данным, огромное количество людей не живут, а выживают, так как во многих случаях это даже не бедность, а нищета (у 12% россиян денег не хватает даже на еду) [5]. Доходы россиян падают (24% россиян заявляют о том, что за последние 2-3 месяца их материальное положение ухудшилось) [5], число людей, живущих за чертой бедности, увеличивается. 18,6 млн (12.7%) бедных – это официальные данные Росстата на II квартал 2019 года, но эксперты говорят о том, что реальная цифра в два раза выше – 35-37 млн (если за основу в расчетах взять недоступные человеку товары и услуги), доля оценивающих свое материальное положение как «плохое» и «очень плохое», то есть субъективно бедных – 29.6% [6]. Субъективные оценки дохода россиян (16,8 тысяч рублей на человека в месяц) в 2,3 раза ниже того уровня, который они считают нормальным (38,1 тысяч рублей на человека в месяц) [7].

Низкие доходы не дают людям возможность обеспечить себя и членов своей семьи качественным, разнообразным и сбалансированным питанием, лекарствами, оздоровительным отдыхом, достойными и комфортными условиями микросреды обитания. Отметим, чтобы люди питались правильно, нужно, как минимум, повысить их уровень жизни и дать им возможность «правильные» продукты покупать. 61% россиян считают, что для обеспечения здорового питания нужно много денег [8], 39% жителей нашей страны заявляют о том, что за последние полгода они стали больше экономить на продуктах, причем среди самых низкодоходных групп таких 65% (среди тех, кому денег не хватает на питание) и 51% (хватает на питание, а на одежду нет). Кроме того, постоянное отсутствие денег увеличивает количество конфликтных и стрессовых ситуаций, перманентные стрессы, в свою очередь, ведут к изменению нейроэндокринного и психологического функционирования организма и увеличивают риск заболеваний.

Массовая бедность в России соседствует с небывалым богатством. Доля национального дохода, приходящаяся на 10% лиц с самыми высокими заработками (верхняя дециль по уровню доходов) в России, – 46%, доля верхней центили (1% самых крупных состояний) составляла 43% от общего объема имущества российских домохозяйств [9], 10% владеют 83% совокупного благосостояния всех российских домохозяйств [10]. В России на

данный момент 72 долларовых миллиардера. Учитывая очень скромный средний уровень дохода на взрослого, цифра значительно превышает данный показатель в других больших экономиках. Специалисты Credit Suisse присудили России первое место в рейтинге наиболее неравномерных экономик мира [10].

Более высокий уровень дохода оказывает как текущее, так и пролонгированное воздействие на здоровье, наступает момент перехода «количества (денег) в качество (здоровья)» [11], так как стабильный высокий доход позволяет контролировать здоровье, правильно питаться, заниматься спортом, предупреждать и вовремя диагностировать заболевания. «Высокие доходы не являются автоматически залогом лучшего здоровья, но они позволяют обеспечить определенный набор материальных благ, способствующих сохранению и укреплению потенциала здоровья» [12].

Подводя итог, следует сказать, что не вызывает сомнения тот факт, что уровень благосостояния и возможности в отношении здорового образа жизни взаимосвязаны. Конечно, нельзя снимать ответственность с самого человека, который должен самостоятельно заботиться о здоровье, вести максимально здоровый образ жизни, не ставить свое здоровье под угрозу так как он прежде всего сам заинтересован в этом. Однако в условиях, когда треть населения страны балансирует между бедностью и нищетой, здоровый образ жизни многим просто не по карману. Пропаганда здорового образа жизни в нашей стране должна обязательно сопровождаться комплексом мер, направленных на борьбу с бедностью и неравенством.

Список литературы

1. WHO remains firmly committed to the principles set out in the preamble to the Constitution // World Health Organization URL: <https://www.who.int/about/who-we-are/constitution>.
2. Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни // ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457>.
3. Рощина Я.М. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? // Экономическая социология. 2016. Т.17. №3. С. 13–36.
4. Пипия К. Национальная идентичность и гордость // Левада-Центр. Пресс-выпуск. 17.01.2019. URL: https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/#_ftn1.
5. Динамика материального положения россиян // ФОМнибус. 14 июля 2019. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14233>.

6. Холявко А.В. России стало больше бедных // Ведомости. 29.07.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/07/29/807554-v-rossii-bolshe-bednih>.
7. Граница бедности и «нормального» уровня жизни в восприятии россиян // Левада-центр. 30.09.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/30/granitsa-bednosti-i-normalnogo-urovnya-zhizni-v-vostryatii-rossiyan/>.
8. О здоровом питании // ФОМнибус. 1 июня 2014. URL: <https://fom.ru/m/Obraz-zhizni/11558>.
9. Доклад о неравенстве в мире 2018. Основные положения. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf>.
10. Global Wealth Report 2018 // Credit Suisse file:///E:/global-wealth-report-2018.pdf.
11. Тапилина В.С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социологические исследования. 2004. №3. С. 126–137.
12. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.

**ДИНАМИКА ИНФОРМИРОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ
МОРДОВИЯ О КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ
В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУППАХ
DYNAMICS OF CORONAVIRUS DISEASE COMMUNITY AWARENESS IN
REPUBLIC OF MORDOVIA AND ATTITUDES OF VARIOUS SOCIO-
DEMOGRAPHIC GROUPS**

И.М. Фадеева, С.Г. Ушкин

*Научный центр социально-экономического мониторинга
Республики Мордовия,
г. Саранск*

I.M. Fadeeva, S.G. Ushkin

*Research Center for Social and Economic Monitoring
of the Republic of Mordovia,
Saransk*

Представлены результаты социологических замеров, выполненных коллективом Научного центра социально-экономического мониторинга весной и осенью 2020 г. в Республике Мордовия. Подробно рассматривается динамика информированности жителей региона о коронавирусной инфекции за последние полгода. Выявляются расхождения при ее восприятии по полу, возрасту и типу населенного пункта.

The paper presents the results of sociological surveys conducted in the Republic of Mordovia by the research groups of the Research Center for Social and Economic Monitoring in the spring and autumn of 2020. The authors focus on the dynamics of the region community awareness of the coronavirus disease over the

recent six months. The divergencies of attitudes to the coronavirus disease due to the respondents' sex, age and locality are identified.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, динамика информированности населения, анкетный опрос, социально-демографические группы

Keywords: coronavirus disease, community awareness dynamics, survey, socio-demographic group

Информация о коронавирусной инфекции сегодня доминирует над любой другой и характеризуется повышенным вниманием со стороны общества. По статистике Яндекса, слово «коронавирус» с января по октябрь 2020 г. в среднем искали 70,2 млн. раз^{*}. Пиковые значения приходятся на март-июнь, повторный рост интереса – в октябре. Подобной реакции не наблюдалось во время пандемий последних двух десятилетий – птичьего гриппа (H5N1), свиного гриппа (A/H1N1) и тяжелого острого респираторного синдрома (SARS). Исследователи заговорили об инфодемии – переизбытке информации о болезни как достоверной, так и недостоверной, затрудняющей поиск надежных источников и заслуживающих доверия рекомендаций. Проблематика оказалась настолько серьезной, что летом 2020 г. состоялась первая конференция Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по инфодемиологии – науке о противодействии инфодемии[†].

Люди не готовы работать с большими объемами информации и теряются в них. Это ведет к усилению социальной дезориентации, росту опасений за свое будущее и будущее своих близких, неустойчивости эмоциональной жизни общества [1, с. 24]. Как показывают опросы Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), серьезным изменением в жизни россиян в последние месяцы после пандемии стал всплеск тревожности [2, с. 147].

Цель исследования – рассмотреть динамику информированности жителей Республики Мордовия о коронавирусной инфекции за последние полгода и выявить расхождения внутри различных социально-демографических групп. Объектом изучения выступило население региона от 18 лет и старше. Критериями репрезентативности выступают пол, возраст и место жительства респондентов.

В ходе исследования опрошено 1 000 жителей 22 муниципальных районов Республики Мордовия и ГО Саранск. Используемая методика – формализованное анкетирование. В целях минимизации рисков распространения коронавирусной инфекции традиционный F2F опрос дополнен данными

^{*} Расчет произведен при помощи сервиса Яндекс. Подбор слов (<https://wordstat.yandex.ru>).

[†] Информация о ней представлена здесь: <https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2020/06/30/default-calendar/1st-who-infodemiology-conference>.

САWI опроса, реализованного на платформе Google Forms по интерактивной анкете. Исследование выполнено с 24 сентября по 24 октября 2020 г. ГКУ РМ «НЦСЭМ» по поручению Министерства здравоохранения Республики Мордовия. Полученные данные сопоставлены с результатами телефонного опроса по коронавирусной тематике, проведенного ГКУ РМ «НЦСЭМ» с 6 по 10 апреля 2020 г., в ходе которого было опрошено 384 респондента*.

Большинство опрошенных жителей в той или иной степени информированы о коронавирусной инфекции. Почти две трети (61,7%) постоянно и еще каждый четвертый (27,9%) от случая к случаю следят за сложившейся ситуацией. Интерес не выражен у каждого десятого (10,3%) респондента. Похожая ситуация наблюдалась и в апреле. Небольшое снижение интереса наблюдается на уровне допустимой погрешности измерения (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Следите ли Вы за информацией о коронавирусной инфекции?», % от числа опрошенных

Интерес к информации о распространении коронавирусной инфекции чаще фиксируется среди женщин (66,8 против 55,5% у мужчин) (табл. 1). Мужчинам часто свойственно переоценивать резервы своего организма. Женщины более внимательно относятся к проблеме здоровьесбережения, в том числе следят за здоровьем членов семьи, им важно быть в курсе текущей ситуации, знать признаки болезни, методы лечения и т. д.

Рассмотрение результатов опроса в зависимости от возраста обнаруживает следующую закономерность: чем выше возраст респондентов, тем чаще они следят за информацией о коронавирусной инфекции. Среди молодежи от 18 до 29 лет об этом заявляют 40,0% опрошенных, в группе людей от 50 лет и старше – 69,9%. Подобное распределение объяснимо: согласно медицинской статистике, жертвами пандемии чаще других становятся люди предпенсионного и пенсионного возраста. Так, средний возраст умерших от COVID-19 мужчин равен 67 годам, женщин – 69 лет[†].

* Подробные результаты представлены здесь: <http://ncsem.e-mordovia.ru/index.php/item/120-covid-19-v-regione-13-kak-otsenivayut-tekushchuyu-situatsiyu-zhiteli-mordovii>.

[†] См.: <http://openmedia.io/news/n4/kto-umiraet-ot-covid-19-v-rossii-issledovanie-otkrytyx-media-na-osnove-regionalnoj-statistiki>.

Разрывы фиксируются в зависимости от типа населенного пункта, в котором живут респонденты. Следят за ситуацией, связанной с коронавирусной инфекцией, чаще жители сельской местности (69,2 против 57,1 % горожан). Есть несколько причин: 1) среди селян больше людей из старших возрастных групп; 2) селяне боятся заразиться коронавирусной инфекцией из-за снижения доступности медицинских услуг в сельской местности в результате оптимизации сети медицинских учреждений; 3) после летних сельскохозяйственных работ у селян появилось больше свободного времени, которое они посвящают просмотру телевидения и чтению СМИ.

Т а б л и ц а 1

Распределение ответов на вопрос: «Следите ли Вы за информацией о коронавирусной инфекции?», % от числа опрошенных в различных социально-демографических группах

Уровень информированности	Пол		Возраст			Место жительства	
	Мужской	Женский	18-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	Город	Село
Слежу постоянно	55,5	66,8	40,0	60,6	69,9	57,1	69,2
Слежу от случая к случаю	33,5	23,3	38,2	31,4	21,8	29,5	25,2
Не слежу	11,0	9,7	21,2	7,9	8,3	13,2	5,6

Заразиться коронавирусной инфекцией не боится каждый десятый респондент (11,4%). Свыше трети опрошенных (39,9%) испытывают сильные опасения, половина — немного опасаются (48,0%). По сравнению с апрельскими замерами фиксируется увеличение доли тех, у кого страх перед болезнью выражен сильнее (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы опасаетесь заболеть коронавирусом?», % от числа опрошенных

Статистический анализ показывает, что уровень страха болезни напрямую зависит от информированности людей о коронавирусной инфекции. Коэффициент линейной корреляции по Спирмену составляет 0,391, который значим на уровне 0,01 (двухсторонняя). Тревожность также зависит от мнений

разных социально-демографических групп и воспроизводит оценки жителей относительно информированности.

Таким образом, респонденты в течение рассматриваемого периода (полгода) испытывают инфодемию, которая дуальна по своей природе. Открытость информации помогает быть в курсе текущей ситуации и принимать своевременные меры, выбирать конструктивную стратегию профилактики и здоровьесбережения. С другой стороны, она держит людей в постоянном напряжении, порождая ряд деструктивных эффектов, в числе которых – повышенный уровень страха болезни, связанной с коронавирусом. Некоторые респонденты в ходе личных бесед заявляли, что испытывают усталость от бесконечного потока новостей о коронавирусной инфекции, хотели бы его ограничить, однако в условиях тотальной медиатизации это становится невыполнимой задачей.

Список литературы

1. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / пер. с англ. В.В. Сапова. М.: Мирь, 2012. 335 с.
2. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М., 2020. 744 с.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МИССИИ ФАРМАЦЕВТА TRANSFORMATION OF THE PROFESSIONAL MISSION OF A PHARMACIST

А.А. Баранова

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.A. Baranova

Lobachevsky University

Исследование направлено на выявление роли «фармацевта» как профессии. В качестве методов исследования были использованы: анализ документов, метод первичной обработки данных, контент-анализ. Установлено, что миссия профессии существенно трансформировалась с момента ее возникновения до нашего времени.

The research is aimed at identifying the role of the “pharmacist” as a profession. The following research methods were used: document analysis, method of primary data processing, content analysis. It has been established that the mission of the profession has significantly transformed from the moment of its inception to our time.

Ключевые слова: компетенции, фармацевт, фармацевция

Keywords: competence, pharmacist, pharmacy

Актуальность исследования. В Аптекарском приказе от 1789 г. были определены специфические нравственные и профессиональные требования к аптечным работникам: «Фармацевт должен быть искусен, честен, совестен, благоразумен, трезв, прилежен» [1, с. 345]. Таким образом когда зарождалась профессия «фармацевт», на нее возложена была высокая миссия. Из истории нам известно, что в России аптекари пользовались особыми привилегиями. В 1807 г. министр внутренних дел Кочубей писал: «Торговля аптекарей есть отлична от прочих родов торговли по важности вещей, оную составляющих...» [1, с. 347]. Аптекарей, которые имели высшую фармацевтическую степень, относили к числу самых образованных людей в России. В XIX – начале XX в. «Российская аптека была центром, где больной получал не только лекарства, но и рекомендации, облегчающие его страдания. Больной должен выйти из аптеки не только с необходимым лекарством, но и уверенностью в его эффективности, в возможности исцеления недуга» [1]. Таким образом, мы видим, что исторически сложилось представление о высокой миссии фармацевта в умении поддержать морально, проявить заботу, не оставить без внимания запросы человека, обратившегося в аптеку. Рыночные отношения бросают вызов

высокой миссии фармацевта и ставят аптечные учреждения в жёсткие условия, в которых владельцам аптек необходимо выживать, а вместе с тем и ставить задачи фармацевтам, направленные на экономические выгоды [2; 3].

Методика исследования. Основными методами исследования стали анализ документ и контент-анализ [4]. В качестве стимульного материала были подобраны 39 документов, которыми послужили объявления о вакансиях на должности фармацевтов и провизоров («первостольников») [5]. Объявления опубликованы 17 организациями.

В ходе анализа выделены 19 компетенций [4], которыми, по мнению работодателей, должен обладать работник фармацевтического бизнеса (табл. 1). Компетенции приводятся в табл.1 по мере уменьшения их частоты упоминания.

Т а б л и ц а 1

Перечень компетенций работников фармацевтического бизнеса на основе анализа рынка труда

Компетенции фармацевта	Кол-во компаний	Частота, %
Отпуск (реализация)/продажа ЛП и сопутствующих товаров	14	82%
Обеспечение и соблюдение фармацевтического порядка и санитарно-гигиенического режима на рабочем месте	11	65%
Консультация по лекарственным и нелекарственным средствам и изделиям медицинского назначения	10	59%
Проведение контроля качества лекарственных средств и их сроков годности на стадиях хранения и реализации	7	41%
Выкладка товара/оформление витрин и распределение по местам хранения	6	35%
Работа с кассовым аппаратом/ соблюдение кассовой дисциплины	6	35%
Приемка медикаментов	4	24%
Заказ ЛП и сопутствующих товаров	4	24%
Соблюдение стандартов обслуживания покупателей	3	18%
Участие в проведении инвентаризации	2	12%
Работа с дополнительным льготным обеспечением	2	12%
Работа с программой 1С	1	6%
Оформление ценников	1	6%
Предоставление клиентам информации об акциях и новинках.	1	6%
Решение организационных вопросов (открытие, закрытие аптеки, ведение отчетности, выкладка товара и т.д.)	1	6%
Выполнение корпоративных стандартов компании	1	6%
Взаимодействие с маркетинговой службой по вопросам продвижения продукции и размещения рекламы	1	6%
Обучение других сотрудников аптеки	1	6%
Грамотная речь	1	6%

Работодатели рассматривают на должность «фармацевт» сотрудников с необходимыми знаниями в фармакологии и наличием всех требуемых по законодательству документов [6; 7]. По итогам исследования можно сказать, что для кандидатов на должность фармацевта наиболее важными являются коммуникативные и регулятивные качества. Менее выражены навыки мотивационной и познавательной сферы. Это объясняется ограниченными возможностями в карьерном росте, что отражается на желании к развитию в профессиональной сфере. Такая компетенция, как «Знание ассортимента лекарственных средств, биологически активных добавок, парафармацевтики и товаров медицинского назначения», сохранила свою значимость. Однако, несмотря на её важность, она упоминается не в каждой вакансии. В некоторых объявлениях она занимает не первую позицию. Миссия фармацевта существенно трансформировалась за последние 200 лет. От приоритета нравственных и духовных качеств произошел переход к работоспособности, стрессоустойчивости, ответственности. В настоящий момент содержание труда работника первого стола многообразно, включает в себя задачи в различных направлениях: коммуникативная сфера (общение с людьми), техническое (умение работать с кассой, ПК, программы учета товара), законодательное (поддержание фармацевтического порядка, санитарно-гигиенических норм, правил отпуска товара), маркетинговое (умение оформить витрину (мерчандайзинг), работа с акциями, взаимодействие с маркетинговой службой). Экономические реалии заставляют владельцев аптечного бизнеса сокращать штат сотрудников для уменьшения расходов и использовать маркетинговые инструменты для увеличения продаж. И только в совокупности этих факторов аптечный бизнес становится окупаемым. Таким образом, руководители аптек, зачастую, на первое место ставят задачу экономической прибыли, а не высокой миссии профессии «фармацевта», в противном случае они рискуют быть «не рентабельными» и уступить свое место конкурентам.

И, несмотря на высокую востребованность фармацевтов и провизоров (работников первого стола аптеки), развития образовательных институтов массовой подготовки, профессия переживает существенный кризис. В настоящее время в государственных органах обсуждается необходимость внесения изменений в образовательный стандарты по направлению подготовки «фармации», в которых важно отразить гуманный аспект профессии.

Список литературы

1. Семенченко В.Ф. История фармации: учеб. пособие. М.: МарТ, 2003. 639 с.

2. Петрова С.В., Кононова С.В., Дадус Н.Н., Жукова Е.В., Чеснокова Н.Н. Факторы эффективных продаж в аптечном бизнесе // Медицинский альманах. 2012;(4). С. 146–148.

3. Шаленкова Е.В., Кононова С.В. Оценка влияния лояльности фармацевтических специалистов на экономическую эффективность аптечной организации // Медицинский альманах. 2016. № 2 (42). С. 138–140.

4. Прохорова М.В., Ларина А.Л. Разработка целостных моделей компетенций для должностей фармацевтического бизнеса методом анализа документов // Биофармацевтический журнал, 2014. Т.6, №4. С. 37–44.

5. Вакансии «Фармация». Работа в Нижнем Новгороде // Хэдхантер [Электронный ресурс]. <https://nn.hh.ru/vacancies/farmaceutv> (Дата обращения: 16.08.2020).

6. Приказ Минтруда России от 09.03.2016 N 91н "Об утверждении профессионального стандарта "Провизор" (Зарегистрировано в Минюсте России 07.04.2016 N 41709). <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201604120020>.

7. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 августа 2016 г. N 647н «Об утверждении правил надлежащей аптечной практики лекарственных препаратов для медицинского применения». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701090003>.

РОЛЬ ГЕЛОТОТЕРАПИИ В БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ **THE ROLE OF HELOTOTHERAPY IN THE FIGHT AGAINST THE** **PANDEMIC**

О.И. Димитричева
*Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород*
O.I. Dimitricheva
*Nizhny Novgorod State
N.A. Dobrolyubov Linguistic University, Nizhny Novgorod*

Медицинская наука XX века экспериментально доказала положительное воздействие оптимизма как стратегии успешного совладания с кризисной ситуацией. Исследовано воздействие смеха на физиологические процессы организма. В современной стрессовой ситуации не только продолжают работать клубы смеха (дистанционно), но и увеличивается их число. Развивается народное творчество как интуитивный метод борьбы со стрессом.

Twentieth-century medical science has experimentally proven the positive impact of optimism as a strategy for successfully coping with a crisis situation. The effect of laughter on the physiological processes of the body was investigated. In the current stressful situation, not only do laughter clubs continue to work (remotely), but their numbers are also increasing. Folk art is developing as an intuitive method of dealing with stress.

Ключевые слова: пандемия, гелотерапия, стресс, смехотерапия, йога смеха

Keywords: pandemic, gelotherapy, stress, laughter therapy, laughter yoga

Наиболее актуальной для 2020 года во многих странах мира является борьба с пандемией. Это касается экономики, здравоохранения, образования. Кардинально изменился образ жизни, связанный с введением режима самоизоляции на длительный срок.

Психологи прогнозируют отдаленные эффекты нарушения психического и психологического здоровья, а кроме того – непредсказуемые социальные эффекты для всего общества. Основываются эти утверждения на анализе карантинных мер и оценке психологического самочувствия пострадавших от эффектов карантина в разное время. Так, в Австралии владельцы лошадей находились в течение нескольких недель на карантине из-за вспышки конского гриппа в 2007 г. Исследование самочувствия этих людей показало, что 34% владельцев лошадей испытали сильнейший психологический стресс. Наивысший уровень посттравматического стресса был зафиксирован у представителей старшего поколения (от 65 лет) и у людей с невысоким уровнем образования. Горе, депрессия и тревога были очень сильны в фермерских семьях, что было обусловлено, помимо прочего, материальными потерями вследствие карантина [1].

Основатель отечественной нейропсихологии А.Р. Лурия в 40-х годах XX века отмечал: «По существу, вся медицина является психосоматической. Нет только соматических или только психических болезней, а есть лишь живой процесс в живом организме; его жизненность и состоит в том, что он объединяет в себе и психическую, и соматическую сторону болезни» [2].

Мы можем найти научные исследования, доказывающие влияние оптимистичного настроения на физическое и психологическое здоровье по всему миру: в России, в западно-европейской науке и в науке Индии в XX веке.

Л.И. Анцыферова [3] – основатель концепции совладающего поведения личности, основываясь на исследованиях медиков разных стран, приходит к выводу, что существуют два типа личности, которые по-разному реагируют на стрессовые ситуации. Интерналы – оптимисты, умеющие контролировать негативные эмоции, отвечающие за свои поступки и действия других людей, – с одной стороны. С другой стороны, экстерналы – пессимисты, с заниженной самооценкой, избегающие вступать в контакты с другими людьми, уходящие от проблем в мир фантазий, не отвечающие даже за свои поступки.

Интерналы быстрее выходят из стрессовой ситуации, с меньшими потерями для здоровья в отличие от экстерналов, которым на выздоровление требуется гораздо больше времени.

В XX веке появляется новая наука «гелотология», которая изучает влияние смеха на организм. Ульям Фрай и Ли Бёрк доказали, что между определяемой мозгом эмоцией радости и гримасой под названием «улыбка» существует не только прямая, но и обратная связь: если человек искусственно заставил себя поднять уголки губ – в мозге активизируется участок, отвечающий за положительные эмоции [4].

Смех стимулирует укрепление иммунной системы, очищение лёгких и бронхов, очищение эндокринной системы. Смех способствует снижению риска сердечно-сосудистых заболеваний. После интенсивного смеха нормализуется давление, мышцы расслабляются, очищаются кровеносные сосуды, происходит улучшение работы желудка и кишечника. Выделяющиеся в процессе смеха эндорфины оказывают расслабляющее действие на мускулатуру. Смех способствует улучшению кровоснабжения [4].

Большой вклад в развитие гелотологии внес Норман Казинс. Он заболел болезнью Бехтерева, соединительная ткань в позвоночнике разрушалась, Н.Казинс становился неподвижным, в самые тяжелые моменты болезни с трудом размыкал челюсти. Врачи сказали, что у него один шанс из 500. Н. Казинс пришел к выводу, что если у него так мало шансов, пора самому что-то делать, а не пассивно наблюдать за процессом. Н. Казинс разработал свой метод лечения, который описал в своей книге «Анатомия болезни, с точки зрения пациента» [5]. Он был под наблюдением доктора, который согласился с доводами непрофессионала и уважал волю пациента к победе. Новый метод лечения заключался в просмотре кинокомедий и больших дозах витамина С. Н. Казинс победил болезнь довольно быстро. Через неделю просмотра комедий прошли боли, через месяц он смог самостоятельно передвигаться, через 2 месяца вышел на работу. Наблюдая за своим ходом выздоровления и затем анализируя его, Н. Казинс пришел к выводу, что сильное желание жить, воля пациента к жизни способны исцелить человека [5].

Следующий пример из истории медицины Индии. 1995 год — индийский врач Мадан Катария основал первый клуб Йоги смеха [6]. Сейчас существуют более 60 тысяч клубов в 107 странах. Наша страна — не исключение. В разгар пандемии открываются новые клубы смеха [7].

Таким образом, смех является защитным механизмом от стресса. В соцсетях мы можем найти большое количество публикаций анекдотов на злободневные темы 2020 года. Народное юмористическое творчество помогает людям не впасть в отчаяние, не поддаться панике. Анекдоты касаются разных сторон жизни [8].

Образование.

Уроки на удалёнке напоминают спиритический сеанс:

– Маша, ты с нами?.. Маша, ответь, если ты нас слышишь.

Здравоохранение.

Первая волна пандемии: врачи пытаются убедить людей, что ковид существует.

Вторая волна: люди пытаются убедить врачей, что существуют и другие болезни. [8]

Банковская сфера.

Перед началом карантина я взял кредит на круглую сумму. Теперь мне 3 раза в день звонят из банка и заботливо интересуются, помыл ли я руки и надел ли масочку. [8]

Вакцина от вируса

Меня мучает вопрос, почему космический корабль, на котором экспериментировали с Белкой и Стрелкой, выживут ли они, называется так же, как и отечественная вакцина от коронавируса - "Спутник 5"? [8]

Глобальные перемены в жизни людей.

А вы уже используете аббревиатуру "до н.э." для обозначения времени до начала эпидемии коронавируса? [8]

Тема самоизоляции.

Настал момент, когда можно спасти мир, сидя дома в пижаме.

Судьба разбросала нас по диванам.

А мы путешествует! Снова посетили кухню — столицу нашей квартиры!!!

Еще неделя и маска будет мала. [9]

Таким образом, в борьбе со стрессом большую роль играет оптимизм, воля к жизни, вера в собственные силы, желание отвечать за свое здоровье, не ждать помощи извне. Это доказывает медицина XX века (возникновение гелотологии, смехотерапии, стратегии совладающего поведения, йоги смеха). В XX веке происходит эволюция от идей народной мудрости «в здоровом теле здоровый дух» до исследований ученых, доказывающих влияние оптимизма на течение болезни или даже излечение от тяжелых недугов. Народная мудрость, стремление побороть стресс никуда не исчезли в XX веке. Проявление народного творчества в борьбе с пандемией мы можем наблюдать на примере возникновения анекдотов на тему пандемии.

Список литературы

1. Taylor M.R., Agho K.E., Stevens G.J., Raphael B. Factors influencing psychological distress during a disease epidemic: data from Australia's first outbreak of equine influenza. BMC Public Health. 2008. // URL:

<https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2458-8-347> (Дата обращения: 27.09.2020).

2. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания. 4-е изд. М.: Медицина, 1977. 112 с.

3. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. Т.15. №1. 1994. С. 3–19.

4. Скутин А.В. Гелототерапия / смехотерапия — новая медицинская технология // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 3. С. 89–93.

5. Анатомия болезни с точки зрения пациента: Размышления о лечении и выздоровлении: [Пер. с англ.] / Норман Казинс; [Предисл. Н. М. Амосова]. М.: Физкультура и спорт, 1991. 95 с. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-medicine/217413-norman-kazins-anatomiya-bolezni.html> (Дата обращения: 18.10.2020).

6. Йога смеха. Мадан Катариа // URL: <https://www.yogastexa.ru/yogastexa/madan> (Дата обращения 18.10.2020).

7. В Ростове появился клуб поклонников Йоги смеха // Наше время. Газета ростовской области. 15 мая 2020 URL: <https://www.nvgazeta.ru/news/12377/572052/> (Дата обращения 18.10.2020).

8. Анекдот // URL: <https://www.anekdot.ru/tags/%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81>.

9. Анекдоты про коронавирус: «Господи, пошли людям мозги. Гречка и туалетная бумага у них уже есть» // Комсомольская правда. Иркутск. 22 марта 2020 // URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/27107.5/4182311/>.

ПРОБЛЕМА ОСВЕДОМЛЕННОСТИ И ОТНОШЕНИЯ К ВИЧ-ИНФЕКЦИИ У ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ПЕРМИ THE PROBLEM OF PUBLIC AWARENESS OF HIV INFECTION

М.К. Дуванская, А.А. Стратулат
*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, г. Пермь*
M.K.Duvanskaya, A.A. Stratulat
Perm National Research Polytechnic University, Perm

Раскрываются особенности осведомленности населения о ВИЧ и СПИДе. Дается определение, и описываются специфические различия ВИЧ-инфекции и СПИДа. Изложены результаты пилотажного исследования представлений о ВИЧ-инфекции, степени осведомленности о каналах передачи, а также особенности эмоционального реагирования респондентов на носителей ВИЧ-инфекции.

The article reveals the features of population awareness about HIV and AIDS. The definition and description of specific differences between HIV infection and AIDS is given. The results of a pilot study of perceptions of HIV infection, the degree of awareness of transmission channels, as well as the characteristics of the respondents' emotional response to HIV carriers are presented.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, СПИД, уровень информированности, пути заражения ВИЧ

Keywords: HIV-infection, AIDS, awareness, ways of HIV infection

Особого внимания среди значимых социальных проблем общества требует ситуация с ВИЧ-инфекцией. Российская Федерация входит в число стран с самыми быстрыми и высокими темпами распространения ВИЧ [1]. По темпам роста ВИЧ Россия занимает 4-е место в мире после ЮАР, Нигерии и Мозамбика. Общее количество зарегистрированных случаев ВИЧ-инфекции постоянно растет. Более половины (51.1%) всех выявленных больных ВИЧ-инфекцией зарегистрированы в 13 субъектах Российской Федерации: в Кемеровской, Московской, Новосибирской, Свердловской областях, Пермском крае, Иркутской, Челябинской областях, Красноярском крае, Самарской области, Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, Республике Башкортостан.

Согласно данным, который предоставил Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе с ВИЧ-инфекцией, количество инфицированных составляет 1,06 млн. человек. В 2019 г. от ВИЧ-инфекции по разным причинам скончалось более 200 тысяч человек, а от СПИДа скончалось рекордное за несколько лет количество человек 37 000 (это по официальным данным). На основе предоставленных данных можно сделать вывод о том, что проблема с ВИЧ носит эпидемиальный характер [2].

Одной из причин стремительного возрастания количества зараженных является отсутствие должного информирования населения о ВИЧ-инфекции в целом, о путях заражения и о мерах ее профилактики. Несмотря на то, что XXI век характеризуется как век развитых информационных технологий и проблем с получением той или иной информации практически нет, рассматриваемая проблема очень актуальна в современном мире.

Заболевание имеет две ветви развития:

1. горизонтальная, распространяющаяся вследствие внутривенного употребления наркотических веществ и половым путём;
2. вертикальная, для которой характерно рождение ВИЧ-инфицированных детей от инфицированных матерей [3].

Изучением проблемы ВИЧ и СПИД занимается большое количество исследователей по всему миру. Большой вклад в изучении данной темы внесли В.И. Покровский и А.Г. Рахманова. Благодаря их исследовательской деятельности были получены данные по клинической характеристике вторичных и оппортунистических инфекций, а также результаты использования высокоактивной антиретровирусной терапии. Были описаны и первый случай ВИЧ-инфекции у гражданина СССР и первый случай смерти от СПИДа [4]. Это были первые шаги в изучении инфекции и первые шаги в информировании населения о появившейся проблеме.

В рамках информированности женщин о распространенности ВИЧ-инфекции и рисках заражения. Проведенные исследования в 2017 г. показывают, что в России недооценивают важность проблематики ВИЧ-инфицирования и уровень распространенности заболевания, по обыденному предполагая, что ВИЧ-инфекция – заболевание, которому более подвержены наркоманы и проститутки. Результатом такого отношения является недооценка собственных рисков заражения [5].

В нашем исследовании мы попытались раскрыть степень отношения и уровень осведомленности населения о рисках заражения и способах передачи ВИЧ-инфекции. Выборка респондентов составлена случайным образом, общей численностью 56 человек. Опрошено 44 человека в возрасте 17-35 лет, 12 человек в возрасте 36-60 лет. Из общего количества опрошенных 39 женщин и 17 мужчин.

В рамках достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1) описать общие представления о ВИЧ-инфекции;
- 2) изучить степень осведомленности о каналах передачи ВИЧ-инфекции;
- 3) изучить особенности эмоционального реагирования на ВИЧ-инфекцию.

Материалы и методы. В ходе работы проведено социологическое исследование методом анонимного анкетирования. Респондентам предлагалось ответить на анкету, которая содержала 3 блока вопросов: 1 блок был направлен на изучение представления в целом о ВИЧ-инфекции, второй блок акцентировал внимание на путях передачи, а третий блок рассматривал отношения к инфицированным людям.

Были получены следующие результаты. Большая часть опрошенных знают свой ВИЧ-статус – 83.9%. 19.1% ответили, что им это не известно.

На вопрос: «Возможно ли излечиться от ВИЧ-инфекции?» 46.5% опрошенных считают, что такое возможно. 53.6% – утверждают обратное. Данные результаты обусловлены в первую очередь появлением в средствах

массовой информации сообщений, что данное заболевание возможно вводить в стойкую ремиссию и даже есть случаи изменения Вич-статуса у больного.

На вопрос: «ВИЧ и СПИД одно и то же?», – 76.8% респондентов ответили, что это не одно и то же. Следует отметить, что 23.2% утверждают, что это одно и то же или не смогли ответить. Данные показатели характеризуют уровень осведомленности об этих заболеваниях.

Вопрос: «Знаете ли Вы куда нужно обращаться для определения ВИЧ-статуса?», 21.4% опрошенных не знают либо затрудняются ответить на данный вопрос, 78.6% ответили, что знают, куда надо обращаться для определения ВИЧ-статуса. «Можно ли полноценно жить с инфекцией?», 66.1% ответили «да» и 34% ответили «нет» или «затрудняюсь ответить».

Осведомленность населения о путях заражения ВИЧ-инфекцией представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Пути передачи ВИЧ – инфекции [5]

Респонденты показали хороший уровень понимания, как именно может передаваться ВИЧ-инфекция. Подавляющее большинство выбрало варианты: использование для инъекций общих игл и шприцев – 92.9%; от матери к ребёнку во время беременности – 76.8%; незащищённые половые контакты с человеком, ВИЧ-статус которого неизвестен – 92.9%. Проблемы возникли с

ответом «От матери к ребенку (через грудное молоко)», лишь 28.6% отметили этот вариант. Аналогичный опрос показал, что 78% респондентов знают, что ВИЧ передается при грудном вскармливании. В связи с этим необходима большая информированность населения по данному направлению. Как уже известно, в 15% случаев это возможно, в случае, если мать, будучи ВИЧ-инфицированной, не применяет специальную терапию.

При условии, что мать принимает терапию, вероятность, что она не заразит будущего ребенка, достаточно большая, и 85.7% респондентов знают это.

Как отмечалось выше, в анкете был блок вопросов, касающихся толерантного отношения к ВИЧ-инфицированным. Были получены следующие данные (табл. 1):

Т а б л и ц а 1

Блок вопросов о толерантном отношении к ВИЧ-инфицированным людям

Перечень вопросов	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Опасно ли здороваться с человеком, больным СПИДом?	0%	98.2%	1.8%
Настроены ли Вы толерантно по отношению к вирусоносителям	71.4%	5.4%	23.2%
Если друг или сосед окажется ВИЧ-инфицированным или больным СПИДом, Вы будете продолжать с ним общение?	87.9%	3.6%	12.5%
Нужно ли изолировать от общества людей, заразившихся ВИЧ-инфекцией, и больных СПИДом?	1.8%	87.5%	10.7%

По данным, представленным в таблице 1, можно отметить, что больше половины респондентов относятся достаточно толерантно к людям с положительным ВИЧ-статусом, при этом 23,2% респондентов затрудняются ответить на данные вопросы, возможно, по причине неуверенности в сто процентной защищенности.

Специфические ответы получены на вопрос, «Как Вы отнеслись, если бы в классе вашего ребенка был ВИЧ–инфицированный ребенок?» Мнения разделились почти поровну: 50% считают, что спокойно бы отнеслись к такой информации, а 46.4% ответили, что отнеслись бы к этому с беспокойством. При этом 3.6% резко негативно отнеслись к такому ребенку. Несмотря на то, что в большинстве респонденты выразили толерантность в отношении к инфицированным, когда речь зашла о собственных детях – мнения разделились.

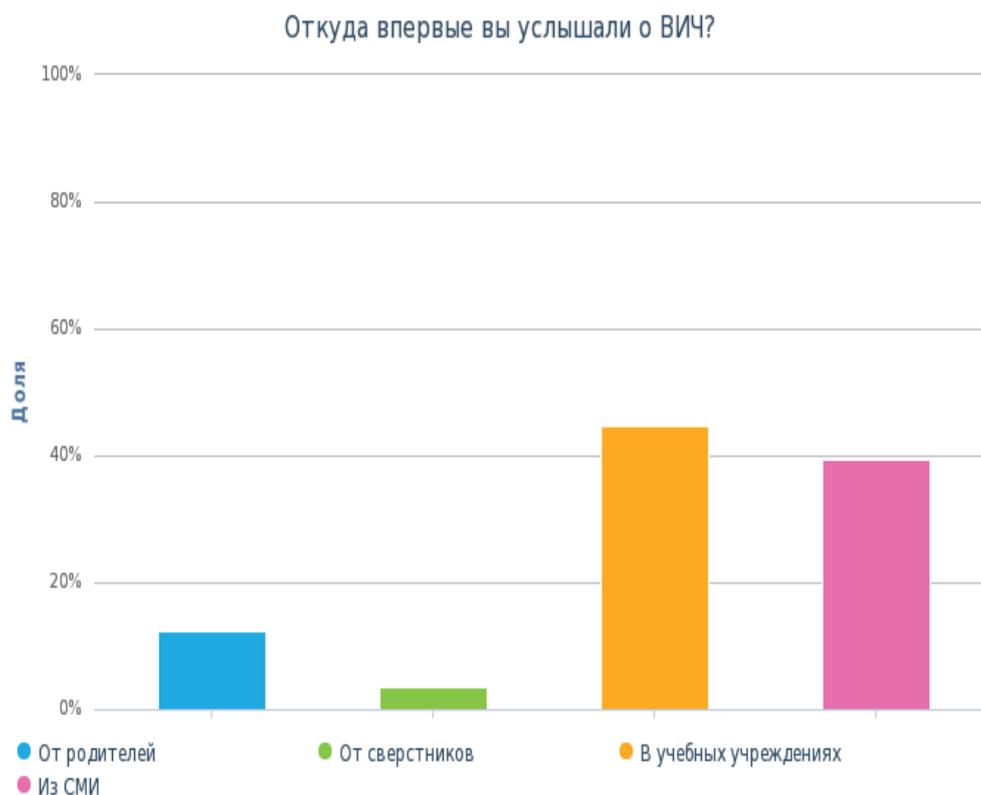

Рис. 2. Источники информации о ВИЧ-инфекции

43.9% респондентов отметили, что впервые услышали о ВИЧ «в учебных учреждениях», далее идут ответы: «из СМИ» – 40.4%, «от родителей» – 12.3%, «от сверстников» – 3.5%.

Полученные результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Наличие неточной и не всегда достоверной информации способствуют формированию настороженного отношения к людям с ВИЧ-статусом, хотя подавляющее большинство респондентов отвечали, что совершенно толерантны к таким людям.

2. В большинстве своем респонденты осведомлены о путях и способах заражения ВИЧ-инфекцией.

3. Эмоциональное отношение к ВИЧ-инфицированным людям меняется с положительного на отрицательное в зависимости от степени удаленности от конкретного человека.

Список литературы

1. Кацова Г.Б. Отношение населения к ВИЧ-инфицированным больным / Г.Б. Кацова, И.Н. Сергеев, Т.Н. Павленко // Национальная Ассоциация Ученых. 2019. № 15-1 (42). С. 8–9.

2. Беляков Н.А. Противодействие ВИЧ-инфекции и рост заболеваемости в России / Н.А. Беляков, В.В. Рассохин, А.С. Бобрешова // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2017. Т.9. №2. С. 82–90.

3. Уздяева У.Д. Жизнь и здоровье как объекты заражения ВИЧ-инфекций // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. №2. С. 126–129.

4. Нежебовская А.С. Правда и вымысел о ВИЧ // В сборнике: Современные концепции профилактической медицины материалы I межрегиональной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. 2018. С. 116–121.

5. Хасанова Г.Р. Анализ факторов риска заражения женщин ВИЧ / Г.Р. Хасанова, Л.М. Мухарямова, С.Т. Аглиуллина, В.А. Анохин // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2017. Т.12. №4. С. 374–378.

COVID-19 VS ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ* **COVID-19 PANDEMIC VS NEW HEALTH POLICY TRANSITION**

А.Р. Заляев, Е.Ю. Шаммазова
Казанский государственный медицинский университет,
г. Казань

A.R. Zalyaev, E.Yu. Shammazova
Kazan State Medical University,
Kazan

Сегодня повсеместно можно услышать расхожее мнение о том, что именно медицинское сообщество должно взять на себя всю ответственность за решение проблемы пандемии и решить ее в полной мере. Приведенный анализ проблемы переходного состояния современной системы общественного здравоохранения, в том числе, в условиях пандемии COVID-19, показывает способность данного «состояния» к таким вызовам, как политическая дестабилизация, общественный резонанс, профессиональные протесты и многое другое.

Today, one can hear the conventional wisdom everywhere that it is the medical community that must take full responsibility for solving the pandemic problem and solve it fully. However, the analysis of the transitional state of the modern public health system presented in the article, including in the context of the COVID-19 pandemic, shows the ability of this “state” to such challenges as political destabilization, public outcry, professional protests and much more.

Ключевые слова: политика здравоохранения, переходный период, система здравоохранения, протестные настроения

Keywords: health policy, transition, health system, protest

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31521.

Пандемия коронавируса (COVID-19), с которой в настоящее время столкнулось большинство стран, привлекла внимание к медицине во всем мире. Вызов пандемией брошен не только обычным людям, но и существующим национальным системам здравоохранения в целом. Эпидемии всегда занимали значительное место в истории человечества, поскольку поражали целые общества. Причины их появления обычно связывают с активным взаимодействием между цивилизациями и возникновением кризисных явлений в обществе.

Средства массовой информации все активнее муссируют предположение экспертов о том, что ситуация с пандемией, скорее всего, будет означать начало нового переходного периода для существующих систем здравоохранения в современном мире [1].

Выбор какой же модели или ее конструирование может быть успешным для России в настоящее время? Что, в большей степени, соответствует уровню социально-экономического развития страны, достижению социального равенства и справедливости в сфере здравоохранения и воспринимается населением как легитимная практика? Актуальные вопросы, которые требуют детального изучения и анализа.

В истории развития здравоохранения развитых стран качественные изменения (переходы) в системе из одного состояния в другое не столь продолжительны и имеют оформленную качественную определенность. В истории постсоветского периода России эти качественно определенные состояния трудно дифференцируемы. Реформирование здравоохранения постсоветской России предстает сплошным переходным периодом. Здесь новое постоянно соседствует со старым, накладывается на него и, не успев утвердиться, вытесняется чем-то иным. В отличие от стран Запада, переходное состояние здравоохранения для России – это норма, и потому история его развития предстает чередой переходных состояний. Определенность же, напротив, существует только как редкое недолговременное исключение.

Отсутствие признаков легитимности властных структур, несогласие с политикой здравоохранения приводит к неудовлетворенности, осуждению и протестным настроениям среди населения. Это несогласие проявляется как на уровне потребителей услуг – рядовых граждан, так и на уровне производителей услуг – врачебного (профессионального) сообщества. Если до недавнего времени в СМИ широко обсуждались эпизоды с низкой степенью удовлетворенности населения качеством медицинского обслуживания, то последние годы указывают на протестные настроения в профессиональной группе, предвещая провал реформы здравоохранения, начатой в 2010 г., когда был принят закон об обязательном медицинском страховании. Изначально ее

цель состояла в оптимизации расходов путем закрытия неэффективных больниц и расширения использования высокотехнологичных медицинских организаций. Среди других ключевых программ реформы можно выделить: Указ президента «О совершенствовании политики в сфере здравоохранения» (с 2012 г.); «дорожную карту» правительства РФ по достижению к 2018 г. определенных показателей в этой сфере; и «Стратегию развития здравоохранения РФ до 2025 года». Однако, реформаторские идеи не нашли должной поддержки у профессионального сообщества, а напротив, усугубили и без того, непростую ситуацию в отрасли. Защищая и отстаивая свои права, медицинское сообщество выходило на митинги. По данным Центра социально-трудовых прав, с января по сентябрь 2019 г. в России состоялись 1443 протестные акции, среди них Всероссийская акция, организованная профсоюзом «Альянс врачей»; массовый протест 113 сотрудников областной детской клинической больницы (г. Екатеринбург), где врачи, медсестры, лаборанты подписали открытое заявление с протестом против низких зарплат и их несправедливого распределения руководством учреждения [2].

В настоящее время ситуация усугубляется пандемией короновиральной инфекции. Как справедливо заметил президент Франции Э. Макрон, ситуация с коронавирусом является «самым страшным кризисом в области здравоохранения за последнее столетие», что, в свою очередь, еще больше способствует обострению дискуссий по проблемам развития общественного здравоохранения.

Как отмечает Дмитрий Михель [1], общественные дискуссии о медицине, здравоохранении и здоровье будут продолжаться еще долго, и огромную роль в них будут играть ученые-гуманитарии. Стоит отметить, что интерес гуманитариев к проблемам здоровья не нов, несмотря на то, что компетентные суждения о медицине являются прерогативой медиков. Однако, еще с времен античности существует достаточно большое количество работ философов, историков. С начала 1970-х гг. к ним активно присоединяются социологи, политологи, интересующиеся вопросами охраны общественного здоровья. Такие медико-гуманитарные или, лучше сказать, гуманитарно-медицинские исследования можно встретить у Мишеля Фуко, Ирвина Зола, Питера Кондрада. Активно проявляют себя исследователи из области истории медицины, социологии медицины, антропологии медицины, философии медицины, медицинской биоэтики, медицинского права.

В последние десятилетия политика здравоохранения во всем мире вышла на публичные арены. Сегодня уже смело можно говорить о сформировавшейся сфере публичной политики по проблемам здравоохранения. А именно процесс того, как вовлекаются заинтересованные участники, как происходит

объединение (расхождение) акторов, как принимаются решения и организуется их исполнение. Публичная политика акцентирует внимание на изучении проблем возникновения новых идей и предложений в конкретных направлениях политики (policy), часть из которых становится далее реальными реформами, а часть – так и остается их проектами [3].

Сегодня повсеместно можно услышать расхожее мнение о том, что именно медицинское сообщество должно взять на себя всю ответственность за решение проблемы пандемии и решить ее в полной мере.

Пандемия спровоцировала кризис в сфере бизнеса, поскольку закрыто большое количество социальных пространств, где контактируют люди. Аэропорты, торговые центры, спортивные сооружения, кафе, рестораны и прочее – все эти места являются значимыми в распространении вирусной инфекции, поэтому ожидание принятия скорых мер для стабилизации экономической жизни тоже обращено в сторону медицинского сообщества.

Не говоря уже о таких явлениях, как боль, болезнь и даже смерть. Все уже давно привыкли к тому, что они относятся к сфере медицинского попечения. В некотором смысле медицина и ее медиализация лишили человека связи с его собственной природой. Население не желает больше испытывать боль, не желает ничего знать о смерти, нести бремя болезни. Все это кажется неприемлемым для комфортной современной жизни. В условиях развитого общества потребления, такие проявления как сила духа, характера, стойкость в борьбе с болезнью, умение самостоятельно справляться с недугом, искать причины нездоровья, кажутся нецивилизованными рудиментами. Все хотят быстро и легко устранить дискомфорт, мешающий хорошей сытой жизни.

Существующая система общественного здравоохранения находится в состоянии поиска новых принципов организации. Однако, на практике это чрезвычайно сложная задача, как с точки зрения достижения оптимального соотношения эффективности и справедливости, так и с позиций сохранения политической стабильности. Изменения в здравоохранении надо разрабатывать в контексте публичной политики, поскольку именно здесь, в конечном итоге, будут оцениваться политические решения. Важно также понимать, что сил и средств только одной медицины недостаточно. Возникает необходимость в полной мобилизации общества и использовании новых политических инструментов для принятия упреждающих государственных решений.

Список литературы

1. Михель Д. «Современное общество тотально медиализировано». О новой роли здравоохранения в современном мире. 2020. Электронный ресурс.

https://www.kommersant.ru%2Fdoc%2F4316476&promo=navbar&utm_source=YandexZenSpecial (Дата обращения: 04.04.2020).

2. Черных А. Медицинская карта протестов. Коммерсант, 117 от 08.07.2019: 5. 2019. Электронный ресурс. <https://www.kommersant.ru/doc/4024901> (Дата обращения: 04.04.2020).

3. Сморгун Л., Никовская Л., Молокова М. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие. Москва: Аспект Пресс, 2018. 349 с.

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ АНТИГРАВИТАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВОССТАНОВЛЕНИИ МОБИЛЬНОСТИ ПАЦИЕНТОВ **APPLICATION OF MODERN ANTI-GRAVITY TECHNOLOGIES IN RESTORING FUNCTIONAL MOBILITY IN PATIENTS**

Ю.П. Зверев

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Y.P. Zverev

Lobachevsky University

Рассмотрены теоретические и практические аспекты применения антигравитационной технологии с использованием дифференциального давления воздуха на комплексе AlterG для восстановления мобильности пациентов различных нозологий. Технология предусматривает «разгрузку» веса пациента до 80% с шагом в 1%, что снижает гравитационную нагрузку на нижние конечности и позвоночник до 5 раз и позволяет проводить раннюю вертикализацию пациента и полноценный биомеханический тренинг.

The article discusses the theoretical and practical aspects of the application of anti-gravity technology using differential air pressure on the AlterG complex to restore the mobility of patients with various pathologies. The technology allows the "unloading" of the patient's weight up to 80% in 1% increments, which reduces the gravitational load on the lower limbs and spine by up to 5 times and allows early verticalization of the patient and full-fledged biomechanical training.

Ключевые слова: мобильность, реабилитация, антигравитационные технологии

Keywords: mobility, rehabilitation, anti-gravity technologies

В настоящее время наряду с классическими методами лечебной гимнастики, направленными на восстановление определенной структуры или функции организма, широкое распространение получили технологии двигательной терапии, ориентированные на восстановление определенного двигательного навыка или двигательной задачи (task-oriented approach) [1]. Данный подход подразумевает раннее и интенсивное восстанов-

ление/тренировку всего двигательного действия, а не отдельных его компонентов. Для этого нужны соответствующие технологии, создающие условия для ранней тренировки конкретного двигательного навыка, например, для восстановления функции ходьбы. В связи с этим стоит вспомнить известное высказывание, что ходьба тренируется только в ходьбе. Чем раньше начинается восстановление ограниченного двигательного навыка, тем быстрее он восстанавливается и тем меньше гиподинамических последствий.

Методы раннего восстановления мобильности пациентов с различными заболеваниями включают применение разгрузочных систем («Редкорд», «Экзарта»); подводных беговых дорожек и велотренажеров; вертикальных реабилитационных подвесных систем. Сравнительно недавно появилась новая технология, основанная на применении дифференциального давления воздуха на антигравитационной беговой дорожке AlterG [2].

Технология, которая лежит в основе работы AlterG, изначально была создана для занятий фитнесом астронавтов NASA во время продолжительных полетов в космос. Компания AlterG первой адаптировала эту технологию для реабилитации в виде аппаратного комплекса AlterG, включающего беговую дорожку, герметичную камеру и систему видео, прессио и тензомониторинга и анализа [2].

При проведении занятия пациент встает на беговую дорожку, и нижняя часть его тела оказывается в герметичной камере, внутри которой создается повышенное давление воздуха. Давление в камере всего на 10% превышает атмосферное. Оно равномерно распределяется внутри камеры и практически не заметно для пациента. Разница между повышенным давлением воздуха в камере, в которой находится нижняя часть туловища, и атмосферным давлением получила название дифференциального давления воздуха (ДДВ) [2; 3]. Именно оно и создает подъемную силу, приводящую к дозированной и контролируемой «разгрузке» массы тела от 1% до 80% с шагом в 1%. В результате разгрузки массы тела нагрузка на нижние конечности и пояснично-крестцовый отдел позвоночника снижается до 5 раз. При этом сохраняется нормальная биомеханика ходьбы и бега с опорой на нижние конечности [3; 4].

Биомеханические и электрофизиологические исследования показали, что разгрузка сама по себе не изменяет биомеханику движений и паттерн электромиографической активности мышц нижних конечностей [5; 6]. Горизонтальный компонент силы реакции опоры практически не изменяется, что обеспечивает нормальную биомеханику ходьбы. Пиковая ЭМГ амплитуда несколько снижается, но возрастает при увеличении скорости движений [7].

Видеомониторинг с системой аналитики в режиме реального времени позволяет проводить анализ параметров ходьбы и своевременно

корректировать, а также осуществлять тренировку с применением биологической обратной связи.

AlterG позволяет не только выполнять различные виды ходьбы и бега, но и упражнения для суставов нижних конечностей в условиях открытой и закрытой биокинематической цепи. Кроме использования комплекса как беговой дорожки, она может применяться для тренировки баланса и проприоцепции [2; 3; 7].

Основными сферами применения технологии являются:

- нейрореабилитация при травматических повреждениях спинного мозга, мозговом инсульте, ДЦП, дегенеративных и демиелинизирующих заболеваниях нервной системы;
- реабилитация пациентов в травматологии и ортопедии, включая эндопротезирование суставов нижней конечности;
- кардиореабилитация;
- гериатрическая реабилитация, направленная на тренировку баланса, снижение риска падений и повышение мобильности;
- хронические заболевание и состояния, такие как болезни суставов, ожирение и сахарный диабет;
- оздоровительные и спортивные тренировки [2; 3; 7].

Для проведения занятий имеются клинические протоколы для широкого круга заболеваний и состояний, разработанные компанией AlterG и профессиональными сообществами с позиций доказательной медицины. Российские клинические протоколы по применению антигравитационной двигательной терапии были разработаны Национальным медико-хирургическим центром им. Пирогова [3].

Основные преимущества технологии AlterG [2; 3; 7]

1. Традиционные технологии, такие как подвесные системы, не дают возможность точно подбирать и дозировать разгрузку веса пациента и, соответственно, нагрузку на нижние конечности. Антигравитационная технология комплекса AlterG обеспечивает точную (с шагом в 1%) разгрузку веса и контролируемую разгрузку/нагрузку нижних конечностей и дозируемое прогрессирование нагрузки от процедуры к процедуре.

2. Пациенты с дозированием нагрузки по переносимости формируют различные компенсаторные стратегии при движениях, например, укорочение шага. Разгрузка в AlterG уменьшает болевые ощущения, что способствует формированию нормального биомеханического и физиологического паттерна ходьбы.

3. В отличие от традиционных систем реабилитации гравитационная разгрузка в комплексе AlterG позволяет более раннее включение физических

упражнений в закрытой кинематической цепи в программу реабилитации, что снижает риск развития постоперационных и посттравматических осложнений и развития патологических состояний. Кроме того, ранняя опора на нижние конечности стимулирует проприоцептивную чувствительность и проприоцептивное обучение.

4. Ранние тренировки на антигравитационной дорожке обеспечивают быстрое укрепление ослабленных мышц нижних конечностей, а комфортабельная техническая система поддержки и опоры позволяет проводить безопасное восстановление и тренировку функции ходьбы.

Таким образом, применение антигравитационной технологии на аппаратном комплексе AlterG позволяет проводить раннюю вертикализацию пациента и полноценный биомеханический тренинг для восстановления функциональной мобильности при различных заболеваниях и состояниях.

Список литературы

1. Rensink M. Task-oriented training in rehabilitation after stroke / M. Rensink et al // Journal of Advanced Nursing. 2009. 65(4): 737-54.
2. AlterG Anti-Gravity Treadmill [Electronic resource]. Available at: <https://www.alterg.com>.
3. Антигравитационные технологии восстановления ходьбы в клинической нейрореабилитации : методическое пособие / Шевченко Ю.Л. [и др.]. М: ФГБУ «НМХЦ им. Н.И. Пирогова». 2014. 28 с.
4. Kurz M. Influence of Lower Body Pressure Support on the Walking Patterns of Healthy Children and Adults / M. Kurz, J.E. Deffeyes, G.M. Karst // Journal of Applied Biomechanics, 2012 Nov; 28(5):530-4.
5. Grabowski A. Metabolic and Biomechanical Effects of Velocity and Weight Support Using a Lower Body Positive Pressure Device During Walking / A. Grabowski // Archives of Physical Medicine and Rehabilitation 2010. 91:951-957.
6. Kawae T. Anti-Gravity Treadmill Can Promote Aerobic Exercise For Lower Limb Osteoarthritis Patients / T. Kawae, Mikami, Y., Fukuhara, K., Kimura, H., Adachi N. // Journal of Physical Therapy Science 2017. 29:1444-1448.
7. Summary of Clinical Research AlterG® Anti-Gravity Treadmill™ Technology. AlterG Inc, 2019. 36 p.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И СТРАТЕГИИ
ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ
SOCIAL FACTORS AND STRATEGIES
OF HEALTH-PRESERVING BEHAVIOR**

Д.В. Зернов

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

D.V. Zernov

Lobachevsky University

Рассматривается влияние социальных факторов на здоровьесберегающее поведение населения. Анализируется отношение различных половозрастных групп населения к формам поддержания здоровья. Определяется влияние вступления в брак на изменение отношения к здоровью.

The influence of social factors on health-preserving behavior of the population is considered. The attitude of different sex and age groups of the population to the forms of health maintenance is analyzed. The influence of marriage on changing attitudes towards health is determined.

Ключевые слова: брак, возраст, гендер, здоровье, семья, формы поддержания здоровья, ценностные ориентации

Keywords: marriage, age, gender, health, family, forms of health maintenance, value orientation

Личное здоровье является безусловной ценностью почти для каждого человека. В иерархии слагаемых жизненного успеха здоровье наряду с работой и семьей всегда находится в числе лидеров. Это характерно и для мужчин, и для женщин, независимо от того, к какой возрастной группе они принадлежат. В зависимости от возраста на здоровье как важнейшую ценность указывают от 85% до 95% женщин и от 80% до 90% мужчин.

Одновременно с этим наблюдается потребительское отношение к собственному здоровью, зачастую не связанное с усилиями для его поддержания. Об этом свидетельствует даже самооценка большинства населения соответствия собственного образа жизни здоровому образу жизни. Отвечают, что просто не задумываются об этом примерно треть молодежи и около половины людей пожилого возраста. Среди женщин число тех, кто не задумывается о таком соответствии, ниже, чем среди мужчин. Это характерно и для всех возрастных групп. Например, в группе лиц до 30 лет таковых среди женщин 26%, а среди мужчин – 37%, в группе лиц среднего возраста – 38% и 50% соответственно.

Уверенность в том, что они обладают полной информацией о своём здоровье, характерна примерно для десятой части населения. А число тех, кто скорее обладает такой информацией, примерно соответствует числу тех, кто не уверен даже и в этом. Статистически значимых отличий по уровню информированности среди мужчин и женщин не наблюдается. Не наблюдаются и отличия в оценках представителей разных возрастных групп.

Интерес к информации о здоровом образе жизни и способах улучшения здоровья тоже нельзя назвать высоким. Чаще всего как мужчины, так и женщины говорят, что такая информация их немного интересует. Высокий интерес к информации о здоровом образе жизни характерен примерно для пятой части мужчин и трети женщин. Однако, если среди мужчин число тех, кого очень интересует такая информация, ниже числа тех, кто демонстрирует минимальный интерес или вообще его отсутствие (20% против 33%), то среди женщин ситуация противоположная: информация не интересует или почти не интересует лишь 13% из них.

Ничего не делает для поддержания своего здоровья и даже не думает об этом примерно десятая часть населения. Чаще всего это характерно для лиц среднего возраста.

Наиболее популярные формы поддержания здоровья у населения связаны прежде всего или с избеганием вредных привычек (отказ от курения или чрезмерного употребления алкоголя), или с такими действиями, которые не требуют физической нагрузки, временных затрат или специальных знаний (полноценное питание и прогулки на свежем воздухе). Пятёрку лидеров замыкает медикаментозный метод поддержания и укрепления здоровья – приём лекарственных препаратов. На шестом месте – приём витаминов, а на седьмом – соблюдение режима дня. Разного рода физическую активность как способ укрепления здоровья практикует примерно треть населения: чаще всего это утренняя зарядка, реже – бассейн, фитнес и тренажёры.

Наблюдается связь между половозрастными характеристиками и выбором различных форм здоровьесберегающего поведения.

Женщины гораздо чаще мужчин выбирают самые разные формы поддержания и укрепления здоровья. Однако ярче всего это выражено в отношении к медикаментозным формам поддержания и укрепления здоровья: принимают лекарственные препараты 37% женщин и 26% мужчин, витамины – соответственно 39% и 19%. Женщины чаще мужчин в профилактических целях посещают врачей (17% женщин и 7% мужчин). Регулярное и полноценное питание как способ поддержания здоровья характерен и для мужчин, и для женщин, однако последние чаще соблюдают различного рода диеты. Однако здесь не стоит забывать, что для женщин, гораздо в большей степени, чем для

мужчин, данная активность связана не только со здоровьем, но и с заботой о своей внешности.

В возрастном плане различия наиболее ярко проявляются в отношении к медикаментозным формам поддержания здоровья: с возрастом растёт число лиц, принимающих лекарственные препараты (в возрастной группе от 18 до 29 лет таких всего 11%, в группе 30-44 года – 20%, в группе 45-59 лет – 37%, а в группе 60-74 года – уже 60%) и уменьшает число тех, кто принимает витамины (с 36% в самой младшей из перечисленных возрастной группе до 21% – в самой старшей). С возрастом растёт и число лиц, регулярно посещающих врачей в профилактических целях (с 6% до 20%). Наблюдаются и определённые изменения, связанные с образом жизни: чем старше возрастная группа, тем больше в ней людей, которые стараются соблюдать режим дня, а также регулярно и полноценно питаться. А вот число лиц, выбирающих физически активные формы поддержания здоровья, напротив, уменьшается: с 45% в младшей возрастной группе до 26% в старшей возрастной группе.

Вступление в брак и создание собственной семьи оказывают влияние на стратегии здоровьесберегающего поведения (для проверки этой гипотезы сравнивались формы поддержания здоровья одиноких и женатых мужчин, одиноких и замужних женщин. Чтобы избежать влияния возрастного фактора, сравнение происходило в возрастной группе от 25 до 35 лет. Отметим, что приведённые выводы носят предварительный характер и требуют дополнительной проверки).

Изменения в отношении к собственному здоровью после вступления в брак видны уже из оценок соответствия собственного образа жизни здоровому образу жизни. Как среди женатых мужчин, так и среди замужних женщин значительно вырастает число тех, кто считает, что их образ жизни скорее соответствует здоровому образу. Однако перераспределение оценок в этих группах происходит по-разному. У мужчин – за счёт уменьшения числа тех, кто раньше об этом не задумывался, у женщин за счёт тех, кто ранее говорил, что ведёт скорее нездоровый образ жизни. Об этом также свидетельствует, что среди женатых мужчин значимо снизился процент тех, кто ничего не делает для своего здоровья, тогда как среди женщин подобной тенденции не наблюдается.

Изменения в отношении различных форм для поддержания своего здоровья у женатых мужчин заметно ярче, чем у замужних женщин. Среди женатых мужчин втрое больше, чем среди одиноких, тех, кто для поддержания здоровья принимает лекарственные препараты, и вдвое больше тех, кто теперь старается регулярно и полноценно питаться. Их спортивно-физическая активность не меняется, но зато теперь они стараются больше проводить времени на свежем воздухе. Чисто тех, кто не курит и не употребляет алкоголя, в этих группах практически не меняется, однако среди женатых существенно

вырастает число тех, кто теперь старается ограничивать себя в курении и избегает чрезмерного употребления алкоголя.

Для женщин после вступления в брак изменения в выборе форм для поддержания здоровья не столь заметны. Причем по отдельным показателям наблюдается не рост, как это было у вступивших в брак мужчин, а даже снижение. В частности, это произошло с показателем физической активности: у одиноких женщин он составлял 40%, у замужних – теперь 28% (исключение составляет посещение бассейна – здесь у замужних женщин заметный рост). Уменьшилось число женщин, принимающих лекарственные препараты, хотя число принимающих витамины остаётся на очень высоком уровне. Число женщин, старающихся регулярно и полноценно питаться, не изменилось, однако ощутимо выросло число тех, кто старается соблюдать разного рода диеты. Показательным для женщин, вступивших в брак, является изменение отношения к вредным привычкам и особенно к табакокурению. Если мужчины после вступления в брак скорее не отказываются от курения полностью, а ограничивают себя в курении, то многие женщины чаще совсем бросают курить. Полного отказа от употребления алкоголя у женщин, как и у мужчин, не происходит, однако и в той, и в другой группе растёт число избегающих чрезмерного употребления алкоголя.

НОРМЫ РЕЦИПРОКНОСТИ И ЗДОРОВЬЕ: АНАЛИЗ СВЯЗИ **NORMS OF RECIPROCITY AND HEALTH: ANALYSIS OF THE LINK**

С.Ю. Елисеева
*Пермский государственный
национальный исследовательский университет, г. Пермь*
S.Yu. Eliseeva
Perm State University, Perm

Акцентируется значимость норм реципрокности, которые определяются через взаимное оказание помощи внутри социальной сети, для здоровья. На выборке рабочих пермских промышленных предприятий установлено, что нормы реципрокности положительно влияют на самооценку здоровья.

The paper describes the importance of reciprocity norms, which are determined through mutual assistance within a social network, for health. A sample of Perm industrial workers found that the norms of reciprocity have a positive effect on self-assessment of health.

Ключевые слова: самооценка здоровья, нормы реципрокности, социальный капитал

Keywords: self-assessment of health, norms of reciprocity, social capital

Влияние социального капитала и его отдельных компонентов на популяционное и индивидуальное здоровье активно изучается зарубежными и отечественными исследователями [1-3]. Установлена и описана зависимость состояния здоровья (health status) от таких компонентов социального капитала, как уровень доверия (trust) [4-6] и качество социальных сетей (social networks), в которые вовлечен индивид [7; 8]. Однако основные теории социального капитала указывают, что для извлечения ресурсов, необходимых в том числе при решении задач восстановления и поддержания здоровья, индивид создает социальные связи, которые базируются не только на доверии, но и на разделении социальных норм, в частности норм реципрокности, взаимопомощи (norms of reciprocity).

Реципрокность, или норма взаимности – это особый принцип социального взаимодействия, при котором происходит взаимный обмен материальными и нематериальными дарами между членами социальной сети [9]. Именно данный принцип, по мнению Р. Патнэма, является основополагающим для создания социального контекста сотрудничества и солидарности [10]. Исследователь выделяет два типа взаимного обмена: сбалансированный (balanced) и обобщенный (generalized). Первый тип основывается на разделении одинаковых ценностей, второй тип – на взаимных ожиданиях, социальных обязательствах.

Одним из первых, кто установил связь здоровья и норм реципрокности на макроуровне, был профессор Гарвардского университета I. Kawachi. В своей работе он указал, что при высокой социальной солидарности в обществе гражданские институты являются эффективными и действующими, а в ответ на это государство проявляет большую социальную ориентированность, заботится о безопасности и благополучии граждан [11]. В недавнем исследовании китайских ученых была выявлена связь между соседской социальной взаимностью и здоровьем пожилых людей [12]. Установлено, что нормы взаимности, во-первых, обеспечивают эмоциональную поддержку пожилым людям, так как жители районов с высокой социальной взаимностью с большей вероятностью получают и узнают информацию о состоянии здоровья своих соседей. Во-вторых, поддержка и помощь соседей побуждает пожилых людей проявлять свое участие в добровольческой деятельности, которое поддерживает их физическое и психическое состояние. Канадские ученые изучили проблематику взаимности в контексте лечения больных туберкулезом [13]. Было выявлено, что нормы взаимности накладывают на больного моральные обязательства по соблюдению изоляции для получения эффективной противотуберкулезной помощи. Несмотря на установленную связь норм

реципрокности и здоровья в зарубежных работах, на российских выборках данные исследования практически отсутствуют.

Цель исследования – выявить связь между здоровьем и нормами реципрокности на примере рабочих пермских промышленных предприятий. Эмпирической базой послужили данные социологического исследования 2017 г. Выборку составили работники пермских промышленных предприятий ПМЗ, Протон, Редуктор ($n=770$ человек).

Для измерения здоровья в исследовании использовалась методика самооценки через вопрос: «Как бы Вы оценили состояние своего здоровья?» со шкалой: «очень хорошее», «скорее хорошее», «скорее плохое», «очень плохое». По итогу анализа данных можно сделать вывод, что работники высоко оценивают свое здоровье, более 90% выбрали вариант «очень хорошее» (16%) и «скорее хорошее» (78%). С возрастом самооценка здоровья работников ухудшается: они начинают говорить об увеличении количества хронических заболеваний. Так, 75% рабочих до 34 лет заявляют об отсутствии хронических, к 60 годам их количество уменьшается до 30%.

Потенциал нормы взаимности рабочего оценивался через вопросы о получении помощи от работников и руководителей своего и других подразделений («От кого Вы получили реальную помощь?»), а также об оказании ими помощи («Кому оказали помощь?»). Вопросы были измерены по шкале: «не обращался», «получил/оказал помощь», «не получил/не оказал помощь». Было установлено, что большинство работников (75%) разделяют нормы реципрокности на рабочем месте, то есть, получая помощь от коллег, они оказывают им помощь в ответ (коэффициент d Сомерса равен 0,374 при $p<0,001$, зависимая – оказание помощи). Существует и обратная сторона действия норм взаимности: не получив помощи от коллег, работники в дальнейшем оценивают, что не могут в трудной ситуации положиться на них (корреляция Спирмена равна 0,072 при $p<0,005$).

В результате исследования была выявлена связь между самооценкой здоровья и получением помощи от работников подразделения, в котором работает индивид (ρ -Спирмена 0,178 при $p<0,005$). С 95% надежностью можно утверждать, что работники, получающие помощь от своих коллег, в 7,5 раз чаще оценивают состояние своего здоровья как положительное (OR – 7,429 ДИ 2,420–22,808). Кроме этого, они достоверно чаще отмечают отсутствие хронических заболеваний (ρ -Спирмена 0,155 при $p<0,005$). Данная связь обусловлена следующим образом: индивид, который получает помощь от своих коллег, может надеяться на их поддержку, доверять им и создавать с ними плотные социальные сети. В последующем этот индивид взамен оказывает помощь, то есть авансирует в эти отношения для поддержания связи. Все эти

показатели в совокупности создают безопасное социальное пространство индивида, которое минимизирует влияние психологических (в случае с эмоциональной поддержкой) и физических (в случае оказания реальной помощи в работе) нагрузок на индивида, что положительно сказывается на его самочувствии [5].

Полученные результаты позволяют говорить о связи здоровья и норм реципрокности, но исключительно в группе рабочих одного подразделения. Исследование не показало связи между группами рабочие и руководители подразделений, так как между ними наблюдается низкий уровень доверия и норм реципрокности (более половины работников не оказывают помощь руководителям и не обращаются за помощью к ним).

Установлено, что нормы реципрокности, интерпретируемые через взаимное оказание помощи внутри сети, положительно влияют на самооценку здоровья индивида посредством создания комфортной психологической обстановки. Иными словами, нормы реципрокности создают условия для создания прочных социальных контактов, в которых проявляется поддержка и помощь по отношению друг к другу, в том числе в вопросах здоровья. Полученный вывод важен для продолжения исследований в изучении вопросов социальной обусловленности здоровья.

Список литературы

1. Villalonga-Olives E., Kawachi I. The dark side of social capital: a systematic review of the negative health effects of social capital // *Social science and medicine*. 2017. Vol.194. P. 105–127.
2. Hawe P., Shiell A. Social capital and health promotion: A review // *Social Science & Medicine*. 2000. Vol. 51 (6). P. 871–885.
3. Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Значение социального капитала для здоровья в странах Европы // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. №3. С. 112–133.
4. Feng Z., Vlachantoni A., Liu X., Jones K. Social trust, interpersonal trust and self-rated health in China: a multi-level study // *International Journal for Equity in Health*. 2016. Vol. 15. P. 1–11.
5. Abbott S., Freeth D. Social Capital and Health: Starting to Make Sense of the Role of Generalized Trust and Reciprocity // *Journal of Health Psychology*. 2008. №13(7). P.874–883.
6. Миронова А.А. Доверие, социальный капитал и субъективное благополучие индивида // *Общественные науки и современность*. 2014. №3. С. 44–52.
7. Berkman L.F., Glass T. Social integration, social networks, social support, and health, in: eds. L.F. Berkman and I. Kawachi, *Social epidemiology*. New York: Oxford University Press, 2000. P. 137-173.

8. Kawachi I. Social capital and community effects on population and individual health // Annals of the New York Academy of Sciences. 1999. February. №896. P. 120–130.

9. Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Экономическая социология. 2004. С. 20-30

10. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии // Ad Marginem. 1996. 287 с.

11. Kawachi, Ichiro, Bruce P Kennedy. Socioeconomic Determinants of Health: Health and Social Cohesion: Why Care About Income Inequality? // British Medical Journal. 1997. Vol. 314. №.7086. P. 1037–1040.

12. Wang R., Chen H., Liu Y. et al. Neighborhood social reciprocity and mental health among older adults in China: the mediating effects of physical activity, social interaction, and volunteering. BMC Public Health 19, 1036 (2019).

13. Silva D.S., Dawson A. & Upshur R.E. Reciprocity and Ethical Tuberculosis Treatment and Control. Bioethical Inquiry 13, 75-86 (2016).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ COVID-19: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ **SOCIAL IMPLICATIONS OF COVID-19: GENDER ASPECT**

О.А. Ефанова, М.П. Писклакова-Паркер

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

*O.A. Efanova, M.P. Pisklakova-Parker
Institute of Socio-Economic Problems of Population,
Branch of the Federal Research Sociological Center of the RAS,
Moscow*

Исследуется гендерный аспект социальных последствий COVID-19. Выводы, сделанные авторами, основаны на результатах социологического опроса населения РФ, проведенного Лабораторией гендерных исследований ИСЭПН ФНИСЦ РАН в апреле 2020 г. Выявлено как отрицательное, так и положительное влияние пандемии на гендерный порядок и гендерные отношения в семье.

The article is devoted to the gender aspect of the social consequences of COVID-19. The conclusions made by the authors are based on the results of a sociological survey of the population of the Russian Federation conducted by the Laboratory for Gender Studies at ISESP FNISTS RAS in April 2020. The article identifies both negative and positive effects of the pandemic on the gender order and gender relations in the family.

Ключевые слова: гендер, гендерные аспекты, гендерный порядок, гендерные отношения, социальные последствия, пандемия, COVID-19

Keywords: gender, gender order, gender relations, social consequences, pandemic, COVID-19

Пандемия COVID-19, или коронавируса, разразившаяся в 2020 г., будет, несомненно, иметь далеко идущие социальные последствия для всего мира и для нашей страны, в частности. Многие из этих последствий в полной мере проявятся после выхода из режима самоизоляции, но уже сейчас можно говорить об изменениях в различных сферах жизни, произошедших в период самоизоляции, имеющих социальное значение. Об этом свидетельствуют, в том числе, данные интернет-опроса населения Российской Федерации, проведенного Лабораторией гендерных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра (ИСЭПН ФНИСЦ) РАН. Объем выборки в данном исследовании составил 600 человек в возрасте 18 лет и старше. Опрошены жители 73 субъектов РФ. В исследовании приняли участие 278 мужчин и 322 женщины, из них 118 человек в возрасте 18-29 лет, 363 в возрасте 30-59 лет и 119 в возрасте 60 лет и старше, что соответствует данным органов государственной статистики о распределении населения Российской Федерации по полу и возрасту [1]. Целью исследования было выявление гендерных аспектов социодемографической динамики современной России, в том числе социальных последствий пандемии.

Одним из важных ощутимых уже сейчас социальных последствий пандемии COVID-19 является снижение доходов населения и, соответственно, рост бедности. По оценке «Высшей школы экономики» (ВШЭ), реальные располагаемые доходы россиян во II квартале текущего года могут упасть на 18%. Причём без государственной поддержки падение оказалось бы выше на 3.8 процентного пункта. По данным исследования ИСЭПН РАН, население ощутило падение доходов уже в начале этого периода. Об ухудшении своих доходов заявили более половины опрошенных (56.5%), при этом женщин эта негативная тенденция затронула в значительно большей мере (Таблица 1).

Т а б л и ц а 1

Мнение мужчин и женщин об изменении их доходов в связи с пандемией коронавируса (%)

<i>Как изменился Ваш доход в связи с пандемией коронавируса?</i>	Мужчины	Женщины	Всего
Значительно улучшился	1.8	0.9	1.3
Немного улучшился	3.2	2.5	2.8
Остался без изменений	38.8	37.9	38.3
Немного ухудшился	28.4	30.1	29.3
Значительно ухудшился	27.7	28.6	28.2

Как видно из данных таблицы, ухудшение дохода ощутили более половины опрошенных женщин (58.7%), тогда как среди мужчин ухудшение доходов заменили менее половины (46.1%) респондентов.

Значительным негативным последствием режима самоизоляции следует признать рост семейного насилия. Согласно данным исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, почти пятая часть (16.8%) опрошенных отметила учащение случаев насилия в семьях, преимущественно (62.3% всех известных респондентам случаев семейного насилия) в отношении женщин.

Другим значимым негативным последствием режима самоизоляции стало значительное увеличение нагрузки на женщин. По мнению гендерных исследователей, пандемия ярче высветила проблемы гендерного неравенства, особенно в домашнем труде. По данным исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, объем женского труда дома увеличился в среднем в полтора раза и это при том, что половина (49.2%) опрошенных женщин работали удаленно, а 20.6% ходили на работу, как обычно (Таблицы 2; 3). Иными словами, реально нагрузка на женщин возросла в период самоизоляции многократно.

Т а б л и ц а 2

Мнение мужчин и женщин о количестве часов в неделю, затраченных на домашние дела (%). Данные приведены в процентах от количества ответивших

Количество часов	До апреля 2020 года				В апреле 2020 года			
	Вы		Ваш партнёр (жена/муж)		Вы		Ваш партнёр (жена/муж)	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0 часов	4.8	1.0	2.1	13.6	3.2	1.5	2.7	18.9
до 7 часов в неделю	53.5	24.8	32.1	58.7	40.1	18.4	26.7	44.7
от 8 до 14 часов	24.1	35.4	27.8	15.5	31.0	32.0	29.4	17.0
от 15 до 24 часов	11.8	21.8	22.5	7.8	17.6	19.9	21.9	12.1
более 24 часов	5.9	17.0	15.5	4.4	8.0	28.2	19.3	7.3

Т а б л и ц а 3

Мнение мужчин и женщин о количестве часов в неделю, посвященных ребенку в последнее время (%). Данные приведены в процентах от количества ответивших

Количество часов	До апреля 2020 года				В апреле 2020 года			
	Вы		Ваш партнёр (жена/муж)		Вы		Ваш партнёр (жена/муж)	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0 часов	3.3	2.6	2.2	5.2	3.3	1.7	2.2	9.5
до 7 часов в неделю	24.4	19.0	7.8	40.5	12.2	6.9	7.8	22.4
от 8 до 14 часов	30.0	19.0	23.3	25.0	28.9	16.4	17.8	24.1
от 15 до 24 часов	16.7	12.9	27.8	13.8	24.4	13.8	23.3	22.4
более 24 часов	25.6	46.6	38.9	15.5	31.1	61.2	48.9	21.6

В то же время данные таблиц свидетельствуют о частичном пересмотре и перераспределении ролей в домашнем труде. Так, если до пандемии менее пятой части респондентов (17.7%) занимались домашними делами свыше 15 часов в неделю, то в период самоизоляции уже четверть опрошенных (25.6%) посвящали домашнему труду такое количество времени. Увеличилась и доля мужчин, затрачивающих такое количество времени на общение и уход за детьми (55.5% против 42.3% до апреля 2020 года). Результаты исследования свидетельствуют, что мужчины, вплотную столкнувшись с огромным объемом работы, выполняемой женщинами дома, стали частично брать его на себя, что можно отнести к положительным последствиям пандемии коронавируса, ведущим к большему гендерному балансу.

К положительным социальным последствиям COVID-19 следует отнести и определенные сдвиги в степени распространенности гендерных стереотипов, о которых свидетельствуют сравнение результатов данных исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН с данными опроса «Стереотипы в отношении женщин и их социально-экономические последствия», проведенного аналитическим центром НАФИ при поддержке Совета Евразийского женского форума при Совете Федерации РФ и компании Google в мае-июне 2019 г. [2]. Сравнительный анализ данных этих исследований показывает, что доля россиян, не разделяющих один из самых стойких гендерных стереотипов в отношении главного предназначения женщины как матери и хорошей хозяйки, увеличился по сравнению с 2019 г. с 29% до 36%. Значительно поколеблен и стереотип о роли мужчины как кормильца. Если в 2019 г. подавляющее количество женщин (89%) считали, что мужчина должен обеспечивать семью, то в период пандемии доля женщин, разделяющих эту точку зрения, составила уже значительно менее двух третей (59%) опрошенных. Существенно сократилось, с четверти респондентов до менее пятой части (18.2%), и количество придерживающихся мнения, что технические и IT профессии не подходят для девушек и женщин. Однако, следует подчеркнуть, что доля мужчин, сохраняющих приверженность гендерным стереотипам, значительно больше, чем доля придерживающихся их женщин. Так, мужчин, не разделяющих стереотип о главном предназначении женщины как матери и хозяйки, в 1,4 раза меньше, чем женщин (29.5% против 41.6% среди женщин), при этом мужчин, разделяющих мнение о меньшей пригодности женщин для технических и IT профессий, в 1,8 раза больше, чем женщин (23.7% против 13.4% среди женщин). Доля мужчин, сохраняющих приверженность стереотипу о роли мужчины как кормильца, тоже значительно больше и составляет две трети (65.5% против 59% среди женщин) опрошенных представителей данной группы.

Данные исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН свидетельствуют о неоднозначности влияния пандемии COVID-19 на существующий гендерный порядок, которая имеет в этом отношении как положительные, так и отрицательные социальные последствия. К отрицательным последствиям относится большее сокращение доходов у женщин, увеличение случаев насилия над ними в семье, значительное увеличение объема женского труда при сохранении нагрузки на работе. Однако пандемия внесла и положительные изменения в гендерные отношения, к которым следует отнести частичное перераспределение гендерных ролей в исполнении домашних обязанностей – увеличение гендерного равенства в этой области и наметившийся сдвиг в преодолении традиционных гендерных стереотипов, значительно заметнее выраженный у женщин, что свидетельствует о необходимости активизации работы по преодолению данных стереотипов среди мужчин для повышения стабильности семей и достижения гендерного равенства.

Список литературы

1. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат.сб. // Росстат.М.,2019. 352 с.
2. Стереотипы в отношении женщин и их социальные последствия // URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/stereotipy-v-otnoshenii-zhenshchin-i-ikh-posledstviya/> (Дата обращения: 06.05.2020).

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАБИЛИТАЦИИ
И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ДИАГНОЗ
«НАРКОМАНИЯ». ОПЫТ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**
**THE ROLE OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANISATIONS
IN THE PROCESS OF REHABILITATION AND RE-SOCIALISATION OF
PEOPLE DIAGNOSED WITH DRUG ADDICTION. NIZHNY NOVGOROD
REGION EXPERIENCE**

О.В. Кобзан

*Управление по контролю за оборотом наркотиков МВД России
по Нижегородской области, г. Нижний Новгород*

O.V. Kobzan

*Drug Control of the Russian Ministry of Internal Affairs
in the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod*

На основании данных мониторинга наркоситуации в Нижегородской области анализируется модель реабилитации лиц с диагнозом «наркомания», а

также роль социально ориентированных некоммерческих организаций в этом процессе.

Based on data from monitoring of the drug situation in the Nizhny Novgorod Region, the rehabilitation model for persons diagnosed as drug addicts and the role of socially oriented non-profit organizations in this process are analyzed.

Ключевые слова: ресоциализация, реабилитация, наркомания, наркоситуация, социально ориентированные некоммерческие организации

Keywords: resocialization, rehabilitation, drug addiction, drug situation, socially oriented non-profit organizations

Наркомания является комплексной социальной проблемой, решение которой зависит от качества координационной и организационной работы, эффективности межведомственного взаимодействия, частно-государственного партнерства и сотрудничества с общественными некоммерческими организациями.

Наркоситуация в Нижегородской области имеет специфику, обусловленную статусом области как третьим по масштабу и значимости промышленным и экономическим центром страны, близостью к столичному региону, повышенной концентрацией административных, организационных, финансовых, транспортных, логистических ресурсов, плотностью населения, высокими параметрами миграции. В Нижегородской области, по итогам 2019 г. (статистические данные представлены с учётом ЗАТО город Саров), зарегистрировано 8 307 лиц с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков (2018 г – 8 773, – 5,3%).

Весь процесс оказания помощи наркопотребителям разделяется на три этапа. *На первом этапе* проводится социально-психологическое консультирование наркопотребителя для мобилизации внутренних ресурсов и укрепления мотивации на дальнейшее прохождение курса реабилитации, ресоциализации. С наркопотребителем проводится:

- а) подготовка индивидуальной программы реабилитации;
- б) обеспечение наркопотребителя необходимой медицинской помощью в объеме базовой программы обязательного медицинского страхования;
- в) заключение договора между наркопотребителем и реабилитационным центром, включенным в Реестр НКО.

На следующем этапе – социальной реабилитации работа направлена на:

- а) определение психологической предрасположенности наркопотребителя к различным видам деятельности;
- б) выработку индивидуального стратегического плана адаптации в социум;

в) определение оптимальной схемы адаптации в социальную жизнь, исходя из имеющихся в наличии ресурсов (личностных, финансовых, бытовых);

г) разработку конкретных мероприятий по включению наркопотребителя в социум.

Целью социальной реабилитации является восстановление психического и физического здоровья, личностного и социального статуса наркопотребителя.

Заключительный этап ресоциализации и трудовой реинтеграции наркопотребителя – активная помощь наркопотребителю в трудоустройстве, восстановлении семьи, адаптации в семье и в обществе. Работа на этом этапе направлена на:

а) анализ начальных результатов трудовой деятельности;

б) помощь в разрешении конкретных трудностей, возникающих в процессе деятельности в открытом социуме;

в) выработку навыков использования основных принципов, усвоенных в процессе предыдущей работы в программе реабилитации, в повседневной жизни и работе;

г) трудовую профориентацию наркопотребителя.

По завершении реабилитационного цикла общество должно получить здорового, социально адаптированного человека.

Сегмент, обеспечивающий социальную реабилитацию наркозависимым в Нижегородской области, представлен социально ориентированными некоммерческими организациями (далее – СО НКО). Большинство организаций в основе своей реабилитационной программы используют принципы «12 шагов». Программа рассчитана на 6-12-ти месячный период стационарной реабилитации с последующим адаптационным периодом до двух-трех лет. В настоящее время сформирован открытый, прозрачный конкурсный механизм государственной поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций.

ГБУЗ НО «Нижегородский областной наркологический диспансер» совместно с ГБУЗ НО «Наркологическая больница» 07.08.2018 г. утвержден алгоритм оказания наркологической помощи реабилитантам, обращающимся за услугами социальной реабилитации в СОНКО. Алгоритм определяет маршрутизацию, последовательность и этапность оказания наркологической помощи реабилитантам.

Необходимо отметить, что основная трудность контроля за деятельностью различных организаций, оказывающих услуги по реабилитации наркозависимых, состоит в том, что официально не утверждены стандарты реабилитационной помощи, что препятствует аттестации реабилитационных

структур и оценке их эффективности. Как следствие, многие реабилитационные программы осуществляются без отчетливого комплексного подхода к реабилитации, что ведет к незначительным и неустойчивым результатам.

Вместе с тем, главное преимущество СО НКО заключается в том, что здесь оказывается возможным разорвать привычные связи, тот порочный круг, который неизбежно возвращает зависимого к мысли употребить наркотик. Это так называемый метод «погружения», когда меняется обстановка, окружение, прежние контакты оказываются прерванными, и человеку легче начать выстраивать новый трезвый этап своей жизни. Удаленность многих реабилитационных организаций от городских условий имеет решающее значение, человек как бы возвращается к истокам, учится созидать, трудиться.

О результативности программ социальной реабилитации СО НКО свидетельствуют и данные, полученные специалистами наркологической службы, в 2019 г. эффективность реабилитационной помощи составила 35,3% (Табл. 1). При этом в 2019 г. в реабилитационные центры СО НКО обратилось большее количество наркозависимых лиц, чем в государственную наркологическую службу. Безусловно, этому способствуют не только бытовые условия, создаваемые в подобных центрах, но и полная анонимность при прохождении реабилитационных программ.

По представленным СО НКО в ГБУЗ НО «Нижегородский областной наркологический диспансер» годовым отчетам проведен анализ деятельности реабилитационных центров в 2019 г.

Т а б л и ц а 1

Объемы социальной реабилитации наркозависимых, чел.

	2018 г.	2019 год
Находится на конец отчетного года	243	285
Поступило в отчетном году	375	548
Успешно закончили	166	223
Эффективность %	29,0	35,3

**ПРАКТИКИ «ПРАЗДНИЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ»
В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ***
**PRACTICES OF "FESTIVE BEHAVIOR" IN THE CONTEXT
OF HEALTH PROTECTION**

Е.Е. Кутявина, А.Е. Матвеева
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
E.E. Kutyavina, A.E. Matveeva
Lobachevsky University

Рассмотрены практики праздничного поведения, реализуемые студенческой молодежью на вечеринках. Акцент сделан на практиках, которые могут спровоцировать риски для здоровья. Используются материалы пилотажного исследования поведения студенческой молодежи на вечеринках.

The practices of festive behavior, implemented by students at parties, are considered. Emphasis is placed on practices that can provoke health risks. The materials of the pilot study of the students' behavior at parties are used.

Ключевые слова: праздничное поведение, вечеринка, студенты
Keywords: festive behavior, party, students

День воспринимается индивидом как праздничный, если он признается таковым представителями той социальной группы, к которой он принадлежит или хочет принадлежать. Праздник позволяет субъекту ощутить свою идентичность с группой. На этом основании можно заключить, что праздник выступает мощным инструментом социальной интеграции [1, с. 488]. Одним из вариантов праздничного поведения является вечеринка. Под вечеринкой понимается встреча людей, как правило, друзей или знакомых, для совместного проведения времени, отдыха, развлечения в непринужденной, дружеской обстановке [2]. Вечеринки представляют собой одно из средств, способствующих психологической разрядке человека, снятию эмоциональной напряженности, сформированной под влиянием социальной среды, отвлечению от повседневной реальности.

Для выявления практик праздничного поведения на вечеринках было проведено исследование «Новый формат молодежных вечеринок». Методом анкетирования была опрошена студенческая молодежь Нижнего Новгорода и Нижегородской области в возрасте от 16 до 22 лет. Опрос проводился онлайн, через социальную сеть ВКонтакте. Сбор эмпирической информации осуществлен в ноябре 2019 г. Выборка квотная по полу и уровню образования.

* Подготовлено при поддержке РФФИ. Проект 18-411-520002 «Здоровьесбережение в практиках современной нижегородской семьи».

Всего было опрошено 105 студентов ВУЗов Нижнего Новгорода (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева). Деление по возрастным группам следующее: юношей – 51%, девушек – 49%.

Большинство молодых людей (почти 70 %) относительно редко посещают вечеринки (раз в месяц и реже, несколько раз в месяц), у оставшейся части вечеринки проходят раз в неделю и чаще.

Ключевыми атрибутами вечеринок большинство молодых людей отмечают музыку, танцы, алкоголь и разговоры по душам (Рис 1). Важным элементом являются способы стимуляции вечеринок, включает такие компоненты, как алкоголь, музыку, игры – то с помощью чего участники вечеринок поддерживают настроение и создают общую атмосферу праздника. В целом все развлечения на вечеринках, можно разделить на три группы: развлекательные атрибуты (танцы, музыка, караоке, фильмы), развлечения, обеспечивающие взаимодействие и реализацию потребности в общении (разговоры по душам, социальные сети) и токсичные вещества, расслабляющие, воздействуя на органы и системы организма (алкоголь, курение, наркотики). Самые популярные на вечеринках развлечения – это танцы, музыка и разговоры по душам. Далее с незначительным отрывом (82%) идет употребление алкоголя, что не может не тревожить.

Рис. 1. Развлечения на вечеринках, %

Новым трендом в молодежной среде являются различные приборы для курения и генерации пара, около половины отметили данный вариант среди перечня развлечений. Почти столько же молодых людей указали, что на их вечеринках имеют место игры, исполнение песен в караоке. Менее

популярными оказались прогулки на свежем воздухе, использование социальных сетей, просмотр видео и фильмов. Более 1/10 указали присутствие наркотиков на вечеринках.

Рассмотрим гендерную специфику развлечений на вечеринках (табл. 1). Приоритетные позиции и у юношей, и у девушек занимают танцы, музыка, разговоры по душам и алкоголь. Юноши несколько чаще упоминают алкоголь как необходимый атрибут вечеринок (89% против 75%). Курение тоже более распространено среди парней – 63% (девушки 29%), здесь разница более заметная, чем с употреблением алкоголя. Еще более тревожная ситуация с употреблением наркотиков, доля юношей, отмечающих наркотики как атрибут вечеринок, составляет 20% (девушки 2%). Мы предполагали, что вопрос об употреблении наркотиков не сработает, студенты будут пропускать этот вопрос, так как это более социально неодобряемая практика, чем курение и употребление алкоголя.

Т а б л и ц а 1

Рейтинг развлечений на вечеринках по полу, %

	Мужской	Женский	
Танцы	96	98	Танцы
Музыка	94	96	Музыка
Алкоголь	89	88	Общение/ разговоры по душам
Общение/ разговоры по душам	89	75	Алкоголь
Курение	63	53	Игры
Караоке	48	47	Караоке
Игры	44	37	Видео/ фильмы
Социальные сети	33	35	Прогулки
Прогулки	28	29	Курение
Наркотики	20	24	Социальные сети
Видео/ фильмы	13	2	Наркотики

Можно заметить, что фильмы на вечеринках чаще смотрят девушки (37%), чем юноши (13%). Они же чаще организуют на вечеринках игры (53% против 44%), прогулки (35% против 28%), зато реже обращаются во время вечеринок к социальным сетям (24% против 33%). Примерно равные доли юношей и девушек упоминают караоке.

Таким образом, большая часть практик праздничного поведения молодежи на вечеринках не провоцирует рисков для здоровья (танцы, музыка, общение). Распространенной практикой, препятствующей здоровьесбережению, является употребление алкоголя. Учитывая, что большая часть студенческой молодежи участвует в вечеринках хотя бы раз в месяц, можно предположить употребление алкоголя с аналогичной частотой. Особенно

тревожный факт – упоминание частью молодежи (10%) наркотиков атрибута вечеринок. Все виды практик, препятствующих здоровьесбережению, юноши упоминают в контексте вечеринок чаще, чем девушки (алкоголь, курение, кальян, наркотики). Упоминание определенных практик не означает, что человек их и сам реализует, но отражает присутствие этих практик на вечеринках и восприятие их молодежью как более или менее допустимых.

Список литературы

1. Кутявина Е.Е. Тенденции изменений "праздничного поведения" // Здоровье как ресурс: V. 2.0. Международная научно-практическая конференция. Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. 2019 С. 484–488.
2. Ермакова О.П. Слова с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина // М.: Азбуковник, 1999 С. 58.

ТРЕВОГИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ COVID-КРИЗИСА*

CONCERNS AND SOCIO-POLITICAL CULTURE OF RUSSIAN CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE COVID CRISIS

В.К. Левашов, И.С. Шушпанова, О.П. Новоженина
*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

V.K. Levashov, I.S. Shushpanova, O.P. Novozhenina
*Institute of Socio-Political Research of
Theoretical and Applied Sociology of the RAS,
Moscow*

Гражданское общество адаптировалось к новым условиям жизни в период COVID-кризиса. В режиме самоизоляции российских граждан волновали проблемы здоровья и распространения коронавируса на фоне снижения уровня дохода, качества жизни, роста бедности и социального неравенства. Российское гражданское общество приобрело опыт выживания в условиях коронавирусной пандемии и трансформирует его в новый пласт социально-политической культуры устойчивой жизнедеятельности.

Civil society adapted to the new living conditions during the COVID crisis. In the regime of self-isolation, Russian citizens were concerned about health problems and the spread of coronavirus against the background of declining income, quality of

* Статья подготовлена в рамках Гос. задания № 0137-2019-0037 "Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?»".

life, increasing poverty and social inequality. Russian civil society has acquired a new experience of survival in the conditions of the coronavirus pandemic and is transforming it into a new layer of socio-political culture of sustainable living.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, власть, COVID-кризис, тревоги, доходы граждан, самоизоляция, здоровье, бедность, безработица

Keywords: civil society, state, government, COVID crisis, public anxieties, income of citizens, self-isolation, health, poverty, unemployment

Вызовы новой COVID-реальности привели к трансформации образа жизни граждан и значительному усилению роли государства. Настроение и социальное самочувствие российского социума в период распространения коронавируса чутко реагировали на усиление роли государства, ввод новых карантинных мер и ряда пакетов оказания социально-экономической помощи гражданам и бизнесу. Не все действия российских органов власти однозначно восприняты различными сегментами гражданского общества. В этой связи в центре внимания политиков и социологов остаются динамика и характер тревог и настроений российского гражданского общества.

Согласно результатам исследований компании ОМІ и ЦСП «Платформа», проведенных в апреле 2020 г., в период распространения COVID-19 доминирующими тревогами российского общества оставались: возможность экономического спада, который впоследствии повлечет за собой снижение доходов граждан; страх за здоровье близких и родственников, угрозы заражение коронавирусом, а также критическая нехватка денежных средств даже на еду. Данные репрезентируют онлайн-аудиторию России в возрасте старше 18 лет в городах с населением более 100 000 человек по полу, возрасту, Федеральному округу и размеру населенного пункта. Квоты задаются на основе данных ФОМ о структуре онлайн-аудитории. Период сбора данных: 2 апреля, 10 апреля, 17 апреля и 24 апреля 2020 года [1]. Анализ результатов опроса показал, что уровень тревожности респондентов по всем индикаторам в течение апреля 2020 г. постепенно снижался, причем иерархия индикаторов сохранилась (см. рис. 1). Отметим, что на протяжении всего периода у половины и более респондентов преобладали страхи по поводу экономических последствий пандемии. В целом россияне чаще испытывали страх за родных и близких, чем за себя лично. Страх массовых смертей среди населения испытывали около трети опрошенных, лично заразиться коронавирусом опасались около четверти респондентов.

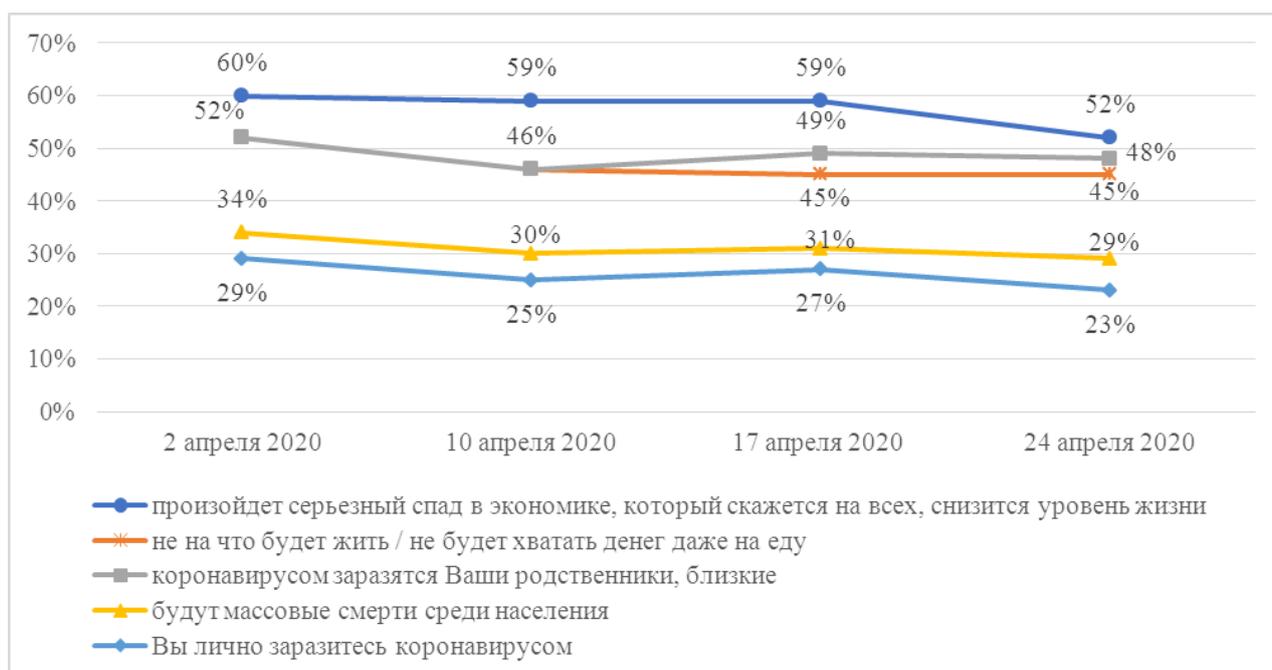

Рис. 1. Динамика тревожности респондентов (вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько в связи с ситуацией коронавируса Вы испытываете чувство страха, что ...») (РФ, в % опрошенных, суммируются ответы 8-10 по 10-балльной шкале) [1]

Результаты мониторинга, проведенного с апреля по июнь 2020 г. компанией Ipsos, показали, что структура тревог российского гражданского общества за три месяца не изменилась. Ключевыми проблемами, волнующими российское гражданское общество, оставались экономические и социально-экономические: бедность и социальное неравенство (61% опрошенных), финансовая и политическая коррупция (51-48%), безработица (34-40%) [2]. Проблемы, связанные со здравоохранением и распространением коронавируса, волновали около трети российского гражданского общества (см. рис. 2).

Российское гражданское общество устало от режима самоизоляции с ограничениями передвижения, введенного органами власти в качестве меры борьбы с COVID-19. Согласно результатам исследований ОМІ и ЦСП «Платформа», на протяжении всего апреля 2020 г. наиболее оправданными мерами, по мнению россиян, оставались ограничение массовых скоплений людей (85-79%) и закрытие всех публичных мест, кроме социально-значимых объектов (81-74%). Уровень поддержки режима самоизоляции с ограничениями передвижения по городу, введенного органами российской власти, постепенно снижался с 62% в начале апреля 2020 г. до 47% в конце апреля 2020 г. К концу апреля на 11% пунктов уменьшилась доля россиян, считавших оправданными введение таких мер, как отслеживание нарушителей режима самоизоляции и их передвижений на личных автомобилях, пропускная система и контроль

передвижения по городу на общественном и личном транспорте и административное наказание за нарушение режима самоизоляции.

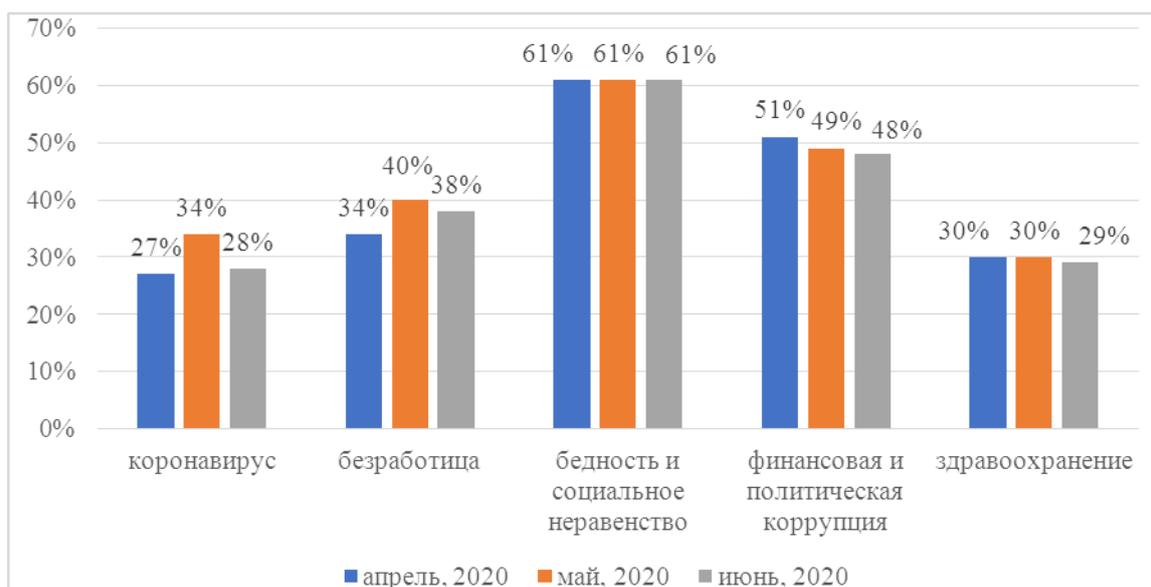

Рис. 2. Доминирующие проблемы, волнующие российское гражданское общество (РФ, в % опрошенных)

Главным следствием вынужденной самоизоляции как средства борьбы с распространением COVID-19, по мнению граждан, станет резкое снижение их доходов, рост бедности и социального неравенства. В структуре тревог граждан страх вероятных экономических последствий значительно превышает все остальные опасения. По данным СК «Росгосстрах жизнь» и центра «Перспектива», в июне 2020 г. доля граждан с доходом ниже 15 тыс. рублей составила 44.6% россиян (в феврале – 38.1%, рост на 6,5 п.п.). В телефонном опросе приняли участие 1500 россиян старше 18 лет из всех федеральных округов. Исследование проводилось в феврале до введения режима самоизоляции (с 26 февраля по 3 марта) и в июне 2020 года. В опросе респондент называл сумму дохода в месяц на семью. Погрешность результатов опроса не превышает 3.3% [3]. С февраля до июня 2020 г. на 2,6 п.п. выросло число граждан, чей доход находился в диапазоне от 15 тыс. до 25 тыс. рублей в месяц. Доля респондентов со среднемесячным доходом 25-35 тыс. рублей и 35-50 тыс. рублей уменьшилась на 2,3 п.п. и 3 п.п. соответственно. Количество россиян, зарабатывающих в месяц на семью от 50 тыс. до 100 тыс. рублей, снизилось с 7.6% до 3.5%. Согласно прогнозу Института «Центр развития» НИУ ВШЭ, снижение реальных располагаемых доходов россиян по итогам 2020 года может составить по разным сценариям от 8.2% до 12.1% [4].

В первое время после отмены режима самоизоляции российское общество с осторожностью будет относиться к многолюдным торговым местам и

массовым мероприятиям. Согласно данным ОМІ и ЦСП «Платформа», не готовы к ограничениям только 17% и 8% соответственно. Чаще всего граждане считали, что готовы выйти на работу (44%) и прогуливаться в нелюдных местах (43%). Отметим, что 15% россиян готовы игнорировать меры предосторожности и сразу пойти в многолюдные места, независимо от уровня заболеваемости. Почти пятая часть российского общества предпочла проверить и укрепить свое здоровье и иммунитет перед походом в места массового скопления людей: 11% респондентов сказали, что сначала сделают тест на выявление антител, и 8% сделают прививку против коронавируса.

Результаты исследования компании Ipsos показали, что после окончания режима самоизоляции большинство россиян так же часто, как и до самоизоляции, будут ходить в офис (79%), в парки (65%), торговые центры (63%), салоны красоты (60%) кинотеатры (57%). Около четверти российского социума готовы ограничить себя в походах в многолюдные места и соблюдать физическую дистанцию [5].

Новая социальная реальность, сформировавшаяся в период распространения коронавируса, заставила россиян изменить свои привычки, поведение, ценностные ориентации и отношение к окружающему миру. В образ жизни и культуру повседневного поведения постепенно входят новые алгоритмы социального самосохранения и безопасности в условиях перманентных коронавирусных угроз. Сработали социокультурные и социально-политические традиции и механизмы выживания и устойчивой жизнедеятельности в критических условиях, которые интегрально формировались и совершенствовались на протяжении тысячелетнего развития русского, советского, российского многонационального социума-цивилизации в единстве исторических форм гражданского общества и правового государства.

Список литературы

1. ОМІ и ЦСП «Платформа». URL: <https://pltf.ru/2020/05/05/omi-i-platforma-sociologija-krizisa/> (Дата обращения: 08.07.2020).

2. Ipsos, Global Advisor. «What Worries the World». An Ipsos Global Advisor survey. Апрель 2020 года, май 2020 года, июнь 2020 года. Опросы проведены в 27 странах. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-06/www-summary-deck-june2020.pdf>; URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-06/what-worries-the-world-may-2020-ipsos.pdf>; URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-04/what-worries-the-world-april-2020-ipsos.pdf> (Дата обращения: 08.07.2020).

3. СК «Росгосстрах жизнь» и центр «Перспектива». URL: https://www.rbc.ru/economics/07/07/2020/5eff14959a794725e351de43?from=column_2 (Дата обращения: 08.07.2020).

4. Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. Выпуск «Комментарии о государстве и бизнесе» №284. 2 июня 2020. URL: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/369947599.pdf> (Дата обращения: 08.07.2020).

5. Ipsos, Adapt! Emergence Monitoting, 6-я волна (4-6 мая 2020). Выборка составила 1000 россиян в возрасте от 18 до 65 лет, живущих в городах России с населением более 1 млн. жителей. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/adapt-kudane-khotyat-vozvraschatsya-lyudi-posle-okonchaniya-samoizolyacii> (Дата обращения: 08.07.2020).

**ОРГАНИЗАЦИЯ КРУЖКА «ХАПСАГАЙ» КАК ОСНОВА
ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**
**ORGANIZING A "HAPSAGAI" CLUB AS THE BASIS FOR HEALTHY
LIFESTYLES FOR PRESCHOOL CHILDREN**

Т.А. Макарова

*Чурапчинский государственный институт
физической культуры и спорта,
с. Чурапча, Республика Саха (Якутия)*

Х.И. Стручкова

*Саккырырский детский сад «Хаарчаана»,
п. Батагай-Алыта Эвено-Бытантайского улуса,
Республика Саха (Якутия)*

T.A. Makarova

*Churapchinsky State Institute of Physical Culture and Sports,
Churapcha, Republic of Sakha (Yakutia)*

K.I. Struchkova

*Sakkyryrsky kindergarten "Haarchaana",
Batagai-Alyta of Eveno-Bytantanai ulus,
Republic of Sakha (Yakutia)*

Рассматривается проблема формирования культуры здоровья, здорового образа жизни, начиная с дошкольного возраста. Раскрывается опыт работы формирования здорового образа жизни посредством применения национального вида спорта – «Хапсагай». Дошкольный возраст является именно тем благоприятным периодом становления первичных представлений о здоровье, здоровом образе жизни, что способствует социализации ребенка в обществе.

The problem of forming a culture of health, a healthy lifestyle, starting from preschool age is considered. It reveals the experience of forming a healthy lifestyle

through the use of the national sport – "Hapsagai". Preschool age is exactly that favorable period of formation of primary representations about health, a healthy way of life, which contributes to the socialization of the child in society.

Ключевые слова: физическое развитие, здоровый образ жизни, дети дошкольного возраста, национальный вид спорта «хапсагай»

Keywords: physical development, healthy lifestyle, preschool children, national sport "hapsagai"

Сегодня проблема оздоровления детей дошкольного возраста стоит очень остро. Современные дети мало играют в подвижные игры, предпочитая гаджеты, телевизор. У детей с малых лет должно формироваться понятие культуры здоровья, которая определяется умением жить, не вредя своему организму, принося пользу ему.

О проблеме укрепления здоровья и формировании здорового образа жизни детей пишут психологи, педагоги, физиологи, экологи В.М. Бехтерев, И.В. Дубровина, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Л. Венгер, В.Д. Давыдов, М.И. Лисина.

Дошкольный возраст является решающим в формировании фундамента физического и психического здоровья. В настоящее время на фоне экологического и социального неблагополучия отмечается ухудшение здоровья. Большинство выпускников детских садов приходят в школу недостаточно готовыми к обучению, с точки зрения психофизического и социального здоровья.

Формирование здорового образа жизни – это не просто усвоение определённых знаний. а стиль жизни, адекватное поведение в различных ситуациях на улице и дома. Всё, чему мы учим наших детей, они должны применять в реальной жизни.

Здоровье – это не только отсутствие болезней, но и позитивное психологическое самочувствие. Все его аспекты одинаково важны и должны рассматриваться во взаимосвязи [1].

Согласно ФГОС дошкольного образования, «Физическое развитие» включает приобретение опыта в следующих видах деятельности детей: двигательной, формирование начальных представлений о некоторых видах спорта, овладение подвижными играми с правилами; становление ценностей здорового образа жизни, овладение его элементарными нормами и правилами (в питании, двигательном режиме, закаливании, при формировании полезных привычек) [2]. Успешное решение проблемы, по мнению Н.А. Андреевой, возможно при условии создания в дошкольных учреждениях эффективной системы работы по пропаганде здорового образа жизни, целью которой

являются: – укрепление нравственного и физического здоровья детей; – направление внимания дошкольников на собственное здоровье и развитие умений и навыков его сохранения; – постоянная пропаганда принципов здорового образа жизни; – информирование детей о негативных последствиях вредных привычек; – привлечение родителей и общественности к утверждению принципов здорового образа жизни [3, с. 13].

В Эвено-Бытантайском национальном улусе п. Батагай-Алыта МБДОУ СДС «Хаарчаана» инструктором по физической культуре Х.И. Стручковой планомерно, систематично проводится кружок «Хапсагай». Реализация кружка «Хапсагай» восполняет недостаток двигательной активности, имеющийся у детей в связи с высокой учебной нагрузкой, имеет оздоровительный эффект, а также благотворно воздействует на все системы детского организма. Цель работы: применение национальных видов спорта с целью укрепления здоровья и разностороннего развития детей, формирования общей культуры и здорового образа жизни. Задачи работы: ознакомить с историей развития национальной борьбы «Хапсагай», освоить технику и тактику приемов борьбы, ознакомить с основами физиологии и гигиены спортсмена, способствовать развитию специальных физических качеств: быстроты, выносливости, скоростно-силовых качеств.

Возраст детей – дошкольники 5-6 лет, программа кружковой работы «Хапсагай» рассчитана всего на 68 часов, срок реализации программы – 9 месяцев (с сентября по май). Режим занятий – 2 раза в неделю, продолжительность занятия – 25-30 минут. Совместная деятельность проводится по подгруппам – 3-4 детей (во второй половине дня).

Нами разработан комплексно-тематический план на учебный год. Определены следующие темы по месяцам: «Хапсагай», «Как быть здоровым», «Правила борьбы хапсагай», «Знакомство с приемом «проход ноги и бросок», «Знакомство с приемом «бросок через бедро», «Прием «атака и защита», «Вольная борьба», «Соревнование «хапсагай», «Обработки».

Кружковая работа благотворно воздействует на дальнейшее укрепление здоровья и улучшение физического развития; закаливание организма воспитанников; совершенствование техники борьбы хапсагай; воспитание специальных физических качеств (прыжковой выносливости, выносливости в стойке борца, координации, ловкости, силы, гибкости и т.д.); повышение уровня физической, функциональной и психологической подготовленности; воспитание морально-волевых качеств.

Тренировочные занятия целиком посвящаются эффективности выполнения ранее изученных движений, приемов и повышению работоспособности. Контрольные занятия проводятся в форме соревнований с целью проверки

уровня юных спортсменов. На таких занятиях принимаются зачеты по технике и физической подготовке, проводятся контрольные схватки.

Во время организации и проведения занятий особое внимание обращается на соблюдение мер по предупреждению травматизма, а также санитарно – гигиенических требований к местам занятий, оборудованию, спортивному инвентарю. К занятиям допускаются прошедшие медицинский осмотр и имеющие соответствующий документ (справку). Дважды в год проводится мониторинг физических качеств и навыков. В октябре проводится комплекс нормативов «Кэнчээри» для детей старших и подготовительных групп. В мае этого года не провели из-за карантина.

Отзывы детей:

Свинобоев Айхал 5 лет: «Я очень люблю заниматься в кружке «Хапсагай». Я учусь быстро двигаться, когда вырасту, буду заниматься вольной борьбой»

Другин Степан, 5 лет: «С нами занимаются Христина Иннокентьевна и Петр Петрович Стручковы. Нас учат разным приемам. Мне удастся прием «Албастаабын» (обманные движения). Я хочу быть здоровым, ловким и быстрым».

Ефимов Ариан, 6 лет: «Я очень жду начало занятий. Уже знаю много приемов. Я хочу быть сильным человеком».

Стручков Денис, 6 лет: «Я занял 1-ое место в соревновании. Умею применять прием «миэлинсэ» (мельница). Когда вырасту, поеду в город Якутск на соревнования».

Заключение. Регулярные занятия детей в кружке «хапсагай, благотворно влияют на укрепление здоровья, формирование первичных понятий здорового образа жизни и улучшение физического развития, отмечается снижение

заболеваемости дошкольников, у ребят развивается выносливость, координации, ловкость, сила, гибкость.

Список литературы

1. Ятьяева Н.М. Формирование здорового образа жизни у детей дошкольного возраста в контексте ФГОС ДО. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2018. №2 (188). С. 161–163. URL: <https://moluch.ru/archive/188/47710/> (Дата обращения: 28.08.2020).

2. Приказ от 17 октября 2013 г. № 1155 об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы.pdf> (Дата обращения: 16.10.2017).

3. Андреева Н.А. Взаимодействие ДОУ и семьи в формировании основ здорового образа жизни у детей дошкольного возраста. Автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.07 / Ур. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2005. 22 с.

АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ОЛИМПИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СПОРТЕ

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF THE OLYMPIC MOVEMENT IN MODERN SPORTS

А.В. Оринчук

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

А.Н. Оринчук

Школа №89, г. Нижний Новгород

A.V. Orinchuk

Lobachevsky University

A.N. Orinchuk

School №89, Nizhny Novgorod

Рассмотрены основные принципы Олимпийского движения. Проведен анализ реализации принципов Олимпийского движения как основных направлений развития спорта в современном мире.

The article deals with the basic principles of the Olympic movement. The authors analyzed the implementation of the principles of the Olympic movement as the main directions of sports development in the modern world.

Ключевые слова: Олимпийское движение, Олимпизм, реализация принципов Олимпизма

Keywords: Olympic movement, Olympism, implementation of the principles of Olympism

Спорт играет важную роль в жизни современного общества. Крупнейшим событием в мире спорта являются Олимпийские игры. Основатель современного Олимпийского движения Пьер де Кубертен отмечал, что влияние спортивных соревнований может быть и положительным, и отрицательным, это зависит от их использования и направления развития [1; 2].

В основе Олимпийской концепции Кубертена лежали определенные требования к спортсменам, которые должны были выступать на Олимпийских играх, а также к организации и проведению Олимпийских игр. Данные требования были объединены в пять принципов [3]:

- концепция гармоничного развития личности;
- возможность самосовершенствования на пути к высшим спортивным достижениям;
- принцип любительства как проявление самодисциплины и отказ от материальной выгоды;
- этический кодекс спорта;
- формирование спортивной элиты.

Все принципы Олимпийской концепции Кубертена легли в основу Олимпийской хартии, которая является основным документом Олимпийского движения. В современной трактовке Олимпизма есть семь принципов, которые и определяют основные направления развития современного спорта в мире [4].

Целью исследования стало проведение анализа реализации отдельных принципов Олимпийского движения в современном мире спорта.

Принцип 1. Олимпизм представляет собой философию жизни, возвышающую и объединяющую в сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума.

Каждый спортсмен, приезжающий на олимпийские игры, хочет завоевать медали игр. Но в истории Олимпиад есть примеры того, как спортсмены ставили перед собой совершенно другие цели. Кенийский лыжник Филипп Бойт выступал на зимних Олимпийских играх в Нагано (1998 г.) и Солт-Лейк-Сити (2002 г.) в лыжных гонках.

Венесуэльского лыжника Адриана Солану в шутку называли «худшим лыжником в мире» из-за его выступления на чемпионате мира в финском Лахти 22 февраля 2017 г.

Хоккейная команда из Кении под названием «Львы Кении», которая очень любила хоккей и верила в свою мечту попасть на Олимпийские игры, но их низкий уровень игры не позволял этого сделать. Однако благодаря своему упорству и везению команде удалось найти спонсоров и побывать на олимпиаде в Пхенчхане, хотя и в качестве зрителей.

Сегодня, с одной стороны, в современный спорт приходят инновационные разработки в области науки и техники, но с другой стороны, спортсмены идут на различные уловки, пытаются использовать запрещенные препараты, формировать для себя терапевтические исключения, обмануть антидопинговую комиссию. И такие моменты показывают, что сегодня теряется основной смысл Олимпийских игр – «Главное не победа, а участие».

Принцип 3. Олимпийское движение представляет собой согласованную, организованную, универсальную и постоянную деятельность всех лиц и организаций, вдохновляемых ценностями Олимпизма, осуществляемую под руководством МОК. Вершиной ее является объединение спортсменов всего мира на великом спортивном празднике – Олимпийских играх.

Это практически бесспорный принцип Олимпийского движения. Во многих видах спорта Олимпийские игры – вершина спортивного пути каждого атлета. Спортсмены стремятся к участию в Олимпийских играх всю свою спортивную карьеру.

Но известны случаи, когда в отдельных видах спорта на Олимпийских играх выступают молодые атлеты, а сами игры становятся промежуточным соревнованием на пути к профессиональным достижениям атлетов. Это можно отнести к соревнованиям по боксу, футболу, теннису.

Зимние Олимпийские игры 2018 г. в Пхенчхане (Ю. Корея) стали ярким примером бессилия МОК перед крупнейшими спортивными организациями мира. Национальная хоккейная лига запретила своим спортсменам принимать участие в играх, и никакой реакции Международный олимпийский комитет на данный запрет не последовало.

Принцип 4. Занятия спортом – одно из прав человека. Каждый должен иметь возможность заниматься спортом, не подвергаясь дискриминации, в духе Олимпизма, что подразумевает взаимопонимание в духе дружбы, солидарности и честной игры.

Самым ярким примером дискриминации в Олимпийском движении было решение о запрете участия женщин на играх в Древней Греции. В современных Олимпийских играх женщины стали участвовать с 1900 года. Постепенно количество «женских» видов спорта на играх увеличивалось. И на Олимпийских играх 2020 года все международные спортивные федерации должны были быть представлены как мужскими, так и женскими дисциплинами. В программе соревнований появилось много смешанных дисциплин, где мужчины и женщины выступают вместе (синхронное плавание, эстафеты, стрелковые виды спорта).

Но иногда в современном спорте грань дозволенности для занятий спортом у женщин слишком размыта и выходит за границы разумного. Участие

женщин в боксе, борьбе, тяжелой атлетике, хоккее, футболе вызывает много споров и не делает как эти виды спорта, так и самих женщин более привлекательными.

Еще одним очевидным примером предоставления возможности заниматься спортом без какой-либо дискриминации является возникновение Паралимпийского движения, которые стали продолжением Олимпийских игр, и некоторые спортсмены-паралимпийцы смогли выступать на Олимпийских играх наравне со здоровыми атлетами.

Принцип 5. Понимая, что спорт функционирует в рамках общества, спортивные организации внутри Олимпийского движения должны соблюдать политический нейтралитет.

Данный принцип подтверждает, что МОК проповедует идеологию политического нейтралитета и не приемлет вмешательства государства в работу общественных спортивных организаций. В большинстве своем идеал Пьера де Кубертена воплощается в жизнь – Олимпийские игры до сих пор являются средством укрепления мира между народами, а исключения в этой связи лишь подтверждают правило.

МОК позволяет спортсменам из стран, чьи НОК по каким-либо причинам не принимают участия в играх, участвовать в Олимпийских играх в качестве нейтрального спортсмена под Олимпийским флагом. Но в истории Олимпийского движения все равно эти атлеты ассоциируются со своими странами.

Самыми известными примерами реализации данного принципа Олимпизма является участие в Олимпийских играх 1980 г. в Москве спортсменов из Великобритании, Франции, Италии и других стран, чьи НОК не пожелали ехать на данные игры. Многие спортсмены впоследствии внесли свое имя в историю Олимпийского движения, став победителями и призерами игр 1980 года в Москве (С. Коэ, С. Оветт, П. Миннеа). Через 4 года МОК вновь допустил спортсменов уже из социалистических стран (Венгрия, Польша, Чехословакия и др.) к участию в Олимпийских играх 1984 года в Лос-Анжелесе, несмотря на неучастие официальных делегаций НОК данных стран в играх.

Последним примером реализации данного принципа стало участие в зимних Олимпийских 2018 г. в Пхенчхане (Корея) российских спортсменов в статусе «Олимпийского спортсмена из России» и зимних Паралимпийских играх 2018 г. в статусе «Нейтральный паралимпийский атлет». Причиной такого статуса российских спортсменов стало временное отстранение Олимпийского и Паралимпийского комитетов России.

На зимних Олимпийских играх 2018 г. в соревнованиях по хоккею среди женщин выступала объединенная сборная Кореи, что стало примером разрешения МОК политических разногласий отдельных стран мирным путем.

Принцип 7. Принадлежность к Олимпийскому движению требует соблюдения положений Олимпийской хартии и признания Международным олимпийским комитетом.

МОК является одной из крупнейших международных общественных организаций. В МОК представлены Национальные олимпийские комитеты 206 государств: 193 НОК, представляющие государства-члены ООН, и 13 НОК государств, представляющих другие с различным статусом (Косово, Тайбей, Пуэрто-Рико, Палестина и др.).

Реализация принципов Олимпийского движения является одной из важнейших задач МОК. Современные принципы Олимпизма во многом определяют основные направления развития спорта в мире. В истории Олимпийского движения имеется множество положительных примеров реализации указанных принципов. В большинстве своем идеалы Пьера де Кубертена воплощаются в жизнь.

Но существуют и отрицательные примеры, которые вызывают определенные вопросы к их трактовке со стороны МОК, что, в свою очередь, может понизить статус МОК как лидера международного спортивного движения.

Список литературы

1. Голощапов Б. История физической культуры и спорта. 7-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 263 с.
2. Твой олимпийский учебник: учебное пособие для олимпийского образования / В.С. Родиченко и др.; Олимпийский комитет России. 27-е изд. перераб. и дополн. М.: Издательство «Спорт», 2019. 216 с.
3. Кыласов А. Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. М.: АИРО-XXI. 328 с.
4. Олимпийская хартия (в действии с 09.10.2018)/ Международный Олимпийский комитет. Лозанна, 2018. 53 с.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СПОРТИВНЫХ ВОЛОНТЕРОВ С
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЛАСТИ: ОПЫТ РОССИИ И ХОРВАТИИ***
**INTERACTION OF SPORT VOLUNTEERS WITH GOVERNMENT
REPRESENTATIVES: EXPERIENCE OF RUSSIA AND CROATIA**

Д.Ф. Телепаева
*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*
D.F. Telepaeva
*Ural Federal University,
Ekaterinburg*

Даются некоторые характеристики взаимодействия спортивных волонтеров с представителями официальной власти. Основано на результатах опроса членов двух волонтерских сообществ разных стран (России и Хорватии). Автор определяет, каким образом происходит взаимодействие чиновников с волонтерами во время подготовки к спортивным мероприятиям.

The paper provides some characteristics of interaction between sport volunteers and government representatives. The report is based on the results of a survey of two volunteer communities in different countries (Russia and Croatia). Authors determine how authorities interact with volunteers during sports events.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, спортивное волонтерство, государственное управление

Keywords: volunteering, sport volunteering, public administration

В развитых странах участие волонтеров в жизни общества является важным фактором социального развития отдельных территорий – от повседневных практик горожан до продвижения социально значимых изменений. Добровольческая деятельность способствует социальной активности населения, его включенности в жизнь местных сообществ, может гарантировать некоторую стабильность любому развитому обществу. Во всех своих формах добровольчество играет очень важную роль в странах Евросоюза и России. Волонтеры постоянно задействованы в различных мероприятиях в сфере образования, здравоохранения, культуры, спорта.

В современных условиях неопределенности и запрета на проведение публичных мероприятий, связанного с мировым распространением пандемии коронавируса, важно не только сохранить уже существующие практики работы с волонтерами в некоммерческих организациях, но и уметь адаптировать их под

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90055 «Управление спортивным волонтерством в российском регионе: потенциал общности и инфраструктуры».

постоянные изменения. По прогнозам исследователей, в скором времени изменится мотивация добровольцев [1]. На первое место выйдут эгоистические мотивы участия, одним из которых является возможность завести полезные знакомства [2]. Спортивные мероприятия больше, чем другие, дают волонтерам такую возможность из-за активного участия представителей власти в процессе подготовки к международным соревнованиям.

Таким образом, цель статьи – дать характеристику взаимодействия представителей власти с волонтерами во время подготовки и проведения спортивных мероприятий.

Доклад основан на данных опроса членов двух волонтерских центров разных стран – России (Екатеринбург) и Хорватии (Загреб) (выборка целевая, N=802). Численность населения г. Екатеринбург составляет 1 493 749 человек, в волонтерском центре «Волонтеры Урала» официально зарегистрировано около 12 тысяч человек. В активное ядро центра входит студенческая молодёжь в возрасте 18-21 года (66%), 17% несовершеннолетних волонтеров-школьников, 13% волонтеров трудоспособного возраста и 4% серебряных волонтеров. По данным нашего исследования, 98% опрошенных имеют опыт волонтерской деятельности на спортивных мероприятиях разного уровня (международный, региональный, локальный).

Численность населения Загреба составляет 802 588 человек, при этом в волонтерском центре Загреба (Volunteers' Centre Zagreb) официально зарегистрировано 18 493 волонтеров. В сообществе волонтеров данной организации представлены разные возрастные группы горожан. В базе центра зарегистрировано 7% волонтеров школьного возраста, каждый пятый (20%) является студентом, 43% – волонтеры трудоспособного возраста и 30% пожилых волонтеров пенсионного возраста. По данным нашего исследования, 76% опрошенных имеют опыт работы волонтером на спортивных мероприятиях.

Полученные в ходе опроса данные позволили сделать вывод о том, что в тех или иных формах опыт взаимодействия с представителями органов власти имел каждый второй доброволец как среди российской, так и среди хорватской молодёжи. Чтобы определить, каким образом происходит взаимодействие представителей органов власти со спортивными волонтерами, нами был задан вопрос: «По каким вопросам Вы взаимодействовали с представителями органов власти?». Используя критерий Манна-Уитни, мы выявили статистически значимые различия в формах взаимодействия чиновников и спортивных волонтеров разных стран. Данные представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

**Формы взаимодействия представителей власти и спортивных волонтеров
(в % от числа опрошенных)**

Варианты ответов	Россия	Хорватия
Присутствовали на мероприятиях, но на контакт не шли	18.5	7.5
Участвовали в торжественных мероприятиях, вручали грамоты, говорили речи	44	15.5
Непосредственно общались со мной и другими волонтерами	22	46
Лично просили помочь в конкретных задачах, благодарили	15.5	31
Всего	100	100

Можно разделить формы взаимодействия спортивных волонтеров с чиновниками на формальные (присутствовали на мероприятиях, но на контакт не шли; участвовали в торжественных мероприятиях, вручали грамоты, говорили речи) и неформальные, более близкие (непосредственно общались со мной и другими волонтерами; лично просили помочь в конкретных задачах, благодарили). Как видно из таблицы 1, российским чиновникам больше свойственно формальное общение с волонтерами. Почти половина опрошенных (44%) отмечают, что сталкивались с представителями органов власти во время торжественных мероприятий. 18.5% волонтеров отметили присутствие чиновников на соревнованиях. Несмотря на то, что формальное присутствие представителей власти на мероприятиях не всегда предполагает личное взаимодействие с волонтерами, а носит, скорее, опосредованный характер, оно может косвенно влиять на мотивацию спортивных волонтеров. Присутствие высокопоставленных чиновников на соревнованиях говорит о статусе мероприятия, его информационной поддержке в СМИ и, соответственно, пристальном внимании со стороны общественности, что может повысить интерес, в том числе, и к значимости добровольческой работы.

Непосредственный контакт с представителями власти российских волонтеров был лишь у пятой части опрошенных (22%). И только 15.5% респондентов отмечают, что чиновники лично просили их помощи в конкретных задачах. Неохотное взаимодействие представителей власти с волонтерами можно объяснить в целом закрытостью российских чиновников от населения. Как правило, они очень формально принимают участие в общественной жизни своего города, региона и редко идут на контакт с людьми, ограничиваясь лишь официальными выступлениями.

Обратная ситуация наблюдается в Хорватии. Местным властям в большей степени свойственно неформальное, личное общение с волонтерами.

Почти половина опрошенных (46%) отмечают, что у них был непосредственный контакт с чиновниками во время спортивных мероприятий. Третья часть (31%) волонтеров отмечают ещё более близкий контакт с представителями власти, когда они лично просили помочь в конкретных задачах. Такое близкое общение чиновников с волонтерами можно объяснить открытостью местной власти, которая не боится общаться с населением, учитывает интересы своих граждан, прислушивается к их проблемам. Формальное общение волонтеров с органами власти отмечают лишь 23% опрошенных (7.5% волонтеров отмечают простое присутствие чиновников на соревнованиях, 15.5% опрошенных говорят об их участии в торжественных мероприятиях).

Проанализировав взаимодействие спортивных волонтеров с представителями органов власти на примере России и Хорватии, можно сделать некоторые выводы. Хорватские чиновники более открыты для населения, чем российские, о чём говорит их довольно близкое и более неформальное общение с волонтерами во время спортивных мероприятий. Российские чиновники, хотя и идут на контакт с волонтерами, строго держат дистанцию, ограничиваясь лишь формальным общением. Взаимодействие спортивных волонтеров с представителями власти осуществляется путём совместной работы до начала мероприятий и непосредственно во время самих соревнований. Открытость и доступность чиновников к общению позволяет говорить о важности деятельности спортивных волонтеров в сознании населения, а также осознавать необходимость развития данного вида волонтерской деятельности.

Список литературы

1. Miao Q. and Schwarz S. Responding to COVID-19: Community volunteerism and coproduction in China // World Development Journal. 2020. №137. P. 105–128.
2. Nagel S., Seippel Q., Breuer C. and Feiler. Volunteer satisfaction in sports clubs: A multilevel analysis in 10 European countries // International Review for The Sociology of Sport. 2020. № 55 (8). P. 1074–1093.

**КОНТРАКУЛЬТУРА НАРКОТИЗМА КАК ФАКТОР,
ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ
С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ**
**COUNTERCULTURE OF DRUG ADDICTION AS A FACTOR
PREVENTING THE RESOCIALIZATION OF DRUG ADDICTS**

С.М. Тихомиров
*Экспертно-правовой центр «Куаттро»,
г. Санкт-Петербург*
S.M. Tikhomirov
*“Quattro” Expert Legal Center,
Saint Petersburg*

Число потребителей наркотиков в России превышает 5 млн. человек, а количество привлекаемых к уголовной ответственности ежегодно – 100 тыс. человек. Более чем половина выпускников средних школ уже имеют опыт потребления психоактивных веществ (ПАВ). С 2013 г. расширены возможности применения принудительного лечения наркозависимых лиц, в том числе альтернативного лишению свободы. Исследованием выявлены социокультурные факторы, негативно влияющие на эффективность ресоциализации лиц с зависимостью от наркотиков. Даны рекомендации по их преодолению.

The number of drug users in Russia exceeds 5 million people, and the number of prosecuted annually – 100 thousand people. More than half of secondary school graduates already have experience in substance use (surfactants). Since 2013, the possibility of compulsory treatment of drug addicts, including alternative to deprivation of liberty, has been expanded. The study revealed sociocultural factors that negatively affect the effectiveness of resocialization of persons with drug dependence. Recommendations to overcome them are given.

Ключевые слова: контркультура наркотизма, принудительное лечение, ресоциализация, социальное сопровождение, арт-терапия

Keywords: counter-culture of drug addiction, compulsory treatment, resocialization, social support, art therapy

Ликвидация целевых федеральных программ профилактики наркотизма в 2009 г., непоследовательность государственных мер противодействия незаконному обороту наркотиков сделали доминантой государственных мер по противодействию наркотизму в России репрессию наркопотребителей. Это привело к существенному росту числа потребителей наркотиков и наркозависимых лиц, которое, по мнению экспертов, составляет от 5 до 8 млн. человек [1]. Распространение наркопотребления происходит прежде всего в подростковых и молодёжных группах, коллективах, в том числе функционирующих в качестве изолятов (приютах, школах, вузах, воинских

подразделениях, следственных изоляторах, тюрьмах и исправительных колониях).

Проведённым ещё в период эпидемии потребления эфедрона в России в середине 90-х годов XX века полидисциплинарным научным исследованием с участием автора удалось выявить доминирование социокультурных факторов в механизме вовлечения в наркотизацию. Контркультура наркотизма своей деятельностью способствует разрушению общечеловеческих культурных ценностей, противопоставлению антиценностей нормам этики, морали, нравственности и права.

Обнаружена возрастная динамика усвоения и воспроизведения образцов практики наркотизма от подросткового возраста к возрасту совершеннолетия. Так, «нормы» антиценностей наркотизма – эскапизм, гедонизм, эгоизм, негативную установку на трудовую деятельность и правопослушное поведение, жаргон наркотизма, названия и способ потребления наркотиков знали 55% из 120 анкетированных школьников и 100% из 100 респондентов – студентов медицинского вуза [2]. В настоящее время свыше 60 % выпускников средних школ знакомы с действием различных ПАВ на собственном опыте [3]. Процент носителей контркультуры наркотизма в молодёжной среде реально ещё больший, так как в сенситивных опросах, в число которых входят и исследования по потреблению табака, алкоголя, наркотиков, 68.4% респондентов выявляют тенденцию сокрытия собственной наркотизации [4].

Отсутствие должного противодействия пропаганде наркотизма привело к массивному распространению информации об изготовлении и потреблении наркотиков в сети Интернет. На слово «наркотик» в поисковой системе «Яндекс» ответы содержатся в 46 млн. сайтов, на слово «героин» – в 8 млн., «марихуана» – 9 млн. сайтов [5]. Плодами агитации за приём наркотиков и наркоманический образ жизни являются изменение общественного мнения о потребителях наркотиков с осуждающего на безразличное, институционализация наркотических практик как «обычного компонента жизни» в молодёжной среде. Контркультура наркотизма «пропитывает» сознание ложными ценностями, одновременно заявляя о несправедливом отношении к потребителям наркотиков. Одиночные пикеты с призывами декриминализовать потребление каннабиноидов сменились организованными движениями, функционирующими в России от лица общественных организаций, в том числе международных; на территории страны нелегально проводятся фестивали курения каннабиса. Рост контркультуры наркотизма приводит к увеличению её места в народной культуре в виде формирования мнения о несправедливости власти к наркопотребителям.

Помимо информирования о свойствах наркотиков, на различных сайтах представлены фильмы, периодические издания, художественные произведения, картины и рисунки, музыкальные (песенные) произведения, содержащие агитацию, пропаганду приёма наркотиков и «прелести» образа жизни наркопотребителей. Псевдонаучная, художественная литература, пропагандирующая потребление наркотиков, издаётся массовым тиражом, не подвергается цензуре и распространяется без какого-либо ограничения в свободной продаже. Средства массовой информации, включая телевидение, Интернет, широко рекламируют наркотикуризм – экскурсионные поездки в те страны, где потребление наркотиков разрешено.

Преодоление интервенции контркультуры наркотизма в российское общество, равно как и любой другой криминальной контркультуры, возможно лишь гражданским обществом, отвергающим и отторгающим антиценности контркультур, отсутствующим в настоящее время [6], совместно с активным противодействием проведению пропаганды наркотизма. Можно констатировать, что сопротивление асимметричному удару по трезвости, наносимому контркультурой наркотизма в России, отсутствует.

В России вынужденно возобновлено в 2013 г. принудительное лечение наркозависимых лиц не только в местах лишения свободы, но и с отсрочкой приговора в государственных учреждениях системы здравоохранения. Проведены исследования воздействия социокультурных факторов наркотизма у лиц, проходящих принудительное лечение от наркотической зависимости и медико-социальную реабилитацию. Всего было обследовано 46 мужчин, реабилитируемых в наркологических центрах системы здравоохранения Санкт-Петербурга. Проводимые им на протяжении не менее 6–12 месяцев реабилитационные и ресоциализационные мероприятия своей основой имели восстановление здоровья, отношений с социально значимыми для реабилитантов лицами, выработку ценностного отношения в своему здоровью, создание установки на правоупослушное поведение.

Весьма важным в процессе реабилитации также являлось восстановление или формирование установки на регулярную трудовую деятельность, которая изначально у наркозависимых лиц являлась нейтральной или негативной. Для достижения этой цели реабилитанты регулярно участвовали в уборке помещений реабилитационного центра и прилегающей к нему территории, вовлекались в изготовление изделий художественных промыслов, участие в ежегодных конкурсах антинаркотических рисунков. После проведения тематических занятий с родственниками наркозависимых аналогичные мероприятия стали проводиться и в домашних условиях.

Подкрепление трудовых установок осуществлялось и средствами библиотерапии, арт-терапии, кинотерапии, встречами с восстановившими свой социальный статус наркозависимыми лицами, экскурсиями в учебные заведения среднего специального образования. По самооценкам больных, перечисленные мероприятия способствовали вовлечению их в трудовую деятельность [7].

Однако нельзя считать задачу трудоустройства наркозависимых лиц решённой. Они имеют законодательные ограничения при трудоустройстве, общественное мнение о потребителях наркотиков в качестве трудящихся негативно, и обычно им приходится устраиваться не по имеющейся у них специальности, а на неквалифицированную и, следовательно, низкооплачиваемую работу.

Создавшуюся ситуацию считаю возможным изменить в положительную сторону путём проведения следующих мероприятий:

1. Возобновить на регулярной основе реализацию федеральных целевых программ по профилактике потребления психоактивных веществ в учебных заведениях.

2. Ввести цензурные ограничения на публикации в печатных средствах массовой информации о наркотических средствах и психотропных веществах в виде обязательности получения экспертного заключения об отсутствии в материале признаков рекламы, пропаганды наркотизма и агитации приёма наркотиков по аналогии с действующими законами о признании литературы экстремистской.

3. Принять закон о предоставлении налоговых льгот предприятиям, принимающим на работу наркологических пациентов, в том числе, имеющих судимости, по аналогии с подобной практикой в европейских странах.

Список литературы

1. Панин И. Почему в России не смягчают наркополитику? Интервью с юристом Арсением Левинсоном. Электронный ресурс <https://spid.cetnter/ru/articles/2754> (Дата обращения: 04.07.2020).

2. Эфедрон (Сборник научных работ) Под ред. Э. Э. Звартау. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГМУ. 1997. С. 121–156.

3. Айзман Р.И., Айзман Н.И., Лебедев А.В. и др. Территориальная модель здоровьесберегающей деятельности в системе образования // Валеология, 2010. №1. С. 5–8.

4. Мягков А.Ю. Искренность респондентов в сенситивных опросах. Методы диагностики и стимулирования. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ООО «Вариант», 2012. 328 с.

5. Шалагин А.Е., Усманов И.М. Современная наркоситуация в Российской Федерации: тенденции, прогноз, меры противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России, 2016. №1 (23). С. 30–34.

6. Никитинский Л. Не по-пацански. Почему признание АУЕ «экстремистской организацией» окажется бессильно перед «блатной субкультурой». Электронный ресурс [novayagazeta.ru>articles/2020/08/17/86711](http://novayagazeta.ru/articles/2020/08/17/86711) (Дата обращения 18.08.2020).

7. Тихомиров С.М. Анализ практики принудительного лечения людей с синдромом зависимости. - LAP Lambert Academic Publishing, Düsseldorf. 2018. 132 с.

**ПРОГНОЗ ДИНАМИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ О ЗОЖ ПОД
ВЛИЯНИЕМ ЭПИДЕМИИ КОРОНОВИРУСА
FORECASTS OF THE DYNAMICS OF STUDENTS' IDEAS ABOUT
HEALTHY LIFESTYLES INFLUENCED BY THE CORONAVIRUS
EPIDEMIC**

Е.А. Цветкова, М.В. Прохорова, Е.В. Коровина, Е.И. Скобелева
*Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексева,
г. Нижний Новгород*

E.A. Tsvetkova, M.V. Prokhorova, E.V. Korovina, E.I. Skobeleva
*R.E. Alekseev Technical University,
Nizhny Novgorod*

Для осмысления социально и личностно актуальных уроков эпидемии короновируса представлены некоторые гипотезы проекта сопоставительного (на базе анкетирования 2019 г.) социологического исследования для обнаружения отпечатков динамики в системе представлений и поведения студентов о ЗОЖ как одного из ведущих компонентов культуры здоровья, значимых для решения задач жизнедеятельности и деятельности студентов.

The article presents some hypotheses of the project of comparative (based on a survey in 2019) sociological research for detecting the dynamics in the system of representations and behavior of students about healthy lifestyle, as one of the leading components of the health culture that are important for solving the problems of students' life and activity, in order to understand the socially and personally relevant lessons of the coronavirus epidemic.

Ключевые слова: виды потребностей в здоровье, ЗОЖ, здоровьесориентированная личность, здоровьесобразные активности

Keywords: types of health needs, healthy lifestyle, health-oriented personality, health-related activities

Если исходить из трактовки ЗОЖ как целенаправленного на сохранение здоровья, профилактику болезней и укрепление человеческого организма образа жизни в структуре личности на основе единства деятельности и жизнедеятельности, влияющих своим состоянием и составом на системную интегрированность личности, являются дифференцированные по своей направленности потребности в здоровье и здоровьесообразные виды активностей [1; 2; 3]. Как проявление процесса и состояния культуры здоровья человека, ЗОЖ является частью общей культуры личности и поэтому своим системно-динамическим состоянием в конкретном контексте культуры общества отражает пульс (в норме и в патологии) гуманитарно-экологической ситуации, который и стал барометром масштабов и глубины влияния эпидемии коронавируса. А это значит, что рассматриваемая ситуация оказала беспрецедентное по своим срокам и значению воздействие на актуальное и перспективное состояние системы «современная личность».

Актуальная задача управления образом жизни студентов в сложившихся условиях состоит в том, чтобы способствовать выстраиванию студентами иерархии ценностей, которые могут помочь гармоничной реализации их социальной и биологической сущности [3]. Особенность контекстной ситуации, в которой сформировались новые ментальные и поведенческие отпечатки отношения к здоровью и собственному образу ЗОЖ в условиях «принуждение к ЗОЖ» в целях сохранения жизни, предоставила уникальный опыт личностных и коллективных стратегий и тактик ЗОЖ. Например, сценарий противостояния угрозе биологического и социального существования человечества, требующий четкой дифференциации интолерантного и толерантного поведения, предполагающего соответствующее отношение к допустимому и необходимому в экстремальных условиях угрозы уровню контроля, самоконтроля и самодисциплины, то есть коммуникативного и социального направления здоровьеразпоряжения.

Итоги исследования, проведенного за год до начала эпидемии коронавируса и введения в стране особого режима ограничений весной 2019 г. в форме анкетирования 125 студентов 1-5 курсов Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (из них – 89 (71.2%) юношей и 36 (28.8%) девушек), дали представление как об отношении студентов к здоровью и ЗОЖ вообще, и к состоянию собственного ЗОЖ с позиций факторов его формирования, достигнутого состояния и составляющих его структуры в привычных и безопасных условиях жизнедеятельности и деятельности [2].

Представляется теоретически и практически актуальным использование его результатов при планировании проведения осенью 2020 г.

сопоставительного социологического исследования в той же форме и по тем же вопросам анкеты. Они затрагивали адекватные ситуации нормальной жизнедеятельности аспекты: мировоззренческий (для определения места здоровья в структуре ценностей социальной общности), социумный (для выявления иерархии роли факторов социально-информационного влияния на ЗОЖ), личностный (для характеристики структуры и функциональных связей мотивов и потребностей в здоровье и ЗОЖ) и поведенческий (для демонстрации диапазона и иерархии активностей, связанных со здоровьем) [2; 3].

Ожидается обнаружение отпечатков приобретенного в экстремальном (добровольно-принудительном режиме) оценочного и практического опыта ЗОЖ, который, обладая функцией личностной и социальной значимости, устойчиво демонстрирует рост значимости потребности в здоровье для поддержания и защиты жизни. Многочисленные дилеммы особого режима с такими его формами, как самоизоляция, дистанционное обучение, удаленная работа могут стимулировать рост показателей значимости здоровья для целей жизни.

Полученные ответы будут основой для обнаружения в изменившейся под углом своей экстремальности для социальной и личной ситуации студентов отпечатков динамики ментальных и поведенческих параметров отношения к здоровому образу жизни, а также состава системы здоровьеориентированной личности, как в актуальном, так и перспективном измерении.

Как показало предыдущее исследование, мотивационно-ценностный аспект при выборе студентами ЗОЖ в качестве побудительных мотивов в большинстве своем отмечали не столько осознание здоровья как безусловной жизненной ценности, но ориентированность на его инструментальную ценность, о чем свидетельствует тот факт, что вредные привычки как осложнение жизни отметили 68 человек (54.4%). Свидетельством того, что молодое поколение уже сталкивается с последствиями несоблюдения принципов здорового образа жизни, стало указание 32.8% респондентов в качестве мотива к формированию здорового образа жизни медицинских показателей. Прогнозируется, что за счет формирования в информационно-коммуникативном пространстве существования студентов в период самоизоляции, активизации такого смысла категории «здоровье», как личная и социальная форма «гуманитарной безопасности»; показатель «ценность жизни», как элемент культуры самосохранения, основывающегося на уважительном отношении к своему здоровью, продемонстрированный 50 респондентами (40%), значительно возрастет. Именно такая позиция предположительно определяет и будет в стратегических аспектах пролонгированно определять меру интегрированности системы личности как

активно здоровьесориентированной и, соответственно, задавать направленность и структуру культуры здоровья такого типа личности [3].

При выявлении представлений респондентов о структуре собственных повседневных практик обеспечения системы ЗОЖ в момент замера ее состояния было обнаружено, что для реализации целей здорового образа жизни предпочтение студентов были отданы таким видам поведения, как рекреационные активности – отдых выбрали 81 чел. (64.8%) и физические активности – занятия физкультурой и спортом предпочли 78 чел (62.4%). На перспективу пролонгированные потребности в рекреативной и физической активности, дефицит которых в ситуации изоляции обострил и стремление к активной рекреации (путешествия), и повысил роль малых «домашних» форм физической активности, таких как индивидуальные и семейные занятия физкультурой с подручными, утративших свою былую привлекательность по сравнению с более престижными занятиями фитнесом или воздушной йогой в спортивных клубах.

Прогнозируется переоценка, с позиций двойственного отношение к особому режиму ограничений и самоизоляции, усиливаемое информационной компанией по конструированию бесконтактных видов личной и профессиональной коммуникации, значения реализации потребности в здоровье ради жизни, что вызовет повышение веса позиции «навыки безопасного поведения», то есть рост значения медицинских форм здоровьесобеспечивающих – лечебно-профилактических и санитарно-защитных активностей.

Выявленные ранее проблемы и прогнозируемые их ракурсы и трансформации по результатам эпидемии коронавируса свидетельствует о необходимости надежного и актуального эмпирического основания для разработки рекомендаций по активизации и актуализации формирования и развития системы здоровьесориентирующих социальных компетенций современного студента как личности, гражданина и будущего профессионала, что соответствует ожиданиям общества, воспринимающего студенчество как ресурс ЗОЖ [4].

Список литературы

1. Дружилов С.А. Здоровый образ жизни как целесообразная активность человека // Современные научные исследования и инновации. 2016. №4. Электронный ресурс. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/04/66781> (Дата обращения: 25.05.2020).

2. Касимов Р.А. Идеальная модель здорового образа жизни как педагогическое средство формирования здоровой личности в

здоровьесберегающем образовательном пространстве // Современные проблемы науки и образования. 2016. №6. Электронный ресурс: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25612>.

3. Михайлова О.Н. Формирование потребностей здорового образа жизни / Вестник Самарского государственного университета. 2007. №11(133). Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-potrebnostey-zdorovogo-obraza-zhizni> (Дата обращения: 12.05.2020)

4. Шехтман А.В. Формирование здорового образа жизни молодежи как процесс социальной адаптации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. №11 (ноябрь). С. 46–50.

ЗДОРОВЬЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ГЕНДЕРНОМ РАЗРЕЗЕ

THE HEALTH OF TODAY'S RUSSIAN YOUTH IN TERMS OF GENDER

А.П. Чернова, О.А. Ефанова

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

A.P. Chernova, O.A. Efanova
*Institute of Socio-Economic Problems of Population,
Branch of the Federal Research Sociological Center of the RAS,
Moscow*

Исследуется гендерный аспект социальной динамики здоровья молодежи. Используются результаты анкетирования населения Российской Федерации, целью которого было изучение социально-экономических проблем современного российского общества. Для получения основных выводов и положений были проанализированы ответы юношей и девушек в возрасте от 18 до 29 лет.

This article is devoted to the results of a gender study of the social dynamics of youth health. The results were obtained on the basis of a survey of the population in the framework of a scientific study aimed at studying the socio-economic problems of modern Russian society. Responses from boys and girls aged 18 to 29 were analyzed to get the main conclusions and provisions.

Ключевые слова: Гендер, молодежь, здоровье молодежи, ценность здоровья, здоровый образ жизни.

Keywords: gender, youth, youth health, health value, healthy lifestyle.

Один из наиболее важных и чувствительных показателей, отражающих состояние общества, является здоровье населения. Согласно исследованиям Всемирной организации здравоохранения, здоровье наполовину зависит от

условий окружающей среды, в той же мере от генетики и только примерно на 10% от служб здравоохранения [1].

На современном этапе развития общества молодежь занимает все более значимое место. Возможно, в первую очередь это связано с тем, что она оказалась наиболее подготовленной к жизни в информационном пространстве, которое выступает мощным средством консолидации или, по крайней мере, мобилизации для совместной активности в определенные моменты [2]. Это обуславливает актуальность изучения именно данной группы населения. В рамках научного исследования, проведенного Институтом социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), целью которого было изучение социально-экономических проблем современного российского общества, мы выделили социально-демографическую группу 18-29-летних и проанализировали их отношения к здоровому образу жизни и здоровью в целом.

Статистические исследования и повседневное знание подтверждают тезис о том, что женщины больше болеют, но мужчины раньше умирают (на английском языке это наблюдение выражено как поговорка: *Women Get Sicker, but Men Die Quicker*) [3]. Приведенное утверждение проявляется в более внимательном отношении женщин к своему здоровью. Этот феномен ярко выражен и в нашем исследовании. Из предложенных для ранжирования 9 жизненных ценностей (семейное благополучие; дети; любовь; здоровье; самореализация, саморазвитие; работа; творчество; материальное благосостояние; хобби) более половины девушек (53.3%) выбрали здоровье, поставив его на 2-ое место после семейного благополучия, тогда как доля юношей, выбравших этот вариант, меньше на 10 пунктов (43.1%), хотя и у них ценность здоровья тоже на 2 месте после семейного благополучия. Результаты опроса показывают важное значение для молодых людей ценности здоровье, однако у девушек значение этой ценности проявлено в большей степени. Полученные результаты свидетельствуют о положительной динамике в отношении молодых людей к здоровью как ценности. По сравнению с данными исследования 2013 г. «Формирование здорового образа жизни российского населения», проведенного научным коллективом под руководством директора Института социальных исследований В.Э. Бойкова при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-03-00173) [4], согласно которым здоровье стояло у юношей на 3-ем месте после хорошей семьи и материального благополучия, ценность здоровья для юношей повысилась, что внушает осторожный оптимизм, однако разрыв между ценностным отношением к здоровью юношей и девушками

сохранился, причем на те же 10 пунктов преобладания его значения у девушек. Устойчивое сохранение меньшей ценности здоровья для юношей не дает оснований для более уверенного оптимизма, так как такое отношение к ценности здоровья у юношей может не позволить достичь существенных результатов в преодолении разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин.

Российские исследователи отмечают, что женщины живут дольше, но оценивают свое здоровье хуже, чем мужчины. Результаты исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН подтверждают справедливость этого утверждения относительно оценки здоровья. Так, юноши оценивают свое здоровье как отличное почти вдвое чаще девушек (25.9% у юношей против 13.3% у девушек). Девушки же в основном оценивают свое здоровье как хорошее (58.3% против 43.1% среди юношей). Однако среди них немалую долю (28.3%) составляют оценившие свое здоровье, как удовлетворительное. Юноши дают такую оценку своему здоровью реже (24.1%).

Различия проявляются и в отношении факторов, наносящих, по мнению респондентов, наибольший ущерб их здоровью. Больше всего молодых людей волнует нервно-психическое напряжение на работе. Однако девушек этот фактор тревожит значительно больше (58.3% против 44.8% у юношей). Вторым угрожающим здоровью фактором девушки считают плохую экологию, юноши поставили на второе место вредные привычки. При этом молодых женщин экологические проблемы волнуют значительно больше, чем юношей (45% среди девушек и 37.9% среди юношей), что подтверждает гендерные особенности экологического поведения россиян, выявленные в российско-шведском исследовании «Экология и гендер», проведенном ИСЭПН ФНИСЦ РАН при поддержке шведских коллег в 2016-2018 гг. [5].

Тревожным фактом является достаточно большая и почти равная доля среди юношей и девушек (39.7% и 38.3% соответственно), отметивших вредные привычки как наиболее угрожающий их личному здоровью фактор. Это говорит о том, что при значительно возросшем интересе к здоровому образу жизни и формирующейся моде на него, он не стал еще для молодых людей повседневной практикой, что препятствует сохранению здоровья как юношей, так и девушек, несмотря на то, что и те, и другие назвали стремление к здоровому образу жизни основным способом сохранения и улучшения своего здоровья (Рис.1).

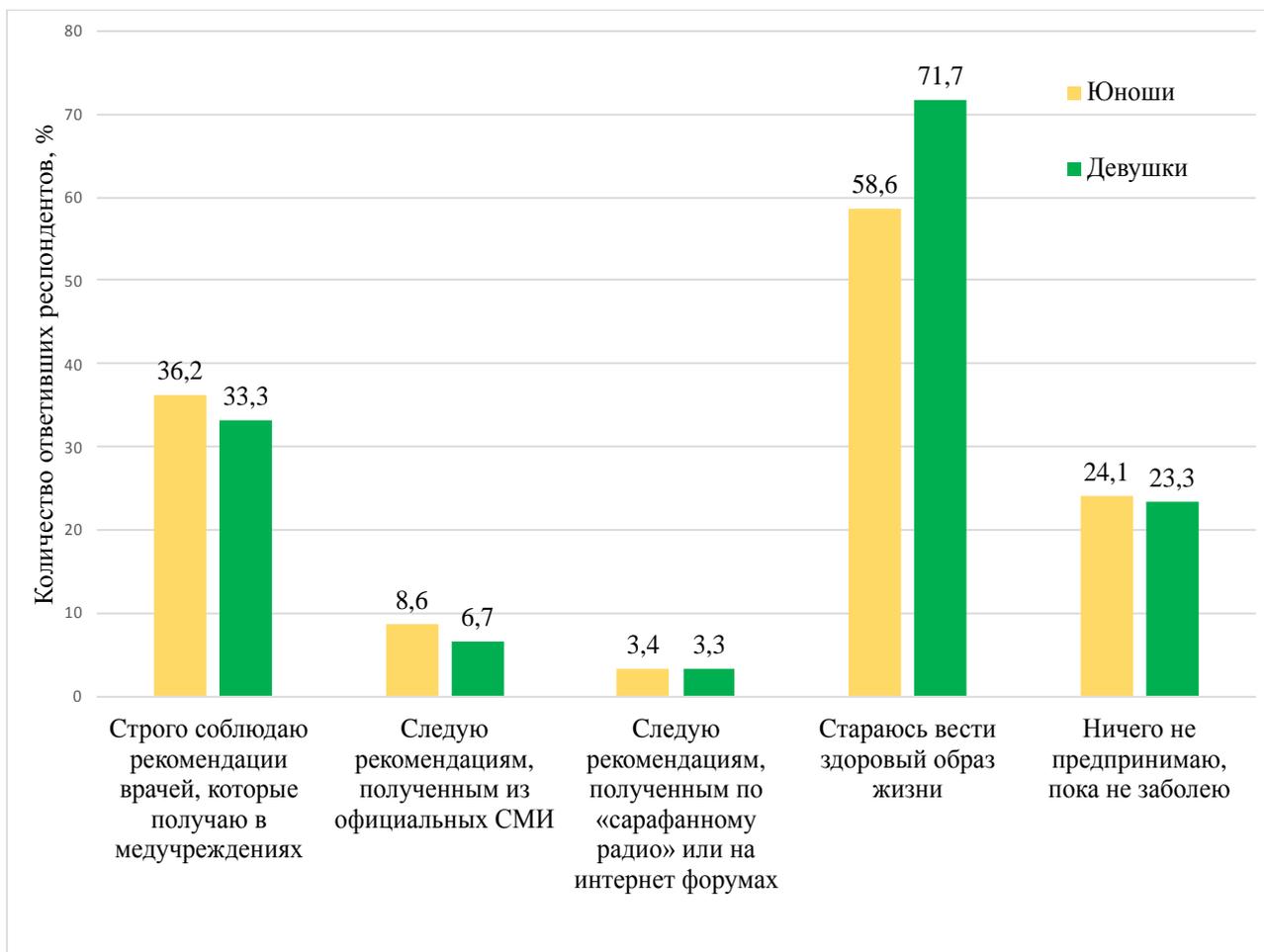

Рис. 1. Способы, применяемые юношами и девушками для сохранения или улучшения своего здоровья

При этом на рисунке виден значительный перевес этого способа сохранения или приумножения здоровья у девушек. Гендерный разрыв в данном случае может быть связан с тем, что молодых женщин, как показал опрос 2013 г., побуждает к ведению здорового образа жизни не только стремление сохранить здоровье, но и такой важный для них стимул, как стремление хорошо выглядеть [6].

Социологические исследования свидетельствуют о наличии гендерной специфики в отношении молодежи к своему здоровью. Она частично связана с социализацией девочек и мальчиков, частично с традициями советского периода, когда и женщины, и мужчины приучались жертвовать собственными интересами ради общих, и только в последние годы забота о собственном здоровье, в том числе культура питания, спорта и экологии, стала входить в повседневность нашего населения и, прежде всего, российской молодежи.

Список литературы

1. Римашевская Н.М. Человек и реформы. Секреты выживания. Москва: ИСЭПН РАН, 2003. 392 с.
2. Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Новый Хронограф, 2017. 568 с.
3. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие / Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
4. Зыбуновская Н.В. Ценностное отношение российского населения к здоровью и здоровому образу жизни //Управление мегаполисом. 2013. №3(33). С. 84–91.
5. Доброхлеб В.Г., Ефанова О.А., Писклакова-Паркер М.П. Гендерный аспект формирования экологокультурных норм повседневности // Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: материалы VI международной научно-практической конференции, [26-28 сентября 2019 года, г. Петрозаводск]. Петрозаводск. 2019.С. 115–121.
6. Ефанова О.А., Завьялов А.Е., Левашов В.И. Формирование здорового образа жизни молодежи. М: Издательство «Проспект». 2014. 160 с.

ДОКЛАДЫ

**ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ГЕРМАНИИ:
РЕФЛЕКСИЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

**PROFESSIONALISIERUNG (IN) DER SOZIALEN ARBEIT IN
DEUTSCHLAND: REFLEXIONEN ZUR ENTWICKLUNGSGESCHICHTE
DES BERUFSFELDES**

Х. Боссонг

Университета Дуйсбург-Эссен, г. Эссен, Германия

H. Bossong

Universität Duisburg-Essen, Essen, Deutschland

Данный текст является введением к последней статье профессора Хорста Боссонга, одного из крупнейших немецких специалистов в сфере социальной работы, социальной политики и управления. Автор анализирует историческое развитие и современное состояние профессионального пространства социальной работы, последовательную смену ее религиозных, морально-нравственных и экономических основ. Статья подводит своеобразный итог многолетнего авторского интереса к истории и философии социальной работы, в которых отразились основные вехи духовной эволюции и экономического развития современных европейских обществ. Полный текст статьи будет опубликован на русском языке в одном из выпусков журнала «Вопросы управления» за 2021 год.

This text is an introduction to the latest article by Professor Horst Bossong, one of Germany's largest specialists in social work, social policy and management. The author analyses the historical development and current state of the professional space of social work, the consistent change of its religious, moral and economic foundations. The article summarises the author's longstanding interest in the history and philosophy of social work, which reflects the main milestones in the spiritual evolution and economic development of modern European societies. The full text of the article will be published in Russian in one of the issues of the journal "Issues of Management" for 2021.

Ключевые слова: международный опыт социальной работы, социальная работа в Германии, история социальной работы, философия социальной работы

Keywords: international experience of social work, social work in Germany, history of social work, philosophy of social work

Рассуждения о принципе социальной солидарности наводят нас на мысль, что человеческий потенциал реализуется не только путем оказания помощи лицам, находящимся в нашем повседневном социальном окружении. Благодаря имеющимся технологиям и методам можно обеспечить необходимую помощь большому количеству неизвестных нам клиентов, находящихся на значительном расстоянии от нас. Это является одной из черт современных функционально высокодифференцированных обществ. Однако это может быть достигнуто только в организациях, работающих в рамках соответствующего законодательства и получающих необходимое финансирование.

На примере социальной работы можно продемонстрировать цивилизованное развитие процесса структурирования и профессионализации индивидуальной помощи и поддержки в особой сфере социальной солидарности. Этот процесс протекал не линейно, как это обычно бывает с социальными процессами, он далеко не всегда продумывался концептуально, а в большинстве случаев был спонтанным и рождался в ответ на возникающие чрезвычайные ситуации. Среди таковых – социальная реакция на распространение нищенства, уличной проституции и мелкой преступности в крупных городах. В любом случае, о начальной профессионализации в современном понимании этого слова можно говорить лишь с начала XX века.

Далее я хотел бы проследить процесс профессионализации социальной работы с использованием следующих показателей:

- = профессиональная квалификация,
- = профессиональная деятельность (формальная и содержательная),
- = размещение ресурсов и контроль над ними,
- = исследования в области социальной работы.

Я использую эти четыре области, чтобы задать вопрос, в состоянии ли мы сегодня в Германии гарантировать в целом "идеальную", то есть современную, функционирующую систему социального обеспечения. Ответ и «да», и «нет». Но каковы основные проблемы, стоящие перед государством и различными сервисными компаниями и организациями, и какие корректировки могут и должны быть сделаны для обеспечения оптимального расположения организованного ухода в долгосрочной перспективе? Наконец, этот вопрос касается – в очередной раз – наиболее важных элементов формирования профессионализма в интересах современной социальной работы. Какие навыки необходимы для соблюдения принципа социальной солидарности по отношению к социально незащищенным людям? Речь идет не о помощи, как мы ее знали до сих пор, а о том, что зачастую требуются совершенно новые форматы и методы, с которыми придется иметь дело при обучении, практике и исследованиях.

Солидарность в конкретной форме взаимопомощи, как хорошо известно, существовала в разных формах всегда, завися от уровня развития и конкретного социального контекста; люди помогали друг другу еще и потому, что зависели друг от друга. Тем не менее, очевидно, это всегда требовало морального поощрения. Так, например, нам известны наставления древнеримского философа Сенеки в начале первого века нашей эры: «Будем солидарны: мы родились для общины; наша община подобна арке из камней, которая рухнула бы, если бы камни не поддерживали друг друга, и они удерживаться ею» [1]. Точно так же нам известны проповеди Василия Кесарийского в IV веке: "Ничто", – подчеркнул он, – "так несвойственно нашей природе, как то, что мы живем в общении друг с другом, нуждаемся друг в друге и любим наших соплеменников. Но от того, что Бог ранее посеял в нас, Он, следовательно, требует плодов" [2]. В средние века богословские трактаты Фомы Аквинского (1225-1274 гг.) о милосердии и милостыне были особенно новаторскими; он писал: "Поскольку милосердие – это действие Божьей любви, то милостыня – это логическое действие любви Божьей через посредничество милосердия" [3].

На этих трех примерах становится ясно, что практическая солидарность, забота и помощь, в зависимости от точки зрения, являются не только общечеловеческими, но и религиозными обязанностями. В то же время мы видим, что до конца средневековья парадигма «добродетельного дарителя» была доминирующей. Сенека писал, что помощь "есть черта важного и ценного духа" [4]. А Фома учил: "Любовь Божия... – это цель, на которую направлена любовь ближнего" [5], которая со своей стороны одновременно направлена "на искупление вины" [6], то есть на спасение души дарителя.

Этот взгляд меняется в ранний современный период, когда число жителей городов*, а вместе с ним и бедность и попрошайничество, стремительно росли, в некоторых местах, по-видимому, более 50% жителей жили в относительной или абсолютной нищете. Следовательно, в фокусе теперь были в первую очередь нуждающиеся: "настоящие" ли они вообще нуждающиеся или же они профессиональные паразиты, то есть бедняки, недостойные помощи? Парадигма добродетельного, благочестивого дарителя, господствовавшая до второй половины XV века, теперь все больше трансформировалась в парадигму злобного и ленивого получателя, к которому следует относиться с жесткостью, а не с милосердием†. В центре общественного дискурса оказалась уже не точка

* Многие города достигли высокого уровня экономического развития, и там наконец-то утвердились денежно-кредитные отношения.

† Вспомнились слова апостола Павла: "Кто не работает, тот не ест" (2 Фес. 2:10). По сути, эта точка зрения и сегодня характеризует заботу о бедных. В 1798 г. хозяин имения Фридрих Эберхард фон Роху из Бранденбурга сказал: бездумное подаяние милостыни – это "беспорядочная, неуверенная, неуверенная, и, если смотреть на нее правильно, нехристианская помощь, потому что она делает тебя жертвой чужих грехов, поощряет неряшливость и помогает искоренить трудолюбие".

зрения дарителя, а мнение берущего [8]. Хотя религиозно мотивированный даритель все еще был нужен, с этого момента он должен был заботиться о том, чтобы его милостыня не доходила до ленивых и недостойных ее попрошайек. Этика спонтанной помощи, которая функционировала на протяжении многих веков и функционирует в определенной степени до сих пор, была поставлена под сомнение обществом в целом и стала дисфункциональной. Вместо этого, в ходе дальнейшего развития, то есть продвижения функциональной дифференциации наших обществ, возникли новые формы солидарности, точнее, солидарность между чужими (Хауке Брункхорст) [9]. Управление бедностью в интересах городского порядка, их сегрегация в пенитенциарные учреждения и в работные дома, особенно в начале XVII-XIX вв., постепенное, начиная с XIX в., предоставление гарантированных прав на льготы широким массам населения [10], начинают играть все большую роль. Георг Зиммель охарактеризовал это как решающий сдвиг в парадигме. Речь идет, прежде всего, не о бедных, а о защите общества от бедности [11]. Это имеет свои последствия. Если речь идет уже не о страданиях отдельного человека, а о благополучии общества в целом, то доминирующими финансовыми инструментами становятся не добровольные пожертвования и даже не благотворительные фонды. Основными инструментами становятся общие налоги и обязательные отчисления на социальное обеспечение – это основа социального законодательства Бисмарка. Проявлением солидарности в отношении чужих людей стало достойное выполнение обязанностей по уплате налогов и отчислений – и не больше*.

Поэтому, если мы спросим, как это было в профессиональной специальной сфере социальной работы, то увидим, что уход и забота сегодня обретают новое звучание. Социальное благополучие, порядок и социальная интеграция в значительной степени реализуются как бизнес-модель, через успех в бизнесе социальных предприятий, которые служат общему благу, профессионально борясь с социальным и психологическим неблагополучием [14]. В то же время это означает, что "помощь утратила прежний пафос" [15]. Так как же сегодня обстоят дела с социальной работой?

Продолжение следует...

* Например, в 1826 г. Пруссия отменила обязательные взносы в «кассы бедноты», которые были распространены во многих местах, но крайне непопулярны среди буржуазии [12]: *Alte Armut und neues Bürgertum*. Мюнстер; стр. 132). Тем не менее, добровольные пожертвования, а также непосредственная готовность граждан помогать, естественно, и сегодня играют определенную роль в той или иной степени в зависимости от модели общества. В Германии это особенно очевидно в случае стихийных бедствий и исключительных ситуаций. Однако сегодня граждане, как правило, очень быстро связываются с организациями, то есть они оказывают помощь, участвуя в специализированных организациях или делая пожертвования таким организациям. Кстати, эта "опосредованная" форма помощи была изобретением римской церкви во время ее изгнания в Авиньон уже в 13 веке.

Список литературы

1. Seneca: Briefe an Lucilius (Liber Quintus Decimus). In: Philosophische Schriften. Band 4, S. 495. Darmstadt 1984. Конечно, это означало, прежде всего, помощь членам своего класса; другие лица были гораздо менее "милосердны", если только они от них не зависели.
2. Basilius von Caesarea: Ausgewählte Schriften. Kempten 1877.
3. Thomas: De Beneficentia, Quaestio XXXII. In: Summa Theologica. Band 17a, S. 255. Heidelberg u.a. 1959.
4. Seneca: Über die Wohltaten (De Beneficiis). In: Philosophische Schriften. Band 5, Ziffer 1.12; S. 103. Darmstadt 1989.
5. Thomas von Aquin: De Praeceptis Caritatis, Quaestio XLIV. In: Summa Theologica; Band 17b, S. 146. Heidelberg u.a. 1966.
6. Thomas, De Eleemosyna; Quaestio XXXII In: Summa Theologica. Band 17a; a.a.O., S. 256.
7. Beitrag ist abgedruckt in: Marzahn, Chr.: o.J. Das Zucht- und Arbeitshaus. S.105.
8. So auch: Keck, A. (2010): Das philosophische Motiv der Fürsorge im Wandel. Würzburg; S.173.
9. Vgl. hierzu: Liebsch, B.: Originäre Solidarisierung versus Pseudo-Solidität. In: Jahrbuch für christliche Sozialwissenschaften. Band 48; S. 13-38. Münster 2007. Demgegenüber kritisiert Brunkhorst (in: Solidarität. Frankfurt/M. 2002, S. 115) heutige „Formen einer Sozialintegration ohne Solidarität“.
10. Vgl. hier auch: v. Zwiedineck-Südenhorst, O. (1911: Sozialpolitik. Leipzig; S. 91). Ebenfalls in diese, die sozialstaatliche Verantwortung begründende Richtung zielte bekanntlich – durchaus in Reaktion auf wachsende „sozialistische und kommunistische Bestrebungen“ – auch die Enzyklika Rerum novarum von Papst Leo XIII. aus dem Jahr 1891; vgl. hier insb. Kap. III. 29.
11. Simmel, G. (1922: 349): „Aber gerade dieser Einzelne wird für die modern-abstrakte Form der Armenpflege zwar zu ihrer Endstation, aber durchaus nicht zu ihrem Endzweck, der vielmehr in dem Schutz und der Förderung des Gemeinwesens liegt“.
12. См. Küster, Th. (1995): Alte Armut und neues Bürgertum. Мюнстер; стр. 132.
13. Vgl. Mollat, M. (1984): Die Armen im Mittelalter. München; S. 123.
14. Während Hilfe/Fürsorge fortan konsequent „modularisiert“ und über Kennziffern und Benchmarking zu steuern versucht wird, äußert sich Solidarität immer öfter in Form schlichter verbaler Solidarisierung (sog. Solidaritätsadresse) mit Notleidenden und Gepeinigten (vgl. Liebsch, a.a.O.: 147f.).
15. Luhmann, N. (1973: 37): Formen des Helfens im Wandel gesellschaftlicher Bedingungen. In: Otto, H.U./Schneider, S. (Hg.) Gesellschaftliche Perspektiven der Sozialarbeit. Band 1. Neuwied u. Darmstadt.

PROFESSIONALISIERUNG (IN) DER SOZIALEN ARBEIT IN DEUTSCHLAND: REFLEXIONEN ZUR ENTWICKLUNGSGESCHICHTE DES BERUFSFELDES

1. *Einleitung*

Mit Blick auf das Prinzip der *Solidarität* realisiert sich das menschliche Potenzial nicht allein dadurch, dass wir anderen Menschen in unserem alltäglichen sozialen Umfeld helfen, sondern ebenso darin, dass es in modernen, funktional hochgradig ausdifferenzierten Gesellschaften gelingt, Technologien und Methoden zur Verfügung zu haben, die dies in zuverlässiger Weise für eine sehr große Zahl unbekannter und uns fernstehender Hilfsbedürftiger relativ gut gewährleisten. Dies gelingt indes nur in und durch Organisationen auf der Basis von Recht und mittels Geld.

Am Beispiel der Sozialen Arbeit lässt sich in einem Spezialgebiet der gesellschaftlichen Solidarität die zivilisatorische Entwicklung des Strukturierungs- und Professionalisierungsprozesses personenbezogenen Helfens und Förderns aufzeigen. Dieser Prozess vollzog sich – wie es ja allgemein bei sozialen Prozessen üblich ist – keineswegs geradlinig, sondern in einer nur gelegentlich konzeptionell mehr oder minder durchdachten, meist hingegen eher ungeplanten und aus der jeweils temporär akuten Notsituation heraus geborenen Weise, etwa aus dem öffentlichen Widerstand gegen das Überhandnehmen von Bettelerei, Straßenprostitution und Kleinkriminalität in den größeren Städten seit der Zeit der Frühmoderne. Von einer beginnenden *Professionalität im heutigen Sinne* kann ohnehin erst vom frühen 20. Jahrhundert an die Rede sein.

Ich will im Folgenden in aller gebotenen Kürze den Prozess der Professionalisierung der Sozialen Arbeit anhand folgender Indikatoren nachzeichnen:

- ✓ Berufliche Qualifizierung
- ✓ Berufstätigkeit (formal und inhaltlich)
- ✓ Ressourceneinsatz und Controlling
- ✓ Forschung

Sodann stelle ich anhand dieser vier Felder die Frage in den Raum, ob wir in Deutschland damit heute eine insgesamt „perfekte“, also *state of the art* funktionierende Fürsorge gewährleisten. Die Antwort lautet: Ja *und* Nein. Was aber sind demzufolge die maßgeblichen Herausforderungen, vor den der Staat wie auch die verschiedenen Dienstleistungsunternehmen und Organisationen stehen und an welchen Stellschrauben kann und muss man drehen, um die organisierte Fürsorge langfristig optimal aufzustellen? Diese Frage verweist schlussendlich – noch einmal – auf die wichtigsten Gestaltungselemente für die Professionalität zugunsten einer modernen, zukunftsfähigen Sozialen Arbeit. Welche Kompetenzen werden benötigt, um dem *Grundsatz der gesellschaftlichen Solidarität gegenüber sozial Deprivierten*

gerecht werden zu können? Wir werden sehen: Es ist nicht eine Hilfeleistung so, wie wir sie bisher kannten; gefordert sind stattdessen vielfach ganz neue Formate und Techniken, um die sich Ausbildung, Praxis und Forschung werden kümmern müssen.

2. *Wo kommen wir her und wo stehen wir?*

Solidarität in der konkreten Form der wechselseitigen Hilfeleistung hat es bekanntlich je nach zivilisatorischem Stand und konkret sozialem Kontext in unterschiedlichem Maße immer gegeben; man half sich, weil und soweit man aufeinander angewiesen war. Trotzdem bedurfte es hierfür offenbar immer auch der moralischen Ermunterung. So kennen wir beispielsweise die Ermahnungen des antiken römischen Philosophen Seneca aus dem frühen ersten Jahrhundert nach Christus: *„Seien wir solidarisch: für die Gemeinschaft sind wir geboren; unsere Gemeinschaft gleicht einem Bogen aus Steinen, der zusammenbräche, wenn die Steine einander nicht stützten, und eben dadurch gehalten wird“* [1]. Ebenso kennen wir die Predigten des Kirchenvaters Basilius von Caesarea aus dem 4. Jahrhundert: *„Nichts“*, so betonte er, *„ist unserer Natur so eigentümlich wie dieses, dass wir gesellig mit einander leben, einander bedürfen und unsere Stammesgenossen lieben. Wovon nun aber [Gott] der Herr selbst die Keime in uns vorher gelegt hat, davon fordert er auch folgerichtig die Früchte“* [2]. Im Mittelalter waren vor allem die theologischen Traktate des Thomas von Aquin (1225-1274) über das Wohltun und das Almosengeben wegweisend; er schrieb: *„Weil nun die Barmherzigkeit eine Wirkung der Gottesliebe ist, so ist folgerichtig das Almosengeben ein Akt der Gottesliebe durch Vermittlung der Barmherzigkeit“* [3]. Nicht nur an diesen drei Beispielen wird deutlich, dass praktizierte Solidarität, Fürsorge und Hilfeleistung – je nach Standpunkt – allgemeinmenschliche, ebenso aber auch religiöse Pflichten sind. Zugleich sehen wir hier auch, dass bis zum Ausgang des Mittelalters vor allem das *Paradigma des tugendhaften Gebers* im Fokus steht. So schrieb Seneca, Hilfeleistung sei *„eines bedeutenden und wertvollen Geistes Eigenart“* [4]. Und Thomas lehrte: *„Die Gottesliebe ... ist das Ziel, auf das die Nächstenliebe ausgerichtet ist“* [5], die ihrerseits zugleich *„auf die Genugtuung für die Schuld“* [6], d.h. auf das Seelenheil des Gebers ausgerichtet ist.

Diese Sicht ändert sich in der Frühen Neuzeit, als die Einwohnerzahl in den Städten [7] und mit ihr Armut und Bettelei rapide anwuchsen – mancherorts lebten offenbar deutlich mehr als 50% der Einwohner in relativer oder absoluter Armut. Folglich richteten sich die Scheinwerfer nun vor allem auf die Bedürftigen: Sind es überhaupt „echte“ Bedürftige oder sind es eher arbeitsscheue Schmarotzer, also „unwürdige“ Arme? Das bis in die zweite Hälfte des 15. Jahrhunderts dominierende *Paradigma vom tugendhaften, gottgefälligen Geber* wurde nun zunehmend überformt von einem ganz anderen: dem des *lasterhaften und faulen Nehmers*, dem mit Härte und Konsequenz statt mit Mildtätigkeit zu begegnen sei [8]. Nicht mehr die

Geberperspektive, sondern vornehmlich die Sicht auf den Nehmer rückte ins Zentrum der gesellschaftlichen Diskurse [9]. Zwar brauchte es weiterhin den religiös motivierten Spender, doch er hatte fortan Obacht zu geben, dass sein Almosen nicht an die faulen und unwürdigen Bettler geriet. Die Ethik des spontanen und sozusagen unreflektierten Helfens, die über viele Jahrhunderte hinweg funktional war und ja in gewissem Maße, d.h. insbesondere im Alltag des sozialen Nahraums bis heute funktioniert, war gesamtgesellschaftlich infrage gestellt und dysfunktional geworden. Stattdessen haben sich im Zuge der weiteren Entwicklung, d.h. der voranschreitenden funktionalen Ausdifferenzierung unserer Gesellschaft(en) andere und neue Formen der Solidarität – genauer: der *Solidarität unter Fremden* (Hauke Brunkhorst) [10] – herauskristallisiert: Das Administrieren von Armut und Armen im Interesse der städtischen Ordnung, ihre teils erzieherisch begründete Absonderung in Zucht- und Arbeitshäusern insbesondere vom frühen 17. bis ins 19. Jahrhundert, schließlich schrittweise ab dem 19. Jahrhundert die Zuerkennung verbriefter Leistungsrechte für die breite Masse der Bevölkerung [11], vor allem mittels Sozialversicherung und Sozialhilfe in Form von Geldtransfers und weiterhin Macht-basierter Interaktion und Intervention durch spezialisierte Organisationen, wie wir sie bis heute kennen, kommen vermehrt ins Spiel. Georg Simmel hat dies als einen entscheidenden Paradigmenwechsel bezeichnet: Nicht vorrangig um den Armen gehe es, sondern um den *Schutz der Gesellschaft vor Armut* [12]. Das hat freilich Konsequenzen: Wenn es nicht mehr um den einzelnen Notleidenden um seiner selbst willen geht, sondern a priori um das Wohl der Gesellschaft, dann sind definitiv nicht die (mehr oder oft auch weniger freiwilligen) Spenden oder auch fromme Stiftungen die dominierenden Finanzierungsinstrumente, sondern einzig *allgemeine* Steuern sowie Pflichtbeiträge zur Sozialversicherung (der Kern der Bismarck'schen Sozialgesetzgebung): *Solidarität unter Fremden* zu zeigen heißt dann, der Steuer- und Beitragspflicht als Bürger anständig nachzukommen – mehr nicht [13].

Fragen wir also im Folgenden danach, wie sich dies im Spezialgebiet der Sozialen Arbeit professionalisiert hat, so werden wir sehen, dass Fürsorge heute wiederum unter einem *neuen Paradigma* steht: Das gesellschaftliche Wohl, die Ordnung und der gesellschaftlicher Zusammenhalt realisieren sich heute weithin *als Geschäftsmodell* und somit über den *Geschäftserfolg der sozialen Unternehmen*, die vermittelt professioneller Bearbeitung von sozialer Benachteiligung, Dissozialität und psychosozialem Elend dem Gemeinwohl dienen [14]. Dies aber bedeutet zugleich: „mit dem Pathos des Helfens ist es vorbei“ [15]. Wo also steht die Soziale Arbeit heute?

a) *Berufliche Qualifizierung*

Alltägliches Helfen erfolgt bekanntlich nicht als Berufstätigkeit und braucht auch keine spezifische Qualifikation – man hilft einander *im Vertrauen auf die*

generelle Reziprozität solchen Tuns [16]. Der Gedanke einer speziellen Qualifizierung kam in Deutschland im Laufe des 19. Jahrhunderts auf, und zwar nicht unwesentlich inspiriert durch die seinerzeit aufblühenden Wirtschaftswissenschaften [17]. Doch erst im frühen 20. Jahrhundert knüpfte sich hieran die Forderung, Fürsorge als einen *systematisch erlernten Beruf* auszugestalten. Vor allem Alice Salomon (1872-1948) kommt das große Verdienst zu, eine Wegbereiterin der systematischen, auch interdisziplinären Fürsorge-Ausbildung gewesen zu sein. Ihr ist die Gründung der im Deutschen Reich ersten *Sozialen Frauenschule* im Jahr 1908 in Berlin zu verdanken; es ist dies der Beginn der beruflichen Ausbildung von Fürsorger*innen [18] überhaupt. Es brauche, so schrieb sie, offenbar stark beeindruckt durch entsprechende Schilderungen aus den USA und Großbritannien, „*sorgsam geprüfter Methoden*“, die nicht nur den Hilfebedürftigen *in* seiner Not akut unterstützen, sondern stattdessen „*wirksame*“, d.h. dauerhaft wirkende Hilfe *aus* der Not heraus bieten [19]. Was damit angesprochen und intendiert ist, ist eine fundamentale Neuausrichtung, sie schreibt:

„Alle Fürsorge (...) strebt Wiederherstellung der wirtschaftlichen Selbständigkeit, der Gesundheit, der Fähigkeit zu verantwortlicher Lebensführung an. Aber das ist nur ein Teil der Sache. Das Ganze läuft auf ein weiteres Ziel hinaus. Man hat es genannt: ‚Persönlichkeitsentwicklung‘ – und zwar ist das Mittel dazu eine bewusste und allseitige Anpassung des Menschen an seine Umwelt – oder auch der Umwelt an die besonderen Bedürfnisse und Kräfte des betreffenden Menschen. Das heißt, dass der Fürsorger im gleichen Maße suchen muss, mit den im Menschen liegenden Schwierigkeiten wie mit den Schäden und Gefährdungen seiner äußeren Lage fertig zu werden“ [20].

Hier wird deutlich: Fürsorge ist ein komplexer Vorgang und durchaus nicht einfach eine Art Dressur, die schlichte, notfalls erzwungene Anpassung des Depravierten an die gesellschaftlichen Erfordernisse und Normen, sondern sie erfordert gleichermaßen die Gestaltung jener Rahmenbedingungen, die dem Klienten die gesellschaftliche Integration erschwert oder umgekehrt erleichtern hilft, d.h. die Mobilisierung all derjenigen Ressourcen im Sozialraum, die für das Gelingen der Integration essentiell sind. In diesem Sinne muss „moderne“, professionelle Fürsorge stets gleichermaßen die intrapersonalen Probleme und Konflikte (sowie andererseits: Potenziale) des Klienten wie auch die „*Schäden und Gefährdungen seiner äußeren Lage*“ in den Blick nehmen, wenn sie Erfolg haben will. Das ist etwas Neues, nämlich das ins Kalkül-Ziehen der psychosozialen *und* der extrapersonalen Dimension.

Selbstverständlich fußen viele Überlegungen von Salomon, aber auch die anderer Fürsorgetheoretiker des frühen 20. Jahrhunderts [21], auf Konzepten, die in rudimentären Formen zum Teil schon seit vielen Jahrhunderten gängig waren. Dies betrifft beispielsweise das Postulat der „*wirtschaftlichen Selbstständigkeit*“ durch

Arbeit als zwingende Alternative zur Unterhaltssicherung durch Bettelei, Kriminalität und/oder öffentliche Transferleistungen, ebenso das der peniblen individuellen Bedürftigkeitsprüfung beides waren essentielle Bedingungen der Hilfestellung spätestens seit dem 16. Jahrhundert [22]. Namentlich dem im spanischen Valencia geborenen und im belgischen Brügge ansässigen Humanisten Juan Luis Vives (1492-1540) gebührt der Respekt, erstmalig eine systematische Theorie der Fürsorge erarbeitet und im Jahr 1526 dem Rat der Stadt Brügge vorgelegt zu haben [23]. Bemerkenswert ist die Klarheit und Stringenz seines Vorgehens: Jede städtische Verwaltung müsse, so schreibt er, ein Register über die Anzahl und individuelle Bedarfslage aller Armen erstellen und stets à jour halten. Auf Basis einer sodann gründlichen einzelfallbezogenen Bedürftigkeitsprüfung solle jedem Armen, soweit er arbeitsfähig ist, aber aus eigenem Antrieb keine Arbeit findet, eine Arbeitsmöglichkeit in einem der städtischen Handwerksbetriebe zugewiesen, d.h. Arbeit beschafft werden. Weigert sich der Arme trotz „gutem Zuredens“, Arbeit anzunehmen, so solle er durch Zwang zur Arbeit gebracht werden und dabei durch die „Kargheit der Nahrung und Härte der Arbeit ... anderen ein Exempel“ sein und selbst „sein vergangenes Leben bereuen, damit sie nicht wiederum in dieselben Laster zurück[fällt]“. Was wir erstaunlicherweise hier – im frühen 16. Jahrhundert – finden, ist im Ansatz ziemlich genau das, was wir heute als Primär-, Sekundär- und Tertiärprävention bezeichnen. So ist auch der Leitgedanke in Vives' Überlegungen bis heute aktuell: *Nicht, was der einzelne fordert, sondern was ihn fördert, soll ihm gegeben werden* [24]. Beides, die jeweils im Einzelfall amtlich erfolgte Bedürftigkeitsprüfung [25] und die Arbeitspflicht (genauer: die *Befähigung* zu regelmäßiger Arbeit und geordnetem Lebenswandel) sind bis heute essentielle Elemente der Fürsorge [26]. Wenn aber dies so ist, dann erfordert dies auf Seiten des Armenfürsorgers bzw. Sozialarbeiters eine dementsprechend qualifizierte Ausbildung. Es war Alice Salomon, die mit ihrer *sozialen Frauenschule* diesem Erfordernis zum Durchbruch verhalf.

Gewiss hat sich die Ausbildung seither weiterentwickelt und verändert. Sieht man von der Nazi-Diktatur ab [27], so sind es vor allem zwei Etappen, die zum heutigen Stand der akademischen Ausbildung für die Soziale Arbeit in Deutschland führen: die sog. *68er-Bewegung* und die sog. *Bologna-Reform* Ende der 1990er Jahre.

Was die Veränderungen im Zuge der Studentenunruhen in den späten 1960er Jahren betrifft – die sog. *68er-Bewegung* –, so sind diese überwiegend durch eine neomarxistisch und allemal staats- bzw. systemkritische Ausrichtung gekennzeichnet [28]. So kritisierten in den frühen 1970er Jahren z.B. der Schweizer Soziologe Walter Hollstein und die Berliner Psychologin Marianne Meinhold in einem vielbeachteten Buch die „Sozialarbeit als Kontrollagentur“ und als „zuverlässiges Mittel zur Erhaltung des gesellschaftlichen Status quo“ des kapitalistischen Systems [29]. Sie

forciere systematisch eine Entsolidarisierung (in) der Gesellschaft, indem sie die sozialarbeiterische Klientel – „die Deklassierten“ – als behandlungsbedürftige Einzelfälle absondere, ihre durch Klassenlage und Ausbeutung bedingten Problemlagen psychologisiere und sie, notfalls durch Oppression, zur Anpassung an die herrschenden Bedingungen zwingt. „*Fortschrittliche Sozialarbeit*“, so schrieb der in den 1970er Jahren an der Universität Hamburg arbeitende Karam Khella, „*ist ausschließlich Sozialarbeit, die als Bestandteil des Massenkampfes [gegen das kapitalistische System] geführt wird*“; wichtig sei „*die Teilnahme des Klienten an den Kämpfen seiner Klasse*“ [30]. Im Kontext derart radikaler Positionierungen, vor allem aber in Reaktion auf eklatante alltagspraktische Defizite und Missstände in vielen Einrichtungen während der 1950er Jahre sowie zunehmender Beschwerden seitens etlicher sozialarbeiterischer Klienten und vieler Kommunalverwaltungen veränderte sich die Ausbildung (und nachfolgend auch die Praxis) massiv: Die Ausbildung wurde formal von der höheren Fachausbildung zur (Fach-) *Hochschulausbildung* aufgewertet und erhielt vielerorts ein stärker politik- und sozialwissenschaftliches Profil. Ungeachtet dessen sicherte sich die Erziehungswissenschaft in der Theoriebildung eine führende Position. Vor allem der *emanzipatorische Ansatz* von Klaus Mollenhauer, der in Frankfurt/M. und Göttingen lehrte, sowie das vom Tübinger Erziehungswissenschaftler Hans Thiersch entwickelte Konzept der *Lebenswelt- oder Alltagsorientierung* waren über lange Jahre hin prägend. Zur Aufwertung der hochschulischen Ausbildung trugen schließlich auch zahlreiche Neugründungen von Hochschulen und Hochschulabteilungen für Sozialarbeit und Sozialpädagogik ab Anfang der 1970er Jahre und in der Folge viele Neuberufungen junger Professoren bei – mit ihnen kam reichlich „frischer Wind“ in die Ausbildungsstätten.

In der Folge der sog. Bologna-Erklärung zur europaweiten Hochschulreform im Jahr 1999 vollzog sich sodann zu Beginn des 21. Jahrhunderts erneut ein wichtiger, wenngleich keineswegs unumstrittener Qualitätsfortschritt in der akademischen Ausbildung von Sozialarbeitern und Sozialpädagogen. Speziell die Modularisierung der Studiengänge und die deutlich kohärentere Fassung der Curricula haben zu einer besseren Studierbarkeit und kürzeren Studienverläufen geführt, auch wenn manche mit dem Bologna-Prozess verbundenen Erwartungen (insbesondere eine höhere Mobilität im In- und Ausland) bisher unerfüllt blieben. Heute gibt es im deutschsprachigen Raum an 114 spezialisierten *Hochschulen oder Hochschulabteilungen für Soziale Arbeit* insgesamt 178 Bachelorstudiengänge für Sozialarbeiter und Sozialpädagogen [31]; die Gesamtzahl der Studierenden liegt in den letzten Jahren in deutschen Hochschulen zwischen 70.000 und 80.000, die Zahl der jährlichen Studienanfänger (1. Fachsemester) liegt bei 16.000 und zuletzt sogar 24.000, die der Absolventen in den letzten Jahren durchgängig zwischen 12.000 und

14.000 Personen [32]; in beiden Gruppen sind Frauen mit etwa 80% deutlich in der Überzahl. Im Jahr 2006 verabschiedete der *Fachbereichstag Soziale Arbeit*, dem eine große Anzahl deutscher Hochschulen der Sozialen Arbeit angehören, erstmalig einen einheitlichen Qualifikationsrahmen für die Bachelor- und Master-Ausbildung im Fachgebiet der Sozialen Arbeit.

b) *Berufstätigkeit*

Über viele Jahrhunderte hin wurde die Armenfürsorge von ehrenamtlich tätigen Personen und Institutionen getragen, allen voran den christlichen Kirchen und philanthropischen Vereinen. Soziale Arbeit *als Berufstätigkeit* nimmt ihren Anfang erst im beginnenden 20. Jahrhundert. Vorreiter hierfür war das sog. Straßburger System von 1905, das die vormals ehrenamtliche Fürsorge, wie sie insbesondere im sog. Elberfelder Modell ab Mitte des 19. Jahrhunderts in Form kleinräumiger bezirklicher Fürsorge praktiziert wurde, durch hauptberufliche Armenpfleger ablöste [33]. Man nahm an, dass hauptberuflich Tätige konsequenter und mit mehr Sachverstand die Armenbetreuung würden leisten können. Allerdings stieß die Verberuflichung zunächst durchaus auch auf diverse Widerstände. Der einflussreiche Pädagoge Aloys Fischer (1880-1937) etwa, der an der Ludwig-Maximilians-Universität in München lehrte, kritisierte das so entstehende „*Sozialbeamtentum*“ scharf. Es liege „*eine gewisse Unmöglichkeit in der Berufsmäßigkeit sozialer Hilfsarbeit*“, denn unter Umständen verführe „*die berufsmäßige Einstellung zu einer Geschäftigkeit, die auch dort noch hilft und bevormundet, wo Eigenkräfte einer Not Herr werden wollen und können*“ [34]. Seine Befürchtung ist aus heutiger Sicht gewiss nicht ohne Weiteres von der Hand zu weisen: Sozialunternehmen leben davon, immer wieder und immer mehr Notlagen, soziale Ungleichheiten und mithin Hilfsbedürftigkeiten zu entdecken und zu konfigurieren, um ihr Geschäft am Laufen zu halten – es stimmt eben: Marketing, d.h. speziell das Generieren kontinuierlicher Nachfrage ist das *A & O* für den Geschäftserfolg [35].

Dennoch, die Zeit der (fast) ausschließlich unbezahlten, ehrenamtlichen Fürsorge geht im 20. Jahrhundert mehr und mehr zu Ende; das Gros der „Helfer“ verrichtet heute seine Arbeit als Beruf. Leisteten 1950 hauptberufliche Kräfte jährlich rund drei Millionen Arbeitsstunden, so waren es fünfzig Jahre später bereits knapp zwei Milliarden Arbeitsstunden [36]. Vor allem seit Mitte der 1970er Jahre sehen wir einen beachtlichen Zuwachs an berufstätigen Sozialarbeitern. Konrad Maier und Christian Spatscheck haben errechnet, dass 1977 in (West-)Deutschland ein hauptamtlich beschäftigter Sozialarbeiter auf 2.777 Einwohner kam, während es „inzwischen [2004] (in Gesamtdeutschland) ... einen Sozialarbeiter für 720 Einwohner“ gibt [37]. Seither hat sich die Arbeitsmarktlage für soziale Berufe weiter verbessert; insgesamt ist das Beschäftigungsvolumen gemäß den Daten des Sachverständigenrates zur Begutachtung der gesamtwirtschaftlichen Entwicklung in

Deutschland zwischen 1991 und 2015 um 77% gestiegen (zum Vergleich: in allem Wirtschaftsbereichen im gleichen Zeitraum um 11%). Kein Wunder also, dass heute vielerorts Sozialarbeitsstudierende schon während ihres Studiums von sozialen Unternehmen für eine alsbaldige hauptberufliche Beschäftigung heftig umworben werden, allenthalben ist von einem steigenden Fachkräftemangel im sozialarbeiterischen Feld die Rede. Nicht zuletzt dies schlägt sich auch im Tarifrrecht überdurchschnittlich positiv nieder und beschert(e) der Berufsgruppe spürbare Tarif- bzw. Gehaltssteigerungen [38]. In gewisser Weise kann man sagen: Es sind heute nicht mehr die Studienabsolventen, die einen Arbeitsplatz suchen, sondern umgekehrt die Arbeitgeber, die – händeringend – geeignete Bewerber für ihre oft vielen vakanten Stellen suchen [39].

Auch inhaltlich, vor allem methodisch, hat es seit den späten 1970er Jahren beachtliche Weiterentwicklungen gegeben. Zum einen fanden beispielsweise Technologien und Methoden aus dem Bereich der Psychologie Eingang in die Soziale Arbeit – so der systemische Ansatz und die „lösungsorientierte Beratung“. Aus dem Feld der Erziehungswissenschaft sind erlebnispädagogische und rekonstruktive sozialpädagogische Methoden implementiert worden, des Weiteren haben sich Mediationsverfahren insbesondere in familiengerichtlichen Verfahren vielerorts durchgesetzt, schließlich fanden Methoden des Empowerment, deren Wurzeln in US-amerikanischen Bürgerrechtsbewegungen zu finden sind, ebenso Einzug ins Methodenarsenal der deutschen Sozialen Arbeit wie das Case-Management, die Sozialraumorientierung und die soziale Netzwerkarbeit. Insgesamt kann man sagen, dass die Methodik der Sozialen Arbeit in den zurückliegenden knapp vierzig Jahren deutlich systematisiert und diversifiziert worden ist. All dies ist nach einer Phase des Überbordens bürokratisch-autoritärer Verfahrensweisen in den 1950er und frühen 1960er Jahren sowie darauf folgend (neo-) marxistischer Irrwege in den späten 1960er und in den 1970er Jahren im Sinne eines *sozialen Prozessgeschehens* durchaus konsequent; es wurde immerhin nicht unwesentlich durch recht massiven (auch finanziellen) Druck seitens der kommunal- und landesbehördlichen Entscheidungsträger vorangetrieben. Tatsächlich stellte die Methodenentwicklung der letzten Jahrzehnte zu einem Gutteil auch eine Art Kompromiss dar zwischen den radikalen Ansätzen der 68er-Ideologie und den vor allem aus dem kirchlichen Sozialsektor kommenden Überlegungen zu einer klar *psychosozial* profilierten Fürsorge – ein Kompromiss, bei dem beide Seiten voneinander gelernt haben. Vor allem gelang es so, die Professionalisierung der Sozialen Arbeit als Teil einer sich in postindustriellen Gesellschaften immer stärker durchsetzenden Dienstleistungsmentalität zu akzentuieren [40]. Denn wenn die Bedürfnisse des alltäglichen Lebens – und hier speziell auch solche, die sich auf das psychische und soziale Wohlbefinden des einzelnen beziehen – nicht mehr vorrangig in Eigenarbeit

bedient, sondern mittels möglichst maßgeschneiderter und individuell ansprechender Angebote befriedigt werden [41], dann findet sich eben auch für die Soziale Arbeit – unbeschadet ihrer weiterhin bestehenden gesetzlichen Eingriffsrechte – ein *zusätzlicher*, neuer Raum für die immer stärkere Diversifizierung ihrer Angebotspalette. Dies aber verweist sie auf Erbringungsformen, die eher marktförmig als bürokratisch organisiert sind. Und vielleicht ist es dann auch nicht verwunderlich, wenn – gleichsam im Gegenzug – in letzter Zeit in einigen Milieus der Sozialen Arbeit wieder vermehrt sog. „systemkritische“ Ansätze, wie sie in den frühen 1970er Jahren en vogue waren, revitalisiert werden. Soziale Arbeit, so heißt es hier, müsse sich als kritischer „politischer Akteur“ wieder stark ins Spiel bringen. Was dabei womöglich übersehen wird, ist der Umstand, dass die Sozialpolitik ein eigenes, von der Sozialen Arbeit unterschiedenes disziplinäres Feld darstellt [42] und folglich die Soziale Arbeit mit einer (erneuten) Politisierung ihre eigene Identitäts- und Profilschärfung aufgabe [43]. Die tatsächlich interessante Frage lautet stattdessen: Welche Angebote wirken wie, warum und wie nachhaltig? Angesprochen ist damit die Forderung einer *wirkungsorientierten Steuerung* sozialer Dienstleistungen – ein Thema, mit dem sich nicht wenige in der Sozialen Arbeit bis heute schwertun.

c) *Ressourceneinsatz und Controlling*

Rund 30% des Bruttoinlandsprodukts werden in Deutschland jährlich für sozialpolitische Zwecke aufgebracht; knapp 50 Milliarden Euro davon für Maßnahmen und Angebote der *öffentlichen* Kinder- und Jugendhilfe (in 2018) [44]. Damit haben sich allein innerhalb der letzten zehn Jahre in diesem speziellen Bereich die Aufwendungen ungefähr verdoppelt. Es liegt folglich nahe, die Ressourcenallokation im Hinblick auf ihre Nutzeffekte kontinuierlich zu überprüfen. Andererseits liegt es freilich ebenso nahe, dass genau dies in einem expandierenden und mindestens besitzstandswahrenden Gewerbe wie der sozialen Fürsorge alles andere als trivial und stattdessen starker berufsständischer Kritik ausgesetzt ist. Zu bedenken ist hierbei vor allem, dass das Praxisfeld der deutschen Sozialpolitik und Sozialen Arbeit seit vielen Jahrzehnten massiv durch *korporatistische Verflechtungen* gekennzeichnet ist [45]. Dennoch hat man, insbesondere vor dem Hintergrund rapide wachsender Kommunal- und Staatsschulden in den 1990er Jahren, vielerorts begonnen, geeignete Controllinginstrumente systematisch einzusetzen, um die Finanzmittelabflüsse im Hinblick auf ihre intendierten Wirkungen und ggf. unerwünschten Nebenwirkungen zu überprüfen. Diese Bemühungen waren in aller Regel eingebunden in Konzepte einer grundlegenden Reform bzw. Modernisierung der Kommunal – und Staatsverwaltungen.

In der Sache selbst geht es dabei um teilweise recht banale Forderungen: Die übergeordnet strategischen, wie sodann auch die konkreten operativen Ziele sozialstaatlicher Aktivitäten müssen präziser als zuvor herausgearbeitet und benannt

werden. *Erst hieraus* sind die nötig erscheinenden (Einzel-) Maßnahmen in ihrer Eignung, Art und Umfang konkret zu bestimmen und einem messbaren Controlling zugänglich zu machen. Im zeitlich fest terminierten Prozessverlauf selbst müssen jederzeit die Zielerreichung und mithin auch die Abweichungen vom Soll-Ergebnis beobachtet, dokumentiert und gegebenenfalls nachjustiert werden. Nach Ablauf der festgelegten Frist ist eine gründliche und kritische Evaluation angezeigt, die einen genauen Aufschluss über den Erfolg, die Teilerfolge und die Misserfolge gibt. Erst auf Basis dessen soll über das weitere Vorgehen – die Fortsetzung, Korrektur oder den Abbruch – entschieden werden. Methoden und Techniken hierfür gibt es, allerdings sind sie oft samt und sonders heiß umstritten und werden nicht selten von beteiligten Akteuren unterlaufen. Das klassische, aus der Prinzipal-Agenten-Theorie bekannte *Black-Box-Problem* im Leistungserbringungs- bzw. Produktionsprozess bleibt also auch hier weiterhin ungelöst. Abhilfe schaffen könnten sinnvoll eingesetzte interkommunale (oder jedenfalls Anbieter-übergreifende) Vergleiche, also sog. Benchmarking, das, verkoppelt mit strengen, ggf. haftungsrechtlichen Sanktionsmöglichkeiten, die Suche nach Best-Practice-Modellen voranbrächte. Doch auch hiergegen wendet sich oft heftige und vielfach recht pauschale Kritik, die sich zum Teil in Grundsatzdebatten verliert und weit am Kern der Probleme vorbeigeht. So hat es den Anschein, dass genau dies – das Black-Box-Problem und die teilweise massive fachöffentliche Kritik – es ist, was nicht wenige Entscheidungsträger in den Verwaltungen dazu veranlasst, auf ein stringentes Controlling zu verzichten und sich stattdessen mit Ungefährem und Oberflächlichem zu begnügen. Die Frage ist allerdings, ob sich hiermit auf Dauer auch das Klientel zufriedengibt.

d) *Forschung*

Sozialarbeiterische bzw. armenfürsorgerische Forschung hat es, soweit es um anwendungsbezogene Konzeptentwicklung geht, in ersten Ansätzen spätestens mit Juan Luis Vives seit dem 16. Jahrhundert gegeben. Teilweise inspiriert durch aufkommende volkswirtschaftliche Forschungen Anfang des 19. Jahrhunderts hat sich auch die frühe sozialwissenschaftliche – und zwar insbesondere die empirische Sozialforschung – auf den Weg gemacht, das sozialarbeiterische Feld genauer zu erkunden. Vorreiter waren hier vor allem Feldforscher in England und den USA; zudem kann in gewisser Weise auch Friedrich Engels mit seiner Arbeit über *Die Lage der arbeitenden Klasse in England* aus dem Jahr 1845 genannt werden, auch wenn die Stoßrichtung seiner Arbeit selbstverständlich nicht darin lag, ein *sozialfürsorgerisches* Konzept für das verarmte Proletariat zu entwickeln. Ebenfalls zu nennen ist natürlich Georg Simmel, der in seiner *Soziologie* (1908) das 7. Kapitel dem Thema Armut, Armenpolitik und Armenfürsorge widmete. Des Weiteren zählen natürlich Christian Jasper Klumker und Alice Salomon zu den frühen Forschern im Feld der Sozialen Arbeit, während sich beispielsweise Paul Natorp (1899) und

vorangehend – Karl Mager (1844/1845) mit dem Spezialthema der Sozialpädagogik befassten, damit aber vorrangig auf Innovationen in der allgemeinen bzw. Schulpädagogik zielten.

Sieht man – wiederum – von der Zeit des Nationalsozialismus ab, dann zeigt sich, dass in den späten 1940er bis in die frühen 1960er Jahre vorwiegend strikt anwendungsbezogene, teils aus den USA rezipierte, anderenteils aus der Weimarer Republik kommende konzeptionelle Entwicklungsarbeit en vogue war. Jenseits dessen standen Dossiers zur Reorganisation der öffentlichen und privaten, verbandlich-gemeinwohlorientierten Fürsorge in der Nachkriegszeit im Fokus, freilich teilweise verfasst von Verbandsfunktionären, die schon während der Nazi-Diktatur aktiv waren. Erst im Gefolge der sog. 68er Bewegung nahm die sozialarbeiterische Forschung wieder Fahrt auf – nun aber, wie schon erwähnt, zunächst in einer mehr oder weniger radikal staats- bzw. systemkritischen Ausrichtung.

Doch vor allem seit den 1990er Jahren hat in Deutschland – jenseits der theoretischen und historischen Forschung – die empirische Forschung im Feld der Sozialen Arbeit stetig zugenommen, auch wenn qualitative Methoden hier bis heute überwiegen und wir, was die quantitativen Methoden oder Triangulationsverfahren angeht, international (noch) nicht völlig überzeugen können. Dennoch ist, aufs Ganze gesehen, der Forschungoutput inzwischen beachtlich.

e) *Wo stehen wir heute?*

Resümiert man den langen Prozess der Professionalisierung der Sozialen Arbeit in Deutschland, dann wird man ihn wohl als insgesamt gelungen qualifizieren können: Die berufliche Ausbildung hat sich akademisiert und deutlich qualifiziert, der Berufsstand ist im Gesamtgefüge aller gängigen Berufe weithin anerkannt und die konzeptionell-inhaltliche Diversifizierung ist – nach einigem Hin und Her – recht gut gelungen. Auch in der Forschung ist Deutschland auf einem guten Weg, die (nicht unerheblich während der Nazi-Diktatur mitverursachten) Schwächen und Defizite der Vergangenheit hinter sich zu lassen und in der *scientific community* auf Anerkennung zu stoßen.

Gleichwohl kann das Resümee nicht nur positiv ausfallen. Vermutlich mindestens teilweise forciert durch die Akademisierung des Berufs scheinen Klagen aus dem Praxisfeld über einen häufig allzu geringen Praxisbezug in der Ausbildung (trotz Bologna!) nicht ganz unbegründet. Die fast schon stehende Redewendung an die Adresse der Berufseinsteiger lautet oft: „Vergesst, was ihr im Studium gelernt hat, jetzt beginnt die Praxis – und die sieht ganz anders aus!“. Gewiss, derlei verweist nur zum Teil auf den akademischen Ausbildungsbetrieb, zum anderen Teil auf das Berufsfeld selbst. Denn auch hier sind nicht selten anachronistische Organisationsstrukturen und aus Alltagswissen gespeiste statt wissenschaftlich

reflektierte (Hilfe-)Prozessabläufe zu sehen, während innovative Ansätze zuweilen schon im Keim erstickt oder (*vermeintlich* bestandsschützend) zurechtgestutzt werden – ein Phänomen freilich, das ja keinesfalls nur für das Soziale Arbeitsfeld typisch ist.

Ein entscheidender Fortschritt hingegen, weil in seinen Auswirkungen viel weitreichender und fundamentaler, scheint mir etwas anderes zu sein: Seit Ende des 20. Jahrhunderts hat sich in nahezu allen Praxisfeldern der Sozialen Arbeit in wachsendem Maße die Figur des *informierten Klienten* durchgesetzt, der im Hinblick auf seine Rechtsposition wie aber auch in der alltäglichen Praxis deutlich selbstbewusster und kritischer den Leistungsangeboten der Sozialen Arbeit begegnet – an die Stelle des bedürftigen *Bittstellers* ist die Figur des Leistungsansprüche wahrnehmenden *Kunden* getreten. Das ist, nach Jahrhunderten der Unterordnung (man kann auch sagen: der Unterwerfung) ein fundamentaler Rollen- bzw. Positionswechsel. Freilich hat er sich nicht von heute auf morgen realisiert, sondern ist, vorangetrieben durch verschiedene Faktoren, über Jahrzehnte gewachsen. Einige besonders markante Aspekte hatte ich bereits angedeutet. Die durchgreifenden Reformen in der Sozialen Arbeit während der 1960 und 70er Jahre, gekoppelt an einen gesamtgesellschaftlichen Strukturwandel von der Industrie zur Dienstleistungsgesellschaft beförderte eine sich in immer mehr Arbeitsfeldern (zum Teil bis hinein in den behördlichen Bereich der Jugend- und Sozialämter) durchsetzende Dienstleistungsper- spektive, die gleicherweise Reflex *und* Motor eines neuen, nun auch (reform-)akademischen Verständnisses von Fürsorge/Sozialer Arbeit war: Fürsorge tritt nun nicht mehr (oder doch weniger oft) dem Klienten obrigkeitlich entgegen, sondern eher beratend, fördernd, unterstützend. Zudem war und ist es vor allem der Fortschritt digitaler Formate der Informationsbeschaffung und des Informationsaustauschs während der letzten etwa zehn bis fünfzehn Jahre, der zu Veränderungen führte – man geht in der Regel nicht mehr völlig uninformiert „zum Amt“ oder in eine soziale Beratungs- und Betreuungs- stelle, vielmehr hat man (und nutzt zunehmend) die Möglichkeit, sich vorab zu informieren und über das Netz mit anderen „Leidensgenossen“ auszutauschen sowie auch im Nachgang die eigenen Erfahrungen zu kommunizieren. Schließlich – und das scheint mir von ganz besonderer Bedeutung zu sein – hat der Gesetzgeber seinerseits, nicht zuletzt dank eines jahrelangen engagierten Einsatzes von „Betroffenen“-Gruppen, in den frühen 2000er Jahren mit der Einführung der Option des *Persönlichen Budgets* [46] damit begonnen, die Rechtsstellung des Klienten der Sozialen Arbeit auf fundamentale Weise zu stärken: Der Klient, so der ausdrückliche Wille des Gesetzgebers, soll fortan nicht mehr *Objekt der Fürsorge* sein, sondern selbstbestimmt entscheiden können, wer, d.h. welcher Leistungserbringer, seinen rechtlich anerkannten Bedarf in welcher Weise (Stichwort: *Servicequalität*) befriedigt. Aus dem Klienten wird so der Kunde, der, ausgestattet mit behördlich bewilligtem Geld auf dem Markt der sozialen

Anbieter und Angebote die ihm passende Leistung, d.h. die persönliche Betreuung, Pflege und Assistenz, selbst „einkauft“. Auch wenn dieses neue Instrument des Persönlichen Budgets einstweilen nur für Menschen mit Handikaps/Behinderung zugänglich ist, so verweist es eben doch auf eine ganz neue Beziehungsstruktur im Klient-Sozialarbeiterverhältnis: Der Klient erhebt nun nicht nur Ansprüche gegen den Sozialstaat, sondern er wählt aus und fordert die Umsetzung vom Leistungserbringer ein, d.h. dieser soll ihm – vertraglich jeweils en détail vereinbart – eine individuell passende, qualitativ zureichende und verlässliche Leistung bieten. Es ist dies eine unmittelbare Folge gestiegener Leistungsansprüche und Verbraucherrechte in einer modernen, ausdifferenzierten Dienstleistungsgesellschaft, in der sich *Fürsorge* (Betreuung, Pflege usw.), gesamtgesellschaftlich gesehen, eben nicht mehr als *Dienst am Nächsten* oder als *gelebte Solidarität in der Gemeinschaft*, sondern als Geschäftsmodell realisiert. Dienstleister und Klient stehen sich nun als Leistungsanbieter und Kunde gegenüber, mit allen dazugehörigen, wechselseitigen Rechten und Pflichten. Dass dies indes einen freien und fairen Wettbewerb zwischen den Leistungsanbietern und den Ausschluss kartellähnlicher bzw. monopolistischer Marktschließungen erfordert, liegt offen zu Tage und scheint doch bis heute in etlichen Kommunen noch zu wenig verstanden und jedenfalls allzu oft konterkariert zu werden [47].

Dennoch, es ist exakt die zusehends realisierte Dienstleistungstypik, die das sozialarbeiterische Feld – und damit eben auch den Berufsstand – in die Zukunft zu tragen und ihm ein anerkanntes *Standing* im Konzert aller möglichen marktvermittelten personenbezogenen Dienstleistungen zu verschaffen geeignet ist. Denn gerade sie, die Einrichtungen, Trägervereine und Unternehmen, können heute mit gestärktem Selbstbewusstsein den Behörden gegenüber treten. Indem sie als Leistungserbringer die individuellen Rechtsansprüche der Klienten (Kunden) verwirklichen, fungieren sie nun im Umgang mit den Behörden, d.h. den öffentlichen Leistungs- und Kostenträgern, nicht mehr nur als quasi Bittsteller und Kostgänger, die abhängig sind von (haushaltsrechtlich prinzipiell freiwilligen) finanziellen Unterstützungsleistungen (Zuwendungen), sondern sie agieren – in der Sprache der Neuen Institutionenökonomik: als Agenten des sozusagen behördlichen Prinzipals. Dabei profitieren auch die Behörden, die diese Reformen ja immerhin offensiv vorangetrieben haben: Sie treffen heute auf ein Gegenüber, das, anders als noch beispielsweise in den 1970er Jahren, äußerst geschäftstüchtig sein Terrain verteidigt und Anforderungen bzw. „Aufträge“ verlässlich annimmt, soweit diese ihre aktuellen und künftigen Geschäftserfolge nicht angreifen, sondern sichern und mehren. Exakt dies ist eine wesentliche Konsequenz des strukturellen und rechtssystematischen Umbaus des sozialen Arbeitsfeldes während der letzten Jahrzehnte [48]. Für die Behörden als Verantwortungsträger und Finanzier der jeweils im Einzelfall

gewährten Sozialleistung besteht der Vorteil vor allem auch im Zugewinn an Klarheit, Berechenbarkeit und Transparenz im Verhältnis zu den sozialen Einrichtungen und Unternehmen. Gleichzeitig sind sie entlastet von Aufgaben der einzelfallbezogenen (Einrichtungs- und Maßnahmen-) Auswahl und Auswahlentscheidung, der Maßnahmendurchführung bzw. Durchführungsbegleitung sowie der einzelfallbezogenen Kontrolle, Bewertung und Verantwortung der Leistungserbringung – dies erledigt nun der Klient im Wesentlichen selbst in seiner Rolle als *Kunde*. Die Behörde dagegen konzentriert sich auf generelle Aufgaben wie z.B. das Auftragsmanagement, die Betriebsgenehmigung und -überwachung sowie die kommunale bzw. bezirkliche (Sozial-)Infrastrukturgestaltung, kurz: auf die Definition und Überwachung der „Spielregeln“. Was die Behörde und damit letztlich der Sozialstaat aufgibt – und auch explizit aufgeben *wollte*, liegt auf der Hand: einen Großteil seiner unmittelbaren (operativen) Steuerungs- und personenbezogenen Betreuungszuständigkeit; sie ist sozusagen ausgelagert.

Mit diesen Veränderungen ist so – aufs Ganze gesehen – eine Dynamik im Sozialen Arbeitsfeld entstanden, die Stillstand im Berufsfeld nicht (mehr) erlaubt, sondern meist unmittelbar bestraft. Man kann das alles als Zumutung und Fehlentwicklung bewerten [49], aber alles in allem wird es doch – wenn auch zuweilen mit kritischem Unterton – positiv konnotiert und vor allem: Es ist Realität. Ein Zurück in vermeintlich „goldene“ – frühere Jahrzehnte gibt es nicht. Doch, wie gesagt, es bleibt stets auch aufs Neue: herausfordernd.

3. Herausforderungen

Betrachtet man vor diesem Hintergrund des bisher Erörterten das *Feld* der Sozialen Arbeit und hier insbesondere das (operative) Klienten-bezogene Prozessgeschehen, so stehen vor allem folgende Kompetenzfelder im Fokus: die Professionalität in der klientenbezogenen Problemdiagnostik, sodann die möglichst passgenaue Konzeptualisierung der einzelnen (Problem-)Bearbeitungsschritte mit dem Ziel einer optimalen Selbstkompetenzförderung (Stichwort: „Selbstwirksamkeit“) der Klienten, des Weiteren die Anwendung qualitätsgesicherter Verfahren in der Anleitung, Moderation und Begleitung des Ertüchtigungsprozesses der Klienten, schließlich die Gewährleistung nachhaltigkeitsorientierter Controllingverfahren (sog. wirkungsorientierte Prozesssteuerung). In all diesen Feldern wird uns die voranschreitende Digitalisierung helfen können; sie kann (und soll) die Fachkraft nicht ersetzen, aber sie kann ihre Professionalität unterstützen, ergänzen und somit steigern [50]. Dies allerdings impliziert – durchaus im Sinne des Postulats einer *ständigen Verbesserung* – die nachhaltige Stärkung eines entsprechenden organisationsbezogenen, fachlichen und personalwirtschaftlichen Kompetenzprofils. Da- für muss man vermutlich einstweilen gleichzeitig an drei

zentralen Stellschrauben drehen, um hier längerfristige Fortschrittsprozesse zu flankieren.

(1) Zum einen muss *die akademische Ausbildung* von Sozialarbeitern weiterentwickelt werden. Interdisziplinarität bedeutet angesichts der seit Jahren andauernden starken Diversifizierung des Praxisfeldes heute nicht mehr nur, den (lehrenden/lernenden) Blick in die Soziologie und Erziehungswissenschaft, die Psychologie, Politik-, Rechts- und Verwaltungswissenschaften zu richten, sondern darüber hinaus auch verstärkt wirtschaftswissenschaftliches sowie informationstechnisches Know-How zu vermitteln bzw. zu erwerben sowie den Blick auch auf Themen des kybernetischen Steuerungsmanagements und der Mensch-Maschine-Interaktionen/Informatik zu richten. Kurzum, die begleitenden, das Feld prägenden und mitbestimmenden Disziplinen werden zahlreicher und gewinnen an Relevanz. Aber nicht alle prägen gleichermaßen *alle* Felder der Sozialen Arbeit, und schon gar nicht sind sie alle gleichermaßen in die – traditionell generalistische – Ausbildung einzubinden. Vielmehr provoziert die disziplinäre und eben auch berufspraktische Heterogenität des Feldes geradezu, verstärkt der Frage nachzugehen, ob die Idee der unspezifischen, in diesem Sinne „ganzheitlichen“ bzw. „generalistischen“ Ausbildung in der Sozialen Arbeit auf längere Sicht noch tragfähig und zielführend ist. Vielleicht muss man hiervon peu à peu Abstand nehmen und stattdessen schon im fortgeschrittenen Bachelor-Studium Spezialisierungen vorsehen, die dann im konsekutiven Masterstudium fokussiert vertieft werden und zwar möglichst regelhaft. Jedenfalls scheint es mir fraglich, ob angesichts des hohen Grades an Diversifizierung im sozialen Bereich die hergebrachte Form der Ausbildung zum *All-round-Sozialarbeiter* auf Dauer noch zeitgemäß ist. Der Sozialarbeiter im behördlichen Allgemeinen Sozialdienst benötigt fraglos andere Kompetenzen als derjenige, der im offenen Jugendfreizeitbereich arbeitet; der Schulsozialarbeiter wiederum andere als der Stadtteilmoderator oder Quartiermanager. Und allemal wäre es unzureichend, wollte man z.B. digitale Beratungs- und Unterstützungssettings in der gleichen Methodik ausgestalten und leisten wie eine vis-a-vis-Beratung. Bieten nicht stattdessen IT-gestützte Beratungen ganz andere, neue – oft auch didaktisch spielerisch aufgebaute – Möglichkeiten, die vielleicht vielen Klienten deutlich mehr entgegenkommen als eine (oft sich länger hinziehende und etwa den Grundzügen der Mäeutik folgende) rein verbale Interaktion? In all dem zeigt sich: Die Umweltbedingungen und damit die beruflichen Anforderungen verändern sich seit Jahren in immer schnellerem Tempo, aber die konzeptionelle und didaktische Ausgestaltung der Studiengänge folgt, soweit ich sehe, in ihren Grundzügen weit überwiegend immer noch dem, was (spätestens) mit Beginn der BolognaReform, also vor gut zwanzig Jahren, kreiert wurde. Ist das heute wirklich noch *state of the art*? Kann es wirklich als angemessen gelten, dass

Spezialisierungen *lediglich optional* erst *nach* dem Bachelorabschluss und auch dann, wenn nicht in speziellen (häufig kostenpflichtigen) Masterprogrammen, oft nur anlassbezogen *on the job* vorgenommen und erlernt werden? Plausibel erscheint mir das auf Dauer nicht.

(2) Es ist vermutlich à la longue mehr als fraglich, ob die seit über hundert Jahren gängigen *Formate sozialer Dienstleistungserbringung* in typischerweise stationären, sozusagen immobilien Einrichtungen wie z.B. Beratungs- und Betreuungsstätten mit jeweils festangestelltem Personal auch künftighin im bisherigen Maße die (sozialarbeiterische) Landschaft prägen werden. Mit der sich rasant vollziehenden Durchsetzung digitaler Formen der Interaktion und Kommunikation dürften wahrscheinlich vermehrt auch in der Sozialen Arbeit virtuelle Formate nachgefragt werden (eine Entwicklung, die übrigens aller Voraussicht nach speziell im Gefolge der aktuellen Corona-Pandemie einen erheblichen Aufschwung erleben dürfte). Damit werden zugleich vermehrt neue Formen organisationaler Konstruktionen ins Spiel kommen, *virtuelle Plattformformate* beispielsweise, über die Sozialarbeiter als sog. Solo-Selbständige, d.h. als ein-Personen-Unternehmen, in enger Kooperation mit Experten aus anderen Disziplinen überwiegend im virtuellen Raum ihre großenteils hoch spezialisierten Dienste anbieten, die sodann in fachlich überzeugenden Intervallen zwischen virtuellen und analogen Prozessschritten erbracht werden. Die Herausforderung für Staat, Kommunen und Fachverbände wird dann vor allem in der Sicherung der Qualität dieser Kleinunternehmen bzw. komplementär: in der Sicherstellung eines angemessenen (Verbraucher-) Schutzes für die Klienten bestehen. Ob und wie dies zuverlässig und in nichtdiskriminierender Weise geschehen kann, ist derzeit noch ebenso offen wie die Frage veränderter Finanzierungsmodalitäten solcher sozialen Dienstleistungen. Immerhin steht zu erwarten, dass sowohl im Qualitäts- wie im Finanzcontrolling auf mittlere Sicht vor allem der informationstechnische Fortschritt spürbare Transparenzgewinne bringen wird – und zwar für alle Seiten.

(3) Der rasante Fortschritt im Bereich der Informationstechnik und Künstlichen Intelligenz verändert, so meine Vermutung, in erheblichem Maße das Berufs- und Praxisfeld der Sozialen Arbeit. Die Frage ist, wie sich die Soziale Arbeit dazu stellt [51]. Massiv herausgefordert ist hier derzeit in Deutschland die sozialarbeitswissenschaftliche Forschung. Sie kann den „disruptiven“ Prozess von der analogen zur digitalen Welt begleiten, sie kann ihn (einstweilen) ignorieren, oder sie kann ihn unmittelbar aktiv mitzugestalten suchen – ich plädiere für letzteres. Das aber impliziert, jenseits der sog. *kritischen* Forschung eine entsprechend auf praxistaugliche Innovation gerichtete Forschung einschließlich starker internationaler Forschungsk Kooperationen und Netzwerkbildung voranzubringen, letztlich eine hoch professionelle interdisziplinäre Pionier- und Entwicklungsarbeit zu initiieren und zu

gestalten. Hierbei wird es, um nur wenige konkrete Beispiele zu nennen, zunächst vor allem darum gehen, auf der Basis eigener gesicherter Praxiserfahrungen an der Indikatoren-gestützten Entwicklung zielführender Algorithmentools für die Diagnostik und das Hilfe- bzw. Betreuungsprozesscontrolling mitzuarbeiten, des Weiteren an der alles andere als trivialen Entwicklung und Implementation fachlich sinnvoller, d.h. methodisch gut durchdachter Intervall-Konstruktionen zwischen (vermutlich deutlich seltener werdender) face-to-face- und häufiger werdender virtueller Sozialarbeiter-Klient-Kommunikation zu arbeiten, ebenso aber auch an datenschutzrechtlich anspruchsvollen Modellen zur IT-gestützten Fremd- und Selbstüberwachung der Klienten und (Fall-)Dokumentation. Schließlich wird auch die (Weiter-)Entwicklung standortunabhängiger, also nicht mehr ohne Weiteres lokal und regional beeinflussbarer Finanzierungsformen für sozial Dienstleistungen sowie die Gestaltung neuer, tendenziell transnational erfolgreicher Organisations- und Strukturationsformate im Sozialsektor eine nicht leicht lösbare Herausforderung darstellen [52].

All dies in Angriff zu nehmen, wird gewiss – wie ja Geschichte überhaupt – nicht gradlinig verlaufen, sondern eher „stolpernd“ und widersprüchlich. Treibend ist dabei aber vermutlich die feste Absicht, sich im Prozess der postmodernen und namentlich der hierbei aktuell prägenden *digitalen Disruptionen* nicht selbst zu marginalisieren und also nicht den Anschluss zu verlieren in den international forcierten Prozessen zum IT-getriebenen Umbau des Sozialen. Wohin all dies à la longue das Berufsfeld der Sozialen Arbeit und die Klientel bzw. „Kundschaft“ führt, wird sich freilich erst in den Prozessen selbst erweisen und ist spannend zu begleiten.

Referenzen

1. Seneca: Briefe an Lucilius (Liber Quintus Decimus). In: Philosophische Schriften. Band 4, S. 495. Darmstadt 1984. Gemeint war damit selbstverständlich vornehmlich die Hilfe gegenüber Angehörigen des eigenen Standes; sonstigen Personen war man, sofern man auf sie nicht angewiesen war, weitaus weniger „barmherzig“.
2. Basilius von Caesarea: Ausgewählte Schriften. Kempten 1877.
3. Thomas: De Beneficentia, Quaestio XXXII. In: Summa Theologica. Band 17a, S. 255. Heidelberg u.a. 1959.
4. Seneca: Über die Wohltaten (De Beneficiis). In: Philosophische Schriften. Band 5, Ziffer 1.12; S. 103. Darmstadt 1989.
5. Thomas von Aquin: De Praeceptis Caritatis, Quaestio XLIV. In: Summa Theologica; Band 17b, S. 146. Heidelberg u.a. 1966.
6. Thomas, De Eleemosyna; Quaestio XXXII In: Summa Theologica. Band 17a; a.a.O., S. 256.

7. Viele Städte erlangten eine hohe ökonomische Prosperität und die Geldwirtschaft hatte sich dort endgültig durchgesetzt.

8. Man erinnerte sich sozusagen an das Wort des Apostels Paulus an die Gemeinde von Thessaloniki: „Wer nicht arbeiten will, soll auch nicht essen“ (2 Thes, 2,10). Im Kern prägt diese Sicht bis heute die Armenfürsorge. Der märkische Gutsherr Friedrich Eberhard von Rochow brachte es 1798 so auf den Punkt: Das unbedachte Almosengeben sei „unordentliche, unsichre, theure, ja recht betrachtet, unchristliche Hilfe, weil man sich dadurch fremder Sünden theilhaftig macht, der Liederlichkeit Vorschub thut und den Erwerbsfleiß ausrotten hilft“ (Beitrag ist abgedruckt in: Marzahn, Chr.: o.J. Das Zucht- und Arbeitshaus. S.105).

9. So auch: Keck, A. (2010): Das philosophische Motiv der Fürsorge im Wandel. Würzburg; S.173.

10. Vgl. hierzu: Liebsch, B.: Originäre Solidarisierung versus Pseudo-Solidität. In: Jahrbuch für christliche Sozialwissenschaften. Band 48; S. 13-38. Münster 2007. Demgegenüber kritisiert Brunkhorst (in: Solidarität. Frankfurt/M. 2002, S. 115) heutige „Formen einer Sozialintegration ohne Solidarität“.

11. Vgl. hier auch: v. Zwiedineck-Sydenhorst, O. (1911: Sozialpolitik. Leipzig; S. 91). Ebenfalls in diese, die sozialstaatliche Verantwortung begründende Richtung zielte bekanntlich – durchaus in Reaktion auf wachsende „sozialistische und kommunistische Bestrebungen“ – auch die Enzyklika Rerum novarum von Papst Leo XIII. aus dem Jahr 1891; vgl. hier insb. Kap. III. 29.

12. Simmel, G. (1922: 349): „Aber gerade dieser Einzelne wird für die modern-abstrakte Form der Armenpflege zwar zu ihrer Endstation, aber durchaus nicht zu ihrem Endzweck, der vielmehr in dem Schutz und der Förderung des Gemeinwesens liegt“.

13. Preußen hatte z.B. schon 1826 die vielerorts üblichen, aber im Bürgertum höchst unbeliebten Zwangsabgaben in die Armenkasse abgeschafft (vgl. Köster, Th. (1995): Alte Armut und neues Bürgertum. Münster; S. 132). Dennoch, freiwillige Spenden sowie auch unmittelbare Hilfsbereitschaft der Bürger spielen natürlich bis heute – je nach Gesellschaftsmodell in unterschiedlichem Maße – weiterhin eine gewisse Rolle. In Deutschland wird dies insbesondere in Katastrophen- und Ausnahmesituationen deutlich. Allerdings bindet sich das Engagement der Bürger heute in aller Regel sehr rasch an Organisationen an, d.h. man leistet Hilfe, indem man sich in spezialisierte Organisationen einbringt oder an entsprechende Organisationen spendet. Diese „vermittelte“ Form der Hilfeleistung war übrigens eine Erfindung der römischen Kirche schon während ihres Avignon-Exils im 13. Jahrhundert (vgl. Mollat, M. (1984): Die Armen im Mittelalter. München; S. 123).

14. Während Hilfe/Fürsorge fortan konsequent „modularisiert“ und über Kennziffern und Benchmarking zu steuern versucht wird, duert sich Solidarität immer öfter in Form schlichter verbaler Solidarisierung (sog. Solidaritätsadresse) mit Notleidenden und Gepeinigten (vgl. Liebsch, a.aO.: 147f.).

15. Luhmann, N. (1973: 37): Formen des Helfens im Wandel gesellschaftlicher Bedingungen. In: Otto, H.U./Schneider, S. (Hg.) Gesellschaftliche Perspektiven der Sozialarbeit. Band 1. Neuwied u. Darmstadt.

16. Demgegenüber hatte allerdings schon Bernard Mandeville (1724/1980: 290ff.) in seiner berühmten Bienenfabel eindrucksvoll die oftmals auch höchst egoistischen Motive, die den Helfer zum Helfen veranlassen, herausgestellt. Vgl. neuerlich: Grant, A. (2013): *Geben und Nehmen*. München. Grundlegend: Nowak, M.A. (2013): *Kooperative Intelligenz*. München.

17. Beginnend in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts in Großbritannien natürlich mit Adam Smith (1759: *Theorie der ethischen Gefühle*), ebenso zu nennen ist der Theologe Thomas Malthus (1826: *Bevölkerungsgesetz*); in Deutschland hatten sich insbesondere Volkswirtschaftler wie Karl Heinrich Rau (*Volkswirtschaftspolitik*: 1826) und Wilhelm Roscher (*Armenpflege und Armenpolitik*: 1894) kritisch mit den hergebrachten Formen der Armenfürsorge auseinandergesetzt und ein Mehr an Rationalität und methodischer Systematik gefordert. Vgl. auch: Sombart, W. (1916): *Der moderne Kapitalismus*. Bd. 1; Leipzig. Schmoller, G. (1904/1919): *Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre*. Band 2; München u. Leipzig; insb. S. 373ff.

18. In Deutschland ist es seit längerer Zeit allgemein üblich, in Texten den weiblichen Teil der Bevölkerung ausdrücklich mit zu benennen; in der Regel geschieht dies durch *. Im vorliegenden, an eine russische Kollegenschaft gerichteten Text wird hierauf verzichtet, allerdings ist mit Blick auf die von Alice Salomon ins Leben gerufene Ausbildung darauf hinzuweisen, dass diese Ausbildungsstätte explizit an Frauen adressiert war.

19. Salomon, A. (1921) *Leitfaden der Wohlfahrtspflege*. Leipzig u. Berlin; S. 155.

20. Salomon, A. (1926): *Schriften*. Band 3. In: Kuhlmann, C. (Hg.): *Geschichte der Sozialen Arbeit II*. Schwalbach; 2008, S. 80.

21. Vgl. vor allem: Klumker, Chr. J. (1911) *Methodik*. In: *Schriften zur Jugendhilfe und Fürsorge*. Frankfurt/M.; 1968; S. 64ff.

22. Vgl. etwa Martin Luthers Schrift *An den christlichen Adel deutscher Nationen von des christlichen Standes Besserung* (Kapitel 21: *Gegen die Bettelei*) von 1520; ähnlich die *Predigten des Straßburger Dompredigers Geiler von Kaysersberg* im späten 16. Jahrhundert; vgl. ebenso das *Gutachten der theologischen Fakultät der Pariser Universität Sorbonne zur Armenordnung der belgischen Stadt Ypern* aus dem Jahre 1531, schließlich die *Nürnbergers Bettelordnung* bereits aus dem Jahr 1478. Vorläufer hierzu hatte es allerdings auch schon in einzelnen Großstädten des spätantiken oströmischen Reichs gegeben. Vgl.: Mollat, a.a.O.; ebenso: Ludyga, H. (2010): *Öffentliche Armenfürsorge im deutschen Reich vom Beginn der frühen Neuzeit bis zum Ende des Dreißigjährigen Krieges*. Berlin; S. 46.

23. Vives, J. L. (1526) *De subventione pauperum*. Ausführlich wiedergegeben in: Keck, A. (2010): *Das philosophische Motiv der Fürsorge im Wandel*. Ebenso auch in: Kuhlmann, C. (2008): *Geschichte Sozialer Arbeit II*. Textbuch. Schwalbach/Ts., S. 13-23.

24. Keck, a.a.O.: 174, Fußnote 2: „non enim dandum cuique est expetit, sed quod ei expedit“.

25. Georg Simmel hat es in seiner *Soziologie* (1908/1922: 371) so auf den Punkt gebracht: „soziologisch angesehen ist nicht die Armut zuerst gegeben und

daraufhin erfolgt Unterstützung – dies ist vielmehr nur das Schicksal seiner personalen Form nach –, sondern derjenige, der Unterstützung genießt bzw. sie nach seiner soziologischen Konstellation genießen sollte – auch wenn sie zufällig ausbleibt –, dieser heißt der Arme“.

26. Es passt(e), denn, wie bekannt, war speziell die seit dem 16. Jahrhundert einsetzende und de facto nur mühsam gelungene Verankerung einer protestantischen Arbeitsethik (Max Weber) in der breiten Masse der Bevölkerung unabdingbar für die Entwicklungsdynamik des Kapitalismus; Müßiggang, Faulheit und Arbeitsscheu waren fortan nicht mehr akzeptabel.

27. Vgl. hierzu: Hammerschmidt, P. (1999): Die Wohlfahrtsverbände im NS-Staat. Wiesbaden. Ebenso: Sachse, Chr./ Tennstedt, F. (1992): Der Wohlfahrtsstaat im Nationalsozialismus. Stuttgart u.a.

28. Zugleich waren diese ideologischen Positionierungen Teil eines, wie man meinte, umfassenden „Kampfs gegen das herrschende System“, eines Kampfs, der unter anderem beispielsweise auch die Psychiatrie (Stichwort: Antipsychiatrie), den medizinisch-industriellen Komplex (Stichwort: Iatrogenese), das Erziehungssystem (Stichwort: Schwarze Pädagogik) und das, was man generell als „Entmündigung durch Experten“ (Ivan Illich) bezeichnete, in den Blick nahm.

29. Hollstein, W./Meinhold, M. (1974) Sozialarbeit unter kapitalistischen Produktionsbedingungen. Frankfurt/M., S. 193ff.

30. Khella, K. (1974) Theorie und Praxis der Sozialarbeit und Sozialpädagogik. Hamburg; S. 152.

31. Quelle: <https://www.studieren-studium.com/studium/Sozialarbeit> (Abruf am 14.06.2020).

32. Quelle: https://www.uni-due.de/isa/fg_sozial_gesund/sozialwesen/sozialwesen_hs_frm.htm (Abruf am 14.06.2020).

33. Vgl. hierzu näher: Sachse, Chr./Tennstedt, F. (1998): Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland. Stuttgart u.a.

34. Fischer, A. (1925): Die Problematik des Sozialbeamtentums. In: Gesammelte Abhandlungen zur Soziologie, Sozialpädagogik und Sozialpsychologie. München o.J.; S. 324f.

35. Als sehr nützlich erwiesen sich hierbei die vornehmlich im 19. Jahrhundert entstandenen Freien Wohlfahrtsverbände sowie die etwas später gegründeten Berufsverbände für Fürsorgerinnen; heute agieren insbesondere die Freien Wohlfahrtsverbände, weitaus weniger hingegen die Berufsverbände, durchweg als wirkmächtige Lobbyisten der Sozialen Arbeit. Vgl. hier auch: Schmid, J./ Mansour, J.I. (2007): Wohlfahrtsverbände. Interesse und Dienstleistung. In: v.Winter, Th./Willems, U. (Hg.): Interessenverbände in Deutschland. Wiesbaden. Ebenso: Paulini, Chr. (2010): Die Bedeutung von Berufsverbänden für die Professionalisierung Sozialer Arbeit. In: Hammerschmidt, P./Sagebiel, J. (Hg.): Professionalisierung im Widerstreit. Neu-Ulm.

36. Otnad, A. u.a. (2000): Zwischen Markt und Mildtätigkeit. Augsburg, S. 40.

37. Maier, K./Spatscheck, Chr. (2004): Arbeitsmarktchancen für SozialarbeiterInnen. In: Sozial extra, Heft 11; S. 27. Pia Jaeger (2019) berichtet für

das Jahr 2017 von einem Volumen an 26.300 unbesetzten Stellen in der Sozialen Arbeit. „Rechnerisch lag die Arbeitslosenquote [hier somit] bei nur 1,9 Prozent“ (in: Blätter der Wohlfahrtspflege. Nr. 3, S. 83).

38. Das Brutto-Einstiegsgehalt im ersten Berufsjahr liegt aktuell bei durchschnittlich knapp 3.200 Euro pro Monat.

39. Vgl. näher: Arbeitspapier des Sachverständigenrates zur Begutachtung der gesamtwirtschaftlichen Entwicklung. 2018. Quelle: https://www.sachverstaendigenrat-wirtschaft.de/fileadmin/dateiablage/gutachten/jg201819/arbeitspapiere/Arbeitspapier_06-2018.pdf (Abruf: 14.06.2020).

40. Vor allem Vertreter kirchlicher Wohlfahrtsverbände, etwa Heinz Dietrich Wendland und Friedrich Mönchmeyer, hatten schon früh in diese Richtung gedrängt. Angesichts rapide steigender Nachwuchsprobleme in vielen Klöstern und klosterähnlichen Gemeinschaften seit Anfang der 1960 Jahre erwies sich das traditionelle Modell der durchweg unbezahlten, von religiöser Emphase getragenen Gemeindefürsorge und „Inneren Mission“ à la J.H. Wichern als kaum noch überlebensfähig. In der Öffnung – und Professionalisierung – des diakonischen bzw. caritativen Dienstes in den außerkirchlichen, also allgemeingesellschaftlichen Bereich hinein erkannte man eine neue Perspektive; immer mehr Aufgaben wurden nun an kloster-externe Fachkräfte (Erzieher, Sozialarbeiter usw.) delegiert und von diesen geleistet (vgl. näher: Schäfer, G.K. (2010); in: Jähnichen, T. u.a.: Caritas und Diakonie im ‚goldenen Zeitalter‘ des bundesdeutschen Sozialstaats. Stuttgart; S. 74-89).

41. Andreas Reckwitz (2017: 113: Die Gesellschaft der Singularitäten; Frankfurt/M.) spricht hier von „Affektgütern“.

42. Vergleichbares gilt für die politische Bildungsarbeit; sie ist ein Teilgebiet der Erwachsenenbildung/ Weiterbildung.

43. Damit kein Missverständnis entsteht: Natürlich macht es Sinn, mit der Politikwissenschaft (oder auch der Erwachsenenbildung/Weiterbildung) zu kooperieren und durch sie die eigenen Theoriebestände (und daraus abgeleitete Praxis) zu bereichern, nicht aber, die berufstätige Soziale Arbeit ins politische Agieren zu verlagern oder die Theorieentwicklung auf die Auseinandersetzung mit dem Kapitalismus zu verengen. Davon klar und deutlich zu unterscheiden ist Lobbyismus.

44. Näher: Institut der Deutschen Wirtschaft (2020) Deutschland in Zahlen. Zu beachten ist, dass insbesondere frei-gemeinnützige und andere private Aufwendungen (z.B. von Kirchengemeinden, privaten Vereinen usw.) einschließlich ehrenamtlicher Aktivitäten sowie von den Vereinen selbst eingesetzter Mittel (Spenden, Mitgliedsbeiträge, Teilnahmegebühren, Verkaufserlöse usw.) hier nicht eingerechnet sind. Insofern geben die Zahlen nur eine grobe Übersicht über einen speziellen Bereich, während andere Felder der Sozialen Arbeit in ihrem Finanzmittelverbrauch unberücksichtigt bleiben.

45. Vgl. Backhaus-Maul, H. (2000): Wohlfahrtsverbände als korporative Akteure. In: Aus Politik und Zeitgeschichte. Heft 26-27. Übrigens ist dies Teil dessen,

was schon Walter Eucken (1946/1999: Ordnungspolitik. Münster; S. 13) vom Standpunkt des Ordoliberalismus als „vermachtete Wirtschaft“ gebrandmarkt hatte.

46. Es geht um § 17 Absatz 2ff. des Sozialgesetzbuchs IX. (Rehabilitation und Teilhabe behinderter Menschen). Vgl. hierzu nher: Wacker, E./Wansing, G./Schdfers, M. (2005): Personenbezogene Unterstützung und Lebensqualität. Teilhabe mit einem Persönlichen Budget. Wiesbaden; sowie den sehr anschaulichen Bericht von Ralf Monñal (2018): So menschlich kann Pflege sein – Persönliches Budget kontra Fremdbestimmung, Düsseldorf.

47. Sehr instruktiv ist hier nach wie vor die Studie von Andreas Langer (2007): Dienstleistungsstrukturen in der Sozialen Arbeit zwischen Verwaltungsreform und Professionalisierung. In: Zeitschrift für Sozialreform; 53. Jg.; Heft 5, S. 223-246.

48. Diesen Aspekt haben die Anhänger der sog. kapitalismuskritischen Sozialen Arbeit ьbrigens nie verstanden. Der Staat müsste ndmlich den ьrgern zugestandene leistungsrechtliche Rechtsgarantien beschneiden, was ungleich schwieriger und konfliktreicher ist, als schlicht finanzielle Zuschüsse und/oder Personalstellen für soziale Vereine und Unternehmen zu kürzen.

49. Vgl. hierzu: Otto; H.-U. (Hg.) (2020): Soziale Arbeit im Kapitalismus. Weinheim u. München. Tatsächlich besteht – allerdings generell – bei diesen wettbewerbsfördernden Innovationen das Risiko einer vor allem an durchsetzungsstarken und attraktiven Interessen orientierten Aufmerksamkeits- und Ressourcenzuteilung im Sozialsektor – ja, in gewisser Weise kann man sogar sagen: es institutionalisiert sich dieses Risiko sogar als Movens ständiger Erneuerung. Doch hat dies, empirisch gesehen, in all den zurückliegenden Jahren nicht zur Marginalisierung und Entwertung sozialarbeitsrelevanter Bedarfe geführt, vielmehr besteht die Erfahrung und weiterhin die realistische Erwartung, dass (tempordre) Fehlallokationen auf Dauer wieder korrigiert werden können: Neue wie ebenso auch alte, „vergessene“ Themen ploppen unversehens (wieder) auf, geraten auf die Agenda und erheischen die nötige ressourcenwirksame Aufmerksamkeit. Aktuell gilt dies in Deutschland vor allem für die Themen Kindeswohlgefährdung, sexueller Missbrauch sowie physisch/psychische Misshandlung Minderjähriger und Schutzbefohlene.

50. Einen hervorragenden ьberblick zur Debatte im Spezialgebiet der Sozialen Arbeit bieten: Kutscher, N. u.a. (Hg.) (2020): Handbuch Soziale Arbeit und Digitalisierung. Weinheim/Basel. Vgl. auch: Bossong, H. (2019): Beratung in der Sozialen Arbeit 2.0 – Was verändert sich in Beratungsprozessen in der Sozialen Arbeit durch die Digitalisierung? In: Gesundheit als Ressource: V 2.0. (Konferenzband; Staatl. Lobachevsky Universität Nishni Nowgorod) S. 35-46; ebenso: Bossong, H. (2018): Soziale Arbeit in Zeiten der Digitalisierung. In: Neue Praxis. Zeitschrift für Sozialarbeit, Sozialpädagogik und Sozialpolitik. 48. Jg.; S. 303-324.

51. Mahnungen zur Eile kommen hier seit längerem schon insbesondere von Helmut Kreidenweis (2017): Digitaler Wandel in der Sozialwirtschaft. Baden-Baden.

52. Die damit zusammenhängende organisationspolitisch (und in der Folge auch z.B. betriebs- und personalwirtschaftlich) hoch interessante Frage, inwieweit wir perspektivisch mehr ьberregionale und international agierende Sozialunternehmen sehen werden, die, in welchen Formaten auch immer (z.B.

Franchise-Konstruktionen, Plattform-Unternehmen), ihre Dienstleistungen anbieten, lasse ich an dieser Stelle auЯen vor; sie verdient eine eigene Untersuchung.

**АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО
STRATEGIES OF ADAPTATION OF SOCIALLY ORIENTED NGOS**

А.А. Варызгина
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

Л. Гранберг
*Александровский институт университета Хельсинки, г. Хельсинки,
Финляндия*

А.-М. Сэтре
*Институт российских и евроазиатских исследований
Университета Упсалы, г. Уппсала, Швеция*

A.A. Varyzgina
Lobachevsky University

L. Granberg
Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland

A.-M. Sätre
*IRES Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University,
Uppsala, Sweden*

Рассматриваются различные стратегии адаптации российских общественных социально-ориентированных организаций к происходящим социетальным изменениям.

The paper presents strategies of adaptation of Russian socially oriented NGOs to societal changes.

Ключевые слова: социально-ориентированные некоммерческие организации, социальные проблемы, стратегии адаптации

Keywords: socially oriented NGOs, social problems, strategies of adaptation

Важность роли общественных организаций для социально-экономического развития общества, местных сообществ подчеркивается многими исследователями [1]. Появление общественных организаций в советские годы и бурное развитие некоммерческого сектора в постсоветский период [2; 3; 4; 5; 6; 7] привело к тому, что в сфере социального обслуживания, предоставления социальных услуг населению значимое место заняли некоммерческие организации. По данным исследований, до 70% российских НКО в той или иной степени участвуют в предоставлении социальных услуг, вносят свой вклад в решение социальных проблем, проблемы бедности [2; 3]. В

последние годы бедность как социальное явление опять вошло в число наиболее актуальных социально-экономических проблем; борьба с бедностью стала важной частью национальных проектов [8]. Государство выразило заинтересованность в повышении активности некоммерческих, волонтерских организаций в этом направлении [9].

Статья основана на результатах качественного социологического исследования, проведенного международным коллективом в Нижегородской области в 2011-2019 гг. Исследование проводилось в малых городах и сельской местности. Интервью проводились с представителями 13 социально-ориентированных некоммерческих организаций, с шестью из них было проведено по 2 интервью с интервалом в 5-6 лет. Повторные беседы с представителями НКО позволили проследить динамику изменения их положения и получить более подробную информацию об используемых ими стратегиях адаптации к социетальным изменениям в последнее десятилетие.

Социально-ориентированные некоммерческие организации в условиях социально-экономических, политических изменений вынуждены применять разнообразные стратегии адаптации. В нашем исследовании мы нашли 5 стратегий адаптации:

- Слияние с государственным учреждением социального обслуживания.
- Слияние с другими НКО.
- Слияние с церковью.
- Сотрудничество с зарегистрированными НКО, государственными учреждениями.
- Создание коммерческого предприятия.

Происходящие социально-экономические изменения, изменения в государственной политике зачастую ставят организацию в непростые условия, подталкивают некоммерческие организации к поиску путей самореализации. Как видно, некоммерческие организации, ставящие в приоритет сохранение направления своей деятельности, предоставление социальных услуг, далеко не во всех случаях сохраняют свою юридическую независимость. Некоторые социально ориентированные организации выбирают путь объединения усилий с другими организациями, имеющими дело с социальными проблемами, как государственными, так и некоммерческими (в том числе с религиозными). В ряде случаев руководители некоммерческих организаций создают коммерческие предприятия для решения проблемы финансирования своих социальных проектов. Некоторые некоммерческие организации предпочитают быть незарегистрированными и активно взаимодействуют с зарегистрированными НКО, государственными учреждениями (например, домами культуры, библиотеками), реализуют совместные социальные проекты.

Важным вопросом остается устойчивость местных общественных организаций. Помимо стратегий адаптации социально ориентированные некоммерческие организации имеют «источники сил» внутри местного сообщества: люди, получившие помощь от НКО, часто позже присоединяются к ее работе в качестве волонтеров. Этот фактор можно рассматривать как своего рода гарантию сохранения и повышения роли НКО в сфере предоставления социальных услуг. Однако, с другой стороны, практика показывает, что НКО в основном исполняют роль предоставления социальных услуг, помощи людям, нежели роль фасилитатора активности местного сообщества. В долгосрочной перспективе именно активизация местного сообщества в решении социальных проблем может принести больший вклад в местное социально-экономическое развитие и повышение качества жизни территории.

Список литературы

1. Salamon L.M., Anheier H.K. The Emerging Sector – The Nonprofit Sector in Comparative Perspective – An Overview. Baltimore: The Johns Hopkins University Institute for Policy Studies. 1994.
2. Saarinen A., Ekonen K., Uspenskaia V. (2013) Breaks and Continuities of Two Great Transformations. In: A. Saarinen, K. Ekonen, V. Uspenskaia (eds.) Women and Transformation in Russia. London: Routledge: 31-43.
3. Salmenniemi S. (2008) Democratization and Gender in Contemporary Russia. London: Routledge: 264.
4. Партиципаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография / Под общей редакцией Римашевской Н.М., Ивашиненко Н.Н. Нижний Новгород-Москва: Изд-во Нижегородского государственного университета. 2013. 268 с.
5. Mersiyanova I.V., Korneeva I.E. (2013) Charity and participation of Russians in civil society practices: a regional dimension VIII М.: HSE Publishing House.
6. Nikula Y., Ivashinenko N. (2017) Partnership between NGOs and public authorities in social orphanhood reduction in Russia Journal of social policy studies 15 (3) 383-394.
7. Теодорович М.Л. (2009) Бедность как социальная проблема: стратегический подход: Монография. – Нижний Новгород: Издательство ННГУ. 452 с.
8. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (Дата обращения: 27.02.2020).
9. Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. N 15-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)".

АКТИВНОЕ СТАРЕНИЕ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ПАНДЕМИИ COVID-19 ACTIVE AGEING BEFORE THE COVID-19 PANDEMIC CHALLENGE

И.А. Григорьева

*Социологический институт РАН – филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

I.A. Grigoryeva

*The Sociological Institute of RAS – a branch of
the Federal Research Sociological Center of RAS,
Saint-Petersburg State University,
Saint Petersburg*

Пандемия КОВИД нанесла ощутимый урон реализации международной концепции Активного старения. Люди старше 65 лет сегодня определены как группа особого риска, нуждающаяся в изоляции и защите. Многолетняя борьба за инклюзию пожилых сменилась безусловной эксклюзией, причем не понятно, надолго ли. Это один из серьезных вызовов для социальной политики, которая должна опираться на межвозрастную солидарность.

The COVID Pandemic has significantly damaged the implementation of the international concept of Active ageing. People over the age of 65 are identified as a high-risk group and need of isolation and protection. The long-standing struggle for inclusion of the elderly has been replaced by unconditional exclusion, and it is unclear how long. This is one of the major challenges for modern social policy, which should be based on inter-age solidarity.

Ключевые слова: пандемия, активное старение, изоляция, люди старше 65 лет

Keywords: pandemic, active ageing, isolation, people over 65

Пандемия КОВИД нанесла ощутимый урон реализации международной концепции Активного старения. Пандемия привела к сомнениям и даже кризису концепции и ее социально-философских оснований. Проявилось нерелефлексированное погружение в систему социального упорядочивания, которая относится к каждой социально-возрастной группе и предписывает, ограничивает, выделяет для членов группы определенные социальные предписания для действий в повседневной социальной жизни. Но в жизни могут неожиданно возникать *поворотные точки* (turning points), в которых изменяются направления жизненного пути, отклоняясь от ранее установленной долгосрочной траектории. Какие вопросы о пожилых поставила перед обществом пандемия COVID-19? Какие риски сами пожилые увидели в изоляции из-за пандемии? Какие непреднамеренные последствия действий

власти могут быть, когда пандемия закончится, и как они повлияют на продвижение концепции «Активного долголетия» в России и других странах? Приоритеты подхода активного старения – сохранение и укрепление здоровья, которое как раз оказалось в «зоне риска» во время пандемии. Неустойчивой может оказаться и возможность продолжения оплачиваемой занятости, преимущественно высококвалифицированной, по найму, а также волонтерства, поскольку этот приоритет также предполагает улучшение здоровья пожилых и даже пенсионирования.

Это тем более интересно, что в России уже в ходу термин «Активное долголетие» как некий эвфемизм, скрывающий страх перед старением как таковым. Возраст 65 лет привычно определяется как начало старения в большинстве пенсионных систем. Никаких иных рациональных поводов объявить людей старше 65 лет группой особого риска, нуждающейся в изоляции и защите, мы не обнаружили. Многолетняя борьба за инклюзию пожилых без каких-либо дискуссий и согласований сменилась эксклюзивом, причем не понятно, надолго ли. Это один из серьезных вызовов для социальной политики, опирающейся на межвозрастную солидарность.

В течение весны – начала лета 2020 г. на фоне всплеска социального внимания к защите от эпидемии COVID-2019 заметен интерес к пожилым. Он проявляется как в иронической форме – boomer removing (отодвигания многочисленных пожилых эпохи бэби-бума, фактически, проявление эйджизма), до позитивных солидарностных акций, в основном НКО, которые, кажется, становятся долгосрочными – доставка продуктов и медикаментов, поддерживающие звонки и т.д. В этом принимают участие как офф-лайн, так и on-line сообщества. А вот сложившаяся социальная работа оказалась совершенно не готова к новым вызовам информационно и технологически.

В последние годы гражданское участие пожилых людей становится все более популярной темой в области социальной политики и научных исследований. Международные организации, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ, 2002), Европейская комиссия (Европейская Комиссия, 2012), а также государственные и местные органы власти по всему миру (не говоря уже о бесчисленных некоммерческих организациях типа HelpAge) позиционируют гражданское участие пожилых людей как способ стимулирования их активного и успешного старения. Обзор исследований по гражданскому участию представителей старшего возраста показывает, что основное внимание в зарубежном научном дискурсе уделяется не только занятости, но и социальному участию на местном уровне, взаимопомощи и самопомощи, то есть коммунитарным практикам.

Мы не раз говорили о необходимости концептуального и эмпирического обновления социальной политики в России в контексте партиципаторного подхода, то есть расширения участия населения в решение социально-экономических проблем. В условиях старения населения приоритетной задачей социальной политики современных государств является формирование «общества для всех возрастов» посредством учета интересов пожилых людей, обеспечения их благополучия и активного долголетия. Благодаря ООН, ВОЗ, Всемирному Банку и статистическим службам национальных государств за последние годы собран значительный объем данных о тенденциях старения населения. Однако эти данные по-прежнему слабо используются для сравнительного анализа, обновления устаревших теоретических подходов и еще меньше для разработки и/или изменения существующих моделей социальной политики, где участие населения, сохранение человеческого потенциала старшего поколения должно стать одним из приоритетов. Основное внимание необходимо уделять выявлению возможностей, мотивации и барьеров активного гражданского участия представителей старшего поколения в эффективной реализации социальной политики на местах.

Под гражданским участием понимается процесс, посредством которого общественные объединения или граждане вовлекаются во взаимоотношения с государством, а государство развивает механизмы «обратной связи» (вертикальное взаимодействие) с другими социально-политическими институтами/между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач.

Отличительные черты подобных взаимодействий: осуществляются в институциональных, неформальных или смешанных формах; могут носить регулярный или ситуативный характер (акции, легкая социальность, особенно в сетях); реализуются в индивидуальных и коллективных практиках и препятствуют развитию эйджизма.

Эйджизм можно определить как комплекс дискриминационных практик и установок в отношении людей старших возрастов. Эйджизм связан с представлениями об исключительно дисфункциональной роли старости в жизненном цикле и обуславливает как барьерный характер физической, социокультурной и институциональной среды, так и самоограничительные, самодискриминационные установки, стереотипы и практики самих пожилых.

Самодискриминация влияет на продуктивность деятельности пожилого человека, его психологический статус, соматическое состояние. Стереотипы происходят из восприятия человека не индивидуально, а как представителя какой-либо социальной группы. Они обуславливают ролевые ожидания и предполагают, что каждый является именно тем, что другие ожидают видеть.

Население старших возрастов (пожилого, старческого, а также долгожители) входит в число сильно стереотипизированных социально-демографических групп. И хотя геронтостереотипы (стереотипы относительно старости) представляют собой переплетение положительных и отрицательных суждений, тем не менее в современной культуре доминируют негативные, в которых представители старших возрастов предстают больными, немощными, не способными самостоятельно принимать правильные решения, людьми со сниженными когнитивными способностями, нетворческими, плохо обучаемыми, капризными, ничем не интересующимися, неопрятными, асексуальными. Обществу о них надо заботиться, и это все, что нужно.

Механизмы конструирования образов старости на социальном уровне задаются финалистскими взглядами на индивидуальный процесс развития человека, утилитаристскими подходами к телесности, когда молодости приписывается престижный статус, прагматичной трудовой этикой с выраженной потребительской ориентацией, нивелированием регулирующей роли моральных норм, утратой пожилыми людьми в пенсионном периоде социально значимых функций. Этот длинный перечень на индивидуальном уровне дополняется кризисом традиционной системы внутрисемейной поддержки пожилых.

Негативная стереотипизация пожилых и последующая за ней стигматизация, которым подвергаются представители старших возрастных групп, очень часто являются первопричиной изоляции и социальной отчужденности граждан старшего поколения, воспринимаемых окружением в качестве бесполезных членов общества и формируют по отношению к ним паттерны насилия и жестокости. Эти стереотипы, являясь социально заданными, встроенными в различные институты, правила и повседневные социальные практики, могут иметь явный или латентный характер. Но именно во время пандемии они проявились наиболее очевидно.

В то же время не может быть причин отказываться от преимуществ «общества равных шансов», в котором реализуются «дорогие» социальные права, который, наоборот, сегодня актуализируются: условия для индивидуального выбора, возможность нести ответственность за самого себя и т.д. В современном обществе идут параллельные процессы, растет значимость конкуренции, высоких нагрузок и темпа труда, в то же время квалифицированный труд еще больше интеллектуализируется и становится более самоуправляемым, что соответствует моделям будущего. Возможность поддерживать постоянную связь между людьми из любого места в любое время с помощью интернета должна привести наш, перегруженный историческими привычками вид, к обновлению и варьированию жизненных траекторий.

Переструктурирование социальных границ и норм, которого требует активное старение, столкнулось с глобальной пандемией, подрывающей доверие к возможностям медицины в сохранении здоровья и даже жизни пожилых. В то же время роль профессионального сообщества врачей глобально выросла. Похоже, что не только власти, но и международное научное сообщество растеряно по поводу следующих шагов в сохранении активного старения, поскольку все впервые оказались в такой ситуации.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ОТ «ТРАНЗИТА» К «РАЗВИТИЮ»
THE SOCIAL POLICY: FROM “TRANSIT” TOWARD “DEVELOPMENT”

А.В. Дахин

*Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Нижний Новгород*

A.V. Dakhin

*Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod*

Посвящается философским вопросам, отражающим сущность социальной политики. Ключевая проблема сводится к возвращению онтологии в поле социальной философии. Решение проблемы видится в направлении, связанном с проработкой понятия «деятельность» в свете диалектики социального бытия и социального существования, опорными концептами которой названы философия личности, философия социально-исторической памяти, философия идентичности, философия имени.

The paper is focused on philosophical aspects of understanding of essence of social policy. The key trouble is defined as coming back of ontological approaches into social philosophy field. The author has found solving of the trouble on the way towards dialectical elaboration of definitions “social labor” (deiatel’nost’) in the light of dialectic of its social being and social existence, which is rested on concepts of a personality, socio-historical memory, identity, a name.

Ключевые слова: социальная политика, труд, деятельность, личность, социально-историческая память, идентичность, имя

Keywords: social policy, labor, social labor (deiatel’nost’), personality, socio-historical memory, identity, a name

Отечественная социальная политика 1991-2020-х гг. соотносится с двумя группами концепций, которым свойственны примечательные странности. Одни нацелены на определение природы предмета социальной политики, но странно,

что человек исчезает из этого предмета, уступая место абстрактным социальным отношениям или «системам правил» [1, с. 167], которые содержательно сводятся к «аутопойезису» и к отрицанию у общества и человека собственного сущностного начала [2, с. 93-94]. «Из жизни людей исчезают люди» [3, с. 19]. Наиболее консервативные теоретические подходы оставляли человека в качестве носителя рабочей силы, к которой требуется бережный и рациональный подход при «ведущей роли экономических отношений» [4, с. 171-172], но и эта ниша закрывается, её сменяют «безлюдные технологии». Философский анализ позволяет заключить, что в философии Запада и в отечественной философии позднего советского и постсоветского периода происходит деонтологизация представлений о человеке: диалектика социального бытия и социального существования в понимании природы человека редуцируется к одномерной максиме связи человеческого индивида только со сферой его социального существования. Основными инструментами такой редукции стали феноменология Э. Гуссерля, теория повседневности (А. Щюц и др.) и теории социального конструирования (П. Бергер, Т. Лукман и др.). Социальная политика, соответственно, строится по философским лекалам «общества потребления», которые кружат голову и российским политикам [5].

Вторая группа теорий увязывает социальную политику с концептами «социальных изменений» (П. Штомпка), экономического транзита / общества переходной экономики (Е. Гайдар), политического транзита (S. Mainwaring, А.Ю. Мельвиль и др.). Такие теории исключают понятие «развитие», в лучшем случае сохраняя идеи дарвинистского неозволюционизма. П. Штомпка [1, с. 39,49] развёрнутого понятия о социальном развитии не предлагает. В тренде популярности понятия «изменение», «прогресс», «эволюция/революция». Понятия «развитие» – нет. В результате происходит редукция «развития» к концептуализированным практикам, технологиям внедрения нововведений, нацеленных на широкий спектр приоритетов повседневности от «просто выжить или приспособиться» до «повышения чувства удовлетворённости или комфорта», наращивания «потенциала самотрансформации» и «свободы преобразовывать собственное общество» [1, с. 169]. В пределе эти представления о социальных изменениях выводят своих фоловеров на простор теорий трансгуманизма: улучшать человека «в плоть до замены постчеловеком...Уверяют, что в «расчеловечивании человека» нет ничего плохого», как и в полной замене его чем-то другим [6, с. 167-168]. Теории модернизации и транзита, будь они экономического или политологического толка, заменяют концепты социального развития теориями уподобления социальной организации одних стран (используется термин «развивающиеся страны») правильному образцу других стран (именуются

«развитыми»). Философский анализ этих идейных течений позволяет увидеть в них второй поток деонтологизации социальных теорий. В свете этих подходов социальная политика сводится к попыткам повторить, скопировать чужие, готовые «успешные практики», социометические системы. Отечественные политики увлечены такими подходами, видя дополнительные аргументы «за» в том, что на отказе от собственных разработок можно сэкономить. Содержательный анализ обеих групп современных социальных теорий приводит к выводу, что ключевая проблема – это возвращение социальной онтологии в социально-философские и социальные теории.

Онтологический реверс требует обновления представлений о сущностных силах человека и общества. Политическая экономия К. Маркса раскрыла, как сущностные силы человека опредмечиваются в форму товара, в природе которой К. Маркс выявлял диалектику форм социального бытия (труда), – диалектику «товара» (форма наличного бытия труда) и «стоимости» (форма эквивалентного бытия труда) [7, с. 56-80]. Гуманитарно-антропологическое измерение этого подхода было отражено в работе Ф. Энгельса [8], в которой проведено последовательное разделение онтологии «труда» и «наивных знаний», которым было отказано в онтологической фундаментальности. Последующие исследования показали, что в онтологическом измерении форма социального эквивалентного бытия (деятельности человека) – это «идеальное» сущностное начало человека [9, с. 176-177], проявлениями которого выступают индивидуальное и коллективное сознание, духовность, идеалы, так что «стоимость» – лишь частный случай бытия предшествующей деятельности в сфере социального существования человека. Через раскрытие связи бытия предшествующего развития с природой памяти было дано онтологическое уточнение понятия «эквивалентное бытие» [10, с. 67-89], а также было представлено структурное содержание идеальных сущностных начал человека в сфере его материального существования и целостное определение их через понятие «коллективная социально-историческая память» [11]. Результаты названных исследований в сочетании с работами А.Ф. Лосева по античной мифологии позволяют дополнить онтологию «труда» онтологией тотемизма, хтонизма, мифа, которые представляют собой различные исторически конкретные формы идеального социального бытия предшествующей истории деятельности сообществ людей, – социального бытия, в качестве «дома» которого действуют структуры социально-исторической памяти. Метафору «дом бытия» использовал когда-то М. Хайдеггер, определяя ею природу языка. Последующие проработки этой метафоры привели к лингвистическому повороту в западной философии, который представляет собой одно из течений деонтологизации философии.

Возвращение социальной онтологии в лоно современной философии требует расширения представлений о том, что именно в мире людей действует в качестве «дома бытия»? Наши исследования приводят к выводу: в качестве дома бытия предшествующей истории деятельности действуют структуры социально-исторической памяти сообществ людей, в отношении которых язык выступает одним из многих элементов социального памятования. Наряду с языком есть также обычай, ритуал [12, с. 63-70], «вербальная вера» и «уверенность» (термины Л. Витгенштейна), а также «деньги» (по Марксу – это мера стоимости, отражающая затраты общественного, прошлого труда), приспособления кибер-памяти и др. Такое определение природы социального бытия позволяет расширить узко экономическое понятие «труд» до понятия «деятельность», которое предполагает «всесторонний» (в т.ч. в том смысле, как этот термин дан у Л.А. Зеленова [13, с. 208-217]) охват социального бытия и социального существования человека-и-общества. Оно позволяет увидеть обширный класс связок «деятельности» с различными формами её социального бытия, имеющими как идеальные, так и предметно-материальные формы своего присутствия в сфере существования мира людей. Целостная проработка этого подхода открывается при опоре на философию цельного знания В. Соловьёва и на феноменологическую философию имени, разработанную А.Ф. Лосевым [14]. Последняя позволяет заключить, что источником целостности деятельности и её целостным социальным продуктом выступает человек («личность» [13, с. 83-112]), а представления о диалектической взаимосвязи всех его сущностных моментов, форм их бытия и социального существования могут быть описаны с помощью понятия «имя» [14, с. 159-161]. Конечно, созданная Лосевым теория имени требует дополнительной проработки применительно к специфике социальной философии. Однако и в имеющемся виде она имеет безусловное значение потому, что основательно намечает путь феноменологического поворота для отечественной философии, – путь альтернативы по отношению к гуссерлианской феноменологии, которая привела западную философию в западную деонтологизации.

Человек/сообщество людей – это антропо-телесные микрокосмы; каждый такой микрокосм имеет имя (нарицательное, собственное), то есть специфически антропомерную (антропо-телесную и антропо-духовную) форму целостного, рефлексивного бытия и существования в мире людей. В частности, целостность имени сказывается через многомерную идентичность личности человека / сообщества людей, а также опирается на работу структур коллективного-и-индивидуального социально-исторического памятования, благодаря которым социальное содержание имён накапливается на протяжении жизни каждого отдельного поколения людей, а накопленное – передаётся от

одного поколения людей другому, образуя бытийную связь поколений и времён в непрерывных социально-антропомерных традициях. В свете этого подхода старой метафизике «труда», создающего товары и определяющего человека в качестве «рабочей силы», противопоставляется новая диалектика «деятельности» человека/сообществ людей, создающая в качестве целостного социального продукта человеческие микрокосмы-имена, социальное бытие которых обретает свой «дом» в структурах социально-исторического памятования, а целостность которых реализуется через идентичность личности со структурой индивидуального-и-коллективного имени человека. Человек определяется здесь в качестве социокультурной силы. Соответственно, старой «политической экономии» (в т.ч. в версии «теории повседневности») предстоит противопоставить нечто вроде новой политической социологии, – науку о природе социальной политики, которая раскрывает основания социального бытия, социального существования и исторического развития человеческих микрокосмов-имён, онтологию развития человека и социальных сообществ как социокультурной силы мира людей. Работа в этом направлении позволит перевести современные отечественные представления о социальной политике с концептуальной платформы «транзита» на концептуальную платформу «развития».

Список литературы

1. Штомпка П. Социология социальных изменений. / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс. 1996. 416 с.
2. Луман Н. Общество как социальная система // Общество общества. В 5-и книгах. Кн.1. Пер. с нем. М. Антоновский. М.: Логос. 2011. С. 15–201.
3. Кутырёв В.А. Унесённые прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя. 2016. 300 с.
4. Социальное познание и управление. Под ред. С.И. Попова, Б.И. Сюсюкалова. М.: Мысль. 1983. 288 с.
5. Фурсенко – нам творец не нужен, нам нужен – «профессиональный потребитель» / URL: <https://zen.yandex.ru/media/vln/fursenko-nam-tvorec-ne-nujen-nam-nujen--professionalnyi-potrebitel-5a8eb1a5610493d940e025c7> (Дата обращения: 20.10.2020).
6. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. – СПб: Алетейя. 2015. 312 с.
7. Маркс К. Капитал. Кн.1. Процесс производства капитала. // Маркс К. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Издательство политической литературы. 1960. 907 с.
8. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Энгельс Ф., К. Маркс Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. Т.21. М.: Политиздат. 1961. С. 23–178.

9. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат. 1984. 320 с.
10. Дахин А.В. Формационное самоопределение универсума. Ч.1. Природный мир. Н.Новгород: НАСИ. 1992. 107 с.
11. Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспективы философской концептуализации memory studies // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 42–44.
12. Дахин А.В. Феноменология универсальности в культуре. Н.Новгород: ННГУ. 1995. 148 с.
13. Зеленов Л.А. Антропология. // Зеленов Л.А. Собрание соч. в 4-х т. Т. III. Н. Новгород: Гладкова О.В. 2006. 244 с.
14. Лосев А.Ф. Философия имени. М.: МГУ. 1990. 269 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ РАБОТНИКИ В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ

SOCIAL WORKERS IN SOCIAL SERVICES: PROBLEM AREAS

С.В. Климова

*Саратовский областной базовый медицинский колледж,
г. Саратов*

S.V. Klimova

*Saratov Regional Basic Medical College,
Saratov*

На основе практического опыта и социологического исследования автора рассматриваются вопросы удовлетворенности социальных работников и специалистов по социальной работе своей занятостью в центрах социального обслуживания населения.

The report discusses the issues of satisfaction by social workers and social work specialists with their employment in social service centers based on the practical experience and sociological research of the author.

Ключевые слова: социальная услуга, удовлетворенность работой, вознаграждение за труд, приоритеты занятости

Keywords: social service, job satisfaction, remuneration for work, employment priorities

Современная теория социальной работы представляет собой обширную систему междисциплинарных знаний, различных концепций и подходов к репрезентации научных основ этого вида деятельности. Однако те, кто когда-либо был вовлечен в реальную помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, понимают, что в социальной работе главное – ее

практика, конкретный опыт милосердия, что делает социальную работу весьма креативным видом деятельности в любой момент повседневности.

В России есть немало общественных организаций, оказывающих в негосударственном секторе социальной работы замечательную помощь нуждающимся. Но все-таки люди в трудной жизненной ситуации прежде всего обращаются в государственный сектор социальной работы – учреждения социального обслуживания, деятельность которых собственно и составляет сегодня основной сегмент практики социальной работы. Автор имеет опыт практики социальной работы в должности специалиста по социальной работе комплексного центра социального обслуживания населения (КЦСОН) крупного города [1; 2] и руководителя социального проекта, поддержанного Фондом президентских грантов*. Опираясь на личное участие в оказании социальных услуг и собственные социологические исследования, предлагаю рассмотреть некоторые практические вопросы занятости в этой сфере.

В конструировании профессионального портрета работников учреждений социального обслуживания неправильно объединять всех, кто занимается социальной работой, в одну группу «социальных работников», что нередко встречается в научных исследованиях [3]. У всех сотрудников этих организаций разные должностные функции. Основная масса собственно социальных работников трудится в отделениях социального обслуживания на дому КЦСОНов. В 2016 г. был утвержден профессиональный стандарт «Социальный работник». В нем представлен детальный перечень функций, которые каким-то образом должны быть воплощены в рабочих буднях тех, кто занимает должность «социального работника». Заметим, что для их выполнения стандарт не требует высшего профессионального образования. В 2017 г. автор провела 25 фокусированных интервью с социальными работниками КЦСОН Энгельсского района Саратовской области с целью изучения приоритетов профессиональной деятельности, удовлетворенности работой. Результаты опроса показали, что социальным работникам не нравится в своей занятости. Приведем перечень «проблем зон», не расставляя акцентов.

1. Социальная работа превращена в сферу государственных услуг, которые учитываются органами статистики. Социальные работники вынуждены формально представлять свою работу отдельными действиями в специальных отчетах. Они также вынуждены заполнять статистические регистры, если им не помогают в этом заведующие отделениями, что не входит в профессиональный стандарт «Социального работника» и отнимает время от клиентов, которым подчас нужна срочная помощь.

*Проект «Покровская бабушка» (организация службы для содействия трудоустройству женщин старшего возраста)» (договор № 17-1-006443).

2. У большей части социальных работников «неудобные маршруты»: подопечные проживают далеко друг от друга, они могут быть «разбросаны» по разным территориальным сегментам города. Когда решается вопрос о закреплении клиентов за социальным работником, не учитывается, в первую очередь, насколько удобно ему будет ходить к своим подопечным. В приоритете – обеспечение должностной ставки нормой обслуживаемых, поддержание стабильности отделения, сохранение за социальным работником тех «бабушек», которые к нему привыкли, предпочтения клиентов.

3. Среди клиентов нередко встречаются «проблемные бабушки». К ним относятся женщины, усвоившие, что социальная работа – это оказание услуг, и устанавливающие свои «стандарты» для содержания работы социального работника. Зачастую требуется вмешательство руководства центра для объяснения таким обслуживаемым содержания региональных стандартов на услуги. Встречаются также клиенты со сложным, неуживчивым характером. Социальных работников напрягает, что для разрешения проблемной ситуации в отношениях с клиентом он не имеет права по собственной инициативе отказаться от его обслуживания. В этих вопросах важна мудрая позиция руководителей отделения и центра, которые приобрели большой опыт в их решении. Однако следует отметить, что социальный работник вынужден ориентироваться на коммерческий принцип «клиент всегда прав», чтобы не доводить неудобные ситуации до обострения, что способствует его эмоциональному и профессиональному выгоранию.

4. Эмоциональное напряжение доставляет социальным работникам поиск нового клиента взамен умершего клиента, чтобы не уменьшилось нормативное наполнение ставки обслуживаемыми и, соответственно, заработная плата. Во-первых, похороны человека, которому социальный работник долгое время заменял всех родных, был единственным «членом семьи», – стресс для любого соцработника. В этой ситуации нелегко переключится на поиск замены «близкого человека». Во-вторых, социальные работники выше оценивают социальную значимость своего труда, чем стереотипы окружающих. И они не готовы «навязывать себя» сообществу, подобно коммерсантам, хотя работу по привлечению в центр людей, нуждающихся в социальном обслуживании, в плановом порядке соцработники выполняют постоянно. Этим активно занимаются и заведующие отделениями социального обслуживания на дому.

5. Социальные работники «привыкли», что у них маленькая заработная плата. Тем не менее, этот вопрос всегда вызывал у них чувство социальной несправедливости. Он решается в рамках ресурсных возможности региона, поскольку социальное обслуживание финансируется из регионального

бюджета, и, конечно, зависит от того, насколько этот бюджет «богат», и насколько руководители региона считают приоритетным выделять средства для стимулирования соцработников. Например, в Саратовской области, несмотря на Указ Президента РФ В.В. Путина, обязывающий повысить им вознаграждение до пределов средней заработной платы по региону, нашли способ оставить ее на прежнем уровне с соблюдением этого Указа. И сегодня социальные работники в нашем регионе получают немного выше минимальной заработной платы.

Пользуясь возможностью рассмотреть вопросы занятости в соцобслуживании, считаю необходимым указать на проблемы, вызывающие в его учреждениях «текучку» таких незаменимых кадров, как специалисты по социальной работе. На их плечи ложится методическая, организационная, проектная работа. Именно в их обязанности входит решение всех креативных задач, которые ставит региональный учредитель системы социального обслуживания. Однако сегодня имеются существенные препятствия, чтобы они выполняли свои обязанности с желанием и эффективно.

Во-первых, специалисты по социальной работе сталкиваются со значительной нагрузкой по обслуживанию органов статистики. Не имею информации об организации взаимодействия учреждений соцобслуживания и органов статистики в других регионах, однако сама свидетель, как в КЦСОНах Саратовской области специалисты по социальной работе тратят «львиную долю» своего рабочего дня, «забывая» услуги в статистические регистры в ущерб целям и задачам социальной работы. Креативные сотрудники либо отказываются от этих функций, провоцируя недовольство руководства, либо покидают учреждение, что наносит ощутимый кадровый ущерб: в силу общего недостатка специалистов по социальной работе каждый из них является незаменимым.

Во-вторых, среди работников учреждений соцобслуживания, от которых требуется наличие высшего образования и профессиональной компетентности, специалисты по социальной работе лишены достойного вознаграждения за труд. Они не защищены дорожной картой повышения заработной платы, поэтому их доход нередко ниже заработной платы соцработника. И это при условии возможного отрыва из отпуска, в виду незаменимости в мероприятиях центра и прочих «авральных» моментов, нередких в насыщенной событиями жизни КЦСОНа.

Очевидно, формализм и низкая оплата труда – основные причины неудовлетворенности занятостью обеих категорий работников.

Список литературы

1. Климова С.В. Социальное партнерство в деятельности комплексного центра социального обслуживания населения (кэйс-стади) // Социальное обслуживание. 2016. № 11. С. 24–31.
2. Климова С.В. Культурно-массовые мероприятия как социальная технология организации досуга пожилых людей // Социальное обслуживание. 2017. № 34. С. 25–34.
3. Шило А.С. Профессия социального работника в России: противоречия современного этапа развития // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 6(50). С. 11–123.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ (АБИЛИТАЦИИ) ИНВАЛИДОВ ENSURING THE EFFECTIVE FUNCTIONING OF THE SYSTEM OF COMPREHENSIVE REHABILITATION (HABILITATION) OF DISABLED PEOPLE

М.Н. Максимова, И.И. Гатауллина
*Казанский государственный
медицинский университет Минздрава России,
г. Казань*

M.N. Maximova, I.I. Gataullina
*Kazan State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Kazan*

Анализируется обеспечение эффективного функционирования системы комплексной реабилитации (абилитации) инвалидов в центрах реабилитации инвалидов Республики Татарстан. Сформулированы выводы, даются рекомендации.

The article analyzes the effective functioning of the system of comprehensive rehabilitation (habilitation) of disabled people in the rehabilitation centers of the Republic of Tatarstan. Conclusions are recommendations are made.

Ключевые слова: система комплексной реабилитации (абилитации) инвалидов; эффективное межведомственное взаимодействие; предоставление дополнительных услуг дистанционно

Keywords: comprehensive rehabilitation (habilitation) system for disabled people; effective interagency cooperation; provision of additional services remotely

Актуальность темы исследования: реабилитация и адаптация инвалидов – стратегическая цель социальной политики Российской Федерации. Согласно

статистическим данным Федерального реестра инвалидов на 01.01.2020 г., численность инвалидов в РФ составляет 11 875 тыс. чел. (женщин – 57%, мужчин – 43%); в 2017 г. – 12 262 тыс. чел. По группам инвалидности более 50% составляет II-ая категория инвалидности, 41% – III-я и около 10% – I-я. Численность инвалидности снижается: в 2019 г. общая численность инвалидов составляла 11 197 тыс. чел., в 2018 г. – 12 111 тыс. чел.

В Республике Татарстан на 01.01.2020 г. численность инвалидов составляет 281 514 человек (женщин – 55%, мужчин – 44.91%). Статистика предыдущих лет показала, что численность инвалидов уменьшается: в 2017 г. – 310 534 чел., в 2018 году – 229 323 чел. [2]. По данным Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан (МТЗ и СЗ РТ) на 25 января 2019 г., количество инвалидов, проживающих в РТ, составляет почти 8% от численности населения республики [3].

Развитие и обеспечение эффективного функционирования системы комплексной реабилитации (абилитации) инвалидов в оказании ранней помощи и сопровождении инвалидов и членов их семей, с использованием принципов межведомственного взаимодействия и социальной защиты, учитывая особенности и степень нарушения их здоровья, физические, психофизиологические, профессиональные и социальные особенности инвалидов способствуют максимальной реализации реабилитационного потенциала инвалида, созданию необходимых условий для индивидуального развития, реализации творческих и профессиональных возможностей.

Объект исследования – инвалиды как получатели услуг системы комплексной реабилитации инвалидов. Предмет исследования – опыт реализации системы комплексной реабилитации инвалидов ЦРИ. Цель исследования – анализ опыта реализации системы комплексной реабилитации инвалидов в ГАУСО «ЦРИ «Восхождение», ГАУСО «ЦРИ «Изгелек», ГАУСО «ЦРИ «Ветеран» (из 6 государственных центров реабилитации инвалидов РТ).

На основании анализа литературных источников можно расширить определение понятия «система комплексной реабилитации инвалидов» – это комплекс правовой базы, социальных методик, финансово-материального обеспечения, наличие межведомственного взаимодействия структур по включению инвалида во все типы реабилитации: медицинской, социальной, профессиональной, социокультурной.

В рамках реализации положения Федерального закона от 01.12.2014 г. № 419-ФЗ, внесшего изменения в Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в части реабилитации инвалидов, и в рамках исполнения приказов Минтруда России в РТ была организована работа по взаимодействию с учреждениями МСЭ по

реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации (ИПРА) инвалида, ребенка-инвалида, в которой предусмотрен комплекс рекомендованных мероприятий по реабилитации и (или) абилитации.

Анализ показал, что доля поступающих от МСЭ выписок из ИПРА инвалида в органы исполнительной власти РТ по направлениям реабилитации или абилитации на 2016–2019 годы составляет: по медицинской реабилитации или абилитации – 43%; по социальной реабилитации или абилитации – 42%; по профессиональной реабилитации или абилитации – 15%; по физкультурно-оздоровительным мероприятиям, занятию спортом – 2%; по психолого-педагогической реабилитации или абилитации – 6% [4].

Анализ статистических отчетов показывает, что численность получателей реабилитационных услуг за последние 3 года постоянно увеличивается в ЦРИ «Восхождение» на 46.8%, ЦРИ «Изгелек» на 25.5%, ЦРИ «Ветеран» на 16.6%.

В процессе исследования было проведено анкетирование получателей услуг социальной реабилитации в трёх ЦРИ. В анкетирование участвовало 30 (100%) респондентов (реабилитантов); 12 мужчин (40%) и 18 женщин (60%); 60% – II-ая группа инвалидности; 30% – I-ая группа инвалидности; (10%) – III-я группа инвалидности.

Результаты анкетирования по анализу опыта реализации комплексной системы социальной реабилитации в трёх ЦРИ позволяют сделать выводы:

1. Все 100% опрошенных получателей социальных услуг:
 - считают, что реализация комплексной системы реабилитации осуществляется своевременно и оперативно;
 - отмечают важность при разработке индивидуального плана-графика социально-реабилитационных мероприятий: быстроту составления, обоснованность и двухстороннее взаимодействие между клиентом и специалистом по СР;
 - выделяют при процессе реализации реабилитационных мероприятий: оснащенность вспомогательной техникой, наличие сценарного плана;
 - удовлетворены: соответствием реабилитационных мероприятий индивидуальным особенностям; обеспеченностью методическими пособиями (материалами) в процессе получения социально-реабилитационных услуг; процессом разработки индивидуального плана реализации реабилитационных мероприятий;
 - большую часть информации о проводимых мероприятиях реабилитанты получают непосредственно от специалиста по СР.

2. 80% опрошенных получателей социальных услуг положительно оценивают свои ощущения в процессе занятий по социальной реабилитации.

3. Более 90% опрошенных были удовлетворены качеством предоставляемых им комплексной системой реабилитации. Остались довольны компетентностью специалистов (80%), общением (90%).

Таким образом, основные показатели в процессе разработки индивидуального плана комплексной реализации реабилитационных мероприятий выполняются качественно и количественно.

Анализ опыта реализации комплексной системы социальной реабилитации в ЦРИ путём предоставления дополнительных услуг дистанционно позволяет сделать выводы:

1. Все 100% получателей социальных услуг были ознакомлены с возможностью предоставления дополнительных услуг дистанционно – это: по восстановлению коммуникативного потенциала; по обучению членов семьи инвалидов реабилитационным навыкам в домашних условиях [5–7].

2. Более 85% считают данные услуги полезными, востребованными, 15% – в них нет необходимости. Причины отказа от предоставления дополнительных услуг дистанционно: все необходимые знания было получены в процессе реабилитации непосредственно в ЦРИ (5%); отсутствие навыков пользования компьютером, для получения дополнительных услуг дистанционно (10%).

3. Среди наиболее ожидаемых дистанционных услуг 90% опрошенных выделили оказание информационно-справочной помощи о механизмах получения бесплатной юридической помощи; 70% содействие в профессиональном самоопределении.

Проведённые исследования позволили сформулировать *рекомендации*:

1. Открыть в ЦРИ курсы по пользованию ПК с целью продвижения предоставления дополнительных услуг дистанционно, расширения коммуникативных возможностей реабилитанта.

2. Руководителям и специалистам ЦРИ осуществлять PR-деятельность, пропагандируя деятельность ЦРИ по комплексной реабилитации инвалидов, привлекая спонсоров, благотворителей, волонтёров.

3. Внедрить в перечень дополнительных услуг дистанционно во всех ЦРИ содействие в профессиональном самоопределении; оказание информационно-справочной помощи о механизмах получения бесплатной юридической помощи.

4. В целях предупреждения распространения коронавирусной инфекции реабилитационные центры РТ с 6 апреля 2020 г. временно приостановили предоставление социальных услуг. По всем вопросам можно было обращаться на «горячую линию» ЦРИ, что расширило дистанционные формы оказания услуг.

Комплексная система реабилитации инвалидов, осуществляемая ЦРИ охватывает медицинские, социальные аспекты, вопросы образования и трудоустройства, учитывает различные потребности инвалидов, основывается на многопрофильной оценке и сильных, и слабых сторон инвалида.

Список литературы

1. Уровень инвалидизации в РФ // Информационно-правовой портал «Федеральная служба государственной статистики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>. (Дата обращения: 20.05.2020).

2. Численность инвалидов по полу в разрезе субъектов РФ // Информационно-правовой портал «Федеральный реестр инвалидов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sfri.ru>. (Дата обращения: 20.05.2020).

3. Итоги за 2019 год МТЗ и СЗ РТ/ Информационно-правовой портал «Официальный сайт МТЗ и СЗ РТ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mtsz.tatarstan.ru>. (Дата обращения: 03.06.2020).

4. Динамика распределения признанных инвалидами по направлениям реабилитации или абилитации на 2016–2019 годы // Информационно-правовой портал «Федеральное бюро медико-социальной экспертизы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fbmse.ru>. (Дата обращения: 20.05.2020).

5. Предоставляемые услуги // Информационный портал ГАУСО ЦРИ «Восхождение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sobes.tatarstan.ru>. (Дата обращения: 20.06.2020).

6. Предоставляемые услуги // Информационный портал ГАУСО ЦРИ «Изгелек» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sobes.tatarstan.ru>. (Дата обращения: 20.06.2020).

7. Предоставляемые услуги // Информационный портал ГАУСО ЦРИ «Ветеран» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sobes.tatarstan.ru>. (Дата обращения: 20.06.2020).

**РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЕРСКОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ: ОТ
ПОМОЩИ НА МЕРОПРИЯТИЯХ К ПОМОЩИ ЛЮДЯМ
THE DEVELOPMENT OF VOLUNTEER ACTIVITIES OF THE OLDER
PEOPLE: FROM HELP AT EVENTS TO HELPING PEOPLE**

О.А. Парфенова
*Социологический институт
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Санкт-Петербург*
O.A. Parfenova
*The Sociological Institute,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg*

На примере работы НКО по привлечению пожилых людей к волонтерской деятельности рассматривается изменение практик добровольчества в России. Наблюдается сдвиг от преимущественно «организационного» волонтерства пожилых (помощь в организации различных мероприятий) к помощи разным социальным группам (пожилым «четвертого возраста», подопечным стационаров, многодетным семьям, бездомным). Пожилые люди выступают не только в роли «подопечных» и «нуждающихся», но и в роли тех, кто готов и способен активно помогать другим.

On the example of the work of NGOs in attracting older people to volunteer activities, we consider a change in volunteering practices in Russia. There is a shift from the predominantly "organizational" volunteering of the older people (assistance in organizing various events) to the assistance of various social groups (people "fourth age", wards of hospitals, families, homeless). Older people act not only as "wards" and "needy", but also as those who are ready and able to actively help others.

Ключевые слова: старение; старшее поколение; волонтерство; добровольчество; НКО

Keywords: aging; the older generation; volunteering; volunteering; NGOs

Активное участие пожилых в жизни общества, в том числе в качестве волонтеров, является распространенной практикой в западных странах. Положительное влияние волонтерской деятельности на благополучие пожилых вне зависимости от их расы, пола и социального положения фиксировались количественными исследованиями еще в начале 2000-х. [1]. Волонтерство в возрасте 65+, особенно в совокупности с развитыми социальными контактами и неодиноким проживанием, может даже снижать уровень смертности, по мнению исследователей [2]. Более поздние исследования конкретизируют – участие в волонтерстве, действительно, снижает уровень смертности, но только

у тех волонтеров, чьи мотивы ориентированы не на себя (self-oriented), а на других (other-oriented) [3]. Для пожилых людей с более низким социально-экономическим статусом регулярное участие в волонтерстве приводит к более выраженным благоприятным последствиям для их психологического состояния в сравнении с пожилыми, имеющими более высокий социальный статус [4]. Обзоры имеющихся исследований говорят о том, что участие в волонтерстве способствует уменьшению симптомов депрессии, улучшению самооценок здоровья, уменьшению функциональных ограничений и снижению смертности. По мнению исследователей, имеющиеся данные обеспечивают основу для модели, предполагающей, что волонтерская активность повышает социальную, физическую и когнитивную активность, что благодаря биологическим и психологическим механизмам приводит к улучшению функционирования и может быть связано с уменьшением риска развития деменции [5].

В России наряду со старением населения и развитием государственных социальных сервисов наблюдается активное развитие НКО, работающих с пожилыми. В части работы с пожилыми как со стороны НКО, так и со стороны государственных сервисов можно наблюдать постепенный дрейф от сугубо «досуговых» форм к предполагающим более активное участие пожилых, в том числе волонтерству. Однако для России по-прежнему волонтерство, или добровольческая деятельность* пожилых является относительно новым опытом и практикой, пока что не получившими массового распространения. Одно из наиболее крупных волонтерских межрегиональных объединений «Серебряный возраст» возникло в 2000-х. Наиболее свежие отчеты на сайте организации сообщают о том, что в Санкт-Петербурге за 2018 год к участию в волонтерстве были привлечены 120 пожилых [6]. Акцент в фото-отчетах и самопрезентациях при этом делается на организационном волонтерстве (Олимпийские игры в Сочи). Мы рассмотрим, как меняется волонтерская деятельность пожилых в России сегодня. Материалы включают в себя эмпирические кейсы (НКО, расположенные в Санкт-Петербурге и Ленинградской области). Используются материалы полуструктурированных интервью с руководителями и сотрудниками НКО (N=9) из разных городов, материалы веб-сайтов, отчеты, наблюдения за деятельностью НКО, беседы с «курсистами» – пожилыми людьми, активно участвующими в деятельности НКО, статистические данные.

Исследование показало, что происходит не просто развитие «серебряного волонтерства», но и содержательное его изменение – от преимущественно организационных форматов к помощи разным социальным группам. Такая трансформация идеологии помощи требует отдельных усилий от НКО, которые выступают в данном случае основными инициаторами

* В данном исследовании волонтерство и добровольчество употребляются как синонимы.

волонтерских проектов. Долгое время работа с пожилыми сводилась к досуговым формам, при которых они привыкли «потреблять», а не «отдавать». Однако, идеи об активности пожилых и их потенциале, который можно направить на помощь, в том числе другим людям, постепенно находят воплощение в разных волонтерских проектах. Наше исследование показало, что существуют проекты, в которых пожилые волонтеры участвуют в программах помощи разным социальным группам – маломобильным пожилым, бездомным, подопечным стационаров, семьям с детьми. Так, инициатива «пожилые в помощь пожилым» или «добрые соседи» предполагает регулярное посещение маломобильных пожилых людей, часто не покидающих своих квартир. Волонтеры общаются с подопечными, выполняют упражнения по развитию памяти, составляют воспоминания о жизни. Руководитель проекта так формулирует ключевую суть проекта: *Самое главное, что у пожилых людей, которые сегодня находятся не в самой благополучной жизненной ситуации (одиночество, зависимость от внешней помощи, проблемы со здоровьем), появляется чувство, что «все неслучайно», что у них есть основания для того, чтобы гордиться собой (своим характером, поступками, возможностями преодолевать жизненные трудности). Порой воспоминания становятся опорой и источником внутренних ресурсов, чтобы жить дальше и находить смысл и радость жизни, пусть даже в ограниченных условиях*[7].

На базе государственных сервисов тоже существуют примеры успешных попыток активизации пожилых людей для помощи уже более молодому поколению. Примерами таких проектов служат «Экспресс-бабушка» (КЦСОН, Орловская область) [8]. В Ленинградской области на базе КЦСОН г. Бокситогорска это проект «Бабушка Замора»/»Бабушка на час». Устойчивость развития волонтерских движений, по мнению экспертов, обеспечивается не только материальной стимуляцией волонтеров, а тем, что складывается «привычка помогать». У волонтера укрепляется «душевная потребность быть нужным». В качестве примера эксперты приводят тестирование серебряных волонтеров и прогресс в их оценке потребности приносить пользу (Интервью 6, Эксперт из НКО, Новгородская область).

В ходе развития волонтерских инициатив возникают и сложности. Не все готовы тратить свое время и эмоциональные ресурсы на помощь тем, кому она нужна. Очень тяжело привлекать волонтеров к маломобильным («смотреть на них тяжело»). Кроме того, сами маломобильные подопечные воспринимают волонтера как домработницу. Трудно просто пообщаться и поддержать, поскольку у подопечных запрос: а что вы мне подарите? Кроме того у волонтеров часто нет специальной подготовки или она недостаточна. На примере помощи детям из семей со сложной жизненной ситуацией эксперт

комментирует, как трудно проект давался пожилым волонтерам: «бабушки должны были помогать детям из семей со сложной жизненной ситуацией, а, соответственно, там дети были очень разные, и семьи тоже были очень разные. И бабушкам это очень тяжело давалось» (Интервью 8, эксперт из НКО, респ. Татарстан). Более доступным для волонтеров оказался формат проекта, когда бабушки регулярно посещают интернат для детей с инвалидностью, проводят для них мероприятия.

Перспективы развития

Государственные центры социального обслуживания обладают большой базой пожилых маломобильных клиентов, которые годами не выходят из дома. С этой точки зрения, представляется перспективным на базе государственных центров внедрять и развивать программы волонтерства пожилых – помогать в обслуживании непосредственно маломобильных клиентов и оказывать им ту поддержку и заботу, которую не в состоянии предоставить государственный сервис (общение, упражнения на развитие памяти и внимания etc). Помимо этого, пожилые активные неработающие женщины могут выступать в качестве «бэбиситеров» для помощи молодым мамам, как уже практикуется на базе некоторых государственных сервисов. Это тоже служит удачным примером «обмена» заботой между поколения.

Список литературы

1. Morrow-Howell, N., Hinterlong, J., Rozario, P. A., & Tang, F. (2003). Effects of volunteering on the well-being of older adults. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 58(3): 137–145.
2. Musick, M. A., Herzog, A. R., & House, J. S. (1999). Volunteering and mortality among older adults: Findings from a national sample. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 54(3), S173-S180.
3. Konrath, S., Fuhrel-Forbis, A., Lou, A., & Brown, S. (2012). Motives for volunteering are associated with mortality risk in older adults. *Health Psychology*, 31(1), 87–96.
4. Tang, F., Choi, E., & Morrow-Howell, N. (2010). Organizational support and volunteering benefits for older adults. *The Gerontologist*, 50(5), 603-612.
5. Anderson, N. D., Damianakis, T., Kröger, E., Wagner, L. M., Dawson, D. R., Binns, M. A., Bernstein, S., Caspi, E., Cook, S. L., & The BRAVO Team. (2014). The benefits associated with volunteering among seniors: A critical review and recommendations for future research. *Psychological Bulletin*, 140(6), 1505–1533. <https://doi.org/10.1037/a0037610>.
6. Отчет о проделанной работе по проекту «Комплексный подход к обеспечению занятости пенсионеров и людей предпенсионного возраста» за

период с 1 декабря 2017 года по 30 апреля 2018 года Санкт-Петербург и Ленинградская область. URL: <http://silveryears.ru/index/otchety/>.

7. Проект «Добрые соседи» или: как добавить осознанность в собственную жизнь? URL: <https://hprojects.ru/проект-добрые-соседи-или-как-добави/>.

8. Единая информационная система «Добровольцы России» – главный волонтерский интернет-ресурс страны. URL: <https://добровольцыроссии.рф/projects/14918>.

**(НЕ)ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ:
СЕТЕВЫЕ АГЕНТЫ И РОБОТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ
(NON) HUMAN SOCIALITY:
NETWORK AGENTS AND ROBOTIC SYSTEMS**

И.Э. Петрова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
I.E. Petrova
Lobachevsky University

Социологические исследования в поле социальной робототехники в настоящее время в России редки, но количество публикаций, посвященных роботам как социальным акторам, удвоилось за 2016-2019 гг. по сравнению с предыдущим периодом. Это свидетельствует об актуальности проблематики искусственной социальности в российской науке и практике, и социальная робототехника еще имеет надежду на дальнейшее развитие.

Sociological research in the field of social robotics is currently rare in Russia, but the number of publications devoted to robots as social actors has doubled in 2016-2019. compared to the previous period. This indicates the relevance of the problem of artificial sociality in Russian science and practice, and social robotics still has hope for further development.

Ключевые слова: робот, социальная робототехника, искусственная социальность, социальные проекты

Keywords: robot, social robotics, artificial sociality, social projects

В российской науке изучению социальных роботов посвящены относительно небольшое количество работ, они сфокусированы, как правило, на анализе функционала разных сервисных роботов и вопросах их взаимодействия с человеком.

М.Ю. Митренина проблематизирует перспективы взаимодействия человека и робота и оценивает киборгизацию как функциональный способ расширения пределов возможностей человека [1, с. 17]. Создатели роботов

нацелены на создание акторов «лучше человека», хотя бы по одному или нескольким параметрам. Общественность понимает это как вызов человечеству и осуждает подмену общения между людьми коммуникацией с роботами. Киборгизация как наделение именно человека дополнительными возможностями в глазах М.Ю. Митрениной становится более щадящим способом увеличения функционала – не нужно создавать нового, малоизвестного актора, стоит усовершенствовать человека [1, с. 22].

Д.В. Галкин представляет комплексный подход к изучению взаимодействия человека и робота в рамках конструкторов технологического императива, воспринимая коммуникацию робота и человека как компромисс между миром автоматов и обществом. Вместе с анализом социальности культурных интерфейсов автор поднимает вопрос о социализации робототехнических систем в человеческом окружении, а также фиксирует возникновение привязанностей человека к роботу в практике использования их в обучении детей. Социальность робота, по мнению исследователя, можно определять по их эмоциональной вовлеченности [2, с. 171].

Несколько лет назад в Москве в магазине Библио Глобус появился мобильный робот. Несколько фото и анонсов – все, что осталось на просторах интернета об этом событии и его существовании. По личному наблюдению автора, интерактивные мониторы для поиска информации пользуются большим спросом, чем сам робот, и он стоит в нише не далеко от касс и, кажется, разговаривает сам с собой [3].

Среди российских авторов – представителей гуманитарных направлений, долгое время посвящающих свои работы социальным роботам, безусловно, нужно выделить томского ученого Н.Н. Зильберман, очень последовательно поводящую различные по дизайну и целям исследования взаимодействия роботов и человека. Ее статьи ориентируют сообщество на изучение роли и восприятия обществом роботов в статусе выше человека (начальник, учитель); отношение детей из разных культур к роботам и взаимодействию с ними; представление студентов из России и Казахстана о социальных роботах, а также использование различных роботов в обучающих технологиях [4, с. 31].

М.Ю. Митренина представляет результаты интернет-опроса о принятии робота в качестве партнера для проживания [1, с. 25]: 26 человек в возрасте от 25 до 51 лет, мужчины и женщины, жители разных городов, люди творческих профессий и предприниматели продемонстрировали в своих ответах три типа позиций по отношению к проживанию с роботом: против совместного проживания; за выполнение роботом сервисных функций; за полноценную коммуникацию робота и человека в одном домохозяйстве. Респонденты, вопреки уже ставшему расхожим мнению о привлекательности андроидных

роботов, выступили против человекоподобных роботов в своих домах. Автор сетует на слишком малые возможности российского производства ответить на эти потребности.

Социальная робототехника развивается в мире разнообразно, ежегодно проводятся специализированные международные конференции, посвященные как в целом социальной робототехнике (ICSR: International conference on Social Robotics), так и отдельным важным направлениям робототехники (HRI: Human-Robot Interaction). По опыту авторского участия в этих конференциях, широкая научная общественность освещает всю проблематику человеческого взаимодействия с роботами в ее полноте.

В качестве наиболее интересных результатов стоит отметить изучение ошибок в поведении робота и отношении к ним разработчиков и пользователей робототехнических систем. Как оказалось, робот с «отклонениями» лучше воспринимается пользователем, потому что такой бот не подавляет своим совершенством человека и быстрее может быть включен во взаимодействие как партнер. Для разработчиков ошибки робота остаются пока досадными просчетами в эксперименте, но авторы убеждают ученых продолжать исследования таких ошибочных ситуаций [5].

Несмотря на довольно благостную картину продвижения вперед в российских исследованиях социальных роботов на фоне общемировых тенденций, сама социальная робототехника в России переживает непростые времена.

Начиная с 2010 гг. в России звучат голоса исследователей и создателей социальной робототехники, но присутствие роботов в социальной сфере не увеличивается, и представлены они очень неравномерно.

С 2000-х гг. разные команды российских ученых представляли роботов для социального взаимодействия с людьми – это и Алиса Зеленоградская (Подмосковье) с полноценно разработанным эмоциональным интерфейсом, и робот AR600 производства Андроидной техники в Магнитогорске, робот Колобок для общения на дому, голосовой агент Алиса в сервисах Яндекс.

Основной площадкой апробации робототехнических систем с уже сложившейся традицией стала ежегодная конференция Сколково Роботикс (Scolkovo Robotics), объединяющая российских ученых – представителей всех направлений науки о роботах и приглашенных зарубежных исследователей, разработчиков и производителей.

Авторский опыт и опыт коллег из Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского присутствия на этих конференциях свидетельствует о разнонаправленных тенденциях позиционирования именно социальных роботов в пространстве

российской робототехники. Начиная с 2014 г., как представляется, социальная часть немного нарастала в течение 2 лет, в 2016 г. она практически была замещена образовательной робототехникой – для школ и детских кружков, а в 2019 г. и вовсе ее присутствие уменьшилось, а превалирует робототехника коммерческая или промышленная, созданная в рамках крупных государственных заказов (из интервью с экспертом, мужчина, начальник лаборатории робототехники, ННГУ, опыт использования образовательной робототехники более 10 лет).

Мои наблюдения подтверждаются данными ежегодных аналитических отчетов разных структур – от Сколково до Сбербанка о развитии рынка робототехники в России и в мире. Из года в год с 2014 г. по настоящее время эти отчеты демонстрируют отсутствие социальной робототехники на этом рынке, за исключением отдельных систем сервисных роботов (чаще всего указывают на закупки роботов-пылесосов) [6-9].

Исследования, проводимые автором и коллегами в ННГУ, позволяют зафиксировать процессы «вочеловечивания» роботов и взаимной «роботизации» людей – пользователей робототехнических систем. Люди, работающие с роботами, независимо от своего статуса – разработчика этого робота или получателя услуг осуществляют эмоциональный перенос человеческих отношений на «своего» робота, формируются отношения привязанности. В обыденной жизни это выражается в том, что робота обнимают, целуют, передают сладости,жимают ему руку, шлепают по плечу, обращаются по имени. Но сами люди во взаимодействии с роботом подстраивают свое поведение таким образом, чтобы роботу «было удобно», а именно к этому нас ведут разработчики роботов – смотреть прямо в «глаза роботу», артикулировать четко, не поворачивать головы и туловища при разговоре... Процессы взаимной адаптации стали ориентиром при дальнейшей корректировке программ работы с детьми – в сотрудничестве с Лабораторией робототехники ННГУ в 2018 г. разработан робот со смайликовым интерфейсом, вставленным в мягкую игрушку размером, сравнимой с роботом Оно, внесен гендерный аспект – робот назван Юна. Таким образом, коллектив начал исследование скрытого робота, который модифицирует роботическое присутствие и может быть невидимым агентом.

Социальная робототехника в России пока не получила широкого признания ни в научных, ни в производственных, ни в административных кругах. Вместе с тем, социальные процессы не остановимы, и исследования, посвященные нечеловеческим акторам вокруг нас, ширятся и количество научных публикаций о социальности робототехнических систем возрастает, в особенности, в последние 2-3 года. Российские ученые пока ограничены в

своих исследованиях малым количеством социальных роботов на пространстве России и разобщенности научных центров, реализующих такие проекты.

Список литературы

1. Митренина М.Ю. Возможности человека и робототехника: кто станет объектом творчества? // Гуманитарная информатика. 2014. Вып. 8. С. 17–30.

2. Галкин Д.В. Основания социальной робототехники в контексте социально-гуманитарных исследований // Вестник Омского университета. 2014. №2. С. 167–177.

3. Библио-робот в главном книжном! Он-лайн, доступ через <https://biblio-globus.livejournal.com/342782.html> (Дата обращения: 15.04.2019).

4. Зильберман Н.Н. Обзор исследований восприятия социального робота в статусе выше человека // Гуманитарная информатика. 2017. № 13. С. 30–38.

5. Люди предпочитают роботов «с отклонениями» Он-лайн, доступ через <https://indicator.ru/news/2017/08/06/roboty-s-otkloneniymi/> (Дата обращения: 15.04.2019).

6. Потенциал российских инноваций на рынке систем автоматизации и робототехники. Аналитический отчет РБК. Москва. 2014. Он-лайн, доступ через https://www.rvc.ru/upload/iblock/859/Otchet_robot_291014.pdf (Дата обращения 16.09.2020).

7. Публичный аналитический доклад по направлению «Новые производственные технологии». Сколковский институт науки и технологий. Москва. 2015. Он-лайн, доступ через https://www.skoltech.ru/app/data/uploads/2014/02/Doklad-PPT_for-publishing-4.pdf/ (Дата обращения: 15.04.2019).

8. Аналитическое исследование: мировой рынок робототехники. НАУРР (Национальная ассоциация рынка робототехники). Москва. 2016. Он-лайн, доступ http://robotforum.ru/assets/files/000_News/NAURR-Analiticheskoe-issledovanie-mirovogo-rinka-robototehniki-%28yanvar-2016%29.pdf (Дата обращения: 20.09.2020).

9. Аналитический обзор мирового рынка робототехники. Лаборатория робототехники Сбербанка. Москва. 2018. Он-лайн, доступ через https://adindex.ru/files2/access/2019_07/273895_sberbank_robotics_review_2019_17.07.2019_m.pdf (Дата обращения: 15.04.2019).

**ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ТАДЖИКСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ:
ВКЛАД В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ***
**REMITTANCES OF TAJIK LABOUR MIGRANTS: CONTRIBUTION
TO SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT**

С.В. Рязанцев, М.Н. Храмова

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

О.К. Касымов

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

*Худжандский государственный университет имени Б. Гафурова,
г. Худжанд, Таджикистан*

S.V. Ryazantsev, M.N. Khramova

*Institute for Population Studies
Federal Research Sociological Center of RAS,
Moscow*

O.K. Kasymov

*Institute for Population Studies
Federal Research Sociological Center of RAS,
Moscow*

*Khujand State University named after B. Gafurov,
Khujand, Tajikistan*

Трудовая миграция с начала 2000-х годов вплоть до нынешнего года была самым крупным эмиграционным потоком из Республики Таджикистан, который имел существенное влияние на различные аспекты социально-экономического развития страны, ее регионов и отдельных домохозяйств. Учитывая, что главным направлением эмиграции для граждан Таджикистан по-прежнему остаётся Российская Федерация, а в последнее время еще и Республика Казахстан, именно из этих стран поступает подавляющая доля денежных переводов.

Labor migration from the beginning of the 2000s until this year was the largest emigration flow from the Republic of Tajikistan, which had a significant impact on various aspects of the socio-economic development of the country, its regions and individual households. Given that the main direction of emigration for citizens of Tajikistan is still the Russian Federation, and recently also the Republic of Kazakhstan, it is from these countries that the vast majority of remittances come.

* Статья подготовлена в рамках проекта поддержанного Советом по грантам Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант № НШ-2631.2020.6).

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционная политика, денежные переводы, Республика Таджикистан

Keywords: labor migration, migration policy, money transfers, Republic of Tajikistan

Трудовая миграция с начала 2000-х годов вплоть до 2020 г. была самым крупным эмиграционным потоком из Таджикистана, который существенно влиял на различные аспекты социально-экономического развития страны, ее регионов и отдельных домохозяйств. Численность трудовых мигрантов из Таджикистана, прибывших в Россию с 1997 по 2017 гг., по данным Росстата, составляла 526 695 тыс. человек.

Нужно отметить, что из общего числа мигрантов из всех стран мира, въехавших в Российскую Федерацию и указавших в анкете целью въезда работу, на долю Таджикистана приходится 21,5%. По словам руководителя управления по делам миграции Минтруда Республики Таджикистан С. Саидова, численность мигрантов из Таджикистана, находившихся на территории России за 2019 г. с целью работы, могла составлять около 1,3 млн человек. С другой стороны, по данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, миграционная убыль составила в 2017-2018 гг. 6,6 тыс. человек. В течение последних лет граждане Таджикистана активно получают российское гражданство: так, только в 2019 г. 44707 граждан Республики Таджикистана получили гражданство Российской Федерации.

По данным главы Национального банка Таджикистана Дж. Нурмахмадзодой, общий объем денежных переводов в Республику Таджикистан на 2019 г. составил 2731 млн. долл. США, по сравнению с 2018 г. рост составил 7%, или 163 млн. долл. США. Несмотря на некоторое снижение зависимости экономики Таджикистана от притока денежных переводов мигрантов, Россия остается для Таджикистана главной страной, откуда поступает основная масса денежных переводов, как в относительном так и в абсолютном выражении.

Из данных Всемирного банка, в 2013 г. объемы денежных переводы трудовых мигрантов из России в Таджикистан достигли максимума – 3,2 млрд. долл. США. С 2014 г. [1] произошло резкое падение объемов денежных переводов из-за экономического кризиса и девальвации российского рубля. Объемы денежных переводов в Республику Таджикистан из России начали увеличиваться после 2016 г. Таджикские мигранты в общей сложности в 2010-2017 гг. из Российской Федерации перевели на родину 16,3 млрд. долл. США. Если посмотреть структуру денежных переводов нерезидентов из России, на долю Таджикистана приходится около 15%: так, по итогам 2018 г. объем денежных переводов в Таджикистан составил, по данным ЦБ РФ, 1,51 млрд.

долл. США, в то время как во все страны мира – 10,77 млрд. долл. США. Из стран Центральной Азии Республика Таджикистан занимает по объему денежных переводов из России второе место после Узбекистана, на долю которого приходится около 30% всех переводов нерезидентов из России, третье место – за Кыргызстаном.

Далее расскажем о денежных переводах из стран ОЭСР. Так, в 2010-2017 гг. таджикские мигранты перевели на родину около 1,4 млрд. долл. США. Таджики среди стран ОЭСР больше всего отправили денег из стран Западной и Восточной Европы, что составило 693 млн. долл. США (около 49%). Причины, по которым пошли сокращения объемов денежных переводов в кризисные годы из стран ОЭСР и России, различны: если для России это, в первую очередь, было обусловлено значительным снижением курса российского рубля, то сокращение объемов денежных переводов из стран ОЭСР связано в большей степени с сокращением масштабов трудовой эмиграции из Таджикистана в страны ОЭСР в этот период. Надо еще отметить, что денежные переводы из Казахстана тоже влияют на экономику Таджикистан; в период 2010-2017 гг. было переведено больше 1 млрд. долларов США.

Роль денежных переводов таджикских мигрантов в социально-экономическом развитии Таджикистана, как в целом для страны, так и на уровне отдельных домохозяйств, чрезвычайно высока. Прослеживается прямое позитивное воздействие денежных переводов мигрантов на рост ВВП: родственники трудовых мигрантов имеют возможность открывать свои малые бизнесы, развивается предпринимательство, создаются новые рабочие места в частном секторе (магазины, кафе, пекарни). Денежные переводы трудовых мигрантов стимулировали рост и строительного сектора: многие таджикские семьи за счет родственников, находящихся на заработках в других странах, вложили свои деньги в ремонт и строительство жилья, покупку квартир, строительство новых домов. Денежные переводы стимулируют дополнительное потребление: домохозяйства мигрантов стали более активно удовлетворять основные потребности в продуктах питания, товарах широкого потребления, длительного пользования, получении образования. Поступление денежных переводов мигрантов из-за рубежа стимулирует развитие и общественных инициатив на местах: в большинстве махалля по инициативе местных жителей были собраны средства для строительства и ремонта общественных мест, систем водоснабжения и газоснабжения, зданий, различных сооружений и дорог [2].

Таджикские мигранты во время работы в России сталкиваются с теми же трудностями, что и местное население в периоды кризисных явлений в экономике, а также в период современной пандемии COVID-19. Снижение

мировых цен на нефть и антироссийские санкции, вызванные событиями 2014 г. на Украине и вхождением Крыма в состав России, привели к обвалу курса рубля в конце 2014 г. Из-за ослабления курса рубля и сокращения масштабов производства трудовые мигранты из Таджикистана частично уехали из России, как обратно на родину, так и в третьи страны в поисках более высокого заработка. В этот период ЦБ РФ зафиксировал очередное падение объемов денежных переводов мигрантов. Главной причиной в этом случае явилось как раз падение курса российского рубля: если в рублевом эквиваленте суммы оставались примерно такими же, то в долларовом – падение составило до 40%. По данным платежной системы «Western Union», в ноябре 2014 г. было зафиксировано общее снижение сумм переводов в страны СНГ на 35% к октябрю этого же года, и на 50% - к августу. Столь существенное падение объемов денежных переводов стало ударом для экономики Таджикистана, в которой денежные переводы мигрантов играют столь высокую роль [3].

Пандемия COVID-19 также оказывает существенное влияние на ситуацию с масштабами трудовой миграции из Таджикистана в Россию и объемами денежных переводов. В весенний период традиционно происходила активизация процессов трудовой миграции, на заработки в Россию после периода зимнего затишья приезжали мигранты из стран Центральной Азии, в том числе – и таджикские трудовые мигранты. В результате введения в России режима самоизоляции с конца марта текущего года, произошло сжатие российского рынка труда, многие трудовые мигранты лишились заработков, либо были отправлены в неоплачиваемые отпуска. Часть мигрантов попытались покинуть Россию и вернуться в свои страны происхождения, однако далеко не всем это удалось сделать, так как Россия закрыла свои воздушные границы. Многие потенциальные трудовые мигранты по той же причине не могли въехать в Россию. Предсказать, какими будут последствия этой ситуации для Таджикистана и других стран, экономика которых сильно зависит от денежных переводов мигрантов, довольно таки сложно, однако понятно – это влияние будет практически шоковым и длительным по времени, поскольку период выхода из карантинных мер и восстановления экономики, по всей видимости, растянется на месяцы.

Несмотря на санкции экономические со стороны запада по отношению к России, падение курса рубля, жесткость миграционной политики, Россия все равно сохраняет привлекательность для таджикских трудовых мигрантов. Отсутствие языкового барьера, отсутствие необходимости получения визы, общность менталитета, перспективы получения гражданства являются преимуществами России. Россия является самым крупным «донором»

денежных переводов таджикских мигрантов, значительная часть валового внутреннего продукта за счет чего и формируется.

Список литературы

1. Данные Всемирного Банка. Режим доступа: <https://databank.worldbank.org>.
2. Рязанцев С.В. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса. 31.08.2016. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/>.
3. Дубов Г. Всемирный банк сообщил о рекордном объеме переведенных мигрантами средств. 09.04.2019. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2019/5cab3569a794703bec9306e>.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ВКЛАД ЭМИГРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЕ ИРАНА

CONTRIBUTION OF EMIGRATION TO SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF IRAN

Афзали Мехди

*Институт демографических исследований – обособленное
подразделение Федерального научно-исследовательского социологического
центра РАН,
г. Москва*

Afzali Mehdi

*The Institute for Demographic Studies –
separate division of the Federal Research Sociological Centre of the RAS,
Moscow*

Эмиграция из Ирана является следствием социоэкономических трудностей. Управление эмиграцией требует от Ирана поиска и внедрения новых инструментов, направленных на улучшение отношений между иранскими диаспорами и родиной, привлечение представителей диаспоры к социально-экономическому развитию страны, поощрение инвестиций и стимулирование временной и постоянной возвратной миграции, удержание потенциальных эмигрантов в стране.

Emigration from Iran is taking place due to socio-economic difficulties. Managing emigration requires Iran to find and implement new tools to improve relations between the Iranian diaspora and the homeland, to involve representatives of the diaspora in the country's socio-economic development, to encourage

investment and encourage temporary and permanent return migration and to retain potential emigrants in the country.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, утечка умов, беженцы, лица, ищущие убежища, денежные переводы, академическая мобильность, Иран

Keywords: migration, emigration, brain drain, refugees, asylum seekers, money transfers, academic mobility, Iran

Беженцы и просители убежища: В 2018 г. Управление Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев (УВКБ) сообщило, что Иран занимал третье место после Сирии и Ирака по численности соискателей убежища в мире: более 35 тыс. иранцев подали ходатайства о предоставлении убежища и более 87 тыс. иранцев ожидали решения о предоставлении убежища в разных странах мира. Численность иранских беженцев в 2018 г. составляла более 129 тыс. человек, возросла почти в 3 раза по сравнению с 1990 г. Например, прибывшие в Германию из общего числа беженцев, (1,1 млн.), иранцы составили 41 тыс. и занимали четвертое место после Ирака, Афганистана и Сирии. Около 9 тыс. иранцев были зарегистрированы в качестве беженцев в Турции, 3-ье место среди групп беженцев после Сирии и Ирака [1].

В Иране утечка мозгов является серьезной проблемой. Образованные и хорошо подготовленные люди покидают страну, в результате страна несет большие экономические и людские потери. Происходит эмиграция студентов, квалифицированных и высококвалифицированных специалистов. В разных источниках циркулируют разные цифры без детализации, а порой без указания источников происхождения. Например, в отчете Национального элитного фонда Исламской Республики Иран (2019) утверждается, что с 1999 по 2017 гг. число студентов, покинувших страну, составило 2% от всего контингента студентов в Иране [2].

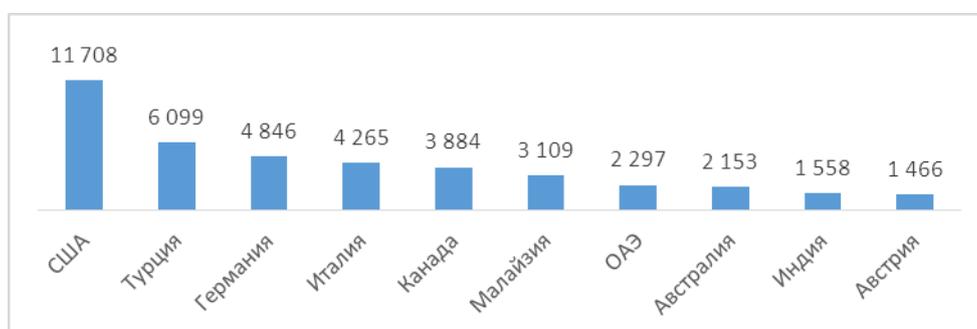

Рис. 1. Основные страны обучения студентов из Ирана в 2017 г., человек

По нашим расчетам, расходы на обучение одного человека от школы до аспирантуры включительно в Иране составляют около 110 млрд. иранских риалов [4], или почти 600 тыс. долларов*. Уровень эмиграции высококвалифицированных специалистов в разных источниках оценивается в 150-180 тыс. человек в год [5]. На основе авторской методики рассчитано, что потери Ирана в результате «утечки умов» в денежном выражении составляют от 24 до 108 млрд. долл. США ежегодно. В отношении к ВВП Ирана потери составили от 5.3% до 24% (2010-2019 гг.) к общему объему прямых иностранных инвестиций – около 42% (2019 г.), в 20 раз превышали доходы от продажи нефти (около 1,1 млрд. долл. США) (2019 г.).

Факторы эмиграции: Ключевым фактором эмиграции из Ирана является неполная занятость населения в сочетании с молодой возрастной структурой. В 2018 г. доля экономически активного населения в Иране составляет около 41% населения страны. Численность работающих достигала в 2018 г. около 23,8 млн. человек, что на 756 тыс. человек больше, чем в предыдущем году. В 2018 г. исследование безработицы, проведенное Статистическим центром Ирана, выявило, что 12% экономически активного населения страны были безработными. Уровень безработицы среди молодежи в возрасте от 15 до 29 лет составляет 25.5%. Уровень безработицы существенно влиял на эмиграционные настроения трудоспособного населения и молодежи Ирана.

Однако не только безработица является причиной трудовой эмиграции из Ирана. Важную роль играло и падение курса национальной валюты. На рис. 2 отражена динамика обменного официального курса иранского риала, объявленного Центральным банком Ирана, и рыночного курса в 2010-2020 гг. Начиная с 2009 г., одновременно с началом второго срока президентства Махмуда Ахмадинежада, началось обесценивание иранского риала, которое продолжается до сих пор. Параллельно с неуклонным снижением курса национальной валюты в Иране растет безработица, отмечается отток рабочих и специалистов в соседние страны.

На рис. 3 отражено изменение минимальной месячной зарплаты иранских рабочих с 3 030 тыс. в 2010 г. до 18 350 тыс. иранских риалов в 2020 г. Ежегодно минимальная зарплата в Иране увеличивалась от 9% до 36%. В зависимости от курса валюты это составляло в 2020 г. по официальному курсу 400 долл. в месяц, а по рыночному – около 100 долл. в месяц.

* Правительственный доллар составляет 42 000 риалов, а рыночная цена доллара составляет 150 000 риалов.

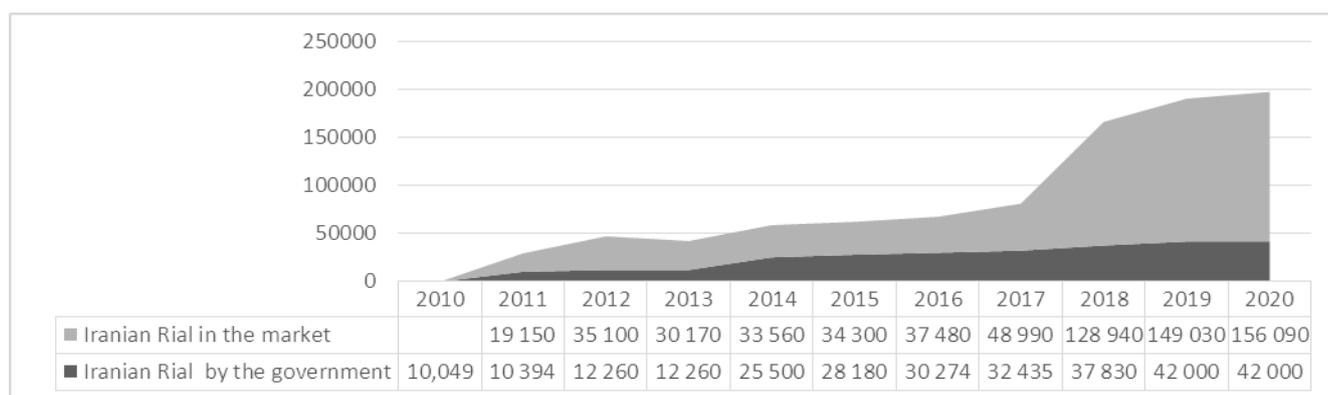

Рис. 2. Изменение курса иранского риала по рыночной и официальному курсу по отношению к доллару США в 2010-2020 гг. (на начало соответствующего года)

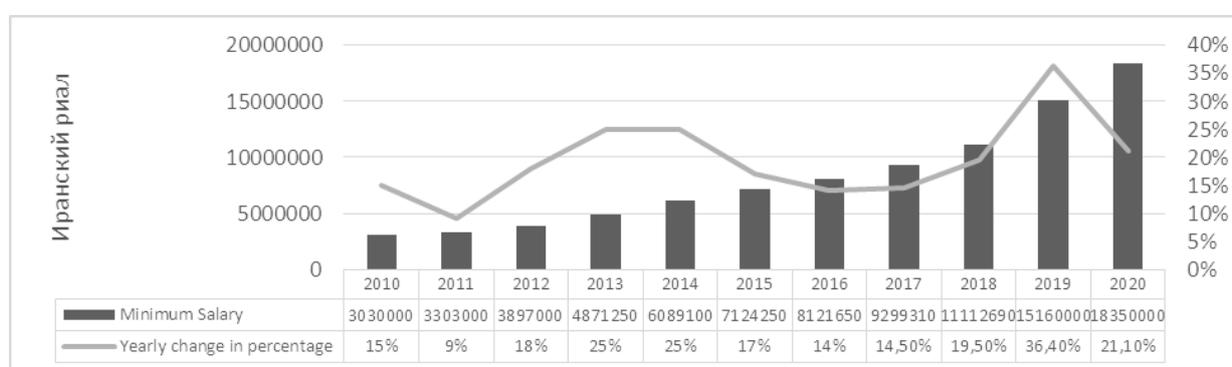

Рис. 3. Минимальная зарплата и годовое изменение минимальной зарплат в Иране в 2010-2019 гг. (на начало соответствующего года)

У многих людей в Иране средства для эмиграции достаточно ограничены. В этой связи большинство иранцев пытаются сократить издержки и риски эмиграции и отправляются в мусульманские страны с развитыми социальными сетями. Например, большинство иранских рабочих в странах Персидского залива работают в компаниях, принадлежащих членам их семей или представителям иранской диаспоры.

Другой миграционной практикой является выезд иранских рабочих с месячной туристической визой в соседние регионы и государства (например, Иракский Курдистан). После 28 дней работы они возвращаются домой и, как правило, после недели отдыха уезжают снова на работу за границу [8]. Выпускники иранских университетов работают в Иракском Курдистане из-за невозможности найти работу в Иране и зарабатывают около 25 долларов в день. Это примерно в три раза больше, чем они могли бы получить в Иране. Аналогично иранские профессора, имеющие связи с иракцами, также предпочитают работать в Ираке, потому что они получают более высокую зарплату [9].

Влияние денежных переводов эмигрантов на иранскую экономику. Сумма денежных переводов, полученных Ираном, почти в пять раз превышает сумму отправленных денежных переводов из Ирана. Баланс денежных переводов в Иране является положительным: в 2017 г. он составил 1 082 млн. долл. США и увеличился на 200 млн. долл. США по сравнению с 2010 г. Хотя денежные переводы увеличились с 1 181 млн. долл. в 2010 г. до 1 378 млн. долл. в 2017 г., доля денежных переводов в процентном отношении к ВВП за последние несколько лет практически не изменилась (0.24% в 2010 г. до 0.32% в 2017 г) (рис. 4).

Рис. 4. Объемы и доля денежных переводов в ВВП Ирана в 1993-2017 гг.

Специфика Ирана в том, что официальные методы денежных переводов недоступны: такие поставщики услуг как Western Union, MoneyGram, Money Express не работают в стране, карты Master и Visa не используются в финансовых операциях на рынке Ирана из-за санкций. Таким образом, основные услуги, доступные для иранских граждан, через неофициальные методы и через систему социальных сетей (“хавала”). Выявлены новые механизмы осуществления денежных переводов иранскими эмигрантами-предпринимателями на основе разницы официального (42 тыс.) и рыночного (156 тыс.) курсов доллара в Иране при обслуживании импорта товаров через систему “хавала”. Так, некоторые иранские эмигранты открывают взаимосвязанные торговые компании в Иране и за границей, получают “субсидированные” государством доллары для импорта необходимых товаров в Иран, переводят доллары в свои компании за рубежом, там продают их другим гражданам Ирана (например, студентам) по рыночной цене через систему “хавала” (родители в Иране платят по рыночному курсу за “субсидированный доллар”).

Роль иранской диаспоры в социально-экономическом развитии Ирана: Связь диаспоры с родиной всегда была сложной и противоречивой, а деятельность иранской диаспоры всегда была молчаливой и незаметной. Зачастую из-за негативного отношения к образу Ирана в мире многие иранцы

пытаются представить себя не как иранцы, а как жители принимающей страны [11].

Значительная часть иранской диаспоры включает тех, кто находится в изгнании. Из-за политической, экономической и социальной ситуации в Иране иранские граждане за рубежом не могут использовать свои гражданские возможности, поэтому в большинстве случаев их отношение к правительству Ирана основано на гневе и ненависти. Зачастую значительная часть иранской диаспоры находится в антагонизме с правительством Ирана. В исследовании, проведенном Ronen A. Cohen и Vosmat Yefet (2019) [12], отношение иранцев к иранскому режиму считается негативным, а те, кто уехал во время революции или чуть позже, имеют наиболее негативное отношение к режиму. Многие представители диаспоры считают, что они могут вернуться на родину, только при смене политического режима в Иране.

Основными каналами взаимодействия иранской диаспоры с родиной в настоящее время стал интернет. Многие люди поддерживают связи с помощью смартфонов через социальные сети и приложения (Telegram, WhatsApp, Facebook и т.д.). При этом многие организации, которые даже выступают против политического режима, имеют разные каналы в Facebook или Telegram и объявляют о своей деятельности через эти каналы. Хотя многие из этих приложений фильтруются правительством Ирана, они до сих пор остаются самыми популярными, и находятся способы их неофициального использования. Традиционным способом связи между диаспорами и родиной являются спутниковые каналы: более 300 иранских каналов вещают на разных спутниковых частотах (Manoto TV, GEM TV, PMC) [13]. Власти Ирана считают, что большинство каналов настроено против политического режима, способствуют вестернизации страны и опасно для иранского общества. С другой стороны, многие каналы, расположенные в Иране, вещают на спутниковых частотах для иранцев за рубежом. Хотя иранские власти время от времени пытаются убирать спутниковые тарелки с домов, штрафует людей, даже приговаривают к тюремному заключению, количество пользователей спутникового телевидения в Иране увеличивается с каждым годом.

Персидская культура играет важную роль в жизни иранских диаспор. Большинство иранских эмигрантов считают, что у них очень сильная связь с персидской культурой, и они учат своих детей персидскому языку, считают, что их дети должны иметь сочетание персидского и западного образования. Но при этом большинство иранских мигрантов не верят в религию или считают себя либералами или атеистами, и лишь небольшой процент считают, что они традиционно верят в религию.

Вывод. Для достижения положительных эффектов от эмиграции требуется разработать новые и модернизировать существующие инструменты усиления вклада эмигрантов в развитие иранского общества на основе доверия между эмигрантами и иранским государством с учетом современной социально-экономической и политической обстановки в стране.

Список литературы

1. UNHCR/ Global trends, forced displacement in 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unhcr.org/5d08d7ee7.pdf>.
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bmn.ir/fa-ir/news/news/98904/> نگاهى-به-مهاجرت-دانشجویان-ایرانی-به-خارج-از-کشور
3. UNESCO's Institute for Statistics (UIS) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>.
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.irna.ir/news/83227467/11> - میلیاردها تومان-خسارت-خروج-هر-نخبه-از-کشور
5. Payvand (2001), "220,000 academics leave Iran in one year, brain drain rising – Moin warns", May 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.payvand.com/news/01/may/1010.html.
6. Central Bank of Iran [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.cbi.ir/exrates/rates_fa.aspx, Gold, Coin and Currency Information Network [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tgju.org/chart/price_dollar_rl/2.
7. Ministry of Cooperative Labor and Social Welfare of Iran [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.mcls.gov.ir/>.
8. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.ilna.news/> بخش-کارگری-791892/9-کارگران-ایرانی-برای-روزی-هزار-تومان-به-کردستان-عراق-می-روند-مهاجران-در-سلیمانیه-اربیل-چطور-روزگار-می-گذرانند
9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://farsi.alarabiya.net/fa/iran/2019/12/30/> - افزایش-مهاجرت-کارگران-ایرانی-به-کشورهای-همسایه-این-بار-اقليم-کردستان-عراق
10. World Bank Data Statistics [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=IR>.
11. McAuliffe, C. 2016. "Unsettling the Iranian Diaspora: Nation, Religion and the Conditions of Exile." In Identity and Exile: The Iranian Diaspora Between Solidarity and Difference, edited by R. Mohabbat-Kar, 32–46. Berlin: Heinrich Büll Foundation.
12. Ronen A. Cohen & Bosmat Yefet (2019): The Iranian diaspora and the homeland: redefining the role of a centre, Journal of Ethnic and Migration Studies, DOI: 10.1080/1369183X.2019.1605893.
13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yjc.ir/fa/news/6919294/> - رمزگشایی-از-پشت-پرده-سیاست-۸-تلویزیون-ماهورهای-ضدایرانی-صدای-وزارت-جنگ-آمریکا

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ВЕТЕРАНОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ***

**TRANSFORMATION OF THE SOCIAL STATUS OF VETERANS OF THE
GREAT PATRIOTIC WAR IN MODERN SOCIO-CULTURAL CONDITION**

Д.А. Бистяйкина, Е.Г. Панькова, Т.В. Соловьева
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
г. Саранск*

D.A. Bistyaykina, E.G. Pankova, T.V. Solovieva
*Ogarev Mordovia State University,
Saransk*

Выявлены социальные, экономические, политические, культурные факторы, влияющие на трансформацию социального статуса ветеранов Великой Отечественной войны. Показана взаимозависимость социального статуса ветеранов войны и проводимой социальной политики государства в отношении них.

The article reveals social, economic, political, cultural factors influencing the transformation of the social status of veterans of the Great Patriotic War. The interdependence of the social status of war veterans and the state's social policy towards them is shown. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Mordovia within the framework of the project "Transforming the social well-being of war veterans in the context of Russian transformations at the regional level".

Ключевые слова: ветераны Великой Отечественной войны, социальный статус, трансформация, социальная политика, социальная защита, семья, социальное самочувствие, социальные службы, некоммерческие организации

Keywords: veterans of the Great Patriotic War, social status, transformation, social policy, social protection, family, social well-being, social services, non-profit organizations

Ветераны Великой Отечественной войны – особая категория общества, которую по праву называют «совестью России, кладезем мудрости, бесценного жизненного и профессионального опыта». Современные социокультурные условия развития нашей страны отличаются неустойчивостью, изменением жизненных условий всех слоев населения страны. Кроме того, нестабильная внешнеполитическая ситуация, когда подменяются человеческие ценности, влияют на статус ветеранов Великой Отечественной войны. 2020 г. –

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Республики Мордовия в рамках реализации проекта «Трансформации социального самочувствия ветеранов войны в условиях российских преобразований на региональном уровне».

юбилейный год в истории России, год 75-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне. Учитывая все вышеизложенное, осмысление статуса ветеранов Великой Отечественной войны в современных социокультурных условиях представляется актуальным.

Социальный статус человека существенно зависит от положения в социальной системе, определенных материальных и духовных ценностей, существующих в обществе, и характеризуется экономическими, социальными и естественными признаками – возраст, пол, образ жизни, семейное положение, материальный доход, состояние здоровья, уровень воспитания и духовной культуры и иных социальных и психологических факторов. Жизнь человека от рождения до смерти подчинена социальным нормам, правилам и ценностям, которые предписывают, как следует вести себя в обществе, как строить свою жизнь, регулируют поведение человека и определяют его социальный статус. На протяжении всей истории нашей страны социальный статус ветеранов Великой Отечественной войны менялся в зависимости от социокультурных, экономических, политических условий.

В военное время социальный статус определялся в первую очередь боевыми заслугами, званием, родом профессиональной деятельности. На формирование социального статуса влияет комплекс социально-экономических и социально-правовых мер. Закономерна обусловленность: чем выше социальный статус, тем выше уровень социальной защищенности. Так, впервые на государственном уровне была сформирована система материально-бытового обеспечения инвалидов войны, приобщение их к общественно полезному труду, возвращение к посильной трудовой деятельности. *Например, к концу 1943 года было трудоустроено или направлено на профильное обучение более 440 тыс. чел.*

Кроме того, о достаточно высоком социальном статусе участников и инвалидов войны в военное время свидетельствует комплекс сохраненных с довоенного времени льгот и пособий, в том числе пенсионное обеспечение инвалидов войны, семей погибших участников войны. Следует отметить, что социальный статус инвалидов войны был относительно устойчивым из-за предоставления им ряда льгот: например, работающим инвалидам сохранялась пенсия, они были первыми в очереди на получение жилья. Во время войны многие категории рабочих и служащих работали непосредственно в районах военных действий, и на них распространялись нормы пенсионного обеспечения, установленные для военнослужащих.

Сохранение социального статуса участников и инвалидов войны в военное время обеспечивали государственные учреждения в форме комитетов помощи раненым и больным фронтовикам и профсоюзные организации. *Так,*

например, комитеты помощи раненым и больным фронтовикам вели на постоянной основе мониторинг социального состояния инвалидов войны, в том числе жилищно-бытовое обеспечение, возможность трудоустройства, медицинское обслуживание. Комитет в целом поддерживал инвалидов в военное время, оказывая им элементарную поддержку и заботу.

Не менее значимым социальным статусом в военное время обладали семьи участников войны. В Республике Мордовии была открыта детская столовая для детей из семей фронтовиков.

Таким образом, социальный статус участников войны в этот период определялся не только военным положением, но и социальной политикой советского государства, которая, в первую очередь, была направлена на восстановление трудовой функции военнослужащих и социальную поддержку семей фронтовиков.

В первые послевоенные годы изменяется положение участников Великой Отечественной войны, меняется их функция в советском обществе, укрепляется их социальный статус, что связано, в первую очередь, с восстановлением страны в послевоенное время. Важно подчеркнуть, что участники войны в это время чувствовали свою нужность и полезность. Кроме того, совершенствовался механизм социальной политики советского государства в отношении участников и инвалидов войны.

Ведущим в поддержании социального статуса ветеранов войны в послевоенный период являлось пенсионное обеспечение. Законом «О государственных пенсиях» 1956 г. определялось процентное соотношение повышения размера пенсий инвалидам Великой Отечественной войны, при котором учитывалась группа инвалидности. Позже был расширен список льгот инвалидам Великой Отечественной войны и семьям погибших военнослужащих, предусматривающих улучшение материально-бытового обслуживания, лекарственного обеспечения, санаторно-курортное лечения. В это же время вводятся новые нормы пенсионного обеспечения (Постановление Совета Министров СССР от 26 марта 1965 № 392 «О расширении льгот инвалидам Отечественной войны и членам семей военнослужащих, погибших в Великую Отечественную войну», Постановление ЦК КПСС и Советов Министров СССР от 18 апреля 1975 № 304 «О дополнительных льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих», Постановление Советов Министров СССР от 26 июля 1984 № 812 «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих»).

В послевоенное и мирное время социальный статус ветеранов Великой Отечественной войны был по-прежнему значимым. Совершенствовались

механизмы их социального обеспечения, отличавшегося системностью в его организации.

Анализируя трансформацию социального статуса ветеранов Великой Отечественной войны в 90-е годы XX века, необходимо отметить, что в это время он был достаточно низким. О ветеранах вспоминали лишь в преддверии государственных праздников. В этот период происходит девальвация их социального статуса, памяти Великой Отечественной войны, деградация социальной системы общества. Распад государства только усугубил социальное положение ветеранов, существенно снизив уровень их жизни. Несмотря на формирование новой политической системы, предоставившую свободу и гласность, ветераны Великой Отечественной войны не участвовали в исторических дебатах и обновлении историографии.

В первые годы становления нового государства социальная поддержка ветеранов не была его приоритетной задачей. Середина 1990-начало 2000 гг. характеризуются существенными изменениями в социальной сфере, в системе социальной защиты, пенсионном обеспечении: вводятся принципы государственной помощи. После всех потрясений конца 1980-х-начала 1990-х годов социальный статус ветеранов Великой Отечественной войны постепенно укрепляется – забота о них непосредственно возлагается на государство. В год 50-летия Победы начинается работа по восстановлению социального статуса ветеранов войн. В 1995 г. систематизация всех действующих в тот момент нормативных правовых документов в сфере социальной защиты ветеранов войны позволила создать единую систему организационных, экономических и правовых основ социальной защиты ветеранов в России, что, соответственно, существенно повлияло на их социальный статус. В это время принимается один из наиболее важных законодательных документов, формирующих социальный статус ветеранов войны, Федеральный закон от 12 января 1995 г. №5 «О ветеранах». Закон впервые определяет круг лиц, на которые распространяется его действие, подробно прописывает их права и предоставляемые гарантии. Важно подчеркнуть, что в основу данного закона был положен принцип дифференцированного подхода к ветеранам войны с учетом заслуг при защите Отечества, характером военной или государственной службы, продолжительностью трудовой деятельности.

Реализация закрепленных прав осуществляется на основании большого массива нормативных актов, принятых во исполнение положений закона, отражая динамику общественного сознания в отношении ветеранов, проводимые государством социальные реформы, что существенно способствовало укреплению социального статуса ветеранов войны.

В настоящее время социальный статус ветеранов Великой Отечественной войны характеризуется относительной устойчивостью. По оценкам социологических исследований [1-3], официальным данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, сегодня обеспечиваются достойные условия жизни ветеранов, поддерживается их активное долголетие путем материального обеспечения и социальной поддержки.

Основными субъектами поддержания социального статуса ветеранов войны в современной России выступают как государственные социальные организации, так и некоммерческие и волонтерские организации. Причем, важно заметить, что структура системы социальной защиты ветеранов остается открытой. В процесс своего функционирования она постоянно пополняется новыми элементами.

Таким образом, трансформация социального статуса ветеранов Великой Отечественной войны имеет свою закономерность, обусловленную социокультурным развитием нашей страны, зависит от комплекса экономических, политических, социальных, культурных факторов.

Ветераны Великой Отечественной войны уже давно стали символом патриотизма и гражданской воли, на чьем примере воспитано не одно поколение. Однако так сложилось, что внимание и почести им оказывают, к сожалению, в основном в связи с юбилейными датами и зачастую декларативно. Несмотря на оказываемую ветеранам помощь, тенденция реального ее сокращения в условиях нынешнего кризиса вызывает тревогу. Нельзя забывать, что ветераны – не просто люди старшего поколения, нуждающиеся в материальной поддержке, но люди – носители исторической памяти народа, которых с каждым годом остается с нами все меньше.

Список литературы

1. Бистяйкина Д.А. Программно-целевой подход как форма социальной поддержки ветеранов Великой Отечественной войны в регионе / Д.А. Бистяйкина, А.С. Палибина, Т.В. Соловьева // Дискуссия. 2019. № 1. С. 6–12.
2. Бурцева А.Д., Соколова Е.Т. Поддержка ветеранов Великой Отечественной войны в современном мире // Colloquium-journal. 2019. № 14-7. С. 34–35.
3. Соловьева Т.В. Анализ деятельности субъектов социальной защиты ветеранов по улучшению их социального самочувствия в России и Республики Мордовия / Т.В. Соловьева, Д.А. Бистяйкина, Е.Г. Панькова // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 1. С. 47–52.

**ИНСТИТУЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ИЗМЕНЕНИЯ ПАРТНЁРСКИХ ПРАКТИК
INSTITUTIONALIZED INTERACTION IN THE SOCIAL SPHERE:
CHANGES OF PARTNERSHIP PRACTICES**

О.А. Бодрова
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва*
O.A. Bodrova
Higher School of Economics, Moscow

Анализируется современный российский опыт институциализированного взаимодействия в социальной сфере. Определяются актуальные рамки понятия «социальное партнёрство»; уточняются принципы и изменения форм социально ориентированной деятельности, основанной на объединении ресурсов разных секторов: некоммерческих организаций, коммерческих предприятий, органов власти государственных, региональных и муниципальных уровней.

Contemporary Russian experience of institutionalized interaction in the social sphere is under analysis in the article. We try to define actual frames of the term “social partnership”; to clarify principles and changes of socially oriented activity forms, based on combining resources of different sectors: nongovernmental organizations, commercial firms, authorities of federal, regional and local levels.

Ключевые слова: партнёрство, социальная сфера, институты
Keywords: partnership, social sphere, institutions

Термин «социальное партнёрство» в обозначения характера межсекторного взаимодействия в социальной сфере пришёл из области труда [1, с. 88]. К настоящему времени и сам терминологический аппарат, и институциональные практики социального партнерства в России претерпели некоторые изменения.

«Межсекторное социальное партнёрство» – именно в такой формулировке термин впервые прозвучал в 1994 г. на семинарах «АЙРЕКС» в Томске и Иркутске. Обсуждалась концепция взаимодействия власти, общества и бизнеса в решении социальных проблем [2, с. 5]. С 1998 г. в рамках поиска моделей взаимодействия органов власти и некоммерческих организаций начинает работу совместный проект Правительства Москвы и программы развития ООН «Социальное партнёрство» [3]. С 2002 г. термин «межсекторное социальное партнёрство» начал отражаться в текстах государственных докладов и фигурировать в нормативно-правовых актах регионального значения (Свердловская область и другие).

В наши дни прочно закрепилось понятие «межсекторное социальное партнёрство». В работах С.А. Иванова [4, с. 99], Н.Л. Хананашвили и В.Н. Якимца [5, с. 13], других исследователей имеются сходные описания социального взаимодействия, которое своими характеристиками соответствует критериям партнёрства: объединение его субъектами усилий для достижения целей, взаимный учёт интересов, договорность, консенсус, ответственность и соблюдение установленных прав, рациональность, нацеленность на достижение взаимовыгодных результатов и развитие, взаимопомощь и поддержка. Формулировка «социальное партнёрство» нами используется для описания межсекторных связей в социальной сфере, стороны которых «ориентированы на поиск зон согласия и выгоды»: общественно-государственных, государственно-частных и общественно-частных.

Анализ автором объектов социального партнерства, отраженных в региональных нормативных актах, показал, что в действительности число носителей его интересов шире, чем только работники и работодатели. В частности, объектом партнерства в законодательных актах ряда субъектов Российской Федерации указаны вопросы «обеспечения занятости населения и развития рынка труда» (Ярославская область), «бюджетной, налоговой, ценовой политики и приватизации» (Челябинская область), «обеспечения социальной стабильности» (Магаданская область), «улучшения социально-экономического положения региона» (Астраханская область), «совершенствования социально-экономической защиты жителей области» (Читинская область), «обеспечения стабильности общества на основе объективного учета интересов всех его слоев» (Республика Карелия) и так далее.

Сегодняшние нормативно-правовые акты подтверждают развитие партнёрской составляющей в отношениях между государством и обществом, государством и бизнесом, обществом и бизнесом. Например, это прослеживается в федеральном законе о государственно-частном партнёрстве [6].

Проведённый автором анализ нормативно-правовых актов разного уровня информационно-правовой системы «Гарант» [7] показал, что подавляющее большинство упоминаний социального партнёрства по-прежнему обнаруживается в документах из сферы труда. Формулировка «межсекторное социальное партнёрство» встречается 44 раза в таких контекстах, как повышение эффективности работы органов местного самоуправления, развитие поисковых работ, профориентация, социальное обслуживание семей и детей, социальный заказ, здравоохранение, развитие гражданского общества, повышение качества жизни, поддержка социально ориентированных НКО, социально-экономическое развитие региона, города, района и тому подобное.

В ходе исследований нормативно-правовых актов, проведенных в 2009-2010 и 2016-2017 годах Некоммерческим партнерством «Юристы за гражданское общество» [8], были выделены следующие документально детерминированные формы межсекторного социального партнёрства: фонды местных сообществ; социальный заказ; гранты и субсидии на социально ориентированные проекты; налоговые льготы некоммерческим общественным и благотворительным организациям; налоговые льготы коммерческим организациям–донорам; общественные палаты; поддержка развития социального предпринимательства на уровне региональных и местных программ и другие.

Очевидно, что перечисленные формы партнёрства отражают определённую последовательность и сочетание методов решения проблем в социальной сфере, в том числе путём контактов между различными институтами [9, с. 31].

Выводы исследователей из организации «Юристы за гражданское общество» и собственная нормативная рефлексия позволяют охарактеризовать текущий этап развития межсекторного социального партнёрства как его институциональное закрепление в российском социуме на федеральном, региональном и местном уровнях, социально-экономическую интенсификацию и технологизацию соответствующих отношений. Так, ассигнования федерального бюджета на поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) были увеличены в реальном выражении на 13.7%, с 10,3 млрд. рублей в 2017 г. до 12,2 млрд. рублей в 2018 г. Отмечается увеличение количества СОНКО, получивших финансовую поддержку в 2018 г., до 3804 (в 2017 г. – 3657), за год количество получателей поддержки выросло на 4% [10]. Только за первое полугодие 2020 г. финансовую поддержку Фонда президентских грантов получили 2017 некоммерческих организаций России) [11]. В цифровой среде возникают сервисы на основе сайтов в сети интернет, ориентированные на информационные и просветительские потребности конкретных социальных групп из разряда социально уязвимых (например, людей с инвалидностью), которые, в том числе, объединяют на своих страницах усилия государственных и общественных институтов по социальной защите граждан. Частные благотворительные фонды, существующие исключительно на средства от предпринимательской деятельности своих владельцев, всё чаще объявляют конкурсы грантовой финансовой поддержки для НКО, сделав такую практику интенсивной и регулярной. Например, Фонд Потанина, вкладывающий свои усилия в поддержку устойчивости российских некоммерческих организаций, в 2020 г. объявляет конкурсы и подводит их итоги каждый месяц [12].

Представленный анализ позволяет утверждать, что границы современного понятия партнёрства в социальной сфере очерчены рамками межсекторного социального партнёрства и задаются соответствующими формами взаимодействия российских институтов, практики которого давно выходят за пределы сферы труда. Разнообразие таких форм обусловлено нормативно.

Внутри законодательных рамок субъекты партнёрского взаимодействия в социальной сфере находят определённую свободу в выборе подходов к решению социально значимых вопросов. Сегодня в их арсенале имеются правовые, политические, экономические и другие инструменты.

Трансформация практик взаимодействия институтов в современной российской социальной сфере направлена на увеличение числа сторон-участников, полиморфизм, сегментацию как поставщиков, так и потребителей социальных услуг, цифровизацию.

Главными для российских партнёров в социальной сфере в 2020 г. остаются приоритеты социального государства. Взаимодействие в социальной сфере субъектов разной институциональной принадлежности осуществляется по-прежнему при сохранении принципов конструктивного взаимодействия на основе действующих правовых норм, объединения ценностей, целей и ресурсов.

Список литературы

1. Генг В.А., Андреева А.В. Мировая практика социального партнёрства в трудовой сфере: история становления // Вестник Тверского государственного университета. Серия Экономика и управление. 2014. Т.4.1. С. 88–94.
2. Якимец В.Н. Социальное партнерство в России: исследования, механизмы, опыт // Социальное партнерство. Российский опыт. Год 2000. СПб.: Интерлэнт, 2001, С. 30–72.
3. Агентство социальной информации // Еженедельный информационный выпуск. 1998. № 36 (197). URL: <http://www.friends-partners.org/ccsi/asi/1998/russian/asi36.htm> (Дата обращения: 20.04.2020).
4. Иванов С.А. Социальное партнерство как феномен цивилизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. т. 8, № 3. С. 79–99.
5. Хананашвили Н.Л., Якимец В.Н. Межсекторные взаимодействия в России. М.: Фонд НАН, 1999. 184 с.
6. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации / Федеральный закон от 13.07.2015 №224-ФЗ. // Интернет-портал правовой информации. 2020. URL: <http://pravo.gov.ru> (Дата обращения: 20.04.2020).

7. Информационно-правовая система «Гарант». 2020. URL: <http://ivo.garant.ru> (Дата обращения: 20.04.2020).
8. Некоммерческое партнёрство «Юристы за гражданское общество» // Отчёт по исследованию «Наличие нормативно закреплённых механизмов взаимодействия общества и власти в субъектах Российской Федерации». 2017. URL: http://lawcs.ru/nekommercheskoe-zakonodatelstvo/novosti-stati-issledovaniya/izmeneniya-zakonodatelstva/lawcs_2017.pdf (Дата обращения: 20.04.2020).
9. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России / под ред. Автономова А.С. М.: Фонд НАН, 2003. 416 с.
10. Министерство экономического развития РФ // Ежегодный доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций. 2019. URL: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/5042> (Дата обращения: 20.04.2020).
11. Фонд президентских грантов // Проекты. 2020. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards>. (Дата обращения: 20.04.2020).
12. Благотворительный Фонд Потанина // Наша деятельность. 2020. URL: <https://www.fondpotanin.ru/activity/> (Дата обращения: 20.04.2020).

**НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ИНФОРМИРОВАННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ: КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ
LOW LEVEL OF CONSUMER'S AWARENESS
OF SOCIAL SERVICES: CULTURAL REASONS**

П.В. Веселова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
P.V. Veselova
Lobachevsky University

Описаны факторы, снижающие уровень информированности семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья о социальных услугах.

The article describes factors that reduce the level of awareness of social services among families with children with disabilities.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, семья, социальные услуги, информированность, культурные факторы

Keywords: children with disabilities, family, social services, awareness and cultural factors

Тема любой инаковости длительное время замалчивалась в обществе. Общество не обладало ресурсами для взаимодействия с непохожим, нетипичным и не видело в этом взаимодействии ресурса для себя. По мере

развития гуманистических ценностей растет готовность общества взаимодействовать с людьми с ограниченными возможностями здоровья в общих пространствах, а не в специальных закрытых заведениях. В идеале активные социальные связи помогают людям с ОВЗ обнаруживать и использовать ресурсы социальной среды для поддержания и развития своей жизнедеятельности и самореализации. На практике эта ситуация, особенно если она касается детской инвалидности, отягощается множеством культурных факторов. Заболевание или инвалидность ребенка дестабилизирует социальное положение всей семьи: во-первых, родители вынуждены тратить значительные финансовые ресурсы на диагностику, лечение и реабилитацию; во-вторых, они подвергаются социальной эксклюзии из-за стереотипов, страхов, растерянности.

К клиентам детских социальных учреждений относятся дети-инвалиды, дети с ограниченными возможностями здоровья, дети, испытывающие трудности в социальной адаптации, и их семьи. О своей проблеме семья узнает в медицинском учреждении, задача которого поставить диагноз и предложить варианты лечения. Достаточной информацией о социальных услугах, различных форматах реабилитации, поддержки детей и родителей они не располагают. Таким образом, на самых первых этапах существования ребенка и семьи сосредоточивается в сфере медицины и практически абсолютно исключается из сферы социального. Родители не знают, в какие учреждения они имеют право обратиться и за какими услугами.

Большинство семей, столкнувшихся с проблемами в развитии детей, растеряны, нерешительны, боятся взаимодействовать с представителями социальных служб и обращаться за помощью.

Согласно стандартам социального обслуживания, семья с ребенком с нарушениями здоровья получает консультации различных специалистов, при необходимости проходит медико-социальную экспертизу – знакомится и общается со всеми службами, которые призваны оказывать поддержку и содействие в медицинской и социальной реабилитации ребенка, получает информацию о доступных услугах и льготах. Важным информационным подспорьем в выяснении своих прав и возможностей является Интернет. В действительности семья, столкнувшаяся с данной проблемой, не в состоянии собрать необходимую ей информацию, определить доступные ресурсы, эффективно взаимодействовать с социальными службами. Значимой причиной этих трудностей является стрессовая ситуация, но в дальнейшем ситуацию осложняет комплекс культурных факторов.

До сих пор и в больших городах, и тем более в малых населенных пунктах люди опасаются, избегают или даже проявляют агрессию по

отношению к семьям с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Родителей обвиняют в болезнях детей, подвергают сомнению их право на нормальную жизнь, поэтому родители избегают любых ситуаций обсуждения своих проблем, оценки их условий и состоятельности.

Стремление к реабилитации иногда фиксирует внимание родителей только на медицинских задачах, выводя из фокуса внимания инструменты социальной поддержки. В этом случае родители сосредотачиваются на взаимодействии с медицинскими организациями и не владеют информацией о социальных услугах.

Низкий уровень образования родителей, отсутствие навыка поиска и работы с информацией усиливают растерянность и чувство беспомощности. Обилие слухов и непроверенной информации усугубляет эту ситуацию, которая подкрепляется недоверием к чиновникам и низким уровнем квалификации специалистов социальной сферы. Часто семьи полагают, что, получая услуги в одном учреждении, они лишаются права обращаться в другие. Кроме того, существенным фактором низкого уровня информированности о социальных услугах является ужас перед сбором и оформлением всевозможных бумаг, документов и справок. Этот процесс может стать очень длительным и затратным, особенно для одиноких родителей, как правило, матерей.

В этой ситуации наибольшим доверием располагает информация, полученная от семей с такими же детьми. Сообщества, онлайн и оффлайн, созданные по виду заболевания, осуществляют эффективный обмен информацией о видах, местах и процедурах оформления услуг, новых лекарствах и методиках лечения. Данные сообщества вносят огромный вклад в поддержку своих членов, они делают видимыми в обществе проблемы, с которыми они сталкиваются, и выступают инициаторами их решения.

Семья, впервые столкнувшаяся с проблемами в развитии ребенка, находится в поиске их решения и нуждается в квалифицированной помощи. Задача сотрудников социальных служб состоит в социальной абилитации – необходимо научить семью жить в новых условиях. Источником всей информации для семьи должна быть первая организация, куда семья обращается за помощью. Стандартом оказания социальных услуг является комплексное сопровождение семьи – информирование, координация действий различных специалистов, конкретные услуги.

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К МИГРАНТАМ THE PROBLEM OF TOLERANCE TOWARDS MIGRANTS

А.А. Герасина

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль*

A.A. Gerasina

*Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,
Yaroslavl*

Приведены результаты исследования уровня толерантного отношения к иностранным мигрантам, рассмотренного через такие аспекты, как степень эмпатии, образ мигранта в общественном сознании и уровень социальной приемлемости.

The article describes the results of a research of the level of tolerance towards foreign migrants, examined through such aspects as the degree of empathy, the image of a migrant in public consciousness and the level of social acceptability.

Ключевые слова: миграция, толерантность, этническая толерантность, стратегии аккультурации

Keywords: migration, tolerance, ethnic tolerance, acculturation strategies

За последние несколько десятилетий миграционные процессы обрели масштабный характер и стали одной из главных причин социальных изменений. В связи с этим назревает исследовательский интерес изучения последствий данного явления на многие сферы общественной жизни. До сих пор ведутся споры о позитивном и негативном влиянии миграций на страны-реципиенты.

Как показывают социологические исследования, россияне чаще видят в миграциях деструктивное влияние на развитие страны и поддерживают политику ограничения въезда иммигрантов из-за рубежа [1]. При этом часто взаимодействие между принимающим обществом и мигрантами формируется на основе мифов, предрассудков и предубеждений, поэтому во избежание нарастания этнической напряженности в числе исследовательских проблем находится толерантное отношение принимающего населения к мигрантам, так как именно толерантность в отношениях людей, социальных и этнических групп является не только гуманитарной задачей, но и социально-преобразующей, экономически необходимой потребностью. [2, с. 3]

С целью выявления установок, формирующих толерантное/интолерантное отношение местных жителей к иностранным мигрантам, в мае 2020 г. было проведено пилотажное социологическое исследование методом анкетирования. В нем приняли участие жители

г. Ярославля. Объем выборки составил 40 человек (неслучайная, квотная выборка).

Анализ толерантного отношения производился по трем компонентам: эмоциональному, когнитивному и поведенческому.

В когнитивный компонент мы включили оценку роли мигрантов в развитии города. На вопрос, «Считаете ли Вы, что мигранты, в целом, способствуют развитию нашего региона?», 62% ответили отрицательно и 25% затруднились дать ответ. При этом выяснилось, что 47.5% опрошенных видят угрозу благополучию населения, связанную с приездом мигрантов в город. Вероятно, что на уровень воспринимаемой угрозы оказывает влияние и оценка респондентом изменения численности иностранных мигрантов. Иностранную миграцию как угрозу воспринимают, прежде всего, те, кто считает, что мигрантов в городе за последние пару лет стало больше ($r_s=0,497$; $\chi^2_{(df=4)}=10,747$, $p<0,05$). Кроме того, респонденты обеспокоены, что приезжие устанавливают свои порядки (45%) и повышают уровень преступности (32.5%).

Все это могло бы послужить формированию негативного к ним отношения, однако в портрете мигранта, по мнению респондентов, преобладают больше позитивные образы, чем негативные. Участники анкетирования согласны с тем, что мигрант – это, как правило, кормилец своей семьи (85%), предприимчивый и активный человек, который хочет улучшить свою жизнь (60%) и готов много работать (62.5%). Еще 65% не согласны с тем, что иммигрант – это неудачник, который не смог реализоваться в своей стране и в новом месте является ненужным человеком, только создающим лишние проблемы (50%). В ходе исследования также выяснилось, что на формирование стереотипов о мигрантах влияет уровень этнической толерантности респондента, измеренный в нашем исследовании по методике «Индекс толерантности» Г.У Солдатовой [3]. Индивиды с низким уровнем этнической толерантности намного реже соглашались с положительными утверждениями о мигрантах. Индивиды с высоким уровнем, напротив, выражают крайнюю степень несогласия с отрицательными характеристиками. Примечательно, что респонденты со средним уровнем этнотолерантности затрудняются дать определённый ответ. Это связано с тем, что таким людям важен контекст социальной ситуации, в соответствии с которым они проявляют толерантное или интолерантное отношение.

Анализ эмоционального компонента показал, что большинство респондентов (60-75%) порой испытывают то или иное чувство к мигрантам, причем независимо от того, позитивное оно (уважение, сочувствие) или негативное (раздражение, страх, неприязнь). Скорее всего, это говорит о том, что проявление уважения или раздражения к человеку жестко не

детерминировано тем, что он имеет статус мигранта, а связано с другими его личностными качествами, конкретной ситуацией или, как показывают исследования, с национальностью приезжего.

В поведенческом компоненте мы опирались на то, способен ли индивид вступать во взаимодействие с мигрантом другой национальности. Для этого мы использовали шкалу социальной дистанции Э. Богардуса и получили среднее значение по униполярной шкале – 3,7; по биполярной – -0,3. Что в интерпретации говорит об определенном уровне открытости, социальной приемлемости населения к мигрантам, готовности вступать с ними в близкие отношения (принять в качестве близкого родственника, друга, соседа или коллеги). Также было обнаружено, что чем выше уровень этнической толерантности индивида, тем меньшую дистанцию он избирает ($r_s = -0,591$; $\chi^2_{(df=12)} = 38,977$; $p < 0,001$).

Важно было узнать, какую стратегию аккультурации мигрантов выбирает население [4]. Мы обнаружили, что стратегия исключения, которая заключается в создании для мигрантов отдельных изолированных поселений, является наименее популярной (5%). А выбор мультикультурализма и «плавильного котла» разделены почти поровну с небольшим перевесом в сторону мультикультурализма (52,5% и 42,5% соответственно). Это означает, что все же население готово принимать мигрантов в городскую среду, но вопрос заключается в том, как должны меняться сами мигранты: сохранять свои культурные и национальные особенности (мультикультурализм) или, напротив, становиться как можно более похожими на местных («плавильный котел»).

С одной стороны, респонденты выражают открытость к иностранным мигрантам, с другой – ощущают опасность, связанную с внешней иммиграцией. Кроме того, значительная часть опрошенных склонна проявлять толерантное или интолерантное отношение в зависимости от конкретных обстоятельств. Мы можем утверждать, что в целом население выражает средний уровень толерантности к мигрантам.

Список литературы

- 1 Аналитический Центр Юрия Левады. Отношение к трудовым мигрантам. 28.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam/> (Дата обращения: 05.05.20).
- 2 Дробижева Л.М. Социология межэтнической толерантности. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. 222 с.
- 3 Экспресс-опросник «Индекс толерантности». [Электронный ресурс]. URL: <http://tpcollege.ru/docs/psysluzhba/3tolerantnost.pdf> (Дата обращения: 05.05.20).

4 Berry J.W. Acculturation as varieties of adaptation //A. Padilla (Ed.). Acculturation: Theory, models and some new findings. Boulder: Westview Press. 1980. P. 9–25.

**АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЙ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
УСЛУГ, НАПРАВЛЕННЫХ НА СОЦИАЛЬНУЮ АДАПТАЦИЮ,
ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ СВЯЗЕЙ
И ТРУДОУСТРОЙСТВО ЛИЦ БОМЖ**
**ANALYSIS OF TECHNOLOGIES FOR PROVIDING SOCIAL SERVICES
AIMED AT SOCIAL ADAPTATION, RESTORING FAMILY TIES
AND EMPLOYMENT OF HOMELESS PERSONS**

М.Н. Максимова, А.М. Афлетонова
*Казанский государственный
медицинский университет Минздрава России,
г. Казань*

M.N. Maximova, A.M. Afletonova
*Kazan State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Kazan*

Анализируются технологии социальной работы с лицами без определенного места жительства в Центрах социальной адаптации Республики Татарстан. Представлены рекомендации по совершенствованию системы применения технологий социальной работы с лицами «БОМЖ».

The technologies of social work with persons of homelessness in the Centers for Social Adaptation of the Republic of Tatarstan are analyzed. Recommendations for improving the system of applying the technologies of social work with persons «homeless» are presented.

Ключевые слова: лица без определенного места жительства, центр социальной адаптации, технологии социальной работы, социальная адаптация, трудоустройство

Keywords: persons of no fixed abode, center of social adaptation, technology of social work, social services, social adaptation, employment

Лица без определенного места жительства и занятий (лица БОМЖ) сложились в определенную, постоянно увеличивающуюся социальную группу. По данным последней переписи населения, лица БОМЖ составляют более 4,5–5 млн. чел. (2,76%–3,44% от общей численности населения РФ). [1]. Положение лиц без определенного места жительства и занятий не решено ни в одной стране.

По итогам I квартала 2020 г. в трёх Центрах социальной адаптации (ЦСА) лиц БОМЖ Республики Татарстан прошли реабилитацию 512 человек. В

результате: у 118 чел. восстановлены личные документы (паспорт, полис ОМС, пенсионное свидетельство, ИНН), 97 – трудоустроены; 15 – возвратились в семьи; 32 – впервые назначена пенсия по старости; 15 – впервые установлена инвалидность и назначена пенсия; 79 – оформлены в стационарные учреждения социального обслуживания [2].

Социальная адаптация в трёх ЦСА для лиц БОМЖ Республики Татарстан («Милосердие», «Перекресток», «Маяк») осуществляется в несколько этапов. Так, для помещения в отделение первичного приема и санитарной обработки лицу «БОМЖ» нужно предоставить результаты флюорографического обследования, пройти медицинский осмотр. До получения результатов осмотра лицу «БОМЖ» выделяется для ночлега койко-место в изоляторе [3].

С целью успешного проведения адаптационных и реабилитационных мероприятий специалистом по социальной работе составляется карта индивидуальной адаптации лица БОМЖ, содержащая проблемы клиента, диагностику, его ресурсы, цель, задачи, технологические этапы его социальной реабилитации. На основании диагностической гипотезы составляется план работы с клиентом: кто именно из специалистов будет работать, что будет делать, какие методы и приемы использовать, в течение какого времени [3].

Социальная адаптация в ЦСА РТ осуществляется различными методами, включающая: восстановление документов, медицинские осмотры, психологические тренинги, консультирование, трудотерапия, комплекс оказания психологических, правовых, педагогических, бытовых, трудовых и медицинских услуг [3].

В целях восстановления трудовых навыков во всех трех ЦСА РТ существуют трудовые мастерские. Трудовая терапия в центрах организуется как терапия занятостью с помощью использования ранее полученных навыков, помогает человеку в реализации личностного потенциала. Степень тяжести поручаемого задания всецело зависит от медицинских показаний, состояния здоровья лица «БОМЖ».

Проводятся мероприятия по восстановлению навыков по самообслуживанию, организации отдыха и проведению досуга, культурно-массовые, спортивно-оздоровительные. В ЦСА РТ организуются различные кружки, например, «Умелые руки» для развития навыков по труду.

Психологическая работа (психодиагностики, психокоррекции, групповые тренинги) направлена на выявление и решение психологических проблем клиентов, восстановление коммуникационных навыков и повышение самооценки, оказание квалифицированной психологической помощи клиентам, злоупотребляющим алкоголем и употребляющим наркотические средства,

проведение профессиональной ориентации, работа с лицами пенсионного возраста по направлению в дома-интернаты [3].

Особую проблему при социальной адаптации составляет восстановление семейных связей, поскольку специалисты часто сталкиваются с неприятием, полным отчуждением или полной потерей контактов лица «БОМЖ» с родственниками. Это большая и трудная работа [3].

По результатам проведённого анализа технологий социальной работы с лицами «БОМЖ» для совершенствования социальной работы можно предложить следующие рекомендации:

для политиков и законодателей:

– с целью профилактики иждивенчества, нежелания измениться лица «БОМЖ» должны не только обеспечиваться правами, но и, как все граждане России, выполнять определенные обязанности в отношении себя, окружающих, родственников, детей, общества в целом. С лицами БОМЖ должен заключаться социальный контракт, как с малообеспеченными семьями (гражданином). Должны быть приняты нормативно-правовые документы, регулирующие этот социальный контракт;

– законодательно определить возможность принудительного лечения лиц БОМЖ от алкоголизма и наркомании;

для руководителей и специалистов ЦСА РТ:

– участвовать в конкурсах проектов реализации социально значимых программ. Например, программа повышения компьютерной грамотности лиц «БОМЖ», в результате реализации которой лица «БОМЖ» смогут самостоятельно вести поиск работы и потерянных родственников, восстанавливать трудовые навыки, совершенствоваться профессионально, трудоустроиться;

– улучшить эффективность работы медицинского психолога ЦСА РТ, включающую формирование у лиц «БОМЖ» желания, установок, потребности в добровольном лечении от алкогольной и наркотической зависимости;

– осуществить взаимодействие с общественными организациями, государственными психиатрическими клиниками по лечению алкоголизма и наркомании, для искоренения одной из главных причин появления лиц «БОМЖ» – алкоголизма;

руководителям ЦСА РТ совместно с руководителями Центров занятости населения:

– разработать специальные социальные программы по трудоустройству лиц БОМЖ аналогично программам трудоустройства инвалидов и их сопровождения, совершенствовать социально-трудовые услуги для лиц

«БОМЖ», формировать вакантные места на рабочие специальности: слесаря, дворника, грузчика, подсобного рабочего и др.;

– организовать взаимодействие (по телефонной связи, с помощью сети Интернет) с фермерскими хозяйствами («рабочими домами»), с которыми будет заключаться договор по предоставлению рабочих мест лицам «БОМЖ» и временного места проживания на периоды работы. Это позволит сохранить трудовые навыки лиц «БОМЖ», обеспечит их работой, понизит уровень иждивенчества, а фермерские хозяйства снабдит необходимой, недорогой рабочей силой. У каждого «рабочего дома» должны быть установлены правила, сдерживающие условия употребления спиртного, наркотиков, нарушения дисциплины;

– наладить взаимодействие с леспромхозами – лесопромышленными предприятиями лесозаготовительной промышленности. Вакантных мест много, работы несложная, не требует наличия образования, квалификации. В РТ реализует свою деятельность ООО «САБИНСКИЙ ЛЕСПРОМХОЗ», на официальном сайте которого вывешена информация о вакантных рабочих местах [4].

Важно также учитывать, что для решения многоаспектных проблем «БОМЖ» необходима специализированная подготовка кадров для социального обслуживания данных клиентов. Именно социальные работники являются первыми лицами, к которым в первую очередь обратятся граждане «БОМЖ» с просьбой о помощи.

Список литературы

1. Отчет Росстата по данным переписи // ФИПС – Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.gks.ru>. (Дата обращения: 25.08.20).

2. Аналитические отчеты Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ за 2018, 2019, 2020 года [электронный ресурс] // Министерство труда, занятости и социальной защиты РТ. Режим доступа: www.mtsz.tatarstan.ru. (Дата обращения: 25.08.20).

3. Максимова М.Н., Афлетонова А.М. Анализ социальной работы с лицами без определенного места жительства. – Социальная работа в условиях глобальной турбулентности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 20 декабря 2018 г. Казан. нац. исслед. технол. ун-т. Казань, 2019. 429 с. (С. 33–38).

4. Официальный сайт ООО «САБИНСКИЙ ЛЕСПРОМХОЗ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://saba-les.nethouse.ru/> (Дата обращения: 31.08.2020.)

ПОЖИЛЫЕ КАК ОБЪЕКТ, СУБЪЕКТ И РЕСУРС ПОМОЩИ*
THE ELDERLY AS AN OBJECT, SUBJECT AND
RESOURCE OF ASSISTANCE

А.В. Мигунова, Д.А. Сафронова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.V. Migunova, D.A. Safronova
Lobachevsky University

Рассматриваются три позиции, из которых могут исходить некоммерческие организации, строя работу с пожилыми, а именно: пожилые как объект помощи, как субъект помощи и как ресурс помощи.

Three positions are considered from which nonprofit organizations can base their work with the elderly, namely the elderly as an object of assistance, the elderly as a subject of assistance and as a resource of assistance.

Ключевые слова: пожилые, пожилые как объект помощи, пожилые как субъект помощи, пожилые как ресурс помощи, НКО для пожилых, НКО пожилых

Keywords: the elderly, the elderly as an object of assistance, the elderly as a subject of assistance, the elderly as a resource of assistance, NGOs for the elderly, NGOs of the elderly

Пожилые люди находятся сегодня в центре внимания многих политиков, исследователей, практиков. Среди практиков, деятельность которых непосредственно направлена на данную категорию населения, выделим некоммерческие организации. Анализируя деятельность некоммерческих организаций, работающих со старшим поколением, можно говорить о разном характере их отношений с пожилыми, в которых последние имеют различные позиции, а именно:

- 1) пожилые как объект помощи;
- 2) пожилые как субъект помощи;
- 3) пожилые как ресурс помощи.

Пожилые как объект помощи. Данный подход является традиционным и связан с заботой о людях старшего поколения.

Как пишет М.Э. Елютина, «в силу функциональных расстройств он (пожилой человек) в той или иной мере теряет свою автономность в быту, попадает в ситуацию зависимости, когда его состояние, поведение и деятельность обусловлены, главным образом, внешними по отношению к нему

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «"Старикам везде у нас почет?" Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

факторами (это может быть экономическая, физическая, психологическая, социальная зависимость)» [1, с.89]. Таким образом, говоря словами зарубежных авторов, приведенными в статье Н.Е. Харламенковой, «пожилой возраст ассоциируется с увеличением потребности в помощи» [2].

Как получателям помощи со стороны НКО гражданам пожилого возраста могут разово или на регулярной основе предоставляться материальная, финансовая и социально-бытовая помощь. Организуются их досуг и общение, для них проводятся мероприятия по поддержанию здоровья и многое другое.

В качестве примера некоммерческой организации, работающей в подобной парадигме, приведем Благотворительный фонд помощи пожилым людям «Долго и счастливо» (г. Санкт-Петербург) [3]. Он занимается сбором средств на оплату лечения, реабилитации и ухода для пожилых людей, оказанием социально-психологической поддержки, содействием в улучшении условий проживания, оказанием помощи и поддержки социальным учреждениям для пожилых, а также привлекает внимание общества к проблемам пожилых людей.

В таком случае речь идет, как правило, о некоммерческих организациях, созданных для пожилых. В ряде случаев они при оказании помощи могут дифференцировать пожилых, например, быть ориентированными исключительно на ветеранов Великой Отечественной войны либо пожилых людей, страдающих деменцией. Кроме того, НКО могут выделять граждан пожилого возраста в качестве одной из целевых групп (наряду, например, с детьми-сиротами, инвалидами), на которых направлена их помощь.

Пожилые как субъект помощи. Согласно утверждению К.А. Абульхановой, приведенному в статье А.А. Дарган, быть в качестве субъекта значит «выступать в качестве детерминанта во взаимодействии с внешним миром, его системами и условиями – действовать, взаимодействовать с ними, влиять на них, изменять» [4, с.61-62]. При этом проявление субъектности возможно как на индивидуально-личностном, так и групповом уровне. Возможность и способность быть субъектом помощи, в том числе посредством объединения усилий, означает, тем самым, совладать с трудностями, влиять на благополучие (свое и других).

Подобная позиция предполагает, что пожилые выступают в качестве инициаторов и организаторов помощи себе (например, защита собственных прав и интересов, взаимоподдержка) и другим. В качестве НКО, работающей в такой парадигме, можно назвать Общероссийскую общественную организацию «Союз пенсионеров России» [5].

Если в описанном ранее подходе речь шла в основном о НКО, созданных для пожилых, то здесь можно говорить о НКО, образованных самими пожилыми.

Пожилые как ресурс помощи. Рассматривая взаимоотношения пожилых людей и общества в лице тех или иных его институтов, в частности некоммерческих организаций, можно говорить о том, что последние привлекают старшее поколение в качестве ресурса для решения социально-значимых задач, помощи кому-либо помимо пожилых.

Так, региональная общественная организация Республики Башкортостан «Координационно-ресурсный центр для пенсионеров «Мои года – мое богатство» реализует социальный проект «Бабушки – детям» [6]. Его целью является использование личностного потенциала, воспитательного и жизненного опыта граждан пожилого возраста в социализации детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Пожилые составляют индивидуальные программы работы с детьми из неблагополучных семей и затем реализуют их.

Здесь стоит обратить внимание на то, что такие НКО могут и не ставить в качестве своей основной цели помощь гражданам пожилого возраста, а иметь другие, отличные от этой, цели и задействуют старшее поколение в качестве волонтеров для помощи третьим лицам. И инициатива, и организация этой помощи может принадлежать не тем, кто ее непосредственно реализует.

Нельзя не отметить, что субъектность и ресурсность – связанные и трудно разводимые понятия, поэтому достаточно сложно провести четкую грань между ними в реальности.

НКО могут придерживаться только одного или сочетать несколько подходов к работе с пожилыми.

Таким образом, мы можем говорить о том, что пожилой человек может рассматриваться НКО как объект помощи, и в данном случае ее деятельность будет направлена на предоставление пожилым конкретных услуг, основанных на их нуждах. Пожилые являются активными участниками (и даже инициаторами и организаторами) деятельности НКО, когда выступают как субъекты помощи. НКО также могут обращаться к пожилому человеку как ресурсу помощи для достижения стоящих перед ними целей.

Список литературы

1. Елютина М.Э. Институциональные формы заботы о пожилых людях// Практики заботы в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-

практической конференции. Отв. редактор: М.Э. Елютина. Издательство «Саратовский источник» (Саратов), 2017. С. 88–93. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29806289> (Дата обращения: 08.06.2020).

2. Харламенкова Н.Е. Копинг-ресурсы и ресурсность социальной поддержки в период поздней зрелости // Горизонты зрелости: Сборник тезисов участников Пятой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. Редакторы: Л.Ф. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. Издательство: Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва), 2015. С. 328–332. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25199750> (Дата обращения: 08.06.2020).

4. Официальный сайт Благотворительного фонда помощи пожилым людям «Долго и счастливо» (г. Санкт-Петербург). URL: <https://happylong.ru> (Дата обращения: 08.06.2020).

5. Дарган А.А. Субъектность и социальная субъектность в социологии и психологии // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики: материалы II Международной научно-практической конференции. Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского. 2017. С. 60–68. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29721791> (Дата обращения: 08.06.2020).

6. Официальный сайт Общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России». URL: <https://www.rospensioner.ru> (Дата обращения: 08.06.2020).

7. Социальный проект «Бабушки – детям» региональной общественной организации Республики Башкортостан «Координационно-ресурсный центр для пенсионеров «Мои года – мое богатство». URL: <https://moigoda.org/babushki-detam/> (Дата обращения: 08.06.2020).

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ КОНТЕКСТНОГО ОБУЧЕНИЯ
КАК ОДНОЙ ИЗ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
ПОТЕНЦИАЛА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ**
APPLICATION OF THE CONTEXTUAL LEARNING
METHODOLOGY AS ONE OF THE MEASURES OF SOCIAL SUPPORT
FOR THE POTENTIAL OF THE ELDERLY

Е.Н. Рябова
*Федеральный центр образовательного законодательства,
г. Москва*
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск*
E.N. Ryabova
*Federal Centre for Educational Legislation,
Moscow*
*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk*

Одной из мер поддержки и развития потенциала пожилых граждан в современных условиях может быть организация обучения с применением контекстного подхода. Представлены (частично) результаты анкетирования специалистов по социальной работе о применении методики контекстного обучения в практической деятельности с пожилыми людьми.

One of the measures to support and develop the potential of senior citizens in modern conditions can be the organization of training using a contextual approach. The article presents (partially) the results of a survey of specialists in social work on the application of the methodology of contextual learning in practical activities with the elderly.

Ключевые слова: пожилые люди, потенциал пожилых, контекст, контекстное обучение, социальная поддержка

Keywords: elderly people, potential of the elderly, context, contextual education, social support

Сохранение потенциала пожилых людей сегодня является актуальной темой многочисленных научных исследований. Перед социальными институтами поставлена сложная задача – интегрировать пожилых людей в постиндустриальное информационное общество таким образом, чтобы они ощущали себя полноценными его членами, а не обузой, чтобы накопленный ими социальный, профессиональный опыт был востребован, а не забыт. Пожилые люди должны иметь возможность не только сохранить имеющиеся знания, навыки, социальные связи, но и развивать их, обучаться новому, быть

социально активными и мобильными. Уже апробированы и хорошо себя зарекомендовали созданные при учреждениях социальной защиты населения, общественных организациях клубы по интересам, программы, направленные на сохранение здорового образа жизни, активного долголетия, способствующие эффективной социальной адаптации пожилых граждан. Но современный быстро меняющийся мир требует не только наличия знаний и навыков работы в области информационных, цифровых технологий, но и постоянное их применение в повседневной жизни: бесконтактная оплата, он-лайн прокат велосипедов, оформление различных документов через личный кабинет на портале «Госуслуги», электронная запись к врачу и тд. И вот здесь встает вопрос о дополнительных мерах социальной поддержки пожилых граждан, направленных на получение дополнительного образования для сохранения своего потенциала.

На наш взгляд, одной из форм обучения пожилых граждан может быть получение знаний через применение методики контекстного обучения. Использование данной методики в работе с пожилыми людьми пока еще слабо развито в нашей стране. Однако, при должном отношении и профессионализме применения методики контекстного обучения можно получить ощутимый позитивный эффект и способствовать повышению самооценки пенсионера. Ее применение позволяет учесть физиологические и социокультурные особенности пожилого человека. Интересен опыт учреждений социальной защиты населения (Москва, Новосибирск, Тульская область), при которых были сформированы группы по обучению пожилых граждан работе в глобальном информационном пространстве, удаленной работе, группы по проведению тренингов личностного роста с использованием контекстного подхода [1-3]. В целом везде отмечается положительный опыт.

В научной концепции контекстного обучения А.А. Вербицкого процесс построения учебного процесса сопряжен с использованием педагогических навыков и осуществляется за счет понимания контекста проблемы, научного, практического и учебного формата ее решения в определенных условиях деятельности человека [4]. Само понятие «контекст», с точки зрения различных наук, может характеризоваться как поступок, действия человека, его мотивация, реплика. Исходя из этого, контекстный смысл может носить культурный, социальный, поведенческий, деятельный, эмоциональный характер, может быть обусловлен историческими предпосылками. В основе контекстного подхода лежит деятельность в обучении посредством получения и усвоения новой информации. Именно это применимо в работе с пожилыми людьми, которые обучаемы и путем повторения определенных действий понимают общий контекст, могут освоить новые знания и навыки.

В 2019 г. на базе ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск» было проведено анкетирование специалистов по социальной работе с целью выяснения отношения к использованию методики контекстного обучения как одной из мер социальной поддержки потенциала пожилого человека.

В ходе анкетирования было выявлено, что только треть специалистов по социальной работе (в основном это те, кто занимается клубной деятельностью с пожилыми людьми, ведет обучающие программы и тренинги общения и сплочения) в своей профессиональной деятельности применяли в той или иной степени контекстный подход при работе с пожилыми людьми, хотя о существовании такого подхода и имеющегося российского опыта знали все опрошиваемые.

Специалисты, которые использовали контекстный подход, выделили следующие положительные и отрицательные стороны методики контекстного обучения (ответы респондентов сгруппированы):

положительные:

- высокая вовлеченность пожилых людей в процесс обучения (82%);
- возможность уточнения неясных моментов в вопросах, объяснение вопросов более сложной конструкции (56%);
- контекстное обучение позволяет лучше контролировать параметры и методику обучения (52%);
- социальный работник имеет возможность вести наблюдение за пожилым человеком и получать больший объем информации (невербалика, окружение) (80%);
- контекстное обучение обеспечивает возможность задать достаточно большое количество вопросов по интересующей проблеме, соответственно получить больше ответов и может быть более качественным (40%);

отрицательные:

- более высокие затраты времени и материальных ресурсов на проведение обучения, что может привести процесс контекстного обучения к формализму, не достигнуть поставленные изначально цели (64%);
- неизбежное влияние социального работника, который в идеале должен оставаться нейтральным, но на практике неумышленно оказывает влияние на пожилого человека (74%);
- необходимость постоянной тщательной подготовки специалистов по социальной работе для ведения образовательных групп с применением методики контекстного обучения пожилых людей (44%).

Среди основных причин сложности или нежелания использовать методику контекстного обучения в работе с пожилыми людьми респонденты указали следующие варианты:

- нехватка времени на разработку методики контекстного обучения (12%);

- сложность ее применения с пожилыми гражданами, поскольку она изначально разрабатывалась для обучения студентов (30 %);

- длительность процесса контекстного обучения, невозможность в полной мере организовать курсы для пожилых людей (30 %);

- отсутствие среди пожилых граждан востребованности в образовательных программах, требующих использования методики контекстного обучения (4 %);

- элементарная нехватка практических навыков проведения контекстного обучения (4 %);

- нехватка организационных и материальных ресурсов для проведения контекстного обучения с пожилыми людьми (20 %).

К предложениям, способствующим более активному применению методики контекстного обучения для развития и поддержки потенциала пожилых людей, специалисты ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск» отнесли следующие:

- проведение для специалистов по социальной работе курсов повышения квалификации, различного рода тренингов, направленных на изучение возможностей метода контекстного обучения, его правильного применения на практике;

- использование современных интерактивных технологий и средств при проведении контекстного обучения с пожилыми гражданами: интерактивных досок, персональных компьютеров, специальных приложений и программ;

- обращение внимания руководства на необходимость внедрения перспективных методов и методик в практическую деятельность специалиста по социальной работе с пожилыми гражданами.

Основной задачей в организации контекстного обучения пожилых людей является создание условий для их самовыражения, самореализации путем создания комфортной информационно и эмоционально насыщенной творческой среды обучения, обеспечивающей внутреннюю уверенность и доверие.

В настоящее время COVID-19 внес коррективы в развитие потенциала пожилого человека, заставил вспомнить о физиологических особенностях пожилых. Не успев полноценно включиться в активную старость, пожилые люди вынуждены самоисключиться даже из привычного им образа жизни и

социального общения. Они вынуждены остаться в одиночестве, только чтобы сохранить свое физиологическое здоровье. В этой нестабильной ситуации возрастает роль дистанционного общения и обучения пожилых граждан с применением контекстного подхода.

Список литературы

1. Каменских В.Н. Методика контекстного обучения в реализации комплексной психологической программы при работе с пожилыми людьми // Педагогика и психология образования. 2014. № 3. С. 105–111.
2. Грохотова Е.В. Сложности образования людей третьего возраста в России и за рубежом // АНИ: педагогика и психология. 2019. №1. С. 81–84.
3. Богатырева Ю.И., Соломатова В.В., Шарановская Ю.В. // Психолого-педагогические аспекты обучения пожилых людей использованию электронных государственных и муниципальных услуг // Гуманитарные науки. 2017. №4(40). С. 63–68.
4. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Наука, 1999. 352 с.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК СОЦИАЛЬНО-ПАРТНЕРСКИЙ АКТ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РАБОТОДАТЕЛЯ COLLECTIVE AGREEMENT AS AN ACT OF CORPORATE SOCIAL POLICY OF THE EMPLOYER

С.В. Соловьева

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

S.V. Solovyeva

Lobachevsky University

Исследуется норма трудового законодательства относительно распространения действия коллективного договора на всех работников организации и ее влияние на корпоративную социальную политику работодателя.

The article examines the norm of labour legislation governing the extension of the collective agreement to all employees of the organization and its impact on the corporate social policy of the employer.

Ключевые слова: локальные акты, профсоюз, коллективные переговоры, конфликт, социальное партнерство

Keywords: local acts, trade union, collective bargaining, conflict, social partnership

Социальная политика работодателя – это деятельность, направленная на управление персоналом в части создания необходимых условий труда для работника (трудового коллектива) и управления услугами социального характера [1].

Данные вопросы во многом решаются в рамках социального партнерства, правовое понимание которого определено в ст. 23 Трудового кодекса Российской Федерации [2] (далее – ТК РФ).

Задачи социальной корпоративной политики работодателя определяются самостоятельно, и, как правило, это ориентирование на персонал, предоставление социальных льгот и гарантий работникам, а также повышение социальной репутации работодателя и профилактика возникновения конфликтов и социально-психологической напряженности.

Одним из документов, регламентирующих корпоративную социальную политику работодателя, является коллективный договор, который, в соответствии со статьей 40 ТК РФ, представляет собой правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации или у индивидуального предпринимателя и заключаемый работниками и работодателем в лице их представителей. В отличие от иных корпоративных документов он является актом социального партнерства и заключается в результате проведения коллективных переговоров.

Коллективный договор, нормы которого не могут ухудшать положения работников по сравнению с законодательством более высокой юридической силы, а нормы иных локальных актов, в свою очередь, должны соответствовать нормам коллективного договора, может быть заключен в организации в целом, а также в обособленных структурных подразделениях.

Содержание коллективного договора (примерный перечень вопросов, определяющих его условия, определен законодателем в ст. 41 ТК РФ) должно быть направлено именно на решение вопросов сотрудничества участников совместного труда с учетом принципов социального партнерства.

Сторонами коллективного договора являются работники и работодатель в лице уполномоченных ими представителей в установленном порядке. Представителем работников, как правило, является профсоюзная организация, в состав которой входит не менее половины работающих в организации. Если в организации есть несколько профсоюзов, законодатель устанавливает правила определения представителей в ст. 37 ТК РФ. Помимо профсоюзов это могут быть и иные представители (ст.31 ТК РФ), но на практике это встречается не так часто.

В соответствии со ст. 30 ТК РФ, первичные профсоюзные организации и их органы представляют в социальном партнерстве интересы работников,

являющихся членами соответствующих профсоюзов, а в случаях и порядке, которые установлены ТК РФ, интересы всех работников данного работодателя независимо от их членства в профсоюзах. Соответственно, заключенный коллективный договор автоматически будет распространять свое действие на всех работников организации, независимо от членства в данном профсоюзе (ч. 3 ст. 43 ТК РФ).

Данная норма порождает на практике ряд вопросов и является своеобразным «яблоком раздора» при предоставлении гарантий, в основном материального характера», между членами первичной профсоюзной организации, которые в ней состоят и уплачивают профсоюзные взносы, определенные Уставом профсоюза, и теми работникам, которые не участвуют в этой организации и в ее финансировании. Согласование интересов в рамках социального партнерства на локальном уровне, что должно обеспечивать реализацию корпоративной социальной политики работодателя, здесь труднодостижимо и инициирует горизонтальные конфликты.

Существуют разные точки зрения (причем среди самих же профсоюзных лидеров) относительно того, должны ли льготы, предусмотренные коллективным договором, распространяться на всех работников организации, или же эта сфера ограничена лишь членами профсоюза.

Сторонники «узкого подхода» объясняют свою позицию низкой мотивацией работников вступать в профсоюз и активно участвовать в его деятельности, так как льготы по коллективному договору на них все равно будут распространяться [3]. Таким образом подрывается авторитет профсоюзов и обесценивается их «непростое» взаимодействие с работодателем в части защиты интересов работников, что далеко не всегда происходит с молчаливого согласия бизнеса, и часто влечет за собой преследования со стороны работодателя активных членов профсоюза, вплоть до их увольнения.

При этом сторонники этого подхода ссылаются на пункт 4 Рекомендации МОТ № 91 о коллективных договорах, который гласит: «положения коллективного договора должны распространяться на всех трудящихся соответствующих категорий, работающих на охватываемом коллективным договором предприятии, если в нем не предусмотрено иного» [4].

Другая точка зрения («против» распространения норм-льгот только на членов профсоюза) поддерживается нормами ст. 25 ТК РФ (сторонами социального партнерства являются работники и работодатели, а не профсоюзы), ст.43 ТК РФ, а также нормами ст. 19 Конституции РФ и ст. 3 ТК РФ о запрете дискриминации (никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах в зависимости от принадлежности и непринадлежности к общественным организациям).

Эта дискуссия не является только теоретической проблемой. На практике она выражается в попытках профсоюзов обойти ст. 43 ТК РФ прямо или косвенно: от прямого закрепления в коллективных договорах положения о том, что предусмотренные льготы распространяются только на членов профсоюза или тех работников, которые уполномочили профсоюз своими заявлениями представлять их интересы и перечисляют взносы на счет профсоюзной организации, до «прикрытия» данного желания дополнительными соглашениями о взаимодействии профсоюзной организации с работодателем.

Судебная практика неоднозначно оценивает данные действия профсоюзных лидеров[5]. В некоторых случаях суды признают такие положения по профсоюзному членству дискриминационными, в других отказываются удовлетворять иски работников, не являющихся членами данной профорганизации.

Думается, спорная норма ст. 43 ТК РФ завуалировано нацелена на интересы работодателя («разделяй и властвуй») и вносит дисбаланс в отношения между самими работниками, что не способствует профилактике конфликтов, а является прямым конфликтогеном. «Уход в конфликт», основанием которого является профсоюзная принадлежность, грозит разрушением совместной деятельности, что может привести к отрицательным результатам для самого же работодателя.

Попытки региональных профсоюзов проявить инициативу по внесению изменений в ст. 43 ТК РФ на законодательном уровне в части предоставления самостоятельно сторонам социального партнерства решать вопрос о распространении коллективного договора не увенчались успехом и вряд ли принесут его в будущем.

Вопрос остается открытым для переговоров, в результате которых возможно будет выработано решение, удовлетворяющее интересы всех участников социального партнерства на локальном уровне. Все принципы социального партнерства (ст. 24 ТК РФ) будут реализованы, если в переговорном процессе применить метод медиации, нацеленный на выявление истинных интересов и удовлетворение потребностей в результате сотрудничества.

Конфликтное отношение характеризуется тем, что объективно или по мнению одной стороны другая сторона намерена или реально удовлетворяет свои потребности, несанкционированно (или санкционировано нормой закона) отчуждая ресурсы другой стороны. Ни о каком сотрудничестве, уважении в данном случае речи быть не может.

Медиация является тем методом ведения переговоров, который может привести к партнерским отношениям не только вертикального, но и

горизонтального характера. Корпоративная социальная политика работодателя, основанная на медиативном подходе со всеми сотрудниками, поможет прояснить, какие потребности работников, независимо от их принадлежности к профсоюзам депривируются и «куда» и «сколько» надо направить дополнительных ресурсов.

Медиативная оговорка, предусмотренная в социально-партнерских актах различного уровня, позволит решить спорный вопрос без привлечения трудо- и человекоемких ресурсов, что повысит удовлетворенность персонала и, безусловно, положительно скажется на корпоративной культуре в целом.

Список литературы

1. Нехода Е.В., Раковская В.С., Минигулова Г.С. Корпоративная социальная политика: методология исследования // Вестник Томского государственного университета, 2012. С. 119–126.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст.3.
3. Лютов Н.Л. Коллективное трудовое право Великобритании. М.: Волтерс Клувер. 2009. 232 с.
4. Рекомендация МОТ № 91 о коллективных договорах// <http://docs.cntd.ru/document/901934588>.
5. Сенников Н.М. Коллективные договоры и соглашения только для членов профсоюза: теория и практика, правда и вымысел. В 2 ч. СПб.; ЗУМЦ, 2015. С. 61–87.

СОЦИАЛЬНО-ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ АКТИВИЗАЦИИ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА SOCIO-GERONTOLOGICAL INSTITUTION AS A CONDITION OF ACTIVATION OF ELDERLY PEOPLE

С.Г. Фруль
*Самарский областной геронтологический центр
(дом-интернат для престарелых и инвалидов),
г. Самара
S.G. Frul
Samara Regional Gerontology Center
(residential home for the elderly and disabled),
Samara*

Рассмотрены актуальные вопросы социальной работы с людьми пожилого возраста. С целью решения важной задачи по активизации жизнедеятельности данной группы населения определены условия решения

этой задачи, в результате чего пришли к выводу о социально-геронтологических учреждениях как основном условии активизации людей пожилого возраста.

The article is devoted to pressing issues of social work with the elderly. In order to solve the important task of enhancing the vital activity of this group of the population, the conditions for solving this problem were determined, as a result of which they came to the conclusion about social-gerontological institutions as the main condition for activating the elderly.

Ключевые слова: люди пожилого возраста, активизация людей пожилого возраста, социально-геронтологические учреждения

Keywords: elderly people, activation of elderly people, socio-gerontological institutions

Актуальность исследования обусловлена рядом причин: первая носит цивилизационный характер, который выражается в глобальных изменениях современной демографической ситуации. Так, по данным прогноза ООН, доля лиц в возрасте 60 лет и более в мире увеличится с 12,3% в 2015 г. до 14,9% в 2025 г. и до 21,5% в 2050 г. В Российской Федерации, по расчетам ООН, доля лиц старше 60 лет от общей численности населения в 2015 г. составила 20%, в 2025 г. она увеличится до 23,9%, а в 2050 г. до 28,8%. По среднему варианту прогноза Росстата в Российской Федерации доля лиц старше трудоспособного возраста увеличится за период с 2016 по 2025 гг. с 24,6% до 27% и составит 39,9 млн. человек.

Второй ряд причин зиждется на общественном сознании населения, которое ассоциирует представление о старости с возрастным периодом «утрат и потерь». В российском обществе социальный портрет пожилых людей, как правило, характеризуется немощностью, болезнями, эмоциональным безразличием, что оказывает негативное влияние на самооценку и статус пожилого человека. Вместе с тем результаты научных исследований ведущих геронтологов (из отечественных следует выделить Н.Ф. Шахматова, О.Ю. Стрижецкую, из зарубежных Р. Хавингхерта, Б. Ньюгартена, Дж. Тобина) подчеркивают возможность активной социальной жизни людей пожилого возраста.

Третий ряд причин связан с системой социальной защиты населения. Существующая система поддержки пожилых людей способствует развитию социальной пассивности, зависимости от медицинских сервисов, утрате веры в собственные силы. В российских практиках медико-социальной поддержки пожилых людей, несмотря на попытки их оптимизации, по-прежнему доминирует «модель дожития», которая конструирует социальную зависимость пожилых людей от предоставляемых им социальных услуг на разных

уровнях [1]. Однако современные реалии востребуют пожилых людей как субъектов социальной активности [2], что, несомненно, способствует повышению уровня их самоактуализации и самореализации.

Таким образом, сложилось противоречие между отрицанием роли людей пожилого возраста в дальнейшей самоактуализации и самореализации и наличием у них возможностей и способностей к активной жизнедеятельности.

С целью разрешения этого противоречия пришли к необходимости конкретизации условий активизации людей пожилого возраста, входящих в арсенал геронтологических центров.

Имеющиеся условия можно разделить на несколько групп:

1. Условия, касающиеся внутреннего состояния человека пожилого возраста [3] и имеющие в виду активную социальную деятельность. Процесс активизации связан с ростом самостоятельности человека, со способностями анализировать существующие ситуации, понимать необходимость изменять ситуации или выработать альтернативные решения выхода из сложившихся проблемных ситуаций.

2. Условия, связанные с первой группой содействием в интеграции пожилых людей в экономическую, политическую, социальную и культурную жизнь общества с помощью различных социальных программ и проектов [1], направленных на активизацию жизнедеятельности данной категории граждан.

Таким образом, геронтологические центры сами становятся основным условием активизации людей пожилого возраста вследствие того, что они аккумулируют все необходимые условия для решения этой задачи.

Список литературы

1. Системный анализ социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста в Российской Федерации / А.С. Башкирева, В.П. Шестаков, А.А. Свинцов, Г.И. Чернова, Т.С. Чернякина, Е.Ю. Качан, Е.А. Богданов // Клиническая геронтология. 3-4. 2015. С. 24–28.

2. Чекмарева М.А., Разикова Н.И. Активизация просоциальной активности людей пожилого возраста // Физика. Технологии. Инновации: сборник материалов VI Международной молодежной научной конференции, посвященной 70-летию основания Физико-технологического института УрФУ (Екатеринбург, 20–24 мая 2019 г.). Екатеринбург : [УрФУ], 2019. С. 81–87.

3. Марунова Т.Р. Направления социальной активности людей пожилого возраста // Известия Саратовского университета. Издательство: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов) Том 14. №2. 2014. С. 55–57.

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И
МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ И НОВЫЕ ФОРМЫ ЕЕ
РЕАЛИЗАЦИИ**
**SOCIAL RESPONSIBILITY OF STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES
AND NEW FORMS OF ITS IMPLEMENTATION**

М.Ю. Хазан
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
М.У. Hazan
Lobachevsky University

Изучены возможности реализации социальной ответственности государственных и муниципальных служащих. Наряду с традиционным подходом к рассмотрению социальной ответственности как неотъемлемой части качественной работы служащих, изучены возможности расширения трактовки этого понятия. Предложены направления и способы включения в служебную и внеслужебную деятельность государственных и муниципальных служащих ряда социальных действий, которые помогут повысить эффективность их деятельности.

Possibilities of realization of social responsibility of state and municipal employees have been studied. Also, the possibilities of expanding the interpretation of this concept have been studied in conjunction with the traditional approach to considering social responsibility as an integral part of the quality work of employees. The directions and ways of including a number of social actions in the official and another activities of state and municipal employees that will help to increase the effectiveness of their activities have been identified.

Ключевые слова: социальная ответственность, государственная и муниципальная служба, институциональные ограничения, социальные действия
Keywords: social responsibility, state and municipal service, institutional constraints, social actions

Социальная ответственность определяется как добровольный вклад организации в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, связанный напрямую с основной его деятельностью и выходящий за рамки определенного законом минимума [1].

Когда речь идет о государственной службе, как правило, понятие социальной ответственности наполняется следующим содержанием: социальная ответственность государственной и муниципальной службы – это реализация социальных функций государственной службы как сознательного служения интересам общества; деятельность по обеспечению общественных потребностей, защите прав и свобод граждан и интересов государства. То есть,

в данном контексте социальная ответственность государственного служащего трактуется как добросовестное выполнение своих служебных обязанностей. Для государственной и муниципальной службы понятие ответственности, занимающее базисное положение в структуре административной этики, приобретает особый смысл и значение в связи с теми высокими требованиями, которые предъявляются обществом к этому виду деятельности. Под социальной ответственностью государственных и муниципальных служащих понимают осознание служащими «своего долга, своего социального предназначения перед гражданами, перед обществом за свои действия или бездействия и их социальные последствия».

Ответственность государственных и муниципальных служащих распределяется в двух основных, идущих навстречу друг другу, направлениях. Одно из них непосредственно относится к социальной ответственности служащих государственного аппарата и связано с повышением меры ответственности сообразно ступеням служебной иерархической лестницы: чем выше должность, тем ответственнее в социальном отношении решения, принимаемые должностным лицом. В то же время, поднимаясь на уровень высших должностей государственной службы, социальная ответственность неизбежно приобретает официально-нормативную юридическую форму и регламентируется соответствующими нормативно-правовыми актами – законами, постановлениями, инструкциями и др. Этот вид ответственности распределяется сверху вниз соответственно распределению должностных полномочий.

Можно выделить целый ряд факторов, снижающих уровень ответственности государственных и муниципальных служащих. В их числе: низкий уровень организационной культуры в государственных и муниципальных органах; неудовлетворенность многих государственных и муниципальных служащих своей работой; общее падение нравственности в обществе, недейственность механизмов контроля; слабая социальная ответственность политиков, руководящих государственными и муниципальными служащими. К этому следует добавить ряд политических и организационных факторов, таких как отсутствие четкой социальной политики, частые реорганизации государственного аппарата. Как показывают данные социологических опросов самих государственных и муниципальных служащих, не повышают социальной ответственности основной их массы и меры нормативно-организационного и социально-факторного характера. Большинство служащих оценивают эффективность и действенность используемых в системе государственной службы методов борьбы с коррупционностью, взяточничеством и другими негативными явлениями достаточно низко. Это

относится как к соответствующим законам и экономическим механизмам, так и к кадровой политике, общественному контролю за деятельностью государственных и муниципальных органов, формированию в обществе непримиримости к аморальным проявлениям. Показателем социальной безответственности в сфере государственного и муниципального управления является рост коррупции в исполнительных органах государственной и муниципальной власти.

В то же время можно выделить направления и средства повышения социальной ответственности государственных и муниципальных служащих, среди которых можно назвать: поднятие престижа должности государственного и муниципального служащего, его удовлетворенности результатами своей деятельности, воспитание у служащих понимания опасности своих антисоциальных поступков. В условиях повсеместно наблюдаемого кризиса административного контроля такой подход при всей его сложности считается сегодня предпочтительным. Большое внимание уделяется развитию внутренних стимулов ответственного поведения работников государственного аппарата.

Можно выделить различные способы и направления актуализации социальной ответственности государственных и муниципальных служащих:

- моральное самораскрытие как самый надежный и в то же время наиболее сложный способ актуализации ответственности, связанный с познанием самого себя, необходимостью самосовершенствования и самовоспитания;
- развитие чувства социальной ответственности в процессе служебной социализации, что достигается, во-первых, путем социального образования служащих, формирующего у них сознание социальной значимости государственной и муниципальной службы; во-вторых, развитием служебного мастерства и связанной с ним профессионализации, существенно расширяющих свободу действий и меру ответственности служащего-профессионала, осознающего высокую социальную цену принятия непрофессиональных и безответственных решений в государственном и муниципальном управлении;
- формирование чувства долга, актуализирующего осознание служащими своей ответственности перед каждым человеком, перед обществом в целом, перед Отечеством.

К важным средствам актуализации социальной ответственности государственных и муниципальных служащих в процессе исполнения ими служебных обязанностей также относят внутрислужебный социальный контроль, основное назначение которого состоит прежде всего в поддержании положительных традиций государственной службы при одновременном отторжении ее негативного наследия. Особая роль здесь принадлежит служебной культуре, включающей в себя такие компоненты, как культура

руководства и подчинения, культура межличностных отношений сотрудников, культура правоприменения, культура организации труда, культура речи [2; 3].

Наряду с изложенным выше подходом представляет интерес расширение возможностей участия государственных и муниципальных служащих в развитии общества.

Социальная ответственность может быть представлена в различных формах (социальные акции, филантропия, спонсорство). Но участие в них государственных и муниципальных служащих может быть негативно оценено как со стороны государственных органов, так и со стороны местного сообщества. Такое участие может вступить в противоречие с законодательной базой, определяющей специфику поведения и деятельности государственных служащих.

Учитывая большое количество институциональных ограничений, которые определяют специфику служебного и внеслужебного поведения и деятельности государственных и муниципальных служащих (например, федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ, федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ), возможностей принять участие в улучшении состояния общества у данной категории граждан не много.

Так, государственным и муниципальным служащим представляется возможным проявить социально ответственное поведение путем развития собственного профессионального и личностного потенциала через обучающие программы и программы подготовки и повышения квалификации.

Один их важнейших социальных аспектов в рамках содействия охране окружающей среды тоже может быть реализован государственными служащими в рамках служебной деятельности и за ее пределами.

Расширение границ социальной деятельности государственных и муниципальных служащих позволит актуализировать такие этические категории, как чувство долга, ответственности, что, в свою очередь, приведет к повышению эффективности работы государственных органов.

Список литературы

1. Егоршин А.П. Этика деловых отношений: Учебное пособие / А.П. Егоршин, В.П. Распопов, Н.В. Шашкова. М.: НИМБ, 2016. 416 с.
2. Емец М.И. Институт ответственности муниципального служащего: понятие, реализация и перспективы // Политика, государство и право. 2015. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://politika.snauka.ru/2015/09/3375>.
3. Староверова К.О. Управление персоналом в таможенных органах : учебник и практикум для вузов. Москва : Издательство Юрайт, 2018. 240 с.

**УЧАСТИЕ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РАЗЛИЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**PARTICIPATION IN CHARITY OF REPRESENTATIVES OF DIFFERENT
GENERATIONS IN MODERN RUSSIA**

Н.В. Шангин

*Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Нижний Новгород*

N.V. Shangin

*Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Nizhny Novgorod*

Рассматриваются различия в степени и формах участия в благотворительности представителей различных поколений в современной России. Делается вывод о необходимости расширения рассматриваемых практик для лучшего понимания участия в благотворительности представителей различных поколений.

The differences in degree and forms of participation in charity of representatives of different generations in modern Russia are explored in the article. It is concluded that it is necessary to expand the considered practices for a better understanding of the participation in charity of representatives of different generations.

Ключевые слова: благотворительность, поколения

Keywords: charity, generations

В современной России фиксируется рост участия граждан в благотворительности и волонтерстве [1-3]. Данный рост неравномерен, в некоторые годы происходит некоторое снижение участия в благотворительности и добровольчестве [4], но в целом около двух третей россиян в течение года так или иначе участвуют в благотворительности тем или иным способом. В то же время анализ более ранних исследований показывает существенные расхождения в степени вовлеченности россиян в практики, связанные с благотворительностью, что может быть обусловлено различными формулировками вопросов [5]. Более детальный анализ ответов респондентов показывает, что представители различных возрастных групп в разной степени вовлечены как в участие в благотворительности в целом, так и в конкретные практики. В рамках дальнейшего рассмотрения мы остановимся на этих различиях и их интерпретациях, а также покажем, что в такого рода исследованиях не учитываются различные виды благотворительности, и

включение более широкого спектра практик вполне возможно изменит картину участия различных групп.

Данные исследования ВЦИОМ показывают, что наиболее включены в различные практики россияне в возрасте 35-44 лет (24% из тех, кто занимается благотворительностью, делают это постоянно, 58% несколько раз) и 25-34 лет (20% из тех, кто занимается благотворительностью, делают это постоянно, а 65% – несколько раз), остальные группы включены в меньшей степени, а наименее включенными оказываются представители самой возрастной группы – 60 лет и старше (19% из тех, кто занимается благотворительностью, делает это постоянно, а еще 52% – несколько раз). При этом наибольшую готовность к участию в благотворительности и волонтерстве в будущем декларируют представители наименее возрастной группы – от 18 до 24 лет, в то время как представители старшего поколения демонстрируют сравнительно невысокий потенциал участия. Предпочитаемые практики благотворительности в целом сходны, хотя о готовности бесплатно работать в качестве волонтера респонденты от 18 до 24 лет заявляют чаще, а о переводе денег нуждающимся в помощи – респонденты от 25 до 34 лет. В других исследованиях, с поправкой на формулировки вопросов и ответы респондентов, описываемая ситуация разрыва между представителями различных поколений в целом сходна.

Существуют различные способы интерпретации подобных разрывов. Один из них идет от здравого смысла и предполагает, что различие связано с наличием свободного времени – у молодежи свободного времени больше, и поэтому она чаще, чем другие, демонстрирует готовность участвовать в благотворительности в будущем, особенно в качестве волонтеров [5]. Это объяснение нельзя назвать удовлетворительным – у пожилых людей день может быть так же не столь сильно занят, но они не демонстрируют готовности. В одном из более ранних исследований основным барьером называют недоверие и недостаточную информированность о существующих возможностях помочь другим людям [6]. Это объяснение нельзя охарактеризовать как объясняющее столь существенную разницу – разница между близкими по возрасту группами остается, хотя их социальный опыт во многом сходен и приходился по большей части на одни и те же годы. Еще одним возможным объяснением является обращение к ресурсности различных групп. Исследования, связанные с потребительским поведением, например, показывают, что маркером в экономическом поведении может с успехом выступать принадлежность к тому или иному поколению, что связано с неравномерностью распределения ресурсов [7]. Это объяснение нам также не подходит, так как молодежь не является столь же ресурсообеспеченной, что и более старшие поколения, однако, демонстрирует сходные установки. Для

объяснения можно обратиться и к иным факторам. Например, в работе А.Б. Гофмана “Благотворительность и мода” [8] выделяются четыре типа благотворительности и в том числе “модная”, связанная с тем, что данное поведение имеет связь со следующими ценностями: современность, универсальность, игра и демонстративность. Такое рассмотрение благотворительности позволяет выявить не только альтруистические мотивы, но и мотивы, которые в меньшей степени связаны с собственно желанием помочь другим людям. Изучение различных мотивов участия в благотворительных практиках успешно используется в изучении корпоративного волонтерства, например [9], что подтверждает перспективность данного направления исследований при рассмотрении более широких вопросов, связанных с благотворительностью. Следование моде обычно более значимо для молодых групп. В комбинации с ресурсным подходом (мода и возможность ей следовать) это позволяет понять, почему наблюдается такое распределение ответов.

Однако существует еще одно существенное упущение существующих исследований благотворительности. Для его фиксации мы предлагаем обратиться к работе М. Вебера “Хозяйство и общество” [10]. Вебер выделяет два вида благотворительности. Первый направлен на свой круг, разного рода соседская помощь, которая связана с тем, что помогают нуждающимся, попавшим в сложную ситуацию и за счет этого могут рассчитывать на помощь в будущем. Второй – меценатство, появившееся во многом благодаря трансформации поведенческих практик духовенства и рыцарства. Данный вид направлен на случайных людей, которые одариваются чем-либо просто в силу того, что нуждаются в этом, а мотив соседства и дальнейшей возможной помощи не предусматривается. Данная модель выявляет существенный изъян существующих исследований благотворительности – они имеют дело только со вторым типом, но полностью игнорируют первый. Между тем, вполне возможно, что включение подобных практик в большей степени уравнило бы участие различных возрастных групп.

Подводя итог, можно сказать, что последующие исследования благотворительности должны учитывать иные факторы и расширить само использование понятия благотворительности. Существующие исследования не учитывают целый пласт социальных практик, чем и может быть обусловлено существенное расхождение в участии в благотворительности представителей различных поколений.

Список литературы

1. От милостыни к волонтерству: как меняется благотворительность в России // ВЦИОМ: 04.09.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9878>.
2. Исследование частных пожертвований в России 2019. Обзор тенденций частной благотворительности в России. // Фонд поддержки и развития филантропии «КАФ», 2020. URL: <http://www.cafrussia.ru/attachments/download/990>.
3. Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
4. Исследование частных пожертвований в России 2018 г. Обзор тенденций частной благотворительности в России. // Фонд поддержки и развития филантропии «КАФ», 2020. URL: <http://www.cafrussia.ru/attachments/download/917>.
5. Соколов А.В., Власова А.А. Благотворительность в системе гражданской активности россиян // Власть. 2014. Том. 22. № 12. С. 56–61.
6. Изучение отношения российских интернет-пользователей к благотворительности // «Добро Mail.ru», ВЦИОМ, 2013. URL: <https://corp.mail.ru/media/files/issledovanie-o-blagotvoritelnosti-2013.pdf>.
7. Соколов М.М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России. // Социология власти. 2019. 31 (1). С. 71–91.
8. Гофман А.Б. Благотворительность и мода // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2018. Т. 10. №1. С. 101–116.
9. Климов И.А., Краснопольская И.И. Корпоративное волонтерство в России: оценка состояния и рекомендации по развитию. Аналитический отчет по результатам исследовательского проекта. М., 2016. URL: <https://nccv.ru/upload/iblock/c25/c25abe58a4caed0ac3fd8dbac5849030.pdf>.
10. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. Т. II. Общности. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

**ОСВЕЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ЮРИДИЧЕСКИХ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В КОНЦЕ XIX ВЕКА**
**COVERAGE OF SOCIAL ISSUES IN LEGAL PERIODICALS
IN THE END OF THE XIX CENTURY**

Н.С. Щерова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
N.S. Scherova
Lobachevsky University

Рассматриваются юридические периодические издания как источник получения информации о социальных проблемах общества в дореволюционной России. Данная тема изучается на примере конкретных материалов из юридических журналов конца XIX века.

The article considers legal periodical editions as a source of information about social issues in pre-revolutionary Russia. This topic is studied using the materials from legal journals of the end of the 19th century.

Ключевые слова: право, средства массовой информации, юридические журналы, социальная проблематика, Российская империя, XIX век

Keywords: law, mass-media, lawyer magazines, social issues, the Russian empire, the XIX century

Юридические периодические издания появились в конце XVIII века и активно развивались на протяжении XIX столетия. Их содержание было представлено многочисленными темами: исторический и теоретический аспекты права, различные отрасли права (гражданское, уголовное, административное, процессуальное), отдельные институты (например, прокуратура, адвокатура, присяжные заседатели), судебная практика, юридическая библиография, международное законодательство и многое другое.

К концу XIX века периодика приобрела особое значение в жизни общества: повременные издания стали не только площадкой для обсуждения различных вопросов, но источником формирования и выражения общественного мнения. Это же мы можем отнести и к юридическим печатным органам. Несмотря на специализированный характер, в повестке дня юридических журналов были и вопросы, посвященные социальной проблематике.

В современном обществе существует множество социальных проблем, в числе которых можно назвать бедность населения, устройство детей, оставшихся без попечения родителей, организацию медицинской помощи, преступность, алкоголизм, наркоманию. Все эти проблемы были характерны и

для российского общества XIX века. Рассмотрим некоторые из них на примере публикаций из юридических журналов «Юридический вестник» и «Вестник права».

Несколько материалов были посвящены профессиональному нищенству в России. Примером такой статьи являлся текст под названием «К вопросу о профессиональном нищенстве», размещенный в № 8 журнала «Вестник права» за 1899 год. Поводом для написания публикации стала деятельность специальной комиссии, учрежденной Министерством юстиции для разработки мер борьбы против профессионального нищенства и бродяжничества. Комиссия нуждалась в сборе сведений по этому вопросу, поэтому автор статьи подготовил несколько докладов. В этих работах представлена подробная характеристика нищенства в России: общие сведения, причины нищенства, типы нищих, места их обитания по губерниям, предложения по реформированию законодательства в этой сфере [1].

Одной из главных социальных проблем конца XIX – начала XX в.в. стал рабочий вопрос. Развитие крупной промышленности, быстрый рост количества фабрик способствовали возникновению среди населения мнения о необходимости изменения положения рабочих. В это время в научной среде юристов появляются сочинения, направленные на урегулирование данного вопроса. В статье «Рабочий договор», опубликованной в № 9 за 1899 г. в «Вестнике права», речь шла о заключении свободного договора между нанимателем и рабочим, однако автором были выделены особенности предмета такого соглашения – рабочей силы: во-первых, рабочий не располагал иными источниками получения дохода, поэтому был вынужден соглашаться на любые, даже самые не выгодные для него условия. Во-вторых, рабочий зачастую оказывался в ситуации, когда его жизни и здоровью мог быть причинен вред, поскольку не было создано благоприятных условий труда [2, с. 126-127]. В силу этого рабочий договор предлагалось составить с особыми положениями, в разработке которых могли бы принимать участие рабочие союзы, созданные с согласия государства.

Важной частью регулирования труда рабочих был вопрос о рабочем времени. Трудность в установлении этого времени заключалась в технических особенностях отдельных предприятий, поэтому его определение отличалось для разных отраслей промышленности. При рассмотрении данного вопроса было изучено историческое развитие английского законодательства, действующие зарубежные нормативно-правовые акты (законы Австрии, Франции, Америки, Швейцарии). Отдельно были разобраны использование детского труда, работа в ночное время [3].

Еще одной темой для материалов в юридических повременных изданиях было устройство детей, оставшихся без родителей. В качестве примера можно привести статью «Опекунские установления по новому проекту», опубликованную в журнале «Юридический вестник» [4].

Таким образом, проанализировав содержание лишь некоторых материалов из юридических периодических изданий, мы можем прийти к следующим выводам.

Редакции юридических печатных органов обращали внимание не только на правовую тематику, но и на другие вопросы общественной жизни, в том числе и на социальную проблематику. Среди данной категории мы можем обозначить следующие вопросы: нищенство, организацию труда рабочих, устройство детей, оставшихся без попечения родителей.

Анализ публикаций позволяет выделить несколько особенностей освещения таких проблем. Во-первых, подробное рассмотрение каждого вопроса. В статьях авторы детально разбирали ту или иную тему, старались изучить ее с разных сторон. Во-вторых, предметом исследования были не только социальные проблемы, свойственные для Российской империи, но и анализ похожих ситуаций в зарубежных государствах. Тем самым редакции юридических журналов предоставляли возможность ознакомиться и с иностранным опытом регулирования социальных вопросов. В-третьих, поскольку специализированной периодике был присущ юридический характер, на страницах печатных органов разбирались нормативно-правовые акты, регламентирующие тот или иной аспект социальной сферы общества. Рассмотрение отдельных положений действующего законодательства являлось полезным в практической деятельности юристов.

Список литературы

1. Левенстим А.А. К вопросу о профессиональном нищенстве // Вестник права. 1899. № 8. С. 89–104.
2. Кулишер И.М. Рабочий договор // Вестник права. 1899. № 9. С. 119–140.
3. Z. Восьмичасовой рабочий день / Z. // Юридический вестник. 1891. Т.9. С. 25–50.
4. Змирлов К.П. Опекунские установления по новому проекту // Юридический вестник. 1888. № 11. С. 352–386.

ДОКЛАДЫ

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАКТИК:
СУБЪЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ МОЛОДЕЖИ**
**SOCIAL FACTORS OF REPRODUCTIVE PRACTICES: THE SUBJECTIVE
OPINION OF YOUTH**

И.А. Бегинина

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов*

I.A. Beginina

Saratov State University Named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

По результатам социологического исследования методом анкетирования, проведенного в 2019 г., показано, что по субъективному мнению молодежи, репродуктивные установки позитивно сопряжены с потребностью в детях, желанием заключить удачный брак, достичь комфортного материального положения. Отсутствие данных факторов (низкая заработная плата, не обустроенный быт, слабое здоровье, неудачный брак) негативно влияют на желание завести ребенка. Анализ выявил доминирование патернализма в репродуктивных установках молодежи. Однако государственная политика стимулирования рождаемости оказалась эффективной только для тех, кто хотел и родил троих детей. В остальных ситуациях доля отрицательных ответов преобладает над позитивными оценками. Традиционализм инструментального ресурсного подхода государства не находит отклика у большинства молодежи, ориентированной на малодетную семью (1–2 ребенка), склонных к рационализации своих репродуктивных практик. Демографическая политика воспринимается молодежью как социальная политика, способствующая увеличению доходов семьи, а не как меры стимулирования рождаемости и повышения самой потребности в детях, что значительно ограничивает эффективность усилий государства.

According to the results of the sociological study by the method of questionnaire conducted in 2019, it shows that according to the subjective opinion of young people, reproductive attitudes are positively associated with the need for children, desires to enter into a successful marriage, to achieve a comfortable financial situation. Lack of these factors (low wages, unsized life, poor health, failed marriage) negatively affect the desire to have a child. The analysis revealed the dominance of paternalism in the reproductive attitudes of young people. However, the government's policy of stimulating fertility has proved effective only for those who wanted and gave birth to three children. In other situations, the proportion of

negative responses prevails over positive assessments. The traditionalism of the instrumentalist resource approach of the state does not resonate with the majority of young people who are focused on a small family (1-2 children) who are prone to rationalizing their reproductive practices. Demographic policies are perceived by young people as a social policy that increases family incomes rather than as a measure to stimulate fertility and increase the need for children. Attempts to revive traditional stereotypes of reproductive behaviour do not resonate in the real-world behaviour of young people who are prone to rationalizing their marriage and reproductive practices, which significantly limits the effectiveness of the State's efforts.

Ключевые слова: репродукция, молодежь, субъективное мнение молодежи, факторы репродуктивных практик молодежи, социально-демографическая политика государства

Keywords: reproduction, youth, subjective opinion of young people, factors of reproductive practices of youth, socio-demographic policy of the state

В условиях депопуляции современной России эффективность мер демографической политики в значительной степени зависит от готовности социума принять их, откликнуться на них. Это подразумевает существование в сознании молодежи социально значимых и разделяемых ценностных ориентаций, мотивов и установок на рождение детей. Однако сегодня в молодежной среде создание семьи, рождение детей откладывается на более поздний возраст, дилемма «ребенок или карьера» все чаще решается в пользу карьеры. Подобная ситуация во многом обусловлена нестабильностью социального положения молодежи, трансформацией ее ценностных ориентаций.

С другой стороны, в силу кризисного состояния демографической ситуации государственная политика нацелена на возрождения традиционных ценностей, что определяет механизмы ее реализации. В результате семейная и демографическая политика была отождествлена с репродуктивной, приоритетной задачей признано повышение рождаемости с помощью приобщения к традиционным ценностям и материального стимулирования [1]. Иными словами, происходит возвращение к ресурсной идеологии советских времен с жесткими дисциплинарными мерами регулирования репродукции [2].

Немало публикаций отечественных исследователей посвящены репродуктивному поведению населения (В.В. Бодрова [3], Т.Л. Журавлева [4], Р.И. Зинурова[5]), молодежи (Е.В. Волченкова [6], Е.И. Жук [7], Н.М. Попов [8]). Однако остается много вопросов о субъективном мнении молодежи в контексте факторов репродуктивности.

Исходя из этого, в 2019 г. в городе Саратове было проведено социологическое исследование методом анкетирования по вероятностной квотно-территориальной выборке. Было опрошено 480 представителей молодежи. Критерии отбора – место жительства, пол, возраст. Возрастное распределение респондентов: 18-19 – 20%; 20-21 – 17%; 22-23 – 8%; 24-25 – 11%; 26-27 – 19%; 28-29 – 10%; 30 и более – 15%. Большинство опрошенных – 60% – девушки, 40% – юноши, что обусловлено естественным преобладанием женщин в генеральной совокупности. Результаты обрабатывались на базе компьютерной программы SPSS.

В ходе опроса было выявлено субъективное мнение молодежи о факторах, которые позитивно или негативно сказываются на желании завести ребенка. Первыми, по мнению молодежи, являются, желание стать родителями отметили 33.3% опрошенных, удачный брак отметили 22%, высокое материальное положение – 16%, крепкое здоровье – 13%. Главными факторами, негативно влияющими на желание завести ребенка, являются: низкая заработная плата (23.8%), необустроенный быт (23.1%), слабое здоровье и неудачный брак (по 16.8% от общего числа ответов), большая ответственность за ребенка – 7.3%, ранний возраст – 0.7%. Таким образом, для общества важно повышение рождаемости, а для молодых людей часто важнее – повышение индивидуального благополучия. Стремление государства и общества возродить традиционные стереотипы брачно-репродуктивного поведения в сочетании с интенсивным материальным стимулированием находят мало отклика у молодых россиян, склонных к рационализации своих репродуктивных установок и практик.

Сегодня государство проводит достаточно сильную социальную политику поддержки рождаемости. Важно уточнить мнение молодежи о роли государства как фактора формирования репродуктивных установок и практик. Доминирующим мнением оказалось согласие с тезисом: если число детей в семьях слишком мало, то государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей, создав естественно необходимые условия для этого. Так полагают 46.1% девушек и 45.6% юношей. Чуть менее популярным стал тезис: государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет. Так считают 41% девушек, 39% юношей. Тезис о недопустимости государственного вмешательства в репродуктивные установки и практики поддерживают только 12.9% девушек, 15.4% юношей. Те, кто намерен родить еще одного ребенка, более позитивно оценили демографические меры, которые могли бы заинтересовать семьи иметь больше детей, чем те респонденты, которые уже имеют желаемое число детей. В то же время более половины респондентов считают, что государство должно попытаться заинтересовать

семьи иметь большее число детей, создав необходимые условия для этого. Таким образом, налицо доминирование патернализма в репродуктивных установках молодежи.

Однако только 27.8% девушек и 28.8% юношей сказали, что это помогло им в рождении первого ребенка. 55.8% девушек и 54.6% юношей отрицали это. Несколько лучше оценили молодые люди помощь государства в рождении второго ребенка. 44.2% девушек и 39.5% юношей сказали, что это помогла им. Но 44% девушек и 46.2% юношей отрицали это. Противоположная ситуация – с появлением третьего ребенка. 48.8% девушек и 39.6% юношей сказали, что государственная политика помогла им. 39.3% девушек и 45.3% юношей отрицали это. Таким образом, государственная политика стимулирования рождаемости оказалась эффективной только для тех, кто хотел троих детей. В остальных ситуациях доля отрицательных ответов преобладает над позитивными оценками.

Конкретные государственные меры по стимулированию рождаемости оценивались молодежью по пятибалльной шкале. Данные показывают, что наиболее высока оценка регионального материнского капитала (3,88 баллов). Однако, по мнению молодежи он должен быть в несколько раз больше (до 11 раз выше) предоставляемого в настоящее время. Для респондентов относительно большее значение имеют меры, связанные с помощью в получении жилья (3,63 балла – среди девушек, и 3,35 балла – среди юношей), предоставление «материнского (семейного) капитала» (3,87 – среди девушек, и 3,45 – среди юношей). На третьем месте по значимости у девушек – компенсация затрат родителей на оплату посещения детских дошкольных учреждений (3,59), на четвертом – предоставление частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет (3,46). Для юношей на четвертом месте – сокращение подоходного налога – 3,13 балла). Обращает на себя внимание низкая оценка такой меры, как предоставление пособия на ребенка семьям, чей доход ниже среднего (3,28 баллов – среди девушек, и 2,98 – среди юношей). Она ниже, чем обеспечение ребенка приемлемыми для родителей дошкольными учреждениями. На двух предпоследних местах у обоих полов стоят меры, направленные на активизацию участия отца в уходе за маленьким ребенком: (оценка девушек – 3,04 балла, юношей – 2,94 балла) и увеличение отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет (оценка девушек 3,19 балла, юношей – 2,96 балла). Ниже оценивается только социальная реклама образа трехдетной семьи как нормы для современного общества.

Таким образом, по субъективному мнению молодежи, репродуктивные установки позитивно сопряжены с потребностью в детях, желанием заключить

удачный брак, достичь комфортного материального положения. Отсутствие данных факторов (низкая заработная плата, не обустроенный быт, слабое здоровье, неудачный брак) негативно влияют на желание завести ребенка.

Анализ выявил доминирование патернализма в репродуктивных установках молодежи. Однако государственная политика стимулирования рождаемости оказалась эффективной только для тех, кто хотел и родил троих детей. В остальных ситуациях доля отрицательных ответов преобладает над позитивными оценками. Традиционализм инструменталистского ресурсного подхода государства не находит отклика у большинства молодежи, ориентированной на малодетную семью (1–2 ребенка), склонных к рационализации своих репродуктивных практик. Демографическая политика воспринимается молодежью как социальная политика, способствующая увеличению доходов семьи, а не как меры стимулирования рождаемости и повышения самой потребности в детях.

Социальная демографическая политика российского государства ставит молодежь перед выбором между временем, необходимым для ухода и воспитания детей, и профессиональной занятостью. И они выбирают карьеру, которая в будущем гарантирует соответствующее их представлениям качество жизни их детей. Попытки возродить традиционные стереотипы репродуктивного поведения не находят отклика в реальных поведенческих практиках молодых, склонных к рационализации своих брачно-репродуктивных практик, что значительно ограничивает эффективность усилий государства.

Список литературы

1. Печерская Н.В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи //Журнал исследований социальной политики. 2012. Том 10. №3 С. 323–342.
2. Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of "Maternity Capital" //Slavic Review. 2010. Vol.69. №3. P. 701–724.
3. Бодрова В.В. Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России //Социологические исследования. № 6. 2012. С. 96–102.
4. Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т.21. №1. С. 145–187.
5. Зинурова Р.И., Миронова Ю.Г. Особенности репродуктивного поведения в российских регионах // Социологические исследования. №3. 2015. С. 54–98.

6. Волченкова Е.В. Особенности репродуктивных установок современной молодежи //Вестник вятского государственного гуманитарного университета Издательство: Вятский государственный университет.2014.№ 8. С. 21-25 \URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reproduktivnyh-ustanovok-sovremennoy-molodezhi/viewer> (Дата обращения: 04.02.2020) Загл. с экр. Яз.рус.

7. Жук Е.И. Репродуктивные установки москвичей молодого и среднего возраста//Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. №1. С. 156–174 //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnye-ustanovki-moskvichey-molodogo-i-srednego-v> (Дата обращения: 04.02.2020) Загл. с экр. Яз.рус.

8. Попов Н.М., Гайнутдинова И.А., Гильманова Д.Х Репродуктивные установки современной молодежи //Ижевская государственная медицинская академия 2019. № 12-2. С. 124–127.

COVID-19 И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

COVID-19 AND TEMPORAL ATTITUDES OF RUSSIAN STUDENTS: PROBLEM STATEMENT

Ю.Р. Вишневский, М.В. Певная, Д.Ф. Телепаева, А.И. Южакова
*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*
Y.R. Vishnevskiy, M.V. Pevnaya, D.F. Telepaeva, A.I. Yuzhakova
*Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg*

На основе многолетних социологических исследований социокультурного развития студенчества [1] и его темпоральных установок [2] рассматривается возможное воздействие на них социальных последствий пандемии COVID-19, выделяются индикаторы такого воздействия и определяются задачи их выявления в эмпирическом исследовании.

The report is based on sociological studies of the student's socio-cultural development [1] and its temporal attitudes [2]. The possible impact of the COVID-19 pandemic social consequences is considered, indicators of such impact are highlighted and the tasks of identifying them in an empirical study are defined.

Ключевые слова: COVID-19, темпоральные (прошлое – настоящее – будущее) установки, студенчество, учащаяся молодежь

Keywords: COVID-19, temporal (past – present – future) attitudes, students

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-33064 «Молодёжь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего».

Изучение молодежного сознания, оценка взаимосвязи прошлого и настоящего в жизни молодого поколения в условиях относительной стабильности – достаточно тривиальная научная проблема, над решением которой сегодня работают разные исследовательские коллективы и научные группы в различных странах, в том числе и в России. Но сегодня, когда настоящее российского общества и мирового сообщества в целом становится перенасыщенным социальными, экономическими и политическими потрясениями, отягощается физическими, психологическими угрозами глобальной пандемии, в этих традиционных исследовательских границах мы видим совершенно новую постановку проблемы. Она требует социологической рефлексии, критического переосмысления, обновления прогнозов поведения старшеклассников и студентов как высоко ресурсной группы российской молодежи в новых координатах пространства и времени. Координатах, формируемых динамикой развития в континууме от прошлого к настоящему с его нарастающей неопределенностью, усиливающейся рискогенностью и все быстрее наступающим будущим.

В своем единстве процессы внезапного, быстрого, стихийного реформирования социального пространства и времени связаны не только с физическим, но в большей степени с социально-психологическим состоянием здоровья населения в текущий кризисный период настоящего, переполненного глобальными и локальными рисками (угроза эпидемии, кризис экономики и т.д.), во многом определяют изменения поведенческих стратегий людей в будущем. Старшеклассники и студенты в силу социально-демографических и социально-психологических особенностей особенно восприимчивы к социальным переменам. В их представлениях переплетаются и реакции на сегодняшние изменения, и ожидания от будущего. Эти представления, даже с учетом их нечеткости и возможной иллюзорности, выступают инструментом конструирования социальной реальности. Социальная поддержка молодежи в ее социализации, самореализации и саморегулировании актуализирует проблематику исследования ее представлений и установок. Такое исследование должно опираться на утвердившееся в современной социальной науке [3; 4; 5] понимание социальных представлений как способа интерпретации и осмысления повседневной реальности, сочетающего информативную, адаптивную и конструктивную функции.

Студенчество, как показывают наши многолетние исследования, является высоко ресурсной частью молодежи. Включение в эту исследуемую общность старшеклассников, являющихся потенциалом студенческого сообщества, позволяет углубить ресурсный подход к молодежи, более целенаправленно изучать (и на этой основе эффективнее формировать) готовность молодежи к

крайне неопределенному будущему, которое все больше «сжимается», наступая не «завтра», «послезавтра», а уже «сегодня». Благодаря этому можно позитивно влиять на социальное самочувствие молодежи, снижать издержки ее профессионального и жизненного самоопределения, адекватно ситуации корректировать курс внутренней политики в стране.

Если рассматривать старшеклассников как потенциал студенческого сообщества, а студентов – как высоко ресурсную часть молодежи, которая должна обеспечить экономический, демографический и культурный прорыв страны в ближайшем будущем, определенную ценность приобретают данные, позволяющие оценить социальные представления членов данной расширенной молодежной общности о своей готовности к крайне неопределенному будущему, их влияние на социальное самочувствие и взгляды на быстро изменяющийся текущий период – рискогенную для отдельного человека, общества и страны в целом фазу настоящего. Старшеклассников и студентов в современных реалиях можно гипотетически рассматривать как новое «сообщество судьбы», физически объединенное неожиданным наступлением рискогенной фазы настоящего, переломом жизненных планов, которые могут резко повлиять на их возможности и жизненные траектории в ближайшем будущем. Понимание социальных представлений молодого поколения в контексте прошлого и настоящего, прогнозирование поведения молодежи в ближайшем будущем в постпандемический период, когда пройдет критическая фаза настоящего, связанная с глобальной эпидемией COVID-19 и резкими перестройками социально-экономических систем, поведения и сознания людей, могут и должны стать основой для коррекции национальной внутренней политики; в национальных проектах должно быть пересмотрено место молодых россиян и их активности.

Актуальность поставленной в проекте проблемы определяют несколько противоречий. Во-первых, противоречие между традиционными методологическими подходами к исследованию молодежи, в которых нередко молодежь как демографическая группа выступает либо в роли объекта воздействия со стороны совокупного институционального субъекта, либо в роли конкурента старшего поколения в распределительных отношениях (по содержанию) и в социальной структуре (по форме) [6], и новой, формирующейся субъектностью молодежи в качестве активного социального агента, драйвера социальных изменений.

Во-вторых, противоречие между актуальным жизненным миром молодежи и традиционностью, консервативностью взаимодействия государства с молодым поколением, институциональные формы и методы которого маркируются ограниченной системой коммуникаций с молодежью

исключительно в пространстве молодежной политики. Как следствие, государство и публичная власть воспринимаются молодежью патерналистски, преимущественно с точки зрения выполнения их попечительских функций. Возникает эффект отложенного будущего, при котором активное субъектное будущее может перейти только к следующему поколению.

В-третьих, противоречие между объективной необходимостью планирования персонального и социального будущего, его ближайших и дальних горизонтов и преобладающим ноувизмом молодежи, живущей, как правило, сиюминутным настоящим.

В-четвертых, противоречие между очевидным социальным запросом на изменения и интенсивное развитие и неготовностью к этим изменениям со стороны общества, институциональных структур. У молодежи нередко инновационные установки оказываются в основном вербальными и наталкиваются на недостаточность выработанных и освоенных инновационных социальных технологий.

Поставленная проблема влияния социальных последствий COVID-19 на темпоральные установки учащейся молодежи междисциплинарна по своей сути и затрагивает несколько актуальных проблемных областей как в теоретическом, так и практическом смыслах. Традиционное понимание молодежи как демографической социальной группы, выделяемой по возрастным границам, в контексте публичного управления, в реализации молодежной политики при стратегическом планировании и проектном управлении по российскому сценарию непродуктивно. Оно теряет свою актуальность как в связке прошлого и настоящего, так и в период рискогенной фазы последнего и, соответственно, в ближайшем будущем, переполненном прогнозами неопределенности.

Выстроенная традиционно, «по старинке» политика работы с молодежью, в том числе в реализации национальных проектов, в городском управлении, управлении конкретными организациями в сфере образования, культуры, сферы социальной защиты все больше будет вступать в определенные противоречия с жизненным миром самой молодежи. Во многом это связано с тем, что в стабильной фазе современности мы пережили вторую волну фундаментальных социальных изменений, которые происходили в относительно спокойное время и связаны не с радикальными реформами, а, скорее, с поколенческими сдвигами [7] на фоне технологических изменений и глобальной трансформации коммуникативного пространства [8]. В период повышенной рискогенности для любых типов общества выделяют типологически три фазы: предшествующая критической ситуации (в нашем случае, первая фаза настоящего), собственно критическое состояние (рискогенная фаза настоящего) и его ближайшие и отдаленные последствия

(будущее). Представляется, что для минимизации негативных последствий любых кризисных ситуаций все социальные агенты должны быть готовы к ним так же, как они должны быть готовы к рутине повседневности [9]. В обществах, переживающих эволюцию без социальных потрясений и сохраняющих благодаря действующим интеграционным механизмам относительно устойчивый уровень социальной солидарности, риски локализуются, принимая латентные формы [10].

Крайне актуально дать оценку того, что в данном сообществе происходит на разных фазах кризисного периода, сопряженного с глобальными и локальными рисками и испытаниями, и спрогнозировать влияние последних на конструирование своего будущего. Изучение социальных представлений молодежи при активной вовлеченности в исследовательский проект самой молодежи в континууме прошлого, двух фаз настоящего и будущего видится востребованным и обоснованным.

Проблема заключается в выявлении детерминант социального конструирования своего личного будущего в сопряжении с будущим своей страны в сознании молодого поколения. Фундаментальная научная задача – прогнозирование поведения высоко ресурсного сообщества молодежи (старшеклассников как будущих студентов, а студентов как молодых профессионалов) в условиях новой реальности, необходимое для разработки предложений по коррекции курса внутренней политики государства.

Список литературы

1. Студент 1995-2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л.Н. Банникова [и др.]: под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
2. Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный капитал / под общ. ред. Я.В. Дидковской и Д.В. Трынова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 215 с.
3. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3-14.
4. Moscovici S. The phenomenon of social representations// Social Representations: Explorations in Social Psychology / Ed. by G. Duveen. N.Y., 2000.
5. Abric J. A structural approach to social representations // K. Deaux & G. Philogene (Eds.). Representations of the social: Bridging theoretical traditions. L.: Blackwell, 2001. Pp. 42-47.
6. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа: монография. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7555.
7. Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. 2-е изд. – М.: ИД ВШЭ, 2020. 224 с.

8. Кастельс М. Власть коммуникации [Текст]: учеб. пособие / пер. с англ. Н.М. Тылевич. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

9. Яницкий О.Н. Типология критических состояний современного общества // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 16-31.

10. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2017. С. 12-48.

**КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВОЛГОГРАДА)
CULTURAL MEMORY OF MODERN RUSSIAN YOUTH
(ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD)**

Н.В. Дулина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

N.V. Dulina

Volgograd State University, Volgograd

Культурная память о Великой Отечественной войне приходит на смену коммуникативной, прочно занимая свое место в сознании россиян. Каково отношение студенческой молодежи к событиям и фактам прошедшей войны? Что они знают и помнят о ней? Ответы обнаруживаются в данных, полученных в ходе социологического исследования «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне», результаты которого приводятся в статье.

The cultural memory of the Great Patriotic War is replacing the communicative one, firmly taking its place in the minds of Russians. What is the attitude of student youth to the events and facts of the past war? What do they know and remember about her? The answers are found in the data obtained in the course of the sociological study «The attitude of students to the Great Patriotic War», the results of which are presented in the article.

Ключевые слова: студенты, молодежь, память, культурная память, Великая Отечественная война

Keywords: students, youth, memory, cultural memory, the Great Patriotic War

Трансформация современного мира находит свое отражение и в изменении ценностей, которые разделяет большинство представителей того или иного социума, и в первую очередь его молодежная группа. Процесс изменения ценностей молодежи современного общества фиксируют исследователи, в круг научных интересов которых она входит [см., напр., 1; 2; 3]. Заметим, что на поколение миллениалов приходится и историческая межа, разделяющая коммуникативную и культурную память о Великой

Отечественной войне. Согласно теории, предложенной Я. Ассманом [4], коммуникативная память прекращает свое существование по мере того, как ее носители – очевидцы и участники значимых событий – уходят из жизни (отсюда и недолгий срок функционирования этой памяти, всего 80–100 лет, что по меркам развития самого общества, развивающегося веками, очень мало). Соответственно, с «истончением» слоя коммуникативной памяти возрастает роль других носителей информации, в которых память о каких-либо значимых событиях сохранена (запечатлена). Исследователи фиксируют, что «сегодня в обществе снижается роль вербальных форм обмена информацией, а их место постепенно занимают зрительные образы» [5]. Результаты четвертой волны всероссийского опроса студентов «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне», выполненного Российским обществом социологов (РОС) в год 75-летия Победы. Это исследование стартовало в 2005 г., проводится каждые пять лет, приобретая за это время все характерные черты мониторинга. С общей концепцией и техническими параметрами исследования можно ознакомиться, обратившись к ранее опубликованным материалам [6; 7; 8] или на официальном сайте РОС (www.ssa-rss.ru). По всей стране было опрошено 10065 студентов-граждан России, в том числе в Волгограде 886 респондентов.

Без сомнения, Великая Отечественная война – это значимое событие в жизни и истории нашей страны. В этой связи было бы интересно знать, меняется ли и, если меняется, то как, отношение современной молодежи (и в первую очередь студентов как авангарда молодежной группы) к событиям и фактам времен Великой Отечественной войны.

На прямой вопрос анкеты: «Приближается 75-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?» волгоградские студенты ответили следующим образом (Табл. 1). Нельзя не заметить, что почти четверть опрошенных полагают, что с годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы, а еще почти каждый десятый согласился с мнением, что героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи. Данная позиция в среде студенческой молодежи подкрепляется ответами и на другие вопросы анкеты. Например, студенты Волгограда в большинстве своем (58,8 %, в целом по стране – 56,4 %) уверены, что тех, кто добровольно пошел на фронт, было бы меньше, а если бы оказались в ситуации 1941 года, то сразу бы добровольно пошли на фронт 23,1 % (в целом по стране 20,8 %). Остальные стали бы ждать повестки из военкомата, постарались бы уехать из страны или найти работу, с которой не берут в армию. Иначе говоря, для большинства студентов самопожертвование

ради интересов своей страны сегодня уже не пример для подражания, не норма поведения нормального человека. Есть основания говорить о разрыве преемственности поколений? Почему? Ответ на данный вопрос просматривается в ответах об источниках знания о Великой Отечественной войне (Табл. 2).

Т а б л и ц а 1

Ответы волгоградских студентов на вопрос о том, какие мысли и чувства вызывает у них приближение 75-летия Победы, %

№ п/п	Формулировка вопроса: Приближается 75-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?	Территория исследования	
		Волгоград	Весь массив
1.	Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников	14,4	17,1
2.	Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений	52,9	49,7
3.	С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы	23,8	24,5
4.	Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи	8,9	8,7
Итого		100,0	100,0

Данные, приведенные в табл. 2, показывают, что максимальное влияние на формирование культурной памяти студентов в настоящее время оказали / продолжают оказывать три социальных института. Вполне ожидаемо, что первый среди этих институтов – социальный институт образования, а если более точно, то общеобразовательная школа. Второй, что тоже вполне ожидаемо, семья. Именно эти два института в большей степени занимаются воспитанием и социализацией поколения, входящего в общество. Третий институт – это искусство (творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах), а более конкретно – кино, которое в условия замены коммуникативной памяти культурной приобретает особую силу и значимость в глазах молодого поколения.

Т а б л и ц а 2

Источники пополнения знаний респондентов о Великой Отечественной войне, %%

№ п/п	Формулировка вопроса: Из каких источников Вы получили знания о Великой Отечественной войне?	Территория исследования	
		Волгоград	Весь массив
1.	Учителя	77,5	76,5
2.	Школьные учебники	72,2	74,2
3.	Рассказы родных	65,8	64,6
4.	Советские художественные фильмы	66,0	65,8

5.	Художественная литература	44,0	42,8
6.	Встречи с ветеранами	45,5	43,4
7.	Советские документальные фильмы	45,4	43,2
8.	Современные художественные фильмы	30,2	34,5
9.	Преподаватели вуза	27,9	27,9
10.	Современные документальные фильмы	27,4	27,9
11.	Форумы в интернете	16,6	18,5
12.	Ток-шоу по TV	7,5	10,0
13.	Научные исследования	10,3	9,7
14.	Мемуары полководцев	9,0	8,6
15.	Другое	0,7	1,3
16.	Игры	0,1	0,1

** каждый респондент мог указать несколько альтернатив, поэтому общая сумма ответов превышает 100 %*

В рамках одной статьи невозможно представить все данные, полученные в ходе социологического исследования, но его результаты убеждают, что студенты фильмы, художественные и документальные, смотрят (на это указали более трех четвертей опрошенных), причем наметилась тенденция, в ситуации возможности выбора, посмотреть зарубежный, а не отечественный фильм. Интересное наблюдение. Как показывают результаты исследования, студенты, которые после окончания вуза планируют остаться в России, предпочитают посмотреть советский художественный фильм (32,9 %), а среди студентов, которые, получив диплом об окончании вуза, предпочтут продолжить карьеру и жизнь за рубежом, таких только 20,9 %. Они же, ориентированные на выезд, не любят смотреть фильмы о войне в значительно большей степени: 21,2 % против 5,5 %, и предпочитают зарубежные фильмы отечественным: 11,1 % против 4,2 %. Если кратко сформулировать вывод, то он, видимо, должен звучать так: культура имеет значение, поскольку именно она вслед за межеванием коммуникативной и культурной памяти проводит и другую межу: свой – чужой. Если первоклашка, глядя на скульптуру на Мамаев кургане «Родина мать зовет!», говорит, что это Статуя свободы, то, видимо, межа, обозначившаяся у миллениалов, становится и шире и глубже у поколения «центениалов».

Список литературы

1. Дулина Н.В. Отношение современных студентов Волгограда к своему здоровью (по итогам социологического исследования) // Здоровье как ресурс: V 2.0 / Под общей редакцией проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. С. 71–75.

2. Молодежь. Смена поколений 2003–2018 гг. Результаты социологического мониторинга молодежи Самарской области. Научно-

популярное издание / Ю.В. Соловьева, Е.А. Чубова, В.Б. Звоновский, Е.Ю. Меркулова, М.В. Григорьева; Департамент Управления делами губернатора Самарской области и правительства Самарской области, Фонд социальных исследований. Самара, 2019. – 170 с.

3. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

4. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

5. Стаф И. Чужая память? // Отечественные записки. 2008. № 43. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2008/4/chuzhaya-ramyat>.

6. Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Мансуров В.А., Пронина Е.И. Помнит ли мир спасенный, мир вечный, мир живой? (по итогам социологического исследования) // *Primo aspectu* / ВолгГТУ. Волгоград. 2020. № 2 (42). С. 7–16.

7. Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В. Цена Победы: что помнят и знают студенты России о Великой Отечественной войне (четвертая волна федерального проекта Российского общества социологов) // *Социум и власть*. 2020. № 2. С. 124–125.

8. Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Мансуров, В.А. Молодежь России о Великой Отечественной войне // *Социологические исследования*. 2020. № 5. С. 162–163.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ НЕЕТ МОЛОДЕЖИ (МОЛОДЕЖИ, НАХОДЯЩЕЙСЯ ВНЕ ЗАНЯТОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ)*

**HUMAN POTENTIAL AND HUMAN CAPITAL OF NEET YOUTH (YOUTH
OUTSIDE OF EMPLOYMENT AND EDUCATION)**

О.И. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург

O.I. Ivanov

Saint Petersburg state University,

Saint Petersburg

Сегодня наша наука не располагает достаточными знаниями об уровне развития человеческого потенциала российской молодежи, находящейся вне занятости и образования. Не определены и возможности капитализации

* Подготовлено в рамках проекта 19-010-00404 А «Капитализация человеческого потенциала современной российской молодежи, находящейся вне занятости и образования», поддержанного РФФИ.

человеческого потенциала этой группы молодежи. Рассматривается взаимосвязь человеческого потенциала и человеческого капитала NEET молодежи, стратегии капитализации человеческого потенциала поколения NEET.

Today our science does not have sufficient knowledge about the level of human development of Russian youth who are outside of employment and education. The possibilities of capitalizing the human potential of this group of young people are not defined. We consider the relationship between the human potential and the human capital of NEET youth, the strategy of capitalizing the human potential of the NEET generation.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал NEET молодежи, стратегии капитализации человеческого потенциала поколения NEET

Keywords: human potential and human capital NEET youth, NEET generation human potential capitalization strategies

В общем плане человеческий потенциал молодежи, находящейся вне занятости и образования, мы определяем как сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности систем потребностей, способностей и готовностей к освоению и реализации таких деятельностей, которые помогут молодым людям выработать личностные качества и обеспечить их самореализацию.

Назначение, основная функция человеческого потенциала молодежи, находящейся вне занятости и образования, – освоение и выполнение тех деятельностей, которые могут создавать такую жизненную траекторию, которая обеспечит приемлемый уровень жизни и реализацию основных материальных и духовных интересов. Все молодые люди, включая поколение NEET, стоят перед выбором и освоением деятельностей, которые могут обеспечить им самореализацию. Успешное освоение образовательной и трудовой деятельностей – предпосылка капитализации человеческого потенциала молодежи, находящейся вне занятости и образования. К определению возможностей капитализации человеческого потенциала этих групп молодежи необходимо подходить с учетом их современного статуса и уровня развития их человеческого потенциала. Основной предпосылкой капитализации является сформированность систем потребностей, способностей и готовностей различных молодых людей включиться в процессы выполнения общественно необходимых деятельностей, прежде всего образовательной и трудовой, выполнять основные социальные роли, функции.

На наш взгляд, можно выделить две стратегии капитализации человеческого потенциала поколения NEET. Первая (ускоренная) может

проводиться носителями потенциала и агентами капитализации (образовательными организациями, трудовыми коллективами и др.) на основе использования уже развитых систем потребностей, способностей и готовностей выполнять образовательную и трудовую деятельности. Вторая (догоняющая) предполагает параллельно-последовательное формирование и использование систем потребностей, способностей и готовностей выполнять образовательную и трудовую деятельности

В общем плане, человеческий капитал молодежи, в том числе молодежи, находящейся вне занятости и образования, с нашей точки зрения, – совокупность таких свойств людей (здоровья, знаний, навыков, умений и пр.), которые возникли у них в результате различных инвестиций (как личных, так и общественных) и которые обеспечивают им успешную самореализацию, получение различных благ и преимуществ. Но главное из этих свойств – системы потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей выполнять образовательную и трудовую деятельности. Эти системы – центральное звено человеческого капитала, и именно их использование может приносить и приносит в определенных социально-экономических обстоятельствах их владельцу, а также обществу (его институтам, организациям) доход, прибыль, блага. Поэтому мы предлагаем в качестве основного объекта инвестиций в человеческий капитал молодежи, находящейся вне занятости и образования, рассматривать затраты на формирование указанных систем потребностей, способностей и готовностей выполнять образовательную и трудовую деятельности. *Тем самым предлагается новое направление в инвестиционной политике в человеческий капитал молодежи.* Это не только инвестиции в здоровье, образование, культуру молодых людей, но это инвестиции в деятельностные компоненты человеческого капитала. Процесс капитализация человеческого потенциала молодежи, находящейся вне занятости и образования, будет успешным, если сами его носители и агенты капитализации (образовательные организации, трудовые коллективы и другие агенты) будут активно использовать развитые системы потребностей, способностей и готовностей выполнять образовательную и трудовую деятельности.

ВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВКАХ И ПРАКТИКАХ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ
AGE DIFFERENCES IN THE REPRODUCTIVE ATTITUDES AND PRACTICES OF SARATOV YOUTH

С.Г. Ивченков

*Саратовский государственный
научно-исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов*

S.G. Ivchenkov

Saratov State Research University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

По результатам социологического исследования методом анкетирования показано, что на репродуктивные установки самое большое влияние оказывают социально-демографические факторы – возраст и пол. С возрастом увеличивается приемлемый и должный срок рождения первого ребенка, повышается уровень детности в репродуктивных практиках молодежи, растет ответственное отношение к появлению детей, усиливается установка на детей как залог личного, семейного счастья, хотя большинство молодежи (57,3%) с этим не согласны. Вместе с тем распределение, способы принятия решений о желаемом числе детей и промежутках их рождения, а также ответственность за наступление беременности, контрацепция приобрели характер асимметрии, смещенной в сторону девушек.

According to the results of the sociological survey method shows that reproductive attitudes have the greatest influence of socio-demographic factors - age and gender. With age, the acceptable and proper period of birth of the first child increases, the level of childbearing in the reproductive practices of young people increases, the responsible attitude to the appearance of children increases, the attitude on children as a pledge of personal, family happiness increases, although the majority of young people (57.3%) and the child' happiness. they don't agree with that. However, distribution, the way in which decisions are made about the desired number of children and their intervals, as well as responsibility for pregnancy, contraception has become an asymmetry that has shifted towards girls.

Ключевые слова: репродуктивные установки, молодежь, влияние возраста на репродукцию молодежи

Keywords: reproductive attitudes, youth, the impact of age on reproduction of young people

Проблема рождаемости как социально-демографического процесса обусловлена обострением противоречия между его динамикой и объективной потребностью общества в воспроизводстве населения. Поскольку рождаемость в значительной степени зависит от величины потребности семьи в детях [1], в настоящее время актуализируется необходимость поиска эффективных мер по

приведению ее в соответствие с объективной потребностью общества. Поэтому решение демографической проблемы было названо Президентом Российской Федерации В.В. Путиным «ключевой» задачей государственной социальной, демографической политики [2]. Это актуализировало исследования, посвященные репродуктивным установкам молодежи (М.А. Беляева [3], Е.В. Волченкова [4], И.А. Гайнутдинова [5]). Однако в отечественной социологической литературе пока не существует монографических работ, специально посвященных этому вопросу. Отсюда вытекает необходимость их изучения в категориальном поле социологии.

Основой работы стали результаты авторского социологического исследования, проведенного в 2019 г. в городе Саратове методом анкетирования по вероятностной квотно-территориальной выборке. Было опрошено 480 представителей молодежи. Критерии отбора – место жительства, пол, возраст. Возрастное распределение респондентов: 18-19 – 20%; 20-21 – 17%; 22-23 – 8%; 24-25 – 11%; 26-27 – 19%; 28-29 – 10%; 30 и более – 15%. Большинство опрошенных – 60% – девушки, 40% – юноши, что обусловлено естественным преобладанием женщин в генеральной совокупности. Результаты обрабатывались на базе компьютерной программы SPSS.

Исследование показало, что доминирующее мнение во всех возрастных когортах – желание ограничиться двоими детьми. Молодежь ранних возрастов (18-19, 20-21, 22-23 лет) чаще других ориентирована на трехдетность (соответственно – 15,0%, 11,8%, 12,5% при 8,2% в среднем по выборке). Более троих детей хотели бы только 18-19 летние (5%) и 22-23 летние (12,5% при 3,1% в среднем по выборке). 24-25 летние и 26-27 летние чаще других склонны к однодетной рождаемости (соответственно – 45,5% и 52,9% при 33% – в среднем по выборке). Молодежь более старших возрастов 28-29 и 30 лет и более чаще других ориентирована на двоих детей – соответственно 77,8%, 60,0% при 55,7% по выборке. Возраст влияет на желаемое количество детей. Чем старше возраст респондентов, тем они в большей степени ориентированы на двоих детей. Это подтверждается и данными других исследователей [6].

40% опрошенной молодежи имеют детей. Причем, чем старше молодые люди, тем выше среди них уровень детности, который к 28-29 годам достигает 90%. Среди детной молодежи все 20-25 летние имеют по одному ребенку. В 26-27 лет 75% молодых родителей имеют одного ребенка и 25% – двоих. В 28-29 лет 77,8% родителей имеют одного ребенка и 22,2% – двоих. В 30 лет и старше наряду с одним ребенком (54,5%), двумя (36,4%), появляются родители с тремя детьми (9,1%). Таким образом, с возрастом уровень детности в репродуктивных практиках молодежи увеличивается.

В ходе изучения репродуктивной мотивации выяснилось, что среди самых молодых (до 20 лет) – 91,9% считают, что основной причиной заведения детей является обоюдное желание мужчины и женщины, 5,4% – отметили случайность. Среди 20-24 летних молодых людей 75% отметили, что это должно быть желание мужчины и женщины, 17,9% – желание женщины. По 3,6% опрошенных в качестве репродуктивного мотива указали на стремление удержать любимого человека и случайность. Среди 25-29-летних 71,4% считают, что главным репродуктивным мотивом является обоюдность желания. 9,5% указали на такие причины, как стремление удержать партнера, желание мужа. По 4,8% опрошенных отметили желание жены и необходимость по возрасту. При этом обращает на себя внимание, что доминирующий мотив – взаимное желание обеих сторон (79%) с возрастом несколько снижает свою значимость под влиянием жизненного (видимо негативного) опыта. Случайность в репродуктивных установках свойственна только самым молодым женщинам (до 24 лет). Таким образом, возраст неоднозначно влияет на репродуктивные установки, опосредуясь жизненным опытом и другими факторами.

Самое распространенное среди молодежи мнение о желательном возрасте рождения первого – 24-25 лет (44% опрошенных). Только 20-21-летние указали на возраст 18-19 лет (11,8%). На необходимый возраст в 20-21 год чаще других указывала молодежь 18-21 года (соответственно 25,0% и 29,4%) а также – 24-25-летние (27,3%). На необходимый возраст в 22-23 года чаще других указывали молодые люди 20-21 года (23,5%), 22-23 лет (37,50%) и 26-27 лет (21,10%). Таким образом, с возрастом увеличивается приемлемый и должный срок рождения первого ребенка (отложенная рождаемость).

Большинство молодежи (60,2%) полагают, что необходима длительная подготовка к рождению ребенка. Чаще других на этом настаивали 20-21-летние (76,5%), 24-25-летние (63,6%) и 26-27-летние (64,7%), что показывает ответственное отношение к появлению детей. 18,4% согласны с этим, но сами так делать не собираются. Чаще других об этом заявляли 18-19-летние (20,0%), 22-23-летние (37,5%). 17,3% молодежи с этим категорически не согласны. Чаще других это мнение разделяют 22-23-летние (25,0%), 24-25-летние (18,2%) и те, кто старше 30 лет (20,0%) что, вероятно, свидетельствует о более легкомысленных установках и низком уровне репродуктивной культуры.

Возраст оказывает влияние и на отношение молодежи к тезису «чем больше детей, тем более счастлив человек». С этим полностью или частично согласны 21,9% молодежи, преимущественно 20-21 лет (28,6%), 24-25 лет (30%), 28-29 лет (33,3%). Таким образом с возрастом усиливается установка на большое количество детей. Однако, большинство молодежи (57,3%) в той или

иной мере с этим не согласны. Особенно это касается 18-19-летних (62,5%), 22-23 (71,4%), и тех, кому 30 лет и старше (83,4%). Каждый пятый молодой человек склонен оценивать этот тезис ситуативно.

Возраст влияет и на субъективную готовность молодежи к появлению детей. Так 58,8% молодежи в той или иной мере готовы завести детей. Чаще других об этом заявляли 20-21-летние (64,3%), 22-23 и 26-27-летние (по 62,5%). 26,2% – еще не определились с этим. Не готовы к этому в той или иной степени 23,1% опрошенных. Особенно – 18-19 (40%), 24-25 (33,4%), а также каждый четвертый молодой человек 26-27 лет, что связано, видимо, не столько с возрастом, сколько с жизненной стратегией, направленной на получение образования (в младших возрастах) и достижение социальных целей комфортности. Это провоцирует отложенную рождаемость в молодежной среде.

Подводя итог, можно сказать, что на репродуктивные установки самое большое влияние оказывают социально-демографические факторы – возраст и пол. С возрастом увеличивается приемлемый и должный срок рождения первого ребенка, повышается уровень детности в репродуктивных практиках молодежи, растет ответственное отношение к появлению детей, усиливается установка на детей как залог личного, семейного счастья, хотя большинство молодежи (57,3%) с этим не согласны. Вместе с тем распределение, способы принятия решений о желаемом числе детей и промежутках их рождения, а также ответственность за наступление беременности, контрацепция приобрели характер асимметрии, смещенной в сторону девушек.

Список литературы

1. Актуальные проблемы родительства в России / Отв. ред. Т.А. Гурко. – М.: Институт социологии РАН. 2013. 209 с.
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (Дата обращения: 03.03.2019).
3. Беляева М.А. Воспитание репродуктивной культуры молодежи: культурологический аспект // Педагогическое образование в России. 2011. № 1. С. 77-85.
4. Волченкова Е.В. Особенности репродуктивных установок современной молодежи // Вестник вятского государственного гуманитарного университета Издательство. 2014. № 8. С. 21-25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reproduktivnyh-ustanovok-sovremennoy-molodezhi/viewer> (Дата обращения: 04.02.2020).

5. Попов Н.М., Гайнутдинова И.А., Гильманова Д.Х. Репродуктивные установки современной молодежи // Ижевская государственная медицинская академия 2019. № 12-2. С. 124-127.

6. Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. Возрастная структура как фактор будущей динамики численности населения // Народонаселение. 2019. Т. 21. № 2. С. 18-33.

**ГЕНДЕРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ
GENDER AND AGE-SPECIFIC CHARACTERISTICS
OF POLITICAL ATTITUDES AMONG YOUNG PEOPLE**

А.А. Иудин

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

И.В. Привалов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.A. Iudin

Lobachevsky University

I.V. Privalov

National Research University “Higher School of Economics”,

Lobachevsky University

По результатам эмпирического исследования раскрыты половозрастные особенности политических установок россиян. Средняя возрастная группа мало отличается от выборки, демонстрирует повышенную аполитичности, находясь в фазе самоопределения. Зрелая группа политически активна, с четко определёнными электоральными предпочтениями консервативного толка. Группа самых юных по активности мало отличается от выборки, однако политические предпочтения часто полярны зрелым.

The results of the empirical study revealed the gender and age characteristics of the political attitudes of Russians. The average age group differs little from the sample, demonstrates increased apoliticality, being in the phase of self-determination. The mature group is politically active, with clearly defined conservative electoral preferences. The group of the youngest in terms of activity differs little from the sample, but political preferences are often polarized with maturity.

Ключевые слова: Политическая активность, электоральное поведение, выборы, политические ориентации, лояльность, оппозиционность

Keywords: Political activity, electoral behaviour, election, political orientations, loyalty, opposition

В современном российском обществе существует остростоящая проблема участия молодежи в общественной жизни. Молодежь как специфическую социально-демографическую группу отличает множество противоречий. В качестве главного выступает сочетание инновационного потенциала и консервативности, что не может не отразиться на ее социальных и политических установках. Молодежь в России не является однородной группой, особенно в социально-политических вопросах. По достижении определенного возраста человек превращается в субъект политики, чему способствует политическая социализация, которая в нашей стране может сильно зависеть от различных факторов, в том числе и половозрастных. Делается попытка определения специфики политических установок молодых людей разного пола и разных возрастных групп. Исследование «Факторы формирования политического поведения» осуществлено методом он-лайн анкетирования в марте-апреле 2018 года. Выборка целевая, N = 817, опрашивалась городская молодежь. Опрос осуществлялся силами студентов нижегородских вузов, привлекавших к опросу своих интернет-друзей, близких и родственников.

Аналізу подвергнуты социально-политические воззрения мужчин и женщин, юношей и девушек трех возрастных групп: юные (17-20 лет) – 61%, молодые (21-30 лет) – 24% и зрелые (31 год и более). В числе зрелых в выборке были люди в возрасте 31-39 лет (6,8%), 40-49 лет (5,6%) и старше 50 лет (2%). Средний возраст представителей зрелой группы составляет 40,7 лет. В число юных и молодых людей попали в основном представители студенческой молодежи, и это обстоятельство не может характеризоваться смещением выборки по двум причинам. Во-первых, сегодня основная масса молодых жителей городов после школы поступают в вузы, во-вторых, студенты являют собой наиболее рефлексирующую в отношении политических воззрений часть молодых людей. Важным является и то обстоятельство, что целью данного исследования являлось не столько выявление политических установок молодежи, сколько выявление половозрастных отличий в этих установках.

Результаты исследования в целом соответствуют реальному положению дел и мало отличаются как от данных ВЦИОМ, так и от реальных итогов голосования на выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII созыва.

Готовность голосовать по партийным спискам в Государственную Думу за партию Единая Россия проявляют прежде всего женщины, однако это прежде всего юные (17-20 лет) женщины, причем с годами интерес к этой партии у женской части электората падает. У мужчин, напротив, интерес к Единой России с годами растет, хотя довольно умеренно: даже у зрелых

избирателей готовность голосовать за эту партию не достигает среднего уровня по выборке.

Лояльность к федеральному партийному руководству у мужчин постепенно возрастает, но остается на сравнительно низком уровне, а у женщин интенсивно уменьшается. При этом и у мужчин, и у женщин нарастают оппозиционные партийные настроения: и те, и другие с годами склонны во все большей мере доверять КПРФ и ЛДПР. Коммунистической партии больше доверяют мужчины: во всех возрастных группах они проявляют готовность голосовать за КПРФ выше среднего выборочного уровня. Женщины преодолевают этот уровень только в зрелом возрасте, хотя и здесь их поддержка ниже, чем у мужчин. К остальным партиям уровень интереса у всех избирателей значительно ниже.

Юные мужчины демонстрируют несколько повышенный (выше среднего по выборке) интерес к ряду оппозиционных партий – ЛДПР, Яблоко и ПАРНАС. К Единой России их интерес ниже, чем в среднем по выборке. Намерения проигнорировать выборы и уровень затруднений с оценкой своей готовности голосовать находится у них приблизительно на среднем по выборке уровне. Представители этой группы находятся в поиске: их явно интересует политический процесс, но пока он им малоизвестен и не очень понятен.

Представители молодой возрастной группы (21-30 лет) дают пониженный уровень поддержки большинства партий, и при этом они чаще всех намерены проигнорировать выборы и реже всех испытывают затруднения по поводу выбора партий. Эту возрастную группу отличает повышенный уровень аполитичности. Эта часть молодежи чаще отвергает все партии и редко является поддержкой известных парламентских партий. Их аполитичность имеет выраженный оттенок оппозиционности.

Представители зрелой возрастной группы умеренно лояльны к правящей партии, хотя и здесь повышен процент поддержки оппозиционных партий – КПРФ и ЛДПР. Характерная черта представителей этой возрастной группы состоит в том, что при наличии наиболее отрефлексированных установок они чаще других выражают сомнения в правоте своих воззрений, чаще других сомневаются в адекватности своего выбора.

Оценивая свое участие в выборах Президента страны, представители разных возрастных групп – мужчины и женщины – по-разному осуществляли свой выбор. Представители молодых групп менее других поддерживали всех кандидатов и чаще других не ходили на эти выборы. Молодые избиратели характеризуются известной аполитичностью. Наиболее дисциплинированными избирателями вполне ожидаемо оказались представители зрелых групп, которые не ходили на выборы вдвое реже, чем в среднем по выборке.

Представители зрелых групп оказали наиболее заметную поддержку В.В. Путину, особенно женщины. Заметно повышенный уровень голосования за этого кандидата продемонстрировали и юные женщины. У мужчин склонность поддерживать В.В. Путина нарастает по мере взросления.

Зрелые женщины, активно голосовавшие за ЛДПР, совсем не поддержали В.В. Жириновского: они соглашаются с наличием шумной оппозиционной партии в российском парламенте, но совсем не желают видеть В.В. Жириновского в качестве Президента РФ. На этом посту его склонны видеть мужчины, прежде всего юные. Они более других голосовали за К.А. Собчак, Б.Ю. Титова и Г.А. Явлинского. Следует отметить, что Явлинский, как и партия Яблоко, пользуется поддержкой, хотя и небольшой, прежде всего молодых и юных мужчин. Это показывает, что юные избиратели, особенно мужчины, находятся в поиске. Зрелые избиратели активно поддерживали КПРФ и столь же активно поддержали П.Н. Грудина. У избирателей, поддерживавших КПРФ, Грудин явно ассоциировался с этой партией: и партию, и Грудина поддерживали мужчины, прежде всего зрелые, но и юные, и даже молодые мужчины голосовали за него более активно, чем в среднем по выборке.

Лояльность зрелых избирателей проявляется и в оценках деятельности власти: и зрелые мужчины, и зрелые женщины склонны одобрять работу президента и губернатора, они чаще считают, что дела в стране идут в правильном направлении, и на выборах они готовы поддержать власть, а не оппозицию. Однако при всей своей лояльности к власти они реже всех склонны одобрять работу премьер-министра Д.А. Медведева, причем оценка работы премьер-министра у женщин понижается по мере их взросления. Юные женщины более всех молодых избирателей склонны на выборах поддерживать власть, а вот юные мужчины чаще всех готовы поддерживать оппозицию. Но дело здесь не в повышенной лояльности или оппозиционности: юные находятся в поиске, их оценки наиболее эмоциональны.

Зрелые избиратели, реже всех игнорирующие выборы, чаще всех считают обязательно посещать их. Они уверены в себе (особенно мужчины) и чаще всех говорят, что для определения политической позиции они руководствуются собственными наблюдениями. Такой же точки зрения придерживаются и юные мужчины, которые часто отмечают, что достаточно хорошо представляют, что происходит в текущей политике. Мужчины могут заявить о своих политических предпочтениях даже среди малознакомых людей.

Представление о том, что юные и отчасти молодые избиратели находятся в состоянии поиска, подтверждается их отношением к предвыборной информации. Зрелые и молодые мужчины чаще оказываются в зоне умеренного

интереса, который определяется выбором варианта ответа на вопрос о предвыборных материалах: «Что-то интересно, что-то нет». Их интересуют преимущественно изобразительные, но не видеоматериалы – о Путине и других кандидатах. Такой избирательный интерес (что-то интересуется, а что-то нет) характерен и для юных мужчин, и для юных женщин. Однако для юных (и отчасти молодых) мужчин интерес к этим материалам выше, особенно в той части, где они касаются В.В. Путина.

Итак, юные избиратели, особенно мужчины, находятся в состоянии политического поиска и самоопределения, молодые люди (21-30 лет) отличаются известной аполитичностью, а зрелые люди (старше 30 лет) имеют достаточно устойчивые взгляды и установки, предпочитают политическую определенность – как лояльную, так и оппозиционную. При этом лояльность к власти более свойственна женщинам, в том числе и юным.

Представляется необходимым вопрос актуализации данных в выделенных половозрастных когортах по параметрам: поддержки первых лиц государства, учитывая смену премьер-министра; реакции на голосование по поправкам в Конституции РФ 2020 года; протестного потенциала. Эти события могут выступать индикаторами политического самоопределения в некоторых группах.

ЗНАЧЕНИЕ МУЗЫКИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ **THE IMPORTANCE OF MUSIC IN THE DAILY LIFE** **OF YOUNG PEOPLE**

О.А. Немова
*Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина,
г. Нижний Новгород*

O.A. Nemova
*Nizhny Novgorod state pedagogical University named after K. Minin,
Nizhny Novgorod*

Представлен анализ музыкальных предпочтений современного нижегородского студенчества по итогам проведенного в 2019 г. социологического исследования на тему: «Роль музыки в жизни молодежи» на базе лаборатории по проблемам современной семьи НГПУ им. К. Минина (N-300). Использование количественного социологического метода и последующей обработкой данных в программе SPSS-21 позволило выявить отношение молодежи к музыке, а также обозначить роль семьи в процессе формирования молодежных музыкальных вкусов и предпочтений.

The article presents an analysis of musical preferences of modern Nizhny Novgorod students based on the results of a sociological study conducted in 2019 on the topic: "the Role of music in the life of young people" on the basis of the laboratory of modern family problems of the NSPU named after K. Minin (N-300). The use of a quantitative sociological method and subsequent data processing in the SPSS-21 program allowed us to identify the attitude of young people to music, as well as to identify the role of the family in the formation of musical tastes and preferences of young people.

Ключевые слова: музыка, культура, молодежь, ценностные представления
Keywords: music, culture, youth, value representations

Значение музыки в жизни человека сложно переоценить: она сопровождает нас с рождения и до глубокой старости, в публичном и частном пространстве, в горе и в радости... Особую роль играет музыка в жизни современной молодежи. Редкий молодой человек, идущий по улице, сидящий в транспорте, отдыхающий в городском сквере или парке, не слушает музыку. Уже привычным явлением повседневной жизни стали юноши и девушки с торчащими из ушей наушниками. В основном слушают музыку, кто-то аудиокниги, тексты лекций. Последние в явном меньшинстве по отношению к первым. В целом, по итогам многочисленных социологических исследований прослушивание музыки в молодежной когорте выходит на ведущие позиции в формах организации досуга. Исследование музыкальных молодежных предпочтений, таким образом, является одной из актуальных проблем социологии музыки, социологии молодежи, а также искусствоведения.

Анализу музыкальных предпочтений нижегородской студенческой молодежи в возрасте от 15 до 25 лет было посвящено социологическое исследование, призванное дать эмпирическое описание состояния становления музыкальных интересов и предпочтений на основании эмпирических данных. В 2019 гг. на базе исследовательской лаборатории по проблемам современной семьи НГПУ им. К. Минина (далее – НГПУ) (руководитель лаборатории О.А. Немова) было организовано и проведено социологическое исследование «Роль музыки в жизни молодежи». Опрос проводился методом анкетирования (N-300).

В исследовании приняли участие студенты НГПУ им. К. Минина (89.3%) и учащиеся Нижегородского музыкального училища им. М.А. Балакирева (10.7%), среди них 39% мужского пола и 61% – женского пола. Основной спецификой Нижегородского училища им. М.А. Балакирева является подготовка профессиональных музыкантов. Опрос студентов НГПУ проводился преимущественно на факультете управления социально-технических сервисов (ФУиСТС), то есть среди студентов, чьи

профессиональные предпочтения не связаны с музыкальным профилем подготовки.

С целью выявления роли семьи в формировании музыкальных предпочтений респондентам был задан вопрос, «Кто оказал наибольшее влияние на Ваши музыкальные предпочтения?». Участникам опроса предлагалось выбрать один вариант ответа из пяти («родители», «родственники», «одноклассники (однорукники), коллеги по работе», «друзья», «СМИ, радио, телевидение, газеты, сеть интернет и т.д.»). Наибольшее воздействие на формирование музыкальных вкусов оказывают родители и родственники (38% и 4.3%). Немаловажное значение в процессе музыкальной социализации подрастающих поколений имеет мнение друзей (28.7%) и СМИ (25.3%). Мы установили, что, вопреки бытующему мнению о всевластии СМИ (в эпоху тотального информационного поглощения массового сознания), они не имеют подавляющего воздействия на формирование музыкальных предпочтений. В процессе музыкальной социализации именно влияние семьи и ближайшего окружения играют ключевую роль.

На вопрос: «Какая музыка звучит в Вашем доме?», респонденты ответили следующим образом: 65.3% слушают дома эстрадную, поп музыку, 16.3% – классическую музыку (в основном студенты им. М.А. Балакирева), 6.3% – рок-музыку, 2.7% – джаз. 9.3% отметили, что в их доме никакая музыка не звучит.

Исследование проблемы с позиции «профессионалы» и «непрофессионалы» показало, что для студентов музыкального училища родительское влияние является более значимым по сравнению со студентами НГПУ им. К. Минина (93.8% против 12.7%). Вероятно, любовь родителей к музыке и сохранение традиций семейного прослушивания музыки (в особенности классической) повлияли не только на формирование музыкальных вкусов и предпочтений молодежи, но и, как следствие, определили их профессиональный выбор

Музыкальные национальные традиции имеют глубокие исторические корни. Бытовая и праздничная культура русского народа немыслима без танцев, музыки и пения [1]. Песня сопровождала трудовую жизнь и праздники всех слоев российского общества. Между тем, в ходе исследования было выявлено, что постепенно утрачивается традиция совместного семейного музицирования, исполнения песен в кругу семьи. На вопрос: «Исполняются ли у Вас в семье по праздникам так называемые «застольные песни»?» лишь 24.7% респондентов ответили утвердительно, а 75.3%, соответственно, отрицательно. Группа «профессионалов» ожидаемо чаще, по сравнению, с «непрофессионалами», сохраняет традиции праздничного пения (50% против 21.6%).

Постепенное выхолащивание лучших семейных музыкальных традиций из повседневной и праздничной жизни россиян оцениваем как отрицательное социальное явление, поскольку музыка является не только хранителем русского ментального кода и характера, но и, одновременно, механизмом межпоколенческого сплочения и транслятором межпоколенческих ценностей.

В век научно-технического прогресса широкую популярность получило исполнение песен под караоке. Одной из гипотез исследования было утверждение, что молодежь продолжила традицию совместного семейного музицирования посредством использования новых технических возможностей, то есть караоке. Однако, эта гипотеза не получила подтверждения. Лишь 21.7% респондентов поют дома под караоке, 78.3%, соответственно, этого не делают, проявляя равнодушие к музицированию как таковому, невзирая на наличие технических новинок. Группа «профессионалов» чаще, по сравнению с «непрофессионалами», исполняет песни под караоке (50% против 21.6%).

В прошлое уходит традиция и совместного семейного посещения музыкальных вечеров (абонементных или иных концертных мероприятий). На вопрос, «Существует ли в Вашей семье традиция совместного семейного посещения музыкальных вечеров (абонементных или иных концертов)?», утвердительно ответили лишь 17% от общего числа респондентов. «Профессионалы», по сравнению со своими менее причастными к музыкальной профессии сверстниками, посещают городские музыкальные мероприятия в два раза чаще (31.3% против 15.3%).

Какие именно мероприятия более всего привлекают молодежь в качестве организации семейного досуга? Для тех, кто ответил положительно на предыдущий вопрос, было предложено ответить на вопрос, «Если вы посещаете концерты или музыкальные спектакли со своими домашними, то какие именно предпочитаете?». 21% респондентов посещают концерты популярной музыки, 18.7% – спектакли театра оперы и балета, 17% – концерты классической музыки и 7% – спектакли театра оперетты.

Какова же ситуация с сохранением и приумножением традиции семейного музицирования в наше «постперестроечное» время, эпоху господства либерально-рыночных отношений? Итоги исследования не внушают оптимизма: лишь 5.7% респондентов на вопрос, «Есть ли в Вашей семье традиция семейного музицирования?» ответили «Да, очень часто», 5.3% – «довольно часто», 34% – «иногда» и 55% – «никогда».

Подводя краткие итоги данного исследования, мы пришли к выводу, что несмотря на то, что музыка ежедневно присутствует в жизни каждого человека, безвозвратно утрачиваются традиции совместного семейного музицирования, посещения концертов музыкальных исполнителей, исполнение «застольных

песен» по праздничным датам. Данный социальный факт свидетельствует о наметившимся в 90-е годы XX века разрыве межпоколенческих связей [2]. Сегодня мы являемся свидетелями того, как рвется тонкая нить культурных межпоколенческих связей, следствием чего может быть в будущем утрата национального ментального кода.

Музыкант Юрий Лоза, оценивая результаты очередного социологического исследования по поводу музыкальных предпочтений россиян (данные опроса коррелируют с нашими авторскими исследованиями), в интервью «News.ru» сказал, что в России «потихонечку псевдокультура стала культурой, псевдоотношения – отношениями. Однополый брак вдруг стал браком. Отсутствие пения – пением. И так далее» [3].

Список литературы

1. Немова О.А., Карташева И.А. Воспитательный потенциал современного музыкального медиаконтента // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (23). С. 132–136.

2. Свадьбина Т.В., Козырьков В.П., Немова О.А., Медведева Т.Ю., Танеева Г.М. // Частная жизнь семьи: в поиске гармонии и смысла / монография / Н. Новгород: Мининский ун-т, 2017. 147 с.

3. Рамблер / новости. Опрос показал музыкальные предпочтения россиян https://news.rambler.ru/sociology/41738782/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 25.04.2020).

ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ КАК СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ THE PROBLEMS OF YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES AS A SOCIAL AND AGE GROUP

О.А. Новожилова
*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

O.A. Novozhilova
*Saint Petersburg state University,
Saint Petersburg*

Анализируются молодые инвалиды как специфическая социальная группа и ее взаимодействие с городской средой. Автор аргументирует выделение молодых инвалидов в отдельную социальную группу. Перечислены основные проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди с инвалидностью в городской среде.

The article analyzes young disabled people as a specific social group and its interaction with the urban environment. The author argues that young people with disabilities are allocated to a separate social group. The main problems faced by young people with disabilities in everyday life are listed.

Ключевые слова. Инвалидность, молодые инвалиды, социальная политика, люди с ограниченными возможностями, социальная группа, доступная среда

Keywords. Disability, young people with disabilities, social policy, people with disabilities, social group, accessible environment

В России люди с ограниченными возможностями здоровья рассматриваются, прежде всего, как объект социальной помощи, люди, зависящие от других. С ратификацией Конвенции о правах инвалидов в 2012 г., государство взяло на себя обязательства по обеспечению инвалидам равных с другими людьми прав и возможностей, основанных на концепции независимой жизни. Однако ряд исследований показывают, что на практике ситуация выглядит пока не столь успешно. Один только факт, что ряд социальных программ, направленных на улучшение качества жизни инвалидов, в частности программа «Доступная среда 2011-2020», продлили до 2025 года, говорит о том, что результат не достигнут.

Проблемным полем является выделение молодых инвалидов в отдельную социально-возрастную группу населения. Существуют множество исследований, касающихся инвалидности и ее основных аспектов. Так, в отечественной социологии и антропологии проблемы инвалидов исследовали Е. Ярская-Смирнова, Э. Наберушкина, М. Муравьева, А. Клепикова, И. Утехин, П. Романов. Однако, исследований, объектом которых являются непосредственно молодые инвалиды, насчитывается мало. Среди российских авторов, занимающихся проблемами молодых инвалидов, можно выделить И.Ф. Албегову, Ф.Г. Албегова, И.С. Корешкову, О.М. Румянцеву, Ю.Н. Рюмину. Однако их публикации, посвящены в большей степени реабилитации и технологиям социальной работы с молодыми людьми с ограниченными возможностями. Недостаточен социологический анализ данной группы, не учтены ее особенности как объекта социальной и молодежной политики государства и ее возможности быть субъектом.

Целью является социологический анализ положения молодых инвалидов, а также анализ проблем, с которыми они сталкиваются.

Молодых инвалидов в России в возрасте от 18 до 30 лет около 1 млн человек, при этом в Санкт-Петербурге 12533 человека [1]. Автор отмечает, что возрастной критерий молодых инвалидов – это 18-35 лет: нижняя граница

обусловлена тем, что до 18 лет человек попадает в категорию «ребенок-инвалид», верхняя граница обусловлена законодательством РФ, согласно которому молодежью считается возраст до 30 лет, а в составе молодых семей – до 35 лет. Возрастной промежуток от 30 до 35 лет статистикой не учитывается. Тем не менее, это важный период в жизни каждого человека.

И. Албегова подчеркивает, что «особым критерием выделения группы молодых инвалидов является наличие у молодого человека статуса инвалида, который определяется различными видами болезней» [2]. Эта социально-возрастная группа является достаточно разнородной. Так, в зависимости от степени тяжести заболевания, можно выделить I, II или III группу инвалидности. Кроме того, различные заболевания будут накладывать те или иные ограничения на жизнедеятельность молодых людей, на их взаимодействие с окружающей средой. Автору представляется, что наиболее трудным взаимодействием с городской средой для молодых людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, зрения, слуха и с умственными нарушениями. Трудности возникают в преодолении барьеров, с которыми сталкиваются люди с указанными видами нарушений в повседневной жизни, как физическими, так и психологическими. Так, если для инвалидов, передвигающихся на кресле-коляске, необходимо устранение только физических барьеров, то для инвалидов с нарушением зрения необходимо устранить физические и информационные барьеры на пути движения, предоставление информации в доступном виде. Это будет успешным шагом на пути взаимодействия инвалидов с окружающей средой. Работа в этом направлении ведется, но пока далека от того момента, когда мы можем сказать, что хотя бы 80% от общей численности данных категорий инвалидов могут свободно выйти из дома и посетить любое учреждение.

Отсутствие доступной городской среды для молодых людей с инвалидностью влияет и на возможность получить полноценное образование. Согласно Федеральному закону 181-ФЗ от 24.11.1995 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», инвалиды имеют право на получение образования, образовательные организации предоставляют инвалидам льготные условия поступления. Многие инвалиды пользуются этим правом, некоторые даже отказываются от этой возможности, чтобы доказать себе, что они могут поступить наравне со всеми.

Но большинству граждан с ограниченными возможностями здоровья получение образования остается недоступным. И дело даже не в образовательных организациях, хотя безбарьерная среда есть далеко не в каждом образовательном учреждении. А в том, что инвалидам просто не добраться до места учебы. Работая в одном из центров реабилитации, автор

отмечает, что ряд молодых людей выражали желание получить среднее профессиональное образование в Профессионально-реабилитационном центре. В настоящее время это единственное профильное образовательное учреждение для людей с инвалидностью и ослабленным здоровьем в Санкт-Петербурге. Однако его расположение доступно далеко не всем желающим. Молодые инвалиды, проживающие в Кировском, Красносельском, Петродворцовом и ряде других районах, не могут самостоятельно добраться до Центра. Сейчас набирает популярность дистанционное обучение, что для молодых людей с инвалидностью является очень важным. Отчасти такой метод поможет решить данную проблему, но, с другой стороны, инвалиды снова окажутся в социальной изоляции.

И. Корешкова отмечает, что основной для молодых инвалидов остается проблема занятости [3]. Автор согласен с данным мнением в части необходимости создания новых форм занятости, таких как участие в разработке и реализации социальных проектов и программ. Политика государства в направлении занятости, как правило, сводится к квотированию рабочих мест и профессиональной реабилитации. К сожалению, в работе с инвалидами, в том числе молодыми, специалисты сталкиваются с низкой мотивацией к труду. Так, в одном из районных центров социальной реабилитации в рамках немецко-российского проекта было создано небольшое свечное производство, где люди с инвалидностью изготавливали свечи на продажу. Некоторое время спустя специалистам центра пришлось самим изготавливать свечи на заказ, потому что инвалиды перестали проявлять интерес и отказывались от работы. В итоге проект, реализация которого получила много восторженных отзывов со стороны потребителей, закрылся, а изготовление свечей превратилось в досуговую деятельность. Другим примером низкой мотивации является профессиональная реабилитация, которую осуществляют на базе центра. Специалисты совместно с инвалидами посещают различные ярмарки вакансий, осуществляют взаимодействие с районной службой занятости, помогают инвалидам трудоустроиться. Однако, спустя некоторое время (как правило, 1-2 месяца), инвалиды увольняются и возвращаются на социальное обслуживание в центр. Причинами подобного социального поведения являются как недостаточная работа по мотивации клиентов со стороны сотрудников, так и отсутствие условий для комфортной работы на местах, несовпадение ожиданий с реальностью. Так уровень занятости и экономической активности инвалидов остается на крайне низком уровне.

Другой проблемой, с которой сталкиваются молодые инвалиды, является социальная изолированность, неготовность российского общества «принять» нетипичного человека. Несмотря на то, что, по данным исследований, люди

стали чаще видеть инвалидов на улицах города, проблема до сих пор актуальна [4].

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что понятие «молодые инвалиды» выходит за пределы сложившихся рамок анализа инвалидности, не выделяется в статистических данных и, как следствие, не учитывается или учитывается не в полной мере в практической работе государственных учреждений. Проблемы молодых инвалидов как социальной группы требуют комплексного решения с сохранением индивидуального подхода.

Безусловно, выделяя и обособляя определенную социальную группу, мы тем самым дискриминируем ее. Однако, выделять молодых инвалидов необходимо, чтобы проанализировать, что сделано для данной социальной группы, но не обособлять ее от остального населения. Справедлива фраза Олега Колпащикова, незрячего бизнес-тренера из Екатеринбурга, одного из организаторов проекта «Белая трость», о помощи инвалидам: «Если ты по-настоящему хочешь помочь инвалиду, подумай, чему ты можешь у него научиться» [5]. Возможно, именно с этой позиции стоит смотреть на проблемы молодых инвалидов. Логика проста – когда мы учимся у других людей, мы смотрим на них с уважением, с заинтересованностью, а не с сочувствием и жалостью. Почувствовать себя равными с другими, равными в социальном плане – особенно важно для молодого человека с инвалидностью.

Список литературы

1. Федеральная государственная информационная система «Федеральный реестр инвалидов». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost/chislennost-po-vozzrastu?territory=1>.

2. Албегова И.Ф., Корешкова И.С. Молодые инвалиды как социальная группа и объект социальной работы // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3, № 1. С. 50–54.

3. Корешкова И.С. Молодые инвалиды как группа современной российской молодежи и ее проблемы в меняющемся мире. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/81617/1/978-5-91416-007-1_2016-233.pdf

4. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Инвалиды и общество: двадцать лет спустя // Социологические исследования. 2010. №9. С. 50–58.

5. Михнова И. Пространство возможностей. Заметки на полях библиотечного дела. Сборник полемических статей. Москва: Российская государственная библиотека для молодёжи, 2017. 120 с.

**УСТАНОВКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ МОЛОДЕЖИ
РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН***
**ATTITUDES TOWARDS MIGRANT OF THE YOUTH OF RUSSIA
AND OTHER EUROPEAN COUNTRIES**

В.А. Прохода
*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва*
V.A. Prokhoda
*Lomonosov Moscow State University,
Financial university under the Government of Russian Federation,
Moscow*

Анализируются результаты сравнительного исследования. Выявлено, что молодые россияне чаще демонстрируют негативное отношение к мигрантам, нежели их сверстники из большинства европейских государств. Констатируется, что в России и ряде других стран представители разных возрастных групп молодежи статистически значимо различаются в своих установках по отношению к мигрантам.

The results of a comparative study are analyzed. It was revealed that young Russians are more likely to show a negative attitude towards migrants than their peers from most European countries. It is stated that in Russia and a number of other countries, representatives of different age groups of young people differ statistically significantly in their attitudes toward migrants.

Ключевые слова: миграция, мигранты, иммигранты, отношение к мигрантам, молодежь, теория поколений, европейские страны, европейское социальное исследование

Keywords: words: migration, migrants, immigrants, attitude towards migrants, youth, generation theory, European countries, The European Social Survey

Эмпирической основой публикации послужили некоторые результаты девятой волны (2018 г.) социологического исследования «Европейское социальное исследование» (ESS). ESS – сравнительное межстрановое исследование, которое проводится в европейских странах методом личного интервью (face-to-face) среди населения в возрасте 15 лет и старше по национальной репрезентативной случайной выборке. Российское социальное исследование, являющееся ассоциированной частью (related study) ESS, проведено ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в

* Публикация подготовлена в рамках проекта «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований № 20–011–00285 А.

ноябре 2018 г. – феврале 2019 г., размер выборки – 2416 респондентов. Методология исследования описана в технической документации проекта на сайтах www.europeansocialsurvey.org и www.ess-ru.ru. В публикации анализируются данные по 20 странам. Для обеспечения сопоставимости данных в разных странах использована процедура взвешивания.

Вопрос определения границ молодежного возраста является весьма дискуссионным [1; 2]. Очевидно, что возрастные границы молодежи могут варьироваться как в разных государствах, так и в отдельно взятой стране. В соответствии с российским законодательством, под молодежью понимается социально-демографическая группа, включающая лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях (молодая семья, молодой специалист, молодой ученый) до 35 и более лет. В данной публикации под молодежью будет пониматься совокупность лиц в возрасте от 15 до 34 лет включительно.

Респонденты в возрасте 34 лет и младше были разделены на две возрастные группы. В первую (незрелая и зрелая молодежь), которая отчасти соотносится с поколением «Z», оказались включены молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет (в России $n = 336$). Вторую группу, которую можно идентифицировать как часть поколения «Y», составили опрошенные в возрасте от 25 до 34 лет (в России $n = 473$). Отметим, что такое деление весьма условно, однако в целом отвечает поставленной задаче.

Отношение населения к мигрантам, влияние миграции на условия жизни в стране в ESS подверглось операционализации по двум направлениям – влияние на экономику страны и влияние на ее культуру. Для выявления установок по отношению мигрантам респондентам задавались следующие вопросы (приведена нумерация вопросов, соответствующая анкете ESS-2018):

В 41. *«Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в нашу страну, в целом хорошо или плохо сказывается на ее экономике?»;*

В 42. *«Как Вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру нашей страны?»;*

В 43. *«Как Вы считаете, с притоком людей из других стран наша страна как место для жизни становится лучше или хуже?».*

Предусматривалась возможность ответа по шкале от 0 до 10 баллов, где «0» баллов означало – негативное влияние («плохо для экономики», «разрушает культуру страны», «становится хуже»), «10» баллов – позитивное влияние («хорошо для экономики», «обогащает культуру страны», «становится лучше»).

Проведенный факторный анализ (КМО = 0,74; процент объясненной дисперсии – 80,7%; критерий сферичности Бартлетта $\leq 0,001$) показал корректность построения интегративного показателя, характеризующего

отношение молодых респондентов к мигрантам. В итоге был рассчитан единый интегративный показатель, включающий в себя с высокими нагрузками переменные В 41, В 42, В 43. Респонденты с выраженным позитивным отношением к мигрантам убеждены, что наличие мигрантов хорошо сказывается на экономике и обогащает культуру, делает жизнь в стране лучше.

Чем меньше значение показателя, тем негативнее респонденты относятся к мигрантам (отрицательный полюс показателя), а чем больше значение по рассчитанной характеристике – тем позитивнее установки респондентов по отношению к мигрантам (положительный полюс показателя). Страны-участницы ESS были ранжированы в порядке возрастания средних значений интегративного показателя, характеризующего отношение молодых респондентов к мигрантам.

Можно констатировать, что молодые россияне по сравнению со сверстниками из других европейских стран чаще демонстрируют негативное отношение к мигрантам (ранг 3). Хуже показатели только в Венгрии (ранг = 1) и Чехии (ранг = 2). В числе других стран-аутсайдеров оказались Болгария (ранг = 4), Словения (ранг = 5), Кипр (ранг = 6). Позитивное отношение характерно для молодых респондентов в Ирландии (ранг = 20), Великобритании (ранг = 19), Германии (ранг = 18), Финляндии (ранг = 17), Норвегии (ранг = 16), Швейцарии (ранг = 15).

На уровне процентных распределений в Венгрии среди молодежи позитивное отношение к мигрантам демонстрируют 7% опрошенных, скорее позитивное – 16.4%. При этом скорее негативные установки отмечаются у 26.7% молодых венгров, а выраженные негативные – 50% респондентов. Для сравнения в «благополучной» Ирландии позитивно относятся к мигрантам 44.9% молодых жителей, скорее позитивно – 25%, в то же время скорее негативное отношение фиксируется у 20.4%, а негативное у 9.7% молодых ирландцев. В России получено следующее распределение: позитивные установки – 11.4% молодых россиян; скорее позитивные – 16.6%; скорее негативные – 30.7%; негативные – 41.2% респондентов.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что в большинстве (13 из 20) стран-участниц проекта отсутствуют статистически значимые различия (использован t-критерий для независимых выборок) в установках выделенных возрастных групп молодежи по отношению к мигрантам. Отметим, что в числе таких государств оказались все страны с выраженным позитивным отношением молодых респондентов к мигрантам (ранги с 16 по 20). В то же время представители разных возрастов значимо различаются по рассматриваемому показателю в Австрии, Бельгии, Нидерландах, России, Чехии, Швейцарии, Эстонии. Во всех этих странах, за исключением Швейцарии, респонденты

старшей группы молодежи демонстрируют более позитивное отношение к мигрантам, нежели молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет. При этом максимальное различие фиксируется в России.

Проиллюстрируем на примере процентных распределений. Демонстрируют позитивное отношение к мигрантам 17.3% представителей младшей возрастной группы и только 6.3% респондентов в возрасте от 25 до 34 лет (скорее позитивное отношение соответственно – 19% и 14.6%). Четко выраженные негативные установки характерны для трети (33.7%) опрошенных в возрасте от 15 до 24 лет и почти половины (47.7%) представителей взрослой молодежи (скорее негативные соответственно – 30% и 31.4%).

Таким образом, можно констатировать, что молодые россияне относятся к мигрантам сравнительно хуже, нежели их сверстники из большинства европейских государств. В ряде стран-участниц проекта (Австрия, Бельгия, Нидерланды, Россия, Чехия, Швейцария, Эстония) представители возрастных групп молодежи значительно различаются в своих установках по отношению к мигрантам. За исключением Швейцарии, опрошенные младшей группы демонстрируют более позитивное отношение к мигрантам, нежели представители взрослой молодежи. В России фиксируется максимальное по европейским меркам различие в установках представителей выделенных возрастных групп.

Список литературы

1. Давнис В.В. Молодежь как объект статистического анализа // Статистика и экономика. 2004. № 2. С. 45–55.
2. Радченко А.Ф. Молодежь и ее возрастные границы // Социология власти. 2012. № 3. С. 19–29.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
МОЛОДЕЖИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
TRANSFORMATION OF VALUE ORIENTATIONS
OF YOUTH OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION**

С.В. Устинкин

*Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А Добролюбова,
г. Нижний Новгород*

S.V. Ustinkin

*Linguistic State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod*

На основе материалов многолетних социологических исследований, проведенных в Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории НГЛУ «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», показана трансформация социально-политических ценностей студентов вузов Нижегородской области в период с 2006 по 2020 гг. Обеспечение устойчивого развития и сохранения стабильности российского общества требует повышения действенности работы с учащейся молодежью государства и заинтересованных институтов гражданского общества.

Based on the materials of long-term sociological research carried out in the international interdisciplinary research laboratory of LUNN "Study of world and socio-political processes", the transformation of the socio-political values of university students in the Nizhny Novgorod region in the period from 2006 to 2020 is shown. Ensuring sustainable development and sustainability of Russian society requires an increase in the efficiency of work with students by the state and the institution of civil society.

Ключевые слова: молодежь, «миллениалы 3С» («смартфоны», «социальные сети», спад экономики), трансформация ценностей, запрос на реформирование политического режима

Keywords: youth, "millennials 3C" ("smartphones", "social networks", economic downturn), transformation of values, Request for reform of the political regime

Как показывает опыт смены политических режимов по всему миру в ходе «цветных революций», молодежь является объектом воздействия со стороны противоборствующих социально-политических сил и субъектом многих важных общественных процессов, от направленности которых зависит стабильность и устойчивое развитие государств [1]. Между тем обстановка в молодежной среде РФ сложна и противоречива. Это обстоятельство придает особую актуальность постоянному мониторингу ситуации в молодежной среде

и повышению эффективности работы государственных и общественных структур с молодежью [2].

В мировой историографии нет единства мнений по вопросу о том, насколько действенны усилия по просвещению и воспитанию молодежи и какие ценности она разделяет [3].

Исследователи, исповедующие либеральные ценности, считают, что поколение «миллениалов 3С» ориентируется на демократические политические ценности. Большая часть российской молодежи, с их точки зрения, адаптировалась к условиям рыночной экономики, хорошо знает иностранные языки, имеет высокие карьерные притязания, креативна, раскрепощена, имеет все возможности приобщиться к мировой культуре и самореализоваться [4]. По сравнению со старшим поколением она более образованна, откладывает создание семьи и рождение детей, позже выходит на рынок труда, чаще меняет место работы или профессию, больше погружена в цифровые технологии, меньше пьет алкоголь и курит, больше занимается спортом, проявляет более высокую культурную активность. Среди «миллениалов» мало верующих и посещающих церковь, выше уровень удовлетворенностью жизнью, счастья и оптимизма [5].

Исследователи, исповедующие традиционные государственно-патриотические ценности, наоборот, утверждают, что молодежь, по сравнению с предшествующими поколениями, серьезно обделена возможностями приобщения к ценностям отечественной и мировой культуры, получения качественного среднего специального и высшего образования, высокооплачиваемой и творческой работы, возможностями творческого роста и самореализации. Невозможность реализовать свой потенциал толкает часть молодежи к девиантному поведению и саморазрушению, другую часть к поиску социальной справедливости, к различным формам социального протеста, порой перерастающего в экстремизм [6].

В свете всего вышесказанного необходимо кардинально изменить государственную молодежную политику, целенаправленно и систематически работать с молодежью, повышать ее социальную ответственность и активность.

На наш взгляд, эти прямо противоположные оценки отражают не реальное состояние дел в молодежной среде РФ, а убеждения самих аналитиков, вольно или невольно подгоняющих результаты своих исследований под разделяемые ими политические доктрины. К тому же необходимо учитывать, что молодежь крайне неоднородна, каждая ее страта имеет значительные особенности, которые необходимо учитывать при работе с ней.

Мы разделяем рационально-критическую оценку состояния дел в молодежной среде. Современные «миллениалы» не являются потерянными

поколением, но и проблем у молодежи и при работе с молодежью более, чем достаточно [7].

Современная молодежь ориентирована на осуществление демократических процессов в России. Причем реализацию демократических преобразований респонденты во многом связывают с собственной активностью (Табл. 1) [8; с. 74].

Т а б л и ц а 1

Готовность молодежи к социально активной деятельности (в % по годам)

		2006	2011	2014	2015	2016	2018
Я хотел бы когда-нибудь принять участие в работе партии или политической молодежной организации	Полностью согласны	16,9	12,7	13,9	14,9	15,0	15,3
	Скорее согласны	22,0	20,8	21,6	22,3	22,5	19,2
	Затруднились ответить	18,2	26,5	19,7	21,0	22,1	22,9
	Скорее не согласны	17,2	22,4	19,8	19,8	17,8	17,5
	Не согласны	25,7	17,6	25,1	20,5	22,6	28,2

Данные, приведенные в Таблице 1 показывают, что, с одной стороны, российская молодежь готова к общественной, социально-политической активности (в 2011 г. – 33,5%, в 2016 г. – 37,5% [3, с. 11-12], 2018 г. – 34,5%). С другой стороны, высока доля социально и политически пассивных молодых людей (в 2018 г. их доля составила 45,7%, при 22,9% респондентов, затруднившихся с ответом).

Возникает вопрос: «Как же оценивать данные показатели общественной активности молодых?». С одной стороны, потенциальная общественная активность российской молодежи является позитивным фактом, так как на фоне растущей политической пассивности молодежи западных стран российская молодежь готова приложить силы к осуществлению общественно значимых целей, т.е. в своих желаниях и устремлениях она имеет достаточно оснований для своей партийной и гражданской идентификации. Однако необходимо, чтобы политики повернулись лицом к молодежи, так как ниша позитивной политической активности молодых людей может быть заполнена наркотиками, различными деструктивными культурами, участием в различного рода профашистских, экстремистских организациях [9].

Молодежное сознание ориентировано на восприятие государства и сопряженных с ним политических институтов как гаранта стабильности и порядка, что можно объяснить особенностями национальной политической культуры. Подобные количественные и качественные характеристики сознания учащихся с небольшими колебаниями сохраняются и в настоящее время, занимая первое место по шкале социальной значимости. На втором месте, по данным исследования 2020 г., находится показатель защиты прав на свободное

выражение своего мнения, на третьем – борьба с повышением цен, на четвертом – возможность граждан влиять на политику.

Сравнительный анализ представленных в таблице 2 результатов опроса по оценке респондентами эффективности функционирования политической и экономической систем России показывает: во-первых, если для результатов опроса 2016 г. характерна, хотя и незначительная, но положительная тенденция роста количественных и качественных показателей в оценках деятельности политической и экономической систем РФ, то по результатам опроса 2018 г. произошел значительный спад положительных характеристик.

Т а б л и ц а 2 [8; с. 76]

Оценка эффективности функционирования политической и экономической систем России, %

	Полностью согласны	Скорее согласны	Затруднились ответить	Скорее не согласны	Не согласны
Политики и госаппарат в России хорошо выполняют свои функции и не требуют существенных изменений	2006 г. - 2,9	2006 г. - 11,9	2006 г. - 19,9	2006 г. - 35,5	2006 г. - 29,8
	2011 г. - 1,9	2011 г. - 11,1	2011 г. - 24,7	2011 г. - 33,8	2011 г. - 28,5
	2014 г. - 3,3	2014 г. - 11,9	2014 г. - 28,1	2014 г. - 32,1	2014 г. - 24,6
	2015 г. - 6,1	2015 г. - 20,3	2015 г. - 34,0	2015 г. - 25,8	2015 г. - 13,1
	2016 г. - 7,1	2016 г. - 19,8	2016 г. - 31,4	2016 г. - 26,0	2016 г. - 15,7
	2018 г. - 2,8	2018 г. - 12,0	2018 г. - 28,1	2018 г. - 29,5	2018 г. - 27,6
Экономическая система в России хорошо функционирует и не требует существенных изменений	2006 г. - 3,9	2006 г. - 9,1	2006 г. - 20,8	2006 г. - 33,0	2006 г. - 33,2
	2011 г. - 3,1	2011 г. - 11,5	2011 г. - 24,9	2011 г. - 34,9	2011 г. - 25,6
	2014 г. - 2,2	2014 г. - 11,6	2014 г. - 29,7	2014 г. - 33,2	2014 г. - 23,3
	2015 г. - 4,4	2015 г. - 11,7	2015 г. - 32,4	2015 г. - 30,5	2015 г. - 20,8
	2016 г. - 5,0	2016 г. - 11,4	2016 г. - 29,4	2016 г. - 27,8	2016 г. - 26,4
	2018 г. - 2,9	2018 г. - 8,7	2018 г. - 26,9	2018 г. - 30,2	2018 г. - 31,3

Как видим, запрос на реформы по совершенствованию экономической и политической систем РФ в молодежной среде весьма значителен. Это, в случае ухудшения международной обстановки и совершения властью серьезных просчетов в осуществлении социальной политики, нарушения принципа социальной справедливости, может спровоцировать участие молодежи в протестных акциях.

В динамике ценностного сознания молодежи сохраняются высокие показатели затруднившихся с ответом, что является в значительной степени результатом просчетов информационной политики в работе с молодежью.

Список литературы

1. Устинкин С.В., Рудаков А.В. Глобализация и российская идентичность в XXI веке // Научно-аналитический журнал. Обозреватель-Observer. 2018. № 8 (393). С. 62–71.
2. Устинкин С.В., Куконков П.И. Роль учебников истории в воспитании молодежи // Научно-аналитический журнал. Обозреватель-Observer. 2020. № 8 (367). С. 113–122.
3. Твенге Дж. Поколение 1. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым к взрослой жизни и что это значит для всех остальных // Пер. с англ. А Толмачева. М.: Танол-класик. 2019. 406 с.
4. Соколов М.М. Поколение вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. 2019. Т. 31. №1. С. 71–91.
5. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование // Социологический журнал. 2020. Т. 26. №3. С. 30–63.
6. Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Потенциалы смысловотерапии в профилактике экстремистских настроений в молодежных сообществах // Вестник академии военных наук. 2018. №1 (62). С. 87–90.
7. Устинкин С.В., Куконков П.И. Социальные последствия финансово-экономической дифференциации регионов на примере ПФО // Научно-аналитический журнал. Обозреватель-Observer. 2020. №68 (365). С. 111–122.
8. Устинкин С.В., Морозова Н.М. Историческая память как фактор обеспечения стабильности российского государства и общества // Власть в XXI веке. Социально-культурные аспекты политических процессов: монография. Под ред. М.И. Рыхтика и А.Н. Фортунатова. Нижний Новгород: ННГУ, 2020. 329 с.
9. Устинкин С.В., Рудаков А.В. Идентичность – объект современного глобального противоборства // Обозреватель-Observer №9 (332). 2017. С. 53–61.

**СТРАТЕГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
STRATEGIES FOR THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT
OF STUDENT YOUTH**

Е.В. Щанина
Пензенский государственный университет, г. Пенза
И.А. Гладкова
*Белгородский государственный
технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород*
E.V. Schanina
Penza State University, Penza
I.A. Gladkova
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod

Рассматриваются стратегии профессионального становления студенческой молодежи в современных условиях, противоречие между необходимостью накопления и реализации профессионально-личностного потенциала выпускников вузов и неопределенностью их карьерных траекторий в сфере труда в современных условиях.

The article examines the strategies of professional development of student youth in modern conditions. The contradiction between the need to accumulate and realize the professional and personal potential of university graduates and the uncertainty of their career paths in the world of work is considered.

Ключевые слова: студенческая молодежь, профессиональное становление, стратегии профессионального становления, рынок труда

Keywords: student youth, professional development, professional development strategies, labor market

В современных условиях проблема трудоустройства выпускников вузов приобретает все большую актуальность. В современном российском обществе возрастает экономическое неравенство, происходят существенные изменения социально-профессиональной структуры, которые оказывают влияние на перемещение отдельных личностей и групп в социальной структуре общества. На данный процесс влияют и изменения в системе ценностных ориентаций молодежи [1]. В таких динамичных условиях стратегии студенческой молодежи приобретают свои специфические особенности.

С целью анализа стратегий профессионального становления студенческой молодежи в 2018 г. был проведен анкетный опрос «Особенности профессионального становления студентов вузов» среди студентов белгородских вузов с применением квотной выборки (объем выборочной совокупности $n = 300$).

Результаты исследования показали, что студенческая молодежь, совершившая профессиональный выбор на основе своих потребностей и возможностей, отличается более высоким уровнем удовлетворенности выбранной профессией, намерением работать по профессии. Данная социальная группа демонстрирует стратегию, ориентированную на профессиональное развитие в рамках выбранной профессии. Студенты, ориентированные на трудоустройство по специальности, отличаются высокой степенью удовлетворенности выбранной профессией (76,5%). При этом 34,1% из них считают невозможной смену полученной в вузе профессии. Наиболее сильной они считают специальную подготовку (47,0%). Значительная часть студентов данной группы (62,5%) полагают, что их подготовка в полной мере соответствует современным требованиям, 26,5% считают, что «может быть, соответствует».

Для представителей данной группы характерна высокая определенность планов на будущее (61,4%). При этом 58,3% респондентов имеют договоренность с работодателем о трудоустройстве. Студенты, реализующие стратегию профессиональных достижений, отличаются высоким уровнем готовности к самостоятельному трудоустройству (52,3% полагают, что они в полной мере готовы к самостоятельному трудоустройству, 40,9% готовы в какой-то мере).

Респонденты данной группы имеют опыт работы (50,8%), более того 17,4% имеют опыт работы по специальности. Среди мотивов совмещения учебы и работы лидирующее положение занимают «заработок как источник средств» (34,8%) и «желание приобрести опыт работы по специальности» (34,1%). При трудоустройстве они рассчитывают в первую очередь на имеющееся образование и собственные силы (62,1%). Наиболее важными мотивационными факторами при выборе места работы являются: перспективная работа с большим будущим (74,2%), высокая заработная плата (66,7%), соответствие работы способностям (25,0%). Поиск работы намерены осуществлять различными способами: через Интернет (66,7%), посредством рассылки резюме (43,2%), личным посещением возможных работодателей (34,8%), с помощью кафедры и научного руководителя (25,0%)

В нестабильных условиях все большее распространение получает адаптивная стратегия профессионального становления студенческой молодежи, которая характеризуется гибкой сменой профессиональной траектории в зависимости от ситуации на рынке труда.

Для студентов, реализующих адаптивную стратегию, характерна более низкая, по сравнению с предыдущей группой, удовлетворенность выбранной профессией: только 35,2% респондентов отметили, что полностью

удовлетворены своей профессией. При этом 55,6% старшекурсников данной группы указали, что готовы сменить свою профессию в том случае, если не найдут работу по ней. Респонденты данной группы дают более осторожные оценки степени соответствия своей профессиональной подготовки требованиям рынка труда. 46,3% полагают, что их подготовка в полной мере соответствует современным требованиям, 42,6% считают, что «может быть, соответствует».

Для типичного представителя данной группы характерна большая неопределенность планов на будущее по сравнению со студентами, реализующими стратегию профессиональных достижений. 53,7% респондентов данной группы указали, что имеют не вполне определенные планы относительно своего будущего в сфере труда. Соответственно и уровень готовности к самостоятельному трудоустройству у студентов, демонстрирующих адаптивную стратегию, более низкий. Согласно результатам исследования, 57,4 % респондентов считают, что они в какой-то мере готовы к самостоятельному трудоустройству, и только 38,9 % полагают, что они полностью готовы к самостоятельному трудоустройству.

Неопределенность профессиональных планов, некоторая растерянность студентов данной группы на этапе выхода на рынок труда приводят к тому, что они испытывают достаточно выраженную потребность в содействии в трудоустройстве со стороны вуза, на что указали 81,5% респондентов. При поиске работы они рассчитывают на помощь родителей и знакомых (44,4%). Вместе с тем 38,9% респондентов данной группы при решении проблемы трудоустройства надеются на свои силы и полученное образование, 20,4% на владение компьютером и современными информационными технологиями. Для данной группы характерен и самый высокий показатель осведомленности о состоянии рынка труда 16,7%.

Среди мотивационных факторов выбора места работы у студентов, реализующих адаптивную стратегию, преобладает высокая заработная плата (79,6%) и перспективная работа с большим будущим (53,7%). При этом для 24,1% респондентов важен гибкий график работы, для 18,5 % близость места работы к дому. Поиск работы они намерены осуществлять посредством комбинации различных способов: через Интернет (48,1%), с помощью родственников, друзей, знакомых (35,2%), посредством личного посещения потенциальных работодателей (31,5%), через отправку своего резюме работодателям (24,1%), с помощью кадровых агентств (7,4%).

Представляет особый интерес предпринимательская стратегия современной молодежи. Как показывают исследования социологов, существенное влияние на выбор данной стратегии оказывают личностные ресурсы [2]. Среди студентов, ориентированных на открытие своего дела,

наиболее высока доля тех, кто считаете себя способным к самостоятельному освоению новых видов деятельности (70,6%). О более высоком уровне самостоятельности, стремлении рассчитывать преимущественно на себя (внутреннем локусе контроля) свидетельствует тот факт, что значительная часть респондентов данной группы (52,9%) не нуждаются в содействии в трудоустройстве со стороны вуза. Столько же респондентов (52,9%) указали, что работают, так как стремятся быть независимым от помощи родителей.

При решении проблемы трудоустройства респонденты данной группы тоже рассчитывают преимущественно на имеющееся образование и собственные силы (60,8%), на владение дополнительной специальностью (17,6%), на владение компьютером (17,6%) и на имеющийся опыт работы (13,7%).

Для студентов, ориентированных на предпринимательскую деятельность, характерна достаточно высокая степень определенности профессиональных планов – 60,8% респондентов данной группы имеют вполне определенные профессиональные планы на будущее.

Значительная часть студентов, реализующих предпринимательскую стратегию, имеют трудовой опыт (66,7%). Отвечая на вопрос: «Каким образом Вы приобретали трудовой опыт?», 52,9% респондентов указали на совмещение работы и учебы, 25,5% на случайные подработки, 23,5% на добросовестную работу во время производственной практики, 15,7 % на работу в стройотряде.

Студенты данной группы достаточно высоко оценивают свой уровень готовности к самостоятельному трудоустройству: 39,2% респондентов считают, что они в какой-то мере готовы к самостоятельному трудоустройству, и только 56,9% полагают, что они полностью готовы к самостоятельному трудоустройству.

В современных условиях стратегии профессионального становления молодежи становятся все более сложными. На их динамику оказывает влияние комплекс экономических, социальных и культурных факторов [3]. В данном контексте исследования стратегий профессионального становления студенческой молодежи, а также выявление и анализ факторов, оказывающих влияние на данные стратегии, приобретают все большую актуальность.

Список литературы

1. Кошарная Г.Б., Корж Н.В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трудовой сфере // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2 (26). С. 58-64.

2. Кошарная Г.Б. Мотивация современных российских предпринимателей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 4 (36). С. 146-154.

3. Данилова Е.А., Щанина Е.В. Молодежь в региональном социуме: теоретический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 1 (13). С. 62-69.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ FACEBOOK НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ **THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORK «FACEBOOK» ON PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF CHILDREN AND YOUTH**

А.А. Батеева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

А.А. Bateeva

Saratov National Research

State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

Рассматриваются функции, преимущества и ограничения социальной сети Facebook, ее влияние на психологическое благополучие современных детей и молодежи на основе интерпретации статистических данных, результатов исследований отечественных и зарубежных ученых.

The article is devoted to the issue of the impact of social network Facebook on the psychological well-being of modern children and youth based on the interpretation of statistical data, research results of domestic and foreign scientists.

Ключевые слова: Facebook, молодежь, психологическое благополучие, социальная сеть

Keywords: Facebook, youth, psychological well-being, social network

Современное поколение детей и молодежи не представляет свою жизнь без Интернет и социальных сетей: Facebook, Instagram, Twitter, ВКонтакте, Одноклассники и пр. Функционал социальной сети Facebook позволяет пользователям создавать и участвовать в группах по интересам; искать знакомых и добавлять их в «друзья»; играть в игры; общаться в прямом эфире; создавать трансляции; публиковать новости в ленте; менять статус; создавать сообщества; выставлять настройки приватности; совершать онлайн покупки; участвовать в сборе пожертвований; искать работу; общаться с помощью аудиосообщений; отправлять фото, видео, музыку и документы любому

пользователю; загружать на свою страницу фотографии и видео; комментировать записи друзей; голосовать на сайтах с авторизацией через ФБ; сохранять ссылки и страницы; блокировать обновления пользователей; налагать запрет на отслеживание; скрывать статус онлайн; синхронизировать календарь Google с календарем Facebook; получать доступ к чату с рабочего стола; AR-маски; Фото 3D.

По данным 2019 года, социальной сетью Facebook ежедневно пользуются почти 2,5 миллиарда человек; из них 1,66 млрд проявляют активность ежедневно; 88% всех пользователей предпочитают заходить в сеть со своих смартфонов; каждую минуту в социальной сети регистрируются 400 новых пользователей [1]. В России Facebook ежемесячно посещают 23,7 млн человек: от 25 до 34 лет — 35.3%, от 35 до 44 лет — 32.6%. При этом количество пользователей моложе 24 лет минимально — всего 6.1%, а тех, кому уже за 45, почти в 4 раза больше [1].

Как и любой информационный ресурс Facebook имеет свои преимущества и ограничения. К *преимуществам* можно отнести: во-первых, возможность «фильтровать» обновления пользователей (возможность следить за конкретными пользователями, просматривать только статусы или фотографии или видео). Во-вторых, существует возможность отключения обновлений. В частности, есть функция выбора нескольких имен; удобная система оповещений, позволяющая просматривать взаимодействие пользователей с личной страницы; многофункциональные настройки приватности; мощный рекламный кабинет, дающий возможность максимально продвигать бренд на Интернет-площадке; функция ведения собственного блога в группах, создание списков для друзей (подобно современной закрытой Google+).

В-третьих, сеть Facebook имеет статус интернациональной, позволяя пользователям из разных стран мира общаться в режиме реального времени, так как оснащена встроенным переводчиком и трансляцией событий (более эффективными, чем в ВК). Кроме того, можно пообщаться «напрямую» со многими американскими и европейскими знаменитостями, которые ведут свой «паблик» именно в Facebook.

К основным *ограничениям* можно отнести следующие: медленную работу из-за перегруженности сайта лишними элементами; русский сегмент Facebook довольно скуден и мало информативен; присутствие большого количества рекламы; слабая техническая поддержка пользователей и ориентация на конкретную группу потребителей; сложность восприятия контента, особенно неопытным маркетологом из-за большого количества функций; большое количество «фейковых» аккаунтов, которые никто не блокирует; наличие звукового сопровождения только на входящие сообщения; описание

функционала, связанного с продвижением рекламы не русифицировано; прохождение сложной процедуры подтверждения аккаунта и личных данных при создании личного профиля без использования мобильного телефона.

Вместе с тем, в научном сообществе все чаще поднимаются вопросы о влиянии Интернета, социальных сетей, других масмедиа на благополучие современных детей и молодежи. Среди наиболее существенных рисков выделяют: во-первых, ослабление супружеских и детско-родительских отношений с погружением членов семьи в виртуальную реальность, катастрофическим снижением времени, проводимом в реальном общении друг с другом; во-вторых, изменения языка коммуникации, его упрощение; в-третьих, упрощение человеческих отношений, изменение смысла некоторых базовых понятий, например, «дружба». По данным Pew Research Center, среднестатистический американский подросток имеет в Facebook около 300 друзей, однако качество такой «дружбы» показное, поверхностное [2].

Ряд исследований, проведенных независимо друг от друга в различных странах, позволяет установить статистически значимую корреляцию между использованием социальных сетей и депрессивными симптомами у молодых людей [3; 4]. Так, Дж. Олдмидоу, С. Квин, Р. Коверт (J. Oldmeadow, S. Quinn и R. Kowert) установили, что подростки с нарушением привязанности чаще обращаются к Facebook за эмоциональной поддержкой, игнорируя ресурсы реальной среды (семья, друзья) для решения своих проблем [3].

Кроме того, социальные сети могут нарушать процесс формирования идентичности, особенно в подростковом возрасте. Переход от детства к взрослости сопровождается внешними и внутренними изменениями, сложной внутренней борьбой, самопознанием, усилением влияния группы сверстников, появлением сексуального интереса к лицам своего и противоположного пола. В этом возрасте происходит зарождение романтических, дружеских отношений, которые требуют конфиденциальности, внутренней работы личности, в то время как социальные сети, напротив, требуют от молодого человека открытости и доступности, разглашения личной информации через посты, комментарии, фотографии, что входит в прямое противоречие с процессом формирования личной идентичности на данном этапе.

Помимо прочего, социальные сети провоцируют возникновение негативных переживаний в связи с оценкой собственной популярности, на основании количества «лайков» и положительных комментариев, в сравнении с другими. Для усиления собственной популярности молодые люди должны быть постоянно в контакте с аудиторией как вербально, так и визуально, выставляя свои фотографии и селфи в Facebook [4]. Вместе с тем, импульсивное, необдуманное, эмоциональное поведение может иметь долгосрочные

последствия, отразиться на будущей карьере или семейных отношениях (например, при выкладывании в сеть фотографий сексуального или эротического характера, актов агрессии, насилия и т.д.).

Гендерный аспект является одним из важнейших в сети Facebook. Выставление фотографий, самопрезентация своего тела наиболее характерно для молодых девушек, чем для подростков и юношей. Одним из объяснений могут выступать социальные стереотипы о женщине как объекте сексуального влечения для мужчин, в результате чего происходит ранняя сексуализация подростка, возникновение страхов и комплексов относительно внешнего вида, веса, что может привести к анорексии, депрессии.

Несмотря на ряд ограничений, социальная сеть Facebook благодаря своему инструментарию и характеристикам выполняет коммуникативную, идентификационную, самопрезентационную, развлекательную, информационную, социализирующую, воздействующую функции. Она является наиболее открытым и доступным средством массовой коммуникации во всем мире, площадкой проведения досуга, местом развлечения и проведения ожесточенных споров и «войн» на политические, религиозные, экономические и другие темы.

Список литературы

1. Вся популярная статистика на 2019 год в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/>. (Дата обращения: 02.06.2020).

2. Share of U.S. adults using social media, including Facebook, is mostly unchanged since 2018. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/04/10/share-of-u-s-adults-using-social-media-including-facebook-is-mostly-unchanged-since-2018/> (Дата обращения: 04.06.2020).

3. Oldmeadow J., Quinn S. & Kowert R. Attachment style, social skills, and Facebook use amongst adults // Computers in Human Behavior. Vol. 29. No.3. Pp. 1142–1149.

4. McCrae N., Gettings S. & Purssell E. Social Media and Depressive Symptoms in Childhood and Adolescence: A Systematic Review // Adolescent Research Review. 2017. No.2. Pp. 315–330.

**СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В ПРОСТРАНСТВЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ
SOCIAL SELF-DETERMINATION OF RUSSIAN YOUTH
IN THE SPACE OF AXIOLOGICAL CONTRADICTIONS**

А.В. Безруков
*Пермский государственный
национальный исследовательский университет, г. Пермь*
A.V. Bezrukov
Perm State National Research University, Perm

Посвящено особенностям социального самоопределения молодых россиян в сравнении с европейской молодежью. С методологической точки зрения акцент делается на фиксации индивидуальных аксиологических противоречий, обусловливаемых объективными условиями существования. Эмпирический анализ основан на данных Европейского социального исследования последней волны 2018 года. Делается вывод о преимущественной ориентации молодых россиян на внешние статусные характеристики.

The article is devoted to the special features of the social self-determination of young Russians in comparison with European youth. Methodologically the emphasis is on fixing individual axiological contradictions caused by objective conditions of existence. The empirical analysis is based on data from the European social survey of the last wave of 2018. It is concluded that young Russians prefer to focus on external status characteristics and life-support.

Ключевые слова: социальное самоопределение, молодежь, аксиологические противоречия, социокультурный контекст, жизнеобеспечение

Keywords: social self-determination, youth, axiological contradictions, socio-cultural context, life-support

Актуальность исследования социального самоопределения молодежи определяется усиливающимися социокультурными противоречиями современного российского общества. Основные противоречия заключаются в соотношении индивидуального и общественного, в отражении второго первым, в трансформации второго под влиянием первого, а также в ориентации на социальные изменения или стабильность. В кризисных и нестабильных условиях существования в сознании молодого человека это отражение, прежде всего, идет в направлении индивидуализации прежней социальной значимости [1, с. 410]. Соответственно, подрываются традиционные основы коллективного существования, актуализируются проблемы оторванности и непонимания, сопровождаемые прогрессирующей дифференциацией социокультурного пространства локального сообщества. Кроме того, обостряются проблемы рационального принятия решений о жизненной самореализации [1, с. 409].

Под социальным самоопределением понимается процесс интернализации социокультурного опыта данного общества, согласования индивидуальных представлений, потребностей и целей с существующими в обществе ценностями, нормами и образцами, конкретно-историческими, социальными и ресурсными возможностями их реализации, а также формирования относительно устойчивой и согласованной системы жизненных выборов. С позиции системно-диалектического подхода [см. подробнее 2, с. 141-143], социальное самоопределение изучается во взаимосвязи индивидуальных представлений и контекстуальных особенностей локального сообщества, в котором происходит социализация и идентификация индивида.

Индивидуальная аксиологическая модель рассматривается в качестве значимого компонента социального самоопределения. Она представляет собой результат соотношения противоречивых социокультурных смыслов, воплощаемый в индивидуализированной иерархии ценностных ориентаций. Такая модель задает направленность и обосновывает систему дальнейших жизненных выборов молодого человека. Рассматриваются четыре модели: 1) модель конформизма (направленность на нормативную преемственность и стабилизацию); 2) модель жизнотворчества (направленность на свободу самореализации и инновации); 3) модель самоутверждения (направленность на жизнеобеспечение и продвижение своих интересов); 4) модель самоотречения (направленность на интересы других, взаимоподдержку и понимание).

При анализе ценностных ориентаций молодежи использовались данные Европейского социального исследования [3] последней волны 2018 года. В России в нем приняли участие 497 молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет. Выборка молодежи в европейских странах составила 5577 человек.

Для измерения ценностей в исследовании используется методика Ш. Шварца. Данная методика представляется адекватной для изучения социального самоопределения, поскольку предполагает соотнесение респондентами самих себя относительно предложенных аксиологических описаний по степени схожести по шкале от «очень похож» (1) до «совсем не похож» (6). Рассматривается 18 аксиологических показателей «первого уровня», агрегируемых в четыре пары противоречивых ценностных ориентаций «второго уровня»: 1) свобода (независимость + креативность) – зависимость (покорность + нормативность); 2) риск (новизна + приключения) – избегание (скромность + безопасность); 3) справедливость (равенство + понимание) – статусность (богатство + власть); 4) альтруизм (окружающие + верность) – эгоизм (успешность + амбициозность) – см. рис. 1.

Рис. 1. Ценностные ориентации молодежи

Результаты исследования демонстрируют существенную особенность российской молодежи на фоне европейской. Она заключается в ориентации большей части российской молодежи на внешние показатели, такие как богатство, власть, признание других, в то время как понимание, забота о других и равенство оказываются куда менее значимыми (см. рис. 1).

Вместе с тем, для российской молодежи менее значимыми оказались также креативность и новизна при высокой значимости безопасности и нормативности. Вероятно, это связано с тем, что при достижении определенного статуса молодые россияне чаще отдают предпочтение проверенным стратегиям избегания и следования принятым условиям, тогда как новаторские стратегии используются намного реже. В этом контексте показательна и существенно более низкая значимость скромности, поскольку рано или поздно избегание потребует открытой демонстрации претензий на повышение статуса. Аналогично показательна и более низкая значимость открытости по отношению к другим, воспринимаемым скорее в качестве потенциальных конкурентов, нежели поддержки принимаемых решений.

Еще более сильным обозначенный разрыв в аксиологических моделях проявляется в сравнении с Германией. В этой связи, представляется, что такой

профиль российской молодежи обусловлен продолжающимся становлением рыночной экономики, когда велика опасность безработицы, нисходящей мобильности и обнищания, обуславливающих необходимость выживания.

Стоит также отметить, что на протяжении двенадцати лет измерений в рамках Европейского социального исследования обозначенный аксиологический профиль остается достаточно стабильным. С 2006 по 2012 гг. наблюдалось его расширение в сторону усиления модели конформизма (значение индекса выросло с 0,40 до 0,61). С 2012 г. наблюдается усиление критических оценок по всем ценностным ориентациям. В 2016 г. аксиологический профиль практически идентичен профилю 2018 г. Единственное отличие заключалось в сохраняющейся с 2006 г. более высокой значимости креативности (значение индекса 0,69).

Наконец, показательно, что молодые люди, чаще заявляющие о наличии социальной поддержки и отличающиеся большей самодетерминацией жизненного выбора относительно решений трудовой и семейной самореализации, а также гражданской активности, демонстрируют большую приверженность моделям жизнотворчества и самоотречения. Тогда как молодые люди, ощущающие отсутствие поддержки и давления со стороны других, демонстрируют заметную приверженность модели самоутверждения.

В процессе социального самоопределения российская молодежь, в целом, обеспокоена собственным жизнеобеспечением и самоутверждением, показателями успешной реализации которого выступают внешние статусные характеристики (деньги и должность). Отсутствие уверенности в собственном социальном положении обуславливает неуверенность во взаимоотношениях с другими, неготовность быть более открытым и толерантным. Другими словами, имеет место локализация социального самоопределения большинства молодых россиян в пространстве личной жизни и тенденция негативной индивидуализации жизненного выбора, связанной с ослаблением социальных связей и гражданской активности. Соответственно, развитие инновационного потенциала молодых людей требует более активной и массовой социальной поддержки самодетерминации выбора.

Список литературы

1. Roy F. Baumeister, M. Muraven (1996). Identity as adaptation to social, cultural, and historical context. *Journal of Adolescence*. USA. 19. P. 405–416.
2. Безруков А.В. Методологические подходы к изучению социального самоопределения молодежи // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2018. № 1. С. 137–145.

3. Европейское социальное исследование в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=330>. (Дата обращения: 03.06.2020).

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ ВОСПИТАННИКА
ДЕТСКОГО ДОМА**
**IMPLEMENTATION OF THE LIFE POSITION OF THE RESIDENTS
OF THE CHILDREN'S HOMES**

Л.П. Канаева

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск

L.P. Kanaeva

Ogarev Mordovia State University, Saransk

Сегодня, когда мир стремительно меняется, общество предъявляет повышенные образовательные требования к молодежи, и в этом контексте важно выявить, насколько сформирована готовность воспитанника детского дома к реализации перспектив своего развития.

Today, when the world is rapidly changing, the society places heightened educational requirements for young people, and in this context it is very important to identify the preparedness of the residents of the children's homes to implement self-development perspectives.

Ключевые слова: воспитанник детского дома, образование, ценностные ориентации, жизненные стратегии, жизненный успех

Keywords: resident of children's home, education, value orientations, life strategies, life success

В условиях нестабильности социальной системы наблюдается возросшая неопределенность в поведении личности при построении жизненной стратегии. Сильно влияют на формирование жизненных планов, поэтому стоит иметь в виду, что жизненные стратегии выпускника школы, воспитывающегося в семье, и выпускника, проживающего в детском доме, существенно различаются. В условиях детского дома особенно важно способствовать самоопределению выпускника, осознанному выбору его жизненных целей.

Организация постоянных встреч и бесед воспитанников детского дома с представителями правоохранительных органов, органов опеки и попечительства, проведение мероприятий, направленных на правовое информирование детей о бесплатной юридической помощи, предоставляемой государственными и общественными институтами, не всегда приводит к

искомым результатам. Даже при относительно благоприятном прогнозе выпускники оказываются недостаточно адаптированными к самостоятельной жизни и нуждаются в долговременном социально-педагогическом сопровождении. В 2019 г. было проведено исследование выпускников детского дома по профессиональному ориентированию с использованием методики по определению профессионального типа личности, выявлению профессиональных склонностей, определению типа будущей профессии и диагностике уровня социализированности. По результатам исследования были выделены следующие «идеальные» типы личности, которые в чистом виде встречаются редко (можно говорить лишь о преобладающем типе): реалистичный, интеллектуальный, социальный, офисный, предпринимательский, артистический. В результате тестирования было выявлено, что наиболее распространенными среди воспитанников являются артистический и реалистический типы. Было также выявлено, что у многих учащихся профессиональная склонность очень слабо выражена. Из выраженных склонностей следует отметить склонности к работе в сфере обслуживания и склонности к экстремальным видам деятельности. Согласно методике определения типа будущей профессии, наибольшая склонность у воспитанников к работе в системах «человек-человек» и «человек-природа».

Для определения уровня социальной зрелости были выделены основные показатели: социальная адаптивность, социальная активность и социальная автономность. В результате диагностики только 15% обследованных оказались наиболее подготовленными к самостоятельной жизни, проявили высокий уровень социальной зрелости. Представления этих выпускников относительно своих жизненных перспектив реалистичны, а профессиональный выбор конкретен. Для этой группы характерно и наличие устойчивого интереса к процессам и явлениям, происходящим в различных сферах жизни. У 29% обследованных выявлен средний уровень социальной зрелости, который характеризуется неопределенностью и противоречивостью жизненного выбора. Эта группа подвержена ситуативному влиянию. 56% обследованных можно отнести к группе с низким уровнем социальной зрелости, воспитанники этой группы психологически не готовы к самостоятельному решению вопросов, касающихся их будущего социального становления, и находятся в ситуации неопределенного жизненного выбора. Для них также характерно выраженное отсутствие интереса к учебе.

При этом выпускник детского дома сегодня нацелен на получение профессионального образования, половина опрошенных (52%) нацелена на получение высшего образования, а в планах 43% опрошенных окончить техникум или колледж и получить среднее профессиональное образование.

Основными направлениями деятельности, которые привлекают воспитанников детского дома, являются: культура и искусство (52% респондентов), путешествие и туризм (43%), экономика и бизнес (33%). Далее по популярности следуют государственное и муниципальное управление, армия и правоохранительные органы физкультура и спорт. Реализовать себя в названных сферах хотели бы чуть более 20%. Никто не выбрал общественную сферу и религию, АПК и сельское хозяйство, ЖКХ и экологию, а также социальную сферу: образование, здравоохранение. Воспитанники не видят себя и в политике.

Сегодняшние школьники в будущем хотят занять руководящие должности – так заявили 81% респондентов, причем большинство из них (52%) желают быть руководителями высшего звена, около 10% согласны стать служащим или ИТР.

Мало кто из воспитанников хотели бы работать по найму, практически все они (91 %) хотели бы работать на себя, заниматься собственным бизнесом.

Средний доход, который хотели бы получать воспитанники, – 50 тыс. руб. в месяц. Такую сумму заявили более половины опрошенных, треть довольствовалась бы 30 тыс. руб. ежемесячного дохода, а четверть хотела бы получать ежемесячно 75-100 тыс. руб.

Интерес представляет, входят ли в планы воспитанников детского дома рождение детей и обретение собственной семьи. Абсолютное большинство хотели бы в будущем иметь свою семью. Твердо уверенных, что им собственная семья не нужна, не оказалось.

Большинство старшеклассников (71%) хотели бы родить 2 детей. На многодетную семью настроено 24%.

Какие ценностные ориентации являются приоритетными для личности воспитанника детского дома? В первую очередь ребята выбирали такую общечеловеческую ценность, которую всегда выбирают респонденты, независимо от их возраста, пола и социального положения, как здоровье (76%), семья и любовь, образование и любимая работа. Их выбрало 67% опрошенных. Половине ребят важна взаимопомощь, наличие материального достатка важно для 29% респондентов. К сожалению, среди значимых не выделены такие ценности, как бескорыстие, социальная справедливость и патриотизм.

Жизненные стратегии имеют долгосрочную и краткосрочную перспективу. В анкете было предложено выбрать, чего хотят достичь ребята в ближайшие 3-5 лет и в более отдаленной перспективе.

В ближайшее время жизненной целью для 43% выпускников является получение образования, а 45% желают в ближайшие 3-5 лет жить в свое удовольствие, 28,6% респондентов желают в ближайшие годы получить

профессию. В число жизненных планов на краткосрочную перспективу вошли желание себя реализовать, сделать карьеру, заняться любимым делом, а также путешествовать,

Жизненные планы на более отдаленную перспективу более разносторонние, и ребята выбирали большее число альтернатив. В основном воспитанники хотели бы в будущем получить профессию, сделать карьеру и заработать много денег. Это стоит в планах у половины респондентов. На более отдаленную перспективу треть опрошенных отложили получение образования. В отдаленном будущем ребята хотели бы обрести власть, стать свободным и независимым, путешествовать и жить в свое удовольствие. Эти цели были выбраны 24% опрошенных.

Для реализации собственных целей респонденты в основном готовы использовать собственные силы и возможности (81%). Половина опрошенных (52%) будут использовать помощь друзей и родственников, а также деньги как средства реализации собственных планов.

Воспитанникам был задан вопрос: «Какие действия Вы готовы предпринять ради достижения своей цели?». 71% воспитанников выбрали самые рациональные действия: «много учиться» и «усердно работать». 33% готовы обратиться за помощью к людям, столько же «совершенствоваться в нравственном, моральном плане». На помощь органов власти, социальной защиты и общественных организаций никто из детей-сирот не надеется: такая помощь не была названа ни среди средств, ни среди действий. Однако это не говорит о том, что для них не характерно социальное иждивенчество. Можно предположить, что заботу со стороны государства, в той мере, в какой оно оказывает, дети-сироты воспринимают как должное.

Чтобы достичь желаемого, необходимы определенные усилия и умения. Какие же навыки, способности готовы развивать в себе воспитанники? В первую очередь, это лидерские способности (71%). На втором месте стоит умение принимать решение (62%), на третьем – организаторские способности (52%). Профессиональные и трудовые навыки, умение брать ответственность на себя и налаживать нужные связи – в первую очередь эти навыки готовы развивать 33% респондентов, и 10% назвали в числе важных навыков – умение приспособливаться.

Следует отметить, что с ответами на открытые вопросы, с формулированием собственного мнения, своих суждений и их выражением в письменном или устном виде возникли серьезные проблемы. Половина опрошенных не смогли сформулировать свое определение «жизненного успеха», другая половина предложили следующие определения: «*Когда ты успешный человек, тебя знают, тебя советуют и все уважают*»; «*Семья, дом,*

машина, работа»; «Сделать карьеру, создать семью, построить дом»; «Когда ты дошел до той цели, к которой шел»; «Достигнутая цель, материальный успех, здоровье. В общем, стать хорошим человеком, доказать, что ты можешь многое»; «Обеспечить себя и свою семью, сделать себя счастливым, радоваться жизни».

КИДАЛТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН KIDULTING AS SOCIAL FENOMENA

В.А. Карпов

*Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П. Королева, г. Самара,*

V.A. Karpov

*Samara National Research
University Named After Academician S.P. Korolev, Samara*

Раскрывается суть, понятие и характеристика такого социального феномена, как кидалтизм, а также вопросы и проблемы, которые имеют социальную значимость в современном обществе.

The article reveals the essence, definition and characteristics of a social phenomena such as kidulting, and also reaches for the socially significant matters and problems in the modern society.

Ключевые слова: кидалтизм, инфантилизм, институт детства, социокультурные изменения

Keywords: kidulting, infantilism, childhood, sociocultural changes

Термин «kidulting» первый раз было употреблено в 1985 г. в газете «The New-York Times»: авторы статьи использовали данный термин для обозначения людей в возрасте около 30 лет, которые увлекаются игрушками, мультфильмами, комиксами, новинками в мире технологии, то есть тем, что традиционно составляет круг увлечений представителей ранних возрастов. Более точное определение слову «кидалт» дал современный английский психолог Э. Калькутт: это, «как правило, представители среднего класса, преимущественно офисные работники, со средним или высоким уровнем IQ, холостые» [см.: 1, с. 206].

Социальные психологи для обозначения подобных индивидов употребляют другое определение – «pueraeternus», что на латинском обозначает «вечный ребенок». Такие люди могут вести себя немного высокомерно по отношению к другим людям, что можно объяснить некоторым чувством собственной неполноценности, тягой к экстремальным видам спорта и азарту и

несколько неясным, иллюзорным отношением к собственной жизни и будущему, которое реализуется с помощью установки «мое время еще не пришло, все успеется».

По словам М.А. Манокина, кидалт, вследствие ощущения тревоги при столкновении с внешним миром, нуждается в собственном убежище, крыше над головой, месте, где он спокойно может оставаться собой, не будучи потенциально осужденным членами общества. «Постепенное вымывание ориентиров взрослой идентичности разочаровывает молодых в их стремлении перейти на следующую жизненную ступень» [2, с. 70].

Кроме того, стоит отметить, что распространение кидалтизма может объясняться и образами, активно насаждаемыми стороны современными масс-медиа. Современный исследователь кидалтизма Дж. Бернардини пишет: «Современные взрослые выбирают путь так называемой осознанной незрелости, то есть осознанного ухода от полагающейся ответственности, анахронической модели жизни» [см.: 3, с. 32]. Взрослость для кидалтов превращается из модели поведения в недостижимый идеал, а новые поведенческие паттерны не только поддерживаются «взрослыми детьми», но и принимаются всеми возможными социальными институтами. Тем не менее, необходимо сказать, что кидалтинг, в отличие от инфантилизма, – не отклоняющееся поведение, а определенный стиль жизни, идеология, которую индивид выбирает сам.

Индустриализация, с одной стороны, и индивидуализация – с другой, позволили размыть границы между взрослостью и юношеством, социально зрелые личности не видят культурных паттернов, ограничивающих их выбор и управляющих их жизнями. Социальные институты, в том числе и гендерные установки, межпоколенческие и межэтнические связи подверглись значительной перестройке. Ко всему прочему, семья и религия потеряли ту значимость и статус «учителей» в определении жизненного пути и поведения индивида, какую имели еще, например, в начале прошлого столетия. Сегодня взрослые люди сталкиваются с необходимостью принимать важные для жизни решения без какой-либо опоры и безотносительно к наличию или отсутствию внутренних ресурсов и возможностей для этого. Все это превращает современное поколение взрослых (от 18 лет) в поколение «растянутой юности», и вместе с отсутствием каких-либо ориентиров побуждает индивида к продлению собственной юности, увеличению периода невхождения в экономические или семейные связи и отрицанию взросления как такового. На фоне этого и возникает кидалтинг как социальное явление, что определяется Дж. Коте как *arrested adulthood*– «скованная зрелость» [4].

Кидалтизм как социальный феномен является молодым и малоизученным явлением, но опыт его изучения говорит о наличии как «плюсов» кидалтизма, так и «минусов». Непонимание индивидом важности ответственности за свою жизнь и самостоятельности в принятии решений, а также зачастую неспособность к осознанной жизнедеятельности превращают кидалтизм как осознанную стратегию поведения в психологическую патологию, а именно инфантилизм. У кидалтов может наблюдаться тенденция к отсутствию стремления развиваться, теряются жизненные ориентиры, совершается сдвиг в жизненных ценностях и понятии морали. Кроме того, кидалты часто самоизолируются, теряя какие-либо социальные контакты с внешним миром. Такой вид кидалтизма является негативным и обязан подвергаться профилактике и лечению.

Характерные черты «негативного» кидалта, склонного к инфантилизму, совпадают с чертами еще одной группы людей, в которых прослеживается проблема современного общества, а именно геймеров. Как отмечают многие исследователи, игроман склонны с радостью отказываться от реального человеческого существования. Реальные человеческие отношения как для геймеров, так и для «негативных» кидалтов заменяются отношениями он-лайн или и вовсе ликвидируются. Реальность со своими как благами, так и сложностями, отодвигается в сторону. Происходит нивелирование себя как личности, несущей свои социальные роли, статусы и значимости для общества. Данное нежелание социализации и участия в социальной жизни приводит к отрофированию имеющихся социальных навыков.

Все вышесказанное, несомненно, определяет необходимость разработки мер по профилактике кидалтизма и в некоторых случаях его лечения. Здесь стоит сказать, что, так как имеется общее сходство «негативных» кидалтов и геймеров, то и меры профилактики и лечения могут быть идентичными.

Подавляющее количество геймеров, как и негативных кидалтов, требуют насильственного подталкивания к лечению со стороны родителей, родственников и других социально значимых для индивида личностей, поскольку сами данные индивиды полагают, что никакого лечения им вовсе не требуется, проблемы вокруг них не существует, как и во многих других случаях, связанных либо с зависимостью, либо с искаженным восприятием мира.

Успешная терапия лечения или профилактики негативного кидалтизма должны не только лечить поведение пациента, но и помогать индивиду возвратиться на путь нормальной социализации и развития личности. Лечение должно сосредоточиться не только на подавлении физиологической зависимости от игровых и детских практик поведения, но и на эффективном

решении психологических проблем клиента и привитии ему социальных навыков, необходимых для выстраивания нормальной системы самооценки и жизни. Чтобы социальная и психологическая терапия кидалтизма стала успешной, лечение должно быть комплексным, учитывать множество факторов, среди которых большинство пока остаются вне изученного поля современных исследователей.

Таким образом, кидалтизм представляет собой некий этап социализации в виде осознанной незрелости. Кидалту необходимо включение в систему взаимоотношений с людьми, так как современный мир, предоставивший человеку свободу выбора и действия, каких не было раньше, в то же время снизил значимость ранее устойчивых и авторитетных социальных институтов (таких, например, как религия и семья) и подверг значительной перестройке ценностные ориентации, гендерные установки, межпоколенческие и межэтнические связи. Из-за этого члены современного общества вынуждены принимать жизненно важные решения, практически не имея возможности опереться на ранее непоколебимые нормы, принципы и ценности. Новая реальность, позволяющая человеку становиться и быть тем, кем ему хочется, формировать собственное «добро» и «зло» без оглядки на общественное мнение, а также неограниченное число возможностей построения идентичности, оказывает влияние на развитие такого феномена, как кидалтизм.

Список литературы

1. Хриптович В.А. Поколение инфантильных: обзор проблемы // Научные труды Республиканского института высшей школы. Минск, 2015. С. 206–213.
2. Манокин М.А. Ценности городской культуры «возвратившихся в детство» // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2012. №13-14. С. 69–76.
3. Борисенков В.П. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы [Электронный ресурс] / В.П. Борисенков, О.В. Гукаленко // NAUKOVEDENIE.RU: Интернет-журнал «Науковедение». 2014. №5(24). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf> (Дата обращения: 20.05.2020).
4. Côté J.E. Arrested Adulthood: The Changing Nature of Maturity and Identity. N.Y., 2000. 30–35 p.

**ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НА УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ МОЛОДЕЖИ**
**INFLUENCE OF YOUTH POLITICAL ORGANIZATIONS
ON THE LEVEL OF POLITICAL LITERACY OF YOUTH**

А.А. Карулина

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль*

A.A. Karulina

*Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,
Yaroslavl*

Анализируются особенности политической грамотности молодежи в контексте деятельности молодежных политических организаций. Выявлен уровень политической грамотности представителей молодежных политических организаций и молодежи, не участвующей в их деятельности. Сделан вывод о том, что участие в деятельности молодежных политических организаций является фактором, влияющим на уровень политической грамотности молодежи.

The article analyzes the features of political literacy of young people in the context of the activities of youth political organizations. The level of political literacy of representatives of youth political organizations and youth who do not participate in their activities is revealed. It is concluded that participation in the activities of youth political organizations is a factor that affects the level of political literacy of young people.

Ключевые слова: политическая грамотность, молодежь, молодежные политические организации, интерес к политике, политические знания, политическая осведомленность, политическая активность

Keywords: political literacy, youth, youth political organizations, interest in politics, political knowledge, political awareness, political activity

Одной из основных проблем нынешнего общества является нежелание молодежи принимать участие в политической жизни. По данным социологического исследования, проведенного в 2017 г. государственным учреждением Ярославской области «Ярославский областной молодежный информационный центр» совместно с социальными учреждениями молодежи области, процент молодых граждан, которые очень интересуются политическими событиями, снизился на 0.1% по сравнению с прошлым годом (в 2016 году – 13.3%), процент тех, кто вообще не интересуется политикой, понизился на столько же (в 2016 году – 34.5%), но все же он остается довольно высоким [1, с. 39]. Если сейчас не попытаться заинтересовать представителей

данной группы областью политической жизни общества, то это будет практически сформировавшийся пассивный слой электората.

Можно предположить, что пассивное участие молодежи в политике вызвано тем, что молодым людям не хватает знаний, навыков и опыта для активного участия в политике, то есть низким уровнем их политической грамотности. А ведь создание гражданского общества и правового государства невозможно без участия молодого поколения, именно поэтому молодежь должна стремиться приобретать знания и навыки в области политики, совершенствовать свою политическую грамотность.

Для привлечения молодых граждан к участию в политической жизни создаются молодёжные политические организации, на которые общество возлагает большие надежды [2, с. 382]. Современные молодёжные организации обязаны способствовать усвоению подрастающим поколением необходимых знаний, ценностей, идеалов и норм поведения в молодёжной среде. Это приводит молодых людей к готовности и способности активно участвовать в делах государства и общества, сознательно пользоваться своими свободами, правами, выполнять свои обязательства и, тем самым, повышать уровень своей политической грамотности.

Отсюда важно выяснить, выполняют ли на самом деле молодёжные политические организации свои функции, ведь как показывает исследование Е.В. Желниной, которая задавала молодым людям различные политические вопросы [3, с. 32-34], уровень политической грамотности в целом у молодежи сейчас довольно низкий.

Чтобы изучить влияние молодёжных политических организаций на уровень политической грамотности молодых людей, весной 2020 г. было проведено исследование методом анкетирования (N=100).

Выборочная совокупность была поделена на две группы: тех, кто участвует в деятельности молодёжных политических организаций (первая группа), и тех, кто не принимает участия в деятельности молодёжных политических организаций (вторая группа).

В ходе исследования было установлено, что большинство молодежи из первой группы в целом интересуются политикой (74%), в отличие от молодежи из второй группы, большая часть которых не интересуется политикой (54%). Различия в ответах между двумя выделенными группами статистически значимы ($\chi^2 = 19,793$; $df=4$; $p < 0,001$).

Стоит отметить, что половина молодых людей первой группы отметили, что всегда читают предвыборные программы кандидатов. В то же время многие из молодых граждан второй группы указали, что не читают предвыборные

программы кандидатов (44%). Различия в ответах между двумя выделенными группами статистически значимы ($\chi^2 = 28,973$; $df = 4$; $p < 0,001$).

При анализе политических знаний молодежи выяснилось, что почти все молодые люди знают, что на всероссийских выборах граждане выбирают Президента своей страны (98% и 84% соответственно), однако именно представители молодежных политических организаций осведомлены о том, что отрешение Президента от должности производит Совет Федерации (74%). Полученные данные позволяют сделать вывод, что тех, кто имеет довольно низкие знания о федеральном уровне власти, гораздо больше среди молодых граждан, не состоящих в молодежных политических организациях.

Особый интерес вызывает ответ на вопрос о том, представителем какой ветви власти является депутат Государственной Думы Российской Федерации. Так, именно молодые люди, состоящие в молодежных политических организаций, знают, что это представитель законодательной власти (80%), в отличие от тех, кто не принимает участие в деятельности молодежных политических организаций (50%). Эти данные свидетельствуют, что значительная часть молодых людей из второй группы имеют низкие познания о распределении ветвей власти в нашей стране.

Для более глубокого изучения политических знаний молодежи анализу также подверглась и степень знаний молодых людей о муниципальном уровне власти. В ходе исследования выяснилось, что, например, большинство из первой группы смогли написать фамилию, имя и отчество главы города Ярославля (56%) и указать, что срок его полномочий (66%), в отличие от представителей второй группы, которые не смогли ответить на эти вопросы. Это еще раз подтверждает, что молодые люди второй группы имеют низкие знания в области политики.

Проанализировав ответы молодых граждан, характеризующие их политическую осведомленность, выяснилось, что многие молодые граждане второй группы, в отличие от опрошенных из первой группы, не знают, что 15 января 2020 г. Владимир Путин обратился с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию России (30%). Различия в ответах между группами статистически значимы ($\chi^2 = 32,151$; $df = 4$; $p < 0,001$). В прямом эфире за выступлением главы государства наблюдали лишь 9% респондентов, в отличие от молодых людей, состоящих в молодежных политических организациях (58%). Различия в ответах между двумя выделенными группами статистически значимы ($\chi^2 = 31,523$; $df = 4$; $p < 0,001$).

15 января 2020 г. было объявлено о том, что Правительство России в полном составе подало в отставку. Об этом слышали большинство представителей молодых граждан, которые принимают участие в деятельности

молодежных политических организаций (72%). Многие из опрошенных, не участвующих в деятельности молодежных политических организаций, отметили, что впервые слышат об этом (14%).

Молодые люди из второй группы, указавшие, что они знают или что-то слышали об отставке Правительства Российской Федерации, в дальнейших вопросах показали довольно низкие знания о данном политическом событии, произошедшем в нашей стране. Например, почти половина (47%) данной группы опрошенных не смогли назвать фамилию, имя, отчество нового председателя Правительства Российской Федерации, назначенного с 16 января 2020 года. Большинство же представителей молодежных политических организаций смогли написать фамилию, имя и отчество главы председателя Правительства Российской Федерации, назначенного с 16 января 2020 года (63%). Различия в ответах между двумя выделенными группами статистически значимы ($\chi^2 = 31,163$; $df = 5$; $p < 0,001$).

В ходе исследования также был выявлен уровень электоральной активности у обеих выделенных групп. По данным опроса, выяснилось, что основная часть молодежи из первой группы всегда принимает участие в выборах (62%). Вторая группа, участвующих в опросе, в большинстве случаев выбрали следующие варианты ответа: «нет, не принимаю» (38%) и «принимаю, но не всегда» (28%). Полученные данные показывают, что значительная часть респондентов второй группы практически не проявляют свою активность на выборах, то есть степень их электоральной активности достаточно низкая. Различия в ответах между группами статистически значимы ($\chi^2 = 27,154$; $df = 4$; $p < 0,001$).

Исходя из результатов опроса, можно отметить, что принимают и готовы принимать в дальнейшем участие в выборах те молодые люди, которые состоят в молодежных политических организациях. Они интересуются политикой, имеют довольно высокий уровень политических знаний и политической осведомленности, а ведь это базовые составляющие аспекты политической грамотности. Отсюда следует, что участие в деятельности молодежных политических организаций, действительно, влияет на уровень политической грамотности молодежи. Тем самым необходимо создавать и поддерживать молодежные политические организации, информировать молодежь о таких организациях и их деятельности, а также проводить различного рода агитацию для привлечения молодежи к участию в политике.

Список литературы

1. Итоги областного социологического исследования «Социальное самочувствие молодежи Ярославской области — 2017» // Сборник социологических исследований в молодежной среде. Ярославль. 2017. 166 с.
2. Селезнева А.В. Социально активная молодежь в России: политические ценности и предпочтения // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник. 2012. С. 380–390.
3. Желнина Е.В. Политическая компетентность современной молодежи // Международный научно – исследовательский журнал. 2012. №1(1). С. 32–34.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА* **PATRIOTIC CONSCIOUSNESS AS A FACTOR IN THE CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY**

Н.В. Корж
Пензенский государственный университет, г. Пенза
N.V. Korzh
Penza State University, Penza

В статье рассматривается значимость консолидации российского общества. Важным фактором, способным объединить население страны, может стать патриотизм. Подчеркивается внимание государственной власти к формированию патриотического сознания россиян.

The article examines the significance of the consolidation of Russian society. Patriotism can become an important factor that can unite the country's population. The attention of the state authorities to the formation of the patriotic consciousness of Russians is emphasized.

Ключевые слова: патриотизм, консолидация общества, страна, национальная идея, ценности

Keywords: patriotism, consolidation of society, country, national idea, values

В своем историческом развитии наша страна испытывала целый ряд событий, которые влияли на сплоченность российского народа. Россия прошла самобытный путь развития, который определял ценностную структуру общества. Во все сложные исторические периоды для российского общества на первый план выступали различные факторы (религия, авторитаризм,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научно - исследовательского проекта «Значение ценностной компоненты в формировании патриотического сознания студенческой молодежи российского региона», проект № 20-011-32074 опн_мол

политическая идеология), которые способствовали интеграции различных социальных групп.

Процессы, протекающие в современном мировом сообществе, оказывают значительное влияние на российский социум. Экономические санкции, политические отношения с другими странами, пандемия – все это и многое другое приводит к противоречивым установкам и мнениям населения. В настоящее время оценка политических и социально-экономических процессов, происходящих в стране и мире, разделяют российское общество во взглядах и убеждениях.

Проблема консолидации общества для России является достаточно острой, и это связано со многими причинами. В основе лежит, в первую очередь, огромный масштаб страны, социально-экономический уровень развития регионов. Растет социальное неравенство между развитыми регионами и дотационными. Кроме того, Россия – многонациональное государство с различными культурами. Особенности менталитета и межэтнические установки приводят к локальным конфликтам в различных частях страны. Кроме выше сказанного, для современного российского общества характерен индивидуализм, автономия людей по отношению к социальным институтам, общественным проблемам. Причиной усиления тенденции к проявлению индивидуализма, безразличия к социально-политической жизни общества, как отмечают ряд авторов, является отсутствие в обществе консолидирующей системы ценностей [1].

В связи с этим в современных условиях при определении путей консолидации общества необходимо опираться на те идеи и ценности, которые поддерживаются большинством россиян. Для этого на государственном уровне была поставлена задача выработки национальной идеи, способствующей позитивной консолидации российского социума. В качестве таковой президентом РФ Путиным В.В. был предложен патриотизм [2]. Патриотизм как социально-нравственная ценность выражает единство народа, общность его исторических судеб. Для российского общества социокультурная ценность патриотизма является особо значимой, поскольку неоднократно в исторической ретроспективе он выступал духовной основой единения, консолидации российского общества, условием сохранения его самобытности и обеспечения особого места в мировом сообществе.

В социологическом энциклопедическом словаре «патриотизм» трактуется как любовь к Родине, преданность своему отечеству, своему народу [3, с. 236]. Патриотизм представляет собой особое эмоциональное состояние, выражающееся в ощущении принадлежности к стране, к ее культуре, языку. На формирование патриотизма могут оказывать влияние целый ряд факторов на

макро- и микроуровне. Мониторинг, проводимый ВЦИОМ относительно уровня патриотизма в стране, указывает, что данное чувство снижается (рисунок 1). В 2000 г. 84% россиян считали себя истинными патриотами. В последующие годы данная тенденция значительно снизилась (2014 г. – 48%, 2016 г. – 46%, 2018 г. – 51%, 2020 г. – 46%). Вместе с тем следует отметить, что и число тех, для кого судьба нашей страны безразлична, достаточно мало (от 1 до 6% в разные годы).

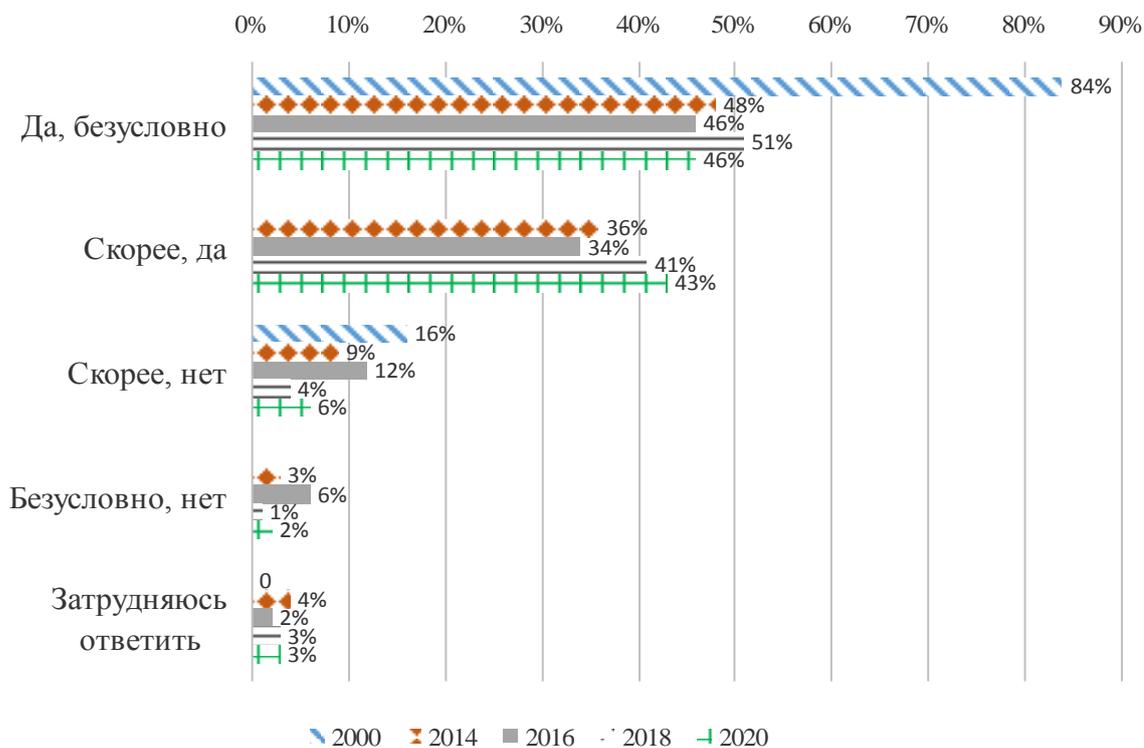

Рис. 1. Распределение на вопрос, «Как бы Вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет?» [4]

Для каждой страны важно воспитывать патриотов, формировать патриотическое сознание. В нашей стране для этого утверждена государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», цель которой заключается в «...создании условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, повышения уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений россиян, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию...» [5]. Кроме того, поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г. в статье 67.1, закрепляют в рамках государственной политики воспитание у молодого поколения чувства патриотизма и гражданственности [6]. Россия

является многонациональным государством, однако несмотря на полиэтничный состав, она имеет общую историю, героев, ученых. Формирование патриотического сознания не должно опираться на этнический или религиозный характер. В этом ключе патриотизм не должен переходить в национализм. Эти два термина достаточно близки, но их нельзя отождествлять. Национализм отстаивает интересы определенной нации, а патриотизм объединяет общество в рамках определенного государства. Главной интеграционной ценностью должна стать значимость своего Отечества и готовность защищать его национальные интересы.

Таким образом, патриотизм основывается на чувстве гражданственности и ответственности за судьбу своей страны. Формирование патриотического сознания возможно в рамках изучения истории Отечества, приобщения людей к изучению культурного наследия нашей страны. Особая роль в данном вопросе должна отводиться патриотическому воспитанию молодого поколения. Еще в юном возрасте как в семье, так и в дошкольных учреждениях должна формироваться любовь к Родине, национальная идентичность, готовность отстаивать интересы своей страны, а также работать для ее процветания.

Патриотизм как ценность способен интегрировать разнополярное общество даже в самые сложные периоды. Знание традиций, особенностей характера и исторического прошлого нашей страны в сложной геополитической ситуации позволит не допустить фальсификации и искажения истории, сохранить сплоченность и идентичность в рамках глобализационных процессов. С высоким уровнем патриотизма социум будет устойчив к внешним деструктивным воздействиям. В рамках национальной идеи патриотизм может стать ресурсом, способным мобилизовать, организовать и объединить население для созидания и развития нашей страны.

Список литературы

1. Халий И.А. Патриотизм как ценность: основания, типы, зависимость от инноваций // Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: [монография] / [О.В. Аксенова, Н.В. Левченко и др.]; Отв. ред. О.В. Аксенова. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017; В.В. Гаврилюк, В.В. Маленкова Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. 2007. №4; М. Акулич, Н. Дмитриева Патриотизм в системе нравственных ценностей россиян // Безопасность Евразии. 2004. № 2.

2. Встреча с активом Клуба лидеров. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263>.

3. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор

– академик РАН Г.В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. – 488 с.

4. Данные опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – URL: <http://www.wciom.ru>

5. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы». – URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>.

6. Новый текст Конституции с поправками 2020. – URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>.

**ДЕПОПУЛЯЦИЯ И СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ
РОССИИ ВСЛЕДСТВИЕ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ
DEPOPULATION AND POPULATION AGING OF SMALL RUSSIAN
CITIES DUE TO INTERNAL YOUTH MIGRATION**

Д.А. Протсив
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
D.A. Protsiv
Lobachevsky University

Вследствие ограниченности социально-экономического развития малых городов РФ, молодежь вынуждена переезжать в более крупные города, что приводит к демографическим проблемам, таким как депопуляция и старение населения небольших городов. Сравнивается динамика численности населения малых и крупных городов России, даются рекомендации по улучшению демографической ситуации в малых российских городах.

Due to the limited socio-economic development of small cities in the Russian Federation, young people are forced to move to larger cities, which leads to demographic problems such as depopulation and aging of the population of small cities. The article compares the population dynamics of small and large cities in Russia and provides recommendations for improving the demographic situation in small Russian cities.

Ключевые слова: демография, депопуляция, старение населения, внутренняя миграция, малый город, молодежь

Keywords: demography, depopulation, population aging, internal migration, small city, youth

Демографические вызовы относятся к числу главных вызовов современности и стоят перед многими странами, включая Россию [1, с. 5]. Из-за сокращения воспроизводства населения в течение длительного периода возникает «депопуляция», в результате чего каждое последующее поколение

уступает предыдущему по численности. В общей численности населения происходит увеличение доли пожилых людей – «демографическое старение», что оказывает влияние на различные аспекты жизни общества [2].

Одним из демографических вызовов является вызов внутренней миграции, играющей значительную роль в территориальном распределении населения Российской Федерации. Миграционные потоки, как правило, имеют направление из слаборазвитых регионов в экономически более развитые. Состав участников миграции оказывает воздействие на демографическую ситуацию в районах оттока и притока мигрантов. Вследствие внутреннего миграционного процесса несколько субъектов РФ оказываются наиболее плотно заселенными, при этом другие территориальные единицы сталкиваются с сокращением и без того малочисленных жителей.

Внутрироссийская миграция способствует концентрации населения в крупных городах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, с численностью, превышающей 1 млн. человек. Кроме того, является распространенной миграция населения в пределах одного субъекта – совершается переезд в региональный центр из другой части муниципального образования [1, с. 45-46].

Малые города России, например, г. Вязники, г. Ртищево, г. Сатка, г. Камень-на-Оби, численность населения которых не превышает 50 тыс. человек, имеют проблемы, связанные с убылью населения [3, с. 3]. В небольших городах практически отсутствуют вузы. Многие малые города включены в перечень моногородов РФ, где более 30% населения работают на предприятиях одной компании, что свидетельствует об узости рынка труда. Малые российские города характеризуются и низким уровнем заработной платы, отсутствием карьерного роста, высоким уровнем безработицы, неразвитостью социальной инфраструктуры.

При рассмотрении промежутка времени с 2015 по 2020 гг. можно отметить возрастание численности населения мегаполисов (в г. Москва численность увеличилась на 480 тыс. человек, или на 3,9%, в г. Санкт-Петербург на 206 тыс. человек, или на 3,9%, в г. Екатеринбург на 65 тыс. человек, или на 3,7%, в г. Новосибирск на 58 тыс. человек, или на 4,6%) (Рис. 1) и убывание численности населения малых городов (в г. Вязники численность уменьшилась на 3,4 тыс. человек, или на 3,3%, в г. Ртищево на 1,7 тыс. человек или на 3,4%, в г. Камень-на-Оби на 1,4 тыс. человек, или на 4,2%, в г. Сатка на 1,4 тыс. человек, или на 8,8%) (Рис. 2) [4].

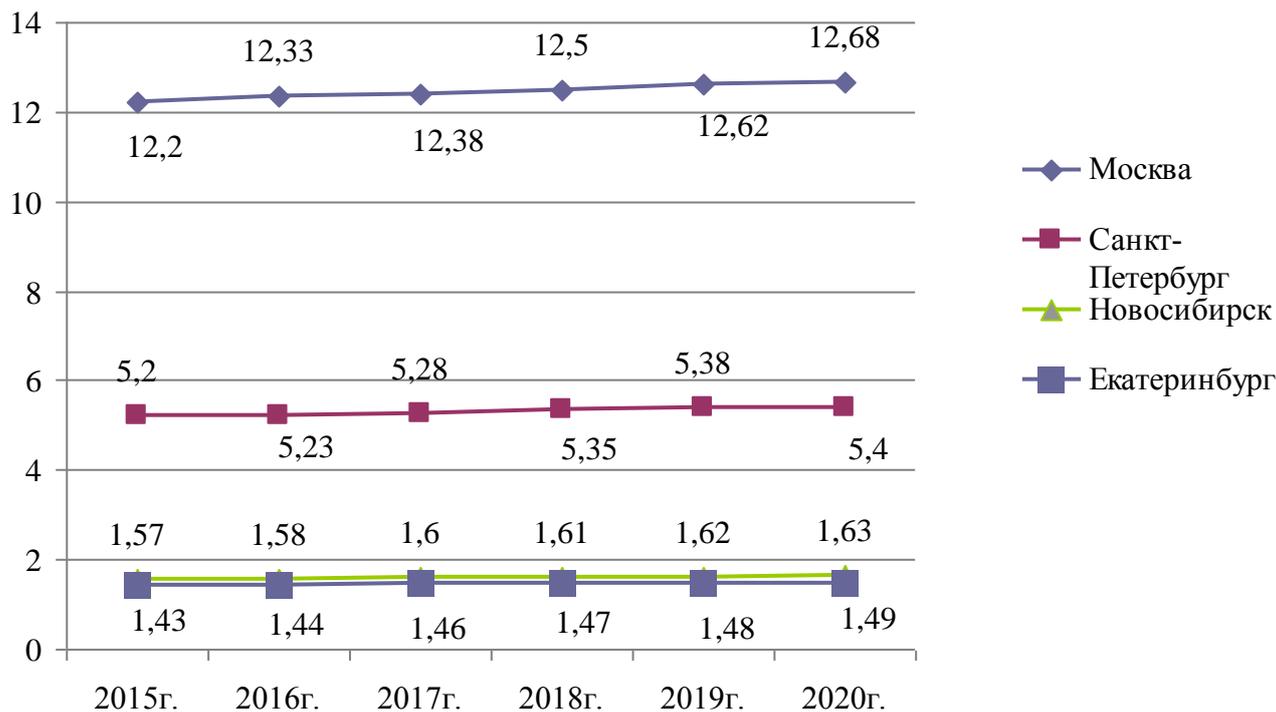

Рис. 1. Динамика численности населения крупных городов РФ (на 1 января) в период с 2015 по 2020 гг., млн. чел.

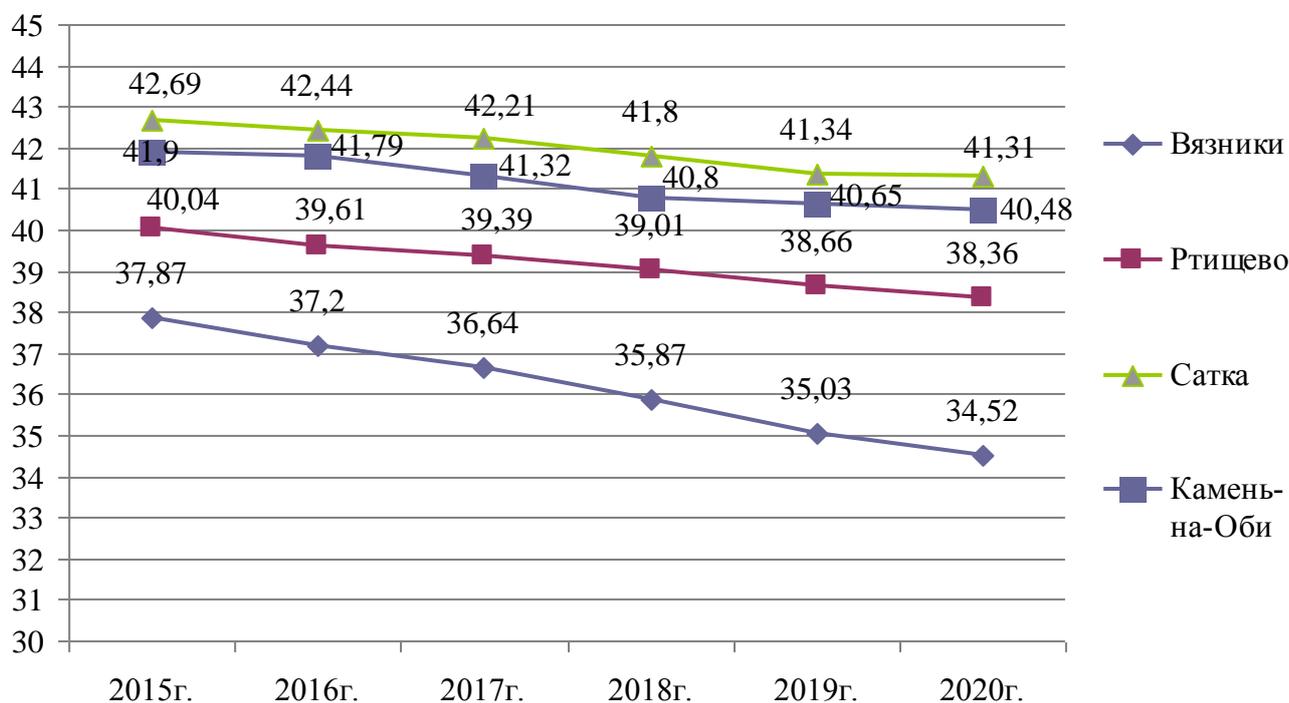

Рис. 2. Динамика численности населения малых городов РФ (на 1 января) в период с 2015 по 2020 гг., тыс. чел.

Высокая доля российского населения приходится на относительно небольшую часть территории государства, что негативно отражается на остальном пространстве. В Центральном федеральном округе, который

занимает лишь 3,8% территории РФ, сконцентрировано 27% населения страны, тогда как, например, в Дальневосточном федеральном округе, занимающем 36% территории России, сосредоточено лишь 5,6% российского населения [4]. Данный факт указывает на неравномерное демографическое и социально-экономическое развитие регионов России.

В социальной структуре общества молодежь занимает важное место, так как именно она выполняет функцию смены поколений, принимает непосредственное участие в воспроизводстве потенциала социума, выступая его главным ресурсом. Неблагоприятные условия малых городов, связанные с трудностями получения высшего образования и последующего устройства на работу, приводят к оттоку молодых людей в крупные города. По оценке Росстат, миграция в России имеет молодежный профиль: численность внутрироссийских мигрантов составляет 4 млн. человек на 2019 г., из которых почти половина (45%) – люди в возрасте от 15 до 34 лет [5].

Ввиду молодежной миграции, население территорий, привлекающих молодых людей, в меньшей степени подвержено сокращению численности и старению. В районах оттока молодежи, наоборот, происходит усиление таких процессов как депопуляция и демографическое старение, что в свою очередь приводит к деградации населения, разрушению экономики и социальной инфраструктуры, повышению желания юношей и девушек переехать в более развитый регион [1, с. 46].

Осуществляемые в настоящее время попытки изменить направление потоков миграции «в необходимые стороны» и увеличить общий уровень пространственной мобильности населения не приводят к желаемым результатам в силу отсутствия, как людских, так и финансовых ресурсов [1, с. 46].

Для решения проблемы, связанной с депопуляцией и старением населения малых городов, необходимо принимать меры по увеличению количества высших учебных заведений, направлений подготовки и их популярности в различных регионах России. Следует создавать в малых городах программы по оказанию помощи молодым семьям в приобретении жилья, поддержке малого бизнеса, созданию дополнительных рабочих мест, предоставлению социальной помощи работникам, развитию спорта. Требуется построение эффективного взаимодействия власти и населения малого города. Важно формировать у населения малых городов ценности здоровья и здорового образа жизни, семейные ценности. Малые города нуждаются в повышении привлекательности и конкурентоспособности. Необходимо развитие транспортной и социальной инфраструктуры малых городов, а также

повышение эффективности использования имеющейся городской инфраструктуры.

Список литературы

1. Вишневецкий А.Г. Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад / А.Г. Вишневецкий [и др.]. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 71 с.
2. Демографический понятийный словарь / М-во труда и соц. развития Рос. Федерации. Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед. [Архангельский В.Н. и др.]; Под ред. Рыбаковского Л.Л. М.: Центр соц. прогнозирования, 2003 (ФГУП ПИК ВИНТИ). 349 с.
3. Калимуллина Э.Р. Факторы миграции молодежи средних городов в мегаполисы (на материале республики Татарстан): автореф. дис... канд. социол. наук: 22.00.04. – Казань, 2020. 19 с.
4. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (Дата обращения: 24.08.2020).
5. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (Дата обращения: 30.08.2020).

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЁЖНЫХ ИНТЕРНЕТ СООБЩЕСТВ SPECIFICS OF THE YOUTH ONLINE COMMUNITY RESEARCH

А.В. Соболева
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Soboleva
Lobachevsky University

Развитие современных информационных технологий, средств связи и вовлечение детей и подростков в мир интернета и мобильных телефонов делают функционирование различных подростковых интернет групп одним из серьезнейших современных социальных рисков. Данная статья посвящена описанию исследований поведения молодёжи в социальных сетях и их распространённости в школах Нижнего Новгорода в 2017 и 2018 гг.

The development of modern information technologies and the involvement of children in the world of social networks make the functioning of various teenage Internet groups one of the most serious modern social risks at this age. This article is

devoted to the description of studies of youth behavior in social networks and their prevalence in schools in Nizhny Novgorod in 2017 and 2018.

Ключевые слова: девиации, девиантное поведение, кибербуллинг, социальные сети, группы смерти, молодёжь, массовые коммуникации, коммуникации

Keywords: deviations, deviant behavior, cyberbullying, social networks, death groups, youth, mass communication, communication

Повсеместная распространённость Интернета и пристрастие подростков к социальным сетям в сочетании с дефицитом у них пользовательской компетентности и понимания необходимости поддержания определенной этики общения в сети делают интернет коммуникации одним из серьезнейших современных социальных рисков.

В связи с тем, что несколько последних лет в центре внимания было такое новое для нашей страны явление, как кибербуллинг – травля в сети, а также вызывали тревогу привлекавшие несовершеннолетних «группы смерти», эти явления стали объектом исследования. В 2017 и 2018 гг. автором было проведено анкетирование школьников и серия глубинных интервью с классными руководителями 8-11 классов, социальными педагогами и психологами. Темами исследования стал кибербуллинг в школах Нижнего Новгорода, работа с детьми, которые стали жертвами кибербуллинга, а также «сообщества смерти» и их известность в школьной среде.

Девиантное поведение в школах с течением времени и развитием технологий получает новые формы развития. Случаи недоброжелательного отношения между учениками распространены не только в школах, но и в Интернете. Агрессия в школьной среде выходит на новый уровень и увеличивает площадки распространения агрессивных форм поведения. Агрессор и жертва – это два лица, которые между собой связаны, поскольку недоброжелатель может вымещать свои комплексы и неприязнь на человеке, который совсем в этом не виноват. Однако жертва не всегда решается рассказать о том, что происходит с ней в классе, поэтому рано или поздно может начать вымещать свои обиды на другом лице. Самыми популярными формами травли в школе являются словесные, которые переносятся в сеть и получают развитие, зачастую более разрушительное, чем было в школе в прежние годы.

Число школьников, замалчивающих случаи травли, довольно высоко, существует несколько причин этого. Во-первых, ребёнок не верит, что его проблема может быть решена, во-вторых, винит себя и хочет разобраться в сложившейся ситуации сам, в-третьих, предпочитает не обнародовать

ситуацию, в которой он может выглядеть не лучшим образом. У, более чем, половины опрошенных учеников проблема травли не была решена, ребенок пытался найти решение на стороне или же пустить проблему на самотек. Многие опрошенные ученики находили помощь у виртуальных друзей. Таким образом, для многих пострадавших от кибербуллинга проблема и ее решение лежит в плоскости Интернет пространства.

К сожалению, не всегда виртуальный друг оказывается лучшим советчиком в решении сложных ситуаций. В известных случаях втягивания детей в «группы смерти» дети вступали в эти группы добровольно, желая найти в них понимание среди таких же детей с похожими проблемами. Этим детей стоит отнести к группе риска, поскольку, по мнению социальных педагогов и психологов, они входят в подобные опасные группы не из интереса, который может быстро пройти, а в поисках поддержки и психологического комфорта. Этим и пользуются организаторы групп, «привязывающие» детей к себе и группе и впоследствии толкающие участников на экстремальные поступки.

«Сообщества смерти» являются одной из форм кибербуллинга, которые используют несколько его форм: выдача себя за другое лицо, использование шок-контента в группах, разные формы исключения. Ребенок, который уже столкнулся с травлей со стороны сверстников, вступая в такие группы может подвергнуться комплексным формам кибербуллинга уже в «сообществах смерти», не осознавая этого. При работе с подростками кураторы используют различные формы угроз, если ребенок, уже принятый группой, пытается выйти из игры на первых этапах. Среди угроз могут быть не только сообщения относительно семьи ребенка, но и шантаж распространения личной информации о ребенке, которой владеет куратор.

Чем же привлекательны эти группы для подростков? Исходя из полученной информации, выделено было две причины: первая причина – дети вступали ради интереса, поскольку группы привлекали своей загадочностью и таинственностью, чего не было в других группах, некоторые дети не думали сводить счеты с жизнью. Не стоит исключать и «психологическую» работу кураторов, которые разговаривали с детьми, убеждая их, что они одинокие и смерть является выходом из большинства проблем. Вторая причина – такие группы были привлекательны для детей, которые следовали «моде», группы были настолько популярны, что некоторые школьные компании считали, что быть членом этих групп – престижно и придает статус, что ты не хуже других.

Кратко перечислим основные выводы исследований.

1. Ситуации травли в учебных заведениях отмечаются не только самими работниками школы, но и учениками, большая часть из которых сами подверглись случаями травли.

2. И ученики, и учителя отмечают, что зачастую переходящие в социальные сети случаи травли трансформируются из ссоры между двумя-тремя детьми в травлю одного человека группой.

3. О случаях травли в Интернет пространстве родители и учителя чаще всего не знают или узнают в том случае, когда конфликт уже разросся и решение проблемы занимает более длительное время.

4. Пострадавшими не всегда становятся дети, которые неприметны и хорошо учатся, это могут быть, напротив, очень яркие по своему проявлению личности. Агрессор – это человек, который либо зол и обижен на окружающих и старается это выместить на другом, либо же человек, который пытается установить свой авторитет.

5. Ребенок может не находить поддержки у ближайшего школьного и семейного окружения и старается умолчать о своей проблеме, но охотно делится сложностями с виртуальными друзьями или пытается найти поддержку в группах, которые не всегда носят доброжелательный характер.

6. Некоторые дети из-за проблем во взаимоотношениях со сверстниками могут быть втянуты в «группы смерти», находя там своих сверстников с похожими проблемами.

7. Большую привлекательность для детей представляет «философия» групп, которая выражается в интересных названиях: «киты плывут вверх», «китовый журнал», где смерть и опасные ситуации представляют с романтической стороны, как благо или подвиг, а не что-то пугающее и опасное.

8. Отмечается, что большую привлекательность представляют не столько сами названия групп и их «философия», сколько сама опасная игра. Она вызывает интерес у детей этого возраста, поскольку в каждой игре есть победитель, и участнику такого квеста кажется, что он из нее выберется, приобретя репутацию героя.

9. Иногда участие в таких известных группах является способом самореализации и попыткой стать выше в глазах обидчиков.

**РОССИЙСКИЕ СМИ О ВОЛОНТЕРСТВЕ И УЧАСТИИ МОЛОДЕЖИ
В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ВОПРОСОВ***
**RUSSIAN MEDIA ABOUT VOLUNTEERING AND YOUTH
PARTICIPATION IN SOLVING SOCIALLY SIGNIFICANT ISSUES**

А.Г. Филипова
*Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург*
И.Н. Бухтиярова
*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва*
A.G. Filipova
*The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg*
I.N. Bukhtiyarova
*Lomonosov Moscow State University,
Moscow*

В публикации приведены результаты анализа российских СМИ за период с 2000 по 2020 г., связанных с волонтерством и участием подростков и молодых людей в решении социально значимых вопросов. Обнаружена, с одной стороны, связь волонтерских практик участия с проектной работой, а, с другой, участие понимается как участие в разного рода мероприятиях.

The publication presents the results of the analysis of Russian media for the period from 2000 to 2020 related to volunteering and the participation of adolescents and young people in solving socially significant issues. It was discovered, on the one hand, the connection of volunteer practices of participation with project work, and, on the other, participation is understood as participation in various kinds of events.

Ключевые слова: волонтерство, участие подростков и молодежи, социально значимые вопросы, средства массовой информации

Keywords: volunteering, participation of adolescents and youth, socially relevant issues, mass media

Российская молодежь имеет очень мало возможностей участвовать в решении социально значимых вопросов. Тем не менее, одной из таких возможностей является волонтерство, которое позволяет, с одной стороны, через социально направленную деятельность преобразовывать общество, а, с другой, решать лично значимые для подростка/молодого человека вопросы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31374.

Как отмечает Х.Т. Загладина, именно благодаря волонтерству дети и молодые люди приобретают «умение быстро ориентироваться в сложных ситуациях, мобильность, работа в условиях неопределенности, инициативность, креативное мышление, ответственность» [1].

Целью нашего исследования является проведение дискурс-анализа трех уровней репрезентации волонтерства, его смыслов, векторов развития с позиции участия подростков и молодых людей в качестве волонтеров в процессе принятия решений (нормативно-правовой дискурс, дискурс СМИ и научно-экспертный дискурс, подростково-молодежный дискурс). В рамках данной публикации обратимся к дискурсу СМИ.

Эмпирическими материалами для анализа выступили публикации региональных СМИ за период с 2000 по 2020 гг. Сбор публикаций региональных СМИ осуществлялся с использованием поисковых функций информационно-аналитической системы "Интегрум". Для поиска использовались следующие ключевые словосочетания: "волонтерство/добровольчество и подростки", "волонтерство/добровольчество и решение вопросов".

В результате поиска для анализа была отобрана 41 статья.

Анализ содержания статей проводился в программе для качественного анализа данных MAXQDA.

Для всех статей была разработана единая система, включающая 15 кодов: девиант, адаптация, проект, участие/участвуют, движения/организации, акции, деятельность, благотворительность, мероприятия, обучение/обучают, информация, администрация, решения, активности, исследования. Остальные были помечены как «шумы».

Инструменты MAXQDA позволили осуществить сравнительный анализ публикаций в разрезе кодов, объемов и частоты встречаемости кодов, связей между разными кодами и др.

Одним из типов визуального анализа качественных данных в программе MAXQDA является карта кодов, которая оценивает сходство между двумя кодами на основе перекрытия сегментов, иллюстрируя, сколько раз два кода встретились в одном текстовом сегменте. Для позиционирования кодов на поверхности используется метод классического многомерного масштабирования. Каждый кружок символизирует код, а расстояния между двумя кодами отражают то, насколько схожи коды в приведенных данных. Чем ближе расположены коды на карте, тем большее сходство они имеют. Кластеризация кодов происходит посредством иерархического кластерного анализа с использованием матрицы расстояний.

При построении карты кодов обозначились 4 кластера, каждый из которых получил свое цветовое обозначение. Из рис.1 видно, что в 1 кластер

объединились коды – «информация», «решения», «администрация», «обучение, обучают», «активности», «исследования», во 2 кластер объединились коды – «благотворительность», «деятельность», «акции», «мероприятия», к 3 кластеру относятся – «проект», «участие», «движения, организации», к 4 коду относятся «девиант» и «адаптация».

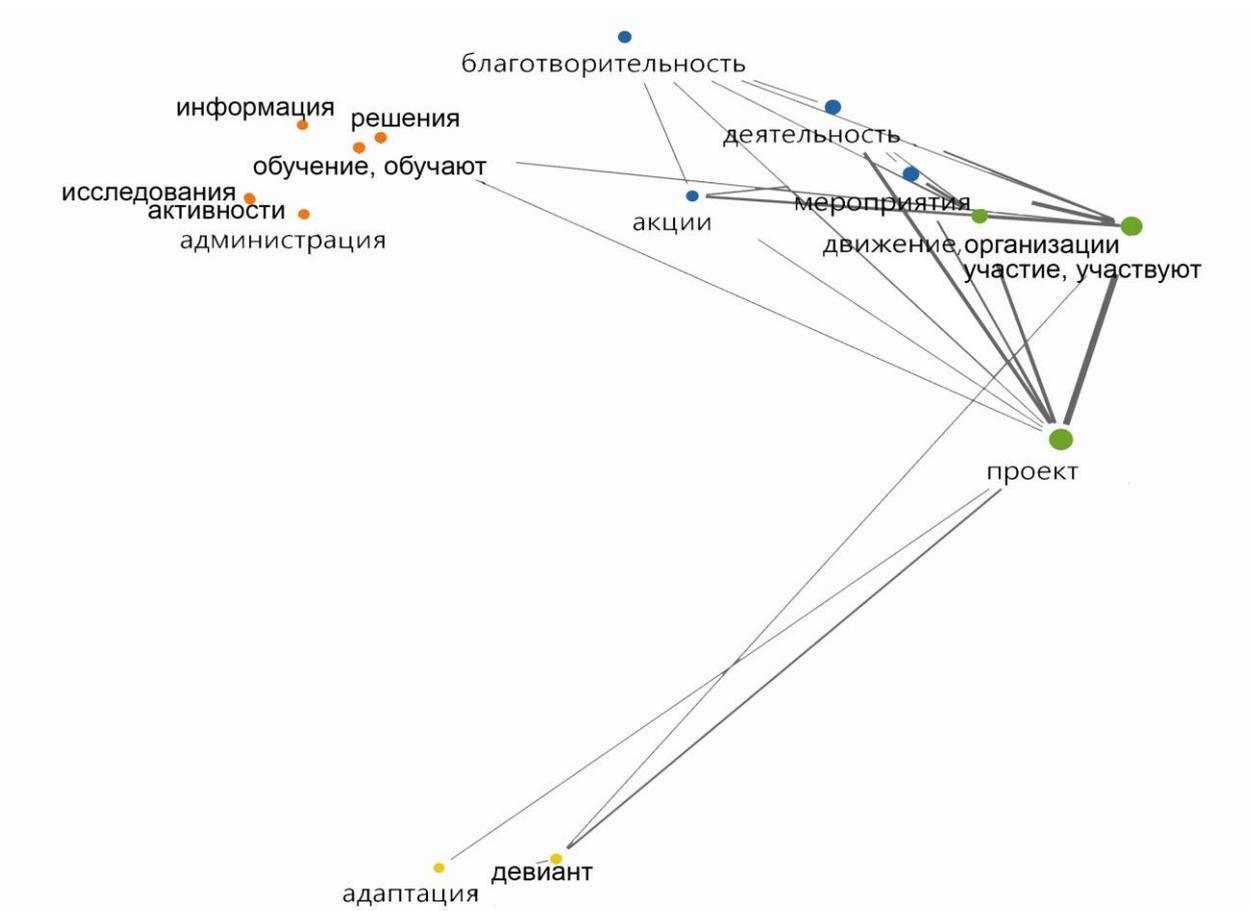

Рис. 1. Карта связи кодов закодированных сегментов

Интересующий нас код «участие» попал в третий кластер и соседствует с проектом и организациями/ движениями. Действительно, проектная работа является на сегодняшний день одной из форм проявления участия детей и молодежи в решении социально значимых вопросов.

На рис.2 показано процентное соотношение кодированных сегментов во всех статьях суммарно. Видно, что в 3 и 4 кластере наибольшие количественные показатели, то есть больше всего сегментов во всех документах выпадает на данные категории и коды значений данных кластеров встречались чаще других. Самым распространенным оказался код «проект» – 21%, на 2 месте по встречаемости (18%) код «участие, участвуют», и 3 место занимают коды «движение, организации», «деятельность», «мероприятия».

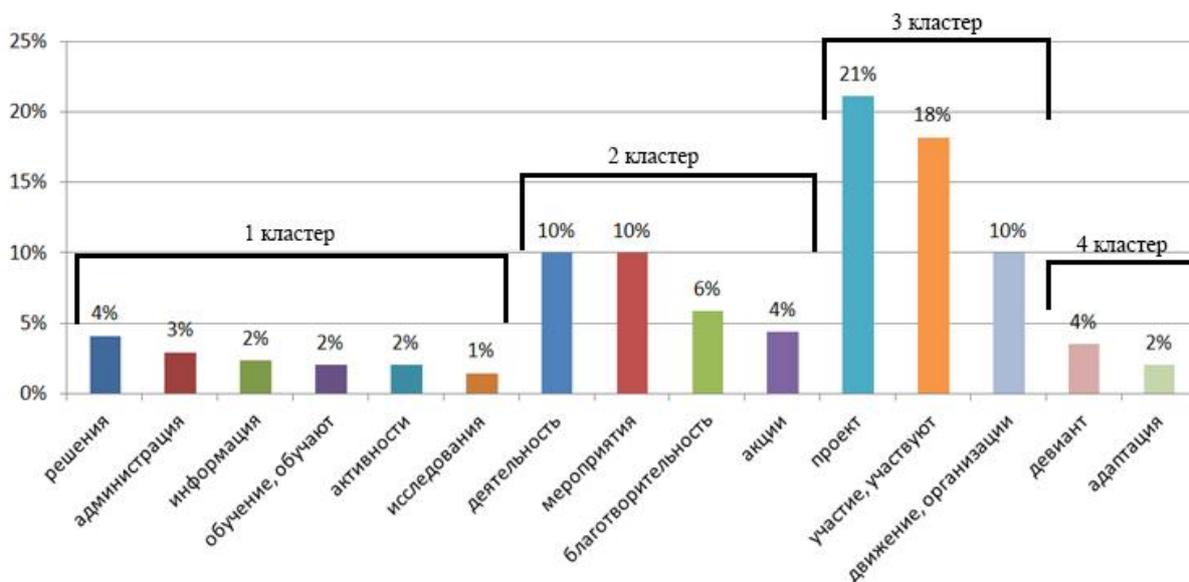

Рис. 2. Процентное соотношение закодированных сегментов

На основе выбранных статей была построена матрица кодовых отношений (Рис.3), показывающая, какие коды наиболее часто перекрываются в документе и наиболее тесно связаны друг с другом. Наиболее часто перекрываются фрагменты текста, кодированные как «проект» и «участие» (28 фрагментов), «участие, участвуют» и «мероприятия» (19 фрагментов), на третьем месте стоят несколько одинаковых по частоте пересечений – «участие, участвуют» и «движения, организации» (17 фрагментов), «деятельность» и «проект» (17 фрагментов).

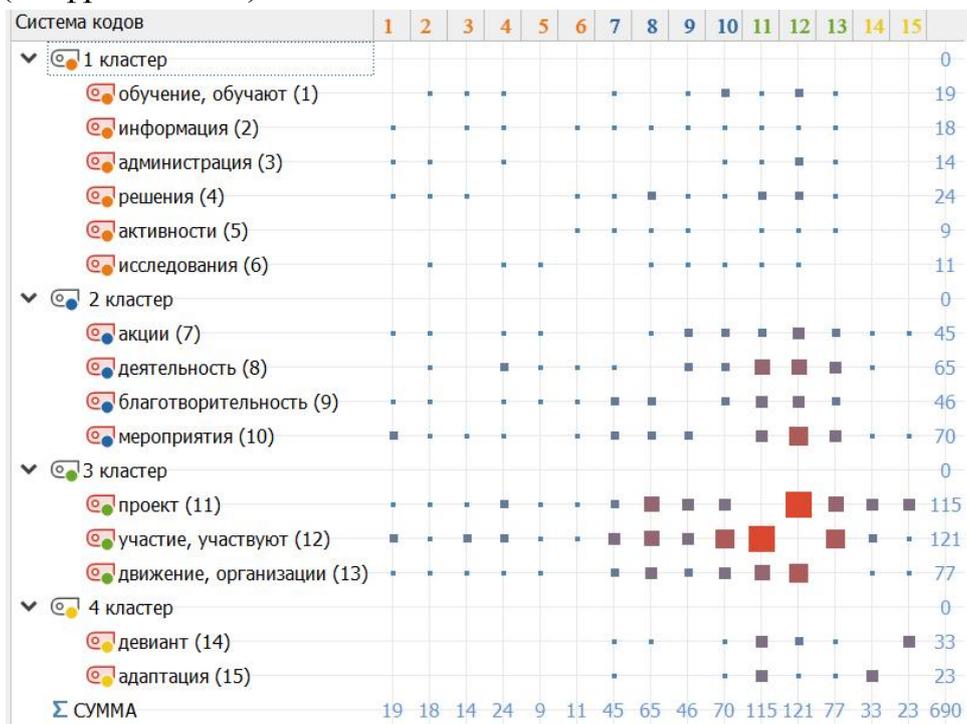

Рис. 3. Карта кодовых отношений

Из рис.3 видно, что фрагменты документов, относящиеся ко 2 и 3 кластеру, пересекаются преимущественно друг с другом, а также с кластером 4.

Визуализация данных в программе MAXQDA демонстрирует активное использование СМИ понятия «участие». Однако чаще всего под участием детей и молодежи понимается участие в мероприятиях или деятельности движений/организаций, а не участие в решении личностных или социально значимых вопросов. Волонтерство выступает социально одобряемой деятельностью, организуемой взрослыми для подростков и молодежи. Часто эта деятельность рассматривается как профилактика девиантных проявлений в подростково-молодежной среде.

Список литературы

1. Загладина Х.Т. Добровольчество (волонтерство) как феномен общественной жизни и школы // ВНЕшкольник. 2019. № 4 (190). С. 55-56.

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ THE INSTITUTIONALIZATION OF VIRTUAL COMMUNITIES AS A FACTOR OF GENERATION OF TRUST IN THE NETWORK SPACE

Н.В. Шалютина
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

N.V. Shalyutina
Lobachevsky University

Проводится общий анализ институциализации виртуальных сообществ, основой и результатом коммуникации в которых является доверие. Специфика онлайн-общения позволяет рассматривать виртуальные сообщества как анархические союзы - организационные структуры, меняющие свои формы в зависимости от целей участников. В основе их специфики лежит свобода коммуникации: конструирование собственного «Я», самопричисление к группе, осознанное отношение к нормам и независимость коммуникаторов. Специфические черты онлайн-коммуникации служат основой для установления порядка и институциализации норм взаимодействия и сетевой этики: доверия, самоорганизации и солидарности.

The author carries out a General analysis of the institutionalization of virtual communities where trust is the basis and result of communication. The specifics of online communication allow us to consider virtual communities as anarchic unions - organizational structures that change their forms depending on the goals of the participants. Their specificity is based on freedom of communication: the construction of their own "I", self-attachment to the group, a conscious attitude to

norms and the independence of communicators. Specific features of online communication serve as the basis for establishing order and institutionalizing norms of interaction and network ethics: trust, self-organization, and solidarity.

Ключевые слова: доверие, виртуальные сообщества, виртуальная коммуникация, институционализация, коллаборативная фильтрация, репутация, онлайн-взаимодействие

Keywords: trust, virtual communities, virtual communication, institutionalization, collaborative filtering, reputation, online interaction

В социологических концепциях доверия этот феномен детально изучен применительно к ситуациям непосредственного взаимодействия на межличностном и институциональном уровнях. В классической социологии доверие понимается как основа социального порядка и условие формирования социальных групп; это стратегия, позволяющая приспособиться к социальной среде [1, с. 83]. На межличностном уровне доверие – это активная тенденция, которая зависит от диспозиции личности и количества сильных и слабых связей. На институциональном уровне – это культурная норма, которая связывается с доверием экспертным системам и символическим знакам.

Что касается виртуальных сообществ (далее – ВС), взаимодействие в которых можно определить как потенциально коммуникативные ситуации, изучение доверия в них приобретает особый смысл, в связи с ростом неопределенности этих систем. Идея о том, что ВС формируются точно так же, как и реальные, не очевидна, так как у многих форм взаимодействия в онлайн-сообществах нет аналогов в оффлайне.

Общие черты, поддерживающие стабильность реальных и ВС, все же существуют. К ним можно отнести, прежде всего, рутинизацию социальных практик участников через установление правил общения, имплицитных или эксплицитных, которые упорядочивают использование общих ресурсов и распределяют ответственность за создание и поддержание общественных благ [2]. Как правило, ВС создают разделы с информацией об обязательствах и нормах - «Часто задаваемые вопросы» (FAQ). Несмотря на FAQ, многие правила остаются трудными для поддержания, поэтому в ВС появляется разделение ролей (авторитетные участники, модераторы), которые следят за соблюдением норм сообщества. Институт модераторов решает две задачи: осуществление контроля и санкций в отношении нарушителей и убеждение членов сообщества в том, что остальные тоже следуют правилам, правда, характерные черты взаимодействия в ВС значительно облегчают контроль, но затрудняют наложение санкций.

Можно выделить шесть специфических черт онлайн-взаимодействия: документирование; ограниченность непосредственного контроля; многоканальность, монологичность; ситуационный характер самопрезентации;

интерференция публичного и частного [3]. Эти специфические черты позволяют ВС институционализироваться и формировать доверительные отношения между участниками.

Виртуальные сообщества - аутопойетические системы, институционализация и саморегуляция в которых неизбежна. В этом смысле ВС можно рассматривать как «анархические союзы», пользуясь терминологией П. Кропоткина [4], то есть организационные структуры, постоянно меняющие свои формы в зависимости от целей объединения и ресурсов участников. Соответственно, институционализируется не столько их организационная структура, сколько нормы взаимодействия и сетевая этика: доверие, солидарность, самоорганизация [5].

Именно доверие становится элементом, заполняющим неподдающиеся контролю лакуны коммуникации, позволяющим оценить уровень безопасности и предсказать реакцию собеседника, то есть, выстроить систему ожиданий в ситуации неопределённости. В виртуальных сообществах действуют и межличностные, и институциональные уровни доверия.

Итак, если рассматривать ВС как «анархические союзы», то доверие как результат коммуникации в них зависит от целей и ресурсов участников. Технологии, характерные для виртуального общения способствуют развитию сетей доверия через сильные, слабые связи участников сообществ, а также механизмы репутации и коллаборативной фильтрации. Проследить это можно следующим образом.

На институциональном уровне основным механизмом оценки экспертных систем является репутация, которая отражает и интерес к пользователю, и его благонадежность (то есть, верят тому, кто прежде оправдывал доверие). Репутация поддерживается благодаря следующим чертам онлайн-общения.

Во-первых, общение документируется и превалирует визуальный канал. Эти черты онлайн-коммуникации не только облегчают поиск информации, но и дают возможность точнее интерпретировать зафиксированные транзакции, создавая системы репутации.

Во-вторых, ограниченность непосредственного контроля ведет к осознанному отношению к нормам. Хотя, конечно, во многих ВС, особенно в сообществах совместных практик, действует достаточно серьезный контроль со стороны модераторов, устанавливающих нормы сообщества и контролирующих его размеры и конфигурацию связей между участниками. Основным критерием для причисления пользователя к ВС является декларация разделения ценностей сообщества, то есть, в основе лежат не формальных признаки сходства участников, а самопричисление.

В-третьих, онлайн-взаимодействие характеризуется интенсивностью и многоканальностью, что позволяет пользователям проверять источник коммуникации с помощью контрагентов. Пользователь имеет возможность совмещать различные формы коммуникативного взаимодействия, включая мультиперсональное. Основным механизмом поддержания доверия в этом случае являются механизмы клубных рекомендаций и коллаборативной фильтрации – системы обмена субъективным опытом.

В-четвертых, характерной чертой онлайн-взаимодействия является ориентация на себя, общение проходит в формате монолога: сетевые технологии сами «подгоняют» пользователю информацию, ориентируясь на его предыдущие запросы.

На межличностном уровне характерной чертой онлайн-взаимодействия становится ситуационный характер самопрезентации: виртуальная идентичность совмещает различные фрагменты профессиональной, личной и семейной идентичностей. Самоидентификация в ВС является процессом постоянным и открытым, виртуальная личность является нарративом, что позволяет другим пользователям «читать» собеседников, отслеживая личные истории и снижая степень неопределенности.

Шестая характерная черта онлайн-коммуникации – интерференция публичного и частного. Эта характеристика зависит от свойств сообщества (его размеров, мотивации и целей участников) и способствует открытости коммуникации. Некоторые ВС становятся «третьим местом» [6], куда участники приходят добровольно, стремясь найти единомышленников, осознанно выстраивая в сообществах сильные и слабые связи, этот вопрос подробнее рассмотрен в ранней работе автора [7].

Итак, природа доверия в сети является скорее рациональной, чем иррациональной. Механизмы коллаборативной фильтрации, репутаций, независимость коммунитаторов друг от друга нивелируют риски онлайн-коммуникации. Доверие в сети менее связано с доверительными диспозициями участников, более – с технологиями, способными обеспечивать доверие (безопасность и предсказуемость реакций), в свою очередь выстраивание доверительных связей в виртуальных сообществах способствует развитию и этого канала коммуникации.

Список литературы

1. Штомпка П. Доверие – основа общества. М: Логос, 2012. 440с.
2. Kollock P., Smith M. Managing the virtual commons: cooperation and conflict in computer communities. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/kollock/papers/vcommons.htm> (Дата обращения: 05.09.20).

3. Авдеева И.А. Особенности виртуальной коммуникации и организации виртуальных сообществ в пространстве глобальной сети. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-virtualnoy-kommunikatsii-i-organizatsii-virtualnyh-soobschestv-v-prostranstve-globalnoy-seti/viewer> (Дата обращения: 17.03.20).

4. Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал. М.: Азбука, 2020. 280с.

5. Штейнберг И.Е. «Живые» и виртуальные сети социальной поддержки: анализ сходства и различий // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 82-103.

6. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, слоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент общества. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=630319&p=1> (Дата обращения: 07.09.20).

7. Шалютина Н.В., Придатченко М.В., Ситникова И.В. Роль социальных медиа в формировании межличностного доверия у молодежи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-mediav-formirovanii-mezhlichnostnogo-doveriya-u-molodezhi/viewer> (Дата обращения: 20.09.20).

**СЦЕНАРИИ ПОИСКА РАБОТЫ МОЛОДЕЖЬЮ
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА
YOUTH SCENARIOS OF SEARCH FOR WORK
IN THE CONTEXT OF LABOR MARKET
TRANSFORMATION**

Е.А. Шинкаренко
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
Е.А. Shinkarenko
Lobachevsky University

В условиях трансформации экономики значительно меняется сфера труда. Молодежь в возрасте 18-25 лет можно считать особой группой на рынке труда, поскольку они совмещают работу и учебу или только выходят в трудовое поле после получения диплома. Поиск работы определенной квалификации рассматривается как одна из составляющих молодежного сценария поиска работы.

In the context of economic transformation, the world of work is changing significantly. Young people aged 18-25 can be considered a special group in the labor market, since they combine work and study or only enter the labor field after receiving a diploma. Job search of a certain qualification is considered as one of the components of the youth job search scenario.

Ключевые слова: трансформация рынка труда, профессиональная квалификация, трудоустройство молодежи, сценарии поиска работы

Keywords: transformation of labor market, professional qualifications, youth employment, scenarios of search for work

Рынок труда можно считать динамичной структурой, чутко реагирующей на общественные изменения. На протяжении десятилетий в России активно идут процессы модернизации производства, цифровизации общественных сфер, появления новых секторов экономики. Все эти перемены в значительной мере меняют структуру рынка труда и занятости.

Как отмечают Т.Я. Валетов и Р.Х. Кесслер, с конца XIX в. и на протяжении XX в. значительно снижалась занятость в сельском и лесном хозяйстве (с 80% в 1897 г. до 20% в 2002г.) [1], что обусловлено переходом от аграрного общества к индустриальному (Рис. 1).

Рис. 1. Изменения в структуре профессиональной занятости населения России

На протяжении XX в. на волне модернизации наблюдался рост занятости в секторе промышленности (с 10% до 40%). В середине XX в. Торстейн Веблен обращает внимание на переосмысление экономического значения сектора услуг [2, с. 120], что является характерной чертой перехода от индустриального общества к постиндустриальному. Как можно видеть на рисунке 1, сектор услуг показывал интенсивный рост на протяжении XX в, и к 2002г. доля занятых в этой сфере превышала 40%.

Подчеркнем, что занятость не гомогенна, при ее изучении можно выделять возрастные, гендерные, образовательные и прочие аспекты. Трудоустройство и занятость молодежи зачастую связаны не только с включением новых кадров в профессиональные структуры, но и служат способом оценки состояния системы образования. Профессионально-квалификационные устремления могут служить и особой характеристикой такой социальной группы, как молодежь.

Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко, Ф.А. Хохлушкина при изучении образования и жизненных траекторий молодежи отнесли должности 1-5 группы Общероссийского классификатора занятий (ОКЗ) [3] к т.н. «белым» воротничкам. Составляющие 6-9 группы отнесены к рабочим специальностям, то есть «синим» воротничкам [4]. Подчеркнем, что различия между «белыми» и «синими» воротничками лежат не только в плоскости интеллектуальной составляющей труда, работа в сфере обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли может требовать меньше знаний, чем должность квалифицированного рабочего. На наш взгляд, важную роль будут играть коммуникативные навыки, необходимые на определенной должности. В таблице 1 представлены сведения об уровне квалификации молодежи 15-20 лет и 20-29 лет в 2008 и 2018 гг.

Т а б л и ц а 1

Занятое население по профессионально-квалификационным группам (на основной работе) и возрасту, РФ, 2008 [5] и 2018 [6] гг., %

Группа:	2008			2018		
	Все занятые	В т.ч. в возрасте:		Все занятые	В т.ч. в возрасте:	
		15-20 лет	20-29 лет		15-20 лет	20-29 лет
1. Руководители органов власти и управления всех уровней, вкл. руководителей учреждений, организаций, предприятий	7,0	0,2	4,4	6,6	0,5	3,1
2. Специалисты высшего уровня квалификации	19,2	3,0	21,7	24,6	2,6	26,5
3. Специалисты среднего уровня квалификации	15,1	10,9	15,8	12,9	10,6	14,7
4. Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	3,1	2,9	3,5	3,3	2,4	3,8
5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	13,5	24,3	16,7	16,0	21,9	19,4

6. Квалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства	3,5	9,4	2,3	2,5	16,3	1,8
7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	14,9	14,2	15,3	13,4	6,7	12,9
8. Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	12,5	6,4	10,4	12,6	3,6	10,4
9. Неквалифицированные рабочие	11,1	28,8	9,7	8,1	35,5	7,5

Как можно видеть из таблицы 1, выросла доля молодежи (от 15 до 29 лет) среди специалистов высшего уровня квалификации (с 19,2% до 24,6%). Снизилась доля молодежи в возрасте 20-29 лет среди занимающих должности руководителей (с 4,4% до 3,1%) и специалистов среднего уровня квалификации (с 15,1% до 14,7%). Процент молодых людей, занимающих должности служащих, остается практически неизменным на протяжении десятилетия.

Среди «синих воротничков» в возрасте 15-29 возрос процент занятых в сфере обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли (с 18% до 19,4%). В течение десятилетия наблюдается снижение доли рабочих сельского, лесного, охотничьего хозяйства, что может быть связано с общей тенденцией снижения численности работников этой сферы. Идентичная тенденция наблюдается и у квалифицированных рабочих, что может быть связано с автоматизацией производства и уменьшением числа занятых в этом секторе. Чуть более 10% молодежи в возрасте 20-29 лет работают операторами производственных установок и машин, сборщиками, водителями. За десятилетие выросла доля молодых людей в возрасте 15-20 лет, занятых неквалифицированным трудом (с 28,8% до 35,5%), в то время как в группе 20-29 летних процент занятых в этом секторе уменьшился (с 9,7% до 7,5%).

Чего же хочет сама молодежь? Для выявления профессионально-квалификационных предпочтений молодых соискателей обратимся к результатам нашего исследования «Электронное резюме как элемент профессионального карьерного поля», которое было реализовано в октябре-ноябре 2018 г. на крупнейшем портале по поиску работы HeadHunter.ru. Нами были собраны резюме молодежи (18-25 лет), ищущей работу в Нижнем Новгороде, выборка сплошная (N=1021). Мы ограничились возрастными рамками 18-25 лет, поскольку именно в это время молодые люди заканчивают

учебные заведения, выходят на рынок труда и приобретают первый опыт. Всем должностям, которые указывались в качестве желаемых, были присвоены коды в соответствии с Общероссийским классификатором занятий (ОКЗ) (Табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Желаемые для молодежи профессионально-квалификационные группы
Нижегород, 2018 г., %**

Группа:	Все соискатели	В т.ч. в возрасте:	
		До 20 лет	20–29 лет
1. Руководители органов власти и управления всех уровней, вкл. руководителей учреждений, организаций, предприятий	1,0	0,8	1,0
2. Специалисты высшего уровня квалификации	52,2	40,8	55,9
3. Специалисты среднего уровня квалификации	21,1	20,4	21,3
4. Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	6,0	7,2	5,6
5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	9,9	20,0	6,6
6. Квалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства	0,0	0,0	0,0
7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	2,9	1,6	3,4
8. Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	2,4	2,0	2,5
9. Неквалифицированные рабочие	3,0	6,0	2,1
Не указан профиль	1,6	1,2	1,7
Всего	100	100	100

Более половины всех соискателей ищут должности высшего уровня квалификации. Такое стремление, как можно видеть, демонстрируют как имеющие дипломы о среднем или высшем образовании, так и получающие образование в момент поиска работы. Для 20% соискателей привлекательны должности средней квалификации. Определенная часть (6%) ищет должности служащих, на эти должности активнее претендуют соискатели до 20 лет.

Для 9,9% соискателей привлекательны позиции в сфере обслуживания ЖКХ и торговли, здесь преобладают молодые люди до 20 лет. На позиции рабочих, операторов, водителей претендует 3% соискателей. Такой же процент соискателей ищут неквалифицированную работу. Совсем непривлекательна сфера сельского, лесного, охотничьего хозяйства.

По результатам анализа можно говорить о том, что спектр занятий «белых воротничков» привлекателен для молодежи. В 2007 г. на должностях

этого сектора работало 42,8% молодых людей, к 2018 г. из доля возросла до 47,4%. На массиве данных Нижнего Новгорода видно, что более 80% соискателей отдают предпочтение позициям высшей или средней квалификации, служащих или руководителей. Отличительная особенность сценария поиска работы до 20 лет – устремленность в сектор услуг на позиции официанта, бармена. Такая позиция не требует опыта, дает возможность совмещения работы и учебы, предполагает оперативный заработок. Позиции рабочих привлекательны для меньшей доли молодых людей. В целом молодежь при поиске работы встраивается в текущие изменения рынка труда, которые, в частности, заключаются в сокращении численности квалифицированных рабочих и росте сектора услуг.

Список литературы

1. Валетов Т.Я., Кесслер Р.Х. Изменения в структуре профессиональной занятости населения России (СССР) за 1897-2002гг // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45. С.79-82.

2. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. Вступ. ст. С.Г. Сорокиной. Общ. ред. В.В. Мотылева. – М.: Прогресс, 1984. 336 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://libes.ru/362643.html> (Дата обращения: 25.08.2020).

3. Общероссийский классификатор занятий [Электронный ресурс]. – URL: <https://classifikators.ru/okz> (Дата обращения: 25.08.2020).

4. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. – М.: ЦСПиМ, 2011. – 296 с.

5. Обследование населения по проблемам занятости. 2008 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_30/IssWWW.exe/Stg/d020/labor243.htm (Дата обращения: 25.08.2020).

6. Обследование населения по проблемам занятости. 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (Дата обращения: 25.08.2020).

**ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ
МЕТОДА ФОТОИНТЕРВЬЮ***
**HISTORICAL MEMORY RESEARCH: EXPERIENCE WITH THE PHOTO
INTERVIEW METHOD**

Н.В. Шумкова, А.О. Медведева
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск*
N.V. Shumkova, A.O. Medvedeva
*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk*

Осмысливаются практики использования визуальных техник в современном социологическом исследовании – описывается опыт применения фотоинтервью в полевом исследовании, направленном на изучение исторической памяти современной молодежи. Анализируются перспективы и трудности использования данного метода сбора социологической информации.

The article contributes to understanding the practice of using visual techniques in modern sociological research - the experience of using photo interviews in a field study aimed at studying the historical memory of modern youth is described. The prospects and difficulties of using this method of collecting sociological information are analyzed.

Ключевые слова: визуальные методы, историческая память, методический эксперимент, фотография, фотоинтервью

Keywords: visual methods, historical memory, methodological experiment, photography, photo interview

Перспективной областью исследований в современной социологии, отражающей ее поворот к качественной методологии, является визуальная социология. Среди зарубежных исследователей, развивающих это направление, можно выделить Д. Харпера [1], В. Бергина [2], Р. Брекнер [3], Х. Кноблауха [4], П. Штомпку [5]. По мнению ученых, этот новый поворот в социологии, помимо всего прочего, опосредован разнообразием современных иконографических источников: «существующие фотографии социальных ситуаций в СМИ, в фотожурналистике, частные любительские коллекции семейных фотографий, музейные коллекции, рекламу, объявления» [5, с. 6-7].

Визуальная социология, получив свое развитие на Западе, постепенно внедряется и в отечественные исследовательские практики. Свой вклад в

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-31319 опп «Историческая память и идентичность: особенности формирования исторических нарративов в молодежной среде в национальных республиках Приволжского федерального округа»).

развитие визуальных методов внесли Н.М. Богданова [6], Е.Ю. Исаева [7], Д.А. Омельченко, С.И. Поляков [8], О.В. Сергеева [9], С.Г. Ушкин [10]. Возможности использования фотографии изучали А.Б. Запольская [11], В.Л. Круткин [12], Е.В. Полухина, А.В. Стрельникова, А.В. Ваньке [13].

Фотография является основным визуальным источником в современных социологических исследованиях. С одной стороны, она выступает как объект, с другой – как инструмент социологического исследования. Во втором случае фотография часто играет вспомогательную роль, усиливая традиционные методы исследований, например, интервью [14]. Фотоинтервью – «интервьюирование при помощи фотографий, которые служат вопросами и стимулами для информантов» [11, с. 132].

В рамках гранта РФФИ «Историческая память и идентичность: особенности формирования исторических нарративов в молодежной среде в национальных республиках Приволжского федерального округа» нами был осуществлен методический эксперимент по определению возможностей применения метода фотоинтервью в целях изучения особенностей исторической памяти учащейся молодежи. Эксперимент был проведен в августе 2020 г. Объектом исследования выступили студенты МГУ им. Н.П. Огарева различных направлений подготовки. Было опрошено 20 студентов, из них 10 юношей и 10 девушек. Гайд фотоинтервью представлял набор картинок и фотографий значимых событий и личностей различных периодов российской истории (от призвания варягов до перестройки). Время одного интервью в среднем составляло один час.

По итогам проведенного эксперимента было выявлено, что, во-первых, информанты проявили большую заинтересованность к фотоинтервью. Уровень удовлетворенности происходящим процессом был достаточно высоким на протяжении всего опроса. Во-вторых, с помощью данного метода были получены более точные и развернутые ответы по теме исследования.

В качестве недостатков можно отметить следующие.

К темам, посвященным ранним периодам истории нашей страны, визуальную информацию было подобрать достаточно сложно. Информант не всегда мог правильно определить показываемое событие или личность. Тем не менее, это не означало, что у него отсутствуют знания об этом событии /личности, поэтому в случае неверного ответа информанта, с целью уточнения его осведомленности, правильный ответ давался исследователем. Очень часто, в случае неверной интерпретации визуального материала информанты испытывали смущение, поэтому надо было акцентировать их внимание на том, что это нормально.

Вторым недочетом стал неверный порядок демонстрации визуальных материалов. Изначально каждая фотография демонстрировалась отдельно. В связи с этим некоторые фотографии просили показать повторно, поскольку весь просмотренный материал за отдельный исторический период стимулировал память информанта. Впоследствии было решено, что удобней будет объединить некоторые фотографии и демонстрировать их одновременно (например, фотографии правителей и полководцев XVIII в., фотографии героев Великой Отечественной войны).

В процессе осуществления методического эксперимента было опробовано несколько технологий его проведения (в очной форме с использованием печатных фотографий; в очной форме с использованием планшета; онлайн-интервью через Skype; обмен онлайн-сообщениями через мессенджер). Из всех перечисленных способов наиболее эффективным оказалось фотоинтервью с использованием планшета. Достаточно продуктивным было фотоинтервью по видеосвязи (при условии хорошего интернет-соединения).

Несмотря на существенное увеличение времени проведения данного вида интервью (информанты долго рассматривают фотографии), этот метод оказался достаточно результативным для исследования исторической памяти современной молодежи.

Список литературы

1. Harper D. Talking about pictures: a case for photo elicitation // *Visual Studies*. 2002. Vol. 17, No. 1. Pp. 13–27. DOI: 10.1080/14725860220137345.
2. Burgin V. Looking at Photographs // *Thinking Photography* / ed. by V. Burgin. L., 1982. Pp. 142–153.
3. Брекнер Р. Изображенное тело. Методика анализа фотографии // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2007. № 4. С. 13–32.
4. Кноблаух Х. Видеография. Фокусированная этнография и видеоанализ // *Визуальная антропология: настройка оптики*. М.: Вариант, 2009. С. 19–36.
5. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // *Социологические исследования*. 2009. №8. С. 3–13.
6. Богданова Н.М. «Визуальная социология» – новая наука или особый угол зрения? // *Социологический журнал*. 2012. № 3. С. 67–79.
7. Исаева Е.Ю. Визуальная социология как область научного знания: анализ теоретических основ в трудах западных социологов // *Гуманитарий Юга России*. 2019. № 6. С. 155–170. DOI 10.23683/2227-8656.2019.6.10
8. Омельченко Д.А., Поляков С.И. Исследователь с камерой в пространстве медийной публичности: полевой опыт // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2017. Т. 9, № 13. С. 73–81.
9. Сергеева О.В. Исследовательское поле визуальной социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. Т. 11, № 1. С. 136–146.

10. Ушкин С.Г. Визуальная социология: интеракционистский, семиотический и постструктуралистский подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 203–213.

11. Запольская А.Б. Метод фотоинтервью в социальных исследованиях: аналитический обзор // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 127–156.

12. Круткин В.Л. Фотография в социологическом исследовании: деревенская свадьба на форуме в Интернете // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2010. С. 88–96.

13. Полухина Е.В., Стрельникова А.В., Ваньке А.В. «Визуальный дневник»: как фотоданные репрезентируют контекст полевого исследования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12, № 1 (21). С. 96–117. DOI: 10.19181/inter.2020.21.6.

14. Веселкова Н.В., Вандышев М.Н., Прямикова Е.В. Об основных векторах развития метода интервью // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 44–56. DOI: 10.7868/S0132162517060046.

**СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ,
ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА**

ДОКЛАДЫ

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ НА
СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ РЫНКАХ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА
COVID-19 ЧЕРЕЗ УПРАВЛЕНИЕ КОММУНИКАЦИЯМИ
(ОПЫТ ПРЕСС-СЛУЖБЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО УФАС РОССИИ)
REGULATION OF CONSUMER MOOD IN SOCIALLY SIGNIFICANT
MARKETS IN THE CONDITIONS OF THE COVID-19 CRISIS THROUGH
COMMUNICATION MANAGEMENT (EXPERIENCE
OF THE PRESS OFFICE OF THE PETERSBURG FAS OF RUSSIA)**

В.В. Владимиров, М.Р. Нериновская
*Управление Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу,
г. Санкт-Петербург*
Ю.Л. Софронова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
V.V. Vladimirov, M.R. Nerinovskaya
*St. Petersburg Office of the Federal Antimonopoly Service,
Saint-Petersburg*
Yu.L. Sofronova
Lobachevsky University

В условиях эпидемии COVID-19 и режима самоизоляции в первой половине 2020 г. деятельность пресс-службы УФАС по г. Санкт-Петербургу была ориентирована на организацию эффективной антикризисной коммуникации с гражданами и предпринимательским сообществом. Ключевыми задачами (которые были решены результативно), стали профилактика алармистских настроений покупателей, снижение социальной напряжённости, поддержание репутации антимонопольной службы, обеспечение удовлетворённости потребителей на социально значимых рынках.

In the context of the COVID-19 epidemic and lockdown in the first half of 2020, the activities of the UFAS press-service in St. Petersburg were focused on organizing effective anti-crisis communication with citizens and the business community. The key tasks (which were successfully resolved) were the prevention of alarmist reactions of consumers, reduction of social tension, maintaining the reputation of the antimonopoly service, and ensuring consumer satisfaction in socially significant markets.

Ключевые слова: антикризисное управление коммуникациями, регулирование потребительских настроений, удовлетворённость потребителей, социальный алармизм, антимонопольная служба

Keywords: crisis communication's management, regulation of consumer reactions, consumer satisfaction, social alarmism, antimonopoly service

Одним из ключевых направлений деятельности структур ФАС России всех уровней является *обеспечение баланса интересов граждан и бизнеса в сфере экономических отношений*. В соответствии с Национальным планом развития конкуренции (утвержденного Указом Президента РФ № 618 от 21.12.2017 г.) [1], усилия органов власти направлены как на поддержание и развитие экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, так и на повышение удовлетворённости потребителей на социально значимых рынках.

Актуальный мировой кризис, вызванный COVID-19, реализация Правительством оперативных мер, связанных с введением в РФ режима самоизоляции весной 2020 г., обусловили рост алармистских настроений в обществе, быстро и значительно изменили характер потребительского поведения. Так, ситуацию на социально значимых рынках, сложившуюся в первой половине 2020 г., можно охарактеризовать следующим образом. В январе – феврале в РФ в целом, и в Санкт-Петербурге в частности, повышается спрос на защитные медицинские маски. Граждане начинают активно скупать продукты питания долгого хранения. В СМИ и социальных сетях активно муссируются слухи о грядущем дефиците товаров первой необходимости.

Правительство РФ поручает Федеральной антимонопольной службе *проведение мониторинга цен* на медицинские маски и социально значимые продукты питания. ФАС России направляет во все территориальные органы поручение руководителя службы Игоря Артемьева о необходимости организации таких мероприятий (ежедневная фиксация цен в аптеках и торговых сетях, оперативный обмен информацией). В случае выявления нарушений антимонопольного законодательства со стороны производителей, оптовиков или аптек к таким организациям планировалось применить все меры антимонопольного реагирования. Так, например, в середине февраля СПб УФАС возбудило дело в отношении оптовых поставщиков медицинских масок. По информации Управления, три организации одновременно повысили отпускные цены на медицинские маски, что могло быть обусловлено заключением картельного соглашения (признаки нарушения п. 1 ч. 1 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции» № 135-ФЗ) [2] на рынке поставок данной продукции. На первом заседании комиссии антимонопольного органа присутствовали представители СМИ.

Ситуация вызвала необходимость срочной разработки адекватных эффективных *мер информационной политики*. В соответствии с поручением руководителя ФАС России пресс-службы территориальных органов обязаны были транслировать в СМИ единую и согласованную с центром позицию по ситуации на наиболее затронутых пандемией рынках: медицинских изделий, лекарственных препаратов, продовольствия, топлива, авиабилетов. На рабочей дискуссионной онлайн-площадке (WhatsApp чат пресс-секретарей) в режиме реального времени обсуждалось состояние дел в регионах и вырабатывались рекомендации по освещению позиции ФАС России по наиболее острым вопросам.

Зимой – весной 2020 г. пресс-служба Санкт-Петербургского УФАС активно включается в работу по профилактике общей социальной напряжённости, в частности, *алармистских настроений, провоцирующих ажиотажный спрос на маски и продукты*. Организуется ежемесячный мониторинг традиционных СМИ, а также еженедельный мониторинг масс медиа с использованием возможностей аналитической системы «Интергрум». Целью данных усилий стала *оценка объёма сообщений*, инициированных пресс-службой Управления и связанных с ситуацией вокруг коронавируса, в общей информационной картине. Так, в один из наиболее сложных периодов начала эпидемии (февраль, март 2020 г.), когда спрос на медицинские маски резко возрос, количество упоминаний в СМИ о деятельности Управления по освещению вопросов масочного дефицита и ажиотажного спроса на продукты питания составило *около 50%* от общего числа сообщений. Информация транслировалась пресс-службой СПб УФАС с помощью разнообразных коммуникационных средств (пресс-релизы, пресс-подходы, интервью руководства, мониторинг цен с участием СМИ, открытые совещания, заседания комиссий и др.)

Повышенный спрос на продукты питания долгого хранения и товары повседневного употребления в условиях режима самоизоляции вызвал большой поток публикаций в СМИ на эту тему, в то время как в социальных сетях граждане делились фотографиями пустых полок. Руководитель управления, понимая всю сложность ситуации, принял решение персонально провести мониторинг цен на продукты питания в одном из ближайших супермаркетов. О проведении этого мероприятия были оповещены все городские СМИ, и визит В.Владимирова вызвал живой интерес журналистов. На волне сообщений об отсутствии продовольствия журналисты и аудитория масс медиа увидели иную картину – *продукты и товары повседневного потребления находились на полках магазина в необходимом количестве*.

В конце марта – начале апреля в информационном пространстве появились сообщения о возможности профилактировать заражение коронавирусной инфекцией с помощью таких продуктов, как имбирь и лимоны, вследствие чего потребители начали скупать эти недорогие продукты. Ажиотажный спрос и, как следствие, возникший дефицит повлекли за собой взрывной рост цен на эти товары. Нужно отметить, что имбирь и лимон не входят в список социально значимых продуктов, и мониторинг цен на них СПб УФАС не проводился. Однако, ко второй декаде апреля *ситуация с ценами на имбирь и лимоны постепенно начала нормализовываться, этому способствовали существующий резерв для снижения цен и новые экспортные поставки.* По случаям многократного завышения цен антимонопольными органами проводились необходимые проверки.

Организация мероприятий по связям с общественностью в первой половине 2020 г. тоже стала важным направлением деятельности пресс-службы УФАС по г. Санкт-Петербургу. Среди ключевых событий стоит выделить следующие: интервью руководителя Управления Вадима Владимировича «Российской газете»: «УФАС Петербурга ежедневно контролирует цены на маски и продукты» [3]; онлайн пресс-конференция в ТАСС «Итоги деятельности в 2019 году и новые форматы работы» [4], в ходе которой руководителям управления были заданы острые вопросы; совещание с представителями крупнейших торговых сетей, по итогам которого Управлением общественных связей ФАС России был опубликован пресс-релиз «ФАС: ожидается стабилизация цен на лимоны» [5]. Кроме того, все упомянутые антикризисные мероприятия, осуществленные пресс-службой СПб УФАС, для нормализации информационного фона, снижения социальной напряжённости и поддержания репутации антимонопольного органа в период пандемии COVID-2019, освещались и в официальных аккаунтах управления в социальных сетях.

В мае 2020 г. алармистские настроения на социально значимых рынках снижаются, однако, особую остроту приобретают проблемы бизнеса, потерпевшего большие убытки в связи с приостановлением деятельности и резким уменьшением туристического потока (с учётом специфики Санкт-Петербурга). В этот период УФАС активизирует работу в данном направлении, выстраивая антикризисные коммуникации с предпринимательским сообществом.

Таким образом, пресс-служба Санкт-Петербургского УФАС России зимой-весной 2020 г. продемонстрировала результативность, поддержав репутацию Управления как органа власти, который ограничивает неправомерные действия торговых сетей и аптек в кризисных условиях,

защищает предпринимательское сообщество от произвола монополистов и региональных властей. Эффективной можно считать работу с гражданами – своевременное информирование, разъяснение ситуации с учётом рациональных и эмоциональных особенностей коммуникации, обеспечение прозрачности деятельности властных структур, способствовали решению стратегической задачи повышения удовлетворённости потребителей на социально значимых рынках.

Список литературы

1. Национальный план развития конкуренции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://plan.fas.gov.ru/> (Дата обращения: 17.09.20).
2. Федеральный закон "О защите конкуренции" от 26.07.2006 N 135-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (Дата обращения: 17.09.20).
3. Голубкова М. УФАС Петербурга ежедневно контролирует цены на маски и продукты / Российская газета. 2 апреля 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/04/02/reg-szfo/ufas-peterburga-ezhednevno-kontroliruet-cenu-na-maski-i-produkty.html> (Дата обращения: 20.09.2020).
4. Джапаридзе Т. Санкт-Петербургское УФАС: итоги деятельности в 2019 году и новые форматы работы. ТАСС, 23 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/press/9737> (Дата обращения: 20.09.2020).
5. ФАС: ожидается стабилизация цен на лимоны. 24 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/news/29703> (Дата обращения: 20.09.2020).

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ TO THE ISSUE OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL SAFETY OF CHILDREN IN THE FAMILY

Р.В. Голубин, А.А. Фролова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
R.V. Golubin, A.A. Frolova
Lobachevsky University

Безопасность – это понятие, которое сейчас является ключевым во многих сферах жизни человека. Нас волнует безопасность на политическом уровне, экономическом, информационном, социальном и психологическом. Любая сфера жизни человека сейчас связана с этим понятием. Получается, что живём мы в очень небезопасном мире. И тут возникает вопрос, а как же

чувствуют и ощущают себя в таком обществе самые незащищенные, по определению, его члены – дети.

Safety is a concept that is now a key one in many areas of human life. We are concerned about security at the political, economic, informational, social and psychological levels. Every aspect of human life is now linked to this concept. It turns out that we live in a very insecure world. And then the question arises: how do the most vulnerable, by definition, children, feel and feel in such a society.

Ключевые слова: безопасность, семья, дети, социально-психологическая безопасность

Keywords: safety, family, children, socio-psychological safety

В настоящее время многие ученые по-прежнему обращаются к проблеме безопасности детства в современном мире. И особенно актуально стоит проблема социально-психологической безопасности ребенка в семье.

Дети – это социальная группа, которая по определению зависима от взрослых. Они не могут просто физически существовать одни. Соответственно, появляется первая проблема, где возникает понятие защиты детей – это семья. То есть дети должны чувствовать себя безопасно в семье или, может быть точнее сказать, рядом со взрослыми. Семья – это социальный институт, который призван обеспечивать прежде всего безопасность ребёнка: физическую, социальную, психологическую и экономическую. Имея семью, ребенок автоматически должен чувствовать себя в безопасности. Тут же возникает вопрос, в какой семье, полной или неполной, какими взрослыми, родителями, родными или просто взрослыми, например, которые планируют стать его родителями? Ответить однозначно на эти вопросы достаточно сложно, но стоит попытаться. Если взять идеальную картину, когда ребенку хорошо и комфортно, и безопасно, то это будет полная семья, где есть оба родителя и братья и сёстры (для гармоничного развития). В этой семье прекрасные отношения, теплая атмосфера. Все друг друга принимают, уважают, исполняют свои обязанности как по отношению друг к другу, так и к обществу. И в такой семье ребенок, соответственно, чувствует себя комфортно, его понимают и принимают, воспитание не агрессивное, нет насилия ни физического, не психологического, он находится в безопасности. Соответственно, любое отклонение от такой модели семьи можно считать уже ухудшением условий, обеспечивающих социально-психологическую безопасность ребенка.

Неполная семья – вызывает дискомфорт в социальном плане (финансовые трудности, смена места жительства, трудности в общении) и эмоционально-психологическом (общение с родителями, которые в разводе, невозможность

общения с одним из родителей, неприятие в детском коллективе, чувство неполноценности и неуверенности в себе, чувство вины).

Возможен вариант, когда семья полная, а ощущения безопасности в ней нет. Родители не могут самореализоваться, а вину перекалывают либо на партнера, а еще хуже на детей, и дети считаются причиной их неудач. Родители «не тянут» материально и морально, не могут самостоятельно решить проблемы, решиться на смену работы, места жительства, чтобы улучшить свое положение. Они продолжают каждый день «надрываться», а вину перекалывают на окружающих, в том числе на детей. В таких семьях нет ни социальной, ни психологической безопасности. С точки зрения психологической безопасности, их могут не воспринимать как полноценную личность со своими потребностями, желаниями и способами выражения эмоций и реализации своих потребностей, поскольку семье это не интересно или у нее нет ресурсов на неординарность ребенка, в принципе, они не хотят тратить больше, чем минимально необходимо, для поддержания базовых потребностей в пище, одежде и обучении, но не более того. Обстановка напряжена, дети чувствуют дискомфорт, который может привести их к желанию как можно меньше времени проводить дома, дистанцироваться от дома и его обитателей. Возможно, это происходит интуитивно, дети ищут место, где им будет спокойно, надежно, комфортно, то есть безопасно. Отсюда и возникают побеги или просто уход из семьи. И это семьи, которые, с первого взгляда, кажутся нам благополучными, там есть все, что надо для благополучия и развития ребенка, а на деле оказывается, что это только ширма, за которой скрывается сложно диагностируемая социально-психологическая ситуация, ее опасность в том, что она порождает напряженную обстановку, с точки зрения социума, и внутренних, эмоциональных переживаний ребенка. И таких семей, возможно, даже больше, чем по-настоящему неблагополучных, и ситуация в них намного сложнее и последствия серьезнее. В такие семьи не приходят соцработники, их не берут на контроль, они выглядят вполне нормальными, вглубь заглянуть никто не может, нет предпосылок.

Еще один аспект, который хотелось бы затронуть, касаясь темы социально-психологической безопасности детей в семье, – это готовность семьи к появлению в ней ребенка, обеспечению психологического и социального комфорта будущему ее члену, гармоничного развития и становления. Не многие это понимают или осознают до конца. А что происходит с человеком, когда он не готов к резким переменам или готов, по его мнению, но не представлял, что они будут настолько серьезными. Один человек справляется с ситуацией и выходит из нее победителем, адаптируясь к новым жизненным обстоятельствам. А другой – впадает в депрессию, апатию,

его раздражает все вокруг, и ситуация в том числе. Как чувствует себя в такой атмосфере ребенок – безопасно ли? И эта ситуация очень не однозначна. Со стороны может казаться, что мама и папа спокойны и доброжелательны, рады появлению малыша, исполняют свои обязанности, помогают друг другу, одним словом благополучны. Но что за этим стоит? Может быть, это психоз матери, которая его умело скрывает, пока есть силы и возможности для этого, возможно это психоз у отца, который тоже его спрятал и живет в надежде, что скоро все будет, как раньше? И никто из них не понимает и не принимает ситуацию как она есть, что как раньше не будет уже никогда, что их жизнь изменилась. Так какого в такой семье будет ребёнку, ощутит ли он себя в социально-психологической безопасности? Получит ли он должный уход, развитие, принятие его как новой личности с собственными потребностями, взглядами и интересами. Сможет ли он получить базу для реализации в дальнейшем своих особых потребностей, например, если у ребенка талант к рисованию или музыке, готовы ли родители увидеть в такой ситуации, когда они находятся в стрессе от появления ребенка в семье в принципе, что нужно их ребенку, чтобы чувствовать себя в семье принятым, нужным. На такой сложный эмоционально-психологический семейный фон могут наложиться и другие аспекты: конфликты в детском садике, школе, между сверстниками или воспитателями и учителями, внутри семьи между детьми, детьми и родителями, между родителями. Возможно, семья может иметь сложные межпоколенные отношения, в которые замешаны дети или являются причиной этих конфликтов. Все эти аспекты в итоге складываются в социально-психологический климат, который призвана обеспечить семья.

Мы живем в обществе, где информационные технологии проникли во все сферы нашей жизни. В условиях информатизации и гаджетизации общества в жизнь каждого человека прочно вошли интернет-технологии, и теперь представить повседневную жизнь без использования смартфона, компьютера или интернет-ресурсов почти невозможно. Безусловно, развитие информационных технологий и внедрение их практически во все сферы жизнедеятельности, в том числе в каждую семью, не могут не повлиять на внутрисемейное и межличностное взаимодействие.

Сегодня дети более быстро и умело осваивают эти новые гаджеты и Интернет. Они быстро и охотно погружаются в разнообразные информационные, социальные, игровые пространства глобальной сети и проводят там значительную часть своего свободного времени. Но огромное интернет-пространство содержит в себе большое количество информационной продукции, которая может оказать негативное воздействие на ребёнка.

Информационная безопасность детей в Федеральном Законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 N 463-ФЗ определяется как состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию [1].

Начинается освоение Интернета и гаджетов детьми еще в семье. Дети знакомятся с новой информационной средой посредством сначала игры на телефоне родителя, нажатия кнопок на пульте телевизора, клавиатуры на компьютере или ноутбуке. Детям все чаще включают с самого раннего возраста всевозможные мультфильмы и развлекательные передачи и каналы, объясняя тем, что иначе он не кушает, не играет один, не дает ничего сделать по дому и т.д. Некоторые родители начинают раннее развитие детей, используя для этого различные приложения на ПК или смартфоне.

Современный ребенок, идя в детский садик, умеет уже кое-что делать на смартфоне, некоторые, «особо продвинутые», могут даже сами включить себе мультфильм или игру на родительском телефоне. И это никого не удивляет, а даже, возможно, и умиляет. Но какова цена, которую в итоге родители заплатят за возможность 30 минут посидеть в тишине, пока чадо занято новым гаджетом? Многие этого не осознают, хотя сейчас уже есть исследования, которые периодически обнаруживают влияние гаджетов на развитие ребенка, его поведение, взаимоотношения, психическое здоровье. И если кто-то еще скептически относится к отрицательному или очень сильному влиянию интернета на развитие и становление личности, то многие современные исследователи интернет-реальности, гаджетов говорят об обратном [2]. Очень многие ученые признают, что интернет, социальные сети – это новая виртуальная реальность. В ней каждый создает свой образ, работает над его поддержанием. Нередко этот образ сильно отличается от того, что есть на самом деле. И дети вовлечены в эту новую социальную интернет-реальность. Многие уже имеют там свои странички и аккаунты, ведут свои каналы, имеют подписчиков. Все это происходит в рамках семьи и семейного воспитания. Родители являются соучастниками вовлечения детей в эту новую реальность, и, соответственно, они должны понимать все плюсы и минусы этого нового мира, должны обезопасить ребенка от всего плохого уже не только в реальном, осязаемом мире, но и в мире виртуальном, в мире «грез», воображаемых образов. Этот виртуальный мир представляет очень серьезную опасность, потому что мы еще до конца не изучили его влияние на человеческий организм, наше сознание, особенно детей. Новая интернет реальность позволяет создавать новую «легенду» о нас самих, о нашем окружении, происхождении, интересах,

друзьях, иметь недостижимое в реальном мире, в друзьях кинозвезд, и звезд-шоу бизнеса, звезд соцсетей и интернет-каналов: YouTube и TikTok, например. Это в современном детском обществе повышает статус ребенка, он становится значимее, чувствует себя «крутым», особенно среди сверстников или интернет аудитории. Но эта крутизна эфемерна, воображаема, как и весь виртуальный мир. И живя в двух мирах: реальном и виртуальном, какой он выберет, какой станет главным для ребенка, станет важнее?! Тот, где родители, семья, школа, или тот, где воображаемые друзья, подписчики, статусы? И как еще незрелой детской психике справиться с таким раздвоением реальности, тем более мы не можем точно утверждать, что ребенок ставит на 1ое в своем сознании.

И в данной ситуации опять должна включаться семья, которая отвечает за безопасность ребенка, его социально-психологическое здоровье, адекватность. И одни родители обеспокоены положением дел и пытаются контролировать и ограничить времяпрепровождение в интернете, устанавливая родительский контроль, при этом сами проводя значительную часть свободного времени в сетях. Другие пытаются разъяснить детям опасности и негативное влияние, что не является панацеей от возможного негативного влияния. Третьи считают, что это – часть современной жизни и бороться нет смысла [3].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что социально-психологическая безопасность ребенка в первую очередь зависит от семьи, ее внутреннего микроклимата, отношения между членами семьи, их осознания ответственности перед маленьким членом общества за его благополучие, здоровье и социальную безопасность.

Список литературы

1. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 N 463-ФЗ (последняя редакция). URL: <https://rg.ru/2010/12/31/deti-inform-dok.html/> (Дата обращения: 5.12.2020).
2. Овечкин М. Почему люди глупеют и как с этим бороться // Официальный сайт Ведомости от 23.01.2020 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/01/23/821311-pochemu-lyudi-glupеyut> (Дата обращения 5.12.2020).
3. Захаркина Т.Н., Исакова И.А. Детство в условиях информатизации общества // География детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик: сб. науч. ст. по Материалам международной молодежной научной школы-конференции (Владивосток 29-31 мая 2018г.)/ отв. ред. А.Г. Филиппова. СПб.:Астерион, 2018. С. 96–99.

**ОСОБЕННОСТИ УРОВНЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ***
**FEATURES OF THE LEVEL OF PSYCHOLOGICAL SECURITY
OF CONTEMPORARY RUSSIAN YOUTH**

И.А. Зеленеv

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва*

I.A. Zelenev

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow*

В русле междисциплинарного подхода иллюстрируется целесообразность использования характеристики «психологическая безопасность» для поколенческого анализа. Эмпирическая основа – результаты обработки некоторых данных проекта «European Social Survey» (ESS). Европейские страны и российские подвыборки ранжированы по показателю «уровень психологической безопасности».

The article applies a multidisciplinary approach and investigates the viability of using a characteristic of psychological security to generational analysis. The empirical basis of the article is the results of processing some data of the project “European Social Survey” (ESS). European countries and Russian subsamples are ranked according to the level of psychological security.

Ключевые слова: психологическая безопасность, субъективное благополучие, доверие, молодежь, поколение, факторный анализ, ранжирование.

Keywords: psychological security, subjective well-being, trust, youth, generation, factor analysis, ranking

В социальном контексте психологическая безопасность человека подразумевает, помимо прочего, «основания для уверенности в будущем; состояние общества, не способствующее нарушению целостности социальных субъектов, адаптивности их функционирования и развития; общество, где человек чувствует себя защищенным» [1, с. 18].

По мнению А. Маслоу, человек, испытывающий незащищенность, «воспринимает мир, как джунгли, полные угроз, людей вокруг – опасными и эгоистичными; чувствует себя отвергнутым и изолированным, встревоженным и враждебно настроенным; склонен к конфликтам, напряженности, закрытости; его беспокоит чувство вины, существуют проблемы с самооценкой...» [2, р. 337]. Ощущающие себя психологически защищенными обычно уверены в себе, доверяют другим, менее беспокойны, более социальные и активно

* Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период» (проект №20-011-00285А).

вовлечены в отношения с другими людьми [3]. «Формирование доверия оказывает важное влияние на развертывание личностного потенциала, субъективного благополучия индивида в обществе» [4, с. 12].

Важно отметить следующее: «Несмотря на то, что проблемы оценки уровня и динамики уровня счастья, а также других показателей субъективного благополучия россиян находятся в центре внимания социологов, динамика межпоколенческих различий изучена мало» [5, с. 300]. То же можно сказать и о межпоколенческих различиях уровня психологической безопасности.

Эмпирическая основа предлагаемой публикации – результаты вторичной обработки некоторых данных проекта ESS (www.europeansocialsurvey.com) – «Европейское социальное исследование». Российский этап исследований по проекту проводится ЦЕССИ – Институтом сравнительных социальных исследований: www.ess-ru.ru [6].

Из базы данных ESS с результатами опросов, проведенных в 20 странах (2018 год), нами были взяты для обработки ответы респондентов на шесть вопросов: три – о межличностном доверии и три вопроса – на тему субъективного благополучия (об удовлетворенности жизнью в целом; о том, насколько респондент счастлив; о субъективной оценке респондентом уровня дохода своей семьи).

При факторном анализе (методом главных компонент; полная объясн. дисп. – 69%; КМО = 0,743; Sig.=0,000) ответов на эти вопросы, факторизуемые переменные сгруппировались в главный фактор, который интерпретируется как «Психологическая безопасность».

Вспомним, например, что в исследовании Taormina & Sun подтвердилась гипотеза о положительной взаимосвязи психологической безопасности, межличностного доверия и удовлетворенности жизнью [3]. Российские коллеги отмечают, что психологическая безопасность общества включает в себя, помимо прочего, уровень субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью населения, а также уровень социального доверия [4].

Итак, направления шкал ответов: чем меньше значение по полученному нами фактору – тем ниже у респондента уровень «Психологической безопасности» (отрицательный полюс фактора), а чем больше значение по данному фактору – тем этот уровень выше (положительный полюс фактора).

Далее, страны, совместно с восемью российскими подвыборками, были ранжированы в порядке возрастания их средних факторных значений (в рамках волны ESS-2018) по характеристике «Психологическая безопасность» (то есть, чем меньше ранг страны или подвыборки, тем соответствующий ей уровень «Психологической безопасности» ниже; а чем больше ранг – тем уровень выше): 1 – Болгария; 2 – «россияне (село) 35–54»; 3 – Сербия; 4 – «россияне

(город) 55 лет и старше»; 5 – «россияне (село) 55 лет и старше»; 6 – «россияне (село) 25–34»; 7 – «россияне (город) 35–54»; 8 – Россия; 9 – Кипр; 10 – Венгрия; 11 – Польша; 12 – «россияне (город) 25–34»; 13 – Италия; 14 – «россияне (село) 15–24»; 15 – «россияне (город) 15–24»; 16 – Чехия; 17 – Франция; 18 – Словения; 19 – Эстония; 20 – Бельгия; 21 – Великобритания; 22 – Ирландия; 23 – Германия; 24 – Австрия; 25 – Швейцария; 26 – Нидерланды; 27 – Финляндия; 28 – Норвегия.

Из полученного ряда следует, что самый низкий уровень «Психологической безопасности» выявлен в Болгарии (ранг=1), а самый высокий – в Норвегии (ранг=28).

Ранги проиллюстрированы представленными ниже процентными распределениями респондентов с низким/высоким показателем субъективного состояния психологической безопасности, для примера, в трех странах. (Шкалы нормализованных значений, в данном случае, преобразовывались в четырехбалльные путем разделения респондентов, после ранжирования, на четверти: в первый квартиль попадают 25% опрошенных – с минимальными значениями по характеристике, а в четвертый квартиль – 25% с максимальными).

В Болгарии (ранг=1): респондентов с низким показателем – 70.1%; скорее с низким показателем – 19%; скорее с высоким показателем – 7.9%; с высоким показателем – только 3%! Здесь налицо закономерность: чем ниже показатель субъективного состояния психологической безопасности респондента (разумеется, в рамках полученной 4-балльной шкалы), тем больше таких респондентов в стране.

В России (ранг=8) подобная закономерность сохраняется, правда, уже в чуть смягченном варианте: респондентов с низким показателем – 44%; скорее с низким показателем – 28.5%; скорее с высоким показателем – 17.1%; с высоким показателем – 10.4%.

Норвегия (ранг=28) наиболее ярко демонстрирует «позитивную» закономерность: чем выше показатель субъективного состояния психологической безопасности респондента, тем больше таких респондентов в стране. Здесь: респондентов с низким показателем – только 5%; скорее с низким показателем – 13.7%; скорее с высоким показателем – 25.6%; а с высоким показателем – более половины населения (55.7%)!

Кроме того, появляется возможность наглядно продемонстрировать различия уровня рассматриваемой характеристики для различных возрастных когорт россиян в сочетании с типом населенного пункта их проживания (город/село). Из сформированных нами российских подвыборок самая

неблагополучная по показателю субъективного состояния психологической безопасности – сельские жители в возрасте от 35 до 54 лет (ранг=2).

Что же касается молодых россиян (возраст – до 35 лет), то самая проблемная ситуация, судя по нашим результатам, у проживающих в селе респондентов, которым от 25 до 34 лет (ранг=6). А у наших горожан в возрасте 25–34 (ранг=12) уровень субъективного состояния психологической безопасности выше, чем у граждан Польши в целом. Самые молодые из опрошенных россиян, то есть те, кому от 15 до 24 лет (село: ранг=14; город: ранг=15), по показателю превосходят итальянцев в целом (ранг=13)!

Для интерпретации результатов, обратимся к тезаурусу классификации поколений, предложенной Howe & Strauss [7; 8]. Речь пойдет о понятиях «X–», «Y–» и «Z–поколение», для которых применительно к России в междисциплинарных исследованиях, например, предложены интерпретации фундаментальных характеристик российских поколений, каждое из которых является современником судьбоносного исторического события, значительно меняющего правила жизни в определенный период времени [9].

Принимая во внимание, что применительно к нашей стране уместно говорить лишь об условных, а не о реальных поколениях «X–Y–Z», и с учетом разнообразия точек зрения в социологической литературе по данному вопросу [10], будем опираться на следующие описания.

Поколение «X» (1965–1980 гг. рождения) – реформенное поколение, его период интенсивной социализации в молодости пришелся на системный кризис советского общества конца 1980-х – 1990-х гг. Поколение «Y» (1981–1994 гг. рождения) – молодость которых приходится на относительно стабильные 2000-е годы. Поколение «Z» (1995 г.р. и позже), в отличие от других возрастных групп, социализировалось уже в условиях стабилизации общества [10; 5].

Соответственно вышесказанному, ранги российских подвыборок в нашем исследовании четко подтверждают выраженное благополучие ситуации у самых молодых («россияне 15–24»), причем – в пользу горожан. (Кстати напомним, что в указанном контексте, поколенческие особенности наблюдаются не во всех странах [11]) Немного хуже дела обстоят у «россиян (город) 25–34». Вызывающим тревогу оказался выявленный показатель субъективного состояния психологической безопасности у 25–34-летних респондентов, проживающих в селе (по сравнению с другими подвыборками российской молодежи).

Список литературы

1. Донцов А.И. Психология безопасности: Учеб. пособ. для академического бакалавриата / Донцов А.И., Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю., Перелыгина Е.Б. М.: Юрайт, 2015. 276 с.
2. Maslow A.H. The Dynamics of Psychological Security-Insecurity. Character and Personality // A Quarterly for Psychodiagnostic and Allied Studies. 1942. Vol. 10. No. 4. P. 331–344.
3. Taormina R.J., Sun R. Antecedents and outcomes of psychological insecurity and interpersonal trust among Chinese people // Psychological Thought. 2015. Vol.8(2). P. 173–188.
4. Донцов А.И., Перелыгина Е.Б., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В., Веракса А.Н., Рикель А.М. Доверие и субъективное благополучие как основание психологической безопасности современного общества. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. 578 с.
5. Сибирев В.А., Головин Н.А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) / Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296–315.
6. Андреевкова А.В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М.: Новый хронограф, 2014. 508 с.
7. Howe N., Srauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991. 538 p.
8. Howe N., Srauss W. Millennial Rising: The Next Great Generation. New York: Vintage Books, 2000. 432 p.
9. Ядов В.А., Магун В.С., Семенова В.В., Левада Ю.А., Шанин Т., Дубин Б., Данилов В., Олейников Д., Энговатов М.В. Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России // Серия: Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас». М.: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
10. Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
11. Алексеева Л.М., Голдберг П. Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006. 429 с.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ,
ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА КАК ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**
**ENSURING SOCIAL SECURITY INDIVIDUALS, SOCIETY AND THE
STATE AS THE MAIN TASK OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES**

В.Б. Романовская, Ю.Ю. Аксенова
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
V.B. Romanovskaya, Yu.Yu. Aksenova
Lobachevsky University

Исследуется обеспечение социальной безопасности как основной задачи деятельности правоохранительных органов; конституционно-правовые основы обеспечения социальной безопасности личности, общества и государства органами, осуществляющими деятельность по защите прав и свобод человека.

This article focuses on research of ensuring social security as the main task of law enforcement activities. The authors investigate the constitutional and legal order of ensuring social security individuals, society and the state by bodies active in the field of protection of human rights and freedoms.

Ключевые слова: социальная безопасность, правовое обеспечение, законные права

Keywords: social safety, legal enforcement, legitimate rights

За последние несколько лет в социально-гуманитарных науках значительно усилилось внимание к проблемам безопасного и комфортного существования человека, поэтому одним из главных направлений деятельности Российской Федерации в сфере общественной политики является обеспечение социальной безопасности. Социальная безопасность – это полноценная характеристика состояния таких элементов национальной безопасности, как политические, экономические и духовные институты, а также общественные и социальные объединения. По определению, данному Г.Г. Силласте, это «состояние защищенности личности, социальных групп или общностей от угроз, способных нарушить их жизненно важные интересы, социальные права и свободы» [1, с. 62].

Актуальность проблем социальной безопасности определяется объективной необходимостью социума в эффективной системе обеспечения порядка, способной гарантировать защиту личности, общества и государства в целом от посягательств на их законные права, интересы и ценности. В наше время вполне закономерно возникает потребность во внимательном рассмотрении названной задачи государства.

Российская Федерация обеспечивает национальную безопасность с помощью государственных органов законодательной, исполнительной, судебной власти, органов местного самоуправления, а также при помощи взаимодействия с общественными организациями и движениями. Особую роль в обеспечении социальной безопасности играют правоохранительные органы, так как в их непосредственные функции входит борьба с правонарушениями, обеспечение законности, охрана правопорядка, защита прав и свобод человека в целях поддержания устойчивого состояния социальной системы и ее элементов.

Так, например, ст. 1 ФЗ «О полиции» определяет, что «полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [2]. ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» тоже закрепляет своей целью защиту прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства. Одновременно, это является принципом деятельности таких государственных служб, как Федеральная таможенная служба и Федеральная служба безопасности России.

Что касается негосударственных правоохранительных органов, таких как адвокатура, нотариат, то их деятельность тоже направлена на обеспечение социальной безопасности граждан, в частности через оказание им юридической помощи.

Правовой основой деятельности государственных органов в сфере обеспечения безопасности являются Конституция РФ, международные договоры РФ, федеральное законодательство и законодательство субъектов РФ, однако базовыми нормативно-правовыми актами в данной сфере являются Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 года и Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Федеральный закон № 390-ФЗ «О безопасности» выделяет такие виды национальной безопасности, как безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности, иные виды, предусмотренные законодательством. В данном законе определены главные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности, в том числе и социальной, правовые основы, цели международного сотрудничества в области обеспечения безопасности, а также полномочия и функции органов государственной власти и местного самоуправления. Отдельная глава закона посвящена статусу Совета Безопасности РФ – конституционного совещательного органа при президенте.

Федеральный закон «О безопасности» более конкретно раскрывает основы социальной безопасности в РФ и утверждает ключевые направления деятельности по обеспечению безопасности. Среди тех, что относятся к деятельности правоохранительных органов, можно выделить:

- неукоснительное соблюдение и охрана прав и свобод человека и гражданина;

- предупредительные меры, используемые для обеспечения социальной безопасности;

- применение правовых (законодательных), социально-экономических, информационных, технических, организационных (административных) и иных средств обеспечения безопасности;

- взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности [3].

Важным документом стратегического планирования в сфере социальной безопасности является Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В документе дано следующее определение понятия «национальная безопасность» — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [4].

Из этого определения можно заключить, что социальная безопасность является отдельным видом национальной безопасности и государство создает условия для ее реализации.

В «Стратегии» общественная безопасность неразрывно связывается с государственной, это отражено в соответствующем подразделе. Из их общих целей, названных в п.42, можно вычлениить цели, относящиеся напрямую именно к социальной безопасности, это защита основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Среди главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности названы, в частности, усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности, повышение доверия граждан к

правоохранительной и судебной системам Российской Федерации. Указывается на необходимость повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, совершенствования единой государственной системы профилактики преступности и иных правонарушений [5].

Из анализа приведенных выше актов можно сделать вывод, что правоохранительные органы в сфере социальной политики обязаны решать следующие проблемы:

- пресекать нарушения законных прав, свобод и интересов личности, общества, государства (нарушение права на жизнь, труд, образование, жильё, здравоохранение, свободу передвижения, свободу слова);

- выявлять и устранять угрозы, вызванные экстремистской и террористической деятельностью, вследствие которых возникает материальный, моральный, социально-психологический ущерб населению, отдельным его группам, личностям;

- бороться с обострением криминогенной ситуации в обществе, ростом преступности, нарушениями законности в деятельности самих правоохранительных органов и государственных структур.

В этих целях необходимо осуществлять комплексное развитие самих правоохранительных органов, повышать их социальную ответственность, совершенствовать научно-техническую поддержку правоохранительной деятельности, улучшать профессиональную подготовку специалистов.

В заключение подчеркнем, что обеспечение социальной безопасности личности, общества и государства является основной задачей деятельности правоохранительных органов, на решение этих задач направлены их функции, а также соответствующие средства и процедуры реализации этих функций. Недопустимы ситуации, когда правоохранительные органы (их отдельные представители) сами становятся угрозой безопасности, допускают нарушения прав и свобод личности, используют методы давления и принуждения вне правового поля. В современном демократическом правовом государстве должны существовать действенные механизмы защиты личности от произвола. Только тогда могут быть обеспечены гражданский мир, политическая и социальная стабильность в обществе.

Список литературы

1. Силласте Г.Г. Женщина как объект и субъект социальной безопасности // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 62-72.

2. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2011/7.htm> (Дата обращения: 10.09.2020).

3. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 6.02.2020.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=108546> (Дата обращения: 10.09.2020).

4. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (Дата обращения: 10.09.2020).

5. Безопасность образовательной среды. Социальная безопасность: учебное пособие для вузов / П.А. Кисляков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 156 с. URL: <https://urait.ru/index.php/bcode/446879> (Дата обращения: 10.09.2020).

**ОСОЗНАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ПРОБЛЕМ
БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ: НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ
К 70 И 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ**
**STUDENT YOUTH'S AWARENESS OF COUNTRY SECURITY
PROBLEMS: ON THE EXAMPLE OF ITS RELATIONSHIP
TO THE 70 AND 75 YEARS OF VICTORY**

В.Н. Стегний

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, г.Пермь*

V.N. Stegny

Perm National Research Polytechnic University, Perm

Рассматривается отношение студентов к Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. как показатель понимания безопасности страны в настоящее время, состояния исторического сознания, патриотического воспитания, опираясь на эмпирические исследования 2013 и 2019 гг. к 70 и 75-летию Победы. По состоянию осознания событий, значения этой войны для студентов выделяются два типа. Первый тип – это те, кто осознает ее значение для нашей страны и современного мира. Второй тип – кто не осознает и не понимает ее значения.

The attitude of students to the Great Patriotic War of 1941-1945 is considered as an indicator of understanding of the country's security at the present time, the state of historical consciousness, patriotic education, based on empirical research in 2013 and 2019 for the 70th and 75th anniversary of Victory. According to the state of awareness of events, the significance of this war among students, there are two types. The first type is those who realize its importance for our country and the modern world. The second type – who does not realize and does not understand its meaning.

Ключевые слова: историческое сознание, патриотическое воспитание, понимание роли Победы советского народа

Keywords: historical consciousness, patriotic education, understanding of the role of the Victory of the Soviet people

Социологический опрос студентов к 70-летию Победы в 2013 г. и 75-летию в 2019 г. позволил зафиксировать конкретный интерес их к Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.*

Среди респондентов опроса 2013 и 2019 гг. группа, которая интересовалась событиями, не изменилась, и составляет 80%. Те, кто не интересовался данными событиями, по-прежнему составили 20%. Среди респондентов – это каждый пятый, группа достаточно большая, и анализ ее ценностей должен быть дополнительно проделан. В эту группу входят, во-первых, студенты с низкой успеваемостью, с образовательной неуспешностью [1, с. 38-42], во-вторых, кризисным сознанием [2, с. 90-93], в-третьих, неохваченные патриотическим воспитанием [3, с. 102-105].

Анализ состояния исторического сознания студентов к 70-летию Победы проделан нами [4, с. 99-103], и в данном случае хотелось обратить внимание на то, изменилось ли оно за 7 лет после опроса 2013 г. Полученные данные свидетельствуют, что каких-либо принципиальных изменений в информированности студентов о войне, в их знании об основных событиях не зафиксировано, хотя некоторое ухудшение их информированности по ряду вопросов есть. Связано это с рядом факторов, среди которых следует выделить, во-первых, удаление по времени от данных событий стирает их роль в исторической памяти. Во-вторых, развернувшаяся в некоторых странах запада политическая, психологическая, идеологическая, информационная война, направленная на искажение, фальсификацию роли СССР в этой войне, играет тоже определенную роль. Появление в составе имен «бессмертного полка» фамилий предателей Родины, военных преступников, наверное, связано и с этими явлениями. Если из системы образования школы, вузов изъяли систему воспитания, это тоже дало отрицательный результат.

Среди показателей осознания студентами значения Победы советского народа в Великой Отечественной войне выделились два типа:

а) понимание студентами мотивации участия советского народа в данной войне;

б) представления студентов об основных причинах Победы.

Социологический опрос студентов в 2013 г. и 2019 г. позволили получить следующий ранжированный ряд понимания ими мотивации, за что сражался советский народ в данной войне: (приведены в порядке их значимости) за

* Конкретно-социологическое исследование среди студентов Пермского национального исследовательского политехнического университета, проводились в 2013 г – N 832 чел. И в 2019 г. N 406 чел.

Родину (I место); за Сталина (II место); за родных и близких (III место); за свободу (IV место); за освобождение мира от гитлеровской чумы (V место); за жизнь (VI место).

Определяющим среди указанных мотивов у респондентов как в 2013 г, так в 2019 г. был – за Родину. Его указали около 90% среди опрошенных.

Мотивы в ранжированном ряду, занявших со II по VI место, указал каждый второй респондент обеих групп. Здесь произошли определенные изменения. Значение мотива «сражались за Сталина» несколько сократилось, зато таких мотивов, как «сражались за жизнь», «за свободу», «за родных и близких», «за освобождение мира от гитлеровской чумы», у респондентов 2019 г. прослеживается сильнее, чем у респондентов 2013 г.

С пониманием студентами мотивации участия советского народа в Великой Отечественной войне связаны их представления о причинах победы СССР в данной войне. Ответы респондентов в 2013 г. и в 2019 г. позволили выявить следующий ранжированный ряд ответа на вопрос, «Почему мы победили в Великой Отечественной войне?»: благодаря массовому героизму народа (I место); благодаря нашей армии, героизму солдат и офицеров (II); благодаря умелым действиям советских полководцев (III); благодаря русскому народу, вынесшему основные тяготы и лишения (IV); благодаря тому, что защищали свою Родину (V); благодаря единству фронта и тыла (VI); благодаря дружбе народов нашей страны (VII); благодаря союзникам антигитлеровской коалиции (VIII); благодаря созданной за предвоенные годы экономической базе (IX место).

В основе понимания студентами мотивации участия советского народа в войне лежит не один мотив, а целая система, среди которых главным является – массовый героизм народа. Его отметили 85% студентов, и они поставили его в ранжированном ряду на первое место. Мотивы, которые в ранжированном ряду находятся со II по VI место, указал каждый второй среди респондентов как в 2013 г. так и в 2019 г. Мотивы, находящиеся на VII-IX местах указал каждый третий респондент в обоих исследованиях.

Анализ осознания значения Победы советского народа в войне 1941-1945 гг. показывает, что основная группа студентов объективно понимает место ее место в жизни нашей страны и правильно интерпретируют ее события. Вместе с тем, среди студентов есть и такая группа, которые имеют ложное, сфальсифицированное представление о ней, что вызывает определенное беспокойство.

Список литературы

1. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. От образовательной неуспешности – к социальной успешности // Высшее образование в России. 2019. №11. С. 34–46.
2. Храпов С.А. Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 88–95.
3. Зазименко В.В. Идеология постмодерна и проблема патриотического воспитания российских курсантов // Власть. 2015. №2. С. 103–106.
4. Стегний В.Н. Историческое сознание студента // Власть. 2015. №3. С. 99–107.

**СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ –
СПЕЦИАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ**
**SOCIAL SECURITY OF CONVICTS – A SPECIAL DIRECTION
IN THE ORGANIZATION OF PENITENTIARY PREVENTION**

И.А. Уваров
*Ставропольский филиал Краснодарского университета
Министерства Внутренних Дел России,
г. Ставрополь*
I.A. Uvarov
*Stavropol branch Krasnodar University of
the Ministry of internal Affairs of Russia,
Stavropol*

Применительно к организации пенитенциарной профилактики рассматривается социологическая категория «социальная безопасность». Раскрываются качественные характеристики социальной безопасности осуждённых к лишению свободы в контексте организационно-управленческих методик.

The article deals with the sociological category "social security" in relation to the organization of penitentiary prevention. Qualitative characteristics of the sociological security of prisoners are revealed in the context of organizational and managerial methods.

Ключевые слова: социальная безопасность осужденных, угрозы социальной безопасности, социальная работа в исправительных учреждениях

Keywords: social security of convicts; threats to social security; social work in correctional institutions

Принято считать, что основным субъектом обеспечения безопасности в обществе является государство, так как именно оно обладает всей совокуп-

ностью полномочий по решению такого рода задач. Уверенность в этом формирует и убежденность многих исследователей в том, что социальная безопасность служит своеобразным критерием оценки государства. Причем оценка, как правило, выстраивается на основе сравнения с зарубежными государствами [1]. Мы считаем такого рода сравнения не конструктивными, так как, авторы, как правило, произвольно берут за основу какое-то количество критериев и на их основе делают общие выводы.

Полагаем, что само понятие «социальная безопасность» в различных государствах имеет различное содержание и, следовательно, трактуется по-разному. Мы при рассмотрении вышеназванной проблемы будем опираться на понятие, сформулированное В.Н. Кузнецовым, как «состояние защищенности жизненно важных интересов человека, социальной группы от внутренних и внешних угроз» [2, с. 161]. По нашему мнению, наиболее отчетливо это можно проследить на примере реализации социальной безопасности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы и находящихся, таким образом, под воздействием пенитенциарных практик. Пребывая в условиях изоляции от общества, осужденный тем самым находится в ситуации, когда законодательство жестко регулирует все сферы его жизнедеятельности, обуславливая таким образом и «качество жизни».

Определяясь в понятиях, необходимо сразу отбросить условности морального характера. Говорить о качестве жизни в условиях мест лишения свободы не допустимо с позиции общечеловеческой морали. Здесь нужно отдавать отчет в том, что это принудительная изоляция, обусловлена фактом совершения преступления. Человек, совершил уголовно-наказуемое деяние, и государство посредством закона определило ему именно такие условия жизни.

Структура социальной безопасности осужденных в условиях мест лишения свободы, по предложению О.Е. Куренковой и А.В. Наволоцкого, должна включать в себя шесть компонентов: психологическая безопасность; безопасность социального взаимодействия; физическая безопасность; информационная безопасность; духовно-нравственная безопасность; гражданско-правовая безопасность [3, с. 85-89].

Критический анализ показывает, что в целом цитируемые авторы смогли определить сущностную сторону социальной безопасности осужденных в условиях мест лишения свободы. В этой связи полагаем целесообразным проводить соответствующий анализ, исходя из предложенной совокупности «компонентов».

Психологическую безопасность осужденного следует рассматривать как базовый фактор сохранения жизни и здоровья. Только гарантия их сохранения, позволяет в организации пенитенциарной профилактики определять решение

задач, связанных с полноценным развитием и самореализацией личности осужденного. Однако, следует учитывать, что такого рода безопасность осуществляется в условиях закрытого социума, что можно рассматривать как некие экстремальные условия. Следовательно, и реализация носит характер определенных законом «чрезвычайных» мер. Они осуществляются в отношении лиц, совершивших преступления и изолированных в исправительные учреждения, для специфического пенитенциарного воспитательно-профилактического воздействия. Характер такого воздействия определяется степенью морально-психологических качеств личности осужденного.

Безопасность социального взаимодействия в условиях мест лишения свободы определяется процессом взаимоотношений на двух уровнях: 1) формальном, включающем воздействия персонала на осужденных; 2) неформальное, включающее воздействия со стороны не только персонала, но других осужденных.

Такое взаимодействие обусловлено как характером предыдущего взаимодействия, так и ожидаемым результатом со стороны субъекта такого взаимодействия. Специфика сугубо пенитенциарных отношений характеризуется тем, что осужденный, вступая в любые из вышеназванных взаимодействий, оказывается в ситуации определенной опасности. Такого рода опасность распространяется на всю совокупность общественных отношений, в которые может вступать осужденный.

Реализация безопасности социального взаимодействия тесно связана с другим «компонентом» – физической безопасностью осужденных. Исходя из общепринятого в социологии представления о физической безопасности человека, в данном контексте можно рассматривать как самостоятельный вид, входящий в состав обеспечения комплексной безопасности, направленной на создание системы защиты осужденного от противоправных действий, персонала и других осужденных. В то же время, специалисты в области уголовно-исполнительного права предполагают, что это специальная задача пенитенциарной профилактики, закреплённая в ст. 13 УИК РФ [4, с. 469].

Информационная безопасность осужденных – достаточно новое направление в отечественной пенитенциарной практике. Данный аспект социальной угрозы, стал проявлять себя с развитием современных средств коммуникации. Довольно широкое распространение данной проблемы побудило отдельных авторов рассматривать информационную безопасность осужденных как «часть национальной безопасности». Так, Е.А. Брылева, проводившая социологическое исследование таких угроз в отношении несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы, пришла к

выводу, что это «наносит вред их здоровью и нравственному развитию» [5, с. 49-51]. Ранее такие рода угрозы связывали с социальным окружением.

Здесь информационная безопасность «пересекается» с духовно-нравственной. Организационно-управленческие меры в реализации пенитенциарной профилактики теперь осуществляются совершенно в иной социально-правовой парадигме. Необходимо создавать условия, при которых осужденный мог бы сохранять свои жизненно важные параметры (культурного, этического и интеллектуального характера) в условиях изоляции от общества.

Гражданско-правовая безопасность в рассматриваемом контексте, выступает как «элемент стабильности развития всей системы гражданско-правовых отношений» [6, с. 74-78], которые гарантированы осужденному как гражданину Российской Федерации. Их основная задача заключается в создании условий, при которых осужденный, мог реализовывать свои гражданские права в соответствии со своим статусом.

На наш взгляд, организацию пенитенциарной профилактики по обеспечению социальной безопасности осужденных необходимо рассматривать как специальное направление деятельности исправительных учреждений. Адекватное ситуации регулирование социальных отношений в учреждении может стимулировать осужденных к выбору безопасных моделей поведения, что является необходимым условием для их успешной ресоциализации.

Список литературы

1. Куренкова О.Е. Новая модель регулирования социальной безопасности граждан (швейцарский опыт) // NovaInfo.Ru. 2016. № 41. Вып. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://novainfo.ru/archive/41/2>.
2. Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учеб. пособие. М., 2007. 423 с.
3. Куренкова О.Е., Наволоцкий А.В. Социальная безопасность осужденных как специфическая проблема социальной работы в исправительном учреждении // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. №1(33). С. 85–89.
4. Курс лекций по обеспечению безопасности, порядка исполнения и отбывания наказания в ИТУ / под ред. А. Г. Перегудова. Уфа: УВШ МВД РФ, 1996.
5. Брылева Е.А. Информационная безопасность несовершеннолетних осужденных как часть национальной безопасности // IV Международная научно-практическая конференция «Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт». Самара, 2014. С. 49–51.
6. Абрамов В.В. Категория «безопасность» в гражданском праве // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 74–78.

**КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ
РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП***
**CORRUPTION IN MODERN RUSSIA IN THE PERCEPTION OF VARIOUS
SOCIAL GROUPS**

Д.А. Шпилев
*Нижегородская академия Министерства внутренних дел России,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*
D.A. Shpilev
*Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod*

На основании данных анкетных опросов рассматриваются особенности восприятия коррупционной преступности и возможности оптимизации ее профилактики у различных групп и слоев населения в зависимости от их гендерных, поселенческих, возрастных и профессиональных особенностей.

Based on the data of questionnaires, the authors consider the peculiarities of the perception of corruption crime and the possibilities of optimizing its prevention among various groups and strata of the population, depending on their gender, settlement, age and professional characteristics.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная преступность, профилактика преступности, гендер, поселенческие особенности, коррупционная ситуация, антикоррупционная безопасность

Keywords: corruption, corruption crime, crime prevention, gender, settlement characteristics, corruption situation, anti-corruption security

В настоящее время коррупционная преступность является самым распространенным видом преступности в большинстве государств. Как правило, коррупция сосредоточена как в крупных городах (индустриальных и административных центрах), так и в прибрежных, и приграничных районах, являющихся транспортными узлами (порты, вокзалы и т.д.). Стоит отметить, что такие понятия, как коррупция и коррупционная преступность, не тождественны друг другу. Коррупция – это нарушение государственными служащими этических и правовых норм с целью личного обогащения с помощью использования своего служебного положения. Коррупционная преступность – это только часть подобных проявлений. Именно поэтому для анализа коррупционной преступности необходимо тщательное исследование

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «"Старикам везде у нас почет?" Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

сущности и признаков коррупции. В России коррупция традиционно понимается и как социальное явление, и как правовая категория. С точки зрения формально-юридического подхода, большинство правонарушений коррупционного характера отражены в соответствующих документах и кодексах. При этом для понимания сущности коррупции, с социологической точки зрения, часто не хватает актуальных эмпирических данных, что в ряде случаев объясняется трудностями, возникающими при разработке и подборе адекватного и эффективного инструментария для исследования коррупционных проявлений.

С целью оптимизации профилактики коррупционной преступности у различных групп и слоев населения нами были проведены два анкетных опроса – «Особенности коррупционной преступности в Нижегородской области» (N=1005) и «Восприятие бизнесменами Нижегородского региона уровня своей антикоррупционной безопасности» (N=408). Оба исследования (с минимальной вариативной частью) проводились с использованием авторского инструментария – разработанных шкал, позволяющих при помощи системы косвенных вопросов (проекционный метод) выявить отношение респондентов к различным коррупционным ситуациям и причинам, их порождающим. В тезисах, предлагаемых респондентам в анкете в виде табличных (матричных) вопросов, применялись два вида шкал: 1) 5-балльная («категорически не согласны – скорее не согласны – затрудняюсь ответить – скорее согласны – совершенно согласны») и 2) 3-балльная («никогда – иногда – чаще всего»). На основании полученных ответов по каждому тезису был рассчитан коэффициент согласия, показывающий уровень согласия (или отторжения) каждой ситуации и используемый в дальнейшем для составления рейтинга ответов. Такой подход обеспечил возможность сравнительного анализа отношения к коррупционным проявлениям различных групп респондентов.

Респонденты считают, что больше всего коррумпированы органы государственной власти и здравоохранения. Наибольшей коррупционной емкостью, по мнению респондентов, обладают ситуации, связанные с использованием чиновниками бюджетных средств в личных целях, а также с получением ими незаконного вознаграждения. Уровень коррупции в судебной системе и полиции оценивается респондентами как средний. Наименьшей коррупционной емкостью, по мнению опрошенных, обладают ситуации, связанные с так называемым кумовством (ситуации, связанные с помощью родственникам или друзьям), а также с получением различных видов вознаграждений преподавателями высших учебных заведений. Кроме того, респонденты не считают подкуп инспектора ДПС пьяным водителем серьезным коррупционным деянием.

Необходимо обратить внимание, что понимание респондентами коррупции обладает некоторой противоречивостью. Например, они оценивают сферу высшего образования как достаточно сильно коррумпированную, однако оценка коррупционной емкости конкретных ситуаций в сфере высшего образования (подношения преподавателю за хорошую оценку на экзамене; оплата репетитору гарантии поступления абитуриента) является при этом одной из самых низких. При анализе этих явлений важно учитывать, насколько часто люди соприкасаются в конкретных ситуациях с теми или иными учреждениями и насколько компетентны их суждения об особенностях функционирования этих учреждений, в том числе и в связи с коррупцией. В любом случае данные оценки представляют интерес и фактически отражают репутацию различных учреждений, с точки зрения коррупционных проявлений.

При оценке респондентами коррупционной емкости различных знаков внимания и благодарности была разработана специальная шкала, в которой различные знаки благодарности предлагалось отсортировать следующим образом: всегда являются фактами коррупции, никогда не являются фактами коррупции, могут являться фактами коррупции в зависимости от их стоимости. Анализ полученных данных показал понимание респондентами того обстоятельства, что услуги чиновника могут быть вознаграждены и косвенным способом, например, путем оплаты лечения или отдыха. Различные сувениры, спиртные напитки и бытовые приборы занимают среднее место в рейтинге, так как их отнесение к фактам коррупции напрямую зависит от их стоимости. Такая же ситуация и с продуктами, ужином в ресторане и ответной услугой – при своей высокой стоимости они воспринимаются респондентами как факты проявления коррупции. Оплата отдыха за границей, лечения и абонемент в фитнес-центр независимо от их стоимости всегда является коррупционным проявлением, по мнению респондентов. Такие знаки благодарности, как цветы, конфеты, фрукты, кофе, чай, практически никогда не расцениваются в качестве коррупционных проявлений.

Проведенные исследования выявили явные гендерные, поселенческие и возрастные отличия восприятия респондентами коррупционных проявлений. Установки женщин смещены в сторону быта и межличностных отношений, а у мужчин – в сторону бизнеса и производственных отношений. Женщин больше беспокоят коррупционные проявления, влияющие на безопасность и качество образования детей, а мужчин – ситуации, связанные с работой и бизнесом. Например, женщины более нетерпимы к инспекторам ДПС, отпускающим водителей за вознаграждение, а также к проявлениям коррупции в сфере высшего образования. Мужчины, в свою очередь, более нетерпимы к фактам коррупции в деловой сфере: чиновник принимает приглашение бизнесмена

поужинать в ресторане после решения этим чиновником проблемы бизнесмена. Мужчины чаще дают взятки из-за отсутствия времени решить вопрос обычным путем, женщины – из-за отсутствия возможности решить (деликатную) проблему законным путем.

Жители области заметно жестче горожан, гораздо чаще согласны с применением самых радикальных мер по борьбе с коррупцией. Чаще они готовы обратиться в правоохранительные органы, если бы стали свидетелем коррупционного действия, и втрое чаще горожан отрицают, что у них были случаи, когда они были вынуждены давать взятку. Претензии к здравоохранению сельские жители выдвигают вдвое чаще городских жителей. При этом жители области более терпимы к случаям проявления так называемого кумовства: по сравнению с горожанами они более спокойно воспринимают ситуацию, когда глава администрации отдает все подряды своим знакомым и родственникам, не проводя при этом никаких тендеров и конкурсов.

Важно отметить, что молодое поколение проявило большую готовность дать взятку в том случае, если чиновник сам вымогает ее. Кроме того, в отличие от других поколений респондентов, молодежь в меньшей степени считает это деяние чем-то отрицательным. Молодежь больше нацелена на то, чтобы сэкономить время, именно желание добиться быстрого решения вопроса заставляет молодого человека нарушить закон. Стоит обратить внимание на правильное воспитание подрастающего поколения, которое, с одной стороны, поддерживает самые радикальные меры в борьбе с коррупцией, а с другой – относится к процессу дачи взятки крайне прагматично и готово пойти на подобный поступок, если это поможет быстро и эффективно решить возникшую проблему.

Что касается бизнесменов, то обращает на себя высокая степень внутренней готовности большинства из них решать свои вопросы нелегальными способами. При этом взятка в своем традиционном виде уходит в прошлое. Коррупция находит новые формы: оффшорные транзакции, операции с криптовалютами, трудоустройство родственников в подконтрольные коммерческие структуры. Основной причиной, заставляющей предпринимателя давать взятку, является желание быстро и качественно решить свой вопрос, без проволочек, то есть, сэкономить свое время.

Второй основной причиной коррупционного поведения предпринимателей является понимание, что вопрос, который необходимо решить, находится на грани закона, и без взятки вряд ли можно обойтись, тем более что в таких случаях давать ее принято.

Предприниматели считают, что в коррупции, прежде всего, виноваты высшие должностные лица государства, их аморальное поведение, а также забюрократизированность всей системы получения согласований и разрешений, коллизии, существующие в законодательстве, его нечеткость, излишнее налогообложение.

Данные обоих исследований показали, что большинство респондентов расценивают взятку как явление, разрушающее государство, действующее как на власть, так и на население. Респонденты уверены, что для победы над коррупцией в нашей стране, прежде всего, необходима воля правительства. В данном случае ярко проявляются противоречия, существующие в сознании респондентов в отношении коррупции. С одной стороны, власть должна бороться с коррупцией, но с другой стороны, она не может этого сделать, так как органы власти коррумпированы больше всех.

Утверждение о бессмысленности борьбы с коррупцией заняло в рейтингах обоих исследований последнее место, что говорит о том, что и представители бизнеса, и обыватели осознают необходимость борьбы с этим социальным явлением.

Подавляющее число респондентов в первую очередь волнуют экзистенциальные проблемы, связанные с повседневной жизнью – работа, лечение, покупка товаров первой необходимости. Проблема коррупции по своему значению занимает место строго посередине рейтинга, причем проблему преступности респонденты поставили на последнее место. Данный факт может свидетельствовать о том, что большинство людей стали реже соприкасаться с преступностью и ее последствиями в обыденной жизни, но коррупция по-прежнему беспокоит их заметно больше. При этом важно понимать, что тема коррупции в России является актуальной и болезненной, учитывая общую невысокую оценку респондентами своего уровня жизни.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И ПУТИ ЕЕ УКРЕПЛЕНИЯ **PROBLEMS OF SOCIAL SECURITY OF A PERSONALITY IN MODERN CONDITIONS AND WAYS OF ITS STRENGTHENING**

А.С. Когаловская
Ивановский государственный университет,
г. Иваново
A.S. Kogalovskaya
Ivanovo State University,
Ivanovo

Делается попытка осмысления социальной безопасности личности. В качестве ведущего ее фактора рассматривается внутренняя безопасность, вытекающая из мировоззренческой позиции и качеств, характерных для психологически здоровой/зрелой личности.

The article attempts to understand the social security of the individual. As its leading factor, internal security is considered, resulting from the worldview position and qualities characteristic of a psychologically healthy person.

Ключевые слова: социальная безопасность личности, психологическое здоровье / зрелость, кризис в обществе, личностный кризис

Keywords: social security of the individual, psychological health / maturity, crisis in society, personal crisis

Социальная безопасность в широком смысле – это состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод и от угроз самому их существованию. Она является одним из важных компонентов качества жизни личности и общества. В большинстве работ по социальной безопасности основной акцент делается на системе соответствующих мер со стороны государства [1].

Изменение системы общественных и межгосударственных отношений, деятельность международных экстремистских группировок, пандемии, нарастание экологических проблем и др. обусловили кризисные явления в социуме и продолжающееся их нарастание. Кризисные состояния в обществе вызывают к жизни кризисы личностные у значительного числа граждан.

На остроту переживания кризисов и, в какой-то мере, на возможности совладания с ним оказывает влияние культура общества, включающая систему ведущих ценностей, установок, норм. Кросскультурные исследования депрессии показали, что число депрессивных нарушений выше в тех культурах,

где особо значимы индивидуальные достижения, успех, следование высоким стандартам и образцам. К. Хорни обнаружила почву для стремительного роста тревожных расстройств в глобальном противоречии между христианскими ценностями, проповедующими любовь и партнерские равные отношения, и реально существующей жестокой конкуренцией и культом силы [см.: 2, с. 73].

В периоды кризисных ситуаций ослаблены привычные защитные механизмы, многие обычные модели поведения перестают отвечать требованиям ситуации, люди особенно нуждаются в помощи, становятся особенно чувствительны к ней. С одной стороны, это делает помощь более эффективной, так как минимальное воздействие позволяет получить максимальный результат. С другой стороны, они становятся подверженными негативным внешним влияниям.

Это повышает шансы скорейшего совладания с кризисной ситуацией, но и делает человека беззащитным перед негативными воздействиями, в том числе, психологическими манипуляциями, обманом. Их использование в такие периоды жизни общества становится более активным [3].

Таким образом, в кризисном обществе возрастает риск быть подверженным достаточно агрессивным манипулятивным воздействиям, риск попадания в разные ловушки.

Социальная безопасность личности в этих условиях должна обеспечиваться не только внешними по отношению к личности факторами (законотворчество, правопорядок, правовая защита, социальная защита). Важную роль здесь играет общесоциальная этика, этика коллективов, моральная, психологической защита, поддержка представителей коллектива его членами.

Но социальная безопасность обеспечивается и самой личностью. Внутренние, личностные факторы – это ценностные основы личности, внутренний локус контроля, нравственная позиция, труд, целенаправленная деятельность.

Утверждение в обществе культа потребления порождает жуликов, играющих на убеждении, что, ничего не делая, можно заработать ощутимые деньги, что эта желанная цель совсем рядом. По сути, ими предлагается некое чудо, позволяющее «за два шага» достичь этой цели. И многие начинают ощущать себя не просто бедными, но «лузерами», что с ними что-то не так, если они столько работают и до сих пор ничего не заработали. Порой они цепляются за сомнительные предложения и попадают в истории, из которых выбраться непросто.

Культе силы, материального успеха, достатка – это то, что ценится все большим числом людей в современном обществе. Но для чего нужна сила, и

какая сила? Что считать успехом? И самое главное, насколько это необходимо конкретному человеку? Да и средства достижения успеха весьма разнообразны. Ответы на эти вопросы зависят от ценностной позиции человека.

В корневом сознании русского человека понятие достатка связано с трудом, с личными заслугами: «Как поработаешь, так и поешь», «По Сеньке шапка». Народная мудрость гласит, что от своего труда будешь не богат но сыт: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Но не это главное: «Одной рукой собирай, другой раздавай», «Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад». Жадность к деньгам и вещам, возведение их в ранг жизненной цели считалось недостойным: «На чужой каравай рот не разевай». Труд в народном сознании рассматривался не иначе, как нравственное деяние: «Праздность – мать пороков», «Без труда мечта мертва», «Без труда ничего не дается».

С понятием социальной безопасности личности связано понятие психологического здоровья, а понимание психологического здоровья синонимично понятию личностной зрелости. При всем разнообразии подходов к проблеме психологического здоровья, можно выделить две ориентации [4, с. 55]:

1. социоцентрическая (к ней тяготеют разработки Э. Фромма, В. Франкла, Б.С. Братуся). Ее сторонники убеждены, что человеком надо стать. Задача человека – преобразовать себя, приняв и познав свою природу, преобразовывать ее в процессе восхождения к вершинам человеческой сущности. Важное значение имеет просоциальная позиция личности.

2. персоноцентрическая (представлена взглядами Г. Олпорта, К. Ролджерса, А. Маслоу.) Ее сторонники исходят из того, что человеческой природе естественно присущи позитивные силы (потребности в доброте, самоактуализации), направляющие к здоровью и росту.

Г. Олпорт так описывает признаки зрелой личности: "хорошее чувство себя" (само-осознавание), теплое отношением к другим, чувство эмоциональной безопасности, само-принятие, реалистическое восприятие и наличие интегрирующей жизненной философии. По Э. Фромму, зрелость характеризуется чувством принадлежности, любовью, само-ценностью, творчеством и независимостью. само-идентичностью и смыслом. В. Франкл определяет зрелость личности через обретение смысла существования, а динамику личностного роста как принятие свободы и ответственности. По мнению Шобена, здоровые личности характеризуются самоконтролем, личной ответственностью, демократизмом и наличием идеалов. Джерард отмечает, что здоровые личности постоянно расширяют свое осознание самих себя, других людей и окружающего мира; развивают свою компетентность в удовлетворении базовых потребностей и в реагировании на опасность; вырабатывают

реалистические и отвечающие их потребностям ролевые и межличностные отношения.

Таким образом, противостоять негативным влияниям, соблазнам, давлению современного мира сохранять себя и следовать своим целям человек может при следующих условиях:

- наличие собственной жизненной позиции,
- стремление осознать смысл своей жизни и деятельности,
- умение вычлнить свой внутренний голос среди навязчивых внешних шумов,
- опора, прежде всего, на себя (свои старания, умения, труд, расширяя свою компетентность),
- постановка реалистичных целей,
- личная ответственность.

И лишь при условии развития и распространения самосохранительного поведения личности, базирующегося на здоровых ценностях, установках, идеалах, могут стать действенными и меры государственного регулирования, позволяющие защищать более слабых членов общества или пресекать особо агрессивные воздействия.

И еще путями достижения социальной безопасности личности в демократическом обществе являются, в частности, взаимопомощь в коллективах, добровольные объединения граждан, основанные на здоровых просоциальных ценностях, содействующие их утверждению и пресечению разрушительных воздействий на личность.

Список литературы

1. Садыкова Н. Характеристика основных компонентов социальной безопасности личности // fornit.ru/10187.
2. Холмогорова А.Б., Гараян Н.Г. Культура, эмоции, психическое здоровье // *Вопр. психологии*. 1999. № 2. С. 61–75.
3. Козлов В.В. Социальная работа с кризисной личностью. Методическое пособие. Ярославль, 1999. 238 с.
4. Шувалов А.В. Антропологический принцип в психологии здоровья // *Известия Южного федерального университета. Технические науки*. 2005. Том 51. Вып.7. С. 55–62.
5. Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // *Психол. журн*. 1994. Т.15. №1. С. 3–18.

**РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
SOCIAL WORK RESOURCES IN ENSURING THE SOCIAL SECURITY
OF SCHOOLCHILDREN**

Ю.А. Кострова
*Самарский национальный
исследовательский университет имени академика С.П. Королёва,
г. Самара*
Y.A. Kostrova
*Samara National Research University,
Samara*

Современные динамичные условия общественной жизнедеятельности актуализируют поиск новых форм социальной защиты, значимым направлением которой может стать развитие у детей новых норм безопасного социального поведения. Поскольку именно специалисты социальной работы наиболее успешно решают практически задачи по нормализации социальных отношений, именно они могли бы инициировать процессы формирования безопасного поведения детей школьного возраста.

Modern dynamic conditions of social life actualize the search for new forms of social protection, an important direction of which may be the development of new safe social behavior in children. Since it is precisely social work specialists who most successfully solve practically the problems of normalizing social relations, it was they who could initiate the processes of forming safe behavior of a school-age child.

Ключевые слова: социальная работа, социальная защита детства, социальная безопасность детей школьного возраста

Keywords: social work, social protection of childhood, social security of schoolchildren

Необходимость исследования феномена социальной работы по обеспечению социальной безопасности детей обусловлена тем, что проблемы, связанные с созданием комфортной, доброжелательной и безопасной для жизни детей среды, сохраняют свою остроту и далеки от окончательного решения.

Интерпретация социальной работы с детьми в научных исследованиях является многоаспектной, так как включает в себя совокупность разноплановых мероприятий и видов помощи. Вся совокупность содержательных элементов социальной работы с детьми чаще всего объединяется понятием социальной защиты детства.

Стоит заметить, что при наличии многообразия мнений о содержании социальной защиты детей остается общей направленность социальной защиты на «благополучие мира детства, предоставление каждому ребенку защищенного

пространства, интеграцию образовательных сил в решении проблем подрастающего поколения» [1, с. 22].

Анализ социоэкономической практики и научных исследований позволяет констатировать многосубъектность системы социальной защиты детей, в основе которой идея создания оптимальных условий для жизнеобеспечения ребенка. Все активнее в исследованиях актуализируется роль образовательных организаций в реализации отдельных направлений социальной защиты детства: «социальная защита детей представляет собой одну из функций в образовательном учреждении и органах образования. Одной из целей деятельности образовательной организации является защита процесса формирования и развития личности ребенка, а также защита среды, в которой осуществляется жизнедеятельность детей» [2].

С целью выявления форм социальной защиты детей, реализуемых в условиях образовательных организациях, был проведен экспертный опрос 20 специалистов организаций социального обслуживания и образовательных организаций. Результаты экспертного опроса позволили подтвердить значимость развития форм социальной защиты детей в условиях образовательных организаций и выделить два основных направления данной деятельности: обеспечение в образовательном учреждении безопасной социальной среды и формирование у детей школьного возраста знаний, умений и навыков безопасного поведения в обществе.

Отметим, что формирование у детей навыков социальной безопасности большинство экспертов определили как значимое направление социальной защиты детства. В контексте социальной защиты социальная безопасность детей понимается в качестве интегрального качества личности ребёнка, которая формируется у него через системы знаний и навыков безопасного поведения, осмотрительного и осторожного отношения в потенциально опасных ситуациях. Анализ результатов экспертного опроса позволил выделить в структуре социальной безопасности детей четыре основных компонента: психологическая безопасность, безопасность в опасных ситуациях социального характера, безопасность социального взаимодействия, информационная безопасность.

В результате повышающейся потребности в организации безопасности актуализируется поиск социальных институтов, которые позволили бы формировать основы безопасного поведения у детей. В этом отношении мы поддерживаем точку зрения, согласно которой концепция государственной безопасности должна активизировать государственные и общественные структуры: семью, школу, вуз в целях формирования личности безопасного типа, общества безопасного типа, государства безопасного типа [3, с. 23].

Образовательная организация в силу специфики просветительской деятельности имеет огромное значение в формировании социальной защиты детей путем формирования основ личности безопасного типа поведения [3, с. 24].

Сегодня актуализируется задача по формированию мировоззренческой устойчивости, способности противодействовать антикультуре, насилию, агрессии, преступности, наркомании и другим социальным опасностям, что в свою очередь предполагает необходимость включать в образовательную область формирование социальной безопасности детей [3].

В результате экспертного опроса установлено, что социальная защита детей в образовательной организации носит разноплановый характер, педагогическую направленность и базируется на образовательных программах. Вместе с тем, было выявлено отсутствие в образовательных организациях специальных программ, направленных на повышение уровня социальной безопасности детей школьного возраста, в связи с чем актуализируется роль специалиста социальной работы в формировании социальной безопасности детей школьного возраста.

Можно констатировать, что одной из значимых задач профилактических форм социальной защиты детей в образовательных организациях является формирование безопасного поведения. Вместе с тем в образовательных организациях отсутствуют специальные программы, направленные на формирование навыков безопасного поведения в обществе детей школьного возраста, что актуализирует роль специалиста социальной работы. Формирование социальной безопасности детей школьного возраста может осуществляться специалистом по социальной работе в условиях образовательной организации в рамках специально организованной формы социальной защиты «Школа безопасности».

Список литературы

1. Поддубная Т.Н. Проблемы методологии социальной защиты детства в современных условиях модернизации образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. №4. С. 21–26.

2. Чепурных Е.Е. Организационно-педагогические основы социальной защиты детей в сфере образования: автореф. дис... д-ра пед. наук. Ярославль: Гос. ун-т. 2001. 38 с.

3. Кисляков П.А. Социальная безопасность личности: функциональные компоненты и направления формирования // Современные исследования социальных проблем. 2012. №5. С. 23–26.

**ПРИРОДНО-ТЕХНОГЕННЫЕ КАТАСТРОФЫ КАК НОВЫЙ ВЫЗОВ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ***
NATECH ACCIDENTS AS A NEW CHALLENGE
TO THE SOCIO-ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

Е.М. Моисеева

*Институт демографических исследований
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
г. Москва*

E.M. Moiseeva

*The Institute for Demographic Research,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Moscow*

Природно-техногенные катастрофы представляют собой особый вид аварий на объектах техносферы, основной причиной которых стали опасные природные явления. В ходе проведенного нами исследования наиболее масштабных подобных событий были выделены основные факторы риска возникновения таких катастроф. С учетом ущерба от спровоцированных природными факторами техногенных аварий опасность негативных последствий изменения климата может быть недооценена.

Natechs represent a specific type of technological accidents which are triggered by natural hazards. In our study, we analyzed significant cases of such events and identified the main risk factors for the occurrence of such disasters. Taking into account the damage from technological accidents induced by natural factors, the danger of the negative consequences of climate change might be underestimated.

Ключевые слова: природно-техногенные катастрофы, стихийные бедствия, техногенные аварии, ущерб, риски, безопасность, Россия

Keywords: natech accidents, natural hazards, technological disasters, losses, risks, security, Russia

Природные и техногенные катастрофы могут стать причиной серьезных социальных потрясений, поскольку способны наносить колоссальный экономический ущерб и приводить к массовой гибели людей. По мере увеличения численности населения Земли, роста антропогенной нагрузки на окружающую среду, ускорения научно-технического прогресса, повсеместной урбанизации и индустриализации с каждым десятилетием возрастает и количество катаклизмов как природно-климатического, так и технологического характера [1]. В частности, на территории РФ в период 2009-2019 гг., по данным МЧС, фиксировалось в среднем 289 чрезвычайных ситуаций в год. В 2019 г. произошло 202 техногенных ЧС, в ходе которых погибли 498 чел.,

* Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 18-78-10149

пострадали еще 2532 чел. и был нанесен материальный ущерб, равный 4751,48 млн. руб., а также 49 природных ЧС, результатом которых стали 34 погибших, 118374 пострадавших и 15019,96 млн. руб. материальных потерь [2].

Следует отметить некоторую упрощенность понятийной базы, используемой для описания и оценки чрезвычайных ситуаций в статистических базах и официальных документах государственных органов РФ. Как видно из приведенных выше данных, катаклизмы принято разделять: на техногенные, к которым относят различные транспортные катастрофы, аварии на путепроводах, взрывы, выбросы вредных веществ, обрушения зданий и сооружений, аварии на системах жизнеобеспечения; природные, в число которых включают землетрясения, извержения вулканов, оползни и обвалы, бури и ураганы, аномальные осадки и температуры, природные пожары; а также биолого-социальные, то есть связанные с заболеваниями людей, животных или растений [2]. В то же время не только внезапные, катастрофические природные опасные явления, но и медленно прогрессирующие зачастую вызывают аномалии функционирования технических систем, приводя к дополнительным материальным потерям. Поэтому такая методология не позволяет на основе статистических данных произвести объективную оценку реального ущерба, вызванного негативными изменениями окружающей среды. По некоторым оценкам ученых, комплексные природно-техногенные катастрофы занимают первое место по наносимому ущербу и второе место по числу погибших среди прочих видов ЧС [3].

Согласно данным метеонаблюдений, изменение климата на территории РФ прогрессирует быстрее, чем в среднем по миру. Особенно заметные отклонения от норм температуры и осадков фиксируются на побережье Арктических морей, а также на Дальнем Востоке и Северном Кавказе [4]. Это означает, что в будущем можно ожидать роста опасных метеорологических явлений, их масштабов и наносимого ими урона, в том числе и вследствие спровоцированных ими техногенных аварий. При этом проблемы оценки рисков и механизмов предупреждения каскадного перехода природных катаклизмов в техносферу в российской науке пока не получили комплексного рассмотрения. Существуют работы, посвященные техногенным катастрофам, вызванным отдельными видами опасных природных явлений, например, землетрясениями [5], или рассматривающие риски таких событий в отдельных регионах страны [6]. Для обозначения подобных бедствий обычно употребляется термин «природно-техногенная катастрофа». Данное понятие объединяет аварии на технических объектах, основными причинами которых

стали природные явления. Термин «природно-техногенная опасность» содержится также в словаре МЧС РФ [7].

Между тем, в 2020 г. на территории России уже произошло несколько серьезных техногенных аварий, которые, по предварительным оценкам, были вызваны природными причинами. 29 мая 2020 г. в г. Норильске произошла крупнейшая утечка нефтепродуктов, представляющая серьезную угрозу для экологической безопасности Северного Ледовитого океана. При разгерметизации бака с дизельным топливом на ТЭЦ-3, управляемой дочерней компанией «Норникеля», произошел разлив 20 тыс. тонн дизельного топлива. Росприроднадзор оценил ущерб от аварии почти в 148 млрд. руб. [8]. В МЧС предварительной причиной разгерметизации назвали внезапное проседание свай фундамента, вызванное таянием вечной мерзлоты в условиях потепления [9]. 1 июня 2020 г. обрушился мост, по которому проходит единственная ветка железной дороги, связывающая Мурманск с остальной частью России, и город оказался полностью отрезан от железнодорожного сообщения. Подмывание опор моста произошло из-за интенсивного таяния снега и подъема воды в реке Кола [10].

В ходе анализа имеющейся информации о других подобных природно-техногенных катастрофах, нами были выделены следующие основные факторы риска:

1. Причиной аварий на объектах атомной энергетики могут стать как внезапные природные катаклизмы сейсмологического (землетрясения, цунами) или гидрометеорологического (ураганы, наводнения) характера, так и опасные явления, порожденные медленно прогрессирующими климатическими изменениями (экстремальные температуры, лесные пожары). Так, радиационная авария в марте 2011 г. на АЭС «Фукусима-1», которой был присвоен максимальный, 7-ой уровень по Международной шкале ядерных событий (INES), была спровоцирована землетрясением и последовавшим за ним цунами. 4 апреля 2020 г. в Чернобыльской зоне отчуждения на территории Котовского лесничества произошел пожар, который подошел вплотную к хранилищам с высокоактивными радиационными отходами и самому саркофагу, и неудача в его ликвидации могла закончиться новым взрывом [11]. Аномально высокие температуры сами по себе несут серьезные риски для безопасного функционирования АЭС и ТЭС, так как требуют значительного снижения мощности реакторов или их полной остановки, что может закончиться аварией при вмешательстве «человеческого фактора», то есть, непредсказуемой ошибки в работе персонала.

2. Причиной масштабных разрушений на объектах гидроэнергетики становятся наводнения, которые могут быть вызваны изменением режима

осадков или таянием горных ледников. Более сотни тысяч человек погибли в 1975 г. при прорыве дамбы в верховьях реки Ру в Китае, вызванном тайфуном «Нина» [1]. Частота и масштабы этих природных явлений в последние десятилетия возрастают под влиянием повышения глобальных температур и изменения обычных направлений циркуляции воздушных масс.

3. Подобным образом природно-климатические аномалии могут повышать риски аварий и при эксплуатации объектов химической промышленности. Однако, данные статистики свидетельствуют, что наиболее частой причиной утечки опасных химических веществ становятся аварии при их транспортировке [1]. Например, в 1988 г. близ г. Ярославля вследствие железнодорожной катастрофы произошел разлив гептила, АХОВ первого класса токсичности. В зоне поражения оказались около 3 тыс. человек [12]. Негативное воздействие на сухопутные транспортные пути оказывают аномальные осадки, резкие перепады температур, сокращение циклов замораживания и оттаивания, паводки, сели, сход лавин. При морской транспортировке опасных грузов угрозу представляют штормы и колебания уровня моря.

4. Аварии на трубопроводном транспорте могут стать причиной разлива нефти, взрыва газа и пожаров. Трубопроводный транспорт отличает дороговизна прокладки и сложность восстановительных работ: стоимость прокладки 1 км трубопровода на сложных участках может достигать 150 млн руб. [13]. Угрозу для его безопасности представляют такие природно-климатические явления, как проседание почв, оползни и сели, разливы рек, увеличение количества осадков.

5. Среди районов, где климатические процессы оказывают особенно разрушительное воздействие на объекты инфраструктуры вообще, следует выделить горные и районы залегания многолетнемерзлых грунтов в Арктической зоне. В первом случае рост среднегодовых температур вызывает таяние высокогорных ледников, которое, в свою очередь, ведет к увеличению частоты и интенсивности схода снежных и каменных лавин, обвалов пород, селей и паводков, прорывов озер. На северных территориях наблюдается таяние вечной мерзлоты и, как следствие, просадка грунтов, а также изменение режима осадков. Все эти процессы ведут к разрушению зданий и транспортных путей, что увеличивает риски, связанные с эксплуатацией потенциально опасных технических объектов [14].

Природно-техногенные катастрофы могут быть особенно разрушительными именно за счет каскадного эффекта (принципа домино), который и приводит к их возникновению. А именно, в дополнение к жертвам и материальному урону, вызванным самим опасным природным явлением,

единовременно возникают потери, вызванные спровоцированной им техногенной аварией. Причиной аварий могут стать не только природные катастрофы, но и медленно прогрессирующие изменения природно-климатических условий. С учетом этого, реальный ущерб от стихийных бедствий, изменения климата и деградации окружающей среды оказывается значительно больше, чем указывают цифры статистики. В целях эффективной оценки рисков природно-техногенных катастроф, управления ими и обеспечения устойчивого социально-экономического развития уязвимых регионов РФ необходимо проведение комплексных междисциплинарных научных исследований данной проблемы, которые будут положены в основу рекомендаций для органов государственной власти в части совершенствования механизмов мониторинга природно-техногенной безопасности, ее экономического регулирования (включая страхование потенциально опасных объектов и населения уязвимых территорий), а также системы оценки и учета различных видов чрезвычайных ситуаций и их последствий.

Список литературы

1. The international disasters database EM-DAT. URL: <https://emdat.be/database> (Дата обращения: 17.06.2020).
2. О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2019 г.: государственный доклад. – М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2020. – 259 с.
3. Техногенные системы и экологический риск / Г.Т. Фрумин. – Санкт-Петербург: СпецЛит, 2016. – 136 с.
4. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2018 год. – Москва, 2019. – 79 с.
5. Борисов К.И., Горшков Л.К., Софьин А.П., Федорова Л.А. Природно-техногенные катастрофы как проявления геодинамической нестабильности земной коры // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. Том 330, № 6, 2019. С. 126-133.
6. Голик В.И., Козырев Е.Н., Клочко Е.Н., Небылова Я.Г. Экономическая эффективность предупреждения природно-техногенных катастроф в горнодобывающих регионах // Научный вестник Южного института менеджмента. № 3, 2015. С. 7-13.
7. Термины МЧС России: Опасность природно-техногенная. Официальный сайт Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. URL: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3006> (Дата обращения: 17.06.2020).
8. Росприроднадзор произвел расчет ущерба экологии, нанесенный аварией в Норильске. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в

сфере природопользования. URL: https://rpn.gov.ru/news/rosprirodnadzor_proizvel_raschet_ushcherba_ekologii_nanesennyu_avariey_v_norilске/ (Дата обращения: 06.06.2020).

9. В МЧС назвали причину ЧП с разливом топлива в Норильске. Сайт информационного агентства «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20200603/1572413719.html> (Дата обращения: 06.06.2020).

10. В Мурманской области обрушился железнодорожный мост. Сайт информационного агентства «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20200601/1572298558.html> (Дата обращения: 02.06.2020).

11. На Украине рассказали об отсутствии угрозы инфраструктуре ЧАЭС. Сайт информационного агентства «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20200414/1570017315.html> (Дата обращения: 04.04.2020).

12. Романов В.И., Романова Р.Л. Выбросы вредных веществ и их опасности для живых организмов. – М.: Физматкнига, 2009. – 377 с.

13. Хаустов А.П., Редина М.М. Чрезвычайные ситуации и экологическая безопасность в нефтегазовом комплексе. – М.: ГЕОС, 2009. – 456 с.

14. Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации. – Санкт-Петербург, 2017. – 106 с.

НЕЭТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК УГРОЗА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

UNETHICAL BEHAVIOUR IS THREAT OF SOCIAL SECURITY OF PERSONALITY

Д.Ю. Рогачев
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
D. Yu. Rogachev
Lobachevsky University

Проанализированы причины склонности индивидов к нелегитимным действиям и неэтическому поведению. Приведена классификация основных причин, среди которых выделяются относительность морали, возможность неосознанного попадания в нелегитимные схемы, правовая социализация, развитие технологий и ускорение социальных перемен. Обсуждается важность профилактических мероприятий в целях своевременного пресечения неэтического поведения.

We analyze the reasons for the tendency of individuals propensity for offence or unethical behavior. In the article given classification of the main reasons, among which distinguished moral universalism, the possibility of unconsciously falling into illegitimate schemes, legal socialization, technological development and the acceleration of social changes. Discussed the importance of preventive measures in timely suppression of unethical behavior.

Ключевые слова: Социология, склонность к нелегитимным действиям, неэтичное поведение, оппортунизм, право, этика, мораль

Keywords: Social Sciences, Behavioral sciences, unethical behavior, opportunism, law, ethics, morality

Изучение склонности индивидов к нелегитимным действиям и неэтичному поведению подразумевает анализ сложного взаимодействия социальных, моральных, экономических факторов. Их классификация способствует выделению следующих причин:

1. *Относительность морали.* Во-первых, обращаясь к теме неэтичного поведения, нельзя не отметить принципы морального абсолютизма (категорического императива) и релятивизма, изложенные в работах Иммануила Канта [1] и Георга Зиммеля [2]. Концептуализация закона в этике рассматривается как с позиции закона всеобщего – нормирующего действия всех существ, так и с позиции индивидуального, где ценности и нормы существуют в сознании индивида и формируются через жизненный опыт, зависят от социального положения и окружающей индивида социальной группы.

Во-вторых, следует принимать во внимание, что предпочтение честности определяется институциональной справедливостью. Индивид оправдывает нечестное поведение, когда сталкивается с несправедливой ситуацией. Нельзя не отметить труды Пьера Бурдьё, в которых поднимается тема неравенства, доминирования, асимметричного распределения ресурсов между индивидами и группами [3]. А.В. Ярашева отмечает, что трансформация экономического поведения происходит как по рациональным причинам, так и по ментальным (психологическим) мотивам выбора стратегии [4]. Взаимодействие между неравенством и справедливостью может диктовать законность результатов и, следовательно, формирует индивидуальное поведение, такое, как склонность к нелегитимным действиям, что имеет значение для более широкого социального и экономического благополучия.

В-третьих, недобросовестное поведение представляется индивидом в качестве рационализации процесса принятия решений, при котором происходит сравнение ожидаемой выгоды и издержек нечестных поступков. Совмещается индивидуальная целесообразность действий с их моральной состоятельностью [5]. Использование определенных оппортунистических паттернов поведения позволяет справляться с трудностями институциональной среды, извлекать из нее определенную пользу [6]. Стоит отметить, что и недостаточная правовая социализация формирует чувство приемлемости нелегитимных действий как способа достижения собственных целей и внутреннюю готовность к ним.

2. Неосознанное попадание в нелегитимные схемы. Использование современных финансовых инструментов, о принципах функционирования которых индивид слабо осведомлен, может быть причиной нанесения ущерба себе или косвенного ущерба обществу. Безусловно, повышение уровня финансовой грамотности и правовая социализация способствуют формированию осознанного поведения при работе с различными финансовыми услугами. В связи с этим необходимо проводить профилактическую работу в целях предупреждения вовлечения в мошеннические схемы и формирования способности эффективно выявлять наиболее качественные предложения на рынке, соответствующие их личным потребностям [7].

3. Правовая социализация. Анализ склонности к неэтичному поведению должен включать вопросы о сформированности устойчивых правовых ценностей, о правовом менталитете и об уровне правовой культуры.

Стоит отметить важность учета современной правовой среды в России, анализ которой, к сожалению, позволяет сделать вывод о наличии стойких негативных тенденций правового воспитания и правовой социализации личности, социальной незащищенности человека, пропаганды насилия и асоциального поведения [8]. Это оказывает влияние на формирование правосознания, освоения разных правовых представлений, модели и образца правового поведения. Происходит самоопределение с правовой точки зрения. Индивид мысленно соотносит себя с «должным» и приемлемым поведением в окружающем его социуме [9]. Необходимо подчеркнуть влияние негативного опыта, который был приобретен российскими гражданами в постперестроечное время. Правовая нестабильность, махинации отдельных корпораций, приватизационный процесс и финансовые пирамиды подорвали доверие ко всему институту фондового рынка в России [10]. Политическая нестабильность, отсутствие прозрачности в нормативно-правовых процессах до сих пор формируют в сознании граждан недоверие к органам власти, искажает видение роли правовой и политической реальности в жизни общества.

В работе Н.Н. Покровской и А.Л. Слободской отмечаются вопросы переосмысления социокультурной идентичности и определяемого ею социально-экономического поведения, что связано с эволюцией социально-экономической модели, пост-модернизацией и формированием информационного общества, эволюцией гендерных моделей. Кроме того, авторами рассматривается проблематика легитимации управленческих решений и обширная роль собственников организации [11].

4. Развитие технологий и ускорение социальных перемен. Формирование «цифрового гражданства», появление множества цифровых площадок банковской, страховой, юридической и других видов деятельности

способствуют развитию мошенничества в киберпространстве [12]. Об этом свидетельствует не только статистика роста различных форм «цифрового мошенничества», но и постоянная модификация мошеннических схем, криминальных взломов, фишинга [13]. Исследуя цифровую сферу, важно отметить различия в объеме и характере использования цифровых ресурсов разными поколениями [14]. Значимость этой дифференциации заключается в том, что задачи профилактических работ со старшим поколением должны быть посвящены проблемам безопасности использования цифровых услуг. Напротив, молодое поколение должно понимать принципы правовых и этических норм при осуществлении различных видов деятельности в киберпространстве. Ощущение мнимой анонимности и безнаказанности подталкивает молодых людей на совершение различных неэтических поступков – нарушение прав интеллектуальной собственности, лицензионных соглашений, правил и условий использования цифровых площадок и др. Такое поведение наносит ущерб не только разработчикам и поставщикам цифровых услуг, но и препятствует развитию цифровой сферы.

Таким образом, анализ причин неэтического поведения и склонности к нелегитимным действиям является многоуровневым. Причины могут быть как на уровне индивида, так и на уровне общественного сознания. При удовлетворении эгоистических потребностей и реализации собственных интересов зачастую нарушаются установленные правовые, этические нормы и правила, используются обман, воровство, мошенничество, и едва ли ограничивается только этим.

Среди субъективных факторов такого поведения можно выделить многогранную структуру этического восприятия, обусловленную как отношением к принципам морального релятивизма, так и чувством институциональной несправедливости по отношению к себе.

Среди объективных факторов – уровень правовой социализации и воздействие социально-экономических институтов на трансформацию личности.

Учет факторов неэтического поведения способствует формированию стратегических ориентиров социальной безопасности.

Список литературы

1. Кант И. Основоположение к метафизике нравственности. Соч. Т. 3. М.: Московский филос. фонд. 1997. С. 39–275.
2. Зиммель Г. Индивидуальный закон (К истолкованию принципа этики). Избранные работы. Киев: Ника-Центр. 2006. С. 11–60.

3. Bourdieu P. Ce que parler veut dire: l'économie des échanges linguistiques // Fayard, Paris. 1982. P. 197–198.
4. Ярашева А.В. Поведенческая экономика: исследование ожиданий и стратегий населения // Экономика и управление. 2020. Т. 26. №. 3. С. 264–272.
5. Мельников В.В. Происхождение оппортунизма: психологические основы экономического поведения // Terra Economicus. 2014. № 4. С. 91–104.
6. Тутов Л.А. Оппортунистическое поведение человека в современной экономике: междисциплинарный подход / Л.А. Тутов, О.И. Лозина // Государственное управление: электрон. вестник. 2019. № 74. С. 255–272. [Электронный ресурс]. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__74._ijun_2019_g./ekonomiticheskie_voprosi_upravlenija/tutov_lozina.pdf (Дата обращения: 04.08.2020).
7. Фёдорова Е.А., Нехаенко В.В., Довженко С.Е. Влияние финансовой грамотности населения РФ на поведение на финансовом рынке (эмпирическая оценка) // Проблемы прогнозирования. 2015. №. 4. С. 105–117.
8. Щелочков Н.Н. К вопросу о типичных следственных ситуациях и соответствующих им типовых версиях по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных несовершеннолетними / Общество и право. 2009. № 2. С. 230–233.
9. Андрианов М.С. Психологические механизмы и периодизация процесса правовой социализации // Психология и право. 2013. Т. 3. №. 1. С. 1–9.
10. Подгорный Б.Б. Факторы, влияющие на формирование отношения населения к фондовому рынку: компаративный анализ // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственный аспекты. 2016. С. 205–208.
11. Покровская Н.Н., Слободской А.Л. Социокультурная идентичность и экономическое поведение в современном российском обществе // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. С. 139–150.
12. Комлев Ю.Ю. Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «Big Data» в социологическом изучении преступности // Вестник экономики, права и социологии. 2019. №. 3. С. 97–104.
13. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. – Doubleday, 2015. p. 185.
14. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. №. 3. С. 15–33.

**СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА
SOCIAL NORMS AS THE BASIS OF SOCIAL SECURITY OF THE
PERSONALITY, SOCIETY AND STATE**

Л.Р. Романовская, В.Д. Коротеев
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
L.R. Romanovskaya, V.D. Koroteev
Lobachevsky University

Посвящается исследованию роли социальных норм в процессе регуляции общественных процессов. На основании анализа законодательства и научных работ исследуется значимость различных систем социальных норм для обеспечения социальной безопасности личности, общества и государства.

This scientific article is devoted to the study of the role of social norms in the regulation of social processes. Based on the analysis of legislation and scientific works, the significance of various systems of social norms for ensuring the social security of the individual, society and the state is investigated.

Ключевые слова: социальные нормы, социальная безопасность, девиантное поведение

Keywords: social norms, social security, deviant behavior

В процессе жизнедеятельности человека с давних времён складывались разнообразные общественные отношения, связи между их различными участниками и элементами. Само существование подобных связей является необходимым условием нормальной жизнедеятельности как отдельных личностей, так и всего общества в целом.

Для наиболее эффективного функционирования социальных связей между различными элементами общества человечество создало различные системы социальных норм, которые вносят упорядоченность в общественные отношения, делают пути их развития наиболее очевидными, предотвращают риски возникновения социально негативных последствий, вытекающих из конкретных общественных отношений.

Социальное регулирование при помощи социальных норм, как правило, выражает объективную потребность общества в создании и обеспечении порядка, равновесия, стабильности общественных отношений. Отсутствие чёткой системы социального регулирования ведёт к увеличению количества конфликтов в обществе, дестабилизации жизнедеятельности отдельных индивидов, функционированию общества и государства в целом.

Во многом интересна позиция Э. Дюркгейма, который даёт «дарвинистское» объяснение существования нормы: «урегулирование

общественных отношений с помощью социальных норм является наиболее эффективным способом совместного выживания всего человеческого общества в целом. Социальная норма идеальна, с точки зрения выживания всего человечества или конкретной социальной группы» [1, с. 192]. Иными словами, Э. Дюркгейм подчеркивает, что без социальных норм общество вовсе перестало бы существовать.

Можно утверждать, что социальные нормы во всём их многообразии являются основой социальной безопасности личности, общества и государства.

Социальное регулирование осуществляется способами установления запретов общественно вредных действий (запрет убийства человека, запрет насильственной смены государственного строя) и оформлением в нормативной форме прав и обязанностей членов общества. Особые способы социального регулирования определяются уже конкретным видом социальных норм.

Вызывает определённые трудности определение самого понятия «социальная безопасность». Ранее действующий Закон РФ от 5 марта 1992 г. №2426-1 «О безопасности» определял безопасность как «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [2]. В действующем Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» отсутствует определение понятия «безопасность», однако в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ в 2015 году, содержится определение национальной безопасности Российской Федерации: «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [3].

Стратегия определяет и виды безопасности: государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая безопасность и безопасность личности, но дефиниций этих видов стратегия не раскрывает.

Понятие безопасности встречается и в некоторых международных договорах РФ со странами-участниками СНГ, но эти определения имеют техническую направленность.

Социальную безопасность можно определить как устойчивость, стабильность всей социальной системы, её способность адекватно реагировать на внутренние и внешние угрозы, оценивать возможные риски и сохранять целостность общества, способствуя его поэтапному развитию.

Социальная безопасность, социальный порядок, в первую очередь, обеспечиваются благодаря следованию участников общества различным видам

социальных норм. Основной задачей социальных норм является предупреждение, защита или минимизация последствий негативных форм девиантного поведения.

По справедливому замечанию Е.М. Пенькова, «объектом социальных норм будет не любая деятельность людей, а лишь социально значимая» [4, с. 46]. Это следует из того, что поступки личности, никаким образом не затрагивающие других людей или социальные институты, нейтральны по своей сути к социальным нормам, они относятся к сфере исключительно личного поведения человека. Соответственно, социальные нормы направлены на регулирование общих, основополагающих отношений в обществе, отсутствие урегулирования которых создало бы угрозу безопасности общества, постепенно привело бы к его гибели.

Основная функция социальных норм в регулировании поведения людей заключается в «защитной реакции» общества на негативные, опасные его проявления. Для обеспечения этой функции общество выработало различные механизмы надзора и контроля за негативными формами девиантного поведения. В первую очередь, этот механизм осуществляется государством в форме установления единой, зафиксированной системы общеобязательных правил поведения – правовых норм.

Так, наиболее опасные для общества формы поведения запрещены уголовным законодательством Российской Федерации, что находит своё отражение уже в самой структуре Уголовного Кодекса РФ. Например, законодатель уделяет особое внимание классификации преступлений по объекту в Особенной части Уголовного кодекса: раздел VII «Преступления против личности», раздел VIII «Преступления в сфере экономики», раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», раздел X «Преступления против государственной власти» [5].

Таким образом, законодатель, закрепляя в уголовном законодательстве сферы общественных отношений, находящиеся под защитой государства, и устанавливая наказание за посягательство на них, обеспечивает их защиту. Иными словами, правовые нормы обеспечивают социальную безопасность, опираясь на механизм государственного принуждения.

Несмотря на несомненно огромную роль правовых норм в регулировании общественных отношений, не стоит забывать о других социальных нормативных системах: моральной, религиозной, политической, корпоративной, системе обычаев и традиций.

Учитывая всю специфику, комплексность общественных отношений, важно понимать, что различные виды социальных норм не действуют по отдельности, применительно к различным сферам жизни человека и

общества. Так, при заключении любого договора участники гражданских правоотношений руководствуются не только самим гражданским законодательством, но и нормами морали: уважение к контрагенту, учёт его мнений, потребностей, выполнение условий договора без обмана. Некоторые из морально-нравственных категорий и вовсе нашли своё закрепление в законодательстве (принципы справедливости и гуманизма в ст. 6 и 7 УК РФ [5], «добросовестность» в ч. 3 ст. 1 ГК РФ [6], соответственно).

Наиболее заметной важность социальных норм (особенно уголовно-правовых норм) для обеспечения социальной безопасности становится на этапах так называемого «слома эпох» – периода «слома» старой системы и начала формирования новой. Данную ситуацию охарактеризовал в своих работах Э. Дюркгейм, который впервые ввёл понятие аномии – «состояния общества в условиях отсутствия чёткой регуляции поведения людей, моральный вакуум, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые ещё не утвердились» [7, с. 42].

В истории нашей страны подобная аномия проявляла себя, как минимум, дважды в XX веке: в период революций и последующей Гражданской войны, а также в 90-е годы. Оба эти периода характеризовались резким повышением уровня преступности и нестабильности во всех сферах общественных отношений. Отсюда вытекает справедливый вывод о том, что гарантией социальной безопасности является не просто само наличие социальных норм, а также и их постепенное развитие, своевременная эволюция, необходимая для соответствия стандартов реальному положению дел в обществе.

Социальные нормы во всём их многообразии являются не просто условием, а основой всей социальной безопасности личности, общества и государства. Обществу всегда будет нужен определённый внешний ограничитель в виде социальных норм, мера дозволенного, чтобы социальные процессы всегда подвергались прогнозированию, внесению в них должной меры определённости и структурированности с целью ликвидации возникших и предотвращения ещё только потенциальных угроз и опасностей для общества.

Список литературы

1. Покровская Н.А. Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 1. С. 190-198.
2. Закон РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-I «О безопасности» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу). URL: <http://base.garant.ru/10136200/> (Дата обращения: 31.09.2020).

3. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71296054/> (Дата обращения: 31.09.2020).

4. Пеньков Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности: некоторые вопросы методологии и теории. М.: Мысль, 1972. 198 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения: 31.09.2020).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. От 30.11.1994) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Дата обращения: 31.09.2020).

7. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей: Перевод с английского. М.: Прогресс, 1966. 368 с.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 **PROBLEMS OF ENSURING SOCIAL SAFETY AND SUPPORT OF THE POPULATION IN THE CONDITIONS OF THE COVID-19 PANDEMIC**

Л.Р. Романовская, К.П. Сайфуллина
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
L.R. Romanovskaya, K.P. Saifullina
Lobachevsky University

Исследуются правовые основы режима всеобщей самоизоляции (повышенной готовности), проведено разграничение понятий «самоизоляция» и «карантин». На основе анализа нормативно-правовых актов исследуются меры по обеспечению социальной безопасности и поддержки населения в условиях пандемии COVID-19 как на федеральном, так и на региональном уровне.

This scientific article is devoted to the study of the legal foundations of the regime of general self-isolation (high alert), a distinction is made between the concepts of "self-isolation" and "quarantine". Based on the analysis of the legal and regulatory instruments measures to ensure social security and support the population in the conditions of the COVID-19 pandemic are studied both at the federal and regional levels.

Ключевые слова: режима всеобщей самоизоляции (повышенной готовности), меры по обеспечению социальной безопасности и поддержки населения в условиях пандемии COVID-19

Keywords: General self-isolation regime (high alert), measures to ensure social security and support of the population in the context of the COVID-19 pandemic.

Problems of ensuring social safety and support of the population in the context of the COVID-19 pandemic

30 марта 2020 г. в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции COVID-19 (далее - COVID-19) в России был введен режим полной самоизоляции для всех граждан. В связи с этим для многих стал актуальным вопрос, что включает в себя понятие «режим самоизоляции», и чем самоизоляция отличается от карантина, а также какие меры обеспечения социальной безопасности и поддержки включает данный режим? Данная проблематика снова становится актуальной в связи с так называемой второй волной коронавируса. Рост заболеваемости россиян COVID-19 начался в сентябре, а в октябре вышел на критические отметки. Так, на 10 октября 2020 г. врачи зарегистрировали 13 634 новых случая, что стало рекордным показателем с момента начала пандемии [1].

В одном из своих выступлений член комитета Госдумы по охране здоровья, доктор медицинских наук Борис Давыдович Менделевич обозначил разницу между этими понятиями, указав, что «Самоизоляция – это когда максимальное количество людей находятся в домашних условиях и не контактируют между собой. Карантин же подразумевает более жесткие требования и применяется к инфицированным людям или к тем, у кого есть подозрение на инфекцию» [2].

Под самоизоляцией необходимо понимать комплекс ограничительных мер для населения, которые вводит Президент и Правительство Российской Федерации на определенный срок для борьбы с распространением опасного заболевания. Граждан просят соблюдать установленный режим, не выходить на улицу без острой необходимости, ограничить контакты с другими людьми и соблюдать все рекомендации по профилактике COVID-19, разработанные Роспотребнадзором.

Отличительная черта между двумя этими режимами и в том, что нарушение карантина наказывается жестче, чем нарушение режима самоизоляции. В отличие от карантина, при режиме самоизоляции люди могут покидать свои жилища в некоторых случаях, например, для похода в ближайший продуктовый магазин или в аптеку.

Какова же механика ведения режима самоизоляции или карантина? В федеральном законе «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ в статье 31 указано, что любые ограничительные мероприятия, или карантин, в стране вводит правительство Российской Федерации только после выхода соответствующего предписания главного санитарного врача, главы Роспотребнадзора [3].

Изучив конкретные меры, вводимые в субъектах Российской Федерации, мы можем прийти к выводу, что в разных субъектах меры обеспечения социальной безопасности и поддержки населения отличаются. Это обусловлено конкретными специфическими социально-экономическими и другими особенностями каждого региона страны.

25 марта 2020 г. Президент выступил с обращением и сообщил, что государство поддержит граждан и бизнес в тяжелой сложившейся ситуации. Органам исполнительной власти регионов было рекомендовано временно прекратить проведение досуговых, развлекательных, зрелищных, спортивных, рекламных и других подобных мероприятий с очным присутствием граждан.

Согласно Указу Президента РФ от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней», дни с 30 марта по 3 апреля были объявлены нерабочими [4]. Тем не менее, работу продолжила значительная часть предприятий, а также органы государственной и муниципальной власти.

26 марта 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 26.03.2020 № 67-ФЗ «О внесении изменений в статью 60 ФЗ Об обращении лекарственных средств и статью 38 ФЗ Об основах охраны здоровья граждан в РФ», который позволил Правительству РФ устанавливать предельные отпускные цены производителей на отдельные лекарства и медицинские изделия. Тем самым было запрещено реализовывать и отпускать лекарства и медицинские изделия по ценам, которые с учетом НДС превышают предельные значения.

По итогам заседания Президиума координационного совета при Правительстве РФ по борьбе с распространением COVID-19 на территории РФ было издано Поручение Правительства РФ. Согласно данному акту, с 27 марта 2020 г. было прекращено регулярное и чартерное авиасообщение между Россией и иностранными государствами. При этом важно отметить, были сохранены рейсы для вывоза российских граждан из-за границы.

В целях обеспечения социальной безопасности с 28 марта до 5 апреля 2020 г. органам исполнительной власти субъектов РФ было поручено приостановить деятельность организаций общепита, за исключением дистанционной торговли; предписано приостановить с 28 марта до 1 июня 2020 г. бронирование мест, приём и размещение граждан в пансионатах, в частности в домах отдыха, санаториях, гостиницах, расположенных на курортах.

В целях поддержки до 1 мая 2020 г. в отношении малого и среднего бизнеса инспекцией Федеральной налоговой службы было приостановлено применение мер взыскания.

Банкам, микрофинансовым организациям и кредитным потребительским кооперативам было рекомендовано реструктурировать задолженность физических лиц, у которых была выявлена коронавирусная инфекция. Кроме

того, регуляторная и надзорная нагрузка со стороны государства на финансовые организации временно была снижена.

Торгово-промышленной палатой РФ 24.03.2020 г. было разрешено региональным палатам выдавать заключения о форс-мажоре. Тем самым появилась возможность ускорить процесс засвидетельствования обстоятельств непреодолимой силы, которые не позволяли исполнить обязательства по договорам, заключенным между российскими юридическими лицами.

С 1 апреля 2020 г. начали действовать поправки в Кодексе об административных правонарушениях РФ и в Уголовном кодексе РФ. Так, за невыполнение требований режима повышенной готовности были введены административные штрафы по статье 20.6.1 КоАП РФ: для граждан в размере от 1 000 до 30 000 рублей; для юридических лиц - от 100 000 до 300 000 тысяч рублей [5]. Кроме того, ввели специальную ответственность за реализацию и отпуск лекарств по завышенным ценам.

1 апреля 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», который решил одну из острых актуальных проблем: арендаторы недвижимости получили отсрочку по уплате арендной платы.

Были скорректированы правила проверок бизнеса, предусмотрены изменения в сферах жилищно-коммунальных услуг, государственных закупок, туризма и медицины.

8 апреля 2020 г. в ходе совещания Президента с главами регионов был предложен ряд новых мер: предоставление отсрочки по уплате страховых взносов, расширение круга получателей выплат для семей с детьми, установление специальных выплат медработникам и другие меры поддержки населения.

С 6 апреля до 1 января 2021 г. Правительством был введен запрет взыскивать неустойку в случаях, когда плата за жилье и коммунальные услуги внесена позже срока и (или) не полностью.

В Москве и в других субъектах РФ, в том числе и в Нижегородской области, был введен пропускной режим: граждане были обязаны получать цифровые пропуска для беспрепятственного передвижения по городу.

В дальнейшем Правительство РФ утвердило Положение об оказании социальной поддержки российским гражданам, находящимся на территории иностранного государства и не имеющим возможности вернуться в РФ.

Теперь рассмотрим меры, принятые на региональном уровне, на примере Нижегородской области:

В связи с угрозой распространения в Нижегородской области COVID-19 с 13 марта 2020 г. на территории области был введен режим повышенной

готовности. Были созданы координационный и оперативный штаб по предупреждению распространения коронавирусной инфекции на территории области. В регионе были введены ограничительные мероприятия. Были установлены особые предписания для граждан, прибывшим из иностранных государств либо контактировавшим с больными COVID-19.

Указом Губернатора были установлены требования по соблюдению мер безопасности и рекомендаций по профилактике COVID-19 к организациям, деятельность которых была не приостановлена.

С введением административной ответственности в Кодекс об административных правонарушениях РФ была введена ответственность и на региональном уровне за нарушение требований, установленных Указом Губернатора Нижегородской области от 13.03.2020 №27 «О введении режима повышенной готовности».

Согласно Указу Губернатора №34, был утвержден план первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением COVID-19 в Нижегородской области [6]. Предусмотрены перечни мер финансовой, налоговой, имущественной и инфраструктурной поддержки, а также сроки реализации соответствующих мероприятий. Так, например, на компенсацию затрат на оплату труда работников работодателям была предоставлена финансовая поддержка. Кроме того, было приостановлено назначение плановых проверок. Были введены меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Если говорить о снабжении медицинских организаций, то государственному предприятию Нижегородской области «Нижегородская областная фармация» поручено было обеспечить возможность установки аппаратов искусственной вентиляции легких и экстракорпоральной мембранной оксигенации по заявкам медицинских организаций в соответствии с определенной потребностью в отношении каждого вида оборудования. На период реализации основных общеобразовательных программ обучающиеся были переведены на дистанционное обучение путем применения электронного обучения.

Согласно Указу Губернатора Нижегородской области от 07.04.2020 №53 «О мерах поддержки организаций и лиц, пострадавших от распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» граждане, признанные безработными, получили дополнительную компенсационную выплату за счет средств областного бюджета в размере, необходимом для доведения размера ежемесячного пособия по безработице, получаемого из федерального бюджета, до размера прожиточного минимума трудоспособного населения.

Исходя из вышеизложенного, с учетом анализа мер обеспечения социальной безопасности и поддержки населения, введенных в начале пандемии, мы можем сделать следующие выводы.

В начале пандемии больше было принято мер обеспечения социальной безопасности: отмена рабочей недели, закрытие развлекательных заведений и общепита, прекращение авиасообщения с иностранными государствами. В дальнейшем были введены более строгие меры, административная и уголовная ответственность за нарушение режима самоизоляции. В дальнейшем происходит переориентация с ограничительных мер на меры поддержки граждан и бизнеса. Были определены меры по обеспечению устойчивого развития экономики, правила арендных и кредитных каникул, упрощена процедура государственных закупок, что было необходимо для поставок в медицинские учреждения. Исходя из вышеперечисленных мер, принятых на региональном уровне, мы можем увидеть, что в Нижегородской области, частично или полностью, все-таки был реализован комплекс мероприятий по обеспечению социальной безопасности и поддержки населения в условиях пандемии COVID-19, установленных Указом Президента.

Ситуация с распространением COVID-19 остается сложной, каждый день динамика заболевания меняется, в связи с этим вводятся новые меры в целях обеспечения социальной безопасности и поддержки населения в условиях пандемии COVID-19.

Список литературы

1. Коронавирус монитор: Коронавирус в России. Статистика заражений. [Электронный ресурс]. – URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/russia/> (Дата обращения: 11.10.2020).
2. В Госдуме объяснили, чем карантин отличается от самоизоляции. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2020/04/01/v-gosdume-obiasnili-chem-karantin-otlichaetsia-ot-samoizolii.html> (Дата обращения: 30.07.2020).
3. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [Электронный ресурс]. – URL: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (Дата обращения: 30.07.2020).
4. Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348485/ (Дата обращения: 30.07.2020).
5. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Дата обращения: 30.07.2020).
6. Указ Губернатора Нижегородской области от 25.03.2020 № 34 «Об утверждении Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с

распространением новой коронавирусной инфекции в Нижегородской области» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34281/ (Дата обращения: 30.07.2020).

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАДРОВОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ**
**SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE ORGANIZATION'S
PERSONNEL SECURITY**

Е.С. Тарханова
Пензенский государственный университет,
г. Пенза
E.S. Tarkhanova
Penza state University,
Penza

Отмечается важность обеспечения кадровой безопасности организаций с учётом социально-психологических аспектов, которые пронизывают все функции управления персоналом и должны учитываться при использовании различных технологий противодействия угрозам кадровой безопасности. Особую роль в этом играют социально-психологические методы и технологии, которые направлены на выявление социально-психологических характеристик кандидатов на трудоустройство и сотрудников организации и на эффективное управление персоналом организации.

The article notes the importance of ensuring the personnel security of organizations, taking into account the socio-psychological aspects that permeate all functions of personnel management and should be taken into account when using various technologies to counter threats to personnel security. A special role in this is played by socio-psychological methods and technologies that are aimed at identifying the socio-psychological characteristics of candidates for employment and employees of the organization, and are aimed at effective personnel management of the organization as a whole.

Ключевые слова: безопасность, кадровая безопасность, кадровые риски, конкурентоспособность, психотип, социально-психологические методы, служба безопасности, служба персонала, технологии, угрозы безопасности, управление персоналом

Keywords: security, personnel security, personnel risks, competitiveness, psychotype, socio-psychological methods, security service, personnel service, technologies, security threats, personnel management

В современных социально-экономических условиях, в условиях высокого уровня конкуренции возрастает вероятность и масштаб как имущественных, так и неимущественных потерь организации, причины которых имеют прямое или

косвенное отношение к ее персоналу, профессиональное поведение которого обусловлено различными внешними и внутренними факторами.

Особую важность приобретает социально-психологический аспект обеспечения кадровой безопасности, который необходимо учитывать для понимания личности работника, его характера, ценностных ориентаций, мотивов и стимулов трудового поведения, особенностей взаимодействия членов трудового коллектив и социально-трудовых отношений на различных этапах управления персоналом организации.

Обеспечение кадровой безопасности организации является необходимым элементом комплексной системы корпоративного менеджмента и должно осуществляться с учётом различных аспектов деятельности организации [1, с. 32]. При этом социально-психологические аспекты пронизывают все функции управления персоналом и должны учитываться при использовании различных технологий противодействия угрозам кадровой безопасности организаций и включать:

- отбора и проверки кандидатов на вакантную должность;
- технологию специального обучения персонала методам обеспечения личной и корпоративной безопасности;
- технологию защиты конфиденциальной информации организации от безответственных и нелояльных сотрудников;
- технологии контроля за соблюдением персоналом требований и правил имущественной, информационной, интеллектуальной безопасности работодателя;
- технологии мотивации лояльного и ответственного поведения персонала;
- технологию защиты от нелояльного и неблагонадежного персонала, включающую комплекс мер по оценке степени лояльности, благонадежности персонала, повышению ее уровня, профилактике нежелательного поведения персонала, а также применению дисциплинарных взысканий в отношении нелояльных, безответственных сотрудников [2].

Особую роль в реализации вышеперечисленных технологий играют социально-психологические методы, которые основаны на использовании социального механизма (системы взаимоотношений в коллективе, социальные потребности и т.п.), индивидуального подхода (потребности личности работников) и должны осуществляться по следующим взаимосвязанным направлениям (рисунок 1).

Важными механизмами реализации социально-психологических методов управления является убеждение, вовлечение, информирование, критика, похвала, личный пример руководителя. Использование социально-психологических методов для обеспечения кадровой безопасности организации позволяет своевременно выявлять социально-психологические характеристики кандидатов на трудоустройство (сотрудников), а также учитывать мотивы деятельности и

потребности работников, «включать» механизмы их трудовой мотивации, видеть перспективы изменения конкретной ситуации, принимать оптимальные управленческие решения.

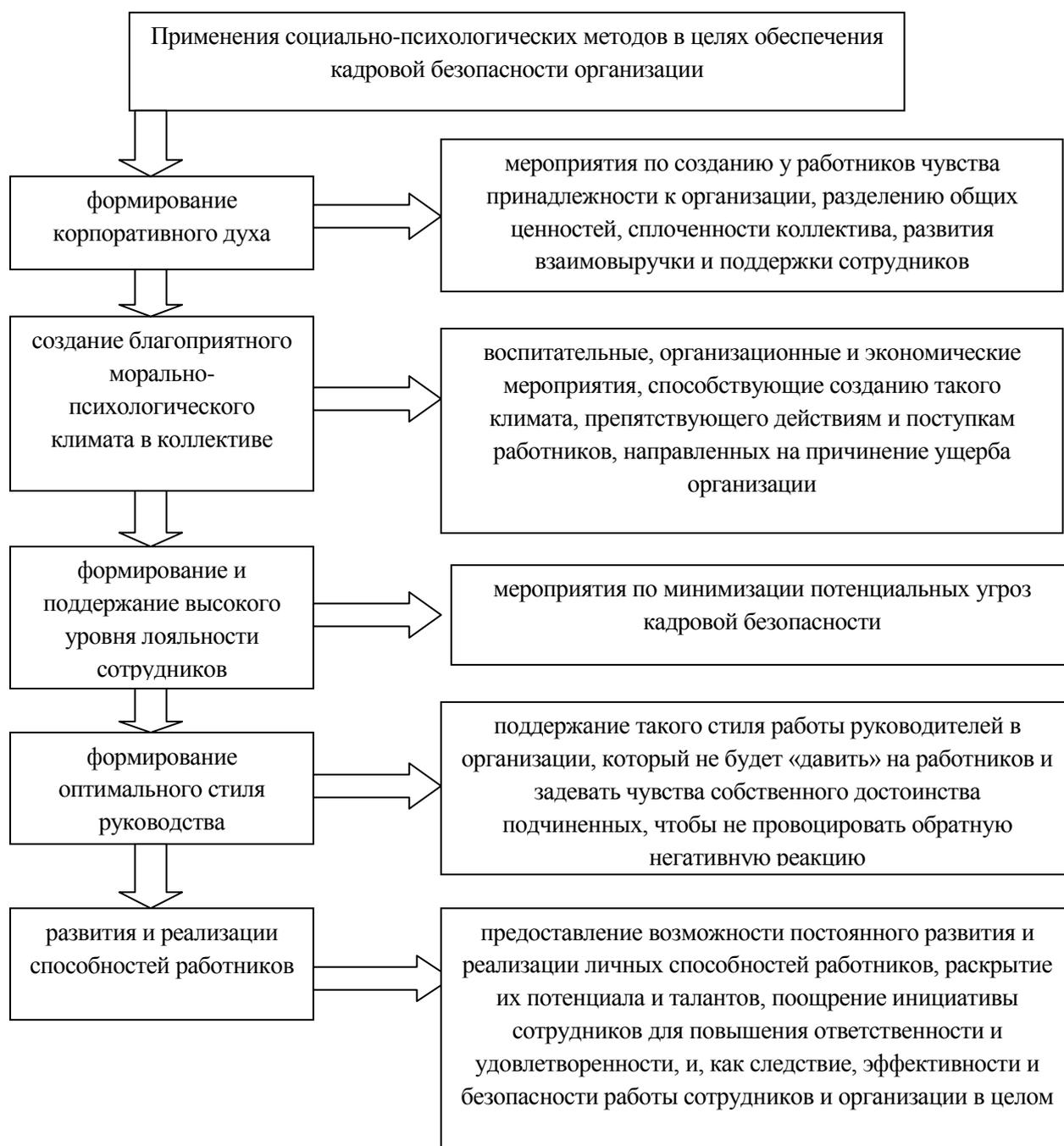

Рис. 1. Направления социально-психологических методов в целях обеспечения кадровой безопасности организации

Приемы и способы социально-психологического воздействия во многом определяются подготовленностью руководителя, его компетентностью, организаторскими способностями и знаниями в области социальной психологии и психологии управления.

Стоит отметить, что методы обеспечения кадровой безопасности должны конкретизироваться с учетом индивидуально-личностных характеристик персонала, быть нацелены на восприятие каждого конкретного работника как потенциального субъекта угроз безопасности организации, поэтому необходим индивидуальный подход к каждой группе сотрудников.

Например, топ-менеджеры формируют стратегию корпоративной безопасности вообще и кадровой безопасности, в частности, принимают решения о выделении необходимых ресурсов на обеспечение безопасности, поэтому могут обойти механизмы контроля с помощью имеющихся полномочий. Их действия могут нанести наибольший ущерб имущественным и неимущественным интересам организации – это воровство, мошенничество, участие в рейдерских захватах компании, угрозы и посягательства извне, участие в другом бизнесе, связи с криминальными структурами [3].

Сотрудники, обеспечивающие корпоративную безопасность (работники кадровой службы, службы безопасности, руководители структурных подразделений, в том числе руководители функциональных направлений обеспечения безопасности) реализуют стратегию и политику обеспечения кадровой безопасности, выполняют функции обеспечения безопасности. В качестве угроз могут выступать их низкая квалификация, вербовка со стороны конкурентов и прочих групп влияния. Для их предотвращения необходимо формирование лояльности, необходимых компетенций, непрерывное повышение квалификации с целью обеспечения корпоративной безопасности.

Особо ценные (ключевые) сотрудники вносят существенный вклад в повышение экономической и интеллектуальной безопасности организации, достижение ее целей, обладают высокой конкурентоспособностью на рынке труда, поэтому могут быть объектом переманивания со стороны конкурентов.

Комплексная работа по обеспечению кадровой составляющей корпоративной безопасности с учётом социально-психологических аспектов, как правило, разделена на три основных этапа:

- деятельность на этапе проверки кандидата и приема его на работу;
- мероприятия на этапе осуществления работником своей основной деятельности (аналогичны контролю его корпоративной лояльности);
- обеспечение корпоративной безопасности на этапе увольнения работника.

Многие функции, реализуемые службой безопасности и службой персонала организации, осуществляются с применением социально-психологических технологий, например, при проверке потенциальной лояльности кандидатов на трудоустройство.

С точки зрения службы управления персоналом, все кандидаты на должность в компанию вместе с уже работающими сотрудниками должны рассматриваться как потенциальная угроза кадровой безопасности.

Наиболее сложные психотехнические технологии используются для выявления потенциально опасных для работодателя личностных качеств кандидата. Здесь основная нагрузка ложится на психолога службы персонала или самой службы безопасности. Любой кандидат обычно хорошо представляет, какие личные качества могут скомпрометировать его в глазах потенциального работодателя, поэтому он будет тщательно скрывать их при написании резюме и в процессе интервью. [4, с. 28] Это определяет необходимость использования специальных психотехнических технологий, таких как:

- специальные методики тестирования, разработанные для выявления скрываемых человеком личностных качеств;

- анализ психологом видеозаписей интервью с кандидатом, его фотографий, сделанных в разной обстановке;

- психографическая экспертиза образцов почерка (например, в Израиле без графологического анализа почерка практически невозможно получить работу в «интеллектуально продвинутых» сферах профессиональной деятельности).

Эти технологии позволяют выявить не только психотип, но и большинство реальных личностных качеств кандидата на трудоустройство.

Следует отметить, что практическая реализация социально психологических методов, подходов, технологий по обеспечению кадровой безопасности и управлению кадровыми рисками организации становится возможной только при условии функционирования в организации эффективной системы персонального менеджмента, в основу которой заложена социально-ориентированная кадровая стратегия, что позволит своевременно реагировать на вызовы окружающей среды и обеспечивать эффективность не только персонал-менеджмента, но и управленческих процессов в целом.

Список литературы

1. Киселева И.А., Симонович Н.Е. Экономическая и социально-психологическая безопасность предприятия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 5. С. 30–34.

2. Кузнецова Н. В. Обеспечение кадровой безопасности как функция управления персоналом // Baikal Research Journal. 2012. №4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-kadrovoy-bezopasnosti-kak-funktsiya-upravleniya-personalom>.

3. Кузнецова Н.В. Методы противодействия угрозам кадровой безопасности организации // Journal of new economy. 2014. №2 (52).

[Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article /n/metody-protivodeystviya-ugrozam-kadrovoyu-bezopasnosti-organizatsii](https://cyberleninka.ru/article/n/metody-protivodeystviya-ugrozam-kadrovoyu-bezopasnosti-organizatsii).

4. Алавердов А.Р. Кадровая безопасность как фактор конкурентоспособности современной организации // Современная конкуренция. 2015. №5 (53). С. 25–38.

**ДИАГНОСТИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УГРОЗ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ
DIAGNOSTICS OF DEMOGRAPHIC THREATS
TO ECONOMIC SECURITY BRYANSK REGION**

В.А. Толкунов

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск

V.A. Tolkunov

Ogarev Mordovia State University, Saransk

Выявляются основные проблемы демографического развития Брянской области, способные стать препятствием на пути устойчивого социально-экономического развития региона.

The article identifies the main problems of the demographic development of the Bryansk region, which can become an obstacle to the sustainable socio-economic development of the region.

Ключевые слова: народонаселение, демографическая ситуация, рождаемость, смертность, естественная убыль, миграция, уровень жизни, доходы

Keywords: population, demographic situation, birth rate mortality, natural decline, migration, living standards, incomes

Потенциальными угрозами экономической безопасности, исходящими из демографической ситуации, может стать сокращение численности населения, ослабление здоровья людей и, как следствие, недостаточность трудовых ресурсов и снижение качества трудового потенциала [1]. Объект данного исследования – Брянская область. Если социально-экономическую ситуацию в данном регионе можно оценить как сравнительно благополучную, то демографическая динамика не может не вызывать опасений. Численность населения Брянской области быстро сокращается: в 2005-2018 гг. жителей в этом регионе стало на 9,6% меньше [2, с. 43]. Это противоречит общей для страны и Центрального федерального округа (ЦФО) тенденции к росту численности населения (Табл. 1).

Как свидетельствует официальная статистика, и по показателям рождаемости, и смертности регион можно отнести к категории неблаго-

получных: по числу родившихся в расчете на 1000 человек населения Брянская область находится на 72-м месте, по числу умерших на 1000 населения – на 73-м месте в стране (2018 г.). В 2005 г. рождаемость в регионе была немного выше, чем среднее значение этого показателя в ЦФО.

Т а б л и ц а 1

Динамика основных демографических показателей в Российской Федерации, Центральном федеральном округе, Брянской области
[2, с. 63, 65, 67, 69, 73, 75, 77, 79]

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
	Общий коэффициент рождаемости, <i>число родившихся на 1000 человек населения</i>									
Российская Федерация	10,2	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	13,3	12,9	11,5	10,9
Центральный федеральный округ	8,7	10,7	10,7	11,4	11,3	11,4	11,7	11,6	10,4	9,9
Брянская область	9,0	10,7	10,9	11,4	11,1	11,0	11,4	10,9	9,5	9,2
	Суммарный коэффициент рождаемости, <i>число детей на 1 женщину</i>									
Российская Федерация	1,294	1,567	1,582	1,691	1,707	1,750	1,777	1,762	1,621	1,579
Центральный федеральный округ	1,160	1,367	1,376	1,470	1,478	1,514	1,575	1,595	1,472	1,441
Брянская область	1,218	1,422	1,464	1,558	1,534	1,557	1,650	1,612	1,434	1,430
	Общий коэффициент смертности, <i>число умерших на 1000 человек населения</i>									
Российская Федерация	16,1	14,2	13,5	13,3	13,0	13,1	13,0	12,9	12,4	12,5
Центральный федеральный округ	17,1	15,2	13,9	13,9	13,6	13,6	13,5	13,5	12,9	12,9
Брянская область	19,8	17,0	16,1	16,2	15,9	16,0	15,8	15,6	15,3	15,2
	Смертность населения в трудоспособном возрасте, <i>число умерших на 100 000 человек соответствующего возраста</i>									
Российская Федерация	827,8	634,0	600,9	575,7	560,9	565,6	546,7	525,3	484,5	482,2
Центральный федеральный округ	793,7	599,3	554,6	538,5	521,9	528,2	496,8	479,5	446,4	446,7
Брянская область	1021,3	720,2	687,0	681,6	652,0	693,3	634,4	606,6	582,2	577,9
	Коэффициент младенческой смертности, <i>число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми</i>									
Российская Федерация	11,0	7,5	7,4	8,6	8,2	7,4	6,5	6,0	5,6	5,1
Центральный федеральный округ	10,0	6,6	6,5	7,8	7,6	6,5	6,0	5,6	5,1	4,8
Брянская область	12,0	7,7	9,2	8,9	8,9	9,2	7,9	7,6	8,1	4,0
	Динамика численности населения, <i>прирост за год; в процентах</i>									
Российская Федерация	-0,4	0,02	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,05	-0,1
Центральный федеральный округ	0,2	0,3	0,2	0,4	0,4	0,3	0,4	0,3	0,3	0,2
Брянская область	-1,2	-0,9	-0,9	-0,9	-0,9	-0,8	-0,6	-0,4	-0,8	-0,9
	Коэффициент естественного прироста населения, <i>на 1000 человек населения</i>									
Российская Федерация	-5,9	-1,7	-0,9	-0,03	0,2	0,2	0,3	-0,01	-0,9	-1,6

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Центральный федеральный округ	-8,4	-4,5	-3,2	-2,5	-2,3	-2,2	-1,8	-1,9	-2,5	-3,0
Брянская область	-10,8	-6,3	-5,2	-4,8	-4,8	-5,0	-4,4	-4,7	-5,8	-6,0
	<i>Коэффициент миграционного прироста, на 10 000 человек населения</i>									
Российская Федерация	20	19	22	21	21	19	17	18	14	9
Центральный федеральный округ	101	74	56	62	60	56	57	45	51	47
Брянская область	-15	-24	-34	-37	-40	-28	-15	4	-20	-30

В последующие годы вплоть до 2012 г. показатели были примерно равны. А с 2013 г. рождаемость в Брянской области, если судить по общему коэффициенту рождаемости, заметно ниже среднего в ЦФО уровня.

В Брянской области под действием мер по стимулированию рождаемости общий коэффициент рождаемости повышался до 11,4 промилле в 2015 г., но уже в 2018 г. был примерно таким же, как и до введения пакета мер по поддержке семей с детьми. Суммарный коэффициент рождаемости в Брянской области традиционно был выше, чем в ЦФО, но в 2017 и 2018 гг. соотношение стало обратным.

Смертность в Брянской области была и остается выше, чем в РФ и ЦФО – в 2018 г. на 21,6% и 17,8% соответственно. Структура смертности в Брянской области имеет свои особенности. Необходимо отметить, что организаторам здравоохранения региона удалось добиться огромных успехов в снижении младенческой смертности. В 2005 г. этот показатель был выше, чем в РФ и ЦФО – 12 умерших детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми против 11 и 10 промилле соответственно. К 2018 г. коэффициент младенческой смертности в Брянской области удалось снизить в 3 раза – до 4 промилле, что соответствует 16-му месту в стране.

Вместе с тем в Брянской области очень высокой остается смертность населения в трудоспособном возрасте – в 2018 г. ее уровень на 20% превышал общероссийское значение и почти на 30% – соответствующий показатель по ЦФО. Значительно чаще, чем в РФ и ЦФО, причинами смерти населения Брянской области являются болезни системы кровообращения – показатель был на 26 – 27% больше. От онкологических заболеваний в регионе люди умирают тоже гораздо чаще, чем жители других российских регионов – соответствующий показатель был на 18 – 24% больше, чем в РФ и ЦФО (2018 г.).

Тот факт, что в структуре заболеваемости населения Брянской области на эти группы болезней приходится примерно такая же часть, как и в стране в целом [2, с. 395, 407], а умирают от этих болезней значительно чаще, дает

основания предполагать наличие дефектов в диагностике. Специалисты медики должны оценить организацию охраны здоровья в регионе и предпринять соответствующие меры. О том, что в регионе сохраняются проблемы в части здравоохранения говорят и другие показатели: по числу больничных коек на 10 000 чел. населения Брянская область находится на 65-м месте, по численности врачей на 10 000 чел. населения – на 70-м месте в стране [2, с. 383].

Обращают на себя внимание и особенности структуры заболеваемости населения Брянской области. Гораздо чаще, чем в стране в целом, в этом регионе диагностируются болезни органов пищеварения – в 2018 г. на 1000 чел. населения в РФ было впервые установлено 33,1 диагноза, в ЦФО – 23,2 случая, в Брянской области – 53,2 случая заболевания [2, с. 411].

Продолжительность жизни населения Брянской области традиционно ниже среднего в стране уровня и ЦФО. В 2018 г. показатели были равны 71,7 года и 72,9 года соответственно (51-е место в РФ). Особенно большой разрыв отмечается в продолжительности жизни мужчин. Если по продолжительности жизни женщин регион занимает 32-е место в стране, то продолжительности жизни мужчин – только 61-е место [2, с. 79].

Но особое беспокойство вызывает тот факт, что по продолжительности здоровой жизни Брянская область занимает одно из последних мест в стране. В 2018 г. этот показатель составлял 55,7 года. Более низкие значения этого индикатора были характерны только для 2 российских регионов – Чукотского АО (49,1 года) и Еврейской АО (53 года) [2, с. 37 – 38].

Значительно усугубляет демографическую ситуацию в Брянской области эмиграция. Вследствие оттока населения регион ежегодно теряет 0,2 – 0,4% населения (Табл. 1).

Проведенный анализ показал, что для Брянской области на современном этапе ее демографического развития характерно быстрое сокращение населения (примерно на 1% ежегодно в среднем в 2005 – 2018 гг.) под одновременным воздействием большой естественной убыли и значительного миграционного оттока.

Качество жизни людей страдает из-за плохого здоровья, что подтверждается одним из самых низких в стране показателей продолжительности здоровой жизни. Причинами сложившейся ситуации может быть низкий уровень организации диагностической работы, что подтверждается высокой смертностью от отдельных заболеваний при умеренной заболеваемости.

Другой причиной проблем со здоровьем жителей Брянской области является их образ жизни. Согласно статистике, доля граждан, ведущих здоровый

образ жизни, в Брянской области в 2,2 раза ниже, чем в среднем в стране (5,5% против 12% в РФ и 11% в ЦФО [2, с. 36]). Выявленные особенности современного этапа демографического развития Брянской области могут стать ограничением для поступательного экономического развития региона, что требует корректировки реализуемой в регионе социально-демографической политики.

Эффективность мер по стимулированию рождаемости, судя по суммарному коэффициенту рождаемости, в последние годы снижается. Требуется активизация работы по популяризации ответственного родительства, а также введение дополнительных мер, направленных на поддержку семей с детьми.

Основной резерв снижения смертности – предотвращение преждевременной смерти. Особого внимания со стороны организаторов здравоохранения региона требуют диагностика и лечение сердечнососудистых и онкологических заболеваний, смертность от которых в Брянской области значительно выше, чем в РФ. Улучшению здоровья населения будут также способствовать меры по пропаганде здорового образа жизни, созданию условий для развития массового спорта, вовлечению населения в занятия физической культурой.

Список литературы

1. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (Дата обращения: 10.03.2020).
2. Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. М, 2019. – 1204 с.

АСПИРАНТСКАЯ ШКОЛА

**«СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»**

**ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ПАРЛАМЕНТАРИЯ: ОПЫТ
БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**
**PORTRAIT OF A YOUNG PARLIAMENTARIAN: BIOGRAPHICAL
RESEARCH EXPERIENCE**

Д.А. Данилов, М.В. Малинин
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
D.A. Danilov, M.V. Malinin
Lobachevsky University

Рассматривается опыт биографического метода исследования на примере личностной стратегии члена VI состава Молодёжного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области. Авторами отмечены наиболее успешные социальные практики личности через канал молодежных общественных организаций.

This article examines the experience of the biographical research method on the example of the personal strategy of a member of the VI Youth Parliament at the legislative Assembly of the Nizhny Novgorod region. The authors noted the most successful social practices of the individual through the channel of youth public organizations.

Ключевые слова: молодежная политика, молодежь, биографический метод
Keywords: youth policy, youth, biographical method

Личность как продукт социокультурного воздействия является одним из ключевых объектов исследования в поле зрения социолога наряду с общественными структурами, институтами и социальной реальностью. Особое значение при изучении феномена личности имеет биографический метод исследования, с помощью которого социолог получает разнообразную информацию о содержании и структуре личности. Использование данной методики при сборе информации позволяет получить более детальные сведения о конкретном периоде жизни индивида. Например, о карьере, профессиональном становлении личности, периоде обучения, о межличностных отношениях. Преимуществом данной методики является то, что с её помощью можно изучать разрозненные в пространстве и времени социальные меньшинства [1]. Биографический метод дает возможность проникнуть в

«историю» жизни отдельно взятой личности и проследить ее развитие, основываясь на детальном и мотивированном описании, которое можно получить из личных дневников, личных бесед или интервью, мемуаров.

Молодежный парламентаризм как явление получило свое развитие в начале 1990-ых годов. Политическое участие молодежи в общественно-политической деятельности является одним из важнейших направлений в западной и отечественной политической науке [2]. Цель данных тезисов – выявление типичных черт, присущих целой группе на основании анализа одного представителя. Благодаря биографическому методу, широко используемому в социологии, можно сфокусироваться на уникальных аспектах истории жизнедеятельности личности [1]. Такая методика представляет собой авторские данные, с помощью которых исследователю выпадет возможность определения социальной реальности. Источником для анализа молодежного парламентаризма послужил авторский субъективный опыт участия в общественно-политической жизни региона и страны.

Исходя из биографического материала, один из авторов отмечает: «начало моей общественно-политической деятельности – ноябрь 2017 года. На протяжении 2016 г. по настоящее время мне посчастливилось побывать на таких площадках, как Всероссийский форум «Территория смыслов на Клязьме», областная школа актива «Молодёжный лидер» и «Всемирный фестиваль молодежи и студентов 2017» и ряда других крупных мероприятий. Всё это в совокупности с самообразованием и самовоспитанием придало уверенности в своих силах, благодаря чему начал создавать вокруг себя, на базе студенческого объединения Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, систему, способную воспитать лидеров, готовых создать крепкую команду. С июля 2019 г., являясь членом VI Молодёжного парламента Нижегородской области, предложил решение в области образования, культуры, молодежной политики и здравоохранения» [3]. Смысловой посыл «Всемирного фестиваля молодежи и студентов» определил вектор развития социально-психологических аспектов личности, обозначил некоторую жизненную стратегию. В последнее время социальное проектирование является одним из важнейших инструментов формирования общественной жизни страны, содействуя самореализации. Большинство молодежно-консультативных совещательных органов (Молодежный парламент, палата, правительства, дума) заинтересованы в мотивации, профессионализме, наличии портфолио будущих кандидатов. Следовательно, политический путь большинства молодых парламентариев лежит через участие в форумной кампании, проводимой Федеральным агентством по делам молодежи «Росмолодежь» в летний сезон. На таких

мероприятиях проводится цикл образовательных лекций с медийными персонами, направленных на обогащение кругозора и интерпретацию чужого опыта.

В современном обществе подготовка молодых кадров является важнейшим направлением во внутренней политике любого государства. В связи с этим возникает вопрос о формировании эффективной площадки. Будущее молодых политиков и управленцев должно зависеть от качества полученных знаний в образовательных учреждениях страны. Однако основная проблема в том, что образовательные учреждения нашей страны не создают нужных условий для формирования их лидерских качеств. На наш взгляд, в образовательных учреждениях обучающиеся должны примерить во время учебного процесса на себя роль руководителя, чтобы в будущем не возникало никаких проблем во взаимоотношении с подчинёнными и вышестоящим руководством. Для этого необходимо проведение специальных занятий, курсов и мастер-классов, деловых игр, для развития управленческих качеств в начинающем политике. Однако самообразования крайне мало, как показывает практика, не каждый способен эффективно научить себя этим навыкам. Лидерские школы хороши, однако, далеко не все граждане нашей страны о них имеют информацию. На них присутствует примерно 1/10 от всего количества молодёжи Российской Федерации. Происходит это от нехватки информации или же от того, что она плохо распространяется по образовательным учреждениям, которые мало заинтересованы в том, чтобы их учащиеся посещали данные образовательные площадки. Следовательно, государственная молодежная политика осознает значимость разнообразных лидерских школ, форумных кампаний, открытых мастер-классов и тренингов, а также больших и малых фестивалей, способных воспитать хорошего управленца, однако имеются некоторые управленческие проблемы в их организации, подборе интерактивного формата в условиях эпохи цифровизации.

Таким образом, биографический метод позволяет сконструировать типичный портрет молодого парламентария. Основная особенность молодых политиков XXI века заключается в повышенной мотивации, стремлении к созидательным действиям через различные инструменты государственной молодежной политики путем реализации социальных проектов.

Список литературы

1. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1998. 208 с.
2. Пастухова Л.С. О молодежном парламентаризме в Российской Федерации // Право и политика. 2007. № 7(91). С. 123–129.

3. Малинин М.В. Проектные инициативы Молодежного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области в сфере здоровьесбережения // Материалы международной научно-практической конференции «Здоровье как ресурс: V. 2.0.» Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. С. 505–507.

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА: ВЗГЛЯД
РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**
**SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS: THE VIEW OF RUSSIAN
RESEARCHERS**

Л.С. Данилова
*Национальный исследовательский университет
«Высшая Школа Экономики»,
г. Нижний Новгород*
L.S. Danilova
*National Research University Higher School of Economics,
Nizhny Novgorod*

Работа представляет собой комплексный обзор современных российских исследований, посвященных социальной ответственности бизнеса. Определены 4 тематических блока, рассматриваемых российскими авторами в отношении социальной ответственности бизнеса: определение понятия, подходы к социальной ответственности, зарубежные и российская модели социальной ответственности, управление социальной ответственностью в организации.

The paper is a comprehensive review of contemporary Russian research on the social responsibility of business. There are 4 thematic blocks considered by Russian authors in relation to the social responsibility of business: definition of the concept, approaches to social responsibility, foreign and Russian models of social responsibility, management of social responsibility in an organization.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, подходы к социальной ответственности бизнеса, модели социальной ответственности бизнеса, управление социальной ответственностью бизнеса

Keywords: social responsibility of business, approaches to social responsibility of business, models of social responsibility of business, management of social responsibility of business

Социально-экономические изменения национального и мирового масштаба вызывают интерес к вопросам социальной ответственности бизнеса не только с прикладной, но и с теоретической точки зрения, в связи с необходимостью объективизации оценки происходящих процессов, определения закономерностей их развития, прогнозирования дальнейших

сценариев. На современном этапе сделать это достаточно сложно, так как исследования в области социальной ответственности при первом рассмотрении выглядят несколько однообразно и в большинстве своем рассматривают ее через призму отношений с государством, особое внимание уделяя вопросам социальной защиты работника. В этой связи требуется концептуальное осмысление этого явления, чтобы (1) получить наиболее полное представление о тех вопросах, которые рассматриваются в отношении понятия «социальная ответственность бизнеса», (2) рассматривая тот или иной аспект социальной ответственности, обладать «точкой отсчета», выраженной в современной исследовательской его оценке.

Основной метод данного исследования – контент-анализ 200 российских публикаций, индексируемых в РИНЦ, посвященных вопросам социальной ответственности бизнеса. В ходе обработки текстового массива удалось выделить 4 «сюжетные линии», которые исследователи рассматривают, анализируя вопросы социальной ответственности бизнеса. Приведем краткое описание каждого из них.

Содержание понятия

При рассмотрении социальной ответственности бизнеса на теоретическом уровне обнаруживается отсутствие единого подхода к ее определению, что отмечается в довольно большом количестве исследований [См., например, 1]. В ходе анализа широкого спектра определений открылась возможность выявить некоторые смысловые блоки, которые исследователи чаще всего включают в определение социальной ответственности:

1) Интерпретация социальной ответственности как явления (социальная ответственность может быть «концепцией», «набором принципов», «стратегическим инструментом»);

2) Характер социальной ответственности (в некоторых определениях подчеркивается добровольный характер социальной ответственности, в некоторых она называется «обязанностью», «объективной необходимостью»);

3) Границы социальной ответственности (в отношении сфер, которые она должна охватывать – экономическую, экологическую, этическую; в отношении закона – предполагает социальная ответственность выход за установленные законом рамки или нет; в отношении заинтересованных сторон – сотрудников, их семей, заказчиков, государства);

4) Цели социальной ответственности (социальная ответственность должна приносить пользу, улучшать качество жизни общества)

Современные подходы к социальной ответственности бизнеса

В ходе исследования были выявлены три основные классификации, в соответствии с которыми российские исследователи определяют ту или иную форму проявления социальной ответственности бизнеса:

- По отношению к среде организации (бывает внутренней и внешней: внутренняя ответственность подразумевает любые внутриорганизационные социальные инициативы, касающиеся сотрудников, внешняя – те, что реализуются по отношению к агентам, не принадлежащим организации);

- В соответствии с масштабом (уровнем) ее проявления в организации (реализуется на базовом, втором и высшем уровнях: базовый уровень предполагает исполнение определенных законом обязательств, второй – повышение качества жизни сотрудников и местного сообщества, высший – благотворительность и меценатство);

- В соответствии с типом проявления (экономическая – как задача по выстраиванию финансовой стратегии в соответствии с социальной ориентированностью бизнеса; экологическая). Отмечается, что в рассмотренных исследованиях недостаточное внимание уделяется вопросам правовой, этической и филантропической ответственности бизнеса.

Российская и зарубежные модели социальной ответственности бизнеса

В отношении принципов социально ответственного поведения предприятий дискурс в научных публикациях строится преимущественно вокруг американской, европейской и российской моделей [См., например, 2]:

- Американская модель. Отличительной особенностью является минимальная степень государственного вмешательства в вопросы социальной ответственности предприятий. Для компаний созданы условия, стимулирующие реализацию социальных программ и оправдывающие их финансовую целесообразность (речь идет как о прямой денежной отдаче в виде налоговых послаблений, так и о долгосрочных инвестициях в укрепление репутации);

- Европейскую модель отличают серьезные требования государства и общества к социальным инициативам бизнеса, высокая степень регламентированности таких инициатив. Европейские страны активно вовлекают пенсионеров и бедные слои населения в деятельность бизнеса;

- Российская модель находится на этапе формирования, в том числе потому, что не разработана система поощрения социально ответственных предприятий, происходят изменения в культуре социально ответственного предпринимательства. Одной из отличительных особенностей российской модели является низкая степень вовлеченности малого и среднего бизнеса в вопросы социальной ответственности.

Стейкхолдеры социальной ответственности бизнеса

В ходе анализа стейкхолдеров социальной ответственности бизнеса [См., например, 3] обнаружилось, что в научной литературе декларируется возможность и необходимость равного отношения организаций ко всем заинтересованным сторонам. Однако на практике этот тезис находит применение лишь отчасти: положение российского бизнеса заставляет его удовлетворять интересы преимущественно ключевых стейкхолдеров. Основными стейкхолдерами для бизнеса в России в аспекте социальной ответственности являются государство и общество: при этом, в вопросах социальной ответственности бизнес отводит государству системообразующую роль; что же касается общества – организации замечают усиление социального контроля с его стороны, что связано с появлением новых каналов коммуникации между бизнесом и представителями общественности.

Управление социальной ответственностью

Менеджмент социальной ответственности в российских исследованиях рассматривается преимущественно через призму социальной отчетности [См., например, 4].

1) В наиболее широком, глобальном контексте, обсуждение начинается с анализа деятельности организаций, контролирующей социальную ответственность бизнеса на международном уровне (ООН, Международная организация социальной отчетности, Совет ЕС), а также регламентирующих документов (Всеобщая декларация прав человека, Конвенция МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда, Декларация по окружающей среде и развитию и др.). На основе таких документов формулируются стандарты социальной ответственности, среди которых наиболее известны GRI, AA1000, ISO.

2) На российском уровне отмечается преобладание национальных стандартов социальной отчетности по отношению к международным. Наиболее пристальное внимание исследователи уделяют анализу стандарта ИСО 26000. Акцентируется внимание на деятельности организаций, способствующих повышению уровня социальной ответственности российских предприятий (РСПП, Ассоциация менеджеров России), проводится анализ инициированных ими документов, фиксирующих основополагающие принципы социальной ответственности, в особенности Социальной хартии российского бизнеса. Отдельного внимания заслуживает тема индексов для оценки степени социальной ответственности бизнеса. Обзор литературы демонстрирует, что к числу наиболее используемых для анализа деятельности российских предприятий относятся индекс Доу-Джонса по устойчивому развитию, а также индекс «Ответственность и открытость».

В качестве итога предложим схематичную модель, отражающую основные тематики российских исследований в области социальной ответственности бизнеса (Рис. 1).

Рис. 1. Социальная ответственность бизнеса: обзор российских исследований

Список литературы

1. Петрунин Ю.Ю., Пурлик В.М. Корпоративная социальная ответственность: поиск методологических оснований // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2015. №3. С. 19–33.
2. Даньшина В.В. Зарубежный опыт реализации социальной ответственности бизнеса // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. №40. С. 152–170.
3. Дуденков Д.А. Корпоративная социальная ответственность бизнеса и развитие теории стейкхолдеров // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. С. 400.
4. Лебедев И.В. Корпоративная социальная ответственность в контексте устойчивого развития: вопросы анализа отчетности // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2013. №1 (1). С. 175–181.

**ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ПОВЕДЕНИЯ СУПРУЖЕСКИХ ПАР
ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА
В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ПРАКТИК
TRENDS IN MARRIED COUPLES' DIVORCE BEHAVIOR
IN THE CONTEXT OF FAMILY LAW PRACTICE**

О.Г. Жукова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
O.G. Zhukova
Lobachevsky University

Описываются основные тенденции взаимодействия супругов в случае расторжения брака, рассматриваются модели поведения супругов при решении имущественных споров между собой на основании применения судами Российского семейного законодательства.

It describes the main trends in the interaction of spouses in the event of a marriage dissolution and considers the models of behavior of spouses in resolving property disputes between them, based on the application of Russian family law by the courts.

Ключевые слова: динамика института брака, индивидуализация супружеского поведения, практика применения семейного законодательства

Keywords: dynamics of marriage institution, individualization of marital behavior, practice of family law application

Изменения в одном социальном институте, как правило, приводят к изменениям в других, следовательно, институт брака постоянно адаптируется к изменениям в обществе, что находит отражение в динамике семейно-правового поведения.

Для объяснения характера и направленности происходящих процессов трансформации института брака Т.А. Гурко [1] рекомендует исследовать вопросы изменения семьи, с точки зрения институционального подхода.

Поведение супругов проявляется в практическом взаимодействии между собой и регулируется определенными правилами, в том числе юридическими нормами. Судебные постановления (как результат правоприменительной практики) по делам о расторжении брака и о разделе совместно нажитого имущества супругов можно рассматривать как один из индикаторов изменений института брака, поддающихся количественной оценке. К таким индикаторам могут быть отнесены и брачный договор, и соглашение о разделе совместно нажитого имущества.

Материалом для анализа послужили судебные постановления в количестве 100, принятые судами по делам о расторжении брака и разделе совместно нажитого имущества супругов на территории Российской Федерации за период 2010-2019 гг., а также официальные статистические данные Министерства Юстиции России. Сделать анализ всего массива судебных постановлений не представляется возможным по причине ограниченного количества опубликованных решений суда, а также в связи с тем, что при размещении в сети Интернет и в базе данных справочных правовых систем «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ» обезличена большая часть информации, содержащей персональные данные и даты.

Из судебных постановлений, попавших в распоряжение автора, по делам о расторжении брака супругов следует, что супруги с момента прекращения ведения совместного хозяйства и прекращения семейных отношений обращаются в суд с исковым требованием о расторжении брака только через несколько месяцев после распада семьи. Иногда заявлению о расторжении брака предшествует иск о разделе совместно нажитого имущества.

В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации существует два вида правового режима имущества супругов: законный и договорный. В силу статьи 33 Семейного кодекса Российской Федерации законный режим имущества супругов (режим совместной собственности, без определения долей в праве) действует, если брачным договором не установлено иное. То есть, изменить режим совместной собственности на имущество супруги могут только в случае заключения брачного договора.

Как следует из судебных решений, поведение семейных пар при разделе совместно нажитого имущества представлено несколькими группами:

1) раздел имущества осуществляется по брачному договору или соглашению о разделе совместно нажитого имущества (информация об отсутствии имущественного спора указана в решении суда: «Спор о разделе совместно нажитого имущества между истцом и ответчиком отсутствует, поскольку «дата» заключен брачный договор»).

2) один или оба супруга с целью уменьшения размера доли супруга в совместно нажитом имуществе имеют желание причинить вред супругу-инициатору прекращения семейной жизни и готовы на совершение не всегда легальных действий, например, заключают фиктивный договор займа для увеличения объема общих обязательств супругов, подлежащих разделу, оформляют имущество, приобретенное за счет совместных денежных средств, на близких родственников (родителей или детей) [2].

3) диаметрально противоположно действуют супруги при разделе совместно нажитого имущества, если инициатором судебного процесса

является кредитор, например, банк. С целью сохранения имущества супруги заключают брачный договор, по условиям которого большая часть имущества передается в собственность супруга, не имеющего долговых обязательств, а в собственность должника – имущество с наименьшей стоимостью, либо договоры дарения на имя близких родственников с целью сохранения имущества [3].

Как было указано выше, институт брачного договора позволяет установить альтернативные правила взаимодействия супругов, касающиеся имущественных отношений как до заключения брака, так и в период совместного проживания.

В России брачный договор заключается крайне редко, вывод основан на данных официальной статистики. С 2011 г. Министерство Юстиции России публикует на своем официальном сайте статистические данные по количеству заключенных брачных договоров на территории всей страны, а также по субъектам Федерации.

Данные статистики по количеству заключенных брачных договоров представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Количество заключенных брачных договоров за период с 2011 по 2019 гг. [4]

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация [5]	40200	45915	48191	56568	46460	72005	88672	109640	114352
Нижегородская область	866	1039	909	1120	836	1355	1212	1548	1699
Республика Крым	-	-	-	26	101	154	280	576	1073
Город федерального значения Севастополь	-	-	-	23	79	164	279	525	857

Количество заключенных браков отражено в таблице 2.

На основании приведенных данных следует, что в России брачный договор заключается крайне редко. При этом на количество заключенных брачных договоров не повлияло присоединение города федерального значения Севастополя и республики Крым. Количество брачных договоров стало стабильно и заметно увеличиваться лишь с 2015 г.

Количество заключенных браков за период с 2011 по 2019 гг. [6]

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	1317336	1214526	1226353	1217149	1161815	986455	1049224	967056	951074
Нижегородская область	28491	27050	26959	27159	25531	21565	22860	20629	19574
Республика Крым	-	-	-	8662	17417	13493	14432	13166	13244
Город федерального значения Севастополь	-	-	-	2249	4677	4003	4320	3835	3825

Изменяя режим совместной собственности на имущество, супруги чаще всего приходят к соглашению об установлении индивидуальной (личной) собственности на имущество, приобретенное в браке, и формулируют такое условие в брачном договоре следующим образом: все имущество, приобретенное каждым из супругов после заключения брака, является собственностью того, на чье имя оно оформлено и на него сохраняется режим раздельной собственности [7]. Единичны случаи включения личного имущества супругов в состав совместного [8].

Таким образом, условия брачных договоров и увеличение их количества, могут свидетельствовать об индивидуализации брака.

На основании результатов анализа судебной практики брачный договор может быть рассмотрен в качестве способа:

1) оформления прекращения семейной жизни и ведения общего хозяйства, что является признаком скорого расторжения брака (исходя из решений суда о разделе совместно нажитого имущества) [8];

2) сохранения финансового благополучия членов семьи и их защиты от вмешательства кредиторов (следствие принятия закона «О банкротстве физических лиц» в 2015 г. [9]).

Анализ содержания судебных постановлений по спорам между супругами дает понимание об изменении поведение супругов в зависимости от причин и цели обращения в суд: взаимоподдержка и взаимозависимость внутри института брака может увеличиваться или снижаться. Полученные результаты подтверждают тенденции конвергенции-дивергенции института брака, в том числе под воздействием института права.

Указанные выводы согласуются с траекторией динамики семьи и брака, описанной Татьяной Александровной Гурко в работах, посвященных изучению тенденций изменения института семьи.

Список литературы

1. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 1. С. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052.

2. См. в частности: Апелляционное определение СК по гражданским делам Орловского областного суда от 15 марта 2016 г. по делу № 33-749/2016. Апелляционное определение СК по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 31 мая 2016 г. по делу № 33-3463/2016. Апелляционное определение СК по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 12 января 2017 г. по делу № 33-233/2017. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 16 октября 2019 г. по делу № 33-45505/2019. Апелляционное определение Московского городского суда от 04 июля 2016 г. № 33-25594/16. Доступ через коммерческую версию СПС «ГАРАНТ».

3. См. в частности: Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 26 ноября 2019 года по делу № 33-13243/2019. Также: Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 04 февраля 2020 года по делу №33-295/2020. Доступ через коммерческую версию СПС «ГАРАНТ».

4. Таблица составлена на основании официальных статистических данных, размещенных на сайте Министерства Юстиции Российской Федерации, <http://minjust.gov.ru/ru/about/statistics>.

5. Количество брачных договоров указано с учетом соглашений, удостоверенных нотариусами государственных нотариальных контор.

6. Таблица составлена на основании официальных статистических данных, размещенных на сайте Министерства Юстиции Российской Федерации, <http://minjust.gov.ru/ru/about/statistics>.

7. См. в частности: Апелляционное определение Московского городского суда от 16.04.2018 по делу № 33-15858/2018, Кассационное определение СК по гражданским делам Кировского областного суда от 01 февраля 2011 г. по делу № 33-361. Доступ через коммерческую версию СПС «ГАРАНТ».

8. См. в частности: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда от 10 сентября 2019 г. № 18-КГ19-82: Как установлено судом и следует из материалов дела, Ульяновченко СВ. и Кондрашева И.И. состояли в браке с 20 декабря 2012 года. Брак расторгнут 7 июня 2017 года, 15 апреля 2017 года между Ульяновченко СВ. и Кондрашевой И.И. заключён брачный договор (также подтверждается довод о том, что брачный договор – «предвестник» прекращения брака - О.Г.). 3 мая 2017 года Ульяновченко СВ. и Кондрашева И.И.

заключили нотариально удостоверенное соглашение о разделе имущества между супругами. По условиям данного соглашения, квартира, приобретённая на имя Ульяновченко СВ. по договору участия в долевом строительстве от 14 ноября 2011 года (до регистрации брака - О.Г.), является общей совместной собственностью супругов. Доступ через коммерческую версию СПС «ГАРАНТ».

9. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. №154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступил в силу 30 июня 2015 г., за исключением статей 2, 4, 5, пунктов 1 - 5, 7, 8, 10 - 12, 14 - 19, 21 - 25 статьи 6, статей 7 - 10, части 4 статьи 14, вступающих в силу с 1 октября 2015 г. и пунктов 6, 9, 13 и 20 статьи 6, вступающих в силу 28 сентября 2015 г. Текст Федерального закона опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 30 июня 2015 г., в «Российской газете» от 3 июля 2015 г. № 144, в Собрании законодательства Российской Федерации от 6 июля 2015 г. № 27 ст. 3945.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

SOCIAL SECURITY OF AN INDIVIDUAL UNDER UNCERTAINTY

Н.М. Кузнецова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
N.M. Kuznetsova
Lobachevsky University

Социальная безопасность личности является неотъемлемой частью его психологического, физиологического и трудового здоровья. Проявление ситуаций неопределенности во всех областях деятельности человека формирует новые виды коммуникации и взаимодействия, восприятия окружающей действительности, делая невозможным процесс прогнозирования результатов, приводя к потере чувства безопасности (защищенности).

Social security of a person is an integral part of his psychological, physiological and labor health. The manifestation of situations of uncertainty in all areas of human activity forms new types of communication and interaction, perception of the surrounding reality, making it impossible to predict the results, leading to the loss of a sense of security.

Ключевые слова: социальная безопасность, неопределенность, пандемия, угроза, защищенность, личность, негативное влияние, информация

Keywords: social security, uncertainty, pandemic, threat, personality, negative impact, information

Проблема безопасности затрагивает все сферы нашего общества. Особенно актуальным данный вопрос является в настоящее время, поскольку ситуация с пандемией сформировала иные правила поведения, выстроив новые границы и требования для взаимодействия всех членов организационной среды.

Главной составляющей любого сегмента общества является личность, без поддержания социальной безопасности которой невозможно гармоничное развитие как социума, так и отдельной персоны. Запрос общества на безопасность нашел отражение в многочисленных законодательных актах федерального и регионального значения.

Социальную безопасность личности можно охарактеризовать как систему взаимодействия субъектов деятельности между собой и социальной средой, при осознании личностью возможности ее негативного воздействия. Владение умениями и навыками противостояния возникающим опасностям позволяет эффективно реализовывать свои компетенции и удовлетворять потребности в процессе успешного взаимодействия с другими участниками данного процесса [1].

Эпидемия Covid 19 отодвинула такие серьезные вызовы, как мировая война, экономический кризис, международный терроризм, экологическая катастрофа, став глобальной проблемой, сформировав напряженное и некомфортное поле для человека, опасное в его субъективном восприятии не только для деятельности, но и жизни.

Одной из причин негативного ощущения действительности является неопределенность, которая отягощается динамично меняющейся внешней средой, цифровизацией общества, в том числе активным расширением интернет пространства, информатизацией части трудовых функций, вследствие чего происходит размывание психологических границ [2] индивида, чувства причастности, значимости, уверенности в будущем и, как следствие, безопасности.

Неопределенность выступает в качестве сложного полифункционального концепта, изучаемого различными науками, требуя введения таких определений, как толерантность и интолерантность к неопределенности [3]. Люди, устойчивые и адаптивные к условиям неопределенности, являют собой качественный и эффективный инструмент в решении сложных и инновационных управленческих задач. Особенно нуждаются в поддержке люди, неустойчивые к проявлениям неопределенности, которые способны вовлечь в свои страхи и неуверенность окружающих, с которыми взаимодействуют в процессе различных видов деятельности.

Исследованию неопределенности, типологии проблем принятия управленческих решений, взаимодействия с рисками, поведенческим аспектам

человека в ее условиях посвящено множество работ как зарубежных, так и отечественных авторов: М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури, Н.Я. Петраков, Р.М. Качалов, В.И. Ротарь, Т.В. Корнилова, В.А. Шапкин, Г.А. Костанян, С.Б. Поляков, А.И. Сидоренко, В.П. Щербина. Возросший в последние полгода интерес к данной проблеме обусловлен возникшей ситуацией с распространением вируса нового типа и, как следствие, трансформацией всех сфер жизни общества.

Наиболее часто встречающееся определение связано с неопределенностью как мерой информации (ее количества, качества, уверенности в ее достоверности и важности). Полнота информации свидетельствует об определенности ситуации. Обмен информацией должен осуществляться в процесс коммуникации субъекта и организационной среды [4].

Неопределенность влечет за собой разные формы поведения людей, отражаясь на их взаимодействии не только в профессиональной среде, но и бытовой. Так, например, Н.Н. Талеб выделяет два типа людей, придерживающихся определенной стратегии жизни в условиях неопределенности: «турист», планирующий свой маршрут действия и развития; «рациональный фланер», ищущий оптимальный путь движения, перестраивая его в зависимости от ситуации [5].

Неопределенность имеет ряд свойств, как положительную, так и отрицательную окраску. Для бизнеса она может выступать деструктивным элементом, препятствующем формированию эффективной долгосрочной стратегии развития, способности удерживать конкурентноспособность в современном динамично меняющемся экономическом пространстве. Качественно и быстро принятые решения зависят от полноты, актуальности и своевременности поступившей информации. Потеря времени и правильности суждений ведут к негативным результатам.

С другой стороны, неопределенность может стать идеальным полем для раскрытия потенциала личности и новых возможностей. Правильно расставленные приоритеты и цели позволяют добиться высоких результатов. Неопределенность выступает источником риска и предполагает возможность выбора, который рождается по причине неоднозначности происходящих событий.

Стремление человека к определенности с биологической и психологической точки зрения вполне обоснованно. Страх, тревога, потеря чувства безопасности являются катализатором запуска инстинкта самосохранения, возможности контроля над ситуацией, потребности в оформлении безопасной (понятной, стабильной) среды, которая остается неизменной, несмотря ни на какие воздействия.

С позиции развития и социального взаимодействия, определенность может стать для человека сдерживающим его развитие и движение фактором, поскольку отсутствие проблемы не требует принятий решений и анализа альтернатив, которые могли бы существенно улучшить текущее положение дел в системе.

Вынужденный перевод сотрудников на удаленную работу, к которому как персонал, так и работодатели изначально оказались не готовы, перенос общения и обучения в виртуальное пространство на неопределенное время, сокращение сотрудников, финансовая нестабильность и уязвимость явились одним из источников возникновения неопределенности. Организационные изменения возникли как ответ руководства на происходящие в общественной и экономической жизни общества колебания.

Они обострили психологическую и социальную напряженность, поставив перед руководством задачу разработки поддерживающих толерантность к неопределенности мер и постепенного внедрения инноваций, направленных на снижение сопротивления изменениям: информированность, коммуникация, мотивация, вовлеченность и прочие инструменты, способные повысить уровень безопасности человека и его возможности противостоять негативным факторам внутренней и внешней среды.

Развитие личности, ее активное долголетие как в трудовой, так и профессиональной деятельности, уровень включенности в социальные процессы и институты невозможны без обеспечения условий безопасности пространства, в котором находится человек. Мотивация является катализатором процесса становления и продуктивности актора, интегрируя успешно сформированные компетенции во все сферы жизнедеятельности общества. Но она не работает в условиях враждебной и опасной среды, поскольку нарушаются как чувство безопасности (отсутствия опасности [6]), так и условия гармоничного развития личности, одной из базовых потребностей в иерархии теории А. Маслоу [7].

Обеспечение социальной безопасности в условиях неопределенности должно включать в себя систему как превентивных, поддерживающих, так и корректирующих мер для создания условий минимизации опасности среды, определяющей систему координат личности.

Список литературы

1. Кисляков П.А. Социальная безопасность личности: функциональные компоненты и направления формирования // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). №5(13), 2012.

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17854856> (Дата обращения: 30.10.2020).

2. Патяева Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (9). С. 74–109. URL: <http://soc-econompsychology.ru/engine/documents/document613.pdf> (Дата обращения: 30.10.2020).

3. Frenkel-Brunswik E. Intolerance of Ambiguity as an Emotional and Perceptual Variable // Journal of Personality, 1949. Vol. 18. P. 108–143.

4. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., Издательство «Дело», 1997. 488 с.

5. Талей Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. пер. с англ. М. КоЛибри, Азбука Аткикус, 2014. 768 с.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (Дата обращения: 30.10.2020).

7. Маслоу А., Мотивация и личность. 3-е изд. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ (УЧЕБНОЙ) МИГРАЦИИ В РОССИИ

FEATURES OF EDUCATIONAL MIGRATION IN RUSSIA

А.А. Лакомова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.A. Lakomova
Lobachevsky University

Описывается российский опыт образовательной миграции. Представлены статистические сведения международных мигрантов, приехавших в Россию с целью получения образования любого уровня (среднее, высшее, второе высшее, дополнительное образование).

The author describes the Russian experience of educational migration. The article also presents statistical information of international migrants who came to Russia to obtain education at any level (school education, higher education, second higher education, and educational courses).

Ключевые слова: образовательная миграция, иностранные студенты, университет, образование, учебная миграция

Keywords: educational migration, foreign students, university, education

Миграция довольно часто происходила не только по вынужденным причинам (стихийные бедствия, войны), но и с целью познания неизведанного

мира, то есть новых стран, получения новых знаний и их распространения. Например, Демокрит (460-360 гг. до н.э.), воспользовавшись возможностью путешествовать, так как получил отцовское наследство, побывал в Индии, Египте, Вавилоне, Эфиопии, где он получил знания по математике, геометрии и другим наукам. В Средние века подобные путешествия ради знаний стали распространенными.

Если обратиться к исторической составляющей образовательной миграции в России, то в 1920–1930-е гг. началась массовая миграция иностранных рабочих в Советский Союз. В связи с начавшимися процессами ускоренной индустриализации потребовались специалисты, которые умели обращаться с закупленным за рубежом оборудованием. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 23 марта 1931 г. «О ходе выполнения директив ЦК по работе с иностранными рабочими», были приглашены десятки тысяч высококвалифицированных рабочих из разных стран [1, с. 875]. Они обучали советских специалистов работе на закупленном зарубежном оборудовании. Тем самым советские работники проходили курсы повышения квалификации.

Еще одним шагом по направлению интернационализации образования является совместная разработка странами и группами стран положений по взаимному признанию и унификации образовательных стандартов (например, присоединение России в 2003 г. к Болонской декларации). Данная мера позволила российским и зарубежным студентам получить доступ к образовательным модулям и стажировкам, которые затем признаются на родине.

Российская Федерация выбрала курс, направленный на попытку раскрытия потенциала в области привлечения и обучения иностранных студентов. Согласно распоряжению Правительства РФ № 2006-р было принято решение о создании проекта «5\100», который должен способствовать интернационализации лучших российских университетов и попаданию последних в различные международные рейтинги. В настоящее время уже 15 вузов вошли в проект на основе конкурсного отбора [2], в том числе Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Таким образом, образовательная миграция стала распространенной во многих странах, в том числе и в России.

Доступность образования за рубежом и одновременно высокая интернационализация университетов мотивируют студента к получению международного опыта, то есть активно стимулирует образовательную миграцию.

Можно выделить несколько основных моментов, которые влияют на принятие решения образовательными мигрантами (в качестве примера

использован российский опыт): упрощенная процедура оформления визовых документов для выпускников российских университетов при найме на работу; отсутствие необходимости в программе адаптации для выпускников, которые продолжают работать в России; документы об образовании изначально имеют необходимый формат и не нуждаются в подтверждении и легализации, что существенно экономит силы и средства [3, с. 24].

Кроме этого, можно наблюдать и обратную тенденцию, когда выпускник сразу после окончания обучения возвращается на родину (в случае с иностранными студентами в России цифра может составлять 80-90%). Среди положительных моментов подобной ситуации можно выделить трансляцию ценностей и взглядов, полученных в ходе обучения в российском университете [3, с. 25].

Начало 21 века ознаменовалось интенсивным миграционным потоком из одной страны в другую страну, из менее развитых стран в более развитые. В середине 1980-х гг. численность студентов зарубежных вузов оценивалась в Европе в 800 тыс. человек, в 1990-х – свыше 1 млн. человек, в конце 20 в. – примерно 1,5 млн. человек, а в 2008 г. уже превысила 2,8 млн. человек [4, р. 120]. Самыми крупными странами, принимающими учебных мигрантов, остаются США, Великобритания, Германия, Франция, Австралия, Япония, Канада и Россия.

Больше всего учебных мигрантов в Россию приехало в 2019 г. из Китая (95 784 чел.), Казахстана (90 782 чел.), Узбекистана (50 080 чел.), Туркмении (49 444 чел.), Таджикистана (44 661 чел.), Украины (35 328 чел.), Индии (29 136 чел.), Киргизии (21 543 чел.), Египта (19 710 чел.), Азербайджана (15 448 чел.), Армении (13 311 чел.), Ирака (13 116 чел.), Молдовы (11 882 чел.), КНДР (10 435 чел.) и Беларуси (9 751 чел.). Чуть меньше учебных мигрантов приехало в Россию из Марокко (8 302 чел.), Вьетнама (7 068 чел.), Германии (4 757 чел.), Ирана (7 600 чел.), Франции (7531 чел.), Сирии (6 922 чел.), Монголии (6 602 чел.), Литвы (5 532 чел.), Италии (4603 чел.), США (4 420 чел.), республики Корея (3 845 чел.), Нигерии (3 149 чел.) [5].

Менее 1000 учебных мигрантов приехали в Россию в 2019 году из таких стран, как Кот д'Ивуар (987 чел.), Саудовская Аравия (974 чел.), Ямайка (967 чел.), Мексика (953 чел.), Швейцария (862 чел.), Чехия (844 чел.), Южный Судан (828 чел.), Пакистан (795 чел.), Венгрия (736 чел.), Греция (724 чел.), Куба (702 чел.), Конго (689 чел.), Нидерланды (688 чел.), Замбия (670 чел.), Норвегия (667 чел.), Зимбабве (595 чел.), Сенегал (547 чел.), Камбоджа (469 чел.), Перу (436 чел.), Боливия (432 чел.), Румыния (423 чел.), Венесуэла (366 чел.), Эфиопия (334 чел.), Дания (315 чел.), Ирландия (306 чел.), Словения (288 чел.), Танзания (282 чел.), Черногория (272 чел.), Португалия (207 чел.) [5].

Для страны и ее общественных институтов иностранный студент – более благоприятная категория, чем иные категории иммигрантов. Если окончив обучение в российском вузе, студент-иностранец все-таки вернется к себе на родину, Россия и в этом случае получит положительный результат: мигрант непроизвольно будет распространять в своем окружении информацию о качестве образования в вузах РФ, элементах российской культуры, технологиях, сохранит личную лояльность к стране, где он провел студенческие годы [6, с. 624].

Важность увеличения учебной миграции очевидна, что требует учета ее особенностей и постоянной поддержки. Во-первых, этот аспект непрерывно связан с понятием высокого качества образовательного процесса. Не каждый вуз может позволить себе принять на учебу иностранных студентов. Во-вторых, выбор иностранных студентов касается престижных, известных вузов с солидной репутацией и развитой инфраструктурой. В свою очередь, при осуществлении соответствующих мероприятий по поддержке международной учебной миграции, государство приобретает молодого специалиста, полностью интегрированного в принимающее общество, и члена социума.

Категорию студентов, которая обучилась за счет средств государства, выгодно сохранить для национальной экономики, то есть трудоустроить на территории этого государства. С другой стороны, те, кто осуществляет экспорт образования, приобретают трижды: они не тратятся на период жизни будущих абитуриентов, они зарабатывают, продавая образовательные услуги и, наконец, они получают молодого, уже интегрированного в принимающий социум и должным образом подготовленного нового члена общества.

Список литературы

1. Павлова В.В. Повседневность и быт иностранных рабочих и специалистов в Союзе ССР (конец 1920-х – 30-е годы) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 873–878.

2. Распоряжение Правительства РФ об утверждении плана мероприятий по развитию ведущих университетов, предусматривающих повышение их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров от 29 октября 2012 г. № 2006-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70150350/> (Дата обращения: 10.06.2020).

3. Апанович М.Ю. Потенциал управления образовательной миграцией // Сборник Государственное регулирование миграционных процессов и межнациональная политика как факторы обеспечения стабильности в современном мире: российский и зарубежный опыт. ФГБОУ ВПО РЭУ им. В.Г. Плеханова, М.: 2015. С. 23–25.

4. World migration report 2010. The future of migration: building capacities for change. Geneva: IOM, 2010. 295 p. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2010_english.pdf (Дата обращения: 08.06.2020).

5. Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь-декабрь 2019 года с распределением по странам и регионам / Официальный сайт Главного управления по вопросам миграции МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/> (Дата обращения: 10.06.2020).

6. Невраева Н.Ю. Проблемы и перспективы расширения учебной миграции в России // Устойчивое развитие российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков: сборник материалов XII международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 17-18 апреля 2015 г. Екатеринбург: [УрФУ], 2015. С. 620–624.

**РОЛЬ ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ИХ
СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)***
**THE ROLE OF THE HEALTH OF YOUNG LABOR MIGRANTS IN THEIR
SOCIAL ADAPTATION (REGIONAL ASPECT)**

А.А. Лаконова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского*
А.А. Lakomova
Lobachevsky University

Представлены результаты социологического исследования, в ходе которого были проведены интервью с молодыми трудовыми мигрантами (N=20), прибывшими из Азербайджана, Армении, Таджикистана и Узбекистана. Мигранты, проживающие в Нижегородской области, оценили свое здоровье, предоставляемую им медицинскую помощь в государственных и частных медицинских учреждениях.

The article presents the results of a sociological study during which interviews were conducted with young labor migrants (N = 20) who arrived from Azerbaijan, Armenia, Tajikistan and Uzbekistan. Migrants living in the Nizhny Novgorod Region rated their health, the medical care provided by them in state and private medical institutions.

Ключевые слова: молодые трудовые мигранты, здоровье, социальная адаптация, трудовая миграция

Keywords: young labor migrants, health, social adaptation, labor migration

* Выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Нижегородской области. Проект 18-411-520002 «Здоровьесбережение в практиках современной нижегородской семьи».

Трудовая миграция молодежи является распространенным социальным явлением. Трудовые мигранты, в среднем возраст которых составляет 18-30 лет, прибывают в Россию с целью заработка. Они устраиваются на работу, открывают совместно с родственниками или соотечественниками бизнес, а также некоторые из них могут параллельно получать высшее образование, необходимое им для работы и достижения определенного социального статуса в новой для них стране. Последняя категория встречается среди трудовых мигрантов достаточно редко. Подавляющее большинство трудовых мигрантов, приезжающих в Россию, представляют собой выходцев из Средней Азии (Таджикистан и Узбекистан), являющихся наемными рабочими с низкой квалификацией и низким уровнем образования.

Молодые трудовые мигранты, приезжающие в Россию, имеют различные планы на проживание в данной стране. Одна часть мигрантов стремится заработать денег, получить гражданство и обрести семью в новой для них стране. Другая часть мигрантов планирует заработать денег, прожить в России некоторое время и вернуться на родину, а некоторые хотят работать, жить, завести семью в России, но не рассматривают получение гражданства и сдачу соответствующих экзаменов главным приоритетом в своей адаптации.

Молодые мигранты являются трудовым ресурсом как для России, так и для других стран. Их трудоспособность, самочувствие, наличие или отсутствие вредных привычек, заболеваний, а также получение медицинской помощи влияет на их социальную адаптацию и профессиональные возможности.

Если рассматривать возрастные характеристики приехавших мигрантов, то миграционный прирост населения за счёт международных мигрантов по состоянию на 2018 г. в России в возрасте 15 – 19 лет составил 11 540 человек, в возрасте 20 – 24 лет – 13 053, в возрасте 25 – 29 лет – 16 807, в возрасте 30 – 34 лет – 17 809. Мигранты старше 35 лет приезжают в Россию уже в меньшем количестве, например, миграционный прирост международных мигрантов в возрасте 35 – 39 лет составляет 12 644 человека, в возрасте 40 – 44 лет – 8 081 [1].

Молодой трудовой мигрант рассматривается нами как лицо в возрасте от 18 до 35 лет, переехавшее в Россию на неопределенный срок с целью работы.

Представим результаты социологического исследования «Социальная адаптация молодых трудовых мигрантов, проживающих на территории Нижегородской области». Исследование включает в себя полужформализованные интервью с молодыми трудовыми мигрантами мужского и женского пола, приехавшими в Россию (N=20): из Узбекистана (N=9), Таджикистана (N=6), Армении (N=2) и Азербайджана (N=3).

В ходе интервью с мигрантами обсуждалась тема, касающаяся одной из составляющих их социальной адаптации – здоровья. Мигранты оценили уровень своего здоровья, предоставления медицинской помощи в государственных и частных медицинских учреждениях России.

В целом молодые трудовые мигранты оценивали медицину в России на достаточно хорошем уровне: *«Здоровье, медицина хорошо. Не дай Бог, конечно, обращаюсь не так часто. По поводу только зубов обращался. Здоровье свое оцениваю нормально. Не жаловался»* (мужчина, 35 лет, Армения, 15 лет в России).

Некоторым молодым трудовым мигрантам не понравилось общение медицинского персонала с ними: *«Медицина в России сильно отличается от Таджикистана. Не знаю, здесь как оборудование, но как встречали нас здесь, то хуже»* (мужчина, 35 лет, Таджикистан, 15 лет в России). Некоторые из интервьюируемых мигрантов отмечают, что цены на медицинские услуги в России выше, чем у них на родине: *«Ну как, если не говоря о ценах, то вообще нормально, только цены очень высокие, в отличие от Узбекистана»* (мужчина, 23 года, Узбекистан, 3-4 года в России); *«Ну, в миграционном да, дорого, все платно же. У нас это же нет, годовые медобслуживания есть, ну не на только на это, пройдет, надо по-другому. То есть дополнительно надо еще проходить, полис ОМС надо»* (женщина, 27 лет, Узбекистан, 5 лет в России).

Молодые трудовые мигранты оценивают свое здоровье как «отличное», «хорошее» и «нормальное»: *«Отличное здоровье. Ничего не беспокоит пока»* (мужчина, 20 лет, Узбекистан, 10 лет в России); *«Хорошее здоровье. Нигде не был, не был ни в больнице, ни в поликлинике»* (мужчина, 31 год, Узбекистан, 14 лет в России), *«Нормально, ничего не болит... Нет, не обращался к врачам, ничего не беспокоило»* (мужчина, 24 года, Таджикистан, 4 года в России); *«Я не знаю, вроде нормально, как и в Узбекистане было. Не болит ничего. Хуже не стало»* (мужчина, 22 года, Узбекистан, 1 год в России).

У некоторых мигрантов был опыт обращения и лечения в медицинских государственных и частных учреждениях: *«Просто у меня в ноге этот тромб, а с венами, и всё, больше у меня ничего такого не было, но только часто ноги болят, и я в больницу ходил и они сказали, мы Вам позвоним, и всё, что больше ничего такого... Я уже, когда тромб начался, они там лечили, всё такое, всё сделали, за 2, за 3 месяца...Работе не мешало это...Если честно, медицина в России лучше, чем в Азербайджане»* (мужчина, 20 лет, Азербайджан, 7 лет в России); *«Обслуживают хорошо в больницах, ответственно, все хорошо... Когда я родила дочку и с почкой я попала в больницу. Это негосударственная, частная поликлиника была. Государственные поликлиники, была, это, когда я дочку родила»* (женщина, 27 лет, Узбекистан, 5 лет в России). Это является

само собой разумеющимся, поскольку дополнительное медицинское страхование и предоставление медицинской помощи для иностранных граждан является платным, и, получается, что обращение в частные медицинские учреждения или же оформление полиса ДМС для иностранных граждан представляет собой дорогую услугу.

Мигранты обращались в государственные медицинские учреждения вместе с детьми, одна часть мигрантов оценивает медицину в России лучше, чем у них на родине, другие считают, что разницы не существует: *«Ходил сам и с ребенком ходил в поликлинику... Медицина России и Армении ничем не отличается»* (мужчина, 30 лет, Армения, больше 5 лет в России); *«Нормально, дети ходят, жена ходит к врачу... В государственную поликлинику жена с детьми обращались, им нравится всё. Лучше медицина, чем в Таджикистане»* (мужчина, 35 лет, Таджикистан, 8 лет в России).

Таким образом, здоровье и качественное оказание медицинской помощи для молодых трудовых мигрантов являются важным составляющими социальной адаптации. Молодые мигранты сравнивают не только качество предоставления медицинской помощи в России и на родине, но и обращение медицинского персонала с ними. В данной теме важен не только вопрос своевременного обращения мигранта к врачу и выявления того или иного заболевания у мигранта, но и плановые профилактические осмотры. Здоровье молодых мигрантов влияет на структуру трудовых ресурсов региона и государства в целом, а также может по-разному отразиться на общей санитарно-эпидемиологической обстановке коренного населения. Следовательно, исследование здоровья молодых трудовых мигрантов является важной темой изучения в разных научных сферах.

Список литературы

1. Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (Дата обращения: 09.06.2020 г.).

**ИНСТИТУТ ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ
INSTITUTE OF THE SUBSTITUTE FAMILY IN MODERN RUSSIA:
FEATURES AND PROBLEMS**

Е.Е. Павлова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
E.E. Pavlova
Lobachevsky University

Рассматриваются основные особенности и проблемы института замещающей семьи в современной России, используются данные авторского опроса замещающих родителей (2019-2020), Федеральной службы государственной статистики, результаты исследований ВЦИОМ.

The article considers the main features and problems of the institution of substitute families in modern Russia, uses data from the author's survey of substitute parents (2019-2020), the Federal state statistics service, and the results of VTSIOM research.

Ключевые слова: изменения семьи, замещающая семья, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей

Keywords: family changes, substitute family, orphans, children left without parental care

Существенные трансформации института семьи, зародившиеся в процессе второго демографического перехода, изменили смысл семьи и ребенка в ней. Семейная социализация становится важным жизненным этапом, успех которого дает ребенку шанс на здоровое, нормальное будущее. В середине XX в. психологи Д.Боулби и Р.Спитц доказали, что особую значимость в развитии ребенка имеет материнская забота, играющая основную роль в становлении здоровой личности [1]. Таким образом, с точки зрения воспитания, социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, семейные формы устройства, или замещающая семья, становятся приоритетными.

Согласно законодательству Российской Федерации, выделяются следующие формы замещающей семьи: усыновление, опека/ попечительство (на возмездной основе и на безвозмездной основе) [2].

Приоритетной формой, конечно, считается усыновление, что закреплено, в том числе в законодательстве [3]. То же показывают и опросы общественного мнения, семейные варианты лидируют. Судя по данным ВЦИОМ, 35% опрошенных считают усыновление предпочтительным, затем идут семейные

детские дома – 26% (по своему функционированию они отличаются от обычных детских домов). В то же время каждый 5-ый отмечает детские дома и только каждый 10-й говорит об опекунстве как о важной форме устройства, 3% называют семейный патронаж без усыновления [4].

Несмотря на то, что опекунство, по мнению граждан, не так популярно, официальная статистика выявляет обратное (табл. 1)

Т а б л и ц а 1

Выявлено детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и устроено в семьи по формам, чел., % [5]

Года	2000	2005	2007	2010	2013	2015	2017	2019
Выявлено	134611	146405	136790	101017	73331	60111	50531	47640
Устроено в семьи: *	89072 (66)	78200 5(3)	124750 (91)	75844 75%	62973 (86)	59355 (99)	46226 (98)	39505 (83)
Усыновление**	13683 (15)	6400 (8)	14066 (11)	11157 (15)	8245 (13)	6649 (11)	4786 (10)	3492 (9)
безвозмездная опека/ попечительство**	74344 (84)	69660 (89)	89820 (72)	48595 (64)	34954 (56)	30070 (51)	24306 (53)	21786 (55)
возмездная опека/ попечительство**	1045 (1)	2140 (3)	20864 (17)	15625 (20,3)	19379 (30)	22350 (37)	16960 (36,7)	14130 (35,8)
Патронаж**	–	–	–	498 (0,7)	395 (1)	286 (1)	174 (0,3)	97 (0,2)

*процент от выявленных; **процент от устроенных в семьи

В течение последних 20 лет можно наблюдать увеличение доли детей, передаваемых в семьи. Максимально она выросла за счет опеки/попечительства на возмездный основе (приемная семья), усыновление имеет противоположную тенденцию, как и опека/попечительство на безвозмездной основе, оставаясь при этом самой распространенной.

Наблюдаемое противоречие приводит к вопросу: почему же усыновление, считаясь наиболее желаемой формой принятия ребенка, при этом не является наиболее популярной, и тенденция по сокращению числа детей, передаваемых на усыновления, сохраняется. В связи с этим интересны данные исследований ВЦИОМ [6], согласно которым усыновить ребенка могут/желают/думают об этом каждый 7-ой. Однако практическое большинство «не собираются делать этого», и всего лишь 1% опрошенных оказались уже усыновителями. Однако стоит все же обратить внимание на тот факт, что за 10 лет доля не желающих усыновлять детей стала чуть меньше (табл. 2).

Желание усыновить ребенка, %

	2005	2010	2013	2014	2015
<i>Нет, мы не собираемся этого делать</i>	82	84	78	85	79
<i>Мы не исключаем для себя такую возможность, подумаем об этом через некоторое время</i>	6	5	9	5	7
<i>Затрудняюсь ответить</i>	5	4	5	3	6
<i>Да, я (мы) хотели бы усыновить ребенка (детей)</i>	4	4	4	2	5
<i>Да, но у нас в семье есть разногласия по этому вопросу</i>	3	3	3	4	2
<i>Мы уже усыновили ребенка (детей)</i>	0	0	1	1	1

Интересны причины, по которым граждане не хотят усыновлять детей. Изучая исследования ВЦИОМ, можно обнаружить, что среди главных проблем как и в 2005 г., так и в 2013 г. остаются возраст (2005 г. – 19%, 2013 г. – 30%), материальное положение (30% и 22 % соответственно) и наличие собственных детей (13% и 15%) [7]. Однако самая весомая причина все же изменилась. Так, в первом десятилетии века основной преградой было материальное положение, во втором – главными стали возрастные ограничения, при этом остается не ясным, касаются они возраста лица, желающего усыновить ребенка, или же – возраста усыновляемого ребенка.

Тем не менее, материальное положение остается значимым аспектом при принятии решения стать замещающим родителем и выборе формы, что подтверждает проведенное в 2019-2020 гг. авторское исследование «Формирование замещающей семьи», которое включало в себя интервьюирование специалистов органов опеки и попечительства и школы приемных родителей (N=5) и анкетный опрос замещающих родителей на базе ряда учреждений города Нижнего Новгорода (N=86). Целью исследования было выявление субъективных критериев, на которые опираются граждане при принятии решения стать замещающим родителем. Результаты исследования показали, что решение принять ребенка в семью, как правило, носит осознанный и обдуманный характер, основные мотивы принятия ребенка в семью имеют конструктивную основу, решение о выборе формы замещающей семьи семья может принимать исходя из самостоятельного переосмысления, поддержки государства той или иной формы, а также исходя из мнения специалистов. Особо интересно, что мотив улучшения благосостояния за счет принятия ребенка изначально указала лишь 5-ая часть респондентов, но в дальнейшем половина отметили, что это важное условие выбора формы замещающей семьи.

Среди проблем и трудностей замещающей семьи называются психологические, связанные с адаптацией ребенка и родителей к новым условиям жизнедеятельности, проблемы со здоровьем ребенка. Опрошенные специалисты, работающие с замещающими семьями, по-разному относятся к материальной помощи таким семьям, с одной стороны, говоря о возможности ликвидации вознаграждения, с другой – настаивая на необходимости профессионализации института замещающей семьи.

Таким образом, значимость института замещающей семьи в современном российском обществе не вызывает сомнений, но имеется ряд особенностей, а также ряд проблем. Определенно точно прослеживается готовность граждан к принятию ребенка, особенно это касается усыновления, но в то же время реальные цифры говорят об обратном. Это может свидетельствовать о проблемах мотивации, материальной готовности граждан. Все это говорит о необходимости дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
2. Семейный Кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020). Ст. 123. [Электронный ресурс]. Доступ через: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Дата обращения: 12.11.2020).
3. Ст. 124., Семейный Кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020). [Электронный ресурс]. Доступ через: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Дата обращения: 12.11.2020).
4. Главное препятствие к усыновлению детей – материальное положение россиян // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. [Электронный ресурс]. Доступ через: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3277> (Дата обращения: 03.11.2020).
5. Российский статистический ежегодник 2019 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.
6. ВЦИОМ, Усыновление в России: мониторинг [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. Доступ через: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115321> (Дата обращения: 07.11.2020).
7. Усыновление сирот: что мешает потенциальным родителям? // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. [Электронный ресурс]. Доступ через: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/usynovlenie-sirot-cto-meshaet-potenczialnym-usynoviteljam> (Дата обращения: 03.11.2020).

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ОЦЕНКАХ СТЕЙКХОЛДЕРОВ DISTANT LEARNING IN STAKEHOLDERS' ASSESSMENTS

И.В. Ситникова

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.V. Sitnikova

Lobachevsky University

Рассматриваются вопросы оценки дистанционного образования основными стейкхолдерами. В оценках заинтересованных сторон (преподавателей и учителей, студентов и школьников, их родителей, а также различных экспертов) выявляются преимущества и недостатки, существующие в системе дистанционного обучения. Приводятся результаты социологических исследований удовлетворенности организацией дистанционного образования в условиях самоизоляции, вызванных распространением нового коронавируса.

The issues of distant education assessment by key stakeholders are considered. The assessments of stakeholders (teachers, students, schoolchildren, their parents, as well as various experts) identify the advantages and disadvantages that currently exist in the distance learning system. The results of sociological studies of satisfaction with the organization of distance education in conditions of self-isolation caused by the spread of the new coronavirus are presented.

Ключевые слова: дистанционное обучение, дистанционное образование, онлайн-обучение, преподаватель, цифровизация образования

Keywords: distance learning, distance education, online learning, teacher, digitalization of education

Одной из наиболее быстро развивающихся областей образования является дистанционное образование, основными принципами которого являются доступность и открытость. Специалисты отмечают такие положительные стороны дистанта, как «возможность получать образование в любое время в любом месте пребывания, удаленность преподавателей и обучающихся друг от друга, что позволяет адаптировать учебный процесс под свой индивидуальный график» [1].

В 2017 г. в России была принята программа «Цифровая экономика России», после чего в образовательных организациях страны стал активно развиваться процесс цифровизации, в большинстве учебных заведений появились образовательные платформы и оборудование для реализации дистанционных занятий. Однако дистанционное обучение не было широко распространено, поскольку было востребовано лишь у студентов, совмещающих учебу с работой или руководившихся временным и материальным факторами, при этом качество образования для них не имело существенного

значения. В конце марта 2020 г. российское образование стало полностью дистанционным – эта форма обучения стала единственно возможной для получения знаний школьникам и студентам в ситуации распространения коронавируса. При резком переходе к всеобщему онлайн-обучению выявилось множество технических, организационных, учебных и коммуникативных проблем. У большого количества преподавателей не были разработаны методики и технологии преподавания в дистанционном формате. И у педагогов, и у обучающихся не хватало умений и навыков использования информационных технологий для работы в дистанте. Ограниченный доступ к Интернету, плохое качество связи, отсутствие оборудования – все это создавало сложности для качественного обучения [2].

Среди актуальных проблем дистанционного обучения следует отметить и сложности коммуникации педагогов и обучающихся. Исследователи отмечают, что «обучающиеся – это представители нового поколения, устроенные совершенно по-другому, уже обладающие цифровым мышлением. А обучающие – это представители преимущественно старого поколения с так называемым аналоговым мышлением, в силу объективных обстоятельств вынужденные адаптироваться к цифровой среде» [3]. Качественное дистанционное обучение невозможно без эффективной обратной связи между студентами и преподавателем. Некоторые эксперты считают, что многие формы контроля в онлайн-образовании затруднены, и трудоемкость работы преподавателя заметно увеличилась [4].

Сопредседатель профсоюза «Университетская солидарность» Павел Кудюкин среди главных системных ошибок дистанционного обучения назвал невыполнение норм трудового законодательства, перегрузку учителей, отсутствие компенсаций их расходов: *«В большей части образовательных организаций не было учтено, что люди используют свою технику, активнее пользуются Интернетом, тратят больше электроэнергии в связи с проведением дистанционных занятий. В большинстве случаев это никак не компенсировалось»*. По его мнению, «триумфальные заявления» министра просвещения РФ Сергея Кравцова о том, что в России дистанционное образование оказалось наиболее успешным в мире по уровню организации, вызывают сильное недоверие, особенно учитывая многочисленные жалобы и учителей, и родителей, и учеников [5].

Эксперт Института образования НИУ ВШЭ Наталия Киселева считает, что «удаленка» дала возможность увидеть, кто чего стоит. Во время дистанционного обучения весной 2020 г. обнаружилось, что уровень владения преподавателем компьютерными технологиями недостаточен для онлайн-преподавания. От преподавателей и обучающихся потребовался совершенно новый формат

взаимодействия, а коммуникация с учениками, их родителями, с коллегами и администрацией перестала ограничиваться рабочим временем. Преподавателям пришлось участвовать в массовых повышениях квалификации, постоянно изучать различные ресурсы и инструменты обучения в дистанте – и это постоянное обучение требовало дополнительного времени [6].

Заслуженный профессор Института развития образования Высшей школы экономики Ирина Абанкина считает, что для решения многих проблем дистанционного обучения необходимо сосредоточить серьезные усилия на инвестициях в цифровизацию образования, поскольку качественный дистант не может быть дешевым: *«Многие надеялись, что перенос части образовательных возможностей в онлайн-формат сделает обучение дешевле. Как показал опыт, этого не происходит. Просто меняется не объем, а состав работы. В дистанте очень много занимает работа по сопровождению образовательной программы – таким образом, сильно расширяется количество сопровождающего техперсонала»* [7].

Несмотря на то, что дистанционный формат обучения вызывает много споров, некоторые преподаватели воспринимают его как возможность для развития. Учитель школы «Интеграция XXI век» Анна Мичкова говорит о дистанте как *«естественном погружении учителя и ученика в проблемную ситуацию, когда перед ними стоит не спрогнозированная заранее учебная задача, а реальная ситуация, требующая мобилизации знаний, умений и навыков»*. От учителей, по мнению А. Мичковой, требовалось действовать в новых условиях, менять методы обучения, при этом *«преимуществом стал не опыт и педагогический стаж, а гибкость мышления, инициатива и профессиональное саморазвитие»* [8].

В мае 2020 г. ВЦИОМ провел всероссийский опрос об удовлетворенности организацией дистанционного образования. В опросе (телефонном интервью) участвовали 1092 родителя выпускников школ, гимназий, лицеев; 400 учащихся колледжей и техникумов; 800 студентов вузов. Удовлетворены в той или иной степени организацией дистанционного образования 44% родителей учеников 11-х классов. Среди учащихся колледжей и техникумов об этом сообщает 74%, а среди студентов вузов – 72%. Родители выпускников отметили, что в связи с переходом на дистанционный формат обучения нагрузка возросла и на выпускников (62%), и на учителей (56%) [9].

Увеличение нагрузки на преподавателей вузов заметили 55% студентов, а 19% обучающихся считают, что нагрузка на них сократилась. Каждый пятый студент уверен, что нагрузка на преподавателей не изменилась. Примерно так же студенты оценили изменение собственной вовлеченности в учебный процесс. По мнению каждого второго опрошенного (51%), учебная нагрузка выросла. В

обратном уверены 20% участников исследования. О том, что уровень учебной нагрузки остался прежним, заявили 28% студентов.

Говоря об уровне преподавания в дистанционном формате, более половины студентов оценили его как высокий или скорее высокий – 53%. Каждый третий опрошенный назвал его средним – 32%. Низкие оценки уровню образования в коронавирусный период дали 12% студентов.

При этом подавляющее большинство студентов удовлетворены тем, как организовано дистанционное образование в их вузе в условиях распространения COVID-19. Об этом сообщают 72% респондентов, причем каждый четвертый говорит о высшей степени удовлетворенности. О том, что организация дистанционного образования осуществлена в той или иной степени неудовлетворительно, высказались 26% студентов [10].

В мае 2020 г. Фонд общественного мнения опубликовал данные проведенного в апреле 2020 г. опроса на тему «Дистанционное обучение школьников». В телефонном опросе участвовали 1000 респондентов, из них 31% родители детей школьного возраста. 62% респондентов, у которых в семье есть школьники, считают, что, в целом, школа, в которой учится ребёнок, смогла успешно перейти на дистанционный формат обучения. Среди возникших сложностей в учебе в связи с переходом на дистанционное обучение чаще всего называют: сложность новых тем, не хватает объяснений учителя (18%); проблемы с Интернетом, со связью, плохая работа сайтов (14%); чрезмерная учебная нагрузка, много заданий (9%); обучением занимаются родители, сам ребенок (9%) [11].

По результатам исследования Минобрнауки РФ, проведенного совместно с Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС среди 33987 преподавателей (это около 15% всей генеральной совокупности профессорско-преподавательского состава), преподаватели оказались готовы к переходу на дистанционные форматы обучения организационно, но не психологически. Основными проблемами перехода на дистанционный формат педагоги назвали спад мотивации студентов к обучению, нехватку навыков и умений у учащихся и педагогов, эмоциональные срывы, рост нагрузки на преподавателей, обезличенность, отсутствие индивидуального подхода, невозможность контролировать уровень знаний и формализацию процессов образования [12].

В другом совместном исследовании Министерства науки и высшего образования и РАНХиГС (25 тыс. анкет преподавателей из разных вузов России), проведенного с 25 июня по 10 июля 2020 г., преподаватели вузов раскритиковали дистанционный формат проведения экзаменов из-за недостаточности прозрачности и контроля за его проведением. Каждый второй преподаватель (51,2%) согласился с высокой распространенностью плагиата,

списывания на экзамене, который лично принимал. Авторы признают, что из-за недостатка общения между всеми участниками образовательного процесса и недостатка мотивации студентов к самостоятельной работе дистанционный формат не может рассматриваться как основной и долговременный, но подходит как дополняющий к основному и «расширяющий возможности преподавания» [13].

На онлайн-заседании Общественного совета при Министерстве науки и высшего образования РФ ректорами российских вузов обсуждался доклад о влиянии пандемии на систему высшего образования. Ректор Томского госуниверситета Эдуард Галажинский назвал главной причиной негативного восприятия дистанционного образования психологическое самочувствие студентов и преподавателей, а главным достижением то, что пандемия способствовала росту автономии университетов, развитию и укреплению горизонтальных связей между вузами. Ректор НИУ ВШЭ Ярослав Кузьминов огласил итоги опроса студентов, проведенного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики»: две трети опрошенных студентов устраивает качество дистанционного обучения, а 32% предпочитают его традиционному формату. Однако исследования ВШЭ выявили и проблемы, которые необходимо решать уже сейчас: дистанционный формат оказался трудным для первокурсников; труднее других к онлайн-обучению адаптируются студенты медицинских, технических вузов и вузов культурной сферы [14].

Ректоры российских вузов называют и другие проблемы, выявленные во время дистанционного обучения весной 2020 г.: неравенство между сильными и слабыми вузами; социальное неравенство в доступе к образованию, так, например, отсутствие гаджетов заметно усилило поляризацию внутри системы; хорошее дистанционное образование обойдется вузам дороже традиционного, поскольку на старте требуются серьезные вложения; большинство вузов, как выяснилось, не имеют достаточной цифровой инфраструктуры, чтобы полноценно работать в удаленном формате [15].

В сентябре 2020 г. в Общественной палате РФ состоялось расширенное заседание рабочей группы по вопросам защиты прав детей на образование, воспитание, всестороннее развитие Общественного совета при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка на тему «Цифровизация образования в свете законодательных норм РФ», на котором общественность выступила категорически против дистанционно-цифрового образования. Так, председатель Общественного совета при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка Андрей Коченов заявил: *«Нет прямого диалога, нет широкого общественного обсуждения. Запускают дистанционное обучение в пилотных регионах, при этом никак не информируя общественность, не разъясняя нам подробности*

этого эксперимента» [16]. А по данным всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник», проведенного 27 августа 2020 г., родители школьников опасаются пандемии меньше, чем безграмотности своих детей: 93% высказываются за очный формат обучения, три четверти считают, что при дистанционном обучении качество образования падает (телефонное интервью 1600 россиян в возрасте от 18 лет) [17].

Таким образом, при разработке системы дистанционного обучения необходимо учитывать все тонкости и нюансы для обеспечения максимальной ее эффективности. Развитие новых информационных технологий дает возможность конкурировать дистанционному обучению с традиционными методами. Цифровизация позволяет привлекать к преподаванию коллег из других образовательных учреждений, делает коммуникацию более доступной. Вузам необходимо разработать образовательные программы, соответствующие современным требованиям подготовки конкурентоспособных специалистов в условиях цифровой экономики. В качестве основных компетенций, способных обеспечить такую конкурентоспособность, выступают умения и навыки работы с современными информационными технологиями.

Список литературы

1. Микуленок Ю.А., Микуленок А.А., Соляник В.В. Некоторые вопросы дистанционного образования // The Scientific Heritage. 2020. № 46-4(46). С. 42–44.
2. Коморникова О.М., Попова Е.И. Проблемы развития дистанционного образования в России // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. №2 (46). С. 111–114.
3. Усачева О.В., Черняков М.К. Оценка готовности вузов к переходу к цифровой образовательной среде // Высшее образование в России. 2020. №5. С. 53–62.
4. Вольчик В.В., Ширяев И.М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. №2. С. 235–248.
5. Учителя в РФ заслужили компенсации за дистанционную работу – мнение // ИА REGNUM: 2020, 28 июля. URL: <https://regnum.ru/news/society/3021710.html> (Дата обращения: 24.09.2020).
6. Киселева Н. За стеклом // Учительская газета, №29 от 21 июля 2020 г. URL: <http://ug.ru/za-steklom/> (Дата обращения: 24.09.2020).
7. Образование в эпоху COVID-19: Качественный дистант дешевле пока не получается // Реальное время: 2020, 8 августа. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/183198-pochemu-stoimost-platnogo-obucheniya-ne-poluchitsya-snizit-dazhe-na-distante> (Дата обращения: 24.09.2020).

8. Дистанционка пошла на пользу и детям, и учителям // Мел: 2020, 16 июля. URL: https://mel.fm/blog/shkola-integratsiya/65170-dstantsionka-poshla-na-polzu-i-detyam-i-uchitelyam?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=a-vot-tut-v-nashih-blogah-govoryat--chto-di (Дата обращения 24.09.2020).

9. Школьный выпуск-2020: когда проводить аттестацию знаний? Аналитический обзор // Данные опросов ВЦИОМ: №4244 от 22 Мая 2020 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10295> (Дата обращения: 24.09.2020).

10. Выпускники школ и студенты высказали мнение о дистанционном образовании. Аналитический обзор // Данные опросов ВЦИОМ: №4247 от 27 Мая 2020 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10304> (Дата обращения: 24.09.2020).

11. Дистанционное обучение школьников // Результаты опроса общественного мнения ФОМ: 6 июня 2020 г. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14385> (Дата обращения: 24.09.2020).

12. Преподаватели высказали свое мнение о вынужденном переходе образовательного процесса в онлайн // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ: 2020, 19 мая. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2603 (Дата обращения: 24.09.2020).

13. Преподаватели вузов пожаловались на плагиат и списывание из-за удаленки // РБК: 2020, 3 августа. URL: https://www.rbc.ru/society/03/08/2020/5f2414d29a7947ed990daf8e?fbclid=IwAR2RMRo_5AEmHBICJRzH4kVuC3BRw_33K6Pj_2u1UptkCSyKY-5L_q_dxPU (Дата обращения: 24.09.2020).

14. Онлайн-образование дорого обойдется не только студентам, но и вузам // Независимая газета: 2020, 8 июля. URL: https://www.ng.ru/education/2020-07-08/8_7905_online.html?fbclid=IwAR0j8Ivxgu2VLieyeRUFdJiT4FHTW3NlwHFgo2trbBTADbTFLMl22aVdSDI (Дата обращения: 24.09.2020).

15. Дистант в вузах подчеркнул социальное неравенство // Росбалт: 2020, 10 июля. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2020/07/10/1853078.html> (Дата обращения: 24.09.2020).

16. Общественность выступила категорически против дистанционно-цифрового образования // Гражданская инициатива: 2020, 18 сентября // URL: http://netreforme.org/news/obshhestvennost-vyistupila-kategoricheskii-protiv-dstantsionno-tsifrovogo-obrazovaniya/?fbclid=IwAR0jR6znK89-Lj3yIJjNUJl36s_tRiW3YLuYtNpmnYIpRAhuEFSiRDW2sNA (Дата обращения: 24.09.2020).

17. В новый учебный год – со старым форматом образования? Аналитический обзор // Данные опросов ВЦИОМ: №4326 от 8 сентября 2020 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10432> (Дата обращения: 24.09.2020).

**КРЕАТИВНЫЙ СТАРТАП ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДОСУГА НА ПЕНСИИ
CREATIVE START-UP FOR THE ELDERLY
AS A FORM OF LEISURE IN RETIREMENT**

Ю.Г. Ставоровская
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
Y.G. Stavorovskaya
Lobachevsky University

Рассмотрены различные проблемы лиц, вышедших на пенсию, а также форма досуга «Креативный стартап». Детально рассмотрены понятия «креативность» и «стартап». На основе авторского исследования выявлено отношение пенсионеров к креативным стартапам, их готовность включиться в такую форму досуга.

The paper considers various problems of retired people, as well as the form of leisure "Creative startup". The concepts of "creativity" and "startup" are considered in detail. Based on the author's research, the attitude of pensioners to creative startups and their readiness to join this form of leisure are revealed.

Ключевые слова: пожилые люди, креативность, стартап, досуг, проблемы пожилых людей

Keywords: older people, creativity, startup, leisure, problems of elderly people

Старение – продолжительный и необратимый процесс, на протяжении которого происходит постоянное снижение ряда функциональных возможностей [1]. Нужно понимать, что старение не является болезнью или патологией, это естественный процесс, который нужно принять, но иногда пожилому человеку трудно это сделать.

Переход человека в группу пожилых граждан существенно влияет на его взаимоотношения с обществом, происходит смена ценностей и норм, значительно изменяется образ жизни, цели и задачи, круг общения. Жизнь до пенсии зачастую бывает намного более активной: самореализация в профессиональной сфере, общественной деятельности, реализуется большое количество социальных контактов.

Изменение социального положения пожилого человека, как показывает практика, негативно сказывается на его моральном и материальном положении, отрицательно влияет на психическое состояние, снижается уровень его здоровья. Об этом говорит и исследование, проведенное ВЦИОМ в 2017 г. в Москве, «Срок дожития и другие перлы, или о старости в России». Пожилые люди, которые вышли на пенсию, выделяют 5 главных проблем: маленькие

пенсии, проблемы со здоровьем, одиночество, ощущение ненужности, невостребованности в обществе, отсутствие активной деятельности [2]. Последние 3 выделенные проблемы так или иначе связаны с досугом, поэтому мы можем говорить, что досуговые формы для пожилых людей важны и являются значимым аспектом их жизни в новом статусе.

Инновационная форма досуга «Креативный стартап» направлена, в том числе, на решение проблем, связанных с качеством досуговой активности.

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, что в настоящее время отсутствует единое определение креативности. Так, Э. Фромм понимал под креативностью «способность удивляться и познавать, находить решения в нестандартных ситуациях, это нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта» [См.: 3]. С.Л. Рубинштейн дает следующее определение креативности: то, что создает в деятельности «нечто новое, оригинальное, что притом входит не только в историю развития самого творца, но в историю развития науки, искусства и т.д.» [См.: 3].

Е.П.Ильин полагает, что «креативность (от лат. Creatio - созидание) – это способность человека порождать необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем решения» [4].

Понятие «стартап» у многих ассоциируется с интернет-проектами, однако, стартап представляет собой временную структуру, которая занимается поиском воспроизводимой, прибыльной, рентабельной бизнес-модели [5]. Применение стартапов не сводится к какой-либо определенной области рынка.

Мы предлагаем следующее определение понятия «креативный стартап»: необычная идея, которая потенциально может быть монетизирована.

Такая форма досуга, как креативный стартап, пользовалась бы спросом у пожилых людей. Этот вывод мы можем сделать на основе авторского исследования «Степень готовности пожилых людей заниматься креативными стартапами» (N=100), которое было проведено в Нижегородской области, из них 68% – женщины и 32% – мужчины в возрасте 60-75 лет. Данное исследование показало, что 56% опрошенных проявили заинтересованность в такой форме досуга и хотели бы узнать о ней больше. 49% респондентов хотели бы попробовать себя в таком виде деятельности.

Полученные данные авторского исследования показали, что большая часть опрошенных пожилых людей проявили к креативному стартапу интерес. Прежде всего, это, конечно, связано с возможностью иметь дополнительный доход, и реализации своих знаний и умений, и возможностью постоянного общения. Все это указывает на то, что данную форму досуга необходимо развивать и изучать. В дальнейшем потребуются более детальные исследования для успешного внедрения такой формы досуга для пожилых людей.

Список литературы

1. Древесина И. В. Досуг пожилого человека // Досуг. Журнал социальной работы. 2015. № 7. С. 28–31.
2. Источник ВЦИОМ. «Срок дожития» и другие перлы, или о старости в России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3277> (Дата обращения: 16.11.2020).
3. См.: Энциклопедия социальных практик поддержки пожилых людей в Российской Федерации / Е.И.Холостова, Г.И.Климантова. М.: Дашков и К, 2016. с.352 [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=532949> (Дата обращения: 15.11.2020).
4. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб: "Питер", 2009. С. 78–80.
5. Стив Бланк, Боб Дорф; Пер. с англ. М.: Альпина «Стартап: Настольная книга основателя». Паблицер 2013. 616 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БРАЧНОСТИ И РАЗВОДИМОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ) MODERN TRENDS OF MARRIAGE AND DIVORCE (FOR EXAMPLE, NIZHNY NOVGOROD REGION)

В.В. Тюлюнова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
V.V. Tulunova
Lobachevsky University

Приведён анализ основных показателей брачности и разводимости населения Нижегородской области. Описаны некоторые тенденции современного состояния института брака: снижение регистрируемой брачности, увеличение количества неполных семей, рост числа разводов.

The article presents the main indicators of marriage and divorce rates of the population of the Nizhny Novgorod region. It is described some trends of the institution of marriage: a decrease of registered marriage, an increase of the number of single-parent families, and an increase of the number of divorces.

Ключевые слова: брачность, разводимость, брак, развод, неполная семья, сожительство

Keywords: marriage rate, divorce rate, marriage, divorce, single-parent family, cohabitation.

Современная семья переживает, возможно, наиболее сложный период в своей истории. Не случайно исследователи оценивают современный этап в

развитии семьи как период глубокой трансформации. А.И. Антонов считает, что современная семья переживает серьезный кризис, появляются новые формы семьи, «осколки» старой семьи свидетельствуют о деградации и отмирании семьи вообще [1, с. 31]. По мнению А.Г. Вишневого, распространение планирования семьи и снижение рождаемости отозвались на многих сторонах жизни человека и общества, но прежде всего они повлияли на институт семьи и семейные отношения людей [2, с. 129].

Кризис семьи связывают с невыполнением семьей ее основных функций как института по рождению и воспитанию детей. А.А. Клёцин отмечает, что одним из аспектов исторической эволюции моногамии является изменение характера семейно-брачного регулирования части современных семей, становление альтернативных форм семейных отношений [3, с. 178].

Основные тенденции современной семьи определяются показателями демографической статистики. К данным тенденциям можно отнести снижение регистрируемой брачности, увеличение числа разводов, рост количества неполных семей, распространённость незарегистрированных сожительства.

В 2019 г. в Нижегородской области было зарегистрировано 19615 браков, а в 2010 г. – 26112 браков, т.е. за 10 лет число браков снизилось почти на четверть (табл.1). Более информативными показателями являются общие коэффициенты брачности и разводимости: число заключенных браков (разводов) за год на каждую тысячу человек населения. Соответственно, в относительных показателях зафиксировано значительное снижение уровня брачности: в 2010 году – 7,9 на тысячу человек населения области, в 2019 – 6,1 [4].

Т а б л и ц а 1

Динамика брачности и разводимости в Нижегородской области

Годы	Браки	Разводы	На 1000 населения	
			браки	разводы
2010	26112	15335	7,9	4,6
2011	28490	15587	8,6	4,7
2012	27038	14897	8,2	4,5
2013	26958	13236	8,2	4,0
2014	27157	15935	8,3	4,9
2015	25530	13385	7,8	4,1
2016	21562	13144	6,6	4,0
2017	22860	13593	7,1	4,2
2018	19615	12698	6,1	3,9
2019	19572	13592	6,1	4,2

Важно отметить, что процесс снижения может быть вызван не только уменьшением числа заключаемых браков, но и изменениями в половозрастной структуре населения. Например, в последние годы неблагоприятным является

сокращение числа женщин фертильного возраста и смещения первых родов к более позднему периоду. Кроме того на брачность населения влияет и миграция, которая может вызвать диспропорцию полов, а также социально-экономическое положение, возможно, люди вынуждены откладывать браки из-за низкого уровня жизни и часто заменяют их другими формами совместного проживания, как сожительство, гостевые браки.

Следует подчеркнуть, что около трети мужчин и женщин (31,9%), зарегистрировавших свои отношения в Нижегородской области, ранее состояли в другом браке и находились в статусе разведенных [4], то есть данные браки являются повторными. Это говорит о нестабильности современных браков и большом количестве числа разведённых.

Что касается показателей разводимости, то в абсолютных показателях отмечено снижение количества разводов в регионе, если в 2019 г. органами ЗАГС Нижегородской области было зарегистрировано 13592 развода, в 2010 их было 15335, но по сравнению с предыдущим годом число разводов увеличилось на 7,0 процента [4].

Уровень разводимости зависит от возраста вступающих в брак, некоторые молодые люди, не достигшие должной степени социальной зрелости, не имеют экономической самостоятельности, поэтому брачные союзы оказываются неустойчивыми.

Нельзя не согласиться, что распространение разводов отрицательно сказывается на рождаемости. Но тенденциями последних десятилетий в семейно-брачной сфере стало распространение альтернативных форм семейно-брачных отношений – нерегистрируемых сожительств и неполных семей. В Нижегородской области в 2019 г. вследствие разводов 10328 детей остались воспитываться в неполных семьях.

Следует подчеркнуть, что если раньше регистрация брака, как правило, предшествовала зачатию и рождению ребенка, то сейчас она часто следует за ними [5, с. 112]. В Нижегородской области на первый год совместной жизни в 2019 г. приходилось 23,4% рождённых детей, на второй год брака приходилось 12%, на третий – 9,9%. Далее, по мере увеличения числа совместно прожитых лет число рожденных детей сокращается (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Число брачных рождений по длительности брака
в Нижегородской области в 2019 г.**

Длительность брака, лет	0	1	2	3	4	5	6-10	11-15	16-20	21 и более
Число родившихся в зарегистрированном браке	5628	2886	2381	1966	1766	1599	5179	1975	553	95

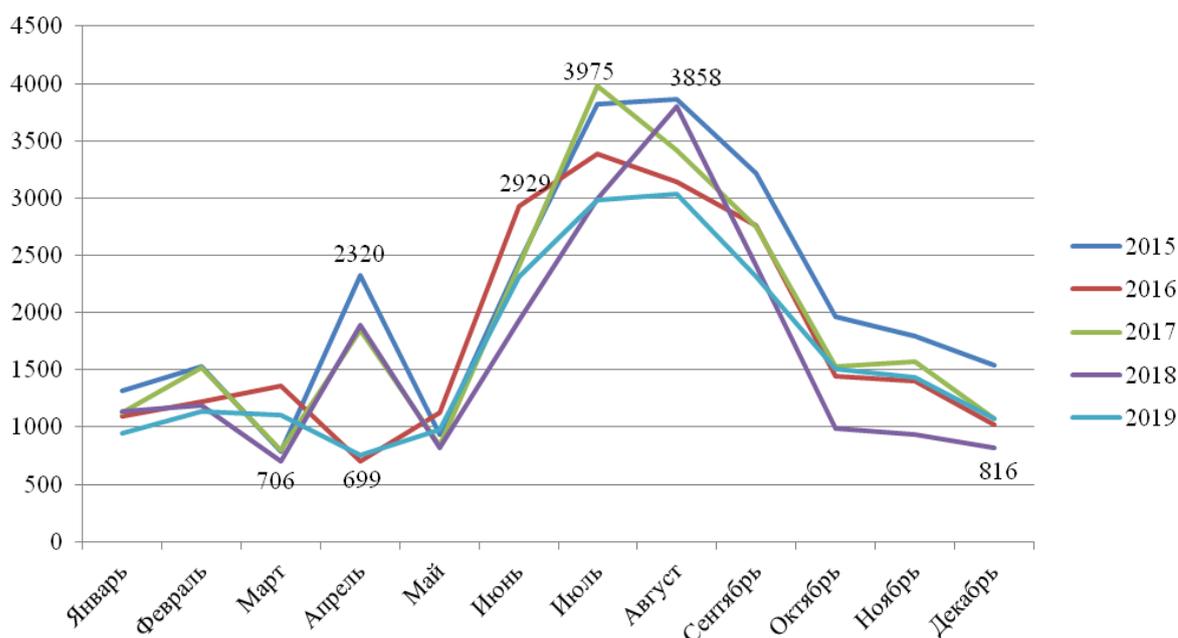

Рис. 1. Число браков по месяцам регистрации в Нижегородской области

При рассмотрении числа браков в Нижегородской области по месяцам регистрации можно заметить, что пиковые значения совпадают с летним периодом и началом осени (рис.1) [4]. В 2019 г. максимум был достигнут именно в августе (3035 браков). Следует отметить, что меньшее количество браков заключается в декабре и марте. А большие колебания числа регистраций брака в апреле объясняется переходящим характером Великого поста, который начинается в феврале и в марте. Так, например, в 2015 г. Великий пост начался 23 февраля и закончился 11 апреля, соответственно число браков значительно больше, чем в 2019 г., когда Великий пост как раз пришёлся на апрель (начался 11 марта, а закончился 27 апреля). Это говорит о том, что молодожёны соблюдают пост и стараются зарегистрировать брак согласно православному календарю, имея возможность обвенчаться в день регистрации брака.

Таким образом, основные тенденции изменения современного института брака оказывают негативное влияние на естественное воспроизводство населения. Даже несмотря на некоторую ориентацию молодых семей на традиционные ценности брака (отказ от регистрации брака в религиозный пост), уровень брачности снижается с каждым годом, супружеские союзы становятся всё более нестабильными, что свидетельствует о сохраняющемся кризисе института семьи. Важными демографическими последствиями нестабильности брака может быть снижение рождаемости и рост смертности населения, депопуляция и сокращение продолжительности жизни, что, безусловно, повлияет и на экономику (уменьшение численности трудовых ресурсов страны).

Список литературы

1. Антонов А.И. Судьба семьи в России XXI века / А.И. Антонов, С.А. Сорокин // М., 2000. 416 с.
2. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. 432 с.
3. Клецин А.А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи: формы и содержание // Санкт-Петербург. С. 166–179.
4. Браки и разводы URL: <https://nizhstat.gks.ru/folder/33271> (дата обращения: 20.09.2020).
5. Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Современная российская семья: основные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2008. №4. С. 106–118.

НИЖЕГОРОДСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО О СЕМЬЕ И РОДИТЕЛЬСТВЕ STUDENTS FROM NIZHNY NOVGOROD ABOUT FAMILY AND PARENTHOOD

А.Л. Янак, Д.Е. Ивашечкина, Е.С. Рябинская
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.L. Ianak, D.E. Ivashechkina, E.S. Ryabinskaya
Lobachevsky University

Представлены некоторые результаты пилотажного исследования, проведенного сотрудниками кафедры общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2020 г. (N=362) с целью выявления представлений студенческой молодежи о семье и семейных отношениях.

Some results of the pilot research conducted by the staff of the Department of General Sociology and Social Work of the Faculty of Social Sciences of Lobachevsky University in 2020 (N=362) with the aim of revealing students' ideas about family and family relations are presented.

Ключевые слова: семья, создание семьи, регистрация брака, традиционная модель семьи, эгалитарная модель семьи, семейные отношения, многодетная семья, студенты.

Keywords: family, family creation, marriage registration, traditional family model, egalitarian family model, family relations, family with many children, students.

Введение

Исследование «Представления студентов о семье» было проведено по инициативе семейного центра «Лада» под руководством заведующего кафедрой общей социологии и социальной работы С.А. Судьина и доцента кафедры

общей социологии и социальной работы Н.Ю. Егоровой в феврале – августе 2020 г. методом анкетного опроса. Объект исследования – студенты 1-4 курсов бакалавриата и 1-2 курсов магистратуры общественных/ гуманитарных и естественных/ технических специальностей очной и заочной форм обучения ННГУ им. Н.И. Лобачевского (N=362). Цель исследования – выявить представления студенческой молодежи о семье и семейных отношениях. Доля девушек среди опрошенных составила 70%, юношей – 30%. В момент опроса большинство учащихся (50,3%) были не женаты/ не замужем, 33,1% – имели постоянного партнера, но совместно с ним не проживали, 10,8% – состояли в неофициальном союзе (сожительстве), 5,8% – состояли в зарегистрированном браке.

Результаты

Исходя из гипотезы исследования о существовании двух независимых латентных факторов – ориентации на традиционную и эгалитарную модели семьи, был проведен факторный анализ суждений, с разных сторон характеризующих данные модели. Для оценки качества построенной факторной модели использовались критерий адекватности выборки КМО ($>0,5$) и критерий сферичности Бартлетта ($<0,05$), проверяющий гипотезу о том, что переменные, участвующие в факторном анализе, не коррелируют между собой. Объясняющая способность модели – 38%. Для социологических исследований данная модель считается пригодной для анализа.

Было выделено 2 группы факторов, характеризующих модели семьи. Согласно фактору (1), определяющему традиционную модель, семья должна основываться на браке – зарегистрированном, пожизненном союзе мужчины и женщины. Не менее важным субинститутом семьи является родительство, поэтому традиционную модель описывают следующие суждения, касающиеся семейно-детного образа жизни: «семья не может быть счастливой без детей», «у женщины и мужчины должен быть хотя бы один ребенок», «в семье должно быть много детей». Факторная нагрузка второго суждения выше. Это позволяет сделать вывод, что сегодня понятие традиционной семьи меняется и не обязательно характеризуется многодетностью, однако наличие детей по-прежнему остается важнейшим условием существования данной модели семейных отношений. Создание семьи важнее для женщины, чем для мужчины, при этом во главе семьи должен стоять именно мужчина. Уход и забота о ребенке является первоочередной задачей матери, поэтому выход на работу до достижения ребенком 3-летнего возраста может негативно сказаться на нем. Неполная семья, неучастие мужчины в жизни ребенка тоже могут негативно сказаться на его развитии. Традиционная модель семьи подчеркивает взаимосвязь брачности и сексуальности, что подтверждается суждением

«первым сексуальным партнером женщины должен быть муж». Отмечается гендерное неравенство в интимной сфере: «инициатором сексуальных отношений должен быть мужчина», «задача женщины в постели – угодить мужчине».

Фактор (2), определяющий эгалитарную модель, ориентирован на равное участие обоих партнеров в семейной и общественной жизни. Мужчина, как и женщина, должен участвовать в работе по дому. Нет ничего зазорного, если он берет на себя большую часть домашних обязанностей. Мужчина должен активно включаться в воспитание ребенка и уход за ним. Партнеры в равной мере ответственны за материальное благополучие семьи. Допустимо, если женщина зарабатывает больше мужчины. Карьера, как и семья, важна для обоих. В данном факторе делается акцент на межличностных отношениях, что выражается в следующих суждениях: «над отношениями в семье должны работать оба партнера», «муж не может ударить жену, даже если она этого заслужила», «физическое наказание детей недопустимо даже для поддержания дисциплины».

Полученные факторные значения были ранжированы по степени выраженности каждого фактора на четыре группы, где 1 – выраженность фактора отсутствует, 2 – слабая выраженность, 3 – сильная выраженность, 4 – очень сильная выраженность. Самые высокие показатели по шкале «традиционность» демонстрируют юноши (2,7 балла), а по шкале «эгалитарность» – девушки (2,7 балла).

В целом, студенты стремятся к трактовке семьи как «договорного союза» [1], основанного на взаимной привязанности, обязательными составляющими которого являются уважение (84%), любовь (79,6%), взаимная ответственность (78,7%), совместное проживание партнеров/ супругов (55%), общность интересов (47,8%), сексуальные отношения (41,2%), регистрация брака (38,1%). Среди желательных компонентов были названы наличие общего бюджета и имущества (46,4%), детей (42,3%) и обоих родителей (38,4%). Факультативным условием считается венчание брака (в соответствии с вероисповеданием) – 61,9% (табл. 1).

Несмотря на тенденцию дифференциации субинституты брака, родительства, родства [2-8], широкого распространения и популяризации добрачных и внебрачных партнерских отношений (сожителств) [9], 37,8% опрошенных считают именно официальную регистрацию брака моментом создания семьи, на втором месте (26,5%) – начало совместного проживания, на третьем (20,7%) – устная договоренность пары (рис. 1).

Отношения можно считать семьей, если есть..., %

	Обязательно	Желательно	Не обязательно
...уважение	84,0	6,1	9,9
...любовь	79,6	11,3	9,1
...ответственность	78,7	11,1	10,2
...совместное проживание партнеров	55,0	32,9	12,1
...общие интересы	47,8	41,7	10,5
...сексуальные отношения	41,2	34,2	24,6
...регистрация брака	38,1	36,5	25,4
...оба родителя (при наличии детей)	34,0	38,4	27,6
...общий бюджет	32,9	46,4	20,7
...общее имущество	28,7	46,4	24,9
...дети	23,2	42,3	34,5
...венчание брака	18,5	19,6	61,9

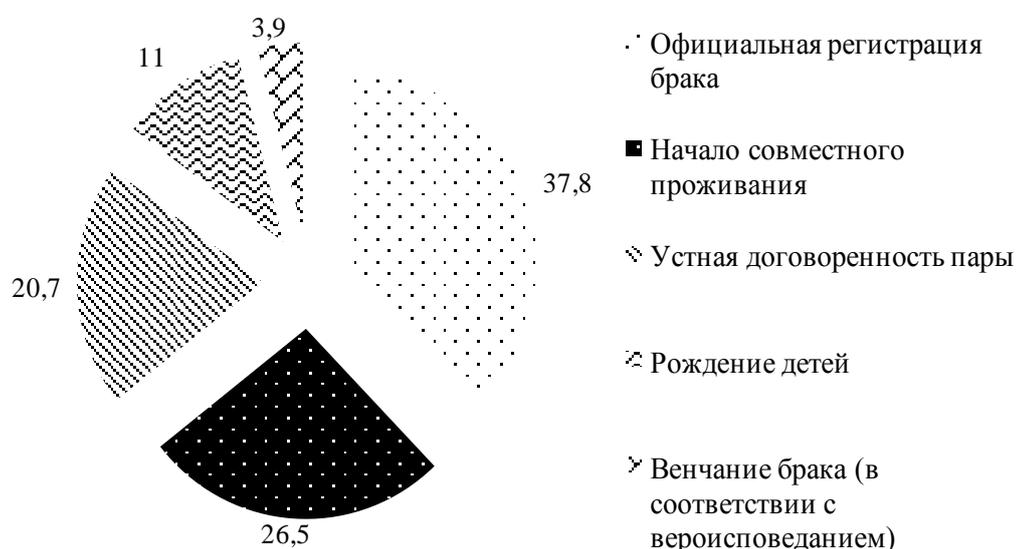

Рис. 1. Момент создания семьи, %

При этом главным условием создания семьи 84,3% студентов назвали наличие сильного чувства. Немаловажными факторами считаются наличие стабильного дохода, хотя бы у одного из партнеров (51,4%), и наличие у пары собственного жилья (49,4%). Следует обратить внимание на значительное снижение ценности мнения родителей и окружения при выборе (брачного) партнера, отмирание института сватовства [10] – среди всех потенциально значимых условий создания семьи указанное имеет самый низкий рейтинг (рис. 2).

Рис. 2. Условия для создания семьи, %

Еще одним важным критерием создания семьи является стаж партнерских отношений, являющийся показателем стабильности. По мнению студентов, 1-3 года достаточно, чтобы узнать партнера/ партнершу и принять решение о создании с ней/ ним семьи (46,7%) (рис. 3). При этом подчеркивается необходимость так называемого «пробного брака», т.е. добрачного сожительства, способствующего бытовой «притирке» и позволяющего окончательно определиться, утвердиться в своем выборе, достичь взаимной уверенности (по мнению 81,2% опрошенных).

Ключевые причины отказа партнеров от регистрации отношений можно типологизировать по следующим критериям:

1) отсутствие брачной мотивации: нежелание брать на себя ответственность/ обязательства (58%) и терять свободу (55,5%), сомнение в чувствах и готовности к браку своих (39%) или партнера/ партнерши (27,9%), в том числе в ситуациях, когда один из партнеров не хочет себя связывать данными узами, а второй вынужден смириться (39,5%), или сожитель/ сожительница интересуется исключительно как временный сексуальный, но не брачный партнер (43,6%), негативный опыт предыдущих отношений/ брака (30,7%);

2) нивелирование ценности брака: «если есть чувства, то штамп в паспорте не обязателен» (43,6%), «штамп в паспорте губит чувства людей» (8%);

3) статусные причины: материальная несостоятельность (45,6%), отсутствие одобрения родителей (9,9%), различия в социальных/ материальных статусах партнеров (5,2%).

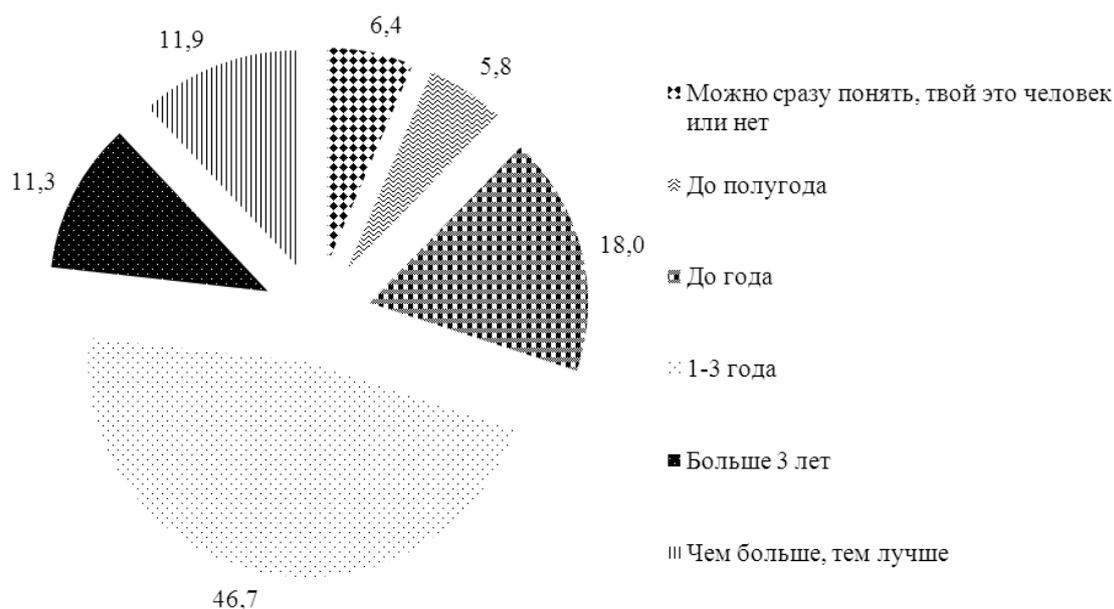

Рис. 3. Сколько нужно времени, чтобы достаточно узнать партнера и принять решение о создании семьи?, %

Наблюдаются гендерные различия в представлениях относительно наиболее подходящего возраста вступления в брак/ создания семьи: для женщин он колеблется в интервале 21-24 лет (54,4%), для мужчин – 25-29 лет (63,8%). Подобные ориентации соответствуют современному тренду в развитии семьи – откладываемое/ отложенное супружество и родительство, предполагающее четкое планирование и этапизацию жизненных сценариев от получения образования, карьерного дебюта, достижения стабильного дохода, приобретения отдельного жилья в собственность (см. рис. 2) до заключения брачного союза и рождения детей [11].

Юноши демонстрируют более лояльный взгляд на предпочтительный брачный возраст женщин: 43,9% считают таковым возраст от 25 лет и старше (против 41,2% в оценках девушек).

Студенческое сообщество, в целом, лояльно относится к различным формам семьи, брака, интимных отношений и родительства (практикуя часть из них* или считая их абсолютно допустимыми), в частности, к усыновлению детей и приемному родительству (58%), сожительству без детей (53%) и с детьми (40,1%), добрачным сексуальным связям мужчин (48,9%) и женщин (43,6%), использованию средств контрацепции (69,9%), использованию

* Так, доля студентов, состоящих в сожительстве, составляет 10,8%, в партнерских отношениях (без совместного проживания) – 33,1%, из них 46,6% собираются съехаться в течение следующего года, и лишь 10,1% от числа всех респондентов, не состоящих в официальном браке, намереваются зафиксировать свои отношения в течение ближайших 12 месяцев.

репродуктивных технологий ЭКО, суррогатному материнству (44,2%), позднему материнству (после 35 лет) (38,7%).

Неоднородные оценки получили такие явления, как разводы, аборты и осознанное материнское монородительство (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Как Вы относитесь к следующим явлениям?, %

	Абсолютно не допустимо	Скорее не допустимо	И да, и нет, затрудняюсь ответить	Скорее допустимо	Абсолютно допустимо
Разводам	18	15,7	24,9	18,8	22,6
Абортам	27,3	14,1	17,1	16,9	24,6
Рождению ребенка женщиной вне брака (одинокое материнство)	11	15,7	28,7	20,2	24,3

К многодетным семьям студенчество тоже демонстрирует неоднозначное отношение. С одной стороны, подчеркиваются отрицательные свойства многодетности: она представляет собой фактор риска бедности (45,3%), подчеркивается ее иждивенческий характер, зависимость от государственной поддержки, пособий (24,3%), кроме того, она может ограничивать свободу родителей (26%) и в особенности исключить/ существенно снизить карьерные возможности, самореализацию женщин-матерей (23,8%). Отмечается, что в многодетных семьях дети получают меньше внимания, подарков и заботы родителей, чем дети из малодетных семей (18,5%), повышается угроза внутрисемейной напряженности и конфликтности (18%). С другой – именно в многодетных семьях дети менее избалованы и более самостоятельны, чем дети из малодетных семей (56,4%), в целом в таких семьях склонны поддерживать друг друга, в них нет места эгоизму (40,6%). Помимо этого, 18,5% респондентов считают, что многодетные семьи пользуются уважением в обществе. Тезис о безответственности многодетного родительства поддержали лишь 5,5% студентов.

Резко негативно учащиеся отзываются о супружеских изменах мужчин (81,8%) и женщин (85,6%), гомосексуальных связях (40,6%).

Заключение

В ходе исследования были определены и описаны две модели семьи: традиционная и эгалитарная. Анализ данных выявил более традиционные ориентации юношей и более эгалитарные установки девушек, свидетельствующие о разных этапах демократизации семейных отношений и потенциальных конфликтах поло-ролевого взаимодействия. Подчеркивается важность эмоциональных составляющих семьи, таких как взаимное уважение, любовь и ответственность. Отмечается рациональный подход студентов к

созданию семьи, отражающийся в наличии определенных условий, таких как продолжительность отношений, стабильный доход и собственное жилье, что, в свою очередь, ведет к созданию «пробных браков», откладыванию регистрации брака и рождения детей. При этом, по мнению молодых людей, именно регистрация брака является моментом создания семьи. Демонстрируется лояльное отношение студентов к различным формам семьи, брака, интимных отношений и родительства, за исключением супружеских измен и гомосексуальных связей.

Список литературы

1. Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 106-119.
2. Безрукова О.Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 85-97.
3. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.
4. Дементьева И.Ф. Супружество и родительство: парадигма изменений семьи в условиях реформ // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 61-65.
5. Савинов Л.И. Социология родительства // Вестник Мордовского университета. 2007. Т. 17. № 2. С. 119-127.
6. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 118-123.
7. Судьин С.А., Кутявина Е.Е., Курамшев А.В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 56-71.
8. Янак А.Л. Трансформация родительства и отцовства в обществе постмодерна // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 118-126.
9. Егорова Н.Ю., Шорыгин Е.А. Партнерство, семья и родительство в нарративах незарегистрированных пар // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 2. С. 239-254.
10. Голод С.И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3-4. С. 99-108.
11. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. С. 19-43.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ТОМ 2

СЕКЦИЯ 4

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Алексеева Галина Гаврильевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта, с. Чурапча, Республика Саха (Якутия), Россия

Бочаров Владислав Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва, г. Самара, Россия; Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Бурганова Лариса Агдасовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления, истории, социологии Казанского национального исследовательского технологического университета, г. Казань, Россия

Былинская Алла Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и методологии Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Вандышева Людмила Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва, г. Самара, Россия

Волохова Наталья Владимировна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Россия

Гапонова Надежда Сергеевна – методист отдела сопровождения учебного процесса в бакалавриате по направлению «Менеджмент» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

Гапонова Ольга Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента факультета менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

Доброхлеб Валентина Григорьевна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Исакова Инна Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Кондратьева Елизавета Валентиновна – студент факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Кукушкина Ольга Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия

Махрова Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, ученый секретарь Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Местникова Акулина Егоровна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социокультурных инноваций и технологии Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта, с. Чурапча, Республика Саха (Якутия), Россия

Митрофанова Светлана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва; Самарский государственный технический университет г. Самара, Россия

Обозная Мария Владимировна – магистрант кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Россия

Огурцова Альбина Юрьевна – магистрант Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Россия

Певная Мария Владимировна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Подгорный Борис Борисович – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Россия

Ромашова Ирина Борисовна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры психологии управления факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Тихоненкова Светлана Юрьевна – студентка факультета государственного и муниципального управления Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Россия

Федорова Мария Сергеевна – кандидат архитектуры, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Хаджаев Хабибулла Сагдуллаевич – старший преподаватель Ташкентского финансового института, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Ходырева Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, доцент, проректор по качеству образования Университета Иннополис, г. Иннополис, Россия

Шамал Сидик Мохаммед – магистрант факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, Ирак

Юрьева Оксана Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия

Явловская Прасковья Егоровна – старший преподаватель кафедры социокультурных инноваций и технологии Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта, с. Чурапча, Республика Саха (Якутия), Россия

СЕКЦИЯ 5 НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СИСТЕМЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И РЫНКА ТРУДА

Артамонова Виктория Владимировна – старший преподаватель кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Башук Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры психологии управления факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Васильева Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Власкин Виктор Юрьевич – кандидат социологических наук, инструктор по военно-политической подготовке и информированию Войсковой части МО РФ, г. Нижний Новгород, Россия

Воронин Геннадий Леонидович – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Габдеджи Захра – аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, Иран

Гинсбург Мария Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и социальной работы Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Казань, Россия

Голенкова Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социального расслоения и социальной структуры Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Голиусова Юлия Вячеславовна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Дятлова Елена Николаевна – аспирант кафедры теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

Ермилова Анна Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Захарова Людмила Николаевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии управления факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Зиннатуллина Инзиля Ильясовна – студентка факультета социальной работы и высшего сестринского образования Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Казань, Россия

Калинина Майя Александровна – студентка факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Каримова Людмила Федоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия

Касаткина Наталья Петровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, г. Саранск, Россия

Киселев Игорь Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Крамер Анастасия Дмитриевна – магистрант факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Кузнецова Татьяна Анатольевна – магистрант Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Леонова Ирина Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Лисина Валерия Сергеевна – студентка факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Маслова Татьяна Евгеньевна – преподаватель кафедры мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Медведева Алена Олеговна – магистрант Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Михайлова Анна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом Финансово-экономического института

Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Москалевич Галина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Минского инновационного университета, г. Минск, Республика Беларусь

Мотькин Роман Владиславович – аспирант кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Неустроева Аиза Борисовна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Академия наук Республики Саха (Якутия), Институт психологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Нуртдинов Илгиз Ирекович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и социальной работы Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Казань, Россия

Овчинникова Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Орлов Александр Владимирович – кандидат биологических наук, доцент кафедры психофизиологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Орлова Ольга Михайловна – преподаватель кафедры психологии управления факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Осипова Мария Егоровна – выпускник аспирантуры по направлению Социологические науки кафедры социологии и управления персоналом финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Попель Александр Александрович – кандидат психологических наук, доцент Самарского государственного университета путей сообщения; доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Прохорова Мария Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии управления факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Резанова Екатерина Владимировна – кандидат социологических наук, ведущий специалист по обеспечению основной деятельности отдела социологических исследований Белорусского института стратегических исследований, г. Минск, Республика Беларусь

Рушева Анна Витальевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Савичева Анастасия Вячеславовна – аспирант кафедры психологии управления факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Сайгина Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Седлецкий Александр Викторович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия

Смирнова Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Сорокина Ксения Александровна – студентка факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Удалов Олег Федорович – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Хозеева Виктория Сергеевна – студентка Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Холмунинов Ақтам Холмунович – ассистент Ташкентского финансового института, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Черешова Светлана Васильевна – аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Чжу Лиучуан – магистр психологии, ведущий специалист по импорту и экспорту Иу Жунью, Китайская Народная Республика

Шермухамедов Бехзоджон Усмонович – старший преподаватель Ташкентского финансового института, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Шубат Оксана Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Шумкова Наталья Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Шутова Наталья Викторовна – аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

СЕКЦИЯ 6

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ЗДОРОВЬЯ

Ананьин Сергей Александрович – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры социальной медицины и организации здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия

Баранова Анастасия Александровна – аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Богомолова Елена Сергеевна – доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой гигиены Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Буйлова Татьяна Валентиновна – доктор медицинских наук, доцент, директор Института реабилитации и здоровья человека Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Воронков Кирилл Ильич – преподаватель, младший научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Голубцова Ольга Александровна – магистрант Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия

Димитричева Ольга Ивановна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований»; доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и туризма Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Дуванская Мария Константиновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, Россия

Елисеева Софья Юрьевна – аспирант, ассистент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия

Ефанова Ольга Алексеевна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Заяев Артур Рустемович – кандидат социологических наук, ассистент кафедры истории, философии и социологии Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Казань, Россия

Зверев Юрий Павлович – кандидат медицинских наук, доцент, доцент Института реабилитации и здоровья человека Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Зернов Дмитрий Васильевич – кандидат политических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального

исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Иосько Наталья Валерьевна – ассистент кафедры адаптивной физической культуры Института реабилитации и здоровья человека Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Кислицына Оксана Анатольевна – уполномоченный по правам человека в Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Россия

Кобзан Ольга Вячеславовна – начальник 2 отдела УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Россия

Коровина Евгения Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, маркетинга и коммуникации Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

Кутявина Елена Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Лаххайн Барбара – председатель Правления Общества германо-российских встреч, преподаватель Университета Дуйсбург-Эссен, г. Эссен, Германия

Левашов Виктор Константинович – доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Ловцова Наталия Игоревна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе Института естествознания и спортивных технологий, профессор кафедры физического воспитания и безопасности жизнедеятельности Московского городского педагогического университета, г. Москва

Макарова Татьяна Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, декан социально-педагогического факультета Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта, с. Чурапча, Республика Саха (Якутия), Россия

Максименко Екатерина Олеговна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры гигиены Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Матвеева Алена Евгеньевна – студентка факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Матвеева Нина Александровна – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры гигиены Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Новоженина Ольга Петровна – старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Новоселова Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Оринчук Алла Николаевна – учитель физической культуры высшей квалификационной категории МБОУ «Школа № 89», г. Нижний Новгород, Россия

Оринчук Анатолий Вячеславович – студент Института реабилитации и здоровья человека Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Писклакова-Паркер Марина Петровна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Потапов Антон Андреевич – студент 6 курса лечебного факультета Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия

Потапова (Чеснокова) Дарья Андреевна – студентка 6 курса лечебного факультета Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия

Прохорова Марина Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, маркетинга и коммуникации Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

Северова Евгения Александровна – ассистент кафедры физической и реабилитационной медицины Института реабилитации и здоровья человека Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Скобелева Екатерина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, маркетинга и коммуникации Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

Стратулат Алена Алексеевна – магистрант Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, Россия

Стручкова Христина Иннокентьевна – инструктор по физической культуре Саккырырского детского сада «Хаарчаана», п. Батагай-Алыта Эвено-Бытантайского улуса, Республика Саха (Якутия), Россия

Телепаева Дарья Фёдоровна – ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Тихомиров Сергей Михайлович – экспертно-правовой центр «Куаттро», г. Санкт-Петербург, Россия

Ушкин Сергей Геннадьевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, г. Саранск, Россия

Фадеева Ирина Михайловна – доктор социологических наук, директор Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, профессор кафедры

социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Хаддат Эльхади – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, адвокат, г. Батна, Алжир

Цветкова Елена Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, маркетинга и коммуникации Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

Чернова Анастасия Павловна – младший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Шаммазова Екатерина Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социологии Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Казань, Россия

Шушпанова Ирина Сергеевна – научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

СЕКЦИЯ 7

ТРАНСФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Афзали Мехди – аспирант, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Россия, Иран

Афлетонова Алина Маратовна – студентка факультета социальной работы и высшего сестринского образования Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Казань, Россия

Бистяйкина Динара Асымовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Бодрова Ольга Александровна – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Боссонг Хорст – профессор факультета образовательных наук Университета Дуйсбург-Эссен, г. Эссен, Германия

Варызгина Алла Александровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Веселова Полина Викторовна – реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями Городецкого района, г. Городец, Россия

Гатауллина Ильмира Илфатовна – студентка факультета социальной работы и высшего сестринского образования Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Казань, Россия

Герасина Анна Александровна – студентка Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Гранберг Лео – почетный профессор, факультет гуманитарных наук Александровского института университета Хельсинки, г. Хельсинки, Финляндия

Григорьева Ирина Андреевна – доктор социологических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия

Касымов Осим Касимович – стажер, научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Худжандский государственный университет им. Б. Гафурова, г. Худжанд, Таджикистан

Климова Светлана Владимировна – доктор социологических наук, профессор, преподаватель Саратовского областного базового медицинского колледжа, г. Саратов, Россия

Максимова Маргарита Николаевна – доктор экономических наук, профессор, декан факультета социальной работы, заведующая кафедрой экономической теории и социальной работы Казанского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Казань, Россия

Мигунова Арина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Панькова Елена Геннадьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Парфенова Оксана Анатольевна – старший научный сотрудник Социологического института Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Петрова Ирина Эдуардовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Рябова Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Федерального центра образовательного законодательства, г. Москва, Россия; доцент кафедры социальной работы (совместитель) Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Рязанцев Сергей Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Сафронова Дарья Алексеевна – бакалавр кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Соловьева Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Соловьева Татьяна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Сэтре Анна-Мария – директор по научной деятельности Институт российских и евроазиатских исследований Университета Упсалы, г. Уппсала, Швеция

Фруль Светлана Геннадьевна – магистрант кафедры теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

Хазан Мария Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Храмова Марина Николаевна – кандидат физико-математических наук, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Шангин Никита Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия

Щерова Наталья Сергеевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

СЕКЦИЯ 8

МОЛОДЕЖЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Батеева Анастасия Андреевна – магистрант Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Бегина Ирина Александровна – кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии регионов социологического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Безруков Антон Витальевич – ассистент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия

Вишневский Юрий Рудольфович – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления

Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Гладкова Инна Александровна – старший преподаватель кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия

Иванов Олег Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Ивченков Сергей Григорьевич – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Иудин Александр Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Канаева Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Карпов Владислав Алексеевич – магистрант Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва, г. Самара Россия

Карулина Анастасия Алексеевна – студентка Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Корж Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Медведева Алена Олеговна – магистрант Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Немова Ольга Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры продюсерства и музыкального образования факультета дизайна, изящных искусств и медиа-технологий Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Россия

Новожилова Ольга Алексеевна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Певная Мария Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Привалов Игорь Васильевич – старший преподаватель факультета менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», преподаватель факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Прохода Владимир Анатольевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

доцент департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации г. Москва, Россия

Процив Диана Андреевна – студентка кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Соболева Анна Владиславовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Телепаева Дарья Фёдоровна – ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Устинкин Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, экономики и управления, заведующий кафедрой международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, директор Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Нижний Новгород, Россия

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Шалютина Надежда Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шинкаренко Елена Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шумкова Наталья Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Щанина Екатерина Владимировна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия

Южакова Анастасия Ильинична – ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

СЕКЦИЯ 9

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Аксенова Юлия Юрьевна – студентка юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Владимиров Вадим Валерьевич – кандидат психологических наук, доцент института развития конкуренции и антимонопольного регулирования, руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу, г. Санкт-Петербург, Россия

Голубин Роман Викторович – кандидат исторических наук, декан факультета социальных наук, заведующий кафедрой социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Зеленев Илья Александрович – научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Когаловская Анна Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Коротеев Вадим Дмитриевич – студент юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Кострова Юлия Андреевна – старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

Моисеева Евгения Михайловна – младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Нериновская Марина Рудольфовна – руководитель пресс-службы Управления Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу, г. Санкт-Петербург, Россия

Рогачев Дмитрий Юрьевич – ассистент кафедры мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Романовская Вера Борисовна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Романовская Любава Ростиславовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Сайфуллина Ксения Петровна – студентка юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Софронова Юлия Львовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Стегний Василий Николаевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, Россия

Тарханова Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия

Толкунов Владислав Александрович – старший преподаватель кафедры теоретической экономики и экономической безопасности Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Уваров Игорь Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия

Фролова Анна Александровна – соискатель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шпилев Дмитрий Анатольевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

АСПИРАНТСКАЯ ШКОЛА «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

Данилов Дмитрий Александрович – магистрант кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Данилова Любовь Сергеевна – старший преподаватель кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики, г. Нижний Новгород, Россия

Жукова Оксана Геннадьевна – аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ивашечкина Дарья Евгеньевна – аспирантка, социолог кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Кузнецова Наталия Михайловна – преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Лакомова Анастасия Александровна – аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, социальный педагог МАОУ «Лицей № 28 имени академика Б.А. Королева», г. Нижний Новгород, Россия

Малинин Михаил Владимирович – магистрант кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Павлова Евгения Евгеньевна – магистрантка кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Рябинская Елена Сергеевна – аспирантка, социолог кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ситникова Ирина Викторовна – преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ставоровская Юлия Григорьевна – магистрантка кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Тюлюнова Валерия Владимировна – аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Янак Алина Леонидовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

«СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

Материалы международной
научно-практической конференции

г. Нижний Новгород, 19–20 ноября 2020 г.

Том 2

(секция 4, секция 5, секция 6, секция 7, секция 8, секция 9, аспирантская школа
«Социально-политические процессы в условиях глобализации»)

Составитель и научный редактор: З.Х. Саралиева

Компьютерная верстка: Д.Е. Ивашечкина, Е.С. Рябинская

Подписано в печать 16.12.2020.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 39,17. Зак. № 421. Тираж 500 экз.

Издательство НИСОЦ

г. Н. Новгород, Казанское ш., д.10/1, к.6

Отпечатано в типографии

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37